
МОШКА В ЗЕНИЦЕ ГОСПОДНЕЙ
ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
ПУРИЙ ПУРИЙ

Мошка в зенице Господней

Ларри Нивен, Джерри Пурнель

Аннотация
Ларри Нивен, Джерри Пурнель. Мошка в зенице Господней
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗОНД БЕЗУМНОГО ЭДДИ
ПРИКАЗ, 3017 г. н.э.
ПАССАЖИРЫ
ЗВАНЫЙ ОБЕД
СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ
ЛИЦО БОГА
СОЛНЕЧНЫЙ ПАРУС
ЗОНД БЕЗУМНОГО ЭДДИ
ЧУЖАК
ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ
УБИЙЦА ПЛАНЕТ
ЦЕРКОВЬ ЕГО ИМЕНИ
СПУСК В АД
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТОЧКА БЕЗУМНОГО ЭДДИ
ВЗГЛЯД ВОКРУГ СЕБЯ
ИНЖЕНЕР
РАБОТА
УЧЕНЫЙ-ИДИОТ
ВЫСЕЛЕНИЕ МИСТЕРА КРОУФОРДА

КАМЕННЫЙ УЛЕЙ
ВТОРОЙ ПО ПОПУЛЯРНОСТИ КАНАЛ
НОЧНАЯ ВАХТА
ПОСЛЫ
СЛОВЕСНЫЕ ИГРЫ
ЭЛИЗА, ПЕРЕСЕКАЮЩАЯ ЛЬДЫ
ДОМОВЫЕ
МОШКИТА КАПИТАНА
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВСТРЕЧА БЕЗУМНОГО ЭДДИ
МОШКА-1
ЭКСКУРСИЯ
KAFFEE KLATSCH
ЧАСОВЩИКИ
КОШМАР
ПОРАЖЕНИЕ
ПАДЕНИЕ НА ПЛАНЕТУ
ПРАВОНАРУШИТЕЛИ
БЕГИ, КРОЛИК, БЕГИ
РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ
УРОК ИСТОРИИ
ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. РЕШЕНИЕ БЕЗУМНОГО ЭДДИ
ОТСТУПЛЕНИЕ
ПРОЩАНИЕ
ПОДАРЕННЫЙ КОРАБЛЬ
МЕШОК БИТОГО СТЕКЛА

ЖАЛОБА ТОРГОВЦА
ВОЕННЫЙ СОВЕТ
ПРЫЖОК БЕЗУМНОГО ЭДДИ
ЛИЧНО И СРОЧНО
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ
ШТАТСКИЙ
ПАРАД
ИСКУССТВО ПЕРЕГОВОРОВ
КОГДА БАЛ ЗАКОНЧИЛСЯ
ПРАВО ВЫБОРА
ДЖИНЫ
ИЗ БУТЫЛКИ
КОЗЫРНАЯ КАРТА РЕННЕРА
ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА
МАСТЕРСТВО ИЗМЕНЫ
А МОЖЕТ, ЛОШАДЬ ЗАПОЕТ
ЭПИЛОГ

Аннотация

Впервые за долгие века люди встретились наконец с «братьями по разуму» – гуманоидными обитателями далекой звездной системы. Однако теперь перед землянами встали новые проблемы...

ЧТО ДЕЛАТЬ с цивилизацией, агрессивной уже в самой своей основе, самим фактом своего существования угрожающей существованию человечества?

Уничтожить потенциального врага – или вести с ним переговоры?

Надеяться на лучшее – или готовиться к худшему?

От решения зависят судьбы не одной, а ДВУХ рас...

Ларри Нивен, Джерри Пурнель
Мошка в зенице Господней

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗОНД БЕЗУМНОГО ЭДДИ

ПРИКАЗ, 3017 г. н.э.

— Адмирал приветствует вас и приглашает прибыть в его офис немедленно, — объявил гардемарин Стели.

Командор Родерик Блейн оглядел мостик, где его офицеры изредка переговаривались, напоминая хирургов, ассистирующих в различных операциях. Серый стальной отсек был полон беспорядочной деятельности; каждый был занят, но общее впечатление было одно: хаос. Экраны над пультом управления показывали планету внизу и другие корабли, расположенные на орбите рядом с «Мак-Артуром», но повсюду панели были сняты с консолей, измерительные инструменты торчали в их внутренностях, и техники, следя за разноцветными сигналами электронных сборщиков, заменяли все, что казалось сомнительным. Откуда-то с кормы корабля, где инженерная команда занималась корпусом, доносились глухие удары и завывания.

Повсюду виднелись следы сражения: безобразные ожоги в тех местах, где корабельное защитное Поле Лэнгстона на мгновение оказалось перегруженным. Дыра неправильной

формы размером с кулак была выжжена в одной из консолей, и сейчас двое техников копались в паутине проводов. Род Блейн взглянул на черные пятна, покрывающие его боевые доспехи. Слабый запах испарившегося металла и горелого мяса все еще был в его ноздрях и в мозгу, он снова увидел огонь, и расплавленный металл выплеснулся из корпуса и потек по его левому боку. Его левая рука до сих пор висела на груди на эластичной повязке.

А ведь я всего час на борту, — подумал он. — Капитан на берегу, и весь этот беспорядок… Я не могу уйти сейчас. — Он повернулся к гарде-марину.

— Прямо сейчас?

— Да, сэр. Сигнал совершенно ясен.

Что ж, ничего не поделаешь, и Роду придется пережить головомойку, которую устроит ему капитан, когда вернется. Первый лейтенант Каргилл и инженер Синклер — люди компетентные, но он же инженер-администратор, и контроль повреждений — его обязанность, даже если его не было на борту, когда «Мак-Артур» получил большинство из них.

Ординарец Рода осторожно кашлянул и указал на запятнанную форму.

— Сэр, у вас есть время, чтобы надеть что-то более приличное?

— Хорошая мысль, — Род взглянул на состояние борта, чтобы быть уверенным. Да, у него есть полчаса до того, как он сможет спуститься на поверхность планеты. Более ранний выезд все равно не позволит ему добраться до адмирала скорее. Но ему понадобится помощь, чтобы снять свою одежду. Сам он не раздевался с тех пор, как был ранен.

Пришлось послать за помощником хирурга, чтобы раздеть его. Медик разрезал ножницами ткань, приставшую к его левой руке, и буркнул:

— Держите неподвижно, сэр. Эту руку хорошо поджарило, — в голосе его звучала укоризна. — Нужно было обратиться в лазарет еще неделю назад.

— Вряд ли это было возможно, — ответил Род.

Неделю назад «Мак-Артур» вел бой с мятежным военным кораблем, который нанес ему множество ударов перед тем как капитулировать. После победы Род возглавил призовую команду на вражеском судне, и у него не было возможности заниматься собственным лечением. Когда доспехи убрали, он почувствовал запах чего-то более худшего, чем недельных пота и грязи. Возможно,

это прикосновение гангрены.

— Да, сэр, — еще несколько нитей перерезано. Синтетика была прочной, как сталь. — Теперь дело за хирургией, командор. Нужно удалить все поврежденные ткани, прежде чем начнут действовать стимуляторы регенерации. Пока мы не доставим вас в лазарет, можно приглушить ваше обоняние.

— Меня оно вполне устраивает, — холодно ответил Род. Он легонько коснулся своего кривого носа и вспомнил сражение, в котором тот был перебит. Пожалуй, из-за этого он выглядел старше своих двадцати четырех стандартных лет, и это было знаком заслуги и успеха.

Его доспехи разрезали пошире и смазали руку нумбитолом. Стюард помог ему надеть голубую форму, красный шарф, золотые шнуры и эполеты; все морщило и жало, но лучше уж это, чем моноволокнистые доспехи. Жесткая куртка бередила рану, несмотря на обезболивающее, пока он не обнаружил, что может опереть локоть о приклад пистолета.

Одевшись, он направился в ангар «Мак-Артура» и сел в шлюпку, а рулевой, направив ее через большие двери подъемника, вылетел из корабля. Это был опасный маневр, но он экономил время.

Двигатели заработали, и маленький крылатый флайер нырнул в атмосферу.

Нью-Чикаго. Населенный мир Трансугольного сектора, примерно в двадцати парсеках от Столичного сектора. Планета вращается вокруг желтого солнца F9, обычно относимого к Бета Гортензии.

Атмосфера почти соответствует земной, и дыхание возможно без помощи фильтров. Сила тяжести 1,08 стандартной. Радиус планеты — 1,05, а масса 1, 21 массы Земли; плотность выше обычной. Ось вращения Нью-Чикаго имеет наклон 41 градус, расстояние до светила — 1,06 а.е., орбита умеренно эксцентрическая. Ввиду сезонных изменений температуры заселена относительно узкая полоса в южной температурной зоне.

Имеется один спутник на среднем расстоянии, обычно называемый Эванстом. Происхождение названия неизвестно.

Две трети Нью-Чикаго покрыты водой. Континенты обычно гористы с продолжающейся вулканической активностью. Экстенсивная индустрия периода Первой Империи была почти полностью уничтожена во время Гражданских Войн; восстановление промышленной базы ведется удовлетворительно со времени включения

Нью-Чикаго во Вторую Империю в 2940 г.н.э.

Большая часть населения проживает в единственном городе, носящем то же название, что и планета. Прочие населенные пункты широко разбросаны, и ни в одном число жителей не превышает сорока пяти тысяч. Общая численность населения планеты — 6,7 миллионов человек по переписи 2990 г. Имеются железодобывающие и железоплавильные центры в горах, а также экстенсивное сельское хозяйство. Планета наполовину снабжает себя продуктами питания.

Нью-Чикаго владеет растущим торговым флотом и расположена в удобном месте, что делает ее центром Трансугольной межзвездной торговли. Управляется генерал-губернатором и Советом, назначаемым вице-королем Трансугольного сектора, имеется выборная ассамблея и два делегата Имперского Парламента.

Род Блейн хмурился, читая слова, бегущие по экрану его карманного компьютера. Физические данные остались теми же, но все остальное устарело. Мятежники изменили даже название своего мира, превратив его из Нью-Чикаго в Госпожу Свободу. Ее правительству придется строить все заново. Возможно, она потеряет своих делегатов, возможно, даже утратит свои права на выборную

Ассамблею.

Он отложил прибор и посмотрел вниз. Они находились над гористой местностью, и он не видел следов войны. Слава богу, здесь не было районов, подвергшихся бомбардировке.

Иногда случалось такое: города-крепости держались с помощью спутников планетарной защиты. У Военного Флота не было времени для продолжительной осады, и Имперская полиция получала приказ покончить с мятежниками возможно меньшей кровью, но все-таки покончить. Упорствующую мятежную планету превращали в поля сверкающей лавы, где не выживал никто, но некоторые города накрывались черными куполами Поля Лэнгстона. И что потом? Кораблей, чтобы доставлять продукты через межзвездные расстояния, не хватало, и начинались эпидемии и голод.

Впрочем, подумал он, это был лишь один из возможных путей. Человечество должно было объединиться под властью единого правительства — убеждениями или силой — чтобы столетия Гражданских Войн никогда больше не повторились. Каждый имперский офицер видел ужасы, к которым привели эти войны, — именно поэтому академии разместили на Земле, а не в столице.

Когда они приблизились к городу, он увидел первые следы сражения. Круг перепаханной земли, руины отдаленных крепостей, разрушенные бетонные направляющие транспортных систем. Затем появился почти нетронутый городок, оставшийся целым в пределах круга Поля Лэнгстона. Город понес незначительные разрушения, но как только поле было снято, эффективное сопротивление прекратилось. Только фанатики сражались против Имперской звездной пехоты.

Они пролетели над руинами высокого здания, разрушенного упавшей посадочной шлюпкой. Видимо, кто-то выстрелил в нее, и убитый пилот не успел ничего сделать…

Флайер обогнул город, замедляя скорость, чтобы подойти к посадочным докам, не выбив у них всех стекол в окнах. Здания были старые, в основном, построенные по углеводородной технологии, местами целые секции у них были удалены и заменены более современными материалами. Ничто не напоминало о городе Первой Империи, который стоял на этом месте.

Когда они опустились на площадку на крыше Дома Правительства, Род понял, что можно было и не тормозить. Большинство стекол в городе были уже выбиты. По улицам кружили толпы лю-

дей, а единственными движущимися машинами были военные конвои. Некоторые люди стояли, ничего не делая, другие вбегали и выбегали из магазинов. Имперская звездная пехота в серых мундирах стояла за электрифицированной изгородью, возведенной вокруг Дома Правительства.

Флайер сел, и Блейн спустился на лифте на этаж генерала-губернатора. Во всем здании не было женщин, хотя обычно имперские правительственные учреждения были полны ими. Видимо, он пробыл в космосе слишком много времени. Он назвал свое имя пехотинцу, сидевшему как будто аршин проглотил за столом администратора, и стал ждать.

Блейн не пытался представить будущей беседы и коротал время, разглядывая пустые стены. Все декоративные украшения, трехмерная звездная карта с Имперскими флагами, парящими над провинциями, все стандартное оборудование офиса генерала-губернатора планеты Первого Класса исчезло, оставив после себя безобразные пятна на стенах.

Наконец, часовой провел его в офис. Адмирал сэр Владимир Ричард Джордж Плеханов, вице-адмирал Черноты, Рыцарь Орденов Св. Михаила и Св. Георгия, сидел за столом генерал-губернатора.

Нигде не было ни следа от Его Превосходительства мистера Гаруна, и на мгновение Блейну показалось, что адмирал один. Затем он заметил капитана Кзиллера, своего непосредственного начальника по «Мак-Артуру», стоявшего у окна. Все лозунги были удалены из комнаты, оставив после себя только глубокие царапины на панелях стен. Мебели тоже не было. Даже Великие Символы — корона и космический корабль, орел, серп и молот — исчезли со своего места над дюралепластовым столом. Кстати, на памяти Рода в кабинете генерал-губернатора никогда не было дюралепластового стола.

— Командор Блейн по вашему приказанию прибыл, сэр.

Плеханов рассеянно отсалютовал, а Кзиллер даже не повернулся от окна. Род стоял смирно, пока адмирал внимательно рассматривал его. Наконец, тот произнес:

— Доброе утро, командор.

— Доброе утро, сэр.

— Впрочем, не совсем доброе. Кажется, мы не виделись с моего последнего визита в Круцис Корт. Как там маркиз?

— Когда я последний раз был дома, сэр, он чувствовал себя хорошо.

Адмирал кивнул и продолжал критически рассматривать Блейна. Он ничуть не изменился, подумал Род. Весьма образованный человек, борющийся с ожирением упражнениями в поле повышенной гравитации. Флот посылал Плеханова, когда ожидалось жестокое сражение. Он не признавал никаких оправданий для нерадивых офицеров и, по слухам, ходившим в кают-кампаниях, однажды разложил бывшего крон-принца — теперь Императора — на большом столе и отшлепал ракеткой для спитбола, когда Его Высочество служил гардемарином на «Платее».

— У меня есть ваш рапорт, Блейн. Вы должны были отбить у мятежников генератор Поля, и потеряли при этом роту Имперской звездной пехоты.

— Да, сэр. — Генераторную станцию защищали фанатики, и бой был жарким.

— А за каким дьяволом вы поперлись в наземную акцию? — требовательно спросил адмирал. — Кзиллер приказал вам, чтобы захваченный крейсер сопровождал наш штурмовой транспорт. Вы получали приказ спуститься вниз на шлюпках?

— Нет, сэр.

— Может, вы думаете, что аристократы могут

не подчиняться военной дисциплине?

— Разумеется, сэр, я так не думаю.

Плеханов не обратил внимания на его слова.

— Затем вы имели какие-то дела с вождем мятежников. Как же его звали? — Плеханов заглянул в бумаги. — Стоун. Джонас Стоун. Освобожден из-под ареста и получил назад все свое имущество. Черт побери, вы что, решили, что каждый военный офицер может вести переговоры с мятежниками? Или у вас была какая-то дипломатическая миссия, о которой я ничего не знаю?

— Нет, сэр, — губы Рода были плотно прижаты к зубам. Он ждал крика, но его не было. К черту все традиции Военного Флота, подумал он. Все-таки я выиграл эту проклятую войну.

— Но вы можете объяснить мне это? — настаивал адмирал.

— Да, сэр.

— Итак?

Род заговорил, с трудом извлекая звуки из стиснутого горла.

— Командуя захваченным «Вызывающим», сэр, я получил сообщение из мятежного города. В этот момент городское Поле Лэнгстона было включено, капитан Кзиллер с «Мак-Артуром» занимался

орбитальными оборонительными спутниками, а мозгом флота был адмирал, сражающийся с силами мятежников. Мистер Стоун предлагал впустить Имперские силы в город, при условии, что сам он будет полностью прощен и сохранит свою личную собственность. Он дал час на обдумывание предложения и потребовал в качестве заложника члена аристократической семьи. Если все будет так, как он сказал, то война закончится, как только наши силы овладеют зданием городского Генератора Поля. Не имея возможности посоветоваться с высшим начальством, я сам повел вниз отряд и дал мистеру Стоуну свое слово чести.

Плеханов нахмурился.

— Свое слово. Слово Лорда Блейна, а не офицера Военного Флота.

— Это был единственный способ договориться с ним, адмирал.

— Понимаю, — Плеханов задумался. Если он откажется от слова Блейна, с Родом будет покончено и на Флоте, и в правительстве, и вообще везде. С другой стороны, адмиралу придется объясняться перед Палатой Пэров.

— Что заставило вас поверить, что предложение подлинное?

— Сэр, оно было закодировано имперским шифром и подписано офицером военной разведки.

— И вы рискнули своим кораблем…

— … ради шанса закончить войну без уничтожения планеты. Да, сэр. Нужно было добавить, что в послании мистера Стоуна имелось описание городского лагеря, в котором они держали Имперских офицеров и гражданских лиц.

— Понимаю, — руки Плеханова взметнулись в резком гневном жесте. — Я не люблю сотрудничать с предателями, даже если они помогают нам. Но я признаю вашу сделку, а это значит, что я дал вам официальное разрешение спуститься вниз вместе со шлюпками. Однако, мне это не нравится, Блейн. Ваш трюк был совершенно идиотским.

И все же он сработал, подумал Род. Он продолжал стоять в позе напряженного внимания, но почувствовал, что узел, в который стянулись его внутренности, ослаб.

Адмирал хмыкнул.

— Ваш отец тоже глупо рисковал. Нас обоих чуть не прикончили на Таните. Это просто чудо, что в вашей семье выжили одиннадцать маркизов, но еще большим чудом будет, если вы станете двенадцатым. Ну, ладно, садитесь.

— Благодарю, сэр, — Род продолжал стоять.

Голос его был холодно вежлив.

Лицо адмирала слегка расслабилось.

— Я не рассказывал вам, что ваш отец был моим командиром на Таните? — спросил Плеханов.

— Нет, сэр. Рассказывал он сам, — в голосе Рода по-прежнему не было теплоты.

— Это был мой лучший друг, самый лучший командор, которого я когда-либо имел на флоте. Его влияние посадило меня на это место, и он просил взять вас под мое командование.

— Да, сэр. Я знаю это, но не могу понять, почему.

— Вы не хотите спросить, командор, что я собираюсь сделать с вами?

От неожиданности Род вздрогнул.

— Да, сэр.

— Скажите, что произошло бы, окажись это послание поддельным? Если это была бы ловушка?

— Мятежники уничтожили бы мою команду.

— Верно, — голос Плеханова был холоден, как сталь. — Но вы решили, что рискнуть стоит, поскольку имелась возможность закончить войну с малыми жертвами с обеих сторон. Так?

— Да, сэр.

— Но если бы звездная пехота была уничтожена, что должен был бы делать мой флот? — адми-

рал хлопнул обеими руками по столу. — У меня не оказалось бы выбора! — рявкнул он. — Каждая неделя, проведенная флотом здесь, — еще один шанс внешним ударить по одной из наших планет! Не было бы времени посылать за штурмовым транспортом и новым отрядом звездной пехоты. Если бы вы потеряли свою команду, я превратил бы эту планету в каменную глыбу, Блейн. Аристократ вы или нет, не вздумайте еще раз сделать что-либо подобное! Вы поняли меня?

— Да, сэр… — он был прав, но… Что смогла бы сделать пехота со включенным над городом полем? Плечи Рода поникли. Что-нибудь. Он бы что-нибудь сделал. Но что?

— Впрочем, все кончилось хорошо, — холодно сказал Плеханов. — Может, вы были и правы. А, может, и нет. Еще одна выходка вроде этой, и я отберу у вас оружие. Это вам ясно? — он поднял отпечатанное дело Рода. — «Мак-Артур» готов выйти в космос?

— Сэр? — вопрос был задан тем же тоном, что и угроза перед ним, и на мгновение это сбило Рода с толку. — Выйти в космос, сэр, но не в сражение. И я бы не хотел, чтобы он отправлялся далеко без ремонта, — за безумный час, проведенный на борту, Род выполнил полный осмотр, из-за кото-

рого не успел даже побриться. Сейчас он сидел, недоумевая. Капитан «Мак-Артура» стоял у окна, явно прислушиваясь к разговору, но не говоря ни слова. Почему адмирал не спрашивает его?

Пока Блейн недоумевал, Плеханов решил сделать это.

— Бруно, как капитан флота, дайте свое заключение.

Бруно Кзиллер повернулся от окна, и Род поразился: Кзиллер не носил больше маленького серебряного изображения «Мак-Артура», показывавшего, что он является его капитаном. Вместо этого на груди у него сияли комета и солнце Военно-Космического штаба, а кроме того, Кзиллер носил широкую полосу адмиральского знака.

— Как вы себя чувствуете, командор, — спросил Кзиллер, затем усмехнулся. Эта кривая усмешка была хорошо известна на «Мак-Артуре». — Выглядите вы хорошо. По крайней мере, с правой стороны. Итак, вы провели на борту час. Какие повреждения вы обнаружили?

Смущенный Род доложил о нынешнем состоянии «Мак-Артура», каким он его нашел, и о ремонте, который он приказал сделать. Кзиллер кивал и задавал вопросы. Наконец, он сказал:

— И вы сделали вывод, что корабль готов к

походу, но не к сражению, верно?

— Да, сэр.

— Что ж, согласен. Адмирал, вот мои рекомендации. Командор Блейн заслуживает продвижения, и мы можем дать ему «Мак-Артур», чтобы он отвел его для ремонта на Новую Шотландию, а затем в столицу. Кроме того, он сможет забрать с собой племянницу сенатора Фаулера.

Отдать ему «Мак-Артур»? Род слушал его, как в тумане, совершенно потрясенный. Он боялся поверить в это, но здесь был шанс показать Плеханову и всем остальным, чего он стоит.

— Он молод и вряд ли сможет рассчитывать стать первым командиром этого корабля, — сказал Плеханов. — И все же, вероятно, это лучший выход. Он не сможет доставить слишком много неприятностей, следуя в Спарту через Новую Каледонию. Корабль ваш, капитан!

Поскольку Род продолжал молчать, адмирал рявкнул на него:

— Очнитесь, Блейн! Я произвожу вас в капитаны и назначаю командиром «Мак-Артура». Мой секретарь подготовит приказ через полчаса.

Кзиллер усмехнулся половиной лица.

— Скажите же что-нибудь, — буркнул он.

— Спасибо, сэр. Я… я думал, вы не одобряете

моих действий.

— Не подумайте, что они мне понравились, — сказал Плеханов. — Будь у меня какой-то другой выход, вы так бы и остались инженером-администратором. Вполне возможно, что вы будете хорошим маркизом, но для Военного Флота у вас не тот темперамент. Конечно, это не самое главное, но, думаю, карьера офицера не для вас.

— Другого пути нет, сэр, — осторожно сказал Род.

Он все еще испытывал боль утраты. Большой Джордж, заполнивший комнату штангами в двенадцать лет, а в шестнадцать напоминавший своим сложением клин, его брат Джордж погиб в сражении. Планировал ли Род свое будущее или с грустью думал о доме, воспоминания приходили к нему, как-будто кто-то колол иглой его душу. Джордж — и вдруг умер…

Джордж должен был унаследовать поместья и титулы, а Рода не интересовало ничего, кроме карьеры офицера и возможности однажды стать Гранд-Адмиралом. Но теперь… менее, чем через десять лет он должен занять свое место в Парламенте.

— У вас будут два пассажира, — сказал Кзиллер. — С одним вы уже встречались. Вы ведь

знакомы с леди Сандрой Брайт Фаулер, не так ли? Она племянница сенатора Фаулера.

— Да, сэр, я не видел ее несколько лет, но ее дядя обедает в Круцис Корт довольно часто… Я нашел ее в лагере для пленных. Как она себя чувствует?

— Не очень хорошо, — ответил Кзиллер, и его насмешка исчезла. — Она полетит с вами до Новой Шотландии, а если захочет, то и до столицы. Это вполне может произойти. Второй ваш пассажир — это совершенно иное дело.

Род поднял на него взгляд. Кзиллер посмотрел на Плеханова, получил его кивок и продолжал:

— Его Превосходительство Гораций Хуссейн Бари, магнат, председатель совета кампании «Империал Автонетикс» и большая шишка в имперской Торговой Ассоциации. Он будет с вами до самой Спарты, то есть я хочу сказать, что он будет на борту вашего корабля. Вы поняли?

— Не совсем, сэр, — ответил Род.

Плеханов фыркнул.

— Кзиллер сказал это достаточно ясно. Мы думаем, что Бари стоял за спинами мятежников, но пока у нас слишком мало улик, чтобы арестовать его. Он апеллировал к самому Императору. Что ж, мы отправим его в Спарту с этим его обращением — как гостя Военного Флота. Но кого я могу

послать вместе с ним, Блейн? Он стоит миллионы и даже больше. Много ли людей откажется от взятки в виде целой планеты? А Бари может предложить ее.

— Я… Да, сэр, — сказал Род.

— И не делайте такого потрясенного лица! — рявкнул Плеханов. — Я не хочу обвинять в продажности ни одного из своих офицеров, но факт в том, что вы богаче Бари. Он не сможет даже соблазнить вас. И это основная причина, по которой вы получаете «Мак-Артур». Я не хочу тревожиться о судьбе нашего богатого друга.

— Понимаю. И все же спасибо, сэр. — И я докажу тебе, что ты не ошибся.

Плеханов кивнул, как будто прочтя мысли Блейна.

— Вы можете стать хорошим офицером. Это ваш шанс. А Кзиллера я оставляю помогать в управлении этой планетой. Мятежники убили генерал-губернатора.

— Убили мистера Гаруна? — Род был ошеломлен. Он помнил морщинистого старого джентльмена, который приходил к ним домой… — Он был старым другом моего отца.

— Он не единственный, кого они убили. Отрубленные головы они насадили на копья вокруг

Дома Правительства. Одна мысль об этом заставляла их людей продолжать бой. Они боялись сдаваться нам. Что ж, у них были причины бояться… Вернемся к вашим делам со Стоуном. Были еще какие-то условия?

— Да, сэр. Это на случай, если он откажется сотрудничать с разведкой. У него есть имена всех заговорщиков.

Плеханов многозначительно взглянул на Кзиллера.

— Отправьте за этим своих людей, Бруно. Это начало. Ну, хорошо, Блейн, приводите свой корабль в порядок и отправляйтесь, — адмирал встал — беседа была окончена. — У вас много дел, капитан. Займитесь ими.

ПАССАЖИРЫ

Гораций Хуссейн Тамун аль Шамлан Бари указал на последний предмет, который он должен взять с собой, и отпустил слуг. Он знал, что они будут ждать поблизости от его номера, готовые поделить оставленные богатства, когда он уйдет, но ему нравилось заставлять их ждать. Пусть поволнуются в предвкушении.

Когда комната опустела, он налил себе большой стакан вина. Это был плохой сорт, привезенный после блокады, но он почти не заметил этого. Официально вина в Леванте были запрещены, и это значило, что орды виноторговцев могли всучивать своим покупателям — даже таким богатым, как Бари — любой алкоголь. Гораций Бари никогда не испытывал особого почтения к дорогим напиткам. Он покупал их, чтобы показать свое богатство, и для развлечения, но не для себя. Кофе был совсем другим делом.

Гораций, как большинство людей Леванта, был невысоким человеком с торчащим носом, горящими глазами и острыми чертами лица, быстрыми жестами и сильным характером, о котором знали только его близкие и друзья.

Оставшись сейчас один, он разрешил себе нахмуриться. На столе перед ним лежало послание от секретаря адмирала Плеханова, в котором тот в вежливых выражениях предлагал ему покинуть Нью-Чикаго и сожалел, что в наличии нет ни одного гражданского корабля. У Военного Флота были подозрения и, несмотря на вино, Бари почувствовал, что вокруг него все туже стягивается холодная угрожающая сеть. Внешне же он оставался спокоен, все так же сидя за столом и постукивая по нему пальцами.

Что есть против него у Флота? У Военной Разведки были подозрения, но не было улик. Это была обычная ненависть военных к имперским торговцам, возникшая, подумал он, потому, что на Флоте было много евреев, а все евреи ненавидят левантийцев. Но у Флота не было реальных улик, иначе его бы не пригласили на борт «Мак-Артура» как гостя. В этом случае он был бы в кандалах. Отсюда следовал вывод, что Джонас Стоун продолжает молчать.

Он должен был молчать и дальше. Бари заплатил ему сто тысяч крон и пообещал заплатить еще. Впрочем, он не был уверен в Стоуне: две ночи назад Бари встретился с некими людьми на улице Костюшко и заплатил им пятьдесят тысяч

крон, так что скоро Стоун должен был умолкнуть навсегда. Пусть его тайны лежат вместе с ним в могиле.

Есть ли еще что-нибудь несделанное? — подумал он. Нет. Чему быть, того не миновать, хвала Аллаху… Бари скорчил гримасу. Подобные мысли приходили совершенно естественно, и он презирал себя за суеверную глупость. Пусть его отец восхваляет Аллаха за свои достижения; удача приходит к людям, которые ничего не оставляют на волю случая, а в свои девяносто стандартных лет он оставил недоделанными всего лишь несколько дел.

Империя пришла в Левант спустя десять лет после рождения Бари, и поначалу влияние ее было невелико. В те дни имперская политика была иной, и планета вошла в Империю в состоянии, почти равном большинству развитых миров. Отец Горация Бари скоро понял, что Империю можно заставить платить. Он был одним из тех, кого имперцы использовали для управления планетой, и скопил огромное богатство. Он продавал аудиенции у губернатора и, как капустой на рынке, торговал правосудием, впрочем, делал все это осторожно, всегда подставляя других гневу людей из Имперской Разведки.

Его отец был очень осторожен со вкладами и использовал свое влияние, чтобы дать Горацию Хуссейну воспитание на Спарте. Он даже дал ему имя, подсказанное одним имперским военным офицером, и только позднее они узнали, что имя Гораций едва ли можно назвать обычным для Империи, поскольку оно всегда вызывало насмешки.

Бари топил воспоминания о давних днях в Столичной школе в кубке вина. Однако, он выучился и сейчас распоряжался деньгами своего отца и своими собственными. Гораций Бари был не из тех, над кем можно смеяться. Он потратил тридцать лет, но его агенты нашли офицера, который когда-то подсказал это имя, и стереозапись его агонии была спрятана в доме Бари на Леванте. Все-таки он посмеялся последним.

Сейчас он покупал и продавал людей, которые смеялись над ним, покупал голоса в Парламенте, корабли, и почти купил эту планету — Нью-Чикаго. Контроль над Нью-Чикаго должен был дать его семье влияние отсюда до Угольного Мешка, где Империя была слаба, а новые планеты открывали ежемесячно. Мужчина должен заботиться о… обо всем!

Мечта помогала ему. Сейчас он вызвал своих

агентов — людей, которые охраняли его интересы здесь, и Набила, который будет сопровождать его как слуга на военном корабле. Набила был невысок, даже меньше Горация, выглядел старше своих лет, умел маскировав свое лицо хорька множеством способов и обращаться с кинжалом и ядом, получив это умение на десятках планет. Гораций Хуссейн Бари улыбнулся. Имперцы хотят держать его пленником на борту своего военного корабля? Что ж, пока они не встретят корабля с Леванта, он им это позволит, но когда они окажутся в оживленном порту, то поймут, что сделать это непросто.

Три дня Род трудился на «Мак-Артуре». Текущие цистерны с компонентами горючего требовали срочной замены. Нужны были запасные части, и команда «Мак-Артура» часами находилась в космосе, обдирая корпуса военных кораблей Союза, круживших на орбите вокруг Нью-Чикаго.

Постепенно «Мак-Артур» приобретал свой прежний боеспособный вид. Блейн работал с Джеком Каргиллом — новым инженером-администратором и первым лейтенантом, и командором Джоном Синклером, главным инженером. Подобно многим инженерам-офицерам, Синклер был с Новой Шотландии, и его акцент

был обычным среди шотландцев, работающих в космосе. Каким-то образом они сохраняли его как знак своей гордости со времен Гражданских Войн, даже на планетах, где гэльский был забытым языком. Сам Род подозревал, что шотландцы специально учились говорить так, чтобы их не понимало остальное человечество.

Пластины корпуса были сварены, огромные куски обшивки сняты с военных кораблей Союза и с трудом установлены на место. Синклер творил чудеса, устанавливая оборудование Нью-Чикаго на «Мак-Артур», и части эти вряд ли соответствовали чертежам корабля. Офицеры управления трудились ночами, объясняя и чертя эти изменения для главного корабельного компьютера.

Каргилл и Синклер придерживались противоположного мнения относительно некоторых приспособлений. Синклер упирал на то, насколько важно подготовить корабль к выходу в космос, а первый лейтенант утверждал, что никогда уже не сможет руководить текущим ремонтом во время сражений, поскольку сам Бог не знает, что было сделано с кораблем.

— Я не желаю слушать такое богохульство, — как раз утверждал Синклер, когда Род оказался в пределах слышимости. — Разве не достаточно

того, что я, то есть мы, сделали для него?

— Нет, если, конечно, ты не хочешь стряпать сам, ты, безумный лудильщик! Сегодня утром повар кают-кампании не смог справиться с кофейником! Один из твоих ремесленников забрал микроволновый нагреватель. Сейчас, клянусь Господом, ты принесешь его обратно…

— Хорошо, мы уберем его из третьего бака, как только ты найдешь мне части для его замены. Может, ты недоволен тем, что корабль снова может сражаться? Или кофе для тебя более важен?

Каргилл глубоко вздохнул и начал снова.

— Корабль может сражаться, — начал он, как будто объясняя ребенку,

— пока что-нибудь не проделает в нем дыру. После этого ее нужно заделать. Сейчас я занимаюсь этим, — сказал он, кладя руку на что-то, что, как почти был уверен Род, было воздушным поглотителем-преобразователем. — Проклятая штуковина выглядит сейчас полурасплавленной. Как я могу определить, что было повреждено? И было ли повреждено вообще? Полагаю…

— Человек, у тебя не будет забот, если свою досаду ты обратишь на себя…

— Кончишь ты когда-нибудь болтать? Когда ты возбужден, то начинаешь говорить совсем

по-другому!

— Будь ты проклят!

Но в этом месте Род решил, что пора выйти к спорщикам. Он отправил главного инженера в его конец корабля, а Каргилла — в другой. Решить их спор было невозможно, пока «Мак-Артур» не будет тщательно отремонтировать в доках Новой Шотландии.

Блейн провел ночь в лазарете, как того потребовал хирург-лейтенант. Оттуда он вышел с рукой, неподвижно покоящейся в огромном, набитом ватой бандаже, похожем на подушку. Следующие несколько дней он внимательно смотрел по сторонам и прислушивался, но ниоткуда не доносилось приглушенного смеха.

На третий день после приема командования Блейн провел осмотр корабля. Все работы были закончены, и кораблю дали вращение. Затем Блейн и Каргилл внимательно осмотрели его.

Роду очень хотелось извлечь выгоду из своего опыта, полученного в должности инженера-администратора «Мак-Артура». Он знал все места, где ленивый офицер мог сэкономить время, проведя ремонт кое-как. Однако, это была его первая инспекция, корабль только что оправился от повреждений, полученных в сражении, а Кар-

гилл был слишком хорошим офицером, чтобы пропустить что-то, требующее доводки. Блейн не спеша обошел корабль, проверяя основные механизмы, но в остальном позволил Каргиллу вести себя. Впрочем, про себя он решил, что не позволит этому стать прецедентом. Когда у него будет больше времени, он снова обойдет корабль и обнаружит все недоделки.

Космопорт Нью-Чикаго охраняла полная рота звездной пехоты. После падения городского генератора Поля Лэнгстона боевые действия прекратились, и большая часть населения приветствовала имперские силы с облегчением, более убедительным, чем парады и приветствия. Однако, поскольку мятеж на Нью-Чикаго явился для Империи ошеломляющей новостью, было решено не допустить его возобновления.

Итак, звездная пехота патрулировала космопорт и охраняла имперские шлюпки, и Сэлли Фаулер, идя со своими слугами к возвышавшемуся впереди кораблю, опустила глаза. Взгляды не беспокоили ее, ведь она была племянницей сенатора Фаулера и привыкла, что ее разглядывают.

«Прелестна, — подумал один из охранников, — но невыразительна. Вроде бы должна радоваться, покидая этот вонючий лагерь, но по ней не ска-

жешь, — пот струйками стекал по его ребрам, и он подумал: — А вот она не потеет. Ее высек изо льда самый лучший скульптор, когда-либо живший на свете».

Шлюпка была большой и на две трети пустой. Сэлли заметила только двух темнокожих мужчин — Бари и его слугу (разобрать, кто из них кто, было нелегко) — и четверых молодых парней, излучавших страх и неприязнь. На спинах у них были знаки Нью-Чикаго. Новые рекруты, подумала она.

Она заняла одно из самых последних сидений, не желая ни с кем разговаривать. Адам и Энни тревожно взглянули на нее, затем сели через проход. Они знали.

— Как здорово покинуть это место, — сказала Энни, но Сэлли не реагировала. Она вообще ничего не чувствовала.

В таком состоянии она находилась с тех пор, как звездная пехота ворвалась в лагерь. После этого была хорошая пища, чистая одежда и уважение окружающих… но ничто из этого не доходило до нее. Эти месяцы в лагере что-то выжгли в ней и, возможно, навсегда. Впрочем, это ее мало беспокоило.

Когда Сэлли Фаулер закончила Имперский

Университет Спарты со степенью магистра антропологии, ей удалось убедить своего дядю, что вместо преподавания в школе она отправится через Империю, наблюдая новозавоеванные провинции и лично изучая примитивные культуры. Она может даже написать книгу.

— Чему я могу научиться здесь? — спрашивала она его. — А там, за Угольным Мешком, я буду действительно необходима.

Мысленно она уже видела зрелище своего триумфального возвращения, публикации и научные статьи, и работать по профессии казалось ей значительно интереснее, чем пассивно ждать замужества с каким-нибудь молодым аристократом. Конечно, Сэлли хотела выйти замуж, но не сейчас. Она хотела жить по своим собственным законам и служить Империи, не просто рожая сыновей, которые потом будут уничтожены вместе с военными кораблями. Совершенно неожиданно ее дядя согласился. Если Сэлли хочет побольше узнать о людях, вместо того, чтобы заниматься академической психологией, — пожалуйста. Младший брат ее отца, Бенджамин Брайт Фаулер, не унаследовал ничего и поднялся до своего места в Сенате только благодаря своим способностям. Не имея своих детей, он относился

к единственному ребенку брата как к собственной дочери, и не хотел, чтобы она была похожа на молодых девушек, для которых самым главным были родственники и деньги. Сэлли со своей подругой покинули Спарту, сопровождаемые слугами Сэлли, Адамом и Энни, готовые изучать примитивные человеческие культуры, которые постоянно находили военные силы. Некоторые планеты не посещались звездолетами по триста и более лет, а войны настолько сократили их население, что вернулось варварство.

По пути в древний колониальный мир они остановились на Нью-Чикаго сменить корабль, и как раз в это время там начался мятеж. Подруга Сэлли — Дороти — была в тот день за городом, и больше ее никто не видел. Союз Стражей Комитета Общественной Безопасности вытащил Сэлли из ее номера в отеле, освободил от всех ценностей и швырнул в лагерь.

В первые дни лагерь был достаточно дисциплинирован. Имперская знать, гражданская прислуга и одетые в форму Империи солдаты сделали лагерь безопасней улиц Нью-Чикаго. Но день за днем аристократов и правительственных чиновников уводили из лагеря, и они больше не возвращались, тогда как обычных уголовников

становилось все больше и больше. Адам и Энни каким-то образом отыскали ее, да и другие жители ее палатки были имперскими гражданами, а не преступниками. Так она прожила первые дни, потом недели и месяцы в заключении, в бесконечной черной ночи городского Поля Лэнгстона.

Поначалу это было приключением — пугающим, неприятным, но не более. Затем рационы сократили, и сокращали снова и снова, и пленники начали голодать, а ближе к концу исчезли последние признаки порядка. Санитарные нормы не соблюдались, и трупы умерших от истощения во множестве лежали у ворот, ожидая, пока их заберут похоронные команды.

Это был бесконечный кошмар. В один из дней ее имя оказалось в списках, вывешенных на воротах: Комитет Общественной Безопасности искал ее. Другие заключенные присягнули, что Сэлли Фаулер умерла, а поскольку охрана редко брала на себя труд проверки таких заявлений, это спасло ее от судьбы, постигшей других членов правящих фамилий.

Когда условия жизни стали хуже, Сэлли нашла в себе новые внутренние силы, стремясь быть примером для всех, живших в ее палатке. Они видели в ней своего вождя, а Адам был ее пре-

мьер-министром. Если она плакала, пугались все. В эти дни, в возрасте двадцати двух стандартных лет, ее волосы были беспорядочно спутаны, ее одежда была грязной и изодранной, а руки — грубыми и грязными. Сэлли не могла даже забиться в угол и поплакать. Все, что ей оставалось, — это терпеть кошмары лагеря.

В этом кошмаре кружили слухи об имперских военных кораблях, висевших в небе над черным куполом, и о том, что узники должны быть уничтожены, если возникнет угроза прорыва. В ответ она улыбалась и делала вид, что не верит, будто подобное может случиться. Делала вид? Кошмар ведь всегда бывает нереален.

А затем звездная пехота ворвалась внутрь, ведомая высоким, измазанным кровью мужчиной с манерами придворного и одной рукой на перевязи. На этом кошмар кончился, и Сэлли захотела проснуться. Ее вымыли, накормили, одели… но она почему-то не просыпалась. Душа ее была как будто закутана в хлопок…

Ускорение давило ей на грудь. Тени в кабине были острыми, как бритва. Рекруты с Нью-Чикаго толпились около иллюминаторов, о чем-то возбужденно переговариваясь. Видимо, они уже в космосе. Адам и Энни смотрели на нее с тревогой.

Впервые увидев Нью-Чикаго, они были довольно полными, сейчас же кожа висела на их лицах складками. Сэлли знала, что они отдавали ей большую часть своих пайков, и все же сейчас они выглядели лучше, чем она.

Мне хочется заплакать, подумала она. Я должна поплакать, например, о Дороти. Я надеялась, что мне скажут, что Дороти найдена, но этого не произошло. Она исчезла навсегда.

Голос, записанный на пленку, сказал что-то, чего она не поняла, а затем наступила невесомость, и Сэлли поплыла.

Поплыла…

Куда они везут ее сейчас?

Она резко повернулась к иллюминатору. Нью-Чикаго сверкала, подобно любому, похожему на Землю, миру. Светлые моря и континенты, все оттенки голубизны, тут и там испачканной пятнами облаков. Когда планета уменьшилась, Сэлли отвернулась, закрыв лицо руками. Никто не должен был видеть ее сейчас. В эту минуту она могла бы отдать приказ превратить Нью-Чикаго в оплавленный каменный шар.

Закончив проверку, Род провел на ангарной палубе богослужение. Едва они допели последний гимн, как вахтенный гардемарин объявил,

что пассажиры прибыли на борт. Блейн приказал команде возобновить работу. У них не будет выходного до тех пор, пока корабль не обретет прежний щеголеватый вид, и на орбите не важно, что говорят традиции о воскресенье. Блейн следил, как мужчины расходятся, напряженно ища признаки возмущения, но вместо негодующего ворчания услышал ленивую болтовню.

— Ну, хорошо, я знаю, что пылинка есть, — сказал Стокер Джексон своему собеседнику. — Я могу понять существование пылинки в моем глазу, но как в божественном может оказаться бревно? Объясните мне, как может бревно быть у человека в глазу, а он этого не замечает? Это просто невозможно.

— Вы совершенно правы. Но что такое бревно?

— Что такое бревно? Хо-хо, вы с Тэйблтопа, не так ли? Так вот, бревно — это древесина… Его получают из дерева. А дерево — это большое, огромное…

Голоса удалились, и Блейн быстро отправился обратно на мостик. Если бы Сэлли Фаулер была единственным пассажиром, он с удовольствием встретил бы ее на ангарной палубе, но ему хотелось, чтобы Бари сразу же понял их отношения. Пусть не думает, что капитан корабля Его Вели-

чества торопится навстречу торговцу.

С мостика Блейн следил по экранам, как клиновидный корабль подошел к ним и был втянут на борт «Мак-Артура» между огромными прямоугольными крыльями дверей шлюза. Рука его при этом нависала над переключателем интеркома — подобные операции были сложным делом.

Пассажиров встретил гардемарин Уайтбрид. Первым был Бари, сопровождаемый маленьким темнокожим человеком, которого торговец не потрудился представить. Оба были одеты для путешествия в космос: широкие брюки с плотными застежками на лодыжках, подпоясанные туники, все карманы на молниях или пуговицах. Бари, казалось, был не в духе. Он ругал своего слугу, и Уайтбрид постарался запомнить его слова, чтобы потом пропустить их через корабельный мозг. Гардемарин отправил торговца вперед с младшим офицером, а сам стал ждать мисс Фаулер.

Бари они поместили в жилище священника, а Сэлли — в каюте первого лейтенанта. Предлогом выделить ей большее помещение послужило присутствие Энни, ее прислуги, которая должна была жить вместе с ней. Мужчину-лакея можно было отправить вниз к команде, но женщина, даже такая старая, как Энни, не могла жить среди

мужчин. Жители окраинных планет достаточно долго развивали новые представления о красоте. Они никогда не стали бы приставать к племяннице сенатора, но ее экономка была совсем другим делом. Все это имело смысл и, хотя каюта первого лейтенанта соседствовала с жилищем капитана Блейна, тогда как каюта священника была уровнем ниже и тремя отсеками ближе к корме, никто и не подумал протестовать.

— Пассажиры на борту, сэр, — доложил гардемарин Уайтбрид.

— Хорошо. Их устроили с удобствами?

— Мисс Фаулер — да, сэр. Старшина Эллиот показал торговцу его каюту.

— Разумно. — Блейн занял свое место командира. Леди Сандра… нет, она предпочитала, чтобы ее звали Сэлли, выглядела не слишком хорошо в те короткие минуты, когда он видел ее в лагере. По словам Уайтбрида, сейчас она немножко пришла в себя. Когда Род впервые увидел ее, выходящей из палатки в лагере, ему захотелось спрятаться, ведь он был вымазан кровью и грязью… А потом она подошла ближе. Она шла, как придворная леди, но была худой, полуголодной, с большими темными кругами под глазами. Да и взгляд этих глаз был бессмысленным… Что ж, за эти две

недели она вернулась к жизни и теперь покидает Нью-Чикаго навсегда.

— Надеюсь, вы показали мисс Фаулер противоперегрузочное кресло? — спросил Род.

— Да, сэр, — ответил Уайтбрид и подумал: «И нуль-грав тоже».

Блейн с улыбкой взглянул на гардемарина. Что ж, пусть надеется, но звание тоже имеет свой вес. Кроме того, он знал девушку — встречал ее, когда ей было десять лет.

— Вызов из Дома Правительства, сэр, — доложил дежурный, и тут же раздался бодрый, беззаботный голос Кзиллера:

— Привет, Блейн! Готовы к отлету? — начальник снабжения ссутулился на стуле, попыхивая огромной трубкой.

— Да, сэр, — Блейн хотел сказать что-то еще, но закашлялся.

— Пассажиров разместили нормально?

Род готов был поклясться, что бывший капитан смеется над ним.

— Да, сэр.

— А ваш экипаж? Недовольных нет?

— Вы чертовски хорошо знаете… Мы справимся с этим, сэр, — Блейн подавил свой гнев. Не следовало сердиться на Кзиллера после того, как он

дал ему свой корабль, но все-таки… — Мы еще не сидим друг у друга на головах.

— Послушайте, Блейн, я ограбил вас не шутки ради. У нас здесь не хватает людей для управления, и вы отправите сюда команду, прежде чем улетите. Я послал вам двадцать рекрутов, молодых местных парней, которые считают, что им понравится в космосе. Что ж, может, так и будет.

Зеленые парни, которые ничего не знают, и которым придется показывать, как делать любую работу. Впрочем, это уже забота старшин. Двадцать мужчин могут помочь. Род почувствовал себя немного лучше…

Кзиллер порылся в бумагах.

— Кроме того, я верну вам пару отделений вашей звездной пехоты, хотя сомневаюсь, что вам будет с кем сражаться на Новой Шотландии.

— Слушаюсь, сэр. Спасибо, что оставили мне Уайтбрида и Стели. — За исключением этих двоих Кзиллер и Плеханов забрали всех гардемаринов и многих из старшин. Но они оставили достаточно, чтобы продолжать работы. Корабль по-прежнему был жив, хотя некоторые койки пустовали, как после сражения.

— Удачи вам. Это хороший корабль, Блейн. Разногласия в Адмиралтействе не позволили

мне сохранить его, но, возможно, вам повезет больше. Мне же придется руководить планетой буквально голыми руками. Здесь нет даже денег! Только оккупационные бумажки республики! Мятежники забрали всю имперскую валюту и извели всю бумагу. Каким образом мы можем пустить в обращение реальные деньги?

— Да, сэр, — капитан Блейн теоретически имел то же звание, что и Кзиллер. Его новое назначение было простой формальностью, чтобы офицеры старше Кзиллера могли получать от него приказания, как от начальника снабжения, не испытывая смущения. Но правила продвижения по должности на борту корабля требовали подтверждения назначения Блейна, а он был достаточно молод, чтобы с тревогой ждать этого будущего серьезного испытания. Возможно, через шесть недель он снова станет командором.

— И еще одно, — продолжал Кзиллер. — Я только что сказал, что на планете нет денег, но это не вся правда. У нас есть несколько очень богатых людей, и один из них — это Джонас Стоун, человек, впустивший ваших людей в город. Он говорит, что сумел спрятать свои деньги от мятежников. Что ж, почему бы и нет, ведь он был одним из них. Однако, мы нашли мертвецки пья-

ного шахтера с состоянием в имперских кронах. Он не сказал, где взял эти деньги, но мы считаем, что они от Бари.

— Да, сэр.

— Поэтому следите за его превосходительством. Ну, ладно, ваш груз и новые члены экипажа будут на борту в течение часа, — Кзиллер взглянул на свой компьютер. — Точнее, через сорок три минуты. Как только они прибудут, можете отправляться, — Кзиллер убрал компьютер в карман и принялся набивать свою трубку. — Передайте от меня поклон Макферсону с Верфей и запомните одну вещь: если работы на корабле едва движутся — а так будет — не посылайте сообщений адмиралу. Это только расстроит Макферсона. Вместо этого пригласите Джимми на борт и выпейте с ним виски. Вам не удастся выпить столько, сколько выпьет он, но все-таки попытайтесь, и это поможет вам больше, чем десяток донесений.

— Да, сэр, — неуверенно сказал Род. Он вдруг понял, насколько он не готов командовать «Мак-Артуром». Техническую сторону он знал, возможно, лучше Кзиллера, но существовали дюжины маленьких хитростей, постичь которые мог помочь только опыт…

Кзиллер как будто прочел его мысли — эту способность подозревал каждый офицер, служивший под его руководством.

— Успокойтесь, капитан. Вас не заменят, пока вы не доберетесь до столицы, и, значит, у вас будет время на борту старины «Мака». Не проводите это время, проверяя все и всех: это не сделает вас лучше, — Кзиллер пыхнул огромной трубкой и выпустил изо рта толстую струю дыма.

— У вас есть, что делать, и я не держу вас. Но когда пойдете к Новой Шотландии, обратите внимание на Угольный мешок. Во всей Галактике есть лишь несколько мест, похожих на это. Некоторые называют его Лицом Господа.

Изображение Кзиллера исчезло, но улыбка его, казалось, осталась на экране, подобно улыбке Чеширского Кота.

ЗВАНЫЙ ОБЕД

«Мак-Артур» удалялся от Нью-Чикаго с ускорением стандартной силы тяжести. По всему кораблю работали члены команды, заменяя орбитальную ориентацию, когда силу тяжести обеспечивало вращение корабля, на ориентацию ускорения полета. В отличие от торговых судов, которые часто отходили на большие расстояния от внутренних планет, чтобы оказаться в точке «Прыжка Олдерсона», военные корабли ускорялись непрерывно.

Через два дня после отлета из Нью-Чикаго Блейн устроил званый обед.

Команда достала чистые скатерти и подсвечники, тяжелые серебряные тарелки и гравированный хрусталь, сделанные опытными мастерами полудюжины миров — сокровище, принадлежащее не Блейну, а самому «Мак-Артуру». Вся мебель была на месте, снятая с внешних переборок и установленная на внутренние, за исключением большого вращающегося стола, который был превращен сейчас в цилиндрическую стену офицерской кают-кампании.

Этот изогнутый обеденный стол очень беспоко-

ил Салли Фаулер. Она увидела его два дня назад, когда «Мак-Артур» еще вращался вокруг своей оси, и внешние переборки были палубой, такой же изогнутой. Сейчас Блейн заметил, что она испытала облегчение, пройдя по лестнице.

Заметил он и то, что Бари не испытывал подобных чувств, а был весел, вел себя свободно и явно наслаждался собой. Он явно уже бывал в космосе, решил про себя Блейн. Может, даже больше времени, чем сам Род.

Прием был первым удобным случаем официально встретиться с пассажирами. Сидя на своем месте во главе стола и ожидая, пока стюарды в безупречно белых одеждах подадут первое блюдо, Блейн пытался сдержать улыбку. На «Мак-Артуре» было все, за исключением деликатесов.

— Я очень боялся, что обед устроить не удастся, — сказал он Сэлли.

— Но сейчас вы увидите, что мы придумали. — Келли и стюарды полдня совещались с главным шеф-поваром, но Род не ждал от них слишком многого.

Разумеется, на корабле было достаточно продуктов, в число которых входили: биопласт, куски дрожжей и зерно с Нью-Вашингтона. Однако, у Блейна не было возможности пополнить на

Нью-Чикаго свои личные запасы, а то, что у него имелось прежде, было уничтожено в сражении с мятежниками. Капитан же Кзиллер, безусловно, забрал то, что принадлежало лично ему. Он также увел с собой шеф-повара и трех башенных канониров, помогавших тому обслуживать капитана.

Но вот на огромной деревянной тарелке внесли первое блюдо, накрытое тяжелой крышкой, похоже, сделанной из кованого золота. Золотые драконы мчались друг за другом по ее периметру, а над ними парили магические шестиугольники. Сделанные на Ксанаду, блюдо и крышка стоили столько же, сколько одна шлюпка «Мак-Артура». Канонир Келли стоял за Блейном, великолепный в своих белых одеждах с пурпурным кушаком — настоящий мажордом. Трудно было узнать в этом человеке сержанта, который вел звездную пехоту в бой против гвардии Союза. Отработанным движением он поднял крышку.

— Великолепно! — воскликнул Стели. Даже если это была простая вежливость, сказано это было хорошо, и Келли просиял. Под крышкой оказалась бисквитная копия «Мак-Артура» и черного купола крепости, с которой он сражался, причем каждая деталь была вылеплена более тщательно, чем у художественных ценностей Императорско-

го Дворца. Другие блюда были точно такими же, так что, если они и скрывали дрожжевые торты или что-то подобное, все равно создавалось впечатление пиршества. Род заставил себя забыть все заботы и наслаждаться обедом.

— И что вы собираетесь делать сейчас, леди? — спросил Синклер. — Вы бывали прежде на Новой Шотландии?

— Нет. Я путешествовала не ради развлечения, а по делу, командор Синклер. Думаю, вашей родине не может польстить мой визит, — она улыбнулась, но в глазах ее по-прежнему таились световые годы бездонного космоса.

— А почему мы не можем быть польщены вашим визитом? Нет места во всей Империи, где думали бы о себе плохо.

— Благодарю вас… но я антрополог, специализирующийся на примитивных культурах. Вряд ли Новую Шотландию можно отнести к ним, — заверила она его. Акцент Синклера вызвал у нее профессиональный интерес. Неужели на Новой Шотландии действительно так говорят? Звуки, издаваемые мужчиной, напоминали что-то из доимперских повестей. Впрочем, она думала об этом осторожно, стараясь не смотреть на Синклера. Ей не хотелось обидеть самолюбивого

инженера.

— Хорошо сказано, — зааплодировал Бари. — За последнее время я встречал множество антропологов. Это что, новая специальность?

— Да. К сожалению, раньше нас было очень мало. Мы уничтожали все хорошее во множестве миров, вошедших в Империю. Надеюсь, мы никогда не повторим этих ошибок снова.

— Думаю, это должно шокировать, — произнес Блейн. — Неожиданное вхождение в состав Империи, нравится тебе это или нет, даже если нет каких-то других проблем. Возможно, вам следовало остаться на Нью-Чикаго. Капитан Кзиллер говорил, что у него есть какие-то трудности с управлением.

— Я не могла, — она уныло посмотрела вниз, на свою тарелку, затем подняла голову и вымученно улыбнулась. — Наша первая заповедь гласит, что мы должны симпатизировать людям, которых мы изучаем… А я ненавижу это место, — добавила она с внезапной яростью. Эмоции шли ей на пользу — даже ненависть была лучше пустоты.

— Естественно, — согласился Синклер. — Любой бы чувствовал то же, проведя месяцы в концентрационном лагере.

— Есть кое-что похуже, командор. Здесь исчез-

ла Дороти… Это девушка, с которой мы прибыли сюда. Она… просто исчезла, — воцарилось долгое молчание, и Сэлли смутилась. — Прошу вас, не позволяйте мне портить вам обед.

Блейн безуспешно пытался найти тему для разговора, и тут Уайтбрид невольно подсказал ему ее. Поначалу Блейн заметил только, что младший гардемарин делает что-то под столом. Но что? Дергает скатерть, пробуя ее на растяжение, а раньше разглядывал хрусталь.

— Да, мистер Уайтбрид, — сказал Род, — это очень крепкое.

Уайтбрид взглянул на него и покраснел, но Блейн не собирался смущать мальчика.

— Скатерть, серебро, тарелки, блюда, хрусталь — все это весьма прочно, — свободно сказал он. — Обычное стекло не пережило бы первого же сражения. Наш же хрусталь — это кое-что другое. Это было вырезано из экрана разрушенного при входе в атмосферу корабля Первой Империи. Во всяком случае, так мне рассказывали. Сейчас мы не умеем получать таких материалов. Полотно — тоже не настоящее полотно, а волокнистая ткань также Первой Империи. Крышки на блюдах — это кристаллическое железо, покрывающее кованое золото.

— Я впервые увидел хрусталь, — неуверенно сказал Уайтбрид.

— Как и я несколько лет назад, — Блейн улыбнулся гардемаринам. Они были офицерами, но в то же время они были еще мальчиками-подростками, и Блейн помнил себя в их возрасте.

Большинство блюд были уже поданы, и, наконец, стол освободили для кофе и вин.

— Прошу, — официально сказал Блейн.

Уайтбрид, который был младше Стели на две недели, поднял бокал.

— Капитан… Леди… Выпьем за Его Императорское Величество, — офицеры подняли бокалы за своего монарха, как это делали моряки еще две тысячи лет назад.

— Вы позволите мне показать вам мою родину? — озабоченно спросил Синклер.

— Конечно. Благодарю вас. Только я не знаю, как долго мы там пробудем, — Сэлли выжидательно посмотрела на Блейна.

— Я тоже не знаю. Мы направлены туда для ремонта, и сколько это продлится, зависит только от Верфей.

— Хорошо бы я была с вами не очень долго. Скажите, командор, у Новой Шотландии есть сообщение со столицей?

— Больше, чем у большинства миров по эту сторону Угольного Мешка, хотя это и немногое говорит. Есть несколько кораблей, вполне прилично оборудованных для перевозки пассажиров. Возможно, мистер Бари скажет вам больше: его лайнеры садятся на Новой Шотландии.

— Но они не перевозят пассажиров. Вы же знаете, что наш бизнес подрывает межзвездную торговлю, — Бари заметил насмешливые взгляды собравшихся и продолжал: — «Империал Автонетикс» занимается перевозкой автоматических заводов. Если что-то дешевле производить на планете, чем перевозить космическими кораблями, мы возводим там заводы. Это главный принцип торговой конкуренции.

Бари налил себе второй бокал вина, выбрав то, о котором Блейн говорил, что его мало. (Оно должно быть хорошим, иначе его малое количество не должно было беспокоить капитана).

— Именно поэтому я и был на Нью-Чикаго, когда вспыхнул мятеж.

Сэлли Фаулер и Синклер согласно кивнули, Блейн сохранил на лице невозмутимое выражение и каменную неподвижность, а Уайтбрид толкнул локтем Стели, прошептав: «Подожди, я еще расскажу тебе». Все это вместе дало Бари

сведения, которые он очень хотел получить: против него у них только неподтвержденные подозрения.

— У вас увлекательнейшая профессия, — сказал он Сэлли, прежде чем молчание успело затянуться. — Расскажите нам что-нибудь. Вы видели много примитивных миров?

— Вообще ни одного, — печально ответила девушка. — Я знаю о них только по книгам. Мы собирались отправиться на Харлеквин, но мятеж…

— она замолчала.

— Я был только на Макассаре, — сказал Блейн.

Девушка оживилась.

— В книге ему посвящена целая глава. Очень примитивный мир, не так ли?

— Да, как был, так и остался. С самого начала там не было большой колонии. Все промышленные комплексы были уничтожены во время Гражданских войн, и никто не посещал это место около четырехсот лет. Когда мы там были, у них была культура железного века. Мечи, кольчуги, деревянные парусные суда…

— Но что они за люди? — нетерпеливо спросила Сэлли. — Как они живут?

Род смущенно пожал плечами.

— Я был там всего несколько дней. Вряд ли

этого достаточно, чтобы понять мир. Кроме того, я тогда был в возрасте Стели. Все, что я помню

— это хорошая таверна. — Про себя он еще добавил: «Я же не антрополог».

Разговор пошел по новому направлению. Род чувствовал себя усталым и поглядывал по сторонам в поисках повода, чтобы закончить обед, однако, остальные как будто приросли к своим местам.

— Вы изучаете культурное развитие, — серьезно сказал Синклер, — и, возможно, это правильно. Но почему бы вам не заняться и физическим развитием? Первая Империя была огромна и простиралась на большие расстояния. Там хватало места почти для всего. Не найдем ли мы где-нибудь в заброшенном уголке Империи планету суперменов?

Оба гардемарина переглянулись, а Бари спросил:

— Что может дать людям физическое развитие?

— Нас учили, что подобное развитие разумных существ невозможно, — сказала Сэлли. — Если возникает необходимость, цивилизация изобретает кресла на колесах, очки и слуховые аппараты. Когда общество начинает войну, муж-

чины, как правило, проходят проверку, прежде чем получить возможность рискнуть своими жизнями. Думаю, это помогает выигрывать войны, — она улыбнулась. — Однако, оставляет очень мало места для естественного отбора.

— Но разве нет миров, — вмешался в разговор Уайтбрид, — отброшенных назад еще больше, чем Макассар? Миров, где царит полное варварство: дубины и огонь? Какое может быть развитие на них?

Три стакана вина прогнали черную тоску Сэлли, и ей хотелось поговорить на профессиональные темы. Дядя всегда говорил, что для леди она слишком много говорит, и она пыталась следить за собой, но вино оказалось сильнее. После недель пустоты она чувствовала себя достаточно хорошо.

— Несомненно, — сказала она. — Общество развивается постоянно. Естественный отбор идет до тех пор, пока вместе не соберется достаточно людей, чтобы защитить друг друга от окружающей среды. Однако, этого мало. Мистер Уайтбрид, есть миры, где практикуется обряд детоубийства. Старейшины экзаменуют детей и убивают тех из них, кто не отвечает их представлениям о совершенстве. Конечно, это не развитие, хотя

некоторых результатов они добиваются. Правда, это не может продолжаться долго.

— Люди разводят лошадей, — заметил Род. — И собак.

— Верно. Но они не выводят новые виды. Никогда. Общество не может поддерживать одни и те же законы достаточно долго, чтобы в человеке произошли реальные изменения. Должны пройти миллионы лет… Разумеется, были попытки вывести суперменов. Например, в системе Заурона.

— Ох, уж эти бестии, — проворчал Синклер и сплюнул. — Именно они начали Гражданские Войны и почти перебили нас… — он вдруг замолчал, услышав, как Уайтбрид откашлялся.

— Это вторая система, которой я не могу симпатизировать, — сказала Сэлли в воцарившейся тишине. — Хотя сейчас они лояльны по отношению к Империи… — она взглянула по сторонам. Все как-то странно смотрели на нее, а Синклер пытался спрятать лицо за бутылками. Угловатое лицо гардемарина Хорста Стели казалось высеченным из камня. — В чем дело? — спросила она.

Все долго молчали, потом Уайтбрид произнес:

— Мистер Стели из системы Заурона, леди.

— Я… простите меня, — пробормотала Сэлли. — Полагаю, я влезла не в свое дело. Нет, в самом деле, мистер Стели, я…

— Если мой юный друг не может этого вынести, я не нуждаюсь в нем на своем корабле, — сказал Род. — Кроме того, вы не единственная, кто влез не в свое дело, — он многозначительно посмотрел на Синклера. — У нас нет судей, которые имелись на их мирах сотни лет назад. — Проклятье! Это прозвучало слишком высокопарно. — Кажется, вы говорили об эволюции?

— Это… это почти недоступно для разумных существ, — сказала она.

— Они не подлаживаются под окружающую среду, а изменяют ее для своих нужд. Как только вид становится разумным, его развитие прекращается.

— К сожалению, нам не с чем сравнивать, — сказал Бари. — Можно только догадываться, как это обстоит на самом деле, — он рассказал историю о невероятно разумном осьминоге, встретившем кентавра, и все рассмеялись. — Это был очень милый прием, капитан, — закончил Бари.

— Да, — Род встал и предложил Сэлли руку. Остальные тоже поднялись. Девушка снова притихла, пока он провожал ее до каюты, и только

вежливо поблагодарила на прощанье. Род отправился обратно на мостик. Нужно было ввести кое-что в корабельный мозг.

СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Путешествие через гиперпространство может быть удивительным и разочаровывающим.

Оно занимает неизмеримо малое время по сравнению с путешествием между планетами, но линия движения, или трэм-линия, существует только вдоль единственного критического пути между каждой парой звезд (это не прямая линия, хотя и довольно близка к ней), и конечные точки линии находятся довольно далеко от искажений в пространстве, вызванных звездами и крупными планетарными массами, вследствие чего корабль тратит большую часть времени, переползая от одной точки к другой.

Однако, хуже всего то, что не каждая пара звезд соединена трэм-линиями. Перемещение возможно вдоль линий равнопотенциальных термоядерных течений, и присутствие поблизости других звезд может вообще помешать возникновению трэм-линий. Впрочем, и те, что существовали, не все были нанесены на карту, поскольку найти их было не легко.

Пассажиры «Мак-Артура» вскоре пришли к выводу, что путешествие на военном космическом

корабле сродни заключению в тюрьму. Команда продолжала текущий ремонт, занимаясь этим даже во время вахт, и пассажиры были вынуждены довольствоваться обществом друг друга. Здесь не было места развлечениям, которые могли предоставить комфортабельные лайнеры.

Это было очень скучно, и к тому времени, когда «Мак-Артур» был готов к своему последнему прыжку, пассажиры ждали прибытия на Новую Каледонию, как освобождения из тюрьмы.

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ. Звездная система за Угольным Мешком; главная звезда внесена в каталоги, как Мурчисон А. Ее спутник, Мурчисон Б, не относится к системе Новой Каледонии. Мурчисон А имеет шесть планет на пяти орбитах, с четырьмя внутренними планетами, относительно широким промежутком, заполненным обломками несформировавшейся планеты, и двумя внешними. Четыре внутренние планеты в порядке их удаления от звезды называются соответственно: Конхобар, Новая Ирландия, Новая Шотландия и Фомор. Звезду в системе планет называют Кал; Старина Кал или просто Солнце. Средние две планеты заселены. Обе они были картографированы учеными Первой Империи, пришедшей вслед за Джаспером Мурчисоном, который, будучи в род-

стве с Александром IV, убедил совет, что система Новой Каледонии — самое подходящее место для размещения Имперского Университета. Теперь известно, что Мурчисона интересовало главным образом наличие населенной планеты рядом с красным гигантом под названием Глаз Мурчисона и, когда его не удовлетворил климат Новой Ирландии, он потребовал заселить и Новую Шотландию.

Фомор — относительно небольшая планета почти без атмосферы, но с некоторыми интересными особенностями. На ней были обнаружены плесневые грибы, биологически родственные грибам, найденным в Трансугольном Секторе, и вопрос об их появлении на Фоморе породил бесконечные статьи в «Имперском ксенобиологическом журнале», поскольку никаких других жизненных форм на Новой Каледонии не было.

Две внешние планеты занимают одну и ту же орбиту и называются Дагна и Мидер в соответствии с кельтской системой мифологической номенклатуры. Дагна — это газовый гигант, и Империя содержит заправочные станции на двух лунах планеты, Ангусе и Бригите. Торговые суда предупреждаются, что Бригит — это военная база и не могут попасть туда без разрешения.

Мидер — холодный металлический шар, интенсивно разрабатываемый и доставляющий мучения космогонистам, поскольку способ его образования не укладывается ни в одну из двух главных теорий возникновения планет.

Новая Шотландия и Новая Ирландия — единственные населенные планеты системы — в момент открытия имели богатую атмосферу из водяных паров и метана, но не имели свободного кислорода. Большие количества биологических веществ превратили их в обитаемые миры, хотя это и обошлось недешево. К завершению проекта Мурчисон потерял свое влияние в Совете, но начальный капитал был так велик, что проект все-таки был выполнен. Менее чем через сто лет интенсивных работ купольные колонии превратились в открытые, что явилось одним из наиболее крупных достижений Первой Империи.

Оба мира потеряли часть населения во время Гражданских Войн, причем, Новая Ирландия присоединилась к силам восставших, тогда как Новая Шотландия сохранила верность правительству. После прекращения межзвездных путешествий в Трансугольном секторе Новая Шотландия продолжала борьбу, пока не была

переоткрыта Второй Империей. Как следствие этого, Новая Шотландия является столицей Трансугольного Сектора.

«Мак-Артур» содрогнулся и вышел в нормальное пространство за орбитой Дагны. Еще некоторое время его экипаж сидел в своих гиперпространственных установках, преодолевая путаницу в головах, которая всегда сопровождала мгновенные перемещения.

Почему так получалось? Одно из направлений физики Имперского Университета на Сигизмунде утверждало, что гиперпространственный переход требует не нулевого, а неограниченного времени, и именно это вызывает характерную путаницу в мозгах людей и логических цепях компьютеров. Другие теории утверждали, что Прыжок ведет к сжатию локального пространства, одинаково воздействуя на нервы и элементы схемы компьютера; или что не все части корабля перемещаются одновременно; или что материя после перемещения изменяется на субатомном уровне. Что происходило на самом деле, не знал никто, но эффект имел место.

— Рулевой! — басом позвал Блейн. Глаза его медленно фокусировались на экранах мостика.

— Слушаю, сэр, — голос звучал как-то оцепе-

нело и непонимающе, словно человек говорил автоматически.

— Держи курс на Дагну.

— Есть, сэр.

В начальный период гиперпространственных путешествий корабельные компьютеры пытались начать ускорение сразу после перехода, и долгое время никто не знал, что компьютеры испытывают большее расстройство, чем даже люди. Сейчас всю автоматику на время перехода отключали. На экранах Блейна вспыхнул свет, когда кто-то из экипажа медленно активировал компьютер «Мак-Артура» и проверил его системы.

— Мы сядем на Бригит, мистер Реннер, — продолжал Блейн, — так что держите соответствующую скорость. Мистер Стели, вы будете ассистировать парусному мастеру.

— Да, сэр.

Мостик постепенно оживал. Члены экипажа приходили в себя и возвращались к своим делам. Когда началось ускорение и вернулась сила тяжести, стюарды принесли кофе. Люди покидали гиперпространственные установки, возвращаясь к обязанностям патрульных, пока искусственные глаза «Мак-Артура» изучали пространство в

поисках врагов. На пульте один за другим вспыхивали зеленые огоньки по мере того, как посты докладывали о нормальном переходе.

Потягивая свой кофе, Блейн удовлетворенно кивал. Все было, как всегда, и после сотен переходов он до сих пор чувствовал это. Впрочем, было что-то принципиально плохое в мгновенном перемещении, что-то, грубо нарушавшее чувства, такое, что не мог воспринять разум. Но привычки, приобретенные на службе, помогали людям пройти через это: они глубоко укоренялись на более основательном уровне, чем интеллектуальные функции.

— Мистер Уайтбрид, передайте привет старшему йомену сигнальщиков и отправьте донесение в Штаб Квартиру Флота на Новой Шотландии. Узнайте у Стели наш курс и скорость и сообщите на заправочную станцию на Бригите, что мы на подходе. Да, и информируйте их о нашем конечном пункте.

— Слушаюсь, сэр. Сообщение через десять минут?

— Да.

Уайтбрид выбрался из своего кресла, стоявшего за спиной капитана и, пошатываясь, как пьяный, двинулся в рулевую рубку.

— Через десять минут мне понадобится вся мощность двигателей, Хорст, — сказал он. — Нужно послать сообщение, — по дороге с мостика он быстро пришел в себя, и это было единственной причиной, по которой в командах кораблей держали молодых парней.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ, — объявил Стели, и звук разнесся по всему кораблю. — ВНИМАНИЕ ВСЕМ. КОНЕЦ УСКОРЕНИЯ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ. НЕБОЛЬШОЙ ПЕРИОД СВОБОДНОГО ПАДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ.

— Но почему? — услышал вдруг Блейн. Он оглянулся и у входа на мостик увидел Сэлли Фаулер. Его приглашение пассажирам прийти на мостик, когда не будет опасности, сработало отлично: Бари едва ли воспользуется им. — Зачем свободное падение так скоро? — спросила она.

— Нам нужна энергия, чтобы послать сообщение, — ответил Блейн. — На таком расстоянии нужно израсходовать значительную часть мощности двигателей, чтобы сформировать луч мазера. Если необходимо, мы можем и перегрузить двигатели, но сейчас такой необходимости нет.

— Ох! — она села в освобожденное Уайтбридом кресло. Род повернулся на своем кресле, чтобы

быть к ней лицом, думая при этом, что пора кому-нибудь придумать свободную одежду для девушек, которая не закрывала бы так плотно их ноги, или чтобы в моду снова вошли короткие шорты. Нынешние юбки опускались до самых икр, и провинция копировала моду столицы. Для космических же кораблей модельеры разработали панталоны, достаточно удобные, но несколько мешковатые…

— Когда мы прибудем на Новую Шотландию? — спросила она.

— Это зависит от того, насколько мы задержимся на Дагне. Синклер хочет сделать кое-какие внешние работы, пока мы находимся на темной стороне, — он вынул из кармана компьютер и стал быстро писать прикрепленной к нему иглой. — Смотрите, мы находимся примерно в полутора миллиардах километров от Новой Шотландии — это около двухсот часов полета плюс то время, которое мы проведем на Дагне. И, конечно, время, чтобы добраться до Дагны. Это не так далеко, всего около двадцати часов.

— Значит, еще по меньшей мере две недели, — сказала она. — А я-то думала, что едва мы окажемся здесь… — она оборвала себя и засмеялась. — Это глупо. Почему нельзя изобрести

что-то такое, что позволило бы вам прыгать в пространстве между планетами? Ведь это же нелепо, что, мгновенно преодолев пять световых лет, мы теряем недели, чтобы добраться до Новой Шотландии.

— Вам уже надоело у нас? Да, это действительно парадокс. Прыжки занимают незначительную часть нашего водорода.. У нас на борту не так много горючего, чтобы идти напрямую, но его вполне достаточно для Прыжка. У нас достаточно энергии лишь чтобы уйти в гиперпространство.

Сэлли получила от стюарда чашку кофе. Она уже привыкла к кофе Военного Флота, который не походил ни на что другое в Галактике.

— Значит, нам остается только смириться с этим? — сказала она.

— Боюсь, что да. У меня бывали полеты, когда быстрее было дойти до очередной точки Олдерсона, совершить прыжок, обойти по кругу новую систему и прыгнуть еще раз, а затем вернуться в начальную систему, чем идти через нее на солнечном парусе в обычном пространстве. Но этот случай не таков: все портит расположение звезд.

— Очень жаль, — она рассмеялась. — Что ж, мы увидим большую часть Вселенной за ту же плату, — она не сказала, что ей скучно, но Род

знал, что это так, и ничего не мог с этим сделать. Он проводил с ней мало времени, и не было возможности встречаться чаще.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ, СОСТОЯНИЕ СВОБОДНОГО ПАДЕНИЯ, — раздалось из динамиков, и Сэлли едва успела пристегнуться к креслу.

Старший йомен сигнальщиков Люд Шаттук, искоса поглядывая в прицел, давал приборам точную настройку. Казалось невероятным, что с такими неловкими, узловатыми пальцами можно добиться таких отличных результатов. Телескоп, размещенный на корпусе «Мак-Артура», под руководством Шаттука обшаривал пространство, пока не нашел крошечную точку света. Еще небольшая настройка, и точка оказалась точно в центре. Шаттук удовлетворенно хмыкнул и коснулся выключателя. Антенна мазера подключилась к телескопу, пока корабельный компьютер решал, где должна находиться световая точка в момент отправки сообщения. Кодированное донесение унеслось вдаль, пока кормовые двигатели «Мак-Артура» превращали водород в гелий. Энергия, излучаемая антенной, модулировалась тонкой лентой в каюте Шаттука и неслась к Новой Шотландии.

Род в одиночестве обедал в своей каюте, когда

пришел ответ. Дежурный йомен взглянул на заголовок и позвал Шаттука. Четыре минуты спустя гардемарин Уайтбрид постучал в дверь капитанской каюты.

— Да, — раздраженно отозвался Блейн.

— Сообщение от адмирала Кренстона, сэр.

Род раздраженно поднял взгляд. Он не хотел есть один, но кают-кампания пригласила Сэлли Фаулер, и, если бы туда явился Блейн, мог бы прийти и мистер Бари. И вот теперь даже этот жалкий обед был прерван.

— Это что, не может подождать?

— Срочное сообщение, сэр.

— Срочное сообщение для нас? — Блейн резко встал, забыв о протеиновом заливном. — Прочтите его мне, мистер Уайтбрид.

— Да, сэр. МАК-АРТУРУ ИМПФЛОТ НОВАЯ ШОТЛАНДИЯ ОС 8175…

— Можно пропустить кодовые данные, гардемарин. Полагаю, вы уже проверили их.

— Да, сэр. Дальше идет дата, код… НАЧАЛО СООБЩЕНИЯ ВЫ ДОЛЖНЫ СО ВСЕЙ ВОЗМОЖНОЙ СКОРОСТЬЮ ПОВТОРЯЮ СО ВСЕЙ ВОЗМОЖНОЙ СКОРОСТЬЮ ДВИГАТЬСЯ К БРИГИТ ДЛЯ ДОЗАПРАВКИ С ОЧЕРЕДНОСТЬЮ 2А1 ТОЧКА ДОЗАПРАВКУ ПРОВЕСТИ В КРАТЧАЙШИЙ СРОК

АБЗАЦ

ЗАТЕМ ВАМ НАДЛЕЖИТ ОТПРАВИТЬСЯ... сэр, тут даются координаты точек в системе Новой Каледонии... ИЛИ ПО ЛЮБОМУ ДРУГОМУ МАРШРУТУ ПО ВАШЕМУ ВЫБОРУ ПЕРЕХВАТИТЬ И ИЗУЧИТЬ ТАИНСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ВТОРГШИЙСЯ В СИСТЕМУ НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ИЗ ОБЫЧНОГО КОСМОСА ПОВТОРЯЮ ИЗ ОБЫЧНОГО КОСМОСА ТОЧКА ОБЪЕКТ ДВИЖЕТСЯ ВДОЛЬ ГАЛАКТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА... они дают курс относительно главной оси Угольного Мешка, сэр... СО СКОРОСТЬЮ ОКОЛО СЕМИ ПРОЦЕНТОВ СКОРОСТИ СВЕТА ТОЧКА ОБЪЕКТ СПОСОБЕН РЕЗКО МЕНЯТЬ СКОРОСТЬ ТОЧКА АСТРОНОМЫ ИМПЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УТВЕРЖДАЮТ ЧТО СПЕКТР ОБЪЕКТА ЯВЛЯЕТСЯ СПЕКТРОМ СОЛНЦА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ТОЧКА НАПРАШИВАЕТСЯ ОЧЕВИДНЫЙ ВЫВОД ЧТО ОБЪЕКТ ДВИЖЕТСЯ С СОЛНЕЧНЫМ ПАРУСОМ ТОЧКА АБЗАЦ

КРЕЙСЕР ЛЕРМОНТОВ НАПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОМОЩЬ НО СМОЖЕТ РАЗВИТЬ НУЖНУЮ СКОРОСТЬ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ СЕМЬДЕСЯТ ОДИН ЧАС ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЕЕ МАК-АРТУРОМ ТОЧКА СОБЛЮДАТЬ ОСТОРОЖНОСТЬ ТОЧКА ВЫ ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ К ПРИШЕЛЬЦУ КАК

К ВРАГУ ТОЧКА ПРИКАЗЫВАЮ ПРИМЕНИТЬ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НО НЕ НАЧИНАТЬ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПОВТОРЯЮ НЕ НАЧИНАТЬ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ТОЧКА

ПЕРЕДАТЬ КЗИЛЛЕРУ ТОЧКА ХОТЕЛ БЫ Я БЫТЬ ПОДАЛЬШЕ ОТСЮДА ТОЧКА ЖЕЛАЮ УДАЧИ ТОЧКА КРЕНСТОН КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. Вот и все, сэр, — Уайтбрид замер, переводя дыхание.

— Этого вполне достаточно, Уайтбрид, — Блейн тронул пальцем переключатель интеркома. — Кают-кампанию.

— Кают-кампания слушает, капитан, — ответил гардемарин Стели.

— Дайте мне Каргилла.

Первый лейтенант что-то обиженно буркнул, когда его вызвали: Блейн вмешался в его званый обед. Род испытал внутреннее удовлетворение, делая это.

— Джек, придите на мостик. Я хочу, чтобы эта птичка задвигалась. У нас минимум времени, чтобы сесть на Бригит. Можете подталкивать нас сзади, но мы должны быть там как можно скорее.

— Слушаюсь, сэр. Пассажирам это вряд ли понравится…

— Плевал я… впрочем, передайте им привет и

скажите, что Флот в опасности. Мне жаль вашего званого обеда, Джек, но отправьте наших пассажиров в гидравлические постели и разгоняйте корабль. Я буду на мостике через минуту.

— Да, сэр.

Интерком на минуту замолчал, затем по всему кораблю загремел голос Стели:

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ! ВНИМАНИЕ ВСЕМ! СОСТОЯНИЕ ДЛИТЕЛЬНОГО УСКОРЕНИЯ БОЛЬШЕ ДВУХ "G". РУКОВОДИТЕЛЯМ ОТДЕЛОВ ВКЛЮЧИТЬ РЕЖИМ УВЕЛИЧЕНИЯ УСКОРЕНИЯ.

— Хорошо, — Блейн встал и повернулся к Уайтбриду. — Отправьте это проклятое векторное обозначение в компьютер и посмотрите, где находится преисподняя, из которой появились наши пришельцы, — он вдруг понял, что ругается и сделал попытку успокоиться. Пришельцы — чужаки? О, боже, вот это номер! Быть в команде первого корабля, установившего контакт с чужаками… «Дайте мне только посмотреть, откуда они!»

Уайтбрид подошел к вводной консоли, находившейся за столом Блейна. Экран замигал, потом взорвался цифрами.

— Лопни твои глаза, Уайтбрид! Я же не математик! Переведите это в графики!

— Простите, сэр, — гардемарин еще повозился с вводной консолью, и экран превратился в черное поле, заполненное кружочками и линиями разного цвета. Большие кружки были звездами разных типов, векторы скорости были тонкими зелеными линиями, векторы ускорения — бледно-лиловыми, предполагаемые траектории — тускло-красными. А длинная зеленая линия…

Блейн недоверчиво посмотрел на экран, затем погладил пальцами нарост на своем носу.

— Они идут из района Мошки. Ну и пусть катятся к черту! От Мошки в обычном пространстве… — трэм-линия к звезде пришельцев была неизвестна — она находилась в изоляции, желтое пятно возле супергиганта Глаза Мурчисона. Перед мысленным взором Блейна затанцевали осьминоги.

Допустим, у них враждебные намерения, подумал вдруг он. Если старине «Маку» придется драться с чужаками, нужно кое-что доделать. Они не брались за эту работу, потому что ее следовало делать на орбите или на темной стороне, а теперь придется заняться этим при ускорении в два g. Но ничего, они как-нибудь справятся.

ЛИЦО БОГА

Блейн быстро добрался до мостика, сел в свое кресло и застегнул ремни. Сразу после этого он потянулся к интеркому. Испуганный гардемарин Уайтбрид взглянул на него с экрана из капитанской каюты.

Блейн рискнул:

— Прочтите-ка мне то что там написано, Уайтбрид.

— Сэр?

— У вас там устав, открытый на положении о контакте с чужаками, не так ли? Пожалуйста, прочтите мне его, — Блейн помнил, что когда-то давно читал его ради забавы. Большинство кадетов делали именно так.

— Да, сэр, — Уайтбрид был удивлен так, словно капитан прочел его мысли, затем, видимо, решил, что это его исключительное право. Этот случай может положить начало легендам. — Статья 4500. Первый контакт с негуманоидными мыслящими существами. Примечание 1. Мыслящие существа, определяются как создания, пользующиеся орудиями труда и характеризующиеся целеустремленными. Примечание 2. Необходимо

использовать здравый смысл, применяя это определение. Ульевые крысы Макассара, например, пользуются орудиями труда при сооружении своих гнезд, но не являются мыслящими.

Параграф один. При встрече с мыслящими негуманоидными существами старший начальник должен сообщить о случившемся ближайшему штабу Флота. Все прочие объекты подлежат изучению во вторую очередь, после завершения контакта. Параграф два. После объективного описания необходимо попытаться установить связь с чужаками, не подвергая при этом риску свою команду, если того не прикажет высшее начальство. Хотя нельзя начинать военные действия, следует помнить, что чужаки могут быть настроены враждебно. Параграф третий…

Уайтбрида прервало последнее предупреждение об ускорении. Блейн признательно кивнул гардемарину и вновь опустился на свое ложе. Не похоже, чтобы эти правила пригодились сейчас. Они имели дело с первичным контактом, без предшествующих предупреждений, и при этом командование Флота отлично знало, что «Мак-Артур» отправился на перехват корабля чужаков.

Гравитация на корабле возрастала постепенно, давая команде время подготовиться, и минуту

спустя достигла трех g. Блейн чувствовал двести шестьдесят килограммов, вдавивших его в противоперегрузочное ложе. Люди по всему кораблю двигались с осторожностью, которой требовал увеличившийся вес, но все-таки это ускорение не было калечащим. Впрочем, для Бари оно могло оказаться великоватым, но с торговцем все будет в норме, если он останется в своей постели.

Блейн чувствовал себя довольно свободно в своем противоперегрузочном кресле. Оно имело головной упор и управлялось кончиками пальцев, поворачиваясь во все стороны, так что весь мостик был виден без особых усилий. Военные корабли создавались для долгих периодов высокой гравитации.

Некоторое время Блейн следил за своим контрольным экраном, по которому бежали три графика. Вокруг него офицеры занимались своими делами, Каргилл и парусный мастер Реннер стояли возле астронавигационного поста, гардемарин Стели уселся за рулевым, готовый помочь в случае необходимости, но главным образом перенимая навыки управления кораблем. Длинные пальцы Блейна блуждали над контрольным экраном.

Длинная зеленая линия скорости, короткий ли-

ловый вектор, указывающий противоположное направление… а между ними небольшой белый шарик. Итак, пришелец явился сюда прямо из системы Мошки и затормозился, войдя в систему Новой Каледонии. И он был побольше, чем земная Луна. Объект размером с корабль выглядел бы на экране просто точкой.

Хорошо, что Уайтбрид не заметил этого. По кораблю пошли бы сплетни, рассказы… началась бы паника среди новых рекрутов… Блейн ощутил металлический привкус собственного страха. Боже мой, до чего же он большой!

— Но как они могут иметь корабль таких размеров? — пробормотал Род. Тридцать пять световых лет в обычном космосе! Никогда не было человеческой цивилизации, которая могла бы создать такую штуку. И вообще, как Адмиралтейство предполагает «исследовать» это? И как «перехватить»? Высадить на него звездную пехоту?

— Курс на Бригит, сэр, — доложил парусный мастер Реннер.

Блейн отогнал прочь посторонние мысли и снова коснулся контрольного экрана. На нем курс корабля выглядел живописной диаграммой под столбиками цифр. Род с усилием произнес:

— Согласен, — и снова вернулся к невероятно

огромному объекту, видневшемуся на визуальном экране. Затем торопливо достал из кармана компьютер и стал писать на его табло. В ответ по экрану побежали слова и цифры, и Блейн кивнул…

Разумеется, световое давление можно использовать для передвижения. Фактически «МакАртур» делал именно это, используя реакцию соединения водорода для получения фотонов, которые затем собирались в огромный конус света. Отражающее зеркало могло использовать для движения и внешний свет, тем самым удваивая свою эффективность. Разумеется, зеркало должно быть максимально большим и отражать весь падающий на него свет.

Блейн что-то проворчал себе под нос. Ему вовсе не хотелось атаковать путешествующую по космосу планету на своем наполовину отремонтированном после сражения крейсере. Впрочем… Ну, конечно: компьютер показывал, что объект имеет размеры планеты, а на самом деле это, вероятно, полотнище серебряной ткани, имеющее несколько тысяч километров в поперечнике и прикрепленное к чему-то, что должно быть собственно кораблем.

Имея такое альбедо… Блейн торопливо прики-

нул на бумаге: солнечный парус должен иметь площадь более восьми миллионов квадратных километров. Если он круглый, то имеет диаметр более трех тысяч километров.

Они использовали давление света, поэтому… Блейн запросил данные о торможении пришельца, соотношении этого с общим отраженным светом, разделил и… Парус вместе с полезным грузом составляли около 450 тысяч килограммов.

Это уже вовсе не казалось опасным.

Вообще-то это совсем не тянуло на настоящий космический корабль, по крайней мере, не на такой, который мог преодолеть тридцать пять световых лет в обычном пространстве. Пилоты чужаков должны были сойти с ума от недостатка места, конечно, если они не были крошечными или любили замкнутое пространство, а, может, провели прошедшие несколько сотен лет в надувных баллонах с туманными, светонепроницаемыми стенами… Впрочем, пока об этом было известно слишком мало, и оставалось слишком много места для домыслов. Но ничего лучшего он сделать не мог. Блейн снова погладил нарост на носу.

Он хотел было выключить экраны, но передумал и усилил увеличение. Довольно долго он

смотрел на результат, затем выругался.

Пришелец направлялся прямо к солнцу.

Затормозив, «Мак-Артур» оказался на орбите вокруг Бригита, а затем опустился в защитное Поле Лэнгстона базы, расположенной на залитой светом поверхности спутника. Маленькая черная стрела опустилась на огромную черную подушку. Без поля, поглощавшего энергию удара, на поверхности снежного шара Луны остались бы огромные кратеры.

Персонал заправочной станции тут же занялся своим делом. Жидкий водород, получаемый электролизом из пористого льда Бригита и очищаемый после сжижения, полился в емкости «Мак-Артура». Одновременно с этим Синклер вывел своих людей наружу. Они кишели вокруг корабля, пользуясь выгодами низкой гравитации и теневой стороны. Боцманы пронзительно кричали на снабженцев, и постепенно станция освобождалась от запасных частей.

— Командор Френзи просит разрешения подняться на борт, сэр, — доложил вахтенный офицер.

Род скорчил гримасу.

— Пусть поднимается, — сказал он и повернулся к Сэлли Фаулер, скромно сидевшей на

месте вахтенного гардемарина. — Вы никак не поймете, что весь путь мы проделаем с большим ускорением, а вам известно, что испытываешь при этом. Кроме того, это опасная миссия!

— Фу! Вам было приказано доставить меня на Новую Шотландию, — обиженно напомнила она, — и ничего не говорилось о высадке на этом снежном шаре.

— Это был слишком общий приказ. Если бы Кзиллер знал, что нам придется сражаться, он никогда не позволил бы вам подняться на борт. Как капитан корабля, это должен решить я, и я говорю, что не возьму племянницу сенатора Фаулера в возможное сражение.

— Ох, — она на мгновение задумалась — нужно было искать другой способ. — Род, выслушайте меня. Для вас это увлекательное приключение, правда? А что, по-вашему, чувствую я? Чужаки это или просто заблудившиеся колонисты, пытающиеся снова вернуться в Империю, это моя область. Это то, для чего я училась, и я единственный антрополог на борту. Я вам просто необходима.

— Мы можем все сделать и без вас. Это слишком опасно.

— Но вы же позволили мистеру Бари остаться

на борту.

— Не по своей воле. Адмиралтейство приказало мне не выпускать его с корабля. Меня не волнует его безопасность, но мне небезразлична безопасность ваша и ваших слуг…

— Если вас беспокоят Адам и Энни, что ж, оставьте их здесь. Они плохо переносят ускорение. Но я могу делать все, что можете делать вы, капитан Лорд Родерик Блейн. Я видела вас после гиперпространственного Прыжка, ошеломленно смотревшего по сторонам и не знающего, что делать, в то время, как я смогла выйти из каюты и прийти сюда, на мостик! Так что не говорите мне о моей беспомощности! В общем, вы или позволите мне остаться здесь, или…

— Или что?

— Ничего, конечно. Я знаю, что не могу угрожать вам. Ну, пожалуйста, Род! — она пробовала все, включая магические взгляды своих глаз, и этого было так много, что Род в конце концов сдался.

— Командор Френзи, сэр, — доложил часовой, охранявший трап, ведший на мостик.

— Входите, Ромео, входите, — сказал Род с сердечностью, которой не испытывал. Френзи было тридцать пять, на добрых десять лет боль-

ше, чем Блейну, и Род когда-то служил под его руководством три месяца, выполняя самые жалкие обязанности, которые только можно было придумать. Этот человек был хорошим администратором, но отвратительным офицером.

Френзи осмотрел мостик и выпятил вперед челюсть.

— А-а, Блейн… Где капитан Кзиллер?

— На Нью-Чикаго, — вежливо сказал Род, — Теперь я командир «Мак-Артура», — он повернулся так, чтобы Френзи мог видеть четыре кольца на каждом его рукаве.

Лицо Френзи стало еще более угловатым. Губы его сжались.

— Поздравляю, — сказал он, — сэр.

— Спасибо, Ромео.

— В таком случае, я ухожу и скажу своим людям, чтобы они не торопились с заправкой, — и Френзи повернулся, чтобы уйти.

— Черт возьми, что значит, «чтобы не торопились»? У меня очередность 2А1. Хотите взглянуть на сообщение?

— Я видел его. Они передали копию на мою станцию, Блейн… то есть, капитан. Но из сообщения совершенно ясно, что адмирал Кренстон считает командиром «Мак-Артура» Кзиллера. Я

полагаю, сэр, что он не послал бы этот корабль на перехват возможных чужаков, если бы знал, что его капитан… молодой офицер, впервые принявший командование. Сэр.

Прежде, чем Блейн успел ответить, Сэлли сказала:

— Я видела сообщение, командор, и оно адресовано «Мак-Артуру», а не Кзиллеру. И оно дает кораблю право на первоочередную заправку.

Френзи холодно посмотрел на нее.

— Я думаю, что для перехвата вполне достаточно «Лермонтова». А теперь, если позволите, капитан, я должен вернуться на свою станцию, — он снова взглянул на Сэлли. — Я не знал, что женщин стали принимать в гардемарины.

— Я имею честь быть племянницей сенатора Фаулера и нахожусь на этом корабле по приказу Адмиралтейства, командор, — сурово ответила девушка. — Меня удивляет отсутствие у вас хороших манер. В моей семье не привыкли к такому обращению и, конечно, мои друзья при дворе будут шокированы, узнав, что имперские офицеры могут быть настолько грубы.

Френзи покраснел и в ярости огляделся.

— Прошу прощения, леди. Поверьте, я и не думал вас оскорбить… Я просто был удивлен,

поскольку мы не часто видим девушек на борту военного корабля, разумеется, не таких привлекательных молодых леди, как вы. Еще раз простите… — выпалив это одним духом, он повернулся и выбежал с мостика.

— Скажите, почему вы не среагировали, как я? — вслух удивилась Сэлли.

Род что-то буркнул и выпрыгнул из кресла.

— Он сообщит Кренстону, что здесь командую я! У нас есть… так, сообщение идет до Новой Шотландии около часа и столько же нужно для ответа… — Род ткнул пальцем в кнопку интеркома. — ВНИМАНИЕ ВСЕМ. ГОВОРИТ КАПИТАН. СРОЧНЫЙ СТАРТ ЧЕРЕЗ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ. СРОЧНЫЙ СТАРТ ЧЕРЕЗ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ. НЕ ВЕРНУВШИЕСЯ НА БОРТ БУДУТ ОСТАВЛЕНЫ ЗДЕСЬ.

— Хороший выход! — одобрительно воскликнула Сэлли. — Пусть себе отправляет свое сообщение. — Блейн снова начал торопить команду с возвращением, а Сэлли покинула мостик и скрылась в своей каюте.

Род отдал еще одно распоряжение.

— Командор Синклер, дайте мне знать, если кто-то хочет покинуть это место, — если Френзи попробует помешать, Блейн получит возмож-

ность дать ему по физиономии. Он, конечно, попытается и… Еще довольно долго Блейн мечтал о том, что бьет Френзи.

Вскоре такие донесения поступили. Довольный Каргилл явился на мостик с пачкой приказов о переводе. Боцманы «Мак-Артура», получив копии сообщения о первоочередности, отправились на поиски лучших мужчин Бригита. Новые и старые члены экипажа толпились вокруг корабля, убирая поврежденное оборудование, торопливо заменяя его из запасов станции и тут же отправляясь на поиски новой работы. Другие запасные части складировались по мере поступления. Позднее их можно будет использовать для замены сделанного Синклером… конечно, если кто-нибудь сумеет в этом разобраться. Было довольно трудно понять, что находится внутри этих стандартных черных ящиков. Род заметил микроволновый кипятильник и отправил его в офицерскую кают-кампанию. Каргиллу это понравится.

Когда заправка была почти закончена, Род надел свой вакуумный костюм и вышел наружу. Его контроль не требовался, но его присутствие морально помогало команде, знавшей, что Старик смотрит за ними из-за каждого их плеча.

Воспользовавшись случаем, Род посмотрел в сторону пришельца.

Лицо Господа смотрело на него через пустоту космоса. Угольный Мешок был газопылевой туманностью относительно небольших размеров — от двадцати четырех до тридцати световых лет протяженностью — но плотной и достаточно близкой к Новой Каледонии, чтобы закрывать четверть неба. Земля и Спарта — столица Империи — никогда не были видны отсюда. Раскинувшаяся чернота закрывала большую часть Империи, но служила превосходным бархатным фоном для двух ближних ярких звезд.

Впрочем, даже без этого яркого фона Глаз Мурчисона был ярчайшей звездой на небе — огромный красный гигант в тридцати пяти световых годах отсюда. Белое пятно у одного края было его желтым карликовым спутником, более мелким, более тусклым и менее интересным. Это и была Мошка. Отсюда Угольный Мешок напоминал человека в капюшоне (его голову и плечи), и красный супергигант был его бдительным недоброжелательным глазом.

Лицо Господа… По всей Империи знали этот необычный вид Угольного Мешка из системы Новой Каледонии, но стоять здесь в холоде космоса

и смотреть на него было совсем другим делом. На снимках это выглядело как… Угольный Мешок, здесь же это было реальностью.

И что-то, чего они не могли видеть, летело к ним от Мошки в Зенице Господней.

СОЛНЕЧНЫЙ ПАРУС

Всего одно g — и слабое ощущение того, что «Мак-Артур» ложится на курс перехвата. Эластичная паутина держала его в противоперегрузочном кресле эти несколько мгновений изменения обычной гравитации, но Род подозревал, что скоро все снова станет по-прежнему.

Кевин Реннер, прежде чем стать парусным мастером «Мак-Артура», был помощником на межзвездном торговом корабле. Это был худой мужчина с узким лицом, лет на десять старше Блейна. Пока Род занимал свое противоперегрузочное кресло, Реннер следил за кривыми на экране, и его удовлетворенное ворчание нисколько не походило на выражение чувств военным моряком.

— Вы определили наш курс, лейтенант Реннер?

— Да, сэр, — с удовольствием отозвался Кевин Реннер. — Прямо в солнце на четырех g!

По кораблю разнесся предупредительный сигнал, и «Мак-Артур» начал ускорение. Экипаж и пассажиры почувствовали, что вес постепенно растет, вдавливая их в кресла, постели и ложа.

— Это была шутка, не так ли? — спросил Блейн.

Парусный мастер насмешливо взглянул на него.

— Вам известно, сэр, что мы имеем дело с движением с помощью солнечного паруса?

— Разумеется.

— Тогда взгляните сюда, — палец Реннера показал на зеленую параболу на экране — параболу, резко уходящую вправо. — Количество солнечной энергии, приходящейся на квадратный сантиметр паруса, уменьшается по мере удаления от звезды. Ускорение корабля прямо зависит от количества света, отраженного от паруса.

— Конечно, мистер Реннер. Продолжайте.

Реннер показал на другую параболу, очень похожую на первую, но синюю.

— Звездный ветер тоже может толкать парус вперед, и давление его изменяется по тем же законам. Основное и важное его отличие заключается в том, что звездный ветер — это атомные ядра, которые вонзаются в парус в месте удара. Момент движения преобразуется непосредственно, тогда как солнечный свет отражается от паруса.

— И мы не можем отвернуться от этого, — понял наконец Блейн. — Мы можем бороться со

светом, запрокидывающим парус, но звездный ветер всегда толкает нас прямо от солнца.

— Верно. А теперь, капитан, представьте, что вы входите в систему на скорости в 7% от скорости света, Господь запрещает вам это, и вы хотите остановиться. Что сделаете в этом случае?

— Я могу сбросить ускорение… — буркнул Род. — Гмм… Я не вижу способа справиться с этой проблемой. Впрочем, перед ними должна стоять та же задача.

— Не думаю. Они движутся слишком быстро и, если не остановятся, подойдут очень близко к солнцу — действительно очень близко. Пришелец фактически движется прямо на солнце, и, видимо, будет трудной задачей замедлить его в достаточной степени — чтобы не разрушить корабля и не порвать паруса. Впрочем, выбора у них нет: либо это, либо столкновение с солнцем.

— О, — сказал Блейн.

— Едва ли нужно напоминать, — сказал Реннер, — что, следуя их курсом, мы тоже будем двигаться прямо к солнцу.

— С семью процентами скорости света?

— С шестью. Пришелец будет слегка замедляться. У нас это займет сто двадцать пять часов, большая часть пути с четырьмя g, и некоторое

замедление в конце.

— Это будет тяжело для всех, — сказал Блейн и вдруг запоздало понял, что Сэлли Фаулер осталась с ними. — Особенно для пассажиров. Нельзя ли подобрать более простой курс?

— Пожалуйста, сэр, — немедленно согласился Реннер. — Он займет у нас сто семьдесят пять часов с ускорением не больше двух с половиной g и сэкономит нам горючее, потому что у зонда будет больше времени для торможения. Курс, которым мы движемся сейчас, приведет нас на Новую Ирландию с пустыми топливными баками, принимая во внимание, что пришельца придется тащить на буксире.

— С пустыми топливными баками? Но вам этот курс нравится больше, — Род привык недолюбливать парусного мастера с его ворчанием, подразумевающим, что капитан то и дело забывает что-то решающее и очевидное. — Объясните, почему, — попросил он.

— Я не забываю о том, что пришелец может быть настроен враждебно.

— Верно. Итак?

— Если мы догоним его, и он лишит нас возможности пользоваться двигателями…

— То мы рухнем на солнце со скоростью шесть

процентов от скорости света. Верно. Поэтому вы должны увести нас насколько возможно от Кала, чтобы иметь возможность что-нибудь сделать с этим.

— Да, сэр. Именно так.

— Вас это радует. Верно, мистер Реннер?

— Я бы не хотел что-нибудь упустить, сэр. А как по-вашему?

— Продолжайте, мистер Реннер, — Блейн направил свое противоперегрузочное кресло к другому экрану и сказал, что Реннер мог бы дать им перед захватом час с одним g, чтобы люди могли восстановить свои силы. С энтузиазмом идиота Реннер согласился и отправился вносить изменение.

— Мне нужны друзья на борту корабля, — говаривал капитан Кзиллер своим гардемаринам, — но я отдал бы их всех за опытного парусного мастера.

Реннер был опытным специалистом и, хотя характер у него был суров, это была хорошая сделка.

При четырех g никто не расхаживал по кораблю, и никто ничего не поднимал. Черные ящики с запасными частями спокойно стояли на своих местах, а «Мак-Артур» мчался на временных

приспособлениях Синклера. Большая часть команды работала на передвижных креслах или не работала вовсе.

В отсеках для команды они играли в словесные игры или рассуждали о близящейся встрече, а то и просто рассказывали истории. Половина экранов корабля показывала одно и то же: диск, похожий на солнце, Глаз Мурчисона за ним и Угольный Мешок в качестве фона.

Датчики в каюте Сэлли показывали перерасход кислорода. Блейн пробормотал несколько крепких выражений по поводу ее дыхания, и хотел было вызвать, но в последний момент передумал. Вместо этого он вызвал Бари.

Бари лежал в противоперегрузочной ванне, поверхность жидкости в которой покрывала тонкая эластичная пленка Милара. Над вогнутой поверхностью торчало только его лицо и руки. Лицо выглядело очень старым, показывая почти истинный его возраст.

— Капитан, вы предпочли не оставлять меня на Бригит. Вместо этого вы забрали гражданское лицо в возможное сражение. Можно узнать, почему?

— Конечно, мистер Бари. Я полагал, что вам будет очень неудобно застрять на этом ледяном

шаре без всякой гарантии перевозки. Возможно, я ошибся.

Бари улыбнулся — или попробовал сделать это. Каждый человек на борту выглядел в два раза старше под воздействием четырех g, оттягивающих вниз кожу его лица. Улыбка Бари сделала его похожим на поднимающего тяжесть штангиста.

— Нет, капитан, вы не ошиблись. Я видел ваши приказы в кают-кампании. Что ж, продолжим свой путь к встрече с чужим кораблем.

— Похоже, все идет именно к этому.

— Возможно, у них есть товары на продажу. Особенно, если они пришли из неземного мира. Можно надеяться, капитан, что вы поможете мне в этом случае?

— Вероятно, у меня не будет времени, — сказал Блейн, выбирая самый подходящий из ответов, пришедших ему на ум.

— Да, конечно, я не имел в виду именно вас. Просто мне хотелось получить информацию о нашем движении. В моем возрасте лучше не вылезать из этой ванны на протяжении всего путешествия. Сколько еще у нас будет четыре g?

— Сто двадцать пять часов. Впрочем, уже сто двадцать четыре.

— Спасибо, капитан, — и Бари исчез с экрана.

Род задумчиво погладил бородавку на носу. Знал ли Бари о своем статусе на борту «Мак-Артура»? Впрочем, это было неважно. Он вызвал каюту Сэлли.

Она выглядела так, словно не спала неделю или улыбалась целый год.

— Хэлло, Сэлли, — сказал Блейн. — Не жалеете, что остались?

— Я же говорила вам, что могу делать все, что можете вы, — спокойно ответила Сэлли. Она ухватилась руками за стул и встала, вытянув руки вперед, чтобы доказать свои слова.

— Будьте осторожны, — сказал Блейн, стараясь, чтобы голос его звучал ровно, — не делайте резких движений и держите колени прямо. Садясь, вы можете сломать себе спину. Оставайтесь в таком положении и вытяните руки назад. Потом возьмитесь за оба подлокотника, прежде чем попробовать согнуть талию.

Она не поверила, что это так опасно, но лишь до тех пор, пока не попыталась сесть. При этом мышцы ее рук свела судорога, в глазах плеснулась паника, и она села слишком резко, как если бы гравитация «Мак-Артура» всосала ее вниз.

— У вас все в порядке?

— Да, — ответила она, — кроме гордости.

— Вот и оставайтесь в кресле, черт возьми! Разве я стою сейчас? Нет. И вы не смейте!

— Хорошо, — она повертела головой из стороны в сторону. Та явно кружилась от сотрясения.

— Вы оставили своих слуг на базе?

— Да, пришлось их обмануть: они не хотели уходить без моего багажа, — она рассмеялась смехом старой женщины. — Мне пришлось надеть на себя все, что у меня было с собой пока мы летели к Новой Каледонии.

— Чтобы обмануть их? Этим вы обманули и меня. Я должен был приказать Келли высадить вас, — голос Блейна звучал горько. Он знал, что выглядит вдвое старше своих лет, как калека в кресле на колесах. — Ну, хорошо, вы на борту, и теперь я не могу вышвырнуть вас.

— Но я могу быть вам полезной. Я антрополог, — она шевельнулась, как будто снова хотела встать. — Могу я вызывать вас по интеркому?

— Вы можете вызывать вахтенного гардемарина. Скажите ему, если вам действительно надо будет поговорить со мной. Но, Сэлли… это военный корабль. Чужаки, за которыми мы летим, могут оказаться враждебными. Ради бога, запомните, что у моих вахтенных офицеров не будет времени для научных дискуссий в середине

сражения!

— Я знаю это, можете мне поверить! — она попыталась улыбнуться. — Даже если я не знала, что лучше не вставать при четырех g.

— Хорошо. А сейчас сделайте одолжение — отправляйтесь в вашу противоперегрузочную ванну.

— Нужно ли снимать одежду, чтобы пользоваться ею?

Блейн не покраснел только потому, что ускорение не дало крови прилить к лицу.

— Это хорошая мысль, особенно если у вас много застежек. Отверните в сторону камеру.

— Хорошо.

— И будьте осторожны. Я могу прислать на помощь одного из женатых рядовых…

— Нет, спасибо.

— Тогда ждите. У нас будут пятиминутные периоды снижения тяжести. И не покидайте своего кресла в одиночку при высоком тяготении!

Она явно не собиралась делать этого — одной попытки оказалось достаточно.

— «Лермонтов» вызывает снова, — доложил Уайтбрид.

— Забудьте о нем и никаких ответов.

— Слушаюсь, сэр. И никаких ответов.

Род догадывался, что нужно крейсеру. «Лермонтов» хотел первым столкнуться с пришельцем, но не мог даже подойти к чужакам достаточно близко, прежде чем солнце окажется в опасной близости. Лучше перехватить его там, где будет больше места.

По крайней мере так это представлял себе Род. Он вполне мог доверять Уайтбриду и своим связистам: сообщения «Лермонтова» не будут занесены в вахтенный журнал.

Прошло три с половиной дня… Две минуты полуторного ускорения через каждые четыре часа для смены вахт, уборки забытых вещей, изменения положения, затем предупредительные сигналы, тряска — и слишком большой вес возвращался.

Поначалу нос «Мак-Артура» указывал на шестьдесят градусов в сторону от Кала. Потом они встали на курс пришельца и, когда это было сделано, «Мак-Артур» повернул снова. Теперь его нос смотрел на ярчайшую звезду неба.

Кал постепенно увеличивался, одновременно изменяя свой цвет. Впрочем, невооруженным глазом это голубое смещение заметить было невозможно. На своих экранах люди видели только, что самая яркая звезда становится диском и с

каждым часом все более растет.

При этом яркость ее не увеличивалась, поскольку экраны сохраняли ее неизменной, но крошечный солнечный диск стал зловеще большим и теперь висел прямо впереди. Позади появился другой диск такого же цвета — белая звезда F8. Она тоже увеличивалась с каждым часом.

На второй день Стели привел на мостик нового гардемарина, причем оба двигались в креслах на колесах. Не считая короткой беседы на Бригит, Род не встречался с ним. Это был Гэвин Поттер, шестнадцатилетний парень с Новой Шотландии. Поттер был высок для своих лет и постоянно казалось, что он горбится, опасаясь, что его заметят.

Блейн подумал, что Поттеру просто показывают корабль. Это была хорошая мысль, поскольку, если пришелец проявит свою враждебность, парень должен будет двигаться по «Мак-Артуру», возможно, в темноте и при изменчивой гравитации.

Однако, у Стели, вероятно, было кое-что еще. Блейн заметил, что они пытаются привлечь его внимание и сказал:

— Да, мистер Стели?

— Это гардемарин Гэвин Поттер, сэр, — сказал

Стели. — Он рассказал мне кое-что такое, о чем, мне кажется, вы должны знать, сэр.

— Хорошо, проходите, — любое разнообразие при высокой гравитации было желанным.

— На нашей улице была церковь, сэр. В городе на Новой Шотландии, — голос Поттера был мягким и низким, и говорил он осторожно, так что оставался только призрачный остаток того резкого акцента, который делал речь Синклера такой характерной.

— Церковь, — поощрительно сказал Блейн. — Надеюсь, не православная?

— Нет, сэр. Церковь Его Имени. У нее было много прихожан. Однажды мы с другом в шутку забрались внутрь.

— Вас поймали?

— Я знаю, что рассказываю плохо, сэр. Там была большая старая голограмма Глаза Мурчисона на фоне Угольного Мешка. Лицо Господа — совсем как на почтовой открытке. Только… только там было отличие — на этой картине. Глаз был гораздо ярче, чем сейчас, и он был сине-зеленый, а не красный. С красной точкой у одного края.

— Наверное, это была картина, — предположил Род. Он вынул карманный компьютер, написал на его табло «Церковь Его Имени», затем нажал

на кнопку информации. Устройство соединилось с корабельной библиотекой, и по табло побежали слова. «По словам последователей Церкви Его Имени, Угольный Мешок с одним красным глазом действительно является Лицом Господа. Возможно, это было сделано, чтобы придать глазу более выразительное выражение». Род с интересом приготовился слушать дальше — еще будет возможность сказать о потере времени, когда гардемарины кончат. И если они действительно теряют время зря…

— Но… — начал Поттер.

— Сэр… — сказал Стели, наклонившись на своем стуле.

— Давайте по очереди. Мистер Стели?

— Я расспрашивал не только Поттера, сэр, но и поговорил с Синклером. Он сказал, что его дед рассказывал ему, что однажды Мошка была ярче Глаза Мурчисона и ярко-зеленая. И то, как Поттер описал эту голограмму… Вы знаете, сэр, что звезды не всегда излучают один и тот же цвет. Поэтому…

— Все больше оснований предполагать, что голограмма была подкрашена. Но все равно интересно, что пришелец идет прямо от Мошки…

— Свет, — твердо сказал Поттер.

— Солнечный парус! — воскликнул Род во внезапном озарении. — Хорошо придумано, — все люди на мостике повернулись, глядя на капитана. — Вы говорили, что пришелец движется быстрее, чем должен?

— Да, сэр, — ответил Реннер со своей станции через весь мостик. — Если его запустили с обитаемого мира, вращающегося вокруг Мошки.

— Может дать такой эффект использование батареи лазерных пушек?

— А почему бы и нет? Фактически, его можно запустить с небольшой батареей, а по мере удаления корабля добавлять все больше орудий. Таким образом можно добиться огромной выгоды. Если одна из пушек выйдет из строя, можно сообщить в систему, и ее отремонтируют.

— Оставить свой мотор дома! — воскликнул Поттер. — И продолжать пользоваться им!

— Это только вопрос эффективности. Все зависит от того, какой луч мы можем получить, — ответил Реннер. — Жаль только, что нельзя использовать его и для торможения. Есть у вас основания верить…

Род оставил их разговаривать с парусным мастером об изменениях Мошки. Его самого это не очень заботило. Его волновал вопрос, что сделает

сейчас пришелец?

До встречи оставалось двадцать часов, когда Реннер пришел к Блейну и попросил разрешения воспользоваться капитанскими экранами. Видимо, ему было трудно говорить без экрана, соединенного с компьютером.

— Смотрите, капитан, — сказал он и указал на локальный звездный район на экране. — Пришелец идет отсюда. Кто бы ни запускал его, пользуясь лазерной пушкой, — а скорее их множеством, расположенным на астероидах, — на расстояние в тридцать пять лет, должен иметься луч, по которому движется корабль. И луч, и пришелец идут прямо из системы Мошки.

— Но ведь должны быть записи, — сказал Блейн. Кто-нибудь должен заметить, что Мошка излучает когерентный свет.

Реннер пожал плечами.

— И насколько хороши записи Новой Шотландии?

— Нужно их хотя бы увидеть, — потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что астрономические данные Новой Шотландии довольно подозрительны и поэтому их нет в библиотеке «Мак-Артура». — Ну, хорошо, допустим, что вы правы.

— Смотрите, как можно повернуть это в межзвездное пространство. Это они и должны сделать…

Новый курс уходил к Мошке под небольшим углом к первому.

— Кроме того, большую часть пути они идут по инерции. В этой точке

— где пришелец должен миновать Новый Кал — достаточно воздействовать на корабль десятью миллионами вольт, чтобы магнитное поле Галактики наполовину развернуло корабль, и он подошел бы к системе Новой Каледонии как бы из-за нее. В этот момент те, кто управляет лучом, тоже поворачивает его, и зонд использует его для торможения.

— Вы уверены, что магнитный эффект должен сработать?

— Это из курса физики высшей школы! И межзвездное магнитное поле хорошо картографировано, капитан.

— Хорошо, но почему они не делают этого?

— Я не знаю, — раздраженно воскликнул Реннер. — Возможно, они вообще не думали об этом. Возможно, боятся, что лазеры не будут работать, или просто не верят тому, кто остался позади. Капитан, мы все еще знаем о них слишком мало.

— Я помню об этом, Реннер. Но зачем гадать? Если нам повезет, мы сможем спросить у них самих. — Медленно, как бы неохотно, улыбка озарила лицо Реннера.

— Но это может оказаться и не правдой.

— Пойдите-ка лучше поспите.

Рода разбудил голос диктора:

— ИЗМЕНЕНИЕ ГРАВИТАЦИИ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ. УМЕНЬШЕНИЕ ГРАВИТАЦИИ ДО ОДНОГО "G" ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ.

Блейн довольно улыбнулся — одно g! — и тут же почувствовал, что улыбка исчезает. Оставался один час состязания в скорости с пришельцем. Он активировал свои наблюдательные экраны, глядя на огненные вспышки впереди и сзади. «Мак-Артур» находился между двумя солнцами. Сейчас Кал была размером с Солнце, видимое с Венеры, но более яркой — она была более горячей звездой. Пришелец был диском поменьше, но тоже ярким. Парус его был вогнут.

Род протянул руку к интеркому.

— Синклер?

— Слушаю, капитан.

Род с удовольствием отметил, что Синклер в гидравлической постели.

— Как держится поле, Сэнди?

— Отлично, капитан. Температура постоянна.

— Спасибо. — Род был доволен. Поле Лэнгстона поглощало энергию — это было его основное назначение. Оно поглощало даже кинетическую энергию взрывающегося газа или радиоактивных частиц с эффективностью, пропорциональной кубу скорости поступления энергии. В сражении адская ярость водородных торпед и концентрированная энергия лазеров могли быть рассеяны Полем, поглощены и сохранены. Когда уровень энергии увеличивался, Поле могло начать гореть, становясь из абсолютно черного красным, оранжевым, желтым и постепенно подбираясь к фиолетовому.

Это было главной проблемой для Поля Лэнгстона: энергию требовалось излучать наружу. Если Поле перегружалось, оно могло высвободить всю накопленную энергию в слепящей белой вспышке, излучая ее и наружу, и вовнутрь. Это заставляло корабельные двигатели противодействовать, и их энергия добавлялась к уже имеющейся в Поле. Когда Поле разогревалось слишком сильно, корабли погибали. И быстро.

Обычно военный корабль мог подойти к солнцу чертовски близко, не подвергаясь смертельной опасности, — его Поле никогда не разогрева-

лось горячее температуры звезд плюс то, что расходовалось на содержание и контроль Поля. Сейчас, имея солнце и впереди, и сзади, Поле могло излучать только в стороны, и это следовало контролировать, иначе «Мак-Артур» мог подвергнуться боковому ускорению. Стороны эти становились все более узкими, солнца — все более крупными, а Поле — все более горячим. На экранах Рода уже имелся красный оттенок. Это грозило неминуемой бедой.

Вернулась нормальная гравитация. Род быстро направился на мостик и кивнул вахтенному гардемарину.

— Общий сбор. Боевая тревога.

По кораблю прокатился рев сирен.

За 124 часа пришелец не показал и виду, что подозревает о приближении «Мак-Артура». И сейчас он вел себя совершенно спокойно, пока они приближались к нему.

Солнечный парус был обширным белым пространством, раскинувшимся через экраны, и вскоре Род заметил маленькую черную точку. Он возился с экраном, пока она не превратилась в большую точку с резкими краями, которую радар показывал на четыре тысячи километров ближе к «Мак-Артуру», чем парус за ней.

— Вот наша мишень, сэр, — объявил Реннер. — Они, вероятно, запихали в один кокон все, что не является парусом. Чтобы держать его открытым, хватает его собственного веса.

— Верно. Подведите нас к нему, мистер Реннер. Мистер Уайтбрид! Передайте йомену сигнальщиков, чтобы он послал открытое сообщение. На всех частотах, которые мы можем перекрыть.

— Да, сэр. Записываю.

— ХЭЛЛО, КОРАБЛЬ С СОЛНЕЧНЫМ ПАРУСОМ! ГОВОРИТ ИМПЕРСКИЙ КОРАБЛЬ «МАК-АРТУР». ПРИМИТЕ НАШИ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ. ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС В НОВОЙ КАЛЕДОНИИ И ИМПЕРИИ ЧЕЛОВЕКА. МЫ ХОТИМ ПОДОЙТИ К ВАМ ВПЛОТНУЮ. ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕТЬТЕ. Передайте это на английском, русском, французском, китайском и прочих языках, какие знаете. Если это не люди, спросите, откуда они.

Прошло пятнадцать минут. Корабельная гравитация изменилась, потом еще раз, когда Реннер начал подгонять скорости и положение корабля с грузовым коконом пришельца.

Род на минуту отвлекся, чтобы ответить на вызов Сэлли.

— Давайте быстрее, Сэлли. У нас объявлена готовность к бою.

— Да, Род, я знаю. Можно прийти к вам на мостик?

— Боюсь, что нет. Все кресла заняты.

— Неудивительно. Род, я только хотела кое-что напомнить вам. Не ждите, что они будут простыми.

— Простите?

— Вы можете счесть их примитивными только потому, что они не используют Олдерсон Драйв. Вовсе нет. Но даже если они примитивны, это вовсе не означает простоты. Их технология и образ мышления могут быть весьма сложными.

— Я это запомню. Что-то еще? Тогда пока, Сэлли. Уайтбрид, когда у вас не будет других занятий, дайте знать мисс Фаулер, что происходит,

— он выключил интерком и взглянул на кормовой экран как раз тогда, когда Стели закричал.

Солнечный парус пришельца покрылся рябью. Отраженный свет шел по нему тяжелыми извилистыми линиями. Род поморгал, но это не помогло: было слишком тяжело смотреть на это искривляющее зеркало.

— Это, должно быть, наш сигнал, — сказал Род. — Они пользуются зеркалом…

Сияние стало ослепительным, и все экраны с этой стороны погасли.

Передние сканеры действовали и записывали по-прежнему. Они показали широкий белый диск звезды Новой Каледонии очень близко, и приближалась она очень быстро — со скоростью в шесть процентов скорости света. При этом большая часть света отфильтровывалась.

На мгновение они также показали несколько странных черных силуэтов на этом белом фоне. Никто не заметил их в тот страшный момент, когда «Мак-Артур» вдруг ослеп, а в следующую секунду изображение уже исчезло.

В остолбенелом молчании заговорил Кевин Реннер.

— Они не должны были стрелять, — сказал он.

— Спасибо, мистер Реннер, — ледяным тоном ответил Род. — Может, у вас есть другие, более конкретные предложения?

«Мак-Артур» двигался неравномерно, трясясь, но солнечный парус неотступно следовал за ним.

— Да, сэр, — сказал Реннер. — Мы сделаем хорошо, если уйдем из фокуса этого зеркала.

— Контроль повреждений, капитан, — доложил Каргилл с кормового поста. — Мы получили много энергии в Поле. Слишком много и чертовски быстро, и ничто из этого не ушло. Если энергия

будет накапливаться, в нас просто прожжет дыру, но минут десять мы выдержать сможем.

— Капитан, я буду двигаться за парусом, — сказал Реннер. — У нас есть, по крайней мере, сканеры солнечной стороны, и я помню, где был кокон…

— Это неважно. Ведите нас сквозь парус, — приказал Род.

— Но мы не знаем…

— Это приказ, мистер Реннер, а вы находитесь на военном корабле.

— Слушаюсь, сэр.

Поле было кирпично-красным и становилось все ярче, но краснота была не опасна. Пока.

Пока Реннер управлял кораблем, Род небрежно заметил:

— Мы можем принять, что чужаки используют невероятно прочный материал. Как по-вашему?

— Возможно, сэр.

«Мак-Артур» затрясло. Реннер, казалось, находился в шоке.

— Но чем крепче материал, мистер Реннер, тем тоньше они будут его делать, чтобы при том же весе поймать больше солнечного света. Если у них есть очень крепкая нить, они сошьют его, чтобы получить большую площадь. Даже если

потом метеориты вырвут несколько квадратных километров паруса, они по-прежнему будут в выигрыше, не так ли? Поэтому они должны делать его достаточно прочным.

— Да, сэр, — ответил Реннер. Он двигался на четырех g, держа Кал прямо за кормой, и больше не выглядел находящимся в шоке.

«Я убедил его», — подумал Род.

Поле Лэнгстона было уже желтым.

Затем вдруг сканеры солнечной стороны показали черноту, за исключением зеленого края собственного Поля «Мак-Артура» и зазубренный горящий белый контур в том месте, где корабль прошел сквозь парус пришельца.

— Дьявольщина! Мы даже не почувствовали этого! — засмеялся Род. — Мистер Реннер, сколько осталось времени до столкновения с солнцем?

— Сорок пять минут, сэр, если мы ничего не предпримем.

— Сначала кое-что еще, мистер Реннер. Удерживайте нас рядом с парусом, прямо в этом месте, — Род подключил другую линию, чтобы соединиться с канонирами. — Кроуфорд? Осветите-ка этот парус и посмотрите, можно ли найти соединительные стяжки. Я хочу, чтобы вы отрезали этот парашют, прежде чем они снова

обожгут нас!

— Слушаюсь, сэр! — казалось, Кроуфорда обрадовала эта перспектива.

Всего оказалось тридцать две стяжки: двадцать четыре вдоль края круглого тканевого зеркала, и круг из восьми ближе к центру. Конические вздутия ткани показывали, где они находятся. Задняя часть паруса была черной, поблескивая испарениями от атаки носовых лазерных батарей.

Наконец, парус был освобожден и поплыл к «Мак-Артуру», вздымаясь и покрываясь рябью. И снова корабль прошел сквозь него, словно тот был бумажной тканью площадью во много квадратных километров.

А кокон пришельца начал свободное падение к звезде F8.

— Тридцать пять минут до столкновения, — сказал Реннер, хотя его никто не спрашивал.

— Спасибо, мистер Реннер. Командор Каргилл, принимайте управление. Будем брать кокон на буксир, — сказал Род, испытывая искреннее веселье при виде изумления Реннера.

ЗОНД БЕЗУМНОГО ЭДДИ

— Но ведь… — начал Реннер, указывая на изображение Кала, растущее на экранах мостика. Прежде, чем он успел сказать что-нибудь еще, «Мак-Артур» рванулся вперед на шести g, причем тяжесть выросла мгновенно. Указатели приборов дико задергались, когда корабль понесся прямо к солнцу. — Капитан? — сквозь бешеный стук крови в ушах Блейн все же услышал вызов своего инженера-администратора. — Капитан, какие повреждения мы можем вынести?

Говорить было очень трудно.

— Любые, если они не помешают нам добраться до дому, — прохрипел Род.

— Вас понял, — затем Каргилл проговорил по интеркому. — Мистер Поттер? На ангарной палубе вакуум? Все затворы шлюзов сложены?

— Да, сэр, — вопрос был неуместен при боевой тревоге, но Каргилл был осторожным человеком.

— Открыть двери ангара, — приказал он. — Капитан, мы можем лишиться люков ангарной палубы.

— Все в ваших руках.

— Я введу кокон на борт быстро, не теряя вре-

мени на уравнивание скоростей, и у нас будут повреждения…

— Сейчас командуете вы, командор. Приказывайте.

По мостику пополз красный туман. Род заморгал, но тот не исчез, распространяясь не в воздухе, а на сетчатке его глаз. Шесть g — это было слишком много. Если кто-нибудь потеряет сознание, все может пойти насмарку.

— Келли! — рявкнул Род. — Когда корабль повернется, берите звездную пехоту, отправляйтесь на корму и перехватывайте все, движущееся от кокона! И шевелитесь! Каргиллу не удержать ускорения!

— Слушаюсь, сэр! — даже при шести g голос Келли, похожий на скрежет гравия, был тем же самым.

Кокон был в трех тысячах километров впереди, невидимый даже в самый лучший визир, но непрерывно растущий на экранах мостика, растущий, но медленно, слишком медленно, тогда как Кал, казалось, растет слишком быстро.

Четыре минуты ускорения в шесть g. Четыре минуты агонии, а затем завыли сирены. Это был момент счастливого облегчения. Пехотинцы Келли промчались по кораблю, двигаясь в поле

низкой гравитации, пока «Мак-Артур» разворачивался на месте. Там, где они должны были перекрыть выходы с ангарной палубы, не было противоперегрузочных лож. Путаница тонких ремней поддерживала часть из них в коридорах, тогда как остальные разместились в пространстве ангара, вися, как мухи в паутине, с оружием наготове. Наготове, но для чего?

Снова взревели сирены, и снова приборы как будто сошли с ума, когда «Мак-Артур» начал тормозить перед коконом. Род с трудом повернул свои экраны. На них была ангарная палуба, темная и холодная, и смутные контуры внутренней поверхности корабельного защитного Поля черного цвета. «Хорошо, — подумал он. — Поле погасит вращательное движение кокона, если оно имеется, и сделает столкновение таким растянутым, что „Мак-Артур“ сможет им управлять…»

Еще восемь минут при шести *g* — максимум того, что может выдержать команда — а затем пришелец больше не был впереди, потому что «Мак-Артур» повернулся и подошел к нему боком. Сокрушительное ускорение кончилось, и последовал толчок снизу, когда Каргилл выстрелил из батарей левого борта, чтоб замедлить их движение к кокону.

Тот имел цилиндрическую форму с одним закругленным краем, а когда повернулся, Род заметил, что другой край усеян множеством выступов — тридцать два выступа? — но там, где должны были находиться стяжки, не было ничего.

Кокон двигался к «Мак-Артуру» слишком быстро и был слишком велик, чтобы поместиться на ангарной палубе. Он был массивен, чертовски массивен, а на борту не было ничего тормозящего, кроме лазерных батарей!

Он был уже ЗДЕСЬ! Камера ангарной палубы показала закругленный конец пришельца, тусклый и металлический, протискивающийся сквозь Поле Лэнгстона, постепенно замедляясь. Вращения у него не было, однако, он еще двигался относительно «Мак-Артура». Борт крейсера все приближался, закругленный конец кокона становился все больше и больше, и наконец — скрежет…

Род помотал головой, чтобы избавиться от снова начавшего формироваться красного тумана.

— Уходим отсюда. Мистер Реннер, принимайте управление.

Указатели приборов задергались еще до того, как взревели сирены: видимо, Реннер лег на курс

сразу, как получил контроль над ними. Сквозь темно-красный туман Блейн вглядывался в циферблаты. Хорошо, что Реннер не придумывает ничего чрезвычайного, позволяя солнцу быстро развернуть их. Они будут ускоряться в плоскости планет Кала, чтобы встретиться с «Лермонтовым» и заправиться водородом. Если же они не смогут этого сделать, у них кончится горючее…

Блейн коснулся переключателя и стал смотреть, как главный компьютер показывает участок курса. Да, Реннер работал здорово и очень быстро.

Пусть действует, подумал Род. Реннер знающий офицер и лучший навигатор, чем я. А мне нужно осмотреть корабль. Что случилось с ним, когда мы взяли на борт эту штуку? Впрочем, все экраны, обслуживающие этот участок, были пусты — камеры сожжены или разбиты. Снаружи должно быть немногим лучше…

— Летите вслепую, мистер Реннер, — приказал Блейн. — Камеры могли просто оплавиться. Подождите, пока мы отойдем от Кала.

— Доклад о повреждениях, шкипер.

— Продолжайте, командор Каргилл.

— Мы зажали пришельца дверями ангара, и зажали крепко. Не думаю, чтобы мы смогли двигаться с этой штукой с нормальным ускорением.

Пока у меня нет полного представления, но одно я знаю точно — ангарная палуба уже никогда не станет прежней, сэр.

— Есть что-нибудь серьезное, жизненно важное?

— Нет, сэр. Я могу дать вам полный список — так, мелкие проблемы: разболтавшиеся крепления, оборудование, вышедшее из строя в результате столкновения — но все сводится к следующему: если нам не придется сражаться, то мы в хорошей форме.

— Отлично. А сейчас подумайте, как бы мне связаться с звездной пехотой. Связь с Келли, похоже, нарушена.

— Слушаюсь, сэр.

Кому-то придется двигаться при шести g, чтобы выполнить этот приказ, подумал Блейн. Дай бог, чтобы он мог сделать это в движущемся кресле. Человек может ползать при таком ускорении, но потом с ним будет совсем плохо. Стоила ли игра свеч? Не велика ли плата за вероятную негативную информацию? А если она не будет негативной?

— Капрал Петров вызывает капитана, — слабый акцент Св. Екатерины.

— Пришелец не проявляет никакой активно-

сти, сэр.

— Каргилл здесь, капитан, — добавил другой голос.

— Я понял.

— Нужен ли вам Келли? Мистер Поттер сумел протянуть линию до Петрова, не покидая своего скутера, но дальше движение затруднено.

— Хорошая работа, Поттер. Капрал, вы видите мистера Келли? С ним все в порядке?

— Канонир машет мне рукой, сэр. Он дежурит во втором воздушном шлюзе.

— Хорошо. Докладывайте о любой активности пришельца немедленно, капрал, — Блейн отключился, когда предупреждающие сирены заревели вновь. Пятьдесят килограммов свалились в его груди, когда ускорение корабля уменьшилось.

Хитрая это штука, подумал он, балансировать между возможностями оказаться слишком близко к Калу и поджарить экипаж, или просто прикончить всех ускорением.

На передовом посту один из рулевых перегнулся через обивку своего ложа. Его партнер наклонился к нему, они соприкоснулись шлемами и выключили микрофоны. Помощник квартирмейстера первого класса сказал:

— Мой брат хотел, чтобы я помогал ему на его

ферме на Афродите, но я подумал, что это слишком опасное занятие, и потому пошел в военный Флот.

— Командор Синклер, хватит ли у нас энергии для доклада командованию?

— Да, шкипер. Двигатели держатся очень хорошо. Объект оказался не таким массивным, как предполагалось, и мы экономим водород.

— Хорошо.

Блейн вызвал связистов и приказал передать его доклад. Пришелец на борту. Это цилиндр с отношением осей четыре к одному. Выглядит цельнометаллическим, но детальный осмотр невозможен, пока не уменьшится ускорение. Предлагаем «Лермонтову» попробовать подобрать парус, который должен резко затормозиться, потеряв кокон. Приблизительное время прибытия на Новую Шотландию… Предположительно «Мак-Артур» выйдет на орбиту необитаемого спутника Новой Шотландии. Нет никаких доказательств жизни или просто активности на борту чужака, но…

И это очень большое «но», подумал Род. Намеренно ли они стреляли в нас? Управлял ли кораблем живой пилот или просто робот, проведший его через световые годы обычного пространства?

Впрочем, кто бы или что бы ни управляло им, сейчас он покоится на ангарной палубе линейного крейсера, отрезанный от своего паруса… Чертовски неприятный конец тридцатипятилетнего путешествия.

Хуже всего было то, что он ничего не мог сделать, чтобы разгадать тайну. Вообще ничего. Положение «Мак-Артура» не было критическим, Реннер хорошо контролировал его, но ни Блейн, ни Каргилл не могли оставить своих постов или хотя бы послать старшего офицера для изучения этой штуки.

— Все уже кончилось? — голос Сэлли звучал заунывно. — Все в порядке?

— Да, — Блейн невольно вздрогнул, — да, оно на борту, и мы не знаем о нем ничего, кроме размеров. Оно не отвечает на наши сигналы. — Почему-то он испытывал сейчас слабое удовлетворение. Может, потому, что она могла только гадать, как и все они?

«Мак-Артур» мчался вокруг Кала так близко, что явственно чувствовалось тормозящее действие его короны, но Реннер был отличным навигатором, а Поле держалось хорошо. Оставалось только ждать.

При двух g Род смог покинуть мостик. Он с уси-

лием встал, перебрался в скутер и направился на корму. Подъемники везли его «вниз», пока он двигался через корабль, и он останавливался на каждой палубе, чтобы взглянуть на членов экипажа, остающихся на местах, несмотря на слишком длительное состояние готовности к бою. «Мак-Артур» был лучшим кораблем Военного Флота… И останется им всегда!

Когда он добрался до поста Келли у воздушного шлюза, новостей по-прежнему не было.

— Там видны какие-то люки, сэр, или что-то подобное, — сказал Келли и посветил фонарем. Когда свет упал на чужой корабль, Блейн заметил обломки своих шлюпок, придавленные к стальному полу.

— И оно ничего не делает?

— Ничего, капитан. Оно вошло сюда не быстро, но ЖЕСТКО, однако после не было НИЧЕГО. Ни пехота, ни я, ни гардемарины, кишевшие вокруг, никто из нас не видел его обитателей, капитан.

— Я тоже, — буркнул Род. Он достал свой собственный фонарь и посветил на огромный цилиндр, внешняя половина которого исчезала в однородной черноте Поля.

Его луч скользнул по ряду конических вздутий, каждое из которых было диаметром в один метр,

а длиной в три. Он внимательно разглядывал их, но там не было ничего: ни петельчатых концов стяжек, которые должны были соединяться с ними, ни отверстий, через которые стяжки могли проходить. Ничего.

— Продолжайте наблюдение, Келли.

Капитан Блейн вернулся на мостик, не получив никакой новой информации, и сел, глядя на свои экраны. Рука его машинально терла переносицу.

Ради всего святого, что же он поймал?

ЧУЖАК

Блейн стоял по стойке смирно перед массивным столом. Адмирал Хоуланд Кренстон, командующий силами Его Величества за пределами Угольного Мешка, свирепо разглядывал его через стол розового тика, украшенный ручной резьбой, которая очаровала бы Рода, будь у него возможность разглядывать ее. Адмирал ткнул пальцем в толстую пачку бумаг.

— Знаете, что это, капитан?

— Нет, сэр.

— Требования выгнать вас со службы. Половина факультетов Имперского университета. Двое священников и один епископ. Секретарь Человеческой Лиги. Все обливающиеся кровью сердца по эту сторону Угольного Мешка жаждут вашего скальпа.

— Да, сэр, — похоже, больше говорить было нечего. Род стоял неподвижно, весь внимание, ожидая, пока все это кончится. Что подумает его отец? Сможет ли он понять что-нибудь?

Кренстон снова взглянул на него. В глазах его не было никакого выражения. Мундир его был помят, а миниатюры на дюжине наград рассказы-

вали историю командора, который безжалостно гнал от себя любую надежду на выживание.

— Человек, который стрелял в первого чужака, встреченного человечеством, — холодно сказал Кренстон, — и искалечил его корабль. Вам известно, что мы нашли всего одного пассажира, и он был МЕРТВ? Вероятно, вышла из строя система жизнеобеспечения, — Кренстон пальцем ткнул в сторону пачки бумаг и зло отбросил ее в сторону. — Проклятые гражданские, вечно они лезут в дела Флота! Они не оставили мне выбора… В общем так, капитан Блейн, как Адмирал Флота в этом секторе, настоящим я подтверждаю ваше назначение капитаном и назначаю вас командиром линейного крейсера Его Величества «Мак-Артур». Можете сесть.

Когда Род изумленно уставился на стул, адмирал буркнул:

— Я покажу этим ублюдкам! Постарайтесь сообщить мне, как будет выполняться мой приказ. Блейн, вы самый счастливый офицер в армии. Совету в любом случае придется утвердить ваше назначение, но без этого вы никогда не получили бы ваш корабль.

— Да, сэр, — это было правдой, но это не могло изгнать гордости из голоса Рода. «Мак-Артур»

был действительно его… — Сэр? Удалось ли что-нибудь найти в этом корабле? С тех пор, как мы оставили его на орбите, я был занят на верфях, ремонтируя «Мак-Артур».

— Мы вскрыли его, капитан. Я не уверен, что знаю, что мы нашли, но внутри его было существо. Мы нашли вот это, — и он достал большую фотографию.

Существо было распростерто на лабораторном столе. Масштаб рядом с ним показывал, что оно было невелико. 1,24 метра, а то, что Род поначалу принял за ботинки, было его ступнями. На них не было пальцев, хотя переднюю их часть покрывали усики.

Все остальное было сборищем кошмаров. У него имелись две гибкие правые руки, заканчивающиеся деликатными ладонями с четырьмя пальцами, которым противостояли два больших пальца. С левой стороны была одна массивная рука, похожая на клубок мышц, немного большая, чем обе правые руки, вместе взятые. На этой руке было три толстых пальца, сжимавшихся, как тиски.

Калека? Мутант? Существо было симметрично ниже пояса и несимметрично выше.

Торс его был бугорчатым, а мускулатура — бо-

лее развитой, чем у человека, так что Род не мог разглядеть под ней основные костные структуры.

Руки существа вызывали странное чувство. Локти правых рук выглядели совершенно здоровыми, напоминая пластиковые чашки — тут явно поработала эволюция. Нет, существо не было калекой.

Но хуже всего была его голова.

Прежде всего, не было шеи. Массивные мышцы левого плеча постепенно переходили в макушку головы чужака. Левая сторона черепа сливалась с левым плечом и была гораздо крупнее, чем правая. Левого уха не было, как не оказалось и места для него. Зато правую сторону украшало огромное мембранное ухо, нависавшее над узким плечом, которое выглядело почти человеческим, за исключением того, что за первым имелось еще одно.

Лицо не походило ни на что из того, что ему приходилось видеть. На такой голове это даже могло и не быть лицом, хотя там имелись два симметричных глаза, широко открытых в смерти, очень человеческих, похожих на восточные. Имелся и рот со слегка приоткрытыми губами, показывающими острия зубов.

— Ну, и как вам это нравится?

— Мне очень жаль, что оно умерло, — ответил Род. — Я мог бы задать ему миллион вопросов… Оно там было одно?

— Да. Только одно, внутри корабля. А теперь взгляните сюда, — Кренстон коснулся угла своего стола, обнаружив скрытую панель. Шторы на окне слева от Рода разошлись, и комната осветилась тусклым светом. Экран светился однородной белизной.

Затем вдруг с одного края на нем появились тени, уменьшаясь по мере приближения к центру, и исчезли. Все это продолжалось несколько секунд.

— Мы взяли эту запись из камер солнечной стороны — единственно уцелевших на корабле. Сейчас я замедлю показ.

Вновь на белом фоне появились тени. Когда их стало полдюжины, адмирал остановил запись.

— Итак?

— Они выглядят похоже… похоже на этого… — сказал Род.

— Рад, что вы заметили это. Смотрите дальше, — проектор снова заработал. Странные фигуры стали уменьшаться, сходясь в одну точку, но не так, как если бы они удалялись в бесконеч-

ность, а как будто испаряясь.

— Это похоже на пассажиров, изгнанных из корабля и сожженных солнечным парусом. У меня такое чувство.

— Нет, это не то. Вы можете получить сорок объяснений, если обратитесь в Университет. Картина не очень четкая. Вы заметили, как они искажены? Разные размеры, разные формы. Невозможно представить, чтобы они были живыми. Один из антропологов считает, что это были статуи богов, выброшенные наружу, чтобы защитить их от осквернения. Он подкинул эту теорию остальным, и ее приняли все, кроме тех, кто считает это трещинами в пленке, миражами Поля Лэнгстона или просто фальшивкой.

— Да, сэр, — это не нуждалось в комментарии, и Блейн не стал его давать. Он вернулся к своему месту и еще раз взглянул на фотографию. Миллион вопросов… если бы только пилот не умер…

После длительной паузы адмирал буркнул:

— Здесь копия отчета о том, что мы нашли в корабле. Возьмите его с собой и изучите. Завтра после полудня вы приглашены к Вице-королю, и он надеется узнать что-нибудь. Ваша антрополог помогала мне писать этот доклад, и вы можете побеседовать с ней, если хотите. Потом можете

пойти взглянуть на зонд — сегодня мы доставили его вниз, — Кренстон хихикнул, видя удивленный взгляд Блейна. — Интересно, как вы найдете этот материал? У Его Высочества есть планы, и вы являетесь их частью, поэтому должны знать.

Род отсалютовал и вышел, изумленный, держа под мышкой доклад с пометкой «совершенно секретно».

Доклад содержал главным образом вопросы.

Большая часть внутреннего оборудования зонда представляла собой куски, сплавившиеся в путаницу пластиковых блоков, останки интегральных схем, странные обрывки проводниковых и полупроводниковых материалов, спутанных между собой безо всякого видимого порядка. Там не было и следов от линий, управляющих стяжками, никаких следов механизмов для их вращения, никаких отверстий в тридцати двух выступах на одном из концов зонда. Если бы все стяжки были одной молекулой, это могло объяснить, почему они отсутствовали: они могли распасться на части, изменившись химически, когда пушки Блейна рассекли их. Но как они управляли парусом? Могли ли они каким-то образом сокращаться и расслабляться подобно мускулам?

Странная идея, но некоторые из неповрежденных механизмов были такими же странными. На зонде не было стандартизации отдельных частей. Два устройства, предназначенные для почти одинаковой работы, могли отличаться и почти незаметно, и весьма значительно. Соединения и установки казались вырезанными вручную, отчего зонд походил и на машину, и на скульптуру.

Прочтя это, Блейн покачал головой и вызвал Сэлли. Она пришла к нему в каюту.

— Да, я писала это, — сказала она. — И это похоже на правду. Все муфты и задвижки в этом зонде проектировались отдельно. Это будет менее удивительно, если смотреть на зонд, как на предмет, имеющий религиозное значение. Но это еще не все. Вы знаете, как действует страховка?

— В машинах? Это когда два механизма делают одно и то же. На случай, если один выйдет из строя.

— Так вот. Похоже, что мошкиты действуют именно так.

— Мошкиты?

Она пожала плечами.

— А как же еще называть обитателей Мошки? Итак, инженеры мошкитов делают два устрой-

ства для одной работы, но второе из них делает еще две другие работы, а некоторые из них имеют также биметаллические термогенераторы — все в одном устройстве. Род, я с трудом понимаю эти слова. Наши инженеры работают с модулями, верно?

— Для сложных работ они, конечно, делают это.

— А мошкиты — нет! У них все одним куском, все работает еще для чего-то. Род, вероятность того, что мошкиты сообразительнее нас, весьма велика.

Род присвистнул.

— Это… пугает. Но подождите минутку. У них есть Олдерсон Драйв или нет?

— Этого я не знаю. Но у них есть вещи, которых нет у нас. Например, высокотемпературные сверхпроводники, — сказала она, говоря так, словно повторяя заученную фразу, — нанесенные в виде тонкой пленки.

— Теперь вот это, — она протянула руку и перевернула страницу. — Взгляните на это фото. Это ямки от мелких метеоритов.

— Микрометеориты.

— Так вот, ничто крупнее четырех тысяч микрон не могло проникнуть сквозь метеоритную

защиту — вот только никто не видел этой метеоритной защиты. У них нет Поля Лэнгстона или чего-то, подобного ему.

— Но…

— Этим должен был заниматься парус. Вы понимаете, что это значит? Автопилот атаковал нас, потому что принял «Мак-Артур» за метеорит.

— А что с пилотом? Почему он не…

— Насколько мы можем судить, чужак был в анабиозе. Система жизнеобеспечения была нарушены в то время, когда мы брали его на борт. Мы убили его.

— Это точно?

Сэлли кивнула.

— Дьявольщина! Все-таки это произошло! Человеческая Лига жаждет получить мою голову на блюде с яблоком во рту, и я не осуждаю их за это. Аххххххх… — застонал он, как от боли.

— Перестаньте, — мягко сказала Сэлли.

— Простите. Чем мы займемся сейчас?

— Вскрытием. Это половина доклада, — она перевернула страницу, и Род вздрогнул. Желудок у Сэлли Фаулер был крепче, чем у большинства придворных дам.

Мясо мошкита было бледным, а кровь — розовой, похожей на смесь древесного сока с

человеческой кровью. Хирурги глубоко вскрыли его спину, обнажая кости от черепа до того места, где у человека находится копчик.

— Ничего не понимаю. А где позвоночник?

— Его нет, — ответила Сэлли. — Эволюция не придумала позвоночных на Мошке-1.

В спине были три кости, каждая толщиной с кость ноги. Самая верхняя из них доходила до черепа, словно тот имел двадцатисантиметровую ручку. Сустав на ее нижнем конце находился на уровне плеча. Таким образом, существо могло кивать головой, но не поворачивать ее.

Главная спинная кость была более длинной и более толстой, и заканчивалась большим, тщательно сделанным соединением. Самая нижняя кость расширялась к бедрам и соединялась с ними.

Имелся и спинной столб, главная нервная линия, но она шла рядом с позвоночными костями, а не сквозь них.

— Оно не могло поворачивать голову, — вслух сказал Род, — и вращалось в талии. Потому-то большой сустав так тщательно сделан. Верно?

— Да. Я видела, как испытывали этот сустав. Торсом оно поворачивало лицо прямо назад. Впечатляет?

Род кивнул и перевернул страницу. На этом рисунке хирурги изобразили череп.

Удивительно маленькая голова была какой-то кривобокой. Не только левая сторона мозга была больше, контролируя сложно управляемые правые руки, но и массивные сухожилия левого плеча соединялись узлами с левой стороны черепа для большей подъемной силы.

— Все предназначено для рук, — сказала Сэлли. — Представьте, что мошкит — труженик, и вы поймете суть дела. Правые руки предназначены для тонкой работы вроде сборки часов, а левая поднимает и держит. Он мог, вероятно, поднять один конец аэрокара одной рукой и, пользуясь правыми, запаять его двигатели. А этот идиот Горовиц считает, что это мутация! — она перевернула еще страницы. — Смотрите!

— Верно, я и сам заметил это. Руки устроены слишком хорошо.

Фотографии показывали правые руки в разных положениях. Вытянутые, они имели примерно одинаковую длину, но у нижней руки было длинное предплечье и короткое плечо, у верхней они были одинаковы. Кончики пальцев верхней руки свисали, касаясь запястья нижней.

Род продолжил чтение. Химия чужаков от-

личалась от человеческой, но не так сильно, как можно было ожидать от внеземных живых существ. Всем известные формы жизни были достаточно просты, чтобы некоторые теоретики считали распространение спор через межзвездное пространство основой жизни вообще. Теория не была широко поддержана, но была достаточно защищена, и чужак не мог решить проблемы.

Еще долго после ухода Сэлли Род изучал доклад, а когда закончил, у него сформировались три вывода:

— мошкит был разумным тружеником;

— он проделал путь в тридцать пять световых лет, чтобы найти человеческую цивилизацию;

— и Род Блейн убил его.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Вице-королевский дворец господствовал над единственным крупным городом Новой Шотландии. Сэлли восхищенно смотрела на огромное строение и возбужденно показывала на переливы цветов, изменявшихся с каждым поворотом фасада.

— Как достигается такой эффект? — спросила она. — Это не похоже на масляную пленку.

— Это вырезано из лучших пород Новой Шотландии. Вы никогда прежде не видели подобного. Здесь не было жизни, пока Первая Империя не заселила планету; дворец построен из камня, переливающегося всеми цветами по мере испарения его содержимого.

— Очень красиво, — сказала она.

Дворец был единственным зданием, вокруг которого имелось свободное пространство. Новая Шотландия теснилась на небольшом перенаселенном участке и с воздуха было хорошо видно кольцевой узор, похожий на кольца роста дерева, образованный большим генератором Поля,

защищавшим город.

— А не проще было бы планировать город, используя прямые углы? — спросила Сэлли.

— Верно, проще, — ответил Синклер. — Но мы двести лет вели войну, и кое-кто не представляет жизни без генератора Поля… Впрочем, это не относится к Флоту и Империи, — торопливо добавил он. — Нелегко ломать такие старые традиции. Лучше мы будем жить в тесноте, зато сможем сражаться.

Флайер сел на испещренную шрамами лавовую крышу дворца. Улицы внизу были путаницей цветов, напоминая клетчатую материю пледов, и каждый прохожий то и дело толкал своего соседа. Сэлли очень удивилась, увидев, как мала столица Имперского сектора.

Род оставил Сэлли и своих офицеров в уютной гостиной и последовал за накрахмаленным проводником из звездной пехоты. Зал Совета был смесью простоты и роскоши, его стены из ничем не прикрытого камня контрастировали с узорчатыми шерстяными коврами и гобеленами. С балок высоко вверху свисали боевые знамена.

Пехотинец проводил Рода к его месту. Сразу после этого перед ним поднялось возвышение для Совета и его обслуживающего персонала, а над

ним — трон Вице-короля, доминирующий над всем залом. Однако, даже трон затмевало огромное трехмерное изображение Его Королевского и Императорского Высочества и Величества, Леонида IX, милостью Божьей Императора Человечества. Когда приходило послание с Тронного Мира, изображение могло оживать, но сейчас оно показывало человека не более сорока лет, одетого в черный мундир адмирала Флота, безо всяких наград и знаков различия. Темные глаза смотрели на и сквозь каждого человека, присутствующего в зале.

Зал быстро заполнился. Здесь были Секторы членов Парламента, армейских и флотских офицеров, суетящихся гражданских, сопровождаемых клерками. Род понятия не имел, чего следует ждать, но замечал беглые ревнивые взгляды тех, кто был перед ним. Он был самым младшим офицером на первом ряду гостевых мест. Адмирал Кренстон занял место на два кресла левее Блейна и живо кивнул на его приветствие.

Прозвучал гонг. Угольно-черный дворцовый мажордом символически ударил хлыстом по своему подпоясанному белым поясом мундиру, вышел на платформу перед ними и стукнул о сцену жезлом. Тут же в комнату вошла вере-

ница людей, занимая места на возвышении. Имперские советники производят более слабое впечатление, чем их звания, решил Род. Большинство из них казалось чем-то обеспокоены, но некоторые имели такой же вид, как портрет императора, способный видеть в этом зале такое, о чем остальные могли только догадываться. Пока они бесстрастно рассаживались, гонг ударил снова.

Мажордом встал в позу и трижды ударил о сцену своим жезлом.

— Его Превосходительное Высочество Стивен Юрий Александрович Меррилл, вице-король Его Императорского Величества королевства за Угольным Мешком. Да наградит Господь мудростью Его Величество и Его Высочество.

Все встали. Стоя, Род размышлял о том, что происходит. Оказывается, легко быть циником. В конце концов, Меррилл был просто человеком, да и Его Императорское Величество тоже только человек. Они сами натягивают свои штаны — по очереди на каждую ногу — но несут ответственность за судьбу человеческой расы. Совет может советовать им, Сенат может обсуждать, Ассамблея — кричать и требовать. И вот, когда все противоречивые требования выслушаны, когда все

советы обдуманы, кто-то начинает действовать от имени человечества… Нет, церемониальное появление не было преувеличенным. Человек, обладающий такой властью, может позволить себе напомнить об этом.

Его Величество был высоким долговязым человеком с кустистыми бровями. Он был одет в мундир военного Флота со звездами и кометами на груди, полученными в прежние годы на службе Королевству. Добравшись до трона, он повернулся к трехмерному изображению над ним и хлопнул. Мажордом провел присягу на верность Короне. Меррилл сел и кивнул Совету.

Герцог Бонин, пожилой Лорд-председатель Совета, встал со своего места в центре стола.

— Лорды и джентльмены. По распоряжению Его Величества Совет собрался, чтобы обсудить вопрос о чужом корабле, прибывшем с Мошки. Заседание может оказаться долгим, — добавил он без тени сарказма.

— Все вы получили отчет о проведенном нами обследовании чужого корабля. Я могу суммировать его результаты в двух основных выводах: чужаки не имеют ни Олдерсон Драйв, ни Поля Лэнгстона. С другой стороны, они имеют другие технологии, значительно превосходящие все,

чем когда-либо обладала Империя… в том числе и Первая Империя.

По залу пронесся вздох удивления. Первая Империя пользовалась почти мистическим поклонением многих имперских губернаторов и их подданных. Бонин многозначительно кивнул.

— Сейчас мы обсудим, что нам следует делать. Его Превосходительство, сэр Траффин Джерри, сектор министра внешних дел.

Сэр Траффин был почти так же высок, как вице-король, но на этом сходство кончалось. Вместо аккуратной и атлетической фигуры Его Высочества сэр Траффин напоминал по форме бочку.

— Ваше Высочество, лорды и джентльмены. Мы отправили курьера на Спарту и в течение недели пошлем еще одного. Этот зонд был запущен более ста лет назад и двигался со скоростью, меньшей скорости света. В ближайшие несколько месяцев мы можем только ждать. Пока не придут инструкции Его Величества, я предлагаю подготовить экспедицию к Мошке,

— Джерри свирепо выпятил вперед нижнюю губу и оглядел Зал Совета. — Я подозреваю, что это удивит многих, знающих мой темперамент, но, по моему, следует обдумать этот вопрос получше. Наше решение может повлиять на судьбу

человеческой расы.

В зале одобрительно зашептались. Председатель кивнул человеку слева от себя.

— Сэр Ричард Макдональд Армстронг, сектор военного министра.

По сравнению с тушей сэра Траффина военный министр был почти крохотным. Его мелкие черты соответствовали телу, а на лице застыло выражение кротости. Однако, глаза его были жесткими, а взгляд мог поспорить с портретом над ним.

— Я отлично понимаю точку зрения сэра Траффина, — начал Армстронг.

— Для нас очень удобно знать, что на Спарте самые умные люди расы поставят заслон нашим ошибкам и промахам.

В его речи почти нет акцента Новой Шотландии, подумал Род. Только слабый намек, хотя лорд явно был местным уроженцем.

— Однако, у нас может не оказаться времени, — мягко продолжал Армстронг. — Рассмотрим этот вопрос. Как показывают наши записи, сто тридцать лет тому назад Мошка вспыхнула так ярко, что затмила Глаз Мурчисона. Затем однажды все пришло в норму. Этого не повторилось, когда зонд был готов повернуться другим концом и

начать торможение в нашей системе. Таким образом, лазеры, которые запустили его, имелись у них уже долгое время. Его строители имели по меньшей мере сто пятьдесят лет для развития новой технологии. Подумайте об этом, лорды. За сто пятьдесят лет люди Земли прошли путь от парусных военных кораблей до высадки на Луну. От пороха к водородному синтезу. При уровне технологии, которым могут обладать создатели этого зонда — и не более, чем через сто пятьдесят лет после этого — мы имели Олдерсон Драйв, Поле Лэнгстона, десять межзвездных колоний и СоВладение. Еще через пятьдесят лет Флот покинул Землю, образовав Первую Империю. Вот что значат сто пятьдесят лет для растущей расы, лорды. И вот с чем оказались бы мы лицом к лицу, появись они здесь раньше.

— А я говорю, что мы не можем позволить себе ждать! — выкрикнул мужской голос из глубины зала. — Ждать указаний со Спарты? При всем уважении к советникам Его Величества, что могут они сказать такого, чего мы не знали бы лучше их? За время, пока они смогут ответить, мы можем послать им еще отчеты. Если же положение дел изменится, их инструкции не будут иметь смысла. Клянусь зубами Господа, да уж лучше

делать свои собственные ошибки!

— Ваши предложения? — холодно спросил Председатель Совета.

— Я бы приказал адмиралу Кренстону собрать все военные корабли, которые мы можем освободить от оккупационных и патрульных обязанностей. Кроме того, я послал бы Его Величеству настоятельное требование направить в этот сектор дополнительные силы. Сейчас я предлагаю, чтобы военная экспедиция отправилась к Мошке и выяснила, что там происходит, пока Верфи переоборудуют достаточное количество кораблей, чтобы быть уверенными, что мы сможем уничтожить мир чужаков, если это понадобится.

И снова по залу прокатился вздох. Один из членов Совета быстро поднялся, требуя провести разведку.

— Доктор Энтони Хорват, министр по науке, — объявил Председатель.

— Ваше высочество, лорды и джентльмены, я говорю очень плохо, — начал Хорват.

— Дай-то Бог, чтобы так оно и было, — пробормотал адмирал Кренстон, сидевший слева от Рода.

Хорват был пожилым, тщательно одетым че-

ловеком с точными жестами, произносившим каждое слово так, как если бы собирался сказать только его и ничего больше. Он говорил тихо, но каждое его слово разносилось по всему залу.

— Этот зонд ничем не угрожал нам, лорды. На нем находился всего один пассажир, и у него не было случая послать отчет тем, кто направил его сюда, — Хорват многозначительно посмотрел на адмирала Кренстона. — Мы не нашли абсолютно никаких признаков того, что чужаки обладают сверхсветовой технологией, и ни малейшего намека на опасность, однако, лорд Армстронг призывает собирать Флот. Он действует так, словно всему человечеству может угрожать один мертвый чужак и солнечный парус! Но есть ли тому доказательства?

— Что вы предлагаете, доктор Хорват? — спросил Председатель.

— Конечно, послать экспедицию. Я согласен с военным министром, что из-за большого разрыва во времени без толку надеяться, что Трон пришлет детальные инструкции. Нужно послать военный корабль, если это может успокоить вас, но отправить на нем ученых, персонал министерства внешних дел и представителей торгового класса. Лететь с миром, как они прибыли к нам,

и не угрожать чужакам, словно они какие-нибудь пираты! Другого удобного случая может не представиться, лорды. Первый контакт между человечеством и разумными чужаками! Конечно, мы можем встретить и другие разумные виды, но и этого первого могли бы никогда не обнаружить. Все, что мы сейчас сделаем, навсегда войдет в нашу историю, и нельзя сажать кляксу на этой странице!

— Спасибо, доктор Хорват, — сказал Председатель. — Кто-нибудь еще?

Заговорили все разом, и прошло некоторое время, пока установился порядок.

— Джентльмены, мы должны принять решение, — сказал Герцог Бонин. — Какой совет мы дадим Его Величеству? Пошлем экспедицию к Мошке или нет?

Это решили быстро. Группировки военных и ученых легко перевесили сторонников сэра Траффина. Корабли нужно посылать так быстро, как только возможно.

— Превосходно, — кивнул Бонин. — А возможный характер экспедиции? Будет она военной или гражданской?

Мажордом ударил жезлом по сцене, и все головы повернулись в сторону высокого трона, на

котором сидел Меррилл, бесстрастно следивший за дебатами.

— Благодарю Совет, но я не нуждаюсь в подсказке при решении этого последнего вопроса, — сказал Вице-король. — Поскольку дело касается безопасности Королевства, оно не может быть прерогативой Сектора, — величественное выступление слегка испортило то, что Меррилл провел пальцами по волосам. Впрочем, поняв, что делает, он торопливо опустил руку на колени. Слабая улыбка появилась на его лице. — Впрочем, я полагаю, что ваш совет мог быть таким же, как мое решение. Сэр Траффин, ваша группа согласна с чисто научной экспедицией?

— Нет, Ваше Высочество.

— Я думаю, что можно не спрашивать мнение и у Лорда военного министра. Группа доктора Хорвата в любом случае имеет перевес голосов. При планировании экспедиции такого рода требуется круг лиц, меньший, чем полный Совет. Поэтому я приглашаю сейчас доктора Хорвата, сэра Траффина, лорда Армстронга и адмирала Кренстона в мой офис. Адмирал, офицер, о котором мы говорили, здесь?

— Да, Ваше Высочество.

— Пусть он придет с вами, — Меррилл встал и,

широко шагая, сошел с трона так быстро, что у мажордома не было возможности соблюсти все формальности. Он запоздало стукнул жезлом по сцене и повернулся к портрету Его Величества.

— Волею Его Высочества Совет распускается. Да наградит Господь мудростью Его Высочество. Боже, храни Императора.

Когда все покинули зал, адмирал Кренстон взял Рода за руку и провел через маленькую дверь в стене.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил Кренстон.

— Все очень аккуратно. Когда я присутствовал на Совете на Спарте, то думал, что они передерутся. Старый Бонин знает, как вести собрание.

— Да. Вы поняли эту политическую чепуху, не так ли? Во всяком случае, лучше меня. Вы можете оказаться лучшим выбором, чем я думал.

— Выбором для чего, сэр?

— А разве это не очевидно, капитан? Его Светлость и я приняли решение прошлой ночью. Вы пойдете на «Мак-Артуре» к Мошке.

УБИЙЦА ПЛАНЕТ

У Вице-короля Меррилла было два офиса. Один был огромный, витиевато украшенный подарками и подношениями со множества миров. На стене, позади тисового стола, инкрустированного слоновой костью и золотом, было трехмерное изображение Императора, цветущие ковры из живых трав Тэйблтопа обеспечивали бесшумное хождение и очистку воздуха, и тривизионные камеры были незаметно вделаны в каменные стены для удобства репортеров, описывающих церемониальные торжества.

Род едва успел взглянуть на роскошное место Его Высочества, как его провели через этот зал в гораздо меньшую комнату, обставленную почти с монашеской простотой. Вице-король сидел за огромным дюралепластовым столом. Волосы его были в беспорядке, воротник форменной туники расстегнут, а ботинки стояли у стены.

— Ага. Входите, адмирал. Я вижу, вы привели младшего Блейна. Как дела, парень? Ты, конечно, не помнишь меня. В нашу единственную встречу тебе было года два. Или три? Будь я проклят, если помню это. Как поживает маркиз?

— Хорошо, Ваше Высочество. Я уверен, что он послал…

— Конечно, конечно. Хороший человек твой отец. Бар находится справа от тебя, — Меррилл схватил пачку бумаг и пролистал страницы, делая это так быстро, что очертания их расплывались. — Так я и думал,

— он поставил свою подпись на последнем листе, корзина кашлянула, и бумаги исчезли.

— Возможно, я должен представить капитана Блейна… — начал адмирал Кренстон.

— Конечно, конечно. Как это я забыл? Доктор Хорват, мистер Армстронг, сэр Траффин — капитан Блейн, «Мак-Артур». Он сын маркиза Круциса.

— «Мак-Артур»? — презрительно сказал доктор Хорват. — Я вижу. Простите, Ваше Высочество, но я не понимаю, зачем ОН нужен вам здесь.

— Зачем? — переспросил Меррилл. — Пользуйтесь логикой, доктор. Вы знаете, о чем было наше совещание, правда?

— Я не говорю, что не уверен в выводе, сделанном мной, Ваше Высочество, и все же не вижу причин, почему этот… милитаристский фанатик должен стать частью планируемой экспедиции такого огромного значения.

— Вы жалуетесь на одного из моих офицеров,

сэр? — огрызнулся адмирал Кренстон. — Если да, то могу я спросить у вас…

— Это и так будет сделано, — сказал Меррилл, растягивая слова. Он бросил другую пачку бумаг в корзину и задумчиво смотрел, как она исчезала. — Доктор Хорват, полагаю, вы выскажете свои возражения, и мы посмотрим, что с ними сделать, — трудно было понять, кому предназначалась улыбка Вице-короля.

— Мои возражения довольно очевидны. Этот молодой человек может вовлечь человечество в войну с первой нечеловеческой цивилизацией, которую мы встретили. Адмиралтейство не сочло возможным уволить его, но я решительно возражаю против его участия в дальнейшем контакте с чужаками. Сэр, неужели вы не понимаете гнусности того, что он сделал?

— Нет, сэр, я этого не понимаю! — воскликнул военный министр Армстронг.

— Но ведь этот корабль прошел тридцать пять световых лет. В обычном космосе! Более ста пятидесяти лет полета! Это достижение, с которым не могла сравниться даже Первая Империя! И для чего все это? Чтобы быть искалеченным на месте назначения, расстрелянным, затолканным в трюм крейсера и доставленным в… — на этом

месте голос министра по науке сорвался.

— Блейн, вы расстреливали зонд? — спросил Армстронг.

— Нет, сэр. Это он стрелял в нас. Я приказал перехватить и осмотреть его. После того, как корабль чужаков атаковал мой корабль, я отсек его от солнечного паруса, используемого им как оружие.

— Похоже, вам приходилось выбирать из двух вариантов: взять его на борт или позволить ему сгореть, — добавил сэр Траффин. — Это хорошая работа.

— Но совершенно ненужная, если бы зонд не был поврежден, — настаивал Хорват. — Когда он стрелял в вас, почему вы не додумались зайти за парус и продолжать следовать за ним? Использовать парус, как прикрытие? Вам не требовалось убивать его!

— Эта штука стреляла по имперскому военному кораблю! — взорвался Кренстон. — И вы думаете, что один из моих офицеров мог…

Меррилл поднял вверх руку.

— Интересно, капитан, почему вы не сделали так, как сказал сейчас доктор Хорват?

— Я… — Блейн выпрямился, мысли его путались. — Понимаете, сэр, у нас кончалось топливо,

и мы были слишком близко к Калу. Если бы мы сохраняли скорость зонда, это кончилось бы потерей контроля над ситуацией. Нам требовалась скорость, чтобы уйти от гравитации Кала, и… И я приказал идти на перехват, — он на мгновение замолчал, коснувшись пальцами сломанного носа.

Меррилл кивнул.

— Еще один вопрос, Блейн. Что вы думали, когда были назначены для исследования чужого корабля?

— Я был возбужден возможностью встречи с ним, сэр.

— Джентльмены, по-моему, он говорит не как безрассудный ксенофоб. Но когда его корабль атаковали, он сумел защитить его. Доктор Хорват, если бы он действительно расстрелял зонд — а это было проще всего, после того, как стало ясно, что он не может повредить его корабля, — я первым потребовал бы, чтобы его отстранили от службы Его Величеству в каком бы то ни было качестве. Вместо этого он осторожно лишает зонд его оружия и с риском для своего корабля берет его на борт. Мне нравится эта комбинация, джентльмены, — он повернулся к Армстронгу. — Дикки, объявите им, что мы решили относительно экс-

педиции.

— Да, Ваше Высочество, — военный министр откашлялся. — Пойдут два

корабля. Имперский линкор «Ленин» и линейный крейсер «Мак-Артур». «Мак-Артур» будет переоборудован в соответствии с требованиями доктора Хорвата и понесет гражданский персонал экспедиции, который будет включать ученых, торговцев, людей из министерства иностранных дел и контингент миссионеров, которых требует Его Преосвященство, в дополнение к военному экипажу корабля. Всеми контактами с чужой цивилизацией будет управлять «Мак-Артур».

Меррилл многозначительно кивнул.

— Ни при каких обстоятельствах «Ленин» не берет на борт чужаков и не подвергает себя опасности захвата. Я хочу быть уверен, что мы получим информацию от этой экспедиции.

— А не слишком ли это? — спросил Хорват.

— Нет, сэр, — выразительно ответил сэр Траффин. — Ричард исходит из того, что чужаки не должны получить удобного случая завладеть ни Полем Лэнгстона, ни Олдерсон Драйв, и я полностью согласен с ним.

— Но если они… допустим, они захватят «Мак-Артур»? — спросил Хорват.

— Тогда «Ленин» уничтожит «Мак-Артур».

Блейн кивнул. Он уже понял это.

— Подберите хорошего человека для принятия такого решения, — заметил сэр Траффин. — Кого вы посылаете на «Ленине»?

— Адмирала Лаврентия Кутузова. Вчера мы отправили за ним курьерский корабль.

— Этого палача? — Хорват поставил свой стакан на стол и в ярости повернулся к Вице-королю. — Ваше Высочество, я протестую! Из всех людей Империи вы сделали самый худший выбор! Вы должны знать, что Кутузов был тем человеком, который… который стерилизовал Иштван. Изо всех параноиков… Сэр, я умоляю вас пересмотреть ваше решение. Человек вроде него может… Неужели вы не понимаете? Там же цивилизация разумных существ! Это может оказаться величайшим моментом во всей истории, а вы хотите послать экспедицию под командой недочеловека, который повинуется только рефлексам! Это безумие.

— Еще большим безумием было бы послать экспедицию под командой человека вроде вас, — заметил Армстронг. — Не относитесь к этому, как к оскорблению, доктор, но вы смотрите на чужаков как на друзей, и не видите всей опасности.

Возможно, я и мои друзья видим ее слишком много, но уж лучше пусть ошибемся мы, чем вы…

— Совет… — слабо запротестовал Хорват.

— Это вопрос не для Совета, — заявил Меррилл. — Это вопрос защиты Империи. Безопасности Королевства и всего того, что вы знаете. Остается только вопрос, что скажет обо всем этом Имперский Парламент на Спарте, но как Представитель Его Величества в этом Секторе я уже принял решение.

— Понимаю, — Хорват уныло сел, затем снова вскочил. — Но вы сказали, что «Мак-Артур» будет переделан для научных нужд. Что у нас будет полностью научная экспедиция.

Меррилл кивнул.

— Да. Надеюсь, вам не придется иметь дело с кораблем Кутузова. Он не должен вступать в какие-либо отношения и летит только для страховки.

Блейн осторожно откашлялся.

— Говори, парень, — сказал Армстронг.

— А что с моими пассажирами, сэр?

— Конечно, конечно, — ответил Меррилл. — Племянница сенатора Фаулера и этот торговец. Думаете, они захотят лететь с вами?

— Я знаю, что Сэлли… то есть, мисс Фаулер,

захочет, — ответил Род. — Она отказалась от двух возможностей отправиться на Спарту и каждый день ходит в Адмиралтейство.

— Студентка-антрополог, — буркнул Мерилл. — Если она хочет лететь, пожалуйста. Не будет вреда, если мы покажем Человеческой Лиге, что посылаем не карательную экспедицию, и я не вижу лучшего способа сделать это очевидным для них. Это хорошая политика. А что с этим Бари?

— Я не знаю, сэр.

— Узнайте, хочет ли он лететь, — сказал Мерилл. — Адмирал, у вас есть подходящий корабль, отправляющийся в столицу?

— Никого, кому я мог бы доверить этого человека, — ответил Кренстон. — Вы видели рапорт Плеханова.

— Да. Что ж, доктор Хорват хочет взять с собой торговцев. Думаю, его превосходительство с радостью ухватится за удобный случай отправиться туда… Только скажите ему, что можете вместо него пригласить его конкурентов. Это можно сделать, а? Я никогда не видел торговца, который не согласился бы пройти сквозь ад, чтобы покончить с конкуренцией.

— Когда мы отправляемся, сэр? — спросил Род.

Меррилл пожал плечами.

— Все зависит от людей Хорвата. Полагаю, работы много. «Ленин» будет здесь через месяц. Кутузова он заберет по дороге. Почему бы вам не отправиться, как только будет готов «Мак-Артур»?

ЦЕРКОВЬ ЕГО ИМЕНИ

Монорельсовый вагон двигался с громким шипящим звуком со скоростью сто пятьдесят километров в час. Воскресная толпа пассажиров, казалось, тихо наслаждалась. Разговаривали мало. В одной группе в конце салона мужчины пустили по кругу фляжку, но даже и эта группа не была шумной: они только улыбались. Несколько примерных детишек сидело, вытянув шеи, и смотрело в окно, указывая на что-то, переговариваясь на непонятном диалекте.

Кевин Реннер вел себя точно так же. Он склонил голову в сторону и прильнул к чистому пластиковому окну, чтобы лучше видеть чужой мир. По лицу его блуждала улыбка.

Стели сидел у прохода, а Поттер расположился между ними.

Эти трое были не в увольнении: они были свободны от дежурства, и их могли вызвать через их карманные компьютеры. Военные техники на Верфях Новой Шотландии были заняты отскабливанием шлюпок «Мак-Артура» от стен ангарной палубы и заменой их другими под надзором Синклера. Синклеру в любой момент мог

понадобиться Поттер, а он был их гидом. Возможно, Стели помнил это, но его напряженная поза не была признаком неудобства. Он был вполне доволен собой — просто он всегда сидел так.

В основном говорил Поттер, указывая в окно.

— Это два вулкана, вы видите их, мистер Реннер? Видите вон те, похожие на ящики образования возле вершины каждого? Это атмосферный контроль, без него наша атмосфера скоро стала бы совсем грязной.

— Но ведь вы не могли делать этого во время Гражданских войн. Как же вы жили тогда?

— Плохо.

Пейзаж был рассечен странными резкими линиями. Там была мешанина обработанных полей, а тут почти безжизненные места, почти лунный пейзаж, правда, смягченный эрозией. Странно было видеть широкие реки, беззаботно переходящие из полей в пустыню. Сорной травы не было — ничто не росло в дикой форме. У рощ, мимо которых они сейчас проезжали, были такие же резкие границы и строгий порядок, как у широких полос цветочных клумб, которые проехали раньше.

— Вы живете на Новой Шотландии уже триста лет, — сказал Реннер. — Почему все до сих пор

выглядит таким образом? Я думал, что сейчас у вас уже есть слой пахотной почвы, и в нее посажены семена. Часть земли можно было отдать дикой природе.

— Часто ли на колониальных мирах обработанные земли возвращаются к своему прежнему состоянию? В нашей истории люди расселяются быстрее, чем появляется пахотная почва, — Поттер вдруг сел прямо. — Смотрите вперед. Мы въезжаем в Кветтин Пэтч.

Вагон мягко затормозил. Двери открылись, и часть пассажиров вышла. Военные тоже вышли с Поттером во главе. Он двигался почти прыжками — это был его родной город.

Реннер вдруг остановился.

— Смотрите, Глаз Мурчисона виден днем!

Это была правда. Звезда была высоко на востоке — красная искра, едва заметная на голубом небе.

— А вот Лицо Господа не разглядишь.

Головы повернулись в сторону военных, и Поттер мягко сказал:

— Мистер Реннер, здесь не следует называть это Лицом Господа.

— Да? А почему?

— Иеговисты называют это Его Лицом. Они никогда не упоминают Господа прямо. Хороший

прихожанин верит, что это всего лишь Угольный Мешок.

— Везде называют это Лицом Господа — неважно, хорошие прихожане или нет.

— Везде, где нет иеговистов. Если мы пойдем в этом направлении, то еще до темноты доберемся до Церкви Его Имени.

Кветтин Пэтч был маленькой деревней, окруженной пшеничными полями. Дорога была широким базальтовым потоком с волнистой поверхностью, как-будто здесь текла лава. Реннер предположил, что когда-то здесь садился космический корабль, образовав этот поток задолго до того, как вдоль него поднялись здания.

— А откуда взялись иеговисты? — спросил Реннер.

— Об этом есть легенда, — сказал Поттер и остановился. — А может, и не легенда. По словам иеговистов, Лицо Господа однажды просыпалось.

— Что?

— Он открывал свой единственный глаз.

— Это произошло, когда мошкиты использовали свои лазерные пушки для запуска солнечного паруса. И никаких данных об этом?

— Верно, — Поттер подумал. — Это случилось

во время Гражданских войн. Вы знаете, война нанесла нам громадный ущерб. Новая Шотландия осталась верна Империи, а Новая Ирландия — нет. Пятьдесят или около того лет мы сражались друг с другом, пока межзвездные корабли не кончились, и связь со звездами оборвалась. Потом, в 2870 году, в систему вошел корабль. Это был «Лей Кратер», торговый корабль, переделанный для ведения войны, с действующим Полем Лэнгстона и трюмом, полным торпед. Даже со всеми своими повреждениями он был самым мощным кораблем в системе Новой Каледонии. С его помощью мы уничтожили предателей Новой Ирландии.

— Это было сто пятьдесят лет назад, а ты рассказываешь так, как будто сам жил тогда.

Поттер улыбнулся.

— Мы здесь принимаем нашу историю очень близко к сердцу.

— Да, конечно, — сказал Стели.

— Вы спрашивали о планах, — сказал Поттер. — Университетские записи ничего не говорят. Как известно, некоторые из компьютерных записей были уничтожены во время войны. Что-то произошло с Глазом, это точно, но это должно было случиться после войны. Иначе это не произвело бы большого впечатления.

— Но почему нет? Лицо… этот Глаз является крупнейшей и самой яркой звездой вашего неба.

Поттер невесело улыбнулся.

— Но не во время войны. Я читал дневники. Люди прятались под университетским Полем Лэнгстона, а когда вышли наружу, то увидели на небе поле боя со странными огнями и вспышками взрывающихся кораблей. Только после окончания войны люди вновь стали смотреть на небо. Позднее астрономы попытались изучить, что же произошло с Глазом, а потом Говарда Литлмида посетило божественное вдохновение.

— И он решил, что Лицо Господа было именно тем, на что оно походило.

— Да, так он и решил. И убедил в этом многих людей. Вот мы и на месте, джентльмены.

Церковь Его Имени была одновременно внушительной и довольно ободранной. Это было каменное строение, способное выдержать века — и выдержавшее их. Однако, камень был поношен, как будто испещрен пескоструйными штормами, перемычки и карнизы потрескались, стены покрывали инициалы и непристойности, выжженные лазерами.

Священник был высоким, круглым человеком с мягким уступчивым взглядом, однако, он ока-

зался неожиданно тверд в своем отказе пустить их внутрь. Получилось не слишком хорошо, когда Поттер сказал, что является горожанином. Церковь Его Имени и священник много вынесли от рук горожан.

— Неужели ты думаешь, что мы действительно хотим что-то осквернить? — сказал ему Реннер.

— Вы неверующие. Какое дело привело вас сюда?

— Мы только хотим увидеть картину У… Его Лица во всем его величии. Увидев это, мы уйдем. Если ты не пустишь нас, мы можем заставить тебя силой. Это касается Военного Флота.

Священник презрительно взглянул на него.

— Это Новая Шотландия, а не какая-нибудь примитивная колония, оккупированная Флотом. Вам требуется приказ Вице-короля, чтобы войти сюда силой. Вы же не туристы.

— Ты слышал о зонде чужаков?

Священник утратил часть своей уверенности.

— Да.

— Мы верим, что его запустили лазерными пушками с Мошки.

Это привело священника в замешательство, но затем он захохотал и смеялся долго и громко. Еще продолжая смеяться, он ввел их вовнутрь. Не го-

воря ни слова, он провел их по потрескавшемуся кафелю через весь зал, а затем в главное святилище. Потом он встал в стороне, глядя на их лица.

Лицо Господа занимало половину стены. Это было похоже на огромную голограмму. Звезды у края были слегка размазаны, что бывало только с очень старыми голограммами. Кроме того, было чувство взгляда в бесконечность.

Глаз на этом Лице горел чистым зеленым огнем пугающей интенсивности. Чисто-зеленым с красным пятнышком на нем.

— Боже мой! — сказал Стели и поспешно добавил: — То есть, я хотел сказать... Вот это сила! Какую индустриальную мощь должен иметь мир, чтобы послать такой свет за тридцать пять световых лет!

— Мне казалось, что я запомнил это лучше... — прошептал Поттер.

— Вы увидели! — пропел священник. — И по-вашему, это может быть природным феноменом? Итак, вам этого достаточно?

— Да, — сказал Реннер, и они вышли.

Снаружи они остановились, освещенные солнцем. Реннер покачал головой.

— Я нисколько не порицаю Литлмида, — сказал он. — Удивительно, как он не обратил в свою веру

каждого человека на планете.

— Мы довольно упрямы, — сказал Поттер. — Этот поглядывающий искоса силуэт на ночном небе слишком очевиден, слишком…

— Глуп! — подсказал Реннер.

— Да. На Новой Шотландии люди не терпят обращения с собой как с тупицами, даже с Его стороны.

Вспомнив гниющее здание с его потрепанным внутренним видом, Реннер сказал:

— Похоже, Церковь Его Имени переживает худшие дни с тех пор, как Литлмид увидел свет.

— Верно. В 2902 году свет погас. Сто пятнадцать лет назад. Это событие очень хорошо задокументировано. На этом астрономия здесь кончилась — до возвращения Империи.

— Мошка погасла вдруг?

Поттер пожал плечами.

— Никто не знает. Это произошло, когда мы были повернуты к ней другой стороной. Вы, конечно, заметили, что цивилизация здесь отвоевала не так много места у бесплодного мира. Мистер Реннер, когда той ночью Угольный Мешок поднялся из-за горизонта, он выглядел уже, как слепой человек. Для иеговистов это было так, словно Господ снова заснул.

— Забыв про них?

— Говард Литлмид принял большую дозу снотворного. Иеговисты говорят, что он торопился на встречу с Господом.

— Вероятно, такое объяснение было необходимым, — сказал Реннер. — Что-то вы притихли, мистер Стели.

Хорст мрачно взглянул вверх.

— Они могут построить лазерную пушку, которая ярко сияет на нашем небе, а мы готовим туда военную экспедицию!

СПУСК В АД

С большим трудом удалось собрать всех на ангарной палубе. Закрытые ангарные двери были единственным достаточно большим пространством, способным одновременно вместить команду корабля и научный персонал, но даже здесь была жуткая давка.

Отделение ангара было забито механизмами: посадочная шлюпка, баркас и катер, оборудование для научных исследований, корабельные запасы и всякое прочее, чьего назначения Блейн даже не знал. Люди доктора Хорвата настаивали на погрузке почти каждого прибора, используемого при их работе, на случай, если он вдруг им понадобится, и военные с трудом сдерживали этот натиск, поскольку экспедиций такого рода до сих пор не было.

Сейчас огромное пространство было заполнено до краев. Вице-король Меррилл, министр Армстронг, адмирал Кренстон, кардинал Рэнсдорф и множество менее высоких гостей стояли вокруг, и Род надеялся, что его подчиненные сумели как следует подготовиться к отлету. Последние дни были заполнены неизбежной спешкой, главным

образом, общественными делами, и для важной работы по подготовке корабля оставалось мало времени. Сейчас, ожидая последнюю церемонию, Род мечтал поскорее убраться из жизни столицы и остаться на борту своего корабля, подобно отшельнику. Следующий год или около того он будет под началом адмирала Кутузова, и Род подозревал, что адмирал не совсем доволен командиром подчиненного ему корабля. Русский был явно далек от церемонии, проходившей на ангарных дверях «Мак-Артура».

Не заметить его было невозможно. Кутузов был массивным, плотным мужчиной с тяжеловесным чувством юмора. Он походил на деятелей из учебника по русской истории и говорил точно так же. Частично это было следствием его воспитания на Св. Екатерине, но главную роль играл его личный выбор. Кутузов проводил многие часы, изучая древнерусские обычаи и усваивая многие из них. Мостик его флагманского корабля был украшен иконами, в каюте кипел самовар с чаем, а команда изучала то, что, как считал Кутузов, было точной копией казацких танцев.

Во Флоте укрепилось мнение, что это — человек-универсал: в высшей степени компетентный, непоколебимо выполняющий любые приказы,

отданные ему, и настолько нуждающийся в человеческом сострадании, что рядом с ним люди чувствовали себя неудобно. Поскольку Флот и Парламент официально одобрили акцию Кутузова, приказавшего уничтожить восставшую планету, — Имперский совет установил, что суровая мера предотвратила распространение мятежа по всему Сектору — адмирала приглашали на все общественные мероприятия, но никто не огорчался, когда он отказывался от приглашения.

— Главная проблема — это безумные русские обычаи, — заметил Синклер, когда офицеры «Мак-Артура» обсуждали своего нового адмирала.

— Ничем не хуже шотландских, — заметил первый лейтенант Каргилл. — По крайней мере, он не пытается заставить нас понимать русский. Он довольно хорошо говорит по-английски.

— Ты хочешь сказать, что мы на Шотландии говорим не по-английски?

— требовательно спросил Синклер.

— Можешь думать, что угодно, — ответил Каргилл, но потом подумал и сказал: — Конечно, нет, Сэнди. Порой, когда ты возбужден, я не могу понять тебя, но… давай лучше выпьем.

Что ж, подумал Род, Каргилл пытается вести себя с Синклером по-дружески. Причина этого очевидна: пока корабль на Новой Шотландии, и им занимаются люди с Верфи под началом Макферсона, Каргилл старается не раздражать главного инженера. Это могло кончиться переездом из каюты… или чем-нибудь похуже.

Вице-король Меррилл что-то говорил. Род отогнал прочь посторонние мысли и начал напряженно слушать журчание его голоса.

— Я сказал, что действительно не вижу во всем этом смысла, капитан. Вполне можно было провести эту церемонию на земле… хотя бы ради вас, ваше преподобие.

— Раньше корабли покидали Новую Шотландию без моего благословения,

— буркнул кардинал. — Но раньше не было миссии, настолько сбивающей церковь с толку, как эта. Что ж, у молодого Харди будет проблема для разрешения, — и он указал на экспедиционного священника. Дэвид Харди был почти в два раза старше Блейна, так что упоминание кардинала было довольно относительно.

— Итак, вы готовы?

— Да, ваше преосвященство, — Блейн кивнул Келли.

— КОРАБЕЛЬНАЯ КОМАНДА, ВНИМАНИЕ!

Бормотанье стихло, как бы отрезанное, хотя и не так быстро, как было бы, не будь на борту штатских.

Кардинал вынул из кармана епитрахиль, поцеловал ее и повесил себе на шею. Священник Харди передал ему серебряное ведерко и аспенгер — жезл с полым шаром на конце. Кардинал Рэнсдорф погрузил шар в ведро и брызнул водой на собравшихся людей.

— Ты очистишь меня, и я стану чист. Ты вымоешь меня, и я стану белее снега. Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

— Так было вначале, есть сейчас и будет всегда в бесконечных мирах.

— Аминь, — автоматически отозвался Род. Верил ли он во все это? Или просто был дисциплинированным солдатом? Он не мог решить этот вопрос, но был рад, что кардинал пришел. «Мак-Артуру» могла пригодиться любая помощь…

Официальные лица сели в атмосферный флайер, и зазвучал предупреждающий гонг. Команда «Мак-Артура» бросилась долой с ангарной палубы, а Род шагнул в камеру воздушного шлюза. Завыли помпы, освобождая ангар от воздуха, а потом огромные двойные двери открылись.

«Мак-Артур» тем временем замедлил вращение, сообщаемое ему центральным маховиком. Если бы на борту флайера были только военные, корабль можно было бы запустить и вращаясь по изогнутой траектории, но с Вице-королем и кардиналом это было невозможно. Посадочная шлюпка легко двинулась со скоростью 150 см/сек и вылетела наружу.

— Закрыть и опечатать, — приказал Род. — Занять места для ускорения, — он повернулся и поплыл к мостику в нулевой гравитации. За его спиной телескопические стяжки протянулись через все пространство ангарной палубы, пока пустота частично не заполнилась. Конструкция ангаров космических военных кораблей специально запутана, поскольку корректировочные шлюпки должны запускаться в нужный момент, а огромное пустое пространство необходимо скрепить на случай возможной беды. Сейчас, с дополнительными шлюпками ученых Хорвата, добавившимися к полному комплекту оборудования «Мак-Артура», ангарная палуба была лабиринтом кораблей, стяжек и упаковок.

Остальная часть корабля была набита битком. Вместо обычной деятельности в ожидании ускорения, коридоры «Мак-Артура» кишели людьми.

Некоторые из ученых были наполовину в боевых доспехах, перепутав сигнал ускорения с боевой тревогой. Другие стояли в узких проходах, блокируя движение и не зная, на что решиться. Старшины орали на них, не имея возможности бить гражданских или сделать что-нибудь похлеще.

В конце концов Род добрался до мостика, пока за ним офицеры и боцманы расчищали проходы и докладывали о готовности. Блейн не винил свою команду за неспособность справиться с учеными, но и игнорировать ситуацию он не мог. Кроме того, если он простит своих людей, они вообще потеряют всякий контроль над штатскими. Он не мог реально угрожать министру по науке и его людям, но если он будет достаточно тверд со своей собственной командой, ученые могут последовать их примеру, чтобы… Нет, эта теория не годится, подумал он. Глядя на монитор, показывающий двух звездных пехотинцев и четырех гражданских техников, запутавшихся и не способных разойтись в следующей за каюткампанией переборке, Род мысленно выругался, предвкушая будущую работу. Что-нибудь он все-таки сделает.

— Сигнал от флагмана, сэр. Сохранять направ-

ление на «Редпинес»?

— Принято, мистер Поттер. Мистер Реннер, принимайте командование и следуйте за танкером номер три.

— Есть, сэр, — буркнул Реннер. — Итак, мы отправляемся. Жаль, что устав не предусматривает шампанское в такую минуту.

— Мне кажется, вам и так хватает дел, мистер Реннер. Адмирал Кутузов требует, чтобы мы соблюдали то, что он называет правильным построением.

— Да, сэр. Прошлой ночью я говорил об этом с парусным мастером «Ленина».

— Уф-ф! — Род вновь уселся в командирское кресло. Это должно быть трудное путешествие, подумал он. Все эти ученые на борту… Доктор Хорват настаивал на своем присутствии, и это должно было стать проблемой. Корабль так был забит гражданскими, что большинство офицеров «Мак-Артура» ютились в уже слишком маленьких каютах; младшие лейтенанты развешивали свои гамаки в кают-компаниях вместе с гардемаринами; звездные пехотинцы теснились в комнатах отдыха, поскольку их казарменные помещения были забиты научным оборудованием. Род уже начал думать, что Хорват выиграл свой

спор с адмиралом Кренстоном: ученый хотел взять в поход транспортник с его огромными спальнями.

Адмиралтейство поставило крест на этой идее. Экспедиция должна была состоять из кораблей, способных защитить себя, и только из них. Танкеры должны были сопровождать флот до Глаза Мурчисона, но не отправлялись к Мошке.

Из уважения к штатским полет протекал при 1,2 g. Род страдал из-за бесчисленных званых приемов, дискуссий между учеными и командой и отбивал попытки астрофизика доктора Бакмена монополизировать время Сэлли.

Первый Прыжок был обычным делом. Точка перехода в Глазу Мурчисона была хорошо известна. В момент перед тем, как «Мак-Артур» прыгнул, Новая Каледония была великолепной белой точкой, а затем впереди вспыхнул ослепительный красный свет Глаза Мурчисона, имевшего размеры бейсбольного мяча, который держат на вытянутой руке.

Флот двинулся к нему.

Гэвин Поттер поменялся гамаками с Хорстом Стели. Это обошлось ему в недельную стирку белья, но дело того стоило.

Из гамака Стели было видно иллюминатор.

Разумеется, он находился под гамаком, в цилиндрическом вращающемся полу кают-кампании. Поттер лежал в гамаке лицом вниз и легонько улыбался.

Уайтбрид лежал в своем гамаке лицом вверх, прямо за вращающейся переборкой. Прежде, чем заговорить, он несколько минут наблюдал за Поттером.

— Мистер Поттер?

Новошотландец повернул к нему голову.

— Да, мистер Уайтбрид?

Уайтбрид продолжал смотреть на него, положив руки под голову. Он отлично понимал, что слепое увлечение Поттера Глазом Мурчисона нисколько не касалось его. Совершенно непостижимым образом Поттер продолжал оставаться вежливым. Как это ему удавалось?

На борту «Мак-Артура» бывали увеселительные мероприятия, но для гардемарина не было способа попасть на них. Свободные от дежурства гардемарины должны были развлекаться сами.

— Поттер, помнится, ты пришел на борт старины «Мака» на Дагне, перед тем, как мы отправились на перехват зонда.

Хорст Стели, который тоже был свободен от дежурства, повернулся в том, что было койкой

Поттера, и взглянул на него. Уайтбрид, казалось, не заметил этого.

Поттер повернулся и моргнул.

— Да, мистер Уайтбрид, это правда.

— Что ж, кто-нибудь должен сказать тебе это, и я не вижу никого, кроме себя, кто мог бы это сделать. Твой первый полет на корабле заключался в движении прямо в звезду F8. Надеюсь, это не оставило у тебя плохих впечатлений о службе.

— Вовсе нет. Это было так волнующе, — вежливо сказал Поттер.

— Движение прямо в солнце — редкая штука на службе. Это бывает не в каждом полете. Я думал, что кто-нибудь скажет тебе это.

— Но, мистер Уайтбрид, разве мы не делаем именно это?

— Что? — такого поворота Уайтбрид не ожидал.

— Ни один корабль Первой Империи не обнаружил точку перехода от Глаза Мурчисона к Мошке. Возможно, это им не требовалось, хотя можно предположить, что они делали такие попытки, — серьезно сказал Поттер.

— Конечно, у меня очень мал опыт работы в космосе, но я вовсе не необразован, мистер Уайтбрид. Глаз Мурчисона — это красный супер-

гигант, большая враждебная звезда размером с орбиту Сатурна в Солнечной Системе. Вполне вероятно, что точка Олдерсона к Мошке — если она вообще существует — находится внутри этой звезды. Разве это не так?

Хорст Стели приподнялся на локте.

— По-моему, он прав. Это может объяснить, почему никто не говорил о точке перехода. Они все знали, где это находится…

— Но никто не захотел взглянуть сам. Да, конечно, он прав, — Уайтбрид с отвращением сел. — И она именно там, куда мы идем! Мы снова делаем это!

— Именно так, — сказал Поттер, мягко улыбнулся и отвернулся от них.

— Это очень необычно, — запротестовал Уайтбрид. — Можешь не верить мне, если не хочешь, но уверяю тебя, что нам не часто приходится входить в звезды в двух рейсах из трех, — он помолчал. — И даже это слишком много.

Флот затормозил и остановился у размытого края Глаза Мурчисона. Вопроса об орбитах не возникало. На таком расстоянии притяжение супергиганта было настолько слабым, что могли пройти годы, прежде чем корабль упадет в него.

Танкеры соединились с военными кораблями,

и началась заправка топливом.

Странная, непонятная дружба крепла между Горацием Бари и астрофизиком Бакменом. Бари порой недоумевал: чего Бакмен хотел от него?

Бакмен был худым, шишковатым человеком с по-птичьи тонкими костями. Глядя на него, казалось, что он иногда целыми днями забывает есть. Можно было подумать, что его не заботит никто и ничто в том, что Бари считал реальным миром. Люди, время, власть, деньги были только средствами, используемыми Бакменом для изучения внутренних процессов, протекающих в звездах. Почему же он искал общества торговца?

Впрочем, Бакмен любил поговорить, а у Бари было время слушать его. В эти дни «Мак-Артур» напоминал улей, безумно занятой и кишащий пчелами, а в каюте Бари всегда было свободное место.

А может, цинично рассуждал Бари, ему нравится мой кофе. Бари имел почти дюжину разновидностей кофе, собственную кофемолку и фильтровальные конуса для приготовления его. Он отлично понимал, насколько его кофе отличается от того, который заваривают в огромных кофейниках корабля.

Набил приготовил им кофе, пока они следили

за заправкой по экрану

Бари. Танкер, заправлявший «Мак-Артур», не был виден, но «Ленин» и второй танкер можно было заметить как два космически-черных яйца, соединенные серебряной пуповиной и вырисовывающиеся на фоне размазанного пурпура.

— Это не должно быть таким опасным, — сказал доктор Бакмен. — Вы думаете об этом, как о спуске в солнце, Бари. Технически так оно и есть. Но весь этот обширный объем нисколько не плотнее Кала или любого другого желтого карлика. Думайте об этом, как о нагретом докрасна вакууме. Конечно, за исключением ядра: оно, вероятно, крошечное и очень плотное.

— Мы многое узнаем, занимаясь этим, — продолжал он, глядя куда-то в бесконечность. Бари, следивший за ним со стороны, почувствовал возбуждение. Он и раньше испытывал такое, но редко. Это означало встречу с человеком, которого нельзя купить ни за какие деньги из тех, которыми располагал Бари.

Бари использовал свое знакомство с физиком не больше, чем тот свое с купцом. Он мог расслабиться, общаясь с ним, как ни с кем другим, и ему нравилось это чувство.

— Я думал, что вы уже все знаете о Глазе, —

сказал он.

— Вы имеете в виду исследования Мурчисона? Слишком много записей потеряно, а часть из оставшегося не заслуживает доверия. После Прыжка я работал со своими приборами. Бари, доля тяжелых частиц в солнечном ветре удивительно высока, а гелия — чудовищна! Однако, насколько нам известно, корабль Мурчисона никогда не входил в сам Глаз. Только сейчас мы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО изучаем его, — Бакмен нахмурился. — Надеюсь, наши инструменты подойдут для этого. Конечно, их придется высовывать за Поле Лэнгстона. Вероятно, мы будем внизу, в этом разогретом докрасна тумане, некоторое время, и если Поле выйдет из строя, они все испортятся.

Бари изумленно уставился на него, потом расхохотался.

— Да, доктор, это несомненно может произойти!

Бакмен удивленно посмотрел и сказал:

— А-а, я понял, что вы имеете в виду. Это может убить и нас тоже, верно? Об этом я не подумал.

Послышались предупреждающие сирены. «Мак-Артур» начал входить в Глаз.

Назойливый вызов прозвучал в ухе Рода.

— Рапорт инженеров, капитан. Все системы в

порядке. Поле держится очень хорошо. Снаружи не так жарко, как мы боялись.

— Хорошо, — ответил Блейн, — спасибо, Сэнди. — Род посмотрел на танкеры, уходившие к звездам. Они были уже в тысячах километров, видимые только в телескопы, как яркие точки света.

Соседний экран показывал белое пятно в красном тумане: «Ленин» спускался в яркий красный сумрак. Команда «Ленина» искала точку Олдерсона — если она вообще имелась.

— Как бы то ни было, Поле рано или поздно переполнится, — продолжал голос Синклера. — Там не будет возможности сбрасывать тепло, и оно будет накапливаться. Это не похоже на космическое сражение, капитан, но без излучения космической энергии мы можем выдержать по меньшей мере семьдесят два часа. Что будет после этого — неизвестно. Никто до нас не пытался проделать этого безумного трюка.

— Да.

— Кто-нибудь мог и попытаться, — весело сказал Реннер. Он слушал их разговор со своего места на мостике. «Мак-Артур» шел с одним g, но все равно требовалось его внимание: фотосфера оказывала большее сопротивление, чем

ожидалось. — Я думаю, что Мурчисон пробовал. У Первой Империи корабли были лучше, чем у нас.

— Может и пытался, — рассеянно сказал Род. Он смотрел на «Ленин», уходящий вдаль и прокладывающий путь для «Мак-Артура», и чувствовал беспричинное раздражение. «Мак-Артур» мог бы идти первым…

Старшие офицеры сидели на своих рабочих постах. Конечно, мало что можно было сделать, если бы Поле поглотило слишком много энергии, но Род чувствовал себя лучше на своем командирском месте. В конце концов, было очевидно, что он здесь не нужен.

От «Ленина» пришел сигнал, и «Мак-Артур» заглушил свои двигатели. Заревели предупреждающие сирены, и корабль начал вращаться, пока новое сообщение не известило конца неприятного изменения тяжести. Экипаж и пассажиры поднялись с противоперегрузочных лож.

— Снимите нижнюю вахту, — приказал Род.

Реннер встал и потянулся.

— Ничего не поделаешь, капитан. Конечно, мы замедлим движение, когда фотосфера станет плотнее, но это обычное явление. Трение в любом случае будет замедлять нас, — он взглянул

на свои экраны и спросил: — Это не так плотно, как говорят, атмосферы здесь нет, но все же это гораздо плотнее, чем солнечный ветер.

Блейн и сам видел это. «Ленин» был по-прежнему впереди на пределе обнаружения, и его двигатели не работали. Он был черной занозой на экранах, его контуры размазывались четырьмя тысячами километров раскаленного докрасна тумана.

Глаз сгущался вокруг них.

Род оставался на мостике еще час, потом убедил себя, что не прав.

— Мистер Реннер?

— Да, сэр?

— Вы можете уйти с дежурства. Отправьте сюда мистера Кроуфорда.

— Слушаюсь, сэр, — и Реннер направился в свою каюту. Он пришел к тому же выводу — что не нужен на мостике — еще пятьдесят восемь минут назад. Сейчас под горячий душ и поспать на своей койке, отдохнуть от этого кресла…

Трап, ведущий к его каюте, как обычно, был забит битком. Кевин Реннер с целеустремленной решимостью протискивался через него, когда кто-то, пошатнувшись, налетел на него.

— Черт побери! — прорычал он. — Доктор Хо-

рват, не правда ли?

— Мои извинения, — министр по науке отступил назад, безуспешно пытаясь почиститься. — Я еще не привык к гравитации вращения. Впрочем, как и все мы. Это сила Кориолиса швыряет нас в сторону.

— Нет, — сказал Реннер, — это локти, — на лицо его вернулась привычная усмешка. — Здесь в шесть раз больше локтей, чем людей на борту этого корабля, доктор. Я сам посчитал.

— Очень смешно, мистер… Реннер, кажется? Парусный мастер Реннер. Видите ли, Реннер, эта толкотня беспокоит моих людей не меньше, чем ваших. Если бы мы могли держаться в стороне от вас… Но мы не можем. Данные о Глазе необходимо собрать. Другой возможности может никогда не представиться.

— Я знаю, доктор, и сочувствую вам. Но если бы вы… — видение горячей воды и чистой постели отступило прочь, когда Хорват вновь ухватился за лацканы Реннера.

— Еще минуточку, прошу вас, — Хорват, казалось, пытается вспомнить о чем-то. — Мистер Реннер, вы были на борту «Мак-Артура», когда был захвачен этот зонд, верно?

— Можете не сомневаться.

— Я бы хотел поговорить с вами.

— Сейчас? Но, доктор, мое присутствие может в любой момент понадобиться…

— Это крайне необходимо.

— Но мы же летим через фотосферу звезды, как вы могли заметить. — «А я не мылся под душем уже три дня, как вы тоже могли заметить…». Реннер еще раз взглянул на выражение Хорвата и сдался. — Хорошо, доктор, только давайте уйдем с трапа.

Каюта Хорвата была сжата, как и все на корабле, зато она имела стены. Больше половины команды «Мак-Артура» считала эти стены незаслуженной роскошью, но Хорват, видимо, нет.

Он убрал койку в переборку и вынул два кресла из противоположной стены.

— Садитесь, Реннер. В этом перехвате есть кое-что, беспокоящее меня. Надеюсь услышать ваше беспристрастное мнение. Вы же не кадровый военный.

Парусный мастер Реннер и не думал отрицать этого. Раньше он был помощником на торговом корабле и мог стать шкипером, когда покинет флот, обогатившись опытом. Вряд ли он собирался возвращаться на торговый корабль.

— Так вот, — сказал Хорват, — садясь на край

стула. — Реннер, было ли абсолютно необходимо атаковать зонд?

Реннер рассмеялся.

Хорват принял это, хотя выглядел так, словно съел несвежую устрицу.

— Хорошо, — сказал Реннер. — Я не должен был смеяться. Вас там не было. Знаете ли вы, что зонд двигался прямо в Кал с максимальным ускорением?

— Разумеется, и я ценю, что вы сделали то же. Но было ли это настолько опасно?

— Доктор Хорват, капитан удивил меня дважды. Чрезвычайно удивил. Когда зонд атаковал нас, я хотел обойти вокруг края его паруса, прежде чем нас поджарят. Может, я и увел бы нас вовремя, а, может, и нет. Но капитан провел нас СКВОЗЬ парус. Это было здорово, это было то, о чем должен был подумать я, можно даже сказать, это была мысль гения. Но кроме того, он маньяк-самоубийца.

— Что?!

Лицо Реннера выражало страх при воспоминании о прошлом.

— Мы потеряли слишком много времени и почти таранили звезду. Я не верил, что мы можем поймать эту проклятую штуковину так быстро…

— Блейн сделал это сам?

— Нет, он передал управление Каргиллу, который знаком с маневрами при высокой гравитации лучше, чем кто-либо другой на борту. В этом все и дело, доктор. Капитан выбрал лучшего человека для этого дела и не мешал ему.

— И вы пошли на перехват?

— Решительно и без колебаний.

— Значит, он захватил зонд. Хорошо, — Хорват вновь выглядел так, словно съел что-нибудь несвежее. — Но он еще и стрелял в него. Первым…

— Первым выстрелил зонд.

— Это была противометеоритная защита!

— Ну и что?

Хорват стиснул губы.

— Ну, ладно, доктор, попробуем по-другому. Допустим, вы оставили на холме свою машину с неисправными тормозами, она скатилась вниз по склону и убила четырех человек. Какова при этом ваша этическая позиция?

— Чудовищно! Продолжайте свою мысль, Реннер.

— Эти мошкиты, по крайней мере, так же развиты, как и мы. Допустим? Отлично! Они создают противометеоритную защиту и, значит, должны

брать на себя обязательство, что она не выстрелит в нейтральный космический корабль.

Хорват долго сидел молча, пока Реннер думал об ограниченном объеме бака с горячей водой в офицерской кают-кампании. Теперь Реннер видел, что выражение Хорвата было обычным для него, поскольку линии его лица складывались в него легко и естественно. В конце концов министр по науке сказал:

— Спасибо, мистер Реннер.

— Не за что, — ответил Реннер и встал.

И тут же взревели сирены.

— О, боже, это меня! — и парусный мастер помчался на мостик.

Они были уже глубоко в пределах Глаза — достаточно глубоко, чтобы разреженное звездное вещество вокруг них казалось желтым. Индикаторы Поля тоже казались желтыми, но с оттенком зеленого.

Все это Реннер увидел, бегло взглянув на полдюжины экранов мостика. Затем он посмотрел на диаграммы на своем собственном экране и не увидел линкора.

— «Ленин» прыгнул?

— Точно, — сказал гардемарин Уайтбрид. — Следующие мы, сэр.

Блейн всплыл на мостик, не касаясь перил трапа.

— Принимайте командование, мистер Реннер. Ваше место у станции может занять пилот.

— Слушаюсь, сэр, — Реннер повернулся к Уайтбриду. — Я сменю тебя,

— его пальцы пробежали по ключам входа, затем он принялся нажимать кнопки по мере того, как все новые данные поступали на его экран. Вскоре пришло предупреждение: ПРЫЖКОВЫЕ ПОСТЫ, БОЕВЫЕ ПОСТЫ — ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВЫСОКОМУ УСКОРЕНИЮ.

«Мак-Артур» готовился к неизвестному.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТОЧКА БЕЗУМНОГО ЭДДИ

ВЗГЛЯД ВОКРУГ СЕБЯ

Она первой обнаружила пришельцев.

Она изучала бесформенную массу каменного астероида, который оказался состоящим в основном из пустых помещений. Некоторые ранние цивилизации высекали комнаты, укромные уголки, емкости и складские помещения, затем объединяли их в комнаты и помещения больших размеров, пока астероид не превращался в каменный улей. Все это происходило очень давно и не представляло для нее интереса.

В более поздние века астероиды имели дюжины углублений в своих конструкциях. Толстые стены постепенно утончались, чтобы химическим путем получать из камня воздух. Но сейчас здесь не было воздуха, как нигде не было металла. Высохшие мумии и камень… камень… Еще немного, и не осталось бы ничего для Инженера.

Она вышла через отверстие в стене астероида: все воздушные шлюзы были закрыты и заварены вакуумной сваркой, а спустя некоторое время после этого кто-то забрал их металлические рабочие части.

Оказавшись снаружи, она увидела их, очень

далеко, как крошечную мерцающую искру света напротив Угольного Мешка. Это было ценное наблюдение. Все было ценным наблюдением.

Инженер вернулась к своему кораблю.

Поначалу ей показалось, что телескоп и спектрометр вышли из строя. Там были две золотистые черточки и какая-то масса внутри каждой из них, но что-то закрывало от ее взгляда эту массу внутри. Инженер принялась терпеливо работать со своими приборами, перенастраивая и переградуируя их; ее руки трудились с неуловимой скоростью, ведомые инстинктами тысячи Циклов.

Нужно было проникнуть сквозь силовое поле — теперь у нее был прибор, способный сделать это.

Нечетко, но все же она видела крупные объекты.

Не веря себе, она посмотрела еще раз.

Металл. Огромное количество металла.

Она снялась немедленно. Нужно было осмотреть сокровище. Инженер была не очень-то свободна в своих поступках.

Сквозь красный туман, стараясь вернуть себе власть над своим предательским телом после выхода в обычное пространство, Род увидел торопливую деятельность. Связь с «Лениным» была

устойчивой, и Род вздохнул свободнее. Ничего угрожающего не было, и он мог насладиться зрелищем.

Первое, что он увидел, был Глаз. Глаз Мурчисона был чудовищно-красным, ярче, чем сотня полных лун и по-прежнему одиноким на черном бархате Угольного Мешка.

На другой стороне неба ярчайшей из океана звезд была Мошка. Все системы показывали одно и то же: множество звезд и одно далекое солнце. С правого борта виднелось яркое пятно: это был «Ленин», чье Поле Лэнгстона излучало энергию, набранную в Глазе.

Адмирал Кутузов провел последнюю проверку и снова вызвал Блейна. Пока имелась вероятность опасности, ученые на борту «Мак-Артура» были под его опекой. Род приказал подать кофе и стал ждать информации.

Поначалу было чрезвычайно мало такого, чего бы он уже не знал. Мошка была всего в тридцати пяти световых годах от Новой Каледонии, и имелось множество наблюдений, часть из которых подписал сам Джаспер Мурчисон. Звезда типа G2, менее яркая, чем Солнце, более холодная, меньшего диаметра и чуть менее массивная. Сейчас она не проявляла почти никакой активности, и

астрофизики считали ее скучной.

Род знал о газовом гиганте еще до того, как они стартовали. Астрономы прошлого пришли к выводу о его существовании на основании возмущений орбиты Мошки вокруг Глаза. Зная о нем, они сейчас нашли этот гигант там, где и ожидали. Он был тяжелее Юпитера, но меньше, более плотный, с ядром из вырожденной материи. Пока ученые работали, военные проложили курс к этому газовому гиганту, на случай, если какому-нибудь кораблю потребуется дозаправка. Черпать водород из атмосферы газового гиганта, двигаясь по гиперболической орбите, было тяжелым испытанием и для корабля, и для команды, но все же это было лучше, чем сесть на мель в чужой системе.

— Сейчас мы изучаем троянские точки, капитан, — сказал Бакмен Роду через два часа после перехода.

— Никаких признаков планеты Мошки?

— Пока нет, — и Бакмен отключился.

Почему Бакмена заинтересовали троянские точки? В шестидесяти градусах впереди газового гиганта находились две точки устойчивого равновесия, называемые троянскими по троянским астероидам, располагающимся в подобных

точках на орбите Юпитера. Миллионы лет они собирали пылевые облака и скопления астероидов. Но почему именно они интересовали Бакмена?

Астрофизик позвонил снова, когда нашел троянцев.

— Они полны! — воскликнул он. — Каждая из них представляет собой систему их беспорядочно расположенных астероидов, причем, в одной хлама гораздо больше, чем в другой. Удивительно, почему они не сформировались в пару лун…

— Вы уже нашли обитаемую планету?

— Пока нет, — ответил Бакмен, и экран погас.

Прошло три часа после перехода.

Вновь он вышел на связь спустя полчаса.

— У этих астероидов в троянских точках очень высокое альбедо, капитан. Они должны быть покрыты пылью. Это может объяснить, как могли быть захвачены такие большие обломки. Облака пыли тормозили их, потом ровно отшлифовали…

— Доктор Бакмен! В этой системе есть обитаемая планета, и нам жизненно важно найти ее. Это первая разумная раса…

— Будь я проклят, капитан, мы ведем наблюдение! Мы ведем наблюдение! — Бакмен взглянул в одну сторону, потом в другую. Экран на мгно-

вение потемнел, показывая только техника на заднем плане, а затем Блейн увидел перед собой министра по науке Хорвата, который сказал:

— Прошу прощения за вмешательство, капитан. Насколько я понял, вы недовольны методами наших исследований?

— Доктор Хорват, я не хочу вмешиваться в ваши дела. Но вы забрали все мои инструменты и рассказываете мне только об астероидах. Разве вы наблюдаете за одним и тем же?

Хорват ответил очень спокойно:

— Это не сражение, капитан, — он помолчал. — В бою вы знаете свою цель. Вам, вероятно, известна эфемерность планет любой системы…

— Черт побери! Наблюдение моей команды всегда быстро обнаруживает планеты!

— Прямо сразу же, капитан?

— Нет.

— Давайте посмотрим фактам в лицо. До тех пор, пока мы не обнаружили газовый гигант и троянские астероиды, мы не представляли точного плана системы. По приборам, найденным в зонде, мы пришли к выводу, какая температура нравится мошкитам, а из этого сделали заключение, как далеко от солнца может находиться их планета. И все-таки нам нужно изучить тороид с

радиусами в сто и двести километров. Вы следите за моей мыслью?

Блейн кивнул.

— Мы занимаемся изучением всего этого региона. Нам известно, что планета не прячется за солнцем, потому что мы находимся над плоскостью системы. Но когда мы закончим фотографирование, нам придется проверить это огромное звездное поле в поисках одной световой точки, которая нужна нам.

— Возможно, я жду от вас слишком многого.

— Возможно. Мы все работаем так быстро, как только можем, — он улыбнулся — спазм, который поднял все его лицо на долю секунды — и исчез.

Через шесть часов после перехода Хорват позвонил снова.

— Нет, капитан, мы не нашли обитаемой планеты, но многочасовые наблюдения доктора Бакмена позволили обнаружить цивилизацию мошкитов. В троянских точках.

— Они обитаемы?

— Определенно да. Обе троянские точки буквально лучатся микроволновым излучением. Можно предположить их обитаемость и по высокому альбедо крупных болидов. Блестящая поверхность — естественный продукт цивилиза-

ции… Боюсь, что люди доктора Бакмена слишком много думали о понятиях мертвой вселенной.

— Спасибо, Доктор. Есть какие-нибудь послания, предназначенные для нас?

— Не думаю, капитан. Однако, ближайшая троянская точка находится под нами в плоскости системы… примерно в трех миллионах километров. Я предлагаю идти к ней. Ввиду большой плотности цивилизации в троянских точках может оказаться, что обитаемая планета не является действительным центром цивилизации мошкитов. Возможно, она подобна Земле. Или еще хуже.

Род был шокирован. Его самого Земля потрясла, хотя и было это не так давно. Нью-Аннаполис сохранялся как Дом Людей, и имперские офицеры знали, насколько насущной была важнейшая задача Империи.

И если бы люди не получили Олдерсон Драйв перед последними земными сражениями, а ближайшая звезда находилась бы в тридцати пяти световых годах вместо четырех… «Страшно даже подумать об этом!»

— Согласен. Это также только предположение. капитан. Но в любом случае имеется соседняя жизнеспособная цивилизация, и я думаю, что мы

должны идти к ней.

— Я только на минутку, — на четвертом экране появился старший йомен Люд Шаттук, возбужденно жестикулируя.

— Мы использовали приемопередающий сферический локатор, шкипер, — закричал Шаттук на весь мостик. — Смотрите, сэр!

Экран показал черное пространство с булавочными точками звезд и голубовато-зеленую точку, кружащуюся по индикаторному световому кольцу. Потом точка мигнула. Дважды.

— Мы нашли обитаемую планету, — удовлетворенно сказал Род и, не в силах сдержаться, добавил: — Все же мы обошли вас, доктор!

После долгого ожидания события пошли одно за другим.

Мир, похожий на Землю, вполне мог скрываться позади источника света и при этом находиться в пространстве, которое изучали люди Хорвата. Свет маскировал все, что находилось за ним, но это не привело в замешательство связистов. Выискивание сигналов было их работой.

Команды Каргилла и Хорвата работали вместе, отвечая пульсациями. Один, два, три, четыре — мигал свет, и Каргилл, используя передние батареи, отвечал — пять, шесть, семь. Спустя

двенадцать минут свет просигналил: три один восемь четыре одиннадцать, потом повторил еще раз, и корабельный компьютер дал ответ: Пи в двенадцатой степени. Используя компьютер, Каргилл нашел "е" (основание натурального логарифма) в той же степени и ответил им.

Однако, это была только внешняя сторона. Настоящее послание звучало так: МЫ ХОТИМ ГОВОРИТЬ С ВАМИ, а ответ «Мак-Артура» был — ОТЛИЧНО. Оставалось только ждать уточнений.

Тем временем был готов уже второй вывод.

— Это свет ядерного синтеза, — сказал парусный мастер Реннер, наклонившись ближе к своему экрану. Его пальцы наигрывали на контрольном пульте странную беззвучную музыку. — Это не Поле Лэнгстона. Ну, конечно… они окружают оболочкой водород, инициируют его и отбрасывают назад. Обычная плазменная бутылка. Это не так горячо, как наши двигатели, имеющие меньшую эффективность. Если я все понял правильно, выхлоп направлен от нас.

— Вы думаете, корабль направляется на встречу с нами?

— Да, сэр. Он невелик. Дайте мне несколько минут, и я назову вам его ускорение. Пока же его можно принять за одно g… — пальцы Реннера

пробежались по кнопкам еще раз, — ... а массу оценить примерно в тридцать тонн. Потом можно будет уточнить цифры.

— Слишком большой, чтобы быть ракетой, — задумчиво сказал Блейн. — Может быть, встретим его на полпути, мистер Реннер?

Реннер нахмурился.

— Это вопрос. Он нацелен туда, где мы находимся сейчас. Мы не знаем, сколько у него топлива и насколько сообразителен его пилот.

— И все-таки спросим. Дайте мне адмирала Кутузова.

Адмирал был на своем мостике. Экран показывал бурную деятельность за его спиной.

— Я видел это, капитан, — сказал Кутузов. — Что вы собираетесь делать?

— Я хочу встретить этот корабль. Но в случае, если он не изменит свой курс, а мы не сможем перехватить его, он придет сюда. «Ленин» мог бы подождать его.

— Для чего, капитан? У меня четкие инструкции. «Ленин» не должен иметь никаких дел с чужаками.

— Но вы можете послать шлюпку, сэр. Гичку с вашим человеком, которую мы перехватим. Сэр.

— Сколько, по-вашему, у меня шлюпок, Блейн?

Я повторю вам инструкции. «Ленин» здесь, чтобы охранять тайну Олдерсон Драйв и Поля Лэнгстона. Выполняя задачу, мы не только не должны связываться с чужаками, но не можем переговариваться и с вами, если разговор могут перехватить.

— Да, сэр, — Блейн смотрел на плотного мужчину на своем экране. Неужели у него совершенно нет любопытства? Неужели можно быть настолько машиной? — Мы идем к чужому кораблю, сэр. Доктор Хорват хочет этого во что бы то ни стало.

— Очень хорошо, капитан. Выполняйте.

— Да, сэр, — Род с облегчением выключил экран, затем повернулся к Реннеру. — Нам разрешили первый контакт с чужаками, мистер Реннер.

— А я думал, что ради этого мы сюда и прилетели, — сказал Реннер и тревожно взглянул на экран, чтобы убедиться, что адмирал исчез.

Гораций Бари только что покинул свою каюту — теоретически он не должен был никуда выходить — когда на трапе появился Бакмен.

Бари тут же изменил свои намерения.

— Доктор Бакмен! Могу я предложить вам кофе?

Выпуклые глаза повернулись к нему, моргнули, сфокусировались:

— Что? О, да, спасибо вам, Бари. Это должно разбудить меня. Нужно так много сделать… я могу заглянуть к вам всего на минуту…

Бакмен опустился в гостевое кресло Бари, слабый, как скелет на экране дисплея. Глаза его были красны, веки наполовину опущены. Дыхание его было слишком громким, руки безвольно свисали. Бари невольно задумался, что покажет вскрытие, если Бакмен умрет в эту минуту: истощение, недоедание, или и то, и другое?

Бари сделал трудный выбор.

— Набил, кофе. Для мистера Бакмена со сливками, сахаром и бренди.

— Бари, мне очень жаль, но в рабочее время… Впрочем, хорошо. Спасибо, Набил, — Бакмен сделал маленький глоток, затем жадно отхлебнул из чашки. — Здорово! Спасибо, Бари, это должно разбудить меня.

— Похоже, вы нуждаетесь в этом. Обычно я никогда не мешаю хороший кофе с чистым спиртом. Доктор Бакмен, вы ели?

— Не помню.

— Значит, нет. Набил, поесть нашему гостю. И быстрее.

— Бари, мы так заняты, что у меня действительно нет времени. Нужно изучить всю эту систему,

не говоря уже о работе для Флота… прослеживание излучения нейтрино и этого проклятого света…

— Доктор, если бы вы сейчас умерли, большую часть ваших записей никогда не удалось бы прочесть, верно?

Бакмен улыбнулся.

— Как это театрально, Бари. Но, полагаю, у меня есть несколько минут. Все, что мы делаем сейчас, — это ждем, когда этот световой сигнал кончится.

— Сигнал с планеты Мошки?

— Да, с нее. По крайней мере, он идет с нужного места. Но мы не можем увидеть планету, пока они не отвернут лазер, а они этого не делают. Они говорят и говорят, а о чем? Что они могут сказать нам, если мы говорим на разных языках?

— Как они могут что-то сказать нам, пока не научили нас своему языку? Мне кажется, именно это они сейчас и делают. Кто-нибудь работает над этим?

Бакмен издал дикое рычание.

— У Хорвата есть все приборы, поставляющие информацию Харди и лингвистам. До сих пор не было приличных наблюдений Угольного Мешка, и никто даже не приближался к нему! — взгляд

его смягчился. — Но мы можем изучать троянские астероиды, — взгляд Бакмена устремился куда-то в бесконечность. — Там их слишком много. А пыли мало. Впрочем, я неверно выразился, Бари: там мало пыли, чтобы захватить так много камней или отшлифовать их все. Мошкиты, вероятно, шлифуют их, они все должны находиться внутри этих камней… Излучение нейтрино прямо фантастическое! Но как они набрали такое количество скальных обломков?

— Излучение нейтрино? Это означает технологию ядерного синтеза.

Бакмен улыбнулся.

— Думаете о возможностях торговли?

— Конечно. Иначе зачем бы я здесь оказался? — «Я был бы здесь даже если Флот не дал мне понять, что альтернативой является официальный арест… Но Бакмен этого не знает. Знает только Блейн». — Чем выше цивилизация, тем больше у нее вещей на продажу. — «И тем она жуликоватее. Но Бакмена не должны интересовать такие вещи».

— Мы могли бы работать гораздо быстрее, если бы военные не пользовались нашими телескопами. И Хорват разрешает им! О, отлично…

Вошел Набил, неся поднос.

Бакмен ел, как проголодавшаяся крыса, говоря между глотками:

— Конечно, не все военные проекты неинтересны. Чужой корабль…

— Корабль?

— Нам навстречу идет корабль. Вы не знали этого?

— Нет.

— Он вылетел с большого каменного астероида, расположенного в стороне от основного скопления. Очень яркого астероида. У него очень странная форма, как будто газ выходил сквозь скалу, которая…

Бари рассмеялся.

— Доктор, несомненно, чужой корабль более интересный объект, чем каменный астероид!

Бакмен удивленно уставился на него.

— Почему вы так решили?

Черточки стали красными, потом черными. Явно эти штуки остывали: но как они сумели так разогреться в начале? Инженер остановилась, удивленная этим, когда одна из черточек направилась к ней. Внутри металлического корпуса был мощный источник энергии.

И они двигались самостоятельно. Кто же они такие? Инженеры, Мастера или бесчувственные

машины? А может, это Посредник в каком-то непонятном деле? Она была обижена на Посредников, которые так легко и так безрассудно вмешивались в важную работу.

Возможно, черточки были Часовщиками, но скорее всего, они принадлежали Мастерам. Инженер подумала о бегстве, но приближающиеся тела были слишком мощными. Их ускорение составляло 1,14 g — почти предел для ее корабля. Делать нечего — нужно встречать их.

Кроме того… весь этот металл! И в полезном виде, насколько она могла судить. Скопления были полны металлических артефактов, но в виде сплавов, слишком тяжелых для переработки.

Весь этот металл…

Эта штука должна была встретиться с ней, и разминуться было невозможно. У нее не было ни топлива, ни нужного ускорения. Инженер мысленно прикинула точки поворота. Впрочем, они могли сделать то же самое. К счастью, решение было единственным в своем роде, принимая во внимание постоянное ускорение. Это могло пригодиться для связи.

А в связи инженеры были не очень-то сильны.

ИНЖЕНЕР

Чужой корабль был компактной массой неправильной формы тускло-серого цвета, подобно куску модельной глины в руках гончара. Во все стороны без видимого порядка торчали разные отростки: кольцо крюков вокруг того, что Уайтбрид называл кормой, яркая серебряная нить, подпоясывающая его среднюю часть, прозрачные выпуклости на носу и корме, чудовищно изогнутые антенны, а на корме — что-то вроде жала: шип во много раз длиннее корпуса, прямой и тонкий.

Уайтбрид медленно двигался к кораблю. Он сидел в ракете «космос — космос», в кабине из поляризованного пластика, короткий корпус которой был покрыт толкательными пучками — множеством позиционных дюз. Уайтбрид был обучен передвижению в космосе на таком экипаже. Он был по-детски легок в управлении, имел огромное поле зрения, был дешев, безоружен и не приспособлен для посадок на планеты.

И чужак мог видеть его, сидящего внутри. МЫ ПРИШЛИ С МИРОМ И НИЧЕГО НЕ СКРЫВАЕМ — именно об этом должен был сказать чужому вид

Уайтбрида, сидящего за прозрачным пластиком.

— Этот шип генерирует плазменное поле для движения, — сказал его коммуникатор. Экрана перед ним не было, но голос был Каргилла. — Мы следили за ним во время торможения. Втулкообразное возвышение под шипом, вероятно, впрыскивает водород в поле.

— Пожалуй, мне лучше держаться подальше от него, — сказал Уайтбрид.

— Верно. Энергия поля может разрушить все твои приборы. И заодно воздействовать на твою нервную систему.

Чужой корабль был сейчас очень близко. Тормозя, Уайтбрид на мгновение включил двигатели. Позиционные струи производили звук, похожий на хлопки жарящейся кукурузы.

— Видно что-нибудь, похожее на воздушный шлюз?

— Нет, сэр.

— Открой свой собственный шлюз. Может, это подскажет ему ту же идею.

— Слушаюсь, сэр, — Уайтбрид видел чужака сквозь переднее стекло его корабля. Он был неподвижен, наблюдал за ним и выглядел очень похоже на фотографии мертвеца из зонда. Джонатан Уайтбрид видел кривобокую голову без шеи,

гладкий коричневый мех, тяжелую левую руку, сжимающую что-то, и две гибкие правые руки, двигавшиеся очень быстро и делавшие что-то, чего он не видел.

Уайтбрид открыл свой воздушный шлюз и стал ждать.

Во всяком случае, мошкит пока не пытался стрелять.

Инженер была очарована и не сразу заметила крошечный кораблик рядом с собой. В нем не было воплощено никаких новых принципов. Но зато большой корабль!

Вокруг него было какое-то странное поле, нечто такое, о чем она никогда не думала, что это возможно. Поле регистрировали полдюжины приборов Инженера. Для других силовая оболочка была почти прозрачна. Инженер знала о военном корабле достаточно для того, чтобы капитан Блейн пришел в ужас, узнав об этом, но для нее самой этого было мало.

Все эти приспособления! И металл…

Изогнутые двери маленького корабля вдруг открылись, и время от времени он ярко вспыхивал. Оба корабля излучали какие-то сложные электромагнитные поля, но сигналы, подаваемые ими, ничего не значили для Инженера.

Все ее внимание привлекали корабельные приспособления. Само поле, его интригующие и странные свойства, принципы, лежащие в основе его работы — все служило пищей для догадок. Она бы согласилась провести остаток своей жизни, занимаясь этим делом. За один взгляд на генератор она бы согласилась умереть. Силы, движущие большой корабль, отличались от любой реакции синтеза, о которой когда-либо слышала Инженер, и, похоже, использовали свойства этой таинственной силовой оболочки.

Как же попасть на борт? Как пройти сквозь эту оболочку?

Интуиция, посетившая ее, была редким чувством для Инженера. Этот маленький корабль… было ли это попыткой поговорить с ней? Он пришел с большого корабля… значит…

Маленький корабль был связующим звеном с большим кораблем, с силовой оболочкой и ее технологией, и с тайной их внезапного появления.

Она забыла об опасности, забыла обо всем, кроме настоятельной необходимости узнать побольше об этом поле. Инженер открыла дверь своего воздушного шлюза и стала ждать, что произойдет.

— Мистер Уайтбрид, ваш чужак пытался зонди-

ровать «Мак-Артур», — сказал капитан Блейн. — Командор Каргилл говорит, что блокировал эти попытки. Он не испытывал какого-нибудь зондирования на вас?

— Нет, сэр.

Род нахмурился и потер переносицу.

— Вы уверены?

— Я слежу за приборами, сэр.

— Это хорошо. Вы меньше, но вы ближе. Вы думаете, что он…

— Воздушный шлюз! — крикнул Уайтбрид. — Сэр, мошкит открыл воздушный шлюз!

— Я вижу. Рот, открывшийся в корпусе, — это вы имели в виду?

— Да, сэр. Оттуда никто не вышел. Через это отверстие я вижу всю кабину. Мошкит находится внутри. Разрешите войти, сэр?

— Гмм… Хорошо. Только будьте осторожны. Оставайтесь на связи и… удачи вам, Уайтбрид.

Джонатан на мгновение замер. Он почти надеялся, что капитан запретит это дело, как слишком опасное. Но, конечно, что такое гардемарин…

Уайтбрид протиснулся в отверстие воздушного шлюза. Чужой корабль был очень близко. На глазах у всего своего корабля он оттолкнулся и вылетел в космос.

Часть корпуса чужого корабля растянулась, как кожа, образовав что-то вроде воронки. Странный способ делать воздушный шлюз, подумал Уайтбрид. Пользуясь спинным реактивным двигателем, он притормозил, двигаясь прямо к воронке, прямо к мошкиту, стоявшему в ожидании встречи.

Чужак был покрыт мягким коричневым мехом и четырьмя широкими плетенками из черного волоса — по одной под каждой подмышкой и одна на паху.

— Никаких признаков того, что удерживает воздух внутри, — сказал Уайтбрид в микрофон, — но, несомненно, он там есть, — мгновением позже, он понял, в чем там дело, попав в невидимые сети.

Воздушный шлюз закрылся у него за спиной.

Он едва не ударился в панику. Поймали, как муху в янтарь — ни вперед, ни назад. Он находился в камере высотой в 130 сантиметров — по росту чужака, а тот стоял перед ним по другую сторону невидимой стены и с непроницаемым лицом смотрел на него.

Мошкит. Он был ниже того, погибшего в зонде, и цвет их был разным: у этого не было белых полос в коричневом меху. Имелись и другие, более

тонкие, ускользающие различия… Возможно, между живым и мертвым или что-то еще.

Мошкит вовсе не был пугающим. Его гладкий мех походил на мех одного из доберман-пинчеров, которых держала мать Уайтбрида, но в отличие от собаки в нем не было ничего злобного. Уайтбриду захотелось потрогать этот мех.

Лицо его было не более чем наброском, без выражения, за исключением безгубого рта, мягко изогнутого вверх в сардонической полуулыбке. Маленький, плоскостопый, с гладким мехом и почти ничего не выражающим лицом… Он выглядит как карикатура, подумал Уайтбрид. Как можно бояться карикатуры?

Однако Джонатан Уайтбрид был согнут в три погибели в пространстве слишком маленьком для него, а чужак ничего не делал, чтобы поправить положение.

Кабина была переполнена панелями и темными углублениями, и из теней на Уайтбрида смотрели крошечные лица. Паразиты! Корабль кишел паразитами! Крысы? Запасы пищи? Мошкит нисколько не забеспокоился, когда один из них нырнул в отверстие, затем второй, третий зашевелились, перебираясь из угла в угол, подкрадываясь поближе, чтобы взглянуть на

пришельца.

Это были большие существа. Гораздо более крупные, чем крысы, но значительно меньше человека. Они таращились из углов, любопытные, но робкие. Наконец, одно подобралось поближе, и Уайтбрид смог разглядеть его. То, что он увидел, заставило его задохнуться от удивления. Это был крошечный мошкит!

Это было трудное время для Инженера. Приход пришельца должен был ответить на вопросы, но вместо этого их стало еще больше.

Что он такое? Крупный, большеголовый, симметричный, как животное, но имеющий свой собственный корабль, подобно Инженеру или Мастеру. Никогда не было класса, подобного этому. Повинуется он или командует? Неужели его руки действительно так неуклюжи, как кажутся? Мутант? Монстр? Для чего он создан?

Его рот что-то говорил сейчас, видимо, в коммуникационный прибор, но это ничего не объясняло. Даже Посыльные могут говорить.

Инженеры не были приспособлены для принятия таких решений, но они могли ждать, пока появятся новые данные.

У Инженеров было бесконечное терпение.

— Здесь есть воздух, — доложил Уайтбрид, гля-

дя на датчики, видимые в зеркало, укрепленное на уровне его глаз. — Я не говорил об этом? Мне бы не хотелось попробовать вдохнуть его. Давление нормальное, кислорода около 18 процентов, около двух процентов углекислоты, гелия достаточно для обнаружения, а…

— Гелия? Это странно. А как его много?

Уайтбрид переключился на более чувствительную шкалу и подождал, пока анализатор заработает.

— Около одного процента.

— Что-нибудь еще?

— Есть и яды. SO2, окись углерода, окиси азота, кетоны, алкоголь и некоторые другие вещества, которые прибор не различает. Цвет индикатора — мерцающий желтый.

— Значит, это не убьет вас мгновенно. Вы можете вдохнуть его и еще вовремя получить помощь, чтобы спасти свои легкие.

— Так я и думал, — сказал Уайтбрид и начал ослаблять винты, крепящие лицевую пластину его шлема.

— Что это значит, Уайтбрид?

— Ничего, сэр, — Уайтбрид слишком долго находился в полусогнутом состоянии. Каждый сустав, каждый мускул его тела буквально вопи-

ли о прекращении этой пытки. А этот трижды проклятый мошкит по-прежнему стоял в своих сандалиях, слабо улыбался и смотрел, смотрел…

— Уайтбрид?

Уайтбрид сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Затем, преодолевая слабое давление, поднял лицевую пластину, взглянул чужаку в глаза и заорал что было сил:

— Ради всего святого, убери, наконец, это проклятое силовое поле!

— прокричав это, он вновь опустил пластину.

Чужак повернулся к контрольной панели и что-то сделал. Мягкий барьер перед Уайтбридом исчез.

Уайтбрид сделал два шага вперед и выпрямился, чувствуя боль в затекших суставах. Он провел в согнутом виде в этом замкнутом пространстве часа полтора, разглядывая полдюжины кривляющихся домовых и одного вежливого и терпеливого чужака, и был обижен на него.

Под лицевой пластиной остался воздух кабины чужака. Зловоние было такое, что он перестал дышать, затем полубессознательно фыркнул и сделал вдох: в любом случае нужно было определить, что это такое.

Он почувствовал запахи животных и машин,

озона и бензина, горячего масла, дурной запах изо рта, запах горячих пропитанных потом носков, клея и чего-то такого, чего никогда не чувствовал прежде. Запахов было невероятно много — и его вакуумный костюм, слава богу, уже очищал воздух.

— Вы слышали мой крик, — спросил он.

— Да, как и все на корабле, — ответил голос Каргилла. — Не думаю, чтобы на корабле был хоть один человек, не следящий за вами, если не считать Бакмена. Есть результат?

— Он убрал силовое поле. Немедленно. Как будто ждал, пока я напомню ему. Сейчас я нахожусь в кабине. Здесь все сделано вручную, даже контрольная панель. Но все сделано хорошо, чтобы мошкит чувствовал себя удобно. Я же слишком велик и боюсь пошевелиться.

— Все меньшие существа попрятались… хотя нет, одно выглядывает из угла. А большой ждет, глядя, что я буду делать. Я хочу, чтобы он прекратил это.

— Постарайтесь, чтобы он вернулся на корабль вместе с вами.

— Я попытаюсь, сэр.

Чужак понял его минуту назад — или это просто показалось? — но не понимал сейчас. Уайтбрид

напряженно думал. Язык жестов? Взгляд его остановился на чем-то, что было вакуумным скафандром мошкита.

Он потянул его с подставки, отметив его легкость: на нем не было ни оружия, ни брони. Уайтбрид передал это чужаку, затем указал на «Мак-Артур», видневшийся через стекло.

Чужак тут же начал одеваться. В считанные секунды он полностью облачился в этот скафандр, выглядевший, как десять мячей, склеенных вместе. Только рукавицы были более сложны, чем просто надутая сфера.

Затем он снял со стены прозрачный пластиковый мешок и резким движением поймал одно из миниатюрных существ. Мошкит сунул его в мешок головой вперед, не обращая внимания на сопротивление, повернулся к Уайтбриду и молниеносно двинулся к гардемарину. Он был у него за спиной и уже начал движение назад, когда Уайтбрид среагировал.

— Уайтбрид! Что случилось? Отвечайте! — резко спросил другой голос. — Пехота наготове.

— Ничего, командор Каргилл. Все в порядке. Я хочу сказать, что атаки не было. Я думал, что чужак хочет… но все было не так. Он сунул двух паразитов в пластиковый мешок и надул его с

помощью воздушного вентиля. Одна из маленьких тварей сидела у меня на спине, а я даже не чувствовал этого.

— А сейчас чужак что-то делает, хотя я не понимаю, что. Он знает, что мы отправляемся на «Мак-Артур» — он надел скафандр.

— Что он делает?

— Снял крышку с контрольной панели… что-то отсоединяет… Секунду назад это была тонкая серебряная зубная паста, вытянувшаяся вдоль печатной схемы. Разумеется, я описываю только то, на что это похоже. Аааа!

— Уайтбрид?

Гардемарин оказался вдруг в центре урагана. Руки и ноги его задергались, когда он попытался ухватиться за что-нибудь прозрачное. Его тащило в сторону воздушного шлюза, а он никак не мог найти, за что ухватиться. А затем его окружила ночь, а вокруг завертелись звезды.

— Мошкит открыл воздушный шлюз, — доложил он. — Без предупреждения. Я снаружи, в пространстве, — он раскинул в стороны руки, чтобы прекратить вращение. — Думаю, он выпустил наружу весь воздух. Вокруг меня дымка из ледяных кристаллов и… О, боже, это мошкиты! Хотя, нет, они без скафандров. Это кто-то другие.

— Это, должно быть, маленькие существа, — сказал Каргилл.

— Верно. Он убил всех паразитов. Вероятно, он делал так не раз, освобождаясь от них. Он не знал, сколько времени пробудет на борту «Мак-Артура», и не хотел, чтобы они размножались. Поэтому он опорожнил корабль.

— Он должен был предупредить вас.

— Чертовски верное замечание! Прошу прощения, сэр.

— Все в порядке, Уайтбрид? — новый голос — капитана.

— Да, сэр. Я рядом с чужим кораблем. Ага! А вот и мошкит. Он прыгнул к ракете, — Уайтбрид остановил свое вращение и повернулся, следя за мошкитом. Чужак плыл в пространстве, подобно грозди пляжных шаров, но гораздо изящнее. Внутри прозрачного пузыря виднелись две маленькие, яростно жестикулирующие паучьи фигурки. Чужак не обращал на них внимания.

— Точный прыжок, — буркнул Уайтбрид. — Если не… О, боже! — чужак затормозил и проплыл сквозь двери ракеты, не коснувшись их краев. — Он, должно быть, весьма уверен в своем чувстве равновесия.

— Уайтбрид, значит, чужак внутри вашего

корабля? Без вас?

Уайтбрид вздрогнул, почувствовав язвительность голоса капитана.

— Да, сэр. Я следую за ним.

Чужак был уже на месте пилота, напряженно изучая переключатели. Вдруг он протянул руки и начал расстегивать застежки на краю пульта. Уайтбрид вскрикнул и бросился вперед, схватив чужака за плечо. Тот не обратил на него внимания.

Тогда Уайтбрид прижал свой шлем к шлему чужака.

— Черт возьми, оставь это в покое! — крикнул он, а затем указал на пассажирское место.

Чужак медленно поднялся, повернулся и уселся в седло. Уайтбрид взялся за рычаги и начал маневрировать, направляя машину к «Мак-Артуру».

Он остановил корабли, только пройдя через отверстие, сделанное Синклером в Поле «Мак-Артура». Чужой корабль скрылся из виду, оставшись по другую сторону корпуса военного корабля. Ангарная палуба была внизу, и гардемарину захотелось завести туда катер, чтобы показать наблюдающему чужаку свое умение, но он сдержался. Здесь его уже ждали.

С ангарной палубы показались люди в скафанд-

рах, следом за ними тянулись кабели. Один из людей махнул Уайтбриду, тот ответил, а спустя несколько секунд Синклер включил лебедку, и катер втянули на борт «Мак-Артура». Как только он миновал двери ангара, новые кабели устремились к носу кораблика, таща его вовнутрь. Огромные двери закрылись.

Мошкит продолжал наблюдать. Все его тело вертелось из стороны в сторону, напоминая Уайтбриду сову, которую он однажды видел в зоопарке Спарты. Самым удивительным было то, что крошечные существа в мешке чужака тоже наблюдали, подражая более крупному чужаку. В конце концов все они успокоились, и Уайтбрид жестом указал на воздушный шлюз. Через толстое стекло видно было канонира Келли и дюжину звездных пехотинцев.

Перед Родом Блейном располагались двенадцать экранов, необходимых для контроля во время сражения, и поэтому каждый ученый на борту «Мак-Артура» хотел сидеть рядом с ним. В качестве единственного возможного решения Род приказал очистить боевые корабельные посты и мостик от гражданского персонала. Сейчас он следил, как Уайтбрид забирается в катер.

С помощью камеры, укрепленной на шлеме

Уайтбрида, Род видел чужака, сидевшего в пилотском кресле: его изображение увеличивалось по мере того, как гардемарин двигался к нему. Блейн повернулся к Реннеру.

— Вы видели, что он делал?

— Чужак пытался… Капитан, я готов поклясться, что он хотел нарушить управление катером.

— Мне тоже так показалось, — встревоженно они смотрели, как Уайтбрид ведет катер к «Мак-Артуру». Блейн не винил парня за то, что тот не поглядывал на своего пассажира, пока управлял лодкой, но… Они ждали, пока кабели поймали катер в захват, и лебедки втянули его в «Мак-Артур».

— Капитан! — это был Стели, вахтенный гардемарин, но Род и сам видел все. Несколько экранов и пара вспомогательных батарей были наведены на катер, но все остальные силы следили за чужим кораблем. А тот вдруг ожил.

Вымпел голубого огня вспыхнул вдруг за кормой чужого корабля. Огонь стекал параллельно гибкому серебряному шипу, торчавшему сзади, а потом за кораблем появилась яркая белая линия.

— Корабль уходит, капитан, — доложил Синклер.

— Черт возьми! — его собственные экраны

показали то же самое: корабельные батареи отслеживали чужой корабль.

— Разрешите открыть огонь? — спросил офицер-артиллерист.

— Нет! — Но что же произошло? — недоумевал Род. Прошло уже какое-то время с тех пор, как Уайтбрид прибыл обратно. Чужой корабль не мог уйти, как не мог сделать этого чужак…

— Келли!

— Да, сэр?

— Отделение к воздушному шлюзу. Доставить Уайтбрида и этого… в комнату для отдыха. Но вежливо, канонир. Вежливо, но так, чтобы он не ушел куда-нибудь.

— Слушаюсь, капитан.

— Номер Первый, — позвал Блейн.

— Да, сэр, — ответил Каргилл.

— Вы вели наблюдение через камеру на шлеме Уайтбрида все время, пока он был на этом корабле?

— Да, сэр.

— Есть возможность того, что на борту имелся еще один чужак?

— Нет, сэр. Там не было места. Верно, Сэнди?

— Да, капитан, — ответил Синклер. — Кроме того, мы не видели дверей.

— Там не было никакой двери воздушного шлюза, пока она не открылась, — напомнил Блейн. — Было там что-нибудь вроде ванной?

— С правой стороны от воздушного шлюза было нечто вроде клозета.

— Что ж, значит, у этой штуки есть автопилот. Вы согласны? Но мы не видели, чтобы он программировал его.

— Мы видели, что он фактически перенастроил управление, капитан, — сказал Каргилл. — Боже мой! Вы думаете, что так они управляют…

— Но у этих бестий нет ничего, что могло бы быть программируемым автопилотом, — пробормотал Синклер. — И его торопливость при этом… Капитан, вы думаете, что он сделал автопилот?

— А голубая вспышка в воздушном шлюзе чужого корабля? Для чего это было нужно?

— Убить тех паразитов, — предположил Синклер.

— Вряд ли. Это мог сделать вакуум, — ответил Каргилл.

Уайтбрид вошел на мостик и стал по стойке «Смирно» перед креслом Блейна.

— Прибыл по вашему приказанию, сэр.

— Хорошо сработано, мистер Уайтбрид, — сказал Род. — Что вы думаете о тех двух паразитах,

которых он принес на борт «Мак-Артура»? Зачем они здесь?

— Не знаю, сэр. Может… из вежливости? Мы могли бы захотеть анатомировать их.

— Возможно. Если бы знать, что они такое… А сейчас взгляните сюда, — Блейн указал на свои экраны.

Чужой корабль развернулся, и белое пламя его двигателей прочертило дугу по небу. Похоже было, что он направляется обратно к троянским точкам.

И Джонатан Уайтбрид был единственным живым человеком, побывавшим внутри него. Когда Блейн распустил экипаж с боевых постов, рыжеволосый гардемарин, вероятно, подумал, что тяжелое испытание позади.

РАБОТА

У Инженера был широкий и безгубый рот с поднятыми вверх уголками. Это походило на счастливую полуулыбку, хотя и не было ею. Это было постоянное выражение ее карикатурного лица.

И все же Инженер была счастлива.

Счастье ее становилось все больше и больше. Проход через Поле Лэнгстона оказался новым ощущением, похожим на изучение черного пузыря замедленного времени. Даже без приборов это кое-что сказало ей о Поле, и теперь ей хотелось взглянуть на генератор.

Корабль внутри пузыря выглядел излишне грубо, однако, был богат, очень богат! На ангарной палубе находились части, казалось, не прикрепленные к чему-то другому, механизмы настолько обильные, что их невозможно было использовать. Было и много такого, чего она не могла понять с первого взгляда.

Кое-что должно было быть структурными приспособлениями Поля или таинственного привода, работавшего в связи с Полем, но также были и явно новые изобретениям для выполнения

знакомых функций. По крайней мере, новыми для наивного разума Инженера. Она узнала оружие: оружие на большом корабле, оружие на шлюпках, стоявших на ангарной палубе, личное оружие, которое носили чужаки, столпившиеся по ту сторону воздушного шлюза.

Это не было для нее сюрпризом. Она уже поняла, что этот новый класс отдает приказы, а не получает их. Естественно, у них должно быть оружие. У них должны быть даже воины.

Двойная дверь воздушного шлюза было слишком сложной, слишком легкой для сжатия, и на нее пошло слишком много металлов и материалов. Инженер знала, что нужна здесь, она видела это. Новому классу требовался Инженер, а на борту явно не было ни одного, раз они пользовались такими вещами, как эта. Она принялась разбирать механизм, но пришелец дернул ее за руку, и эту мысль пришлось оставить. У нее не было никаких инструментов, и она не знала, что можно использовать, чтобы сделать их. Впрочем, для всего этого еще будет время…

Большинство пришельцев, таких похожих на первого, толпились вокруг нее. Они носили странные одеяния, похожие друг на друга, и были вооружены, но приказов не отдавали. Один из

них попробовал заговорить с ней.

Неужели они не видят, что она не Посредник? Они были не очень-то сообразительны, эти примитивные представители нового класса. Но они отдавали приказы. Первый из них выкрикнул явно команду.

И они не могли говорить на Языке.

Положение не требовало от нее принятия решений. Инженеру нужно было только идти, куда поведут, исправлять и переделывать, когда представится удобный случай, и ждать Посредника. Или Мастера. А здесь так много нужно сделать, так много…

Комнату отдыха для старшин превратили в приемную для посетителей-чужаков, а старшины заняли одну из кают-кампаний звездной пехоты. Были пущены в ход все приемы регулировки, чтобы разместить толпу гражданского персонала.

Для того, чтобы быть лабораторией, комнате отдыха явно чего-то не хватало, но она была спокойной, имела множество проточной воды, краны в стенах, горячие плиты, а также возможность доставки закусок и напитков. Во всяком случае, там не было ничего вроде стола для анатомирования.

После недолгого совещания было решено не пы-

таться создать мебель, подходящую для чужаков. Все, что они могли сделать, было бы приспособлено для пассажира зонда, а это казалось абсурдом.

В комнате установили множество телекамер, поэтому, хотя там находилось лишь несколько ученых, почти каждый, бывший на борту, мог следить за происходящим в гостиной. Сэлли Фаулер ждала вместе с учеными и намеревалась завоевать доверие мошкита. Ее не заботило, что за ней наблюдают.

Когда все собрались, оказалось, что завоевать доверие мошкита очень легко. Она была доверчива, как ребенок. Первое, что она сделал, выйдя из воздушного шлюза, это разорвала пластиковый мешок, в котором сидели малыши, и передала их в первые руки, которые потянулись за ними. Больше она о них не беспокоилась.

Она шла, куда ее вели, двигаясь между звездными пехотинцами, пока Сэлли, держа ее за руку, ввела в двери приемной. По дороге она оглядывалась по сторонам, вращаясь всем телом, подобно совиной голове. Когда Сэлли выпустила ее руку, мошкита просто стояла, ожидая дальнейших инструкций, глядя по сторонам все с той же мягкой улыбкой.

Похоже было, что она не понимает жестов. Сэл-

ли, Хорват и другие пытались заговорить с ней, но безрезультатно. Доктор Харди, священник-лингвист, начертил математические графики, но ничего не произошло. Мошкита не понимала их, и это ее не интересовало.

Впрочем, ее интересовали механизмы. Едва оказавшись внутри, она потянулась за оружием канонира Келли. После приказа доктора Хорвата звездный пехотинец неохотно разрядил оружие и разрешил ей осмотреть один из патронов, после чего передал сам пистолет. Мошкита разобрала его на части к досаде Келли и развлечению остальных, затем собрала снова, несказанно изумив этим Келли. Потом она осмотрела руку звездного пехотинца, сгибая пальцы до предела и изучая суставы, пользуясь своими пальцами, прозондировала мышцы и сложные кости запястья. Потом для сравнения проделала то же самое с рукой Сэлли Фаулер.

Вынув из своего пояса инструменты, мошкита принялась трудиться над рукоятью пистолета, делая ее из пластика, выдавливаемого из тюбика.

— Маленькие существа — самки, — объявил один из биологов. — Так же, как и большое.

— Женщина — астероидный шахтер, — сказала Сэлли, глядя куда-то вдаль. — Если они использу-

ют женщин для рискованных работ вроде этой, их культура весьма отличается от культуры Империи, — она посмотрела на мошкиту, которая продолжала улыбаться.

— Лучше бы нам заняться изучением того, что они едят, — буркнул Хорват. — Непохоже, чтобы она принесла продукты с собой, а капитан Блейн сообщил мне, что ее корабль ушел в неизвестность, — он взглянул на миниатюрных мошкитов, которые бродили по большому столу, обычно используемому для спитбола. — Конечно, если не они являются этими продуктами.

— Пожалуй, лучше не пытаться поджарить их, — заметил от двери только что вошедший Реннер. — Они могут быть детьми. Незрелыми мошкитами.

Сэлли от неожиданности резко повернулась, и прошло некоторое время, прежде чем к ней вернулась способность рассуждать здраво. Конечно, она не собиралась жрать что-либо, не разобравшись, что это такое.

— Мистер Реннер, — сказал Хорват, — почему парусный мастер «Мак-Артура» вмешивается в исследования внеземной биологии?

— Корабль не движется, и я свободен от дежурства, — сказал Реннер. Он явно решил не

упоминать об отданном капитаном приказе, чтобы экипаж не мешал ученым. — Вы приказываете мне уйти?

Хорват задумался. Род Блейн на мостике так и сделал, но он не очень-то любил Хорвата. Министр по науке покачал головой.

— Нет. Но я считаю, что ваше предположение о маленьких чужаках было легкомысленным.

— Нисколько. Они могут потерять вторую левую руку точно так же, как мы теряем молочные зубы, — один из биологов согласно кивнул. — А какие еще отличия у них есть? Размер?

— Онтогенез, приведший к женоподобию, — заметил кто-то, на что тут же последовал совет: — Заткнулся бы ты, что ли!

Чужак отдала Келли его орудие и огляделась по сторонам. Реннер был единственным флотским офицером в комнате, поэтому чужак обратилась к нему и потянулась за его пистолетом. Реннер разрядил оружие и передал его, а затем подчинился тому же тщательному изучению своей ладони. На этот раз мошкита работала гораздо быстрее, ее руки двигались с почти неуловимой быстротой.

— Я думаю, что это обезьяны, — сказал Реннер. — Предки разумных мошкитов. Это может

означать, что вы тоже правы. На дюжине планет есть люди, которые едят мясо обезьян. Но мы едва ли можем осмелиться на это.

Мошкита работала с оружием Реннера, затем положила его на стол. Реннер поднял пистолет и нахмурился, потому что плоский приклад был переделан в изогнутую поверхность, которая была тверда, как настоящий пластик, даже спусковой крючок был переделан. Реннер сжал рукоять в ладони и внезапно понял ее совершенство. Оружие было как бы частью его руки и, казалось, целилось само.

Мгновение он наслаждался этим чувством, потом заметил, что Келли уже перезарядил и сунул в кобуру свое оружие. Пистолет был совершенен, и Реннер не хотел бы потерять его. Неудивительно, что звездный пехотинец не сказал ни слова. Парусный мастер передал оружие Хорвату.

Пожилой министр по науке взял его.

— Наш гость, похоже, знаком с инструментами, — сказал он. — Конечно, я не знаток оружия, но оно выглядит сделанным точно по человеческой руке.

Реннер забрал пистолет обратно. Что-то не понравилось ему в комментарии Хорвата. Ему явно не хватало энтузиазма. Нет, пистолет подходит к

его руке лучше, чем к руке Хорвата?

Мошкита оглядела комнату, вращаясь всем торсом, разглядывая каждого ученого и оборудование, и ждала, ждала…

Одно из миниатюрных существ село, скрестив ноги, перед Реннером, тоже глядя и ожидая. Оно вовсе не казалось испуганным. Реннер потянулся почесать ему за ухом. За правым ухом. Подобно большому мошкиту, левого уха у него не было; плечевые мышцы левой верхней руки крепились к верхушке головы. Похоже, существу нравилось почесывание. Реннер избегал касаться самого уха, такого большого и хрупкого.

Сэлли смотрела на него, думая, что делать дальше, и недоумевая, что беспокоит ее в действиях Реннера. Не нелепость зрелища офицера, чешущего за ухом у существа, которое, вероятно, было обезьяной, а что-то другое, что-то относительно самого уха…

УЧЕНЫЙ-ИДИОТ

Доктор Бакмен дежурил в обсерватории, когда мерцающий лазерный сигнал изнутри системы погас.

Действительно, там имелась планета размером с Землю, с искажающей бахромой прозрачной атмосферы. Он удовлетворенно кивнул: с такого расстояния можно было разглядеть множество подробностей. У военных было хорошее оборудование, и они хорошо использовали его. Некоторые из младших офицеров могли бы стать хорошими ассистентами астрономов, но, к сожалению, прозябали здесь…

Расположенная справа астрономическая секция продолжала работу, анализируя данные наблюдения за планетой, и Бакмен вызвал капитана Блейна. — Я бы хотел, чтобы вы вернули некоторых моих людей, — попросил он, — они все толпятся вокруг комнаты отдыха, разглядывая мошкитов.

Блейн пожал плечами. Вряд ли он мог приказать ученым разойтись. Руководство Бакмена своим отделом было его собственным делом.

— Это лучше сделать вам, доктор. Всех инте-

ресует чужак. Даже моего парусного мастера, которому совершенно нечего делать внизу. А что можете сообщить вы? Эта планета землеподобна?

— Да. В первом приближении она меньше Земли, с водно-кислородной атмосферой. Но в ее спектре есть линии, которые заинтересовали меня. Линия гелия очень сильна, просто очень сильна. Я склонен не верить этим данным.

— Сильна линия гелия? Один процент или около того?

— Возможно, если расшифровка верна, но честно говоря… А почему вы спросили об этом?

— В воздухе корабля мошкита был один процент гелия и какие-то странные редкие компоненты. Думаю, ваша расшифровка сделана правильно.

— Но, капитан, планета земного типа не может удержать такое количество гелия! Это должно быть подделано. Но еще хуже некоторые другие линии.

— Кетоны? Углеводородные соединения?

— Да!

— Доктор Бакмен, думаю, вам лучше взглянуть на рапорт мистера Уайтбрида об атмосфере корабля мошкита. Вы найдете его в компьютере. И снимите показания о количестве нейтрино.

— Это будет трудно сделать, капитан.

— И все же снимите их, — упрямо сказал Род костистому лицу, видневшемуся на экране интеркома. — Мы должны знать состояние их индустрии.

— Вы хотите воевать с ними? — фыркнул Бакмен.

— Пока нет, — ответил Род и добавил: — Когда поднимете свои приборы, замерьте количество нейтрино на астероиде, с которого прибыл корабль мошкита. Он находится на краю скопления троянской точки, поэтому фоновое излучение вам не помешает.

— Капитан, это помешает моей работе!

— Я пошлю вам на помощь офицера, — Род на мгновение задумался. — Поттер! Я даю вам в помощники мистера Поттера. — Ему это должно понравиться. — Это необходимо сделать, доктор Бакмен. Чем больше мы узнаем о них, тем легче нам будет разговаривать. Чем скорее мы сможем говорить с ними, тем скорее сможем интерпретировать свои собственные астрономические наблюдения. — Это должно на него подействовать.

Бакмен нахмурился.

— Пожалуй, это правда. Я просто не подумал

об этом.

— Отлично, доктор, — и Род щелкнул выключателем, прежде чем Бакмен успел придумать новое возражение. Затем он повернулся к гардемарину Уайтбриду, стоявшему в дверях. — Входите и садитесь, мистер Уайтбрид.

— Спасибо, сэр. — Уайтбрид сел. Стулья в наблюдательной кабине капитана были стальными каркасами с сетчатыми сидениями, очень легкими и удобными. Уайтбрид сел на самый край одного из них. Каргилл передал ему чашку кофе, которую тот принял обеими руками. Выглядел он болезненно напряженным.

— Расслабься, парень, — сказал Каргилл.

Никакого результата.

— Уайтбрид, — произнес Род, — позвольте мне сказать вам кое-что. Каждый человек на этом корабле жаждет завладеть вашим мозгом, и не когда-то, а прямо сейчас. Я делаю это первым, потому что я капитан. Когда мы закончим, я передам вас Хорвату и его людям. Когда закончат они — если закончат — вы будете освобождены от вахты. Вы, конечно, думаете, что сможете пойти спать, но это не так. Кают-кампания ждет вашей истории. Они будут на какое-то время уходить с вахты, и вам придется повторить все полдюжины

раз. Вы представляете эту картину?

Уайтбрид был напуган — что и требовалось сделать.

— Вот и хорошо. Поставьте свой кофе в эту нишу. Отлично. Теперь откиньтесь назад, пока ваш позвоночник не коснется спинки стула. А теперь расслабьтесь, черт побери! Закройте глаза.

Удивленный Уайтбрид сделал это и через секунду счастливо улыбнулся.

— Я выключил запись, — сказал Блейн — и это было правдой. — Официальное донесение вы сделаете потом. А сейчас мне нужны факты, впечатления, все, что вы захотите рассказать. Мне нужно решить, следует ли останавливать корабль мошкита?

— Мы еще можем это? Сэр?

Блейн взглянул на Каргилла. Первый лейтенант кивнул.

— Он улетел всего полчаса назад. Мы можем остановить его в любой момент из ближайших двух суток. У него нет защитного поля, помните? И корпус его показался нам довольно хрупким. Две минуты работы носовых батарей, и от него не останется даже пара.

— Или же, — сказал Блейн, — мы можем перехватить его, выключить двигатель и взять

на буксир. Главный инженер отдаст годовое жалование, чтобы разобрать на части эту электромагнитную систему. Или, скажем, Имперская торговая ассоциация: эта штука отлично подойдет для разработки астероидов.

— Я против этого, — сказал Уайтбрид, сидя с закрытыми глазами. — Если, конечно, у нас демократия, сэр.

— Ее нет, и адмирал склонен захватить этот корабль мошкита. Так думают и некоторые из ученых, но Хорват против этого. А почему против вы?

— Это будет первым враждебным актом, сэр. Я бы старался избегать этого, пока мошкиты не попытаются уничтожить «Мак-Артур». — Уайтбрид открыл глаза. — Но и в этом случае, чего нам бояться с нашим Полем? Мы находимся в их родной системе, капитан, и пришли взглянуть, сможем ли ужиться с ними. Я, во всяком случае, думаю, что сможем, сэр.

Каргилл хихикнул.

— Это похоже на высказывания Хорвата, верно, шкипер?

— Кроме того, сэр, чем этот корабль может помешать нам?

— Он идет домой один, вероятно, с сообще-

нием.

— Не думаю, чтобы там было послание, сэр. Он не сделал ничего, что могло бы быть записью, и вообще не говорил.

— Она, — уточнил Блейн. — Биологи говорят, что мошкит — женщина. Оба маленьких существа — тоже, и одна из них беременна.

— Беременна… Я должен был заметить это, сэр?

Блейн усмехнулся.

— Как вы могли заметить? И где? Вы даже не обратили внимания, что у всех маленьких существ по четыре руки.

— По четыре?…

— Не думайте об этом, мистер Уайтбрид. Вы не видели послания, но вы просто не знаете, что мошкита запрограммировала — или собрала — автопилот, прежде чем корабль ушел. Да и сам пустой корабль может быть посланием. Мы готовы к гостям, Джек?

Каргилл кивнул.

— А если не мы, то можно держать пари, что готов «Ленин».

— Не рассчитывайте на слишком большую помощь от «Ленина», Номер Первый. Кутузов считает, что интересно посмотреть, сможет ли

«Мак-Артур» выстоять против мошкитов. Он не должен делать ничего, только наблюдать, а затем отправиться домой.

— Это… это непохоже на адмирала, сэр, — запротестовал Каргилл.

— Вы не сомневались в этом, если бы слышали его разговор с доктором Хорватом. Наш министр по науке уговаривал адмирала держаться в стороне, и Кутузов дал ему свое слово, — Блейн повернулся к гардемарину. — Уайтбрид, вовсе не обязательно говорить об этом в кают-кампании.

— Да, сэр.

— А сейчас, поскольку у нас есть время, посмотрим, что вы запомнили о корабле мошкиты, — Блейн коснулся переключателя, и несколько изображений чужого корабля появились на его стенных экранах.

— Это то, что пока известно компьютеру, — объяснил Род. — Мы уже воссоздали внутренний вид корабля. Он не защищался от нашего зондирования и ничего не прятал, но это не значит, что все там легко можно понять.

Блейн взял световую указку.

— Здесь находится жидкий водород, а здесь — тяжелые машины. Вы видели что-нибудь из этого?

— Нет, сэр. Но эта задняя панель выглядела так, словно могла поворачиваться.

— Хорошо, — Блейн кивнул, и Каргилл набросал на экране эскиз.

— Так? — спросил первый лейтенант. — Отлично, — он коснулся кнопки записи. — Теперь нам известно, что там было довольно много водородного топлива, скрытого в убежище. Двигатель корабля ионизирует его, разогревает и обогащает горячими парами углерода. Этим занимается большая часть машин. Где это было?

— Сэр, а разве не следовало бы быть здесь главному инженеру?

— Он должен быть здесь, мистер Уайтбрид, но, к несчастью, на корабле одновременно случаются десятки происшествий, и командор Синклер нужен везде. Он еще получит возможность встретиться с вами… Джек, не забудь об основах философии мошкитов. Мы создаем особые механизмы для каждой работы, а в том зонде все выполняло четыре или пять перекрывающих функций сразу. Может, поэтому мы видим так много механизмов.

— Да, сэр… Но… капитан, этот корабль создан для выполнения минимального количества функций. СОЗДАН. А мы не можем подобрать

оборудования для выполнения половины их.

— Да, с нашей технологией это невозможно, — задумчиво сказал Блейн. Затем усмехнулся широкой и дерзкой улыбкой молодого человека. — Мы, должно быть, выглядим как комбинация микроволновой печи, ионизатора топлива и сауны. Ну, ладно, теперь сам чужак. Ваши впечатления, мистер Уайтбрид. Она разумна?

— Она не поняла ничего из того, что я говорил. За исключением того случая, когда я заорал: «Убери силовое поле!». Это она поняла мгновенно. Но больше ничего.

— Ты слегка отредактировал это, парень, — сказал Каргилл, — но забудем об этом. И что ты думаешь? Что чужак понимает английский? Или что она прикидывается?

— Я не знаю. Она не понимала даже моих жестов, за исключением одного. Это было, когда я передал ей ее собственный скафандр… Это был хорошо понятый намек, сэр.

— Она может быть просто глупой, — сказал Род.

— Она — астероидный шахтер, капитан, — медленно сказал Каргилл. — Это можно сказать с достаточной уверенностью. По крайней мере, это корабль астероидного шахтера. Крючья и зажи-

мы на корме могут служить для подвешивания руды или содержащих воздух камней.

— И что? — вопросительно сказал Блейн.

— Я знал нескольких астероидных шахтеров, капитан. Они упрямы, независимы, уверены в себе и молчаливы. Они доверяют друг другу свои жизни, но не своих женщин или имущество. И они забывают, как говорят в других местах, по крайней мере, так это выглядит.

Оба с надеждой взглянули на Уайтбрида, который сказал:

— Я не знаю, сэр. Просто не знаю. Она не глупа. Вы, должно быть, видели ее руки, копающиеся внутри панели, что-то переделывающие, создающие новые схемы, переградуирующие несколько приборов одновременно. Так это выглядело. Возможно… Может быть, наш язык жестов просто не сработал. А почему — я не знаю.

Род нажал пальцем на свой нос.

— Было бы удивительно, если бы он сработал, задумчиво сказал он. — Это единственный экземпляр совершенно чужой расы. Если бы мы были чужаками и захватили астероидного шахтера, какие выводы мы могли бы сделать об Империи? — Блейн налил кофе в свою чашку, затем в чашку Уайтбрида. — Ну что же, команда Хорвата

более подходит для этих дел, чем мы. Пусть они и работают с мошкитами.

Сэлли Фаулер смотрела на мошкиту с чувством глубокого расстройства.

— Я не могу решить, кто из нас глуп — она или я. Вы видели, что произошло, когда я начертила ей доказательство теоремы Пифагора?

— Угу, — Реннер усмехнулся. — Она разобрала ваш карманный компьютер на части и снова собрала его. Она не нарисовала ничего. Все-таки кое в чем она глупа, — сказал он очень серьезно. — Я не хочу оскорбить вас — вы заслуживаете всяческого доверия — но она чертовски доверчива. Возможно, она руководствуется инстинктом самосохранения.

Сэлли кивнула, следя за работой мошкиты.

— Она гений в создании вещей, — сказал Реннер. — Но она не понимает языка, жестов и рисунков. Разве можно быть гением и слабоумным одновременно?

— Ученый-идиот, — буркнула Сэлли. — Это бывает у людей, но довольно редко. Дети-дебилы, которые могут извлекать кубические корни и решать в уме логарифмы. Математические гении, которые не умеют зашнуровать своих ботинок.

— Это различие в восприятии, — заметил

Хорват, занимавшийся изучением малых мошкитов. — Она поняла, что картина — это картина. Ваши рисунки… Боже правый, что там происходит?

Кто-то пронзительно кричал на трапе.

Каргилл вызвался проводить Уайтбрида к ученым. Конечно, он не сомневался, что Уайтбрид и сам найдет дорогу к комнате отдыха, куда поместили мошкитов, пока техники делали клетку для малышей, но Джека Каргилла мучило любопытство.

Где-то с середины трапа он впервые увидел чужака. Та разбирала кофейник кают-кампании — злобный поступок, еще более дьявольский в сочетании с наивностью ее улыбки.

После крика Каргилла мошкита подалась назад, и первый лейтенант увидел, что уже слишком поздно. Крошечные винты и части были разбросаны по всему столу. Чужак разобрала трубу кофейника, вероятно, чтобы изучить технологию спайки. Обломки избирательного механизма были разложены в изящный узор. Мошкита сняла цилиндрическую оболочку, открыв находящийся под ней сварной шов.

Затем Каргилл заметил, что министр по науке машет на него рукой.

— Вы испугали чужака, — сказал Хорват низким голосом. — Выйдите, пожалуйста.

— Доктор, будьте добры, объясните мне…

— В другом месте, — Хорват направил его в другой конец комнаты. Каргилл мельком заметил миниатюрных чужаков, сидящих на корточках на игровом столе окруженном членами научной группы и образцами продуктов: зерна, хлеба, моркови и сельдерея, размороженного сырого и жареного мяса.

— А теперь объясните, — сказал Хорват, — что означает ваше вторжение в…

— Этот монстр разобрал кофейник кают-компании!

— Нам еще повезло, — сказал не совсем к месту гардемарин Уайтбрид.

— Она пыталась разобрать на части четвертый воздушный шлюз, пока я не остановил ее.

— Все, что ее интересует, — это приборы и механизмы, — резко заметил Хорват, игнорируя возбуждение Каргилла. — В этом я в виде исключения согласен с адмиралом Кутузовым: чужаку нельзя разрешать смотреть на Олдерсон Драйв или генератор Поля. Похоже, она может понять, что это за вещь, и как она действует, даже не касаясь ее.

— Никто и не думает об этом! — сказал Каргилл. — Но неужели вы не могли дать мошките что-нибудь другое? Этот кофейник уже наполовину отремонтирован. Никто не мог понять, как это сделать, пока Сэнди Синклер не закончил работу. А теперь мошкита разрушила некоторые части.

— Если их было так легко разрушить, следовало их укрепить, — разумно заметил Хорват. — Смотрите, мы можем дать вам один из кофейников из нашей лаборатории или один из наших кипятильников… Мисс Фаулер, чужак уже успокоилась? Э… Мистер… Уайтбрид? Мы рады, что вы заглянули сюда, мы ждали вас, как единственного человека, общавшегося с чужаком. Командор Каргилл, пожалуйста, отойдите от мошкиты…

Но Каргилл был уже на полпути через комнату. Чужак слегка отступила, но Каргилл остановился за пределами ее досягаемости и время от времени сердито поглядывал в ее сторону, изучая свой разобранный кофейник.

Мошкита отодвинулась от Сэлли Фаулер. Она нашла конический пластиковый контейнер, наполнила его водой из крана и, пользуясь им, залила воду в кофейник. Один из стюардов кают-кампании хихикнул.

Мошкита налила воду в две емкости, вставила

сетки и стала ждать.

Изумленный стюард взглянул на Каргилла. Тот кивнул. Пользуясь мерной ложкой, парень очистил посудину от кофейной гущи и включил кофейник. Чужак внимательно следила за всем происходящим. То же самое делала и одна из малышей, несмотря на отвлекающие действия биологов, тыкавших ей в лицо морковь.

— Она делала это и прежде, глядя, как мы завариваем кофе, сэр, — сказал стюард. — Думаю, ей хочется кофе, но ученые вообще не предлагали его.

— Через минуту, Энни, — сказал Каргилл, — здесь может быть большой беспорядок. Будь готов убрать все, — он повернулся к Сэлли. — Насколько хорошо этот монстр снова собирает вещи?

— Вполне хорошо, — ответила Сэлли. — Она собрала мой карманный компьютер.

Кофейник забурлил, и вода в индикаторной трубке стала коричневой. Каргилл нерешительно наполнил чашку и попробовал.

— Нормальный кофе, — сказал он и передал чашку мошките.

Она попробовала черное горькое варево, пронзительно вскрикнула и швырнула чашку в перегородку.

Сэлли увела Уайтбрида в кладовую гостиной.

— Вы сделали так, что мошкита поняла вас. Как это было?

— Это было всего один раз, — сказал Уайтбрид. — Может, она решила дать мне больше свободного места после того, как я открыл шлем и закричал?

Сэлли нахмурилась.

— Она просто стояла там. Похоже, она даже не знала, что вы пытаетесь говорить с ней, как не пыталась и ответить… — она понизила голос, бормоча главным образом для себя: — Основная характеристика разумных видов в том, что они пытаются общаться. Уайтбрид, как ваше первое имя?

Уайтбрид был поражен.

— Джонатан, леди.

— Отлично, Джонатан, а я — Сэлли. Как мужчина женщине скажите, что я, черт побери, делаю не так? Почему она не пытается заговорить со мной?

— Хорошо, Сэлли, — с готовностью отозвался Уайтбрид. Ему нравилось произносить ее имя. К тому же она была старше его не более чем на два года. — Я могу придумать полдюжины причин для этого. Может быть, она читает мысли.

— И что она делает с…

— Она не знает нашего языка, не так ли? Может, она читает наши мысли только тогда, когда мы безумно кричим, как, скажем, я?

— Или командор Каргилл, — задумчиво сказала Сэлли. — Она отскочила от кофейника. Но ненадолго. Нет, я не верю в это.

— Я тоже. Я думаю, что она лжет.

— Лжет?

— Играет немого. Она не знает, что сказать нам, поэтому не говорит ничего. Тянет время. Ее интересуют наши машины, и это дает ей время изучать их.

Сэлли медленно кивнула.

— Один из биологов высказывал эту же идею. Что она ждет инструкций и изучает все, что может, пока они не пришли. Джонатан, как ее можно поймать на этом?

— Не думаю, что это возможно, — медленно сказал Уайтбрид. — Как можно разоблачить разумную крысу, разыгрывающую немого, если вы до этого никогда не видели крыс?

— Дьявольщина! Что ж, нам остается только продолжать попытки, — она нахмурилась, думая о представлении, устроенном мошкитой с кофейником, затем окинула Уайтбрида долгим

задумчивым взглядом. — Вы очень устали. Ступайте, поспите, ведь нет ничего такого, о чем нужно было бы сказать нам немедленно.

— Нет, — Уайтбрид зевнул. За его спиной послышался шорох чьего-то тихого передвижения, и оба они быстро повернулись, но там никого не было. — Говорят, это мыши, — сказал Уайтбрид.

— Как они могут жить на стальном корабле? — спросила Сэлли.

Уайтбрид пожал плечами.

— Они попадают на борт с продовольствием, даже в личных вещах. Изредка мы освобождаем секции корабля, выводим экипаж наружу и открываем корабль. Но даже этим мы никогда не избавлялись от них полностью. А в этом полете, со всей этой толпой на борту, мы не сможем сделать даже этого.

— Интересно, — кивнула Сэлли. — Мыши могут жить почти везде, где может жить человек. Вы знаете, в Галактике мышей, наверно, так же много, как и людей. Мы приносим их почти на каждую планету. Джонатан, а, может, малыши — мыши?

Уайтбрид пожал плечами.

— Она явно не заботится о них и убила всех, кроме двух. Но зачем она привела их на корабль?

И выбрала именно этих двух?

Сэлли снова кивнула.

— Мы видели, как она ловила их, — она вдруг рассмеялась. — Вот удивится мистер Реннер, если они окажутся детьми мошкитов! Идите спать, Джонатан. Увидимся часов через десять или около того.

ВЫСЕЛЕНИЕ МИСТЕРА КРОУФОРДА

Гардемарин Уайтбрид добрался до своего гамака быстрее, чем ожидал. Он блаженно повалился на сетку, закрыл глаза… и тут же открыл один из них, почувствовав на себе чей-то взгляд.

— Да, мистер Поттер, — сказал он.

— Мистер Уайтбрид, я буду вам очень обязан, если вы поговорите с мистером Стели.

Это было совсем не тем, чего он ожидал. Уайтбрид открыл второй глаз.

— Что?

— С ним что-то неладно. Вы знаете, каков он — скорее умрет, чем пожалуется. В последнее время он ходит, как робот, и почти не разговаривает, только вежливо отвечает на вопросы. И ест он в одиночку… Вы знаете его дольше меня, и я подумал, что вы могли бы выяснить причину.

— Хорошо, Поттер, я попробую. Когда проснусь, — он закрыл глаза. Поттер был еще здесь. — В восемь часов. Поттер. Это не может быть настолько важно.

В другой части «Мак-Артура» парусный мастер Реннер судорожно сел в каюте, немного большей, чем его койка. Это была кровать третьего

лейтенанта, но двое ученых заняли каюту Реннера, и третий перебрался к офицеру из звездной пехоты.

Реннер сидел в темноте, и разум его судорожно искал что-то, что могло быть сном. Потом он включил свет и нащупал незнакомую панель интеркома. Рядовой, ответивший ему, проявил чудеса самоконтроля: он не выругался и не сделал еще чего-нибудь подобного.

— Дайте мне мисс Сэлли Фаулер, — сказал Реннер.

Рядовой сделал это безо всяких комментариев. Робот он, что ли? — подумал Реннер. Он примерно представлял себе, как сейчас выглядит.

Сэлли не спала. Вместе с доктором Хорватом они только что закончили устраивать мошкитов в каюте офицера-артиллериста. Ее лицо и голос, когда она произнесла: «Да, мистер Реннер?», сказали парусному мастеру, что он выглядит как помесь человека и крота — настоящий подвиг немногословного общения.

Реннер вскочил.

— Я кое-что вспомнил. Ваш карманный компьютер с вами?

— Конечно, — она вынула его и показала.

— Пожалуйста, проверьте его для меня.

Лицо ее было удивленной маской, когда Сэлли написала на табло плоской коробки, стерла, небрежно изобразила простенькую задачу, затем более сложную, которая требовала помощи корабельного компьютера. После этого она вызвала из памяти корабля произвольные личные данные.

— Все работает нормально.

— Или я спятил, или вы видели, как мошкита разобрала эту вещь на части, а затем собрала снова.

— Ну, да. Она сделала то же самое и с вашим оружием.

— Но с карманным компьютером? — Реннер изумленно таращился на нее.

— Вам известно, что это невозможно?

Она решила, что он шутит.

— Нет, не известно.

— Так знайте, что это так. Спросите у доктора Хорвата, — Реннер отключился и снова лег.

Сэлли поймала доктора Хорвата, когда он возвращался в свою каюту, и спросила его о компьютере.

— Эти вещи — одна большая интегральная схема. Мы даже не пытаемся чинить их... — Хорват пробормотал что-то еще себе под нос.

Пока Реннер спал, Хорват и Сэлли разбудили

ученых-физиков, и никто из них в эту ночь больше не спал.

«Утро» на военном корабле — вещь относительная. Утренняя вахта длится от 4.00 до 8.00 — время, когда род человеческий обычно спит, но космос ничего не знает об этом. Независимо от времени суток на мостике и в машинном отделении должны находиться все необходимые люди. Как вахтенный офицер, Уайтбрид стоял одну вахту из трех, но четкий список вахт «МакАртура» был нарушен после ремонта. Джонатана освободили от утренней и предполуденной вахт, дав ему восемь великолепных часов сна, и все же, когда он проснулся, часы показывали девять.

— Ничего со мной не случилось, — запротестовал Хорст Стели. — Не знаю, откуда у тебя взялась эта идея. Забудь о ней.

— О'кей, — мягко сказал Уайтбрид. Он взял сок и овсянку и поставил их на свой поднос. Он стоял сразу же за Стели в очереди в кафе.

— Впрочем, я ценю твой интерес, — сказал ему Стели, и в голосе его не было ни следа эмоций.

Уайтбрид согласно кивнул. Он поднял поднос и пошел следом за неестественно прямой спиной Стели. Как и следовало ожидать, Хорст выбрал пустой стол. Уайтбрид присоединился к нему.

В Империи имелись многочисленные миры, где доминирующей расой были белые кавказцы. На таких мирах плакаты, изображающие добровольцев Военного Флота, очень походили на Хорста Стели. Его подбородок был квадратным, а глаза — холодно-голубыми. Его лицо было идеально симметричным и не выражало никаких чувств, спина была прямой, плечи — широкими, живот — плоским и твердым, с рельефно выступающими мышцами. Внешне он разительно отличался от Уайтбрида, которому предстояло всю жизнь бороться с лишним весом.

Они ели в молчании. Наконец, как будто случайно, чтобы что-то спросить, Стели сказал:

— Как прошла твоя миссия?

Уайтбрид был готов к этому.

— С переменным успехом. Худшие полтора часа мошкита провела, таращась на меня. Смотри, — Уайтбрид встал, согнул колени и опустил плечи, как будто забираясь в невидимый гроб высотой 130 см. — Полтора часа в такой позе, — он снова сел. — Пытка, скажу я тебе. Я ведь надеялся, что они выберут тебя.

Стели покраснел.

— Я тоже был добровольцем.

— Это меня потрясло. Ты был тем, кто принял

капитуляцию «Вызывающего».

— И позволил этому маньяку украсть мою бомбу!

Уайтбрид опустил вилку.

— Ого?

— Ты не знал?

— Конечно, нет. Думаешь, Блейн рассказал об этом всему экипажу? Ты вернулся слегка потрясенный после этой миссии, и всем было интересно, почему.

— Теперь ты знаешь. Какой-то болван пытался отказаться от своего слова, но капитан «Вызывающего» не позволил ему, хотя и мог, — Стели изо всех сил потер руки. — Он вырвал у меня бомбу! И я позволил ему! Я бы отдал все за возможность… — Стели внезапно встал, но Уайтбрид быстро схватил его за руку.

— Сядь, — сказал он. — Я могу объяснить, почему тебя не выбрали.

— Ты можешь читать мысли капитана? — по молчаливому соглашению оба они говорили вполголоса. Внутренние перегородки «Мак-Артура» были звукопоглощающими, и голоса звучали очень четко, если говорить тихо.

— «Угадай-ка» — хорошая практика для гардемарина, — сказал Уайтбрид.

— И почему же? Из-за этой бомбы?

— Косвенно. Ты стремился проверить себя, но даже и без этого в тебе слишком много от героя, Хорст. Совершенная физическая форма, здоровые легкие — и никакого чувства юмора.

— У меня есть чувство юмора.

— Нет, это не так.

— Ты хочешь сказать, что его нет?

— Ни следа. Эта ситуация не требовала героя, Хорст. Нужен был человек, который не будет думать, что выглядит нелепо в какой-либо ситуации.

— Ты смеешься надо мной. Проклятие, я никогда не могу понять, когда ты говоришь серьезно, а когда нет!

— Сейчас не самое подходящее время. Я не шучу, Хорст. Слушай, я не могу объяснить этого. Ты видел все, верно? Сэлли говорит, что я был на всех экранах интеркомов, живой, в цвете и объемный.

— Да, это так, — Стели коротко улыбнулся. Мы видели твое лицо особенно, когда ты начал ругаться. Это было безо всякого предупреждения. Изображение немного скакнуло, потом ты заорал на чужака, и все сломалось.

— А что бы сделал ты?

— Не знаю. Но не это. Полагаю, выполнил бы приказ, — ледяные глаза сузились. — Я не пытался бы кричать, если ты имеешь в виду именно это.

— Скажем, выстрел из лазера в пульт управления? Чтобы уничтожить защитное поле?

— Только после приказа.

— А как насчет языка жестов? Я провел некоторое время, жестикулируя и надеясь, что чужак поймет меня, но этого не произошло.

— Этого мы не видели.

— Вот я и говорю, — сказал Уайтбрид, — что эта миссия требовала человека, готового выглядеть глупо в любой ситуации. Вспомни, сколько раз ты слышал смех, пока я вез мошкиту сюда.

Стели кивнул.

— А теперь забудем об этом и подумай о мошкитах. Как у нее с чувством юмора? Понравится тебе смех мошкитов над тобой? Ты даже не можешь быть уверен, смеется она или нет: ты не знаешь, как это выглядит или звучит…

— Но ты выглядел нелепо.

— Всем известно, что ситуация требовала человека, способного узнать, смогут ли чужака говорить с нами. Здесь не требовалось защищать честь Империи. Пройдет еще немало времени,

прежде чем мы узнаем, с чем столкнулись. Еще будет место героям, Хорст. Как бывает всегда.

— Это успокаивает, — сказал Стели. Он закончил завтрак, встал и быстро ушел, держась все так же прямо, оставив изумленного Уайтбрида.

Ну, что ж, подумал Уайтбрид. Я пытался. И, может быть…

Комфорт военного корабля весьма относителен. Каюта офицера-артиллериста Кроуфорда была размером с его кровать. Когда кровать поднималась, у него была комната для переодевания и небольшая раковина, где можно было почистить зубы. Опуская кровать для сна, ему приходилось выходить в коридор, и, будучи человеком высоким, Кроуфорд научился спать, свернувшись клубком.

Кровать и дверь с замком на ней вместо гамака или ряда из многих коек — это комфорт. Кроуфорд пытался сохранить его, но все же его выселили. Сейчас он занимал катер «Мак-Артура», а его помещение занял чужак.

— Она немногим более метра высотой, — рассудительно сказала Сэлли Фаулер. — Конечно, она поместится. И все же, это только крошечная комната. Вы думаете, она может занять ее? Если нет, нам придется оставить ее в гостиной.

— Я видел каюту в ее корабле — она ничуть не больше. Она может занять ее, — сказал Уайтбрид. Было слишком поздно пытаться спать в кают-кампании, и он предпочел поговорить с учеными обо всем, что знал: по крайней мере, будет объяснение, если Каргилл спросит, почему он надоедает Сэлли. — Полагаю, кто-то постоянно следит за ней по интеркому?

Сэлли кивнула. Уайтбрид отправился за ней в гостиную ученых. Часть комнаты была перегорожена сеткой, за которой находились обе малышки. Одна из них грызла кочан капусты, держа его перед собой всеми четырьмя руками, другая, с животом, раздувшимся от беременности, играла карманным фонарем.

Очень похоже на обезьян, подумал Уайтбрид. Он впервые получил возможность разглядеть этих крошек. Их мех был гуще и испещрен коричневыми и желтыми пятнами, тогда как у большого чужака был однородного коричневого цвета. Четыре руки были почти одинаковы: пять пальцев на левых и по шесть на правых, но руки и пальцы были одинаково гибки и имели одинаковое число суставов. Мышцы внешней левой руки были закреплены на верхушке черепа. Зачем, если не для увеличения усилий при подъеме

тяжестей?

Когда он насмотрелся, Сэлли провела его к маленькому угловому столу, где биологи чесали свои затылки и громко спорили. Он взял кофе для них обоих и спросил у Сэлли о странной мускулатуре чужаков. Не то, что бы это очень интересовало его, но нужно было как-то начать…

— Мы считаем, что это рудимент, — сказала она. — Они явно не нуждаются в ней: их левый руки не приспособлены для тяжелой работы.

— Значит, маленькие существа не обезьяны! Они отпрыски большого.

— Или же кого-то еще. Джонатан, у нас уже есть по крайней мере две классификации. Смотрите, — она повернулась к экрану интеркома, и на нем появилось изображение мошкиты.

— Она выглядит довольно счастливой, — сказал Уайтбрид и усмехнулся при виде того, что сделала мошкита. — Мистеру Кроуфорду не понравится то, что она сделала с его койкой.

— Доктор Хорват не позволил остановить ее. Она может делать что угодно и с чем угодно, кроме интеркома.

Кровать Кроуфорда была укорочена и оконтурена. Контуры были чрезвычайно странными, не только из-за сложных суставов спины мошкиты,

но и потому, что она, видимо, спала на правом боку. Матрас был разрезан и сшит, нижняя стальная рама изогнута и перекручена. Теперь там были два углубления для двух правых рук, яма для бедра и высокий гребень, служащий подушкой…

— Почему она может спать только на правом боку? — спросил Уайтбрид.

— Возможно, она может защитить себя своей левой рукой, если ее потревожить во сне. Левая рука значительно сильнее.

— Может быть. Бедняга Кроуфорд. Возможно, она ждет, что он попытается ночью перерезать ей горло, — он взглянул, как мошкита трудилась над верхней лампой. — У нее довольно односторонний разум, верно? Мы можем извлечь из этого большую пользу. Она может улучшить все, что угодно.

— Возможно. Джонатан, вы изучали эскизы анатомирования чужака?

Сэлли говорила, как школьная учительница. Она была достаточно взрослой для этого, но уж слишком хорошенькой, подумал Уайтбрид, и сказал: — Да, мадам.

— Вы видите какие-нибудь отличия?

— Цвет меха различен. Но это ничего не значит, ведь тот чужак был в анабиозе сотню лет.

— А еще?

— Второй, по-моему, выше. Впрочем, я бы не стал этого утверждать.

— Посмотрите на ее голову.

Уайтбрид нахмурился.

— Я ничего не вижу.

Сэлли достала свой карманный компьютер. Тот слегка помедлил, сообщив, что данные находятся в памяти главного корабельного компьютера. Где-то в глубинах «Мак-Артура» луч лазера двинулся по голографическим линиям. Корабельная память содержала все знания человечества о мошкитах, все, сколько их было. Найдя запрошенную Сэлли информацию, машина направила ее в карманный компьютер, и на экране появился рисунок.

Уайтбрид изучил его, затем взглянул на экран и мошкиту.

— Ее лоб! Он покатый!

— Так же считаем и мы с доктором Хорватом.

— Это нелегко увидеть — голова у мошкиты такая кривобокая.

— Я знаю, но это есть. Мы считаем, что есть различия и в руках, но они слишком малы, — Сэлли нахмурилась, и три короткие морщины появились между карими глазами. Отправляясь

в космос, она коротко подстригла свои волосы, и это вместе с хмурым лицом делало ее очень ученой. Уайтбриду это не нравилось. — Это дает нам три различных вида мошкитов, — сказала она. — И только четырех мошкитов. Это высокий темп мутаций, вам не кажется?

— Я… я не удивлен, — Уайтбрид вспомнил лекции по истории священника Харди, которые тот читал гардемаринам во время полета. — Они в своей системе, как в ловушке, и, если у них была атомная война, им приходится жить с этим и дальше, верно? — он подумал о Земле и содрогнулся.

— Мы не видим никаких признаков атомной войны.

— За исключением мутаций.

Сэлли рассмеялась.

— Ваши аргументы идут по кругу. И все же, это не может остановить нас. Никто из этих трех типов не является калекой, Джонатан. Все они очень хорошо приспособлены, все здоровы, конечно, за исключением мертвеца, но ее можно не считать. Вряд ли они послали бы на зонде калеку.

— Конечно, нет. Так в чем же вопрос?

— Вы видели их первым, Джонатан. Назовем существо в зонде — тип А. Какие были отношения

между типами B и C?

— Не знаю.

— Но вы видели их вместе.

— Это не имеет смысла. Маленькие существа держались отдельно от большого, и оно ничего не имело против. Потом я дал понять большому, что хочу увести ее с собой на «Мак-Артур». Она тотчас же поймала первых двух малюток, которые подвернулись под руку, обеспечила их безопасность и без предупреждения убила всех остальных!

Уайтбрид сделал паузу, думая о вихре, который вышвырнул его из воздушного шлюза корабля мошкиты.

— А теперь скажите мне вы: кто такие эти маленькие существа? Любимцы? Дети? Но ведь она убила их. Паразиты? Тогда зачем спасла двух из них? Животные, употребляемые в пищу? Вы не пытались проделать это?

Сэлли скорчила гримасу. На ее хорошеньком лице отразились смешанные чувства.

— Проделать это? Поджарить одну из маленьких бестий и предложить большой? Будьте благоразумны.

Чужак в каюте Кроуфорда набрала пригоршню каких-то зерен и съела их.

— Жареная кукуруза, — сказала Сэлли. Мы по-

пробовали это сначала на маленьких. Может, для этого они и служат? Пробуют пищу?

— Возможно.

— Она ест и капусту тоже. Хорошо, что она не умрет от голода, но зато она может умереть от недостатка витаминов. Все, что мы можем — это наблюдать и ждать… Надеюсь, что вскоре мы отправимся к родной планете чужаков. А пока, Джонатан, вы единственный человек, который видел изнутри корабль мошкитов. Было ли оконтурено сидение пилота? Я видела его только мельком, через камеру на вашем шлеме.

— Оно было оконтурено. Фактически, оно подходит для нее, как перчатка. И я заметил кое-что еще: пульт управления располагался справа от сидения. Только для правых рук…

Оказывается, он заметил множество подробностей о чужом корабле, и это позволило ему находиться в приятном обществе Сэлли до заступления на вахту. Однако, ничего из этого нельзя было использовать.

Уайтбрид еще не успел занять свое место на мостике, когда доктор Бакмен вызвал капитана.

— Корабль, Блейн, — сказал Бакмен. — С обитаемого мира, с Мошки-1. Мы не обнаружили его до сих пор из-за того, что его скрывал этот чертов

лазерный сигнал.

Блейн кивнул. Его собственные экраны показали корабль мошкитов девять минут назад. Команда Шаттука не хотела, чтобы гражданские хвастались, будто они внимательнее военных.

— Он подойдет к нам через восемьдесят один час, — сказал Бакмен. — Его ускорение составляет 0,87 g, что является гравитацией на поверхности Мошки-1. Довольно странное совпадение. В целом он похож на первый корабль, только гораздо массивнее. Я дам вам знать, если мы получим еще какие-нибудь данные.

— Хорошо. Продолжайте наблюдение, доктор, — Блейн кивнул, и Уайтбрид разъединил цепь. Капитан повернулся к своему инженеру-администратору.

— Сравните наши данные с полученными Бакменом, Номер Первый.

— Слушаюсь, сэр, — Каргилл несколько минут повозился с пультом управления компьютера. — Капитан?

— Да?

— Взгляните на время старта. Этот чужой корабль поднялся с планеты не более, чем через час после нашего перехода.

Блейн присвистнул.

— Вы уверены? Скажем, двадцать минут, чтобы обнаружить нас, и сорок минут, чтобы подготовиться и стартовать. Джек, какой корабль может стартовать через сорок минут?

Каргилл нахмурился.

— Никогда не слышал о таком. Корабль Военного Флота МОЖЕТ сделать это, если весь экипаж на месте и в готовности.

— Точно. Я думаю, что к нам летит военный корабль, Номер Первый. Сообщите об этом адмиралу, затем Хорвату. Уайтбрид, дайте мне Бакмена.

— Да? — астрофизик выглядел встревоженным.

— Доктор, мне нужно все, что могут дать ваши люди об этом корабле. И немедленно. Кстати, что вы думаете о его странном ускорении?

— Это кажется достаточно очевидным. Они стартовали с Мошки-1 или расположенного рядом спутника спустя сорок минут после нашего прибытия сюда. В чем заключается проблема?

— Если они взлетели так быстро, то это почти наверняка военный корабль. Иначе в это трудно поверить.

Бакмен был тверд.

— Думайте, что хотите, но математика неумо-

лима, капитан. Или они стартовали через сорок минут, или… Сейчас корабль мошкитов примерно в двух миллионах километров по эту сторону Мошки-1… это может дать им больше времени… Но я не верю в это.

— Так же, как и я. И я хочу, чтобы вы поняли это, доктор Бакмен. Что заставляет вас предположить, что у них было больше времени для старта?

— Дайте подумать… Вы же знаете, что я не могу думать в ракетных терминах. Моя область — скорее гравитационное ускорение. Гм… — глаза Бакмена были удивительно пустыми. Одно мгновение он был похож на идиота. — Можно предположить движение по инерции, и гораздо большее ускорение в стартовом устройстве. Гораздо большее.

— Как долго продолжалось движение по инерции?

— Несколько часов. Капитан, я не понимаю, что вас волнует. Почему они не могли бы запустить за сорок минут научно-исследовательский корабль? Почему обязательно военный? В конце концов «Мак-Артур» и то, и другое, и это требует у вас чрезмерно большого времени для старта. Я был готов еще за несколько дней до него.

Блейн выключил экран. Я еще сверну твою

костлявую шею, подумал он. Меня будет судить Верховный Суд, но я буду настаивать на необходимости убийства. Я отправлю повестку в суд каждому, кто знал его, и они будут вынуждены оправдать меня. Он коснулся переключателей.

— Номер Первый, что вы можете сказать?

— Они запустили этот корабль через сорок минут.

— Значит, это военный корабль.

— Так же думает и адмирал. Доктор Хорват не убежден в этом.

— Я тоже, но мы должны быть готовы ко всему. И мы должны знать о мошкитах больше, чем люди Хорвата могут узнать от нашего пассажира. Номер Первый, я хочу, чтобы вы взяли катер и отправились на астероид, с которого прибыла эта мошкита. Там нет никаких признаков активности, поэтому это должно быть вполне безопасно. Я хочу знать, что мошкита делала там. Это может дать нам ключ к разгадке.

КАМЕННЫЙ УЛЕЙ

Гораций Бари разглядывал маленького мошкита, играющего за проволочной загородкой.

— Они кусаются? — спросил он.

— Нет, — ответил Хорват. — Даже когда биологи брали у них пробы крови.

Бари удивленно уставился на него. Министр по науке Хорват считал себя хорошим знатоком людей — однажды он оставил науку и пошел в политику, которой научился очень быстро, — но он не мог измерить глубину мыслительных процессов Бари. Легкая улыбка торговца была только маской, скрываясь за которой он разглядывал мошкита, подобно Богу, судящему сомневающихся.

До чего же они безобразны! — подумал Бари. — Какой стыд! Их нельзя держать, как маленьких любимцев, если… — он остановил течение своих мыслей и шагнул вперед, просунув руку в отверстие в заграждении, слишком маленькое, чтобы через него можно было выбраться.

— За ухом, — подсказал Хорват.

— Спасибо, — Бари было интересно, подойдет ли кто-нибудь из них изучить его руку. Подошел

более худощавый, и Бари почесал его за ухом, делая это очень осторожно, поскольку ухо казалось весьма хрупким. Похоже было, что существу это нравится.

Они будут ужасными любимцами, и продавать их можно за тысячи каждого, подумал Бари. В первое время. Пока не пройдет ощущение новизны. Лучше всего выбросить их всех на все планеты одновременно. Если их разводить в неволе, и если мы сможем кормить их, и продавать, пока люди не перестанут покупать…

— О, Аллах! Она забрала мои часы!

— Они любят разные механизмы. Видите тот карманный фонарь, который мы дали им?

— Это неважно, Хорват. Как мне получить обратно мои часы?

— Протяните руку и возьмите их. Или позвольте мне, — Хорват попытался сам, но ограждение было слишком велико, а мошкита не хотела отдавать часы. Хорват дрожал от возбуждения. — Я бы не хотел слишком сильно беспокоить их.

— Хорват, эти часы стоят восемьсот крон! Они не только показывают время и дату, но… — Бари сделал паузу. — Они еще и противоударные. Реклама утверждает, что удар, который сможет повредить их, убьет также и владельца. Вряд ли

она сможет повредить их.

Мошкита изучала браслет часов внимательно и спокойно, и Бари удивился, как другие люди могли находить ее манеры очаровательными. Ни один домашний любимец не ведет себя так. Даже кошки.

— Вы снимаете их?

— Конечно, — ответил Хорват.

— Моя фирма может захотеть купить эти кадры. Для рекламных целей.

— Но это одна сторона, — подумал Бари. Сейчас к ним приближался корабль мошкитов, и Каргилл отправился куда-то на катере. Бари никогда не имел никаких дел с Каргиллом, но ведь был еще Бакмен. В конце концов, должна же быть какая-то отдача с того кофе, который выпил астрофизик.

Эта мысль наполнила его печалью.

Катер был крупнейшим экипажем на ангарной палубе корабля. Корпус его имел вверху плоскую площадку, которой катер прижимался к одной из стен ангара, и свои собственные входные туннели, соединявшие воздушный шлюз катера с жилыми помещениями «Мак-Артура», поскольку обычно в ангаре царил вакуум.

На борту катера не было генератора Поля Лэнг-

стона и Олдерсон Драйв, однако, двигатель его был эффективным и мощным, а запас топлива довольно значительным даже без отделяющихся резервуаров. Защитное покрытие на его носу обеспечивало одно вхождение в земную атмосферу при скорости 20 километров в секунду, или же множество, если они совершались на меньших скоростях. Катер был рассчитан на экипаж в шесть человек, но мог нести и больше. Он мог передвигаться от планеты к планете, но не между звездами. Когда-то историю делали космические корабли меньших размеров, чем катер «Мак-Артура».

Сейчас в нем спали полдюжины человек. Одного из них выселили, чтобы освободить место для Кроуфорда, которого самого выселили из отдельной каюты, предоставив ее трехрукому чужаку.

Каргилл улыбнулся, увидев это.

— Я возьму Кроуфорда с собой, — решил он. — Не вышвыривать же его еще раз. Лафферти пойдет штурманом. Трое звездных пехотинцев… — он быстро проглядел список команды, — и Стели гардемарином — он будет рад возможности показать себя и будет хорошо повиноваться приказам.

Внутренность катера была вычищена и надрае-

на, но и тут виднелись следы странных ремонтов Синклера — вдоль левого борта, где лазеры «Вызывающего» пробили защитный слой. Несмотря на значительное расстояние, на котором находился катер, повреждения были серьезными.

Каргилл разместил свои вещи в единственном огороженном углу кабины и изучил план предполагаемого перелета. Весь полет должен был проходить с ускорением в три g, хотя на практике это могло означать одно g по дороге туда и пять — на обратном пути. То, что у астероида не было ядерного реактора, вовсе не означало, что он необитаем.

Джек Каргилл вспомнил скорость, с которой мошкита собрала его кофейник, причем даже не зная, на что похож вкус кофе! Может, они уже миновали стадию ядерной энергии? Он отложил свои вещи и надел вакуумный скафандр — плотно облегающую одежду, которая была достаточно пористой, чтобы пропускать пот. В нем имелся саморегулирующийся температурный переключатель, и при помощи плотной ткани костюма кожа человека могла выдерживать холод космического пространства. Шлем плотно прикреплялся к воротнику. В бою костюм не мог противостоять тяжелому оружию, но был доста-

точно хорош для осмотров и проверок.

Снаружи катера не было видно никаких следов повреждений или ремонта. Часть жаропрочного покрытия катера висела под его носом подобно огромному лезвию лопаты, выставляя напоказ пузырь рулевой рубки, иллюминаторы и рыло главного оружия катера — лазерной пушки.

В сражении главной задачей катера были наблюдение и разведка, но иногда ему удавалось подобраться к ослепленному вражескому кораблю на расстояние пуска торпеды. Против корабля мошкитов, у которого не было Поля, этой лазерной пушки было более, чем достаточно.

Каргилл осмотрел оружие катера с большей, чем обычно, тщательностью. Он уже боялся мошкитов. Пока он был почти одинок в своем чувстве, но это не могло продолжаться долго.

Второй чужой корабль был больше первого, но оценки его массы были весьма ненадежны и зависели от ускорения (известного), потребления топлива (рассчитываемого по температуре привода), температуры работы (рассчитываемой по спектру излучения, которое находилось в мягкой области рентгеновских лучей), и эффективности (чисто предполагаемой). Когда все это свели вместе, масса оказалась гораздо более малой,

чем ожидалось: примерно равной трехместному человеческому кораблю.

— Но они не люди, — заметил Реннер. — Четыре мошкита весят, как два человека, но им не требуется так много места. Мы не знаем, какое у них оборудование, вооружение и защита. Тонкие стены, похоже, не пугают их, и это позволяет им строить большие кабины…

— Ну, хорошо, — прервал его Род. — Если вы не знаете, так и скажите.

— Я не знаю.

— Спасибо, — терпеливо сказал Род. — А есть что-то такое, в чем вы уверены?

— Это довольно странно, сэр. Ускорение. Оно постоянно до трех значащих цифр с тех самых пор, как мы заметили корабль. И это непонятно, — сказал Реннер. — Обычно мы заставляем двигатель работать на пределе, вносим мелкие поправки в курс… а если оставить его без присмотра — вариации неизбежны. Поддерживая ускорение таким постоянным, они попусту теряют время.

Род потер переносицу.

— Это своего рода сигнал. Они точно указывают нам, куда направляются.

— Да, сэр. Прямо сюда. Они говорят, чтобы

мы подождали их, — Реннер странно и свирепо усмехнулся. — Да, мы узнали кое-что еще, капитан. Профиль корабля уменьшился с тех пор, как мы заметили его. Вероятно, они сбросили топливные баки.

— Как вы обнаружили это? Разве для этого не нужно, чтобы цель прошла через солнце?

— Обычно да, сэр. Но здесь нам помогает Угольный Мешок. Свет, отраженный Угольным Мешком, дает нам хорошую возможность оценить площадь сечения корабля. Неужели вы не видите цветов в Угольном Мешке, капитан?

— Нет, — Блейн снова потер свой нос. — Военный корабль не стал бы сбрасывать топливные баки, верно? Но гарантии этого у нас нет. Все, что мы знаем наверняка, это то, что они летят к нам.

Стели и Бакмен заняли задние сидения в треугольной кабине катера. Когда катер рванулся вперед на одном *g*, Стели увидел Поле «Мак-Артура», закрывшееся за ними. На фоне черноты Угольного Мешка военный корабль казался невидимым. Незаметным было все, кроме неба.

Половину этого неба занимал Угольный Мешок, беззвездный, за исключением горячей розовой точки в нескольких градусах от его края. Это выглядело так, словно Вселенная кончается

здесь. Как стена, подумал Хорст. — Взгляните на это, — сказал Бакмен и Хорст подпрыгнул.

— На Новой Шотландии есть люди, называющие это Лицом Господа. Суеверные болваны!

— Верно, — сказал Хорст. Суеверие было глупостью.

— Отсюда это и вовсе не кажется похожим на человека, и все-таки в десять раз величественнее! Хотел бы я, чтобы муж моей сестры увидел это. Он прихожанин Церкви Его Имени.

Хорст кивнул в полутьме.

С любого из человеческих миров Черный Мешок был черной дырой в небе, и можно было ожидать, что и здесь он тоже будет черным. Однако, сейчас глаза Хорста увидели красное свечение внутри Угольного Мешка. Сейчас материал туманности выглядел как многослойный газовый занавес или же струи крови, растекающейся в воде. Чем дольше он смотрел, тем глубже мог заглянуть в него. Вихревые завитки и узоры течения демонстрировали световые годы разреженных до вакуума газа и пыли.

— Представьте себе, как мы спорили с моим зятем! — сказал Бакмен.

— Я пытался образумить глупца, но он и слушать не хотел.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь видел более прекрасное небо. Доктор Бакмен, весь этот свет идет от Глаза Мурчисона?

— Это кажется невозможным, верно? Мы пытались найти другие источники излучения, ультрафиолетовые звезды в глубине пыли. Если бы там были большие массы, мы бы нашли их индикаторами массы. Стели, это не так уж и невероятно. Глаз не слишком далеко от Угольного Мешка.

— Два световых года.

— И что с того? Свет движется быстрее всего, и путь для него свободен! — зубы Бакмена сверкали в мягком разноцветном свете, шедшем от контрольного пульта. — Мурчисон упустил великолепную возможность изучить Угольный Мешок, когда имел шанс. Конечно, он был не с той стороны Глаза и, вероятно, не рискнул уйти слишком далеко от точки перехода… и в этом наше счастье, Стели! Ни у кого не было такой возможности! Густая межзвездная масса и красный супергигант у ее края для иллюминации! Смотрите, смотрите вдоль моей руки, Стели, туда, где поток влечет к этому завитку. Похоже на водоворот, верно? Если бы наш капитан перестал сдерживать меня во всем и пустил бы к корабель-

ному компьютеру, я бы доказал, то этот завиток является протозвездой в процессе конденсации! Или что это не так.

Временно у Бакмена была должность выше, чем у Стели, но он был гражданским. В любом случае он не должен был так говорить о капитане.

— Мы пользуемся компьютером для других целей, доктор Бакмен.

Бакмен выпустил руку Стели. Глаза его были пусты, как будто его душа потерялась в этом огромном покрывале освещенной красным светом темноты.

— Впрочем, может, нам это и не понадобится. Мошкиты должны были наблюдать Угольный Мешок всю свою историю: сотни лет, может, даже тысячи. Особенно, если у них развита такая псевдонаука, как астрология. Если мы сумеем поговорить с ними… — он замолчал.

— Интересно, почему вы так хотели сопровождать нас? — спросил Стели.

— Что? Вы думаете, что я отправился с вами, чтобы взглянуть на этот камень? Стели, меня не волнует, что там делала мошкита. Я хочу знать, почему троянские точки так захламлены.

— Вы думаете найти там ключ к решению?

— Возможно, он в составе астероида. Можно

только надеяться на это.

— Может быть, я смогу помочь вам, — медленно сказал Стели. — Заурон — моя родина — имеет пояс астероидов и горную промышленность. Я научился кое-чему о горных породах от своих дядей. Думаю, когда-нибудь я сам стану горняком, — он вдруг замолчал, ожидая, что Бакмен поднимет неприятную тему.

Но Бакмен сказал:

— Интересно, что капитан надеется найти здесь?

— Он говорил мне это. Нам известно об этом астероиде только одно — им интересовалась мошкита. Узнав, почему, мы узнаем кое-что и о ней.

— Но не слишком много, — проворчал Бакмен.

Стели расслабился. Или Бакмен не знает, почему Заурон пользовался плохой репутацией, или… Тактичность? У Бакмена? Едва ли.

Щенок мошкитов родился спустя пять часов после того, как катер «Мак-Артура» ушел к астероиду. Рождение было весьма похоже на собачье, хотя мать не имела с собаками ничего общего, и родился всего один щенок размером с крысу.

Гостиная в тот день была весьма популярна у экипажа, офицеров и ученых, и даже капитан

нашел причину заглянуть туда.

— Посмотрите, какая маленькая у него левая нижняя рука, — сказала Сэлли. — Мы были правы, Джонатан. Маленькие существа развились из больших мошкитов.

Кому-то пришло в голову привести большую мошкиту вниз, в гостиную. Похоже, ее вообще не заинтересовал новорожденный малыш, но она что-то сказала двум другим. Один из них достал из-под подушки часы Горация Бари и передал ей.

Род наблюдал за активностью вокруг щенка мошкитов, когда имел такую возможность. Тот выглядел очень развитым для новорожденного. Через час после своего рождения он уже грыз капусту и, казалось, уже вполне мог ходить, хотя мать обычно носила его на руках. При этом двигалась она стремительно, и, казалось, малыш вовсе не мешает ей.

Тем временем корабль мошкитов подлетал все ближе и ближе, и если в его ускорении и происходили изменения, то слишком небольшие, чтобы «Мак-Артур» заметил это.

— Они будут здесь через семьдесят часов, — сказал Род Каргиллу по лазерной связи. — Я хочу, чтобы вы вернулись через шестьдесят. Не позволяйте Бакмену начинать что-то, чего нельзя

закончить за это время. Если встретите чужаков, немедленно сообщите мне… И не пытайтесь разговаривать с ними, если это не будет необходимо.

— Слушаюсь, шкипер.

— Это не мой приказ, Джек, а Кутузова. Ему не понравилась эта экскурсия, поэтому только взгляните на астероид и возвращайтесь обратно.

Астероид находился в тридцати миллионах километров от «Мак-Артура»: около двадцати пяти часов пути в каждую сторону при одном g. Четыре сокращали это время наполовину.

Вряд ли следует терпеть из-за этого четыре g, подумал Стели.

— Ведь мы можем идти в 1,5 g, сэр, — предложил он Каргиллу. — При четырех не только путешествие пойдет быстрее, но и мы устанем скорее.

— Великолепно, — сказал Каргилл. — Великолепное предложение, мистер Стели.

— Значит, мы сделаем так?

— Нет, этого не будет.

— Но… почему нет, сэр?

— Потому что я не люблю добавочные g. Потому что это требует топлива, а если мы израсходуем слишком много, «Мак-Артуру» придется лезть в газовый гигант, чтобы доставить нас домой.

Никогда не расходуйте топливо впустую, мистер Стели, — однажды оно может вам понадобиться. Кроме того, это идея простофили.

— Да, сэр.

— Подобные идеи годятся для безвыходных положений, когда вам больше ничего не остается делать. Если они срабатывают, то попадают в КНИГУ. В противном случае вы обращаетесь к КНИГЕ, которая является огромной коллекцией идей, которые сработали, — он улыбнулся, видя удивленный взгляд Стели. — Давайте, я расскажу вам, как я попал в КНИГУ…

Для гардемарина служба была постоянной учебой. Стели мог получить более высокое звание, чем другие, если проявит способности и если выживет.

Закончив историю, Каргилл взглянул на время.

— Поспите немного, Стели. На обратном пути управлять будете вы.

Издалека астероид казался темным, грубым и пористым. Один оборот он совершал за тридцать один час: странно медленно, подумал Бакмен. На нем не было никаких признаков активности: ни движения, ни излучения, ни аномалий нейтрино. Хорст Стели исследовал изменения температуры,

но их не было.

— Думаю, можно подтверждать, — сказал он, — что это пустое место. Жизненным формам, которые развились на Мошке-1, нужно тепло, не так ли, сэр.

— Да.

Катер двинулся к астероиду. Сыпь, которая делала глыбу камней похожей на пористый обломок, превратилась в оспины, а затем в углубления различной величины. Явно следы метеоритов. Но так много?

— Я говорил вам, что троянские точки переполнены, — радостно сказал Бакмен. — Вероятно, этот астероид регулярно проходит через троянские группы… Хотя, дайте-ка мне крупным планом эту яму, Каргилл.

Увеличение выросло вдвое, и половину экрана заполнила черная яма. Вокруг виднелись более мелкие.

— Никаких следов кратерного обода, — сказал Каргилл.

— Вы заметили это, верно? Проклятая глыба пустая изнутри. Вот почему ее плотность такая низкая. Да, сейчас это необитаемо, но когда-то здесь жили. Они даже взяли на себя труд придать астероиду удобное вращение, — Бакмен повер-

нулся. — Каргилл, мы собирались изучить эту штуку.

— Да, но этим займетесь не вы. На астероид высадятся люди Флота.

— Черт побери! Но это же моя область!

— Забота о вашей безопасности лежит на мне, доктор. Лафферти, взглянем на него сзади.

Обратная сторона астероида была одним огромным чашеобразным кратером.

— Он усеян маленькими кратерами… настоящими кратерами, а не ямами, — сказал Каргилл. — Доктор, что вы можете сказать об этом?

— Понятия не имею. Если это не естественное образование…

— Он двигался! — воскликнул Стели.

— Странно, но я и сам подумал об этом, — сказал Каргилл. — Астероид двигался, используя термоядерные приспособления, взрывая в одном и том же кратере бомбы. Это было очень давно. Дайте мне данные о радиации, гардемарин.

— Слушаюсь, сэр, — он вышел и через несколько минут вернулся. — Ничего, сэр. Камень холоден.

— Правда? — Каргилл отправился проверить это сам. Закончив, он взглянул на приборы и нахмурился. — Холоден, как сердце пирата. Если они пользовались бомбами, то они были дьяволь-

ски чистыми. Это удивительно.

Катер продолжал кружить вокруг летающей горы.

— Это похоже на воздушный шлюз. Вон там, — и Стели указал на поднимающийся каменный колпак, окруженный узорами блекло-оранжевого цвета.

— Верно, но я сомневаюсь, что мы сможем его открыть. Мы войдем вовнутрь через одно из метеоритных отверстий. А пока посмотрим на него сверху. Лафферти, летим туда.

В своих донесениях они называли астероид Ульем. Каменная глыба была сплошь в многогранных помещениях без полов, соединенных проходами, слишком узкими для человека и заполненными высохшими асимметричными мумиями. Какие бы чудеса ни делали строители, искусственная гравитация к ним не относилась. Коридоры тянулись во всех направлениях: круглые комнаты и складские помещения были усеяны выступами, чтобы держаться за них руками, якорными точками для веревок, нишами.

Мумии были везде, тонкие и сухие, с раскрытыми ртами. Рост их варьировал от одного до полутора метров. Стели выбрал несколько из них и отнес на катер.

Имелись там и машины, все непонятные для Стели и его людей, все быстро замерзшие в вакууме. Стели оторвал одну из небольших машин от стены, выбрав ее за странность, а не возможность использования: ни одна из машин не была цельной.

— Металла нет, — доложил Стели. — Каменные маховики и то, что выглядит похоже на них, могут быть интегральными схемами — керамическими с разными примесями. Но металла очень мало, сэр.

Они двигались наугад и, наконец, похоже, набрели на центральное помещение. Оно было огромно, и такой же огромной была машина, господствующая в нем. Кабели, которые могли быть сверхпроводниками энергии, выходили из развалин, убедив Стели, что это был источник энергии астероида. Однако, и здесь не было ни следа радиации.

Работая в узких проходах между непонятными каменными блоками, они нашли большой металлический ящик.

— Вскройте его, — приказал Стели.

Лафферти воспользовался своим лазером. Они стояли вокруг, глядя на узкий зеленый луч, который ничего не мог сделать с серебристой

обшивкой. Куда уходит энергия? — задумался Стели. Может, они просто накачивают ее вовнутрь? Тепло, бившее ему в лицо, подсказало ему ответ.

Стели измерил температуру ящика. Она была чуть меньше, чем у докрасна нагретого металла. Когда Лафферти выключил лазер, обшивка быстро стала холодной, но температура в каждой ее точке была одинаковой.

Сверхпроводник тепла. Стели присвистнул в микрофон своего костюма и подумал, что неплохо бы найти маленький образец. Затем он попытался воспользоваться щипцами, и металл подался, как будто олово. В конце концов они оторвали от него полосу.

Закартографировать улей с его многочисленными изогнутыми коридорами было невозможно. Трудно было даже сказать, где они находятся, но они помечали свой путь и использовали протонно-лучевые приборы для определения расстояния сквозь стены.

Стены коридоров имели толщину яичной скорлупы повсюду внутри астероида. Наружные были немного толще. Астероид Улей вряд ли был безопасным местом для жизни.

Однако, стены под кратером были многометровой толщины.

Радиация, подумал Стели. Здесь должна быть остаточная радиация. Иначе они срезали бы и эти стены, как поступили со всеми остальными, освобождая место для себя.

Вероятно, у них здесь произошел демографический взрыв.

А затем что-то убило их всех.

Но сейчас радиации не было вообще. Как давно это могло случиться?

Стели взглянул на небольшой тяжелый предмет, который Лафферти и Сол тащили по коридору. Вакуумная цементация и движение частиц через границу раздела это могло сказать ученым «Мак-Артура» как давно был покинут астероид Улей. Впрочем, одно Стели знал точно — он был очень стар.

ВТОРОЙ ПО ПОПУЛЯРНОСТИ КАНАЛ

Священник Дэвид Харди разглядывал малышей только по интеркому, потому что это не требовало участия в бесконечных спорах о том, чем они являются. Это был вопрос научных интересов доктора Хорвата и его людей, но ставкой священника Харди было нечто большее, чем интеллектуальное любопытство. Его задачей было установить, являются ли мошкиты людьми, тогда как ученых Хорвата интересовало, разумны ли они.

Разумеется, первый вопрос вытекал из второго. Было совершенно невероятно, чтобы Бог создал существа с душами и без разума, но вполне возможно, что он создал разумных существ без души, или существ, способ спасения которых был совершенно отличен от такового для человечества. Они могли даже быть вроде ангелов, хотя трудно было бы представить себе более невероятно выглядевших ангелов. Харди улыбнулся этой мысли и снова принялся изучать малышей. Большая мошкита в это время спала.

Малыши не делали в этот момент ничего заслуживающего интереса, поэтому Харди нужно было следить за ними непрерывно. Конечно, все

это записывалось, и, как лингвиста «Мак-Артура», Харди должны были уведомить, если что-то произойдет. Сам он был почти уверен, что малыши не являются ни разумными существами, ни людьми.

Он глубоко вздохнул. Что есть человек, о Господи, что ты постоянно заботишься о нем? И почему моя задача — узнать, какое место занимают мошкиты в твоих планах? Что ж, по крайней мере, это было честно. «Угадай-ка» была старой, очень старой игрой. Если судить по документам, то он был лучшим специалистом в этой области, и уж наверняка лучшим в Трансугольном Секторе.

Харди пятнадцать лет пробыл священником и двенадцать лет прослужил на Флоте, но он только начинал думать об этом, как о своей профессии. В возрасте тридцати пяти лет он был полноправным профессором Имперского Университета Спарты, экспертом по древним и современным человеческим языкам и понятному лишь немногим искусству, называемому лингвистической археологией. Доктор Дэвид Харди был вполне счастлив, прослеживая происхождение недавно обнаруженных колоний, с которыми веками не было связи. Изучая их языки и их слова для обычных предметов, он мог указать часть космоса,

из которой происходили колонисты. Обычно он мог определить точное расположение планеты и даже города.

Ему нравилось все, связанное с университетом, за исключением студентов. Он не был особенно религиозным до тех пор, пока его жена не погибла при посадке космического корабля. После этого — хотя он не был уверен в том, как это произошло, — его пришел навестить епископ. Харди долго разглядывал и изучал свою жизнь — и поступил в семинарию. Его первым заданием после посвящения в сан было гибельное путешествие к студентам. Из этого ничего не вышло, и Харди понял, что не годится в приходские священники. В то время Флот нуждался в священниках, к тому же там всегда можно было заниматься лингвистикой…

Сейчас, в возрасте пятидесяти двух лет, он сидел перед экраном интеркома, глядя на четырехруких монстров, играющих кочаном капусты. На столе, возле его левой руки, лежал латинский кроссворд, и Харди лениво поглядывал в него — domine, non — sum…

«Конечно, dignis» — Харди усмехнулся сам себе. Именно это он сказал, когда кардинал поручил ему сопровождать экспедицию к Мошке.

— Господи, я не достоин…

— Так же, как никто из нас, Харди, — сказал кардинал. — Но тогда мы недостойны иметь приходы, а это более самонадеянно, чем отправляться взглянуть на чужаков.

— Да, мой господин. — Он снова взглянул на кроссворд. В данный момент это было более интересно, чем чужаки.

У капитана Рода Блейна было не так много возможностей наблюдать за играющими чужаками, как у священника. Конечно, у него была работа, которую следовало выполнять, но сейчас ею можно было пренебречь. Интерком в его каюте настойчиво зажужжал, и существа исчезли с экрана, сменившись круглым гладким лицом клерка.

— Доктор Хорват хочет поговорить с вами.

— Давайте его, — сказал Род.

Как обычно, Хорват был сама сердечность. он не мог себе позволить грубо говорить с человеком, от которого зависел.

— Доброе утро, капитан. Мы получили первые снимки чужого корабля, и я подумал, что вам следует знать об этом.

— Спасибо, доктор. Данные закодированы?

— Пока нет. Они у меня с собой.

Изображение разделилось, и теперь на одной половине было лицо Хорвата, а на другой — размазанная тень. Она была длинной и узкой, с одним концом более широким, чем другой, и казалась полупрозрачной. Узкий конец заканчивался острым шипом.

— Мы сделали этот снимок, когда чужак делал поворот в центре пути. Увеличение и устранение помех дали нам вот это, и лучшего качества не добиться, пока он не окажется рядом.

Разумеется, подумал Род. Сейчас выхлоп дюз чужака был направлен на «Мак-Артур».

— Шип, вероятно, служит мошкитам двигателем, — узкий луч протянулся через весь снимок. — А эти образования на переднем плане… Позвольте показать вам плоскостную диаграмму.

Плоскостная диаграмма изображала похожую на карандаш тень, окруженную рядом гораздо более широких, почти невидимых тороидов.

— Видите? Жесткое внутреннее ядро используется для запуска. Можно предположить, что на нем имеется двигатель, воздух и водная регенерационная камера для экипажа. Мы полагаем, что именно эта секция была запущена линейным ускорителем резким толчком.

— А кольца?

— Мы думаем, что это надувные топливные баки. Как вы можете видеть, некоторые из них сейчас пусты. Они могут держать их как жизненное пространство. Остальные, несомненно, сброшены.

— Угу… — Род изучал силуэт, пока Хорват следил за ним с той стороны экрана. Наконец, Род сказал: — Доктор, эти баки не могли быть на корабле, когда он стартовал.

— Верно. Их могли запустить для встречи внутренней секции. Без пассажиров им можно было сообщить более высокое ускорение.

— Линейным ускорителем? Эти баки не похожи на металлические.

— Действительно, они не выглядят металлическими.

— Топливо, должно быть, водород, верно? Тогда как же можно было бы запустить их?

— Мы… мы не знаем, — Хорват снова заколебался. — Может, у них была металлическая середина, тоже сброшенная?

— Гмм. Ну, хорошо, спасибо.

После недолгого размышления Род ввел снимок в интерком. Почти все делалось с помощью интеркома, который служил как библиотека, центр

развлечений и связи в пределах «Мак-Артура». В промежутках между боями один из каналов интеркома мог показывать что угодно: приемы в Каннах, шахматные турниры, матчи по спитболу между чемпионами каждой из вахт, игры, если у экипажа было время для них — и они играли, причем, ставкой служили дежурства.

Чужой корабль, разумеется, был главной темой разговоров в офицерской кают-кампании.

— В этих маленьких пончиках видны тени, — заметил Синклер, — и они движутся.

— Пассажиры. Или мебель, — сказал Реннер. — Это значит, что, по крайней мере, первые четыре секции используются как жилые помещения. Там может быть множество мошкитов.

— Особенно, — сказал Род, входя, — если они теснятся так же, как в первом корабле. Садитесь, джентльмены. Продолжайте, — он сделал стюарду знак принести кофе.

— По одной на каждого мужчину «Мак-Артура», — сказал Реннер. — Может быть, мы все получим дополнительную площадь?

Блейн вздрогнул. Синклер выглядел так, словно следующим репортажем по интеркому будет схватка между главным инженером и парусным мастером. Раундов на пятнадцать…

— Сэнди, что вы думаете об идее Хорвата? — спросил Реннер. — Я не придаю особого значения его теориям о запуске топливных баков с металлическим сердечником. Не лучше ли металлическая оболочка вокруг резервуара? Структурная поддержка лучше. Конечно, если не…

— Да? — вскинулся Синклер, но Реннер молчал.

— Что это значит, Реннер? — требовательно спросил Блейн.

— Ничего, сэр. Это была небесно-голубая мысль. Мне еще предстоит научить дисциплине свой разум.

— Так сделайте это, мистер Реннер.

Реннер был на Флоте недавно, но уже успел узнать этот тон.

— Да, сэр. Мне пришло в голову, что при определенных температуре и давлении водород становится похожим на металл. Если эти баки действительно были заполнены под давлением, водород должен был проводить ток… но для этого нужны давления, которые можно встретить на гигантских газовых планетах.

— Реннер, неужели вы всерьез считаете…

— Нет, конечно, нет, капитан. Это была только мысль.

Странная идея Реннера беспокоила Сэнди Синклера всю следующую вахту. Обычно инженеры-офицеры не стояли вахты на мостике, но техники Синклера как раз закончили ремонт систем жизнеобеспечения мостика, и Синклер решил проверить их. Чтобы избавить вахтенного офицера от облачения в доспехи, пока на мостике будет царить вакуум, Сэнди сам заступил на вахту.

Все работало превосходно, впрочем, как и всегда. Сейчас, сняв вакуумный костюм, Синклер расслабился в командном кресле, глядя на мошкитов. Программа с мошкитами имела огромную популярность по всему кораблю, причем внимание разделилось между большой мошкитой, находившейся в каюте Кроуфорда, и малышами. Большая мошкита как раз закончила переделывать лампу в своей каюте. Теперь та давала более красный и более рассеянный свет. Синклер восхищенно следил за работой мошкиты. Она была искусна и настолько уверена в себе, что Синклер никогда прежде ничего подобного не видел. Пусть ученые спорят, подумал Сэнди, но эти бестии разумны.

По второму каналу показывали играющих малышей. Люди смотрели на них даже больше, чем

на играющего чужака, и Бари, наблюдавший за зрителями, улыбался про себя.

Второй канал привлек внимание Синклера, он повернулся к нему и вдруг сел прямо. Малыши занимались половым сношением.

— Выключить интерком! — приказал Синклер. Рядовой, сидевший рядом, болезненно поморщился, но переключил экран, отчего второй канал опустел. Немного погодя на мостик вошел Реннер.

— Что случилось с интеркомом, Сэнди, — спросил он.

— Ничего плохого, — чопорно ответил Синклер.

— Вот и у тебя тоже второй канал не работает.

— Да, мистер Реннер. Его отключили по моему приказу.

Реннер усмехнулся.

— А что ты думаешь о предмете этой… э… программы? — спросил он.

— Мы не будем показывать на борту этого корабля грязных сцен! С нами священник! Я уже не говорю о леди.

Упомянутая леди тоже смотрела второй канал и, когда он погас, Сэлли Фаулер бросила вилку и выбежала из кают-кампании. За ее порогом

она почти побежала, не обращая внимания на удивленные взгляды. Добравшись до гостиной, где маленькие мошкиты по-прежнему были in flagrante deficto, она совсем запыхалась. Почти минуту она стояла возле каюты, наблюдая за ними, потом сказала, не обращаясь ни к кому:

— Когда их видели в последний раз, обе они были самками.

Никто не ответил ей.

— Они изменили пол! — воскликнула Сэлли. — Держу пари, что сверху наша бывшая беременная. Доктор Хорват, что вы скажете?

— Это вполне вероятно, — медленно сказал Хорват. — Фактически… Я почти уверен, что тот, кто сверху, был матерью новорожденного, — казалось, министр с трудом справляется с заиканием. При этом он явно покраснел.

— О, небеса! — сказала Сэлли.

Ей только теперь пришло в голову, как выглядит она сама. Выскочила из кают-кампании через секунду после того, как погас интерком, и запыхавшись прибежала сюда. А ведь трансугольные культуры, как правило, прививали своим членам излишнюю щепетильность…

И вот она, имперская Леди, торопится, чтобы увидеть двух чужаков, занимающихся любо-

вью…

Она хотела крикнуть, объяснить, ведь это так важно! Эта перемена пола, она, вероятно, свойственна всем мошкитам. Это было воздействие их образа жизни, их личности, их истории. Это показывало, что юные мошкиты становились почти независимыми, платя за это фантастически низкую цену… Был ли щенок уже отлучен от груди, или «мать» — а теперь самец — вырабатывала молоко даже после изменения пола? Это было воздействие всего окружения мошкитов, ВСЕГО. Это было важно. И потому я так торопилась…

Но вместо этого она просто повернулась и ушла.

НОЧНАЯ ВАХТА

В кают-кампании было на удивление тихо, хотя обычно жившие там три младших лейтенанта и шесть гардемаринов устраивали в комнате хаос. Поттер облегченно вздохнул, увидев, что все, кроме Джонатана Уайтбрида, спят. Несмотря на постоянное подшучивание, Уайтбрид был одним из друзей Поттера на борту «Мак-Артура».

— Как астрономия? — тихо спросил Уайтбрид, растянувшись в своем гамаке. — Дай мне банку пива, Гэвин, хорошо?

Поттер взял одну и для себя.

— Там, внизу, настоящий сумасшедший дом, Джонатан. Я думал, что, когда они найдут Мошку-1, будет лучше, но ничего подобного.

— Гмм. Закартографировать планету для военного Флота будет совсем нетрудно, — сказал Уайтбрид.

— Может, для Флота это и просто, но это мой первый полет в глубокий космос. Они взвалили на меня большую часть работы, пока сами спорят о новых теориях, которых я не понимаю. Подозреваю, что ты назовешь это хорошей тренировкой.

— Это и есть хорошая тренировка.

— Спасибо, — Поттер сделал большой глоток.

— И что вы пока сделали?

— Довольно мало. У планеты есть одна луна, причем очень маленькая и на очень низкой орбите. На планете поверхностная гравитация около 870 сантиметров за секунду в квадрате.

— 0,87 стандартной. Такая же, как ускорение корабля мошкитов. Это меня не удивляет.

— Но у них есть атмосфера, — нетерпеливо сказал Поттер. — И мы нанесли на карту центры цивилизации. Нейтрино, мутные воздушные столбы над ядерными реакторами, электромагнетизм… Они находятся везде, на каждом континенте и даже в морях. Эта планета кишит жизнью, — в голосе Поттера звучал страх. — Мы сделаем эту карту. Когда я уходил, они как раз заканчивали глобус. Хочешь взглянуть на него?

— Конечно, — Уайтбрид выбрался из паутины своего гамака. Они спустились на две палубы вниз во владения ученых. Большинство гражданских работали в зоне относительно высокой гравитации, возле внешней поверхности «Мак-Артура», но спали они поближе к центру корабля.

120-сантиметровый глобус стоял в маленькой гостиной, занимаемой астрономической секцией. Во время боевых акций этот отсек должны

были занимать группы контроля повреждений, но сейчас он был пуст. Колокол пробил три склянки последней вахты.

Планета была полностью закартографирована, за исключением южного полюса, и глобусу придали ее точный осевой наклон. Светоусиливающие телескопы «Мак-Артура» давали картину, похожую на любую землеподобную планету: глубокая и разнообразная голубизна, испачканная белыми пятнами, красными пустынями и белыми вершинами гор. Снимки были сделаны в разное время и в разных диапазонах волн, так что облачный покров не сильно затемнял поверхность. Индустриальные центры золотыми пятнами усеивали планету.

Уайтбрид внимательно изучал ее, пока Поттер наливал кофе из фляги доктора Бакмена. По какой-то причине у Бакмена всегда был лучший кофе на корабле — по крайней мере, лучший из всех, которые гардемарины могли получить.

— Мистер Поттер, почему мне кажется, что это похоже на Марс?

— Не знаю, мистер Уайтбрид. А что такое Марс?

— Четвертая планета Солнца. Ты никогда не был в Нью-Аннаполисе?

— Не забывай, что я из Трансугольного сектора.

Уайтбрид кивнул.

— Возможно, ты еще побываешь там. Но, кажется, обучение рекрутов, набранных в колониях, идет по сокращенному курсу. А жаль. Может, капитан сумеет устроить это для тебя. Забавная штука эта последняя учебная миссия, когда тебя заставляют рассчитывать минимальное количество топлива для посадки на Марс, а потом предлагают сделать это с опечатанными баками. Ты должен использовать для торможения атмосферу, а поскольку ее там совсем мало, ты почти врезаешься в землю, не получая никакой пользы.

— Это звучит, как анекдот, мистер Уайтбрид. «К сожалению, мне нужно на прием к дантисту…»

Уайтбрид продолжал разглядывать глобус, пока они мелкими глотками пили кофе.

— Мне это уже надоело, Гэвин. Так оно и было в действительности, можешь спросить у любого.

— Командор Каргилл еще на Улье. — Как первый лейтенант, Каргилл официально отвечал за обучение гардемаринов. Он был довольно терпим к юнцам в отличие от большинства прочих офицеров.

— Может, кто-нибудь еще не спит? — предположил Уайтбрид, и они направились к мостику, а по дороге встретили Реннера со следами мыла на подбородке.

Уайтбрид объяснил ему их проблему.

— Это выглядит похоже на Марс, мистер Реннер, но я не знаю, почему.

— Бейте меня, — сказал Реннер, — но я никогда не был в солнечной системе. — Для торговых кораблей не было никаких причин подходить к Солнцу ближе, чем орбита Нептуна, хотя, как родина человечества, Солнце было центральным пересадочным пунктом к другим, более ценным системам. — К тому же я никогда не слышал ничего хорошего о Марсе. А почему это так важно?

— Не знаю. Может, и нет.

— Но вы, похоже, думаете, что это так.

Уайтбрид промолчал.

— Впрочем, есть что-то странное с этой Мошкой-1. Она выглядит, как любой из миров Империи, за исключением… А может, это потому, что я знаю, что ее населяют чужие монстры? Вот что, через пять минут я должен заглянуть к капитану на бутылку вина. Сейчас я возьму тунику, мы пойдем и спросим у него.

Прежде, чем Уайтбрид и Поттер успели воз-

разить, Реннер кинулся к своей каюте. Поттер обвиняюще посмотрел на Уайтбрида. В какие неприятности они еще влезут?

Реннер повел их вверх по приставной лестнице в башню высокой гравитации, где находилась патрульная кабина капитана. Скучающий звездный пехотинец сидел на палубе рядом с жилищем Блейна. Уайтбрид узнал его — говорили, что перегонный куб сержанта Мэлони, расположенный где-то впереди в левой торпедной камере, давал лучший «Айриш Мист» на Флоте. Мэлони боролся за качество, а не за количество.

— Ну, конечно, вы привели гардемаринов, — сказал Блейн. — Пока катер не вернется, дел почти нет. Входите, джентльмены. Вино, кофе или что-нибудь покрепче?

Уайтбрид и Поттер решили взять шерри, хотя Поттер предпочитал виски. Он пил его с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать. Они сели в маленькие складные стулья, расставленные на полу кабины Блейна. Наблюдательные отверстия были открыты, и корабельное Поле не активировано, поэтому туша «Мак-Артура» нависала над ними. Блейн заметил тревожные взгляды гардемаринов и улыбнулся. Поначалу так бывало с каждым.

— Так что за вопрос? — спросил Блейн.

Уайтбрид объяснил.

— Понимаю, мистер Поттер. Не могли бы вы дать этот глобус на мой интерком? Спасибо, — Род изучил изображение на экране. — Гмм. Нормально выглядящий мир. Ничего удивительного. Все виды сырья в атмосфере. Вам это знакомо, мистер Уайтбрид?

— Да, сэр, — Джонатан сморщил нос. — Очень грязно.

— Верно. Но это гелий, заставивший Бакмена прыгать до переборки. Интересно, понял ли он это? У него было несколько дней… Черт побери, Уайтбрид, это выглядит похоже на Марс. Но почему?

Уайтбрид пожал плечами. Сейчас он был не рад, что поднял этот вопрос.

— Тяжело разглядеть контуры. Впрочем, это всегда так, — Род рассеянно понес свой кофе и «Айриш Мист» к экрану интеркома. Официально он не знал, откуда берется Айриш Мист, хотя Келли и его звездные пехотинцы говорили, что у капитана всегда есть запас. Кзиллер любил сливовицу, и это довело изобретательность Мэлони до предела.

Блейн обвел контуры маленького моря.

— Вы не можете отличить сушу от моря, но облака всегда выглядят, как постоянные образования, — он снова обвел силуэт. — Это море почти круглое.

— Да, так же, как и это, — Реннер указал на слабый круг из островов, гораздо более крупный, чем море, которое изучал Блейн. — И это… здесь видна только часть дуги, — это была суша с дугой низких холмов.

— Они ВСЕ круговые, — заметил Блейн, — совсем как на Марсе. Вот оно что. Марс был покрыт окружностями метеоритов из пояса астероидов Солнечной Системы. Но в этой системе астероидов не так много, и все они в троянских точках.

— Сэр, а не слишком ли малы круги, чтобы быть кратерами? — спросил Поттер.

— Так оно и есть, мистер Поттер. Так оно и есть.

— Но что это значит, — громко сказал Уайтбрид, обращаясь главным образом к самому себе.

— Еще одна загадка для Бакмена, — сказал Блейн. — Ему это понравится. А сейчас давайте проведем время более содержательно. Я очень рад, что вы привели этих молодых джентльменов, мистер Реннер. Полагаю, вы оба играете в бридж?

Они играли, пока Уайтбрид, которому на этот раз не везло, не потерял почти полный дневной заработок.

Игру вынуждено завершило возвращение катера. Каргилл прямым ходом направился в каюту капитана доложить об экспедиции. Он доставил информацию, пару невероятных механизмов мошкитов, которые сейчас выгружались на ангарной палубе, и кусок золотистого вещества, который он принес лично, держа руками в рукавицах. Блейн поблагодарил Реннера и гардемаринов за игру, и они поняли слабо завуалированный намек, хотя Уайтбриду очень хотелось остаться.

— Может быть, стоит… — задумчиво начал Поттер.

— Что именно, — вскинулся Уайтбрид.

— Пойти взглянуть на мистера Кроуфорда, когда он увидит сейчас свою каюту? — озорно спросил Поттер.

Слабая улыбка озарила пухлое лицо Уайтбрида.

— Действительно, мистер Поттер. Но поспешим!

Это было незабываемое зрелище. Гардемарины были не одиноки в комнате связи ангарной па-

лубы, когда связист, побуждаемый Уайтбридом, настроился на нужную каюту.

Кроуфорд не разочаровал их. Он наверняка бы совершил акт ксеноцида

— первое подобное преступление в истории человечества — если бы его не удержали друзья. При этом он бессвязно говорил такое, что, когда его услышал капитан, Кроуфорд из патруля прямым ходом отправился на вахту.

Бакмен забрал Поттера и заторопился в астрономическую лабораторию, уверенный, что молодой гардемарин устроил там хаос. Он был приятно удивлен, увидев, что работа закончена, и обрадован, что его ждет кофе. Эта фляга всегда была полна, и Бакмен шел сюда, надеясь на это. Он знал, что это было делом рук Горация Бари.

Спустя полчаса после прибытия катера Бари уже знал о полосе золотистого металла. Это было нечто странное и потенциально весьма ценное. Впрочем, выглядевшие древними механизмы мошкитов тоже могли пригодиться. Если бы только у него был доступ к компьютеру катера! Однако, в умения Набила это не входило.

В конечном счете можно было обойтись кофе и разговором с Бакменом, но это могло подождать. К тому же завтра должен был прибыть

корабль мошкитов. Слов нет, это была очень ценная экспедиция, и эти флотские думали, что их запрещения удержат его вдали от их дел! Действительно, он пока ничего не мог сделать без личного наблюдения, но это было не самое страшное. Сейчас, с тем, что он сможет узнать здесь, «Империя Автонетикс» станет самой могучей фирмой в Имперской Торговой Ассоциации. Если Флот думает, что ИТА сейчас мешает им, подождем, пока она будет контролироваться Горацием Бари! Он лукаво улыбнулся сам себе, и Набил, видя улыбку хозяина, сжался в комок, стараясь стать как можно незаметнее.

Внизу, на ангарной палубе, Уайтбрида подключили к работе вместе со всеми, слонявшимися там. Каргилл привез с каменного Улья многочисленные предметы, и их требовалось распаковать. Уайтбрид был достаточно сообразителен, чтобы вызвать помогать Сэлли, пока Каргилл не нашел ему другую работу.

Они разгружали скелеты и мумии для антропологической лаборатории. Там были малыши размером с куклу, очень хрупкие, которые походили на живых малюток, размещенных в гостиной младших офицеров. Другие скелеты, о которых Стели сказал, что на Улье их очень

много, походили на шахтера-мошкиту, живущего сейчас в каюте Кроуфорда.

— Ого! — воскликнула Сэлли, когда они распаковали очередную мумию.

— Что? — спросил Уайтбрид.

— Это существо, Джонатан, похоже на того, который прилетел в зонде. Покатый лоб — это плохо, но, конечно, они выбрали самого интеллигентного из всех, кого могли послать эмиссаром к Новой Каледонии. Для них это тоже первый контакт с чужаками.

Там были маленькие, с мелкими головами мумии, всего в метр длиной, с большими хрупкими руками. Длинные пальцы на всех трех руках были сломаны. Там были и высохшие руки, которые Каргилл нашел летающими свободно, и которые отличались от всех прочих найденных: кости у них были крепкие, прямые и толстые, суставы большие.

— Артрит? — недоумевала Сэлли. Они осторожно распаковали их и приступили к очередному ящику с останками ноги, которая тоже плавала по астероиду отдельно. У нее были большие острые шипы на пятке, а передняя часть ступни была твердой, как конское копыто, не походя ни на одну из других ног мошкитов.

— Мутации? — спросила Сэлли. Она повернулась к гардемарину Стели, который делал эскиз удивительного груза. — Вы говорили, что радиации там нет?

— Он был мертвенно-холоден, э… Сэлли, — сказал Стели. — Но когда-то там должен был быть настоящий радиоактивный ад.

Сэлли вздрогнула.

— Меня интересует, как много времени назад это было. Тысячи лет? Это может зависеть от того, насколько чисты были бомбы, которые они использовали, чтобы двигать астероид.

— Этого сказать нельзя, — ответил Стели. — Но это старое место, Сэлли. Старое-старое. Самая старая вещь, которую я могу сравнить с ним, — это Великая Пирамида на Земле. Но это место все-таки старше.

— Гмм, — сказала она. — Но у вас нет доказательств, Хорст.

— Нет. Но все равно это старое место. Я это знаю.

Анализ находок пришлось отложить. Разгрузка и складирование их затянулись далеко за начало первой вахты, и все устали. Было 1.30, три склянки первой вахты, когда Сэлли отправилась в свою каюту, а Стели — в кают-кампанию. Джонатан

Уайтбрид остался один.

Он выпил слишком много кофе в кабине у капитана и не устал. К тому же, он мог поспать позже. Фактически он мог сделать это, когда корабль чужаков подойдет к «Мак-Артуру», но до этого оставалось еще девять часов, а Уайтбрид был молод.

Свет в коридорах «Мак-Артура» горел вполовину слабее, чем днем. Они были почти пусты, а все двери отдельных кают закрыты. Голоса, которые звучали в каждом коридоре в течение корабельного дня, и накладывались друг на друга так, что нельзя было ничего понять, теперь умолкли, и в коридорах повисло молчание.

Впрочем, напряжение дня осталось. «Мак-Артур» не мог расслабляться, находясь в чужой системе. Поэтому его экраны работали, экипаж стоял двойные вахты, а где-то поблизости находилась цилиндрическая туша «Ленина». Уайтбрид подумал об огромных лазерных пушках линейного крейсера, многие из которых были сейчас направлены на «Мак-Артур».

Уайтбриду нравились ночные вахты, во время которых можно побыть одному. Можно было найти и компанию: членов экипажа, стоящих на вахте, заработавшихся ученых… впрочем, на

этот раз, казалось, все спали. Ну что же, он может взглянуть на малышей по интеркому, выпить последнюю порцию и идти спать. Достоинством первой вахты было то, что можно было найти свободные лаборатории, где можно было бы посидеть.

Когда он набрал номер каюты мошкитов, экран интеркома остался пустым. Уайтбрид на мгновение нахмурился, затем усмехнулся и направился к гостиной младших офицеров.

Уайтбрид надеялся застать мошкитов за занятием любовью. Что ни говори, а гардемаринам приходилось самим искать себе развлечения.

Он открыл дверь, и что-то шмыгнуло у него между ног вспышкой желтого и коричневого цвета. У семьи Уайтбридов были собственные собаки, и общение с ними натренировало его рефлексы, поэтому он отпрыгнул назад, захлопнул дверь, чтобы не дать никому больше выскочить, а затем оглядел коридор.

За мгновение до того, как беглец исчез в районе камбуза экипажа, Уайтбрид увидел его вполне отчетливо. Это была одна из маленьких мошкит, а на плечах у нее сидел щенок.

Второе взрослое существо, должно быть, оставалось еще в гостиной. На мгновение Уайтбрид

заколебался. Он мог бы сейчас же поймать собаку, убегающую от него, Это существо находилось в камбузе, которого он не знал, не было приучено к его голосу и — черт побери! — вообще не было собакой. Уайтбрид нахмурился. Это было уже не шуточное дело. Он вернулся к интеркому и вызвал вахтенного офицера.

— О, Иисус! — сказал Кроуфорд. — Ну, хорошо, вы говорите, что одна из этих тварей еще в гостиной? Вы уверены?

— Нет, сэр. Я не видел ее там, но в коридоре я заметил только одну.

— Не заглядывайте туда, — приказал Кроуфорд. — Оставайтесь у двери и не пускайте туда никого. Я вызову капитана, — он нахмурился. Капитан не погладит его по голове, поднятый с постели только потому, что любимчик вышел прогуляться на свободу, но имевшиеся приказы требовали, чтобы о любых действиях чужаков докладывалось капитану немедленно.

Блейн был одним из тех счастливых людей, которые могли просыпаться сразу же. Он выслушал доклад Кроуфорда.

— Хорошо, Кроуфорд, возьмите пару звездных пехотинцев для смены Уайтбрида и передайте гардемарину, пусть будет наготове. Я хочу

послушать его рассказ. Потом берите еще отделение пехотинцев и поднимайте поваров. Пусть осмотрят камбуз, — он закрыл глаза и задумался. — Держите гостиную опечатанной, пока доктор Хорват не явится туда, — он выключил интерком.

Нужно вызвать Хорвата, подумал Род.

И нужно было сообщить адмиралу. Впрочем, лучше сначала точно узнать, что случилось. Но это нельзя было откладывать надолго. Он накинул тунику и вызвал министра по науке.

— Они освободились? Как? — спросил Хорват.

Министр по науке не был из тех счастливых людей. Глаза его были красны, редкие волосы торчали во все стороны, и он постоянно жевал губами, явно не удовлетворенный вкусом.

— Мы не знаем, — терпеливо объяснил Род. — Камера не работает. Один из моих офицеров отправился на разведку… — в любом случае этим придется заниматься ученым. — Доктор, мы сбережем время, если вы спуститесь в гостиную немедленно.

Коридор, ведущий к гостиной, был переполнен. Хорват в мятом шелковом платье, четверо звездных пехотинцев, Лейтон, младший вахтенный офицер, Уайтбрид, Сэлли Фаулер, одетая в

просторный халат, но накрашенная и в цветном платке. Двое поваров и с ними их старшина — все бормочущие что-то, гремя кастрюлями на камбузе — искали мошкиту, пока остальные звездные пехотинцы беспомощно смотрели на них.

Уайтбрид рассказывал:

— Я захлопнул дверь и посмотрел по коридору. В это время вторая могла сбежать в другую сторону…

— Но вы думаете, что она еще там?

— Да, сэр.

— Хорошо, посмотрим, если сумеем войти, не выпустив ее наружу.

— Э… они кусаются, капитан? — спросил капрал-пехотинец. — Мы можем дать людям рукавицы.

— В этом нет необходимости, — объяснил ему Хорват. — Они еще никого не укусили.

— Да, сэр, — сказал капрал. Один из его людей пробормотал: — Про ульевых крыс говорили то же самое, — но никто не обратил на него внимания.

Шесть мужчин и женщина образовали полукруг вокруг Хорвата, который приготовился открыть дверь. Они были напряжены и мрачны, а вооруженные пехотинцы были готовы ко

всему. Поначалу Роду неудержимо хотелось рассмеяться, но он сдержался. Это глупое крошечное существо…

Хорват быстро проскользнул в дверь. Изнутри никто не выскочил.

Все ждали.

— Все в порядке, — сказал министр по науке. — Я его вижу. Входите, но по одному. Оно под столом.

Малыш смотрел, как они, один за другим, входят в комнату и окружают его. Возможности прорваться не было. Когда дверь закрылась, и семь мужчин и женщина окружили его убежище, существо сдалось. Сэлли подхватила его на руки.

— Бедная маленькая зверюшка, — баюкала она его, а мошкит оглядывался по сторонам, явно испуганный.

Уайтбрид занялся неработающей камерой. По какой-то причине она закоротилась, в результате чего металл и пластик расплавились, капая вниз, оставив после себя зловоние, с которым не могли справиться растения, регенерирующие воздух «Мак-Артура». Проволока сетки сразу же за камерой тоже расплавилась, образовав большую дыру. Блейн подошел взглянуть на обломки.

— Сэлли, — сказал он, — достаточно ли они

интеллигентны, чтобы спланировать такое?

— Нет! — сказали Сэлли и Хорват почти одновременно. — У них слишком маленький мозг, — добавил доктор Хорват.

— Ага, — сказал сам себе Уайтбрид. Однако, он не забыл, что камера находилась внутри заграждения.

Двое военных техников принялись ставить заплату на сетку. Они наварили поверх нее новую, и Сэлли пустила существо обратно в его клетку. Техники принесли другую видеокамеру, но теперь поставили ее снаружи. Никто не прокомментировал это.

Поиски продолжались всю вахту, но никто не нашел ни самку, ни детеныша. Попытались привлечь на помощь большую мошкиту, но она явно не понимала, чего от нее хотят. В конце концов Блейн вернулся в свою кабину поспать пару часов. Когда он проснулся, беглецов еще не нашли.

— Мы можем послать за ними хорьков, — предложил Каргилл за завтраком в кают-кампании. Старший торпедист держал пару этих хищников размером с кошку, используя их, чтобы очищать полубак от крыс и мышей. Хорьки были весьма эффективны для этих целей.

— Они убьют мошкитов, — запротестовала

Сэлли. — Мошкиты вовсе не опасны. Во всяком случае, не больше, чем крысы. Мы не должны убивать их!

— Если мы не найдем их достаточно быстро, адмирал убьет меня, — буркнул Род, но все же уступил. Поиски продолжались, а Блейн отправился на мостик.

— Дайте мне адмирала, — сказал он Стели.

— Слушаюсь, сэр.

Спустя несколько секунд на экране появилось бородатое лицо адмирала Кутузова. Адмирал был на своем мостике, потягивая чай. Роду вдруг пришло в голову, что он никогда не видел Кутузова вне мостика. Когда же он спит? Блейн доложил о пропавших мошкитах.

— Вы еще не установили, что это за существа, капитан? — спросил Кутузов.

— Нет, сэр. Есть несколько теорий. Самая популярная из них говорит, что они относятся к мошкитам точно так же, как обезьяны к человеку.

— Это интересно, капитан. Я полагаю, эти теории объясняют, почему обезьяны оказались на космическом корабле? И почему шахтер принес двух из них на борт вашего военного судна? Я что-то не заметил, вы тоже таскаете с собой обезьян,

капитан Блейн?

— Нет, сэр.

— Корабль мошкитов прибудет через три часа, — пробормотал Кутузов.

— И малыши удрали прошлой ночью. Это совпадение во времени очень интересно, капитан. Полагаю, это шпионы.

— Шпионы, сэр?

— Да, шпионы. Вы говорите, что они неразумны. Возможно, это так, но могут ли они помнить? Это не кажется мне невозможным. Вы рассказали мне о механистических способностях большого чужака, который приказал малышам вернуть часы того торговца. Капитан, нельзя предоставить ему возможность установить контакт с малышами, удравшими из гостиной. Этого не должен сделать ни один большой чужак. Это понятно?

— Да, сэр…

— Вам нужны причины? — спросил адмирал. — Если есть хотя бы один шанс, что эти бестии могут узнать секреты Олдерсон Драйв и Поля, капитан…

— Да, сэр, я понял это.

— Посмотрим, что вы сделаете, капитан.

Блейн посидел немного, глядя на пустой экран, затем повернулся к Каргиллу.

— Джек, вы однажды летали на одном корабле с адмиралом, верно? Что в действительности кроется под его легендарным обликом?

Каргилл сел рядом с командирским креслом Блейна.

— Я был всего лишь гардемарином, когда он был капитаном, шкипер. У нас не было близких отношений. Единственное, что можно сказать, — все мы уважали его. Это самый упрямый человек на Службе, и он не прощает никого, особенно самого себя. Но если сражение должно быть жестоким, у вас будут лучшие шансы вернуться обратно, если командует Кутузов.

— Это я слышал. Он выиграл больше сражений, чем любой другой офицер Флота, но, Боже мой, какой же это ублюдок!

— Да, сэр, — Каргилл в упор разглядывал капитана. Не так давно оба они были лейтенантами, и ему было легче говорить с Блейном, чем с прежним командиром. — Вы никогда не были на Св. Екатерине, шкипер?

— Нет.

— У нас есть несколько человек оттуда. Конечно, на «Ленине» их больше. Вообще, на Флоте чудовищно велик процент людей с Екатерины, шкипер. И знаете, почему?

— Очень смутно.

— Ее планеты были заселены русскими со старого Флота СоВладения, — сказал Каргилл. — Когда флот СВ ушел из Солнечной Системы, русские высадили своих женщин и детей на Екатерине. Во время Войн Образования им приходилось плохо, а затем начались Гражданские Войны, когда Заурон без предупреждения нанес удар по Св. Екатерине. Они остались лояльными, но…

— Как Новая Шотландия, — сказал Род.

Каргилл с энтузиазмом кивнул.

— Да, сэр. Лояльные имперские фанатики. По причинам, обусловленным их историей. Единственный мир, который они признают, — это сильная и крепкая Империя.

Род рассудительно кивнул, потом повернулся к своим экранам. Был единственный способ сделать адмирала довольным.

— Стели! — рявкнул Блейн. — Передайте канониру Келли приказ всей звездной пехоте искать сбежавших мошкитов. Они могут стрелять, как только увидят их. Конечно, если стрельбы можно избежать, то следует стремиться к этому. И путь выпустят в камбуз этих хорьков.

ПОСЛЫ

Когда корабль мошкитов, наконец, приблизился, все детали его конструкции оказались скрыты бушующим пламенем двигателя. «Мак-Артур» следил за ним по экранам и ждал. В ста километрах от него «Ленин» ждал тоже.

— Боевая тревога, мистер Стели, — тихо приказал Блейн.

Стели ухватился за большой красный рычаг, который вводил Состояние Два, и передвинул его по часовой стрелке. Раздался звуковой сигнал, а затем запись сигнала «К оружию!», эхом разнесшегося по всем стальным коридорам.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ! ВНИМАНИЕ ВСЕМ! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ — 1.

Офицеры и рядовые бросились по боевым постам — канониры, дикторы, торпедисты, звездная пехота. Корабельные монтеры, повара и каптерщики становились группами контроля повреждений. Помощники хирургов укомплектовывали посты первой помощи по всему кораблю — все быстро, все молча. Род почувствовал гордость. Кзиллер передал ему отличный корабль,

и, слава Богу, он все еще остается отличным.

— ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПОСТ ОБЪЯВЛЯЕТ СОСТОЯНИЕ КРАСНЫЙ — 1, — проговорил диктор с мостика. Помощник квартирмейстера третьего класса говорил слова, переданные ему другими, и люди по всему кораблю повиновались ему, хотя он сам вовсе не отдавал приказов. Он повторял слова, которые могли послать «Мак-Артур» через бездну космоса, заставить его открыть огонь из лазерных пушек и запустить торпеды, атаковать или отступить, а затем докладывал результаты, которые Блейн, вероятно, уже знал по своим экранам и приборам. Он никогда не проявлял инициативы, но благодаря ему корабль был управляем. Он был всемогущим бездушным роботом.

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ — 1.

— МОРСКАЯ ПЕХОТА ДОКЛАДЫВАЕТ СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ — 1.

— Стели, передайте пехотинцам, не стоящим на постах, пусть продолжают поиски пропавших чужаков, — приказал Блейн.

— Слушаюсь, сэр.

— КОНТРОЛЬ ПОВРЕЖДЕНИЙ ДОКЛАДЫВАЕТ СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ — 1.

Корабль мошкитов тормозил перед «Мак-Арту-

ром», и пламя его двигателей пылало на экранах линейного крейсера. Род нервно смотрел на него.

— Сэнди, сколько энергии этого двигателя мы сможем принять?

— Он не слишком горяч, капитан, — сказал Синклер по интеркому. — Поле может принимать всю его энергию минут двадцать или даже больше. И это не сфокусировано, шкипер. Там нет горячих пятен.

Блейн кивнул. Он пришел к тому же выводу, но разумнее было сдерживаться, когда это возможно. Сейчас он смотрел на медленно приближающийся корабль.

— Довольно мирный, — сказал Род Реннеру, — даже если это военный корабль.

— Я не уверен, что это так, капитан, — Реннер казался весьма спокойным. Даже если мошкиты атакуют, он будет более зрителем, чем участником. — По крайней мере, они нацелили пламя своего двигателя мимо нас. Жест вежливости.

— Черта с два! Это пламя расширяется. Часть его бьет в наше Поле Лэнгстона, и они могут наблюдать, что при этом происходит.

— Не думаю.

— МОРСКАЯ ПЕХОТА ДОКЛАДЫВАЕТ О

ПРИСУТСТВИИ ШТАТСКИХ В КОРИДОРАХ. ПАЛУБА Б, ПЕРЕБОРКА ДВАДЦАТЬ.

— Будь они прокляты! — воскликнул Блейн. — Это астрономы. Очистить коридоры!

— Наверняка это будет Бакмен, — усмехнулся Реннер. — Им будет нелегко водворить его в каюту.

— Верно. Мистер Стели, передайте пехотинцам, что они должны отправить Бакмена в каюту, даже если его придется нести за руки и ноги.

Уайтбрид усмехнулся про себя. «Мак-Артур» был в свободном падении, и вращения у него не было. Интересно, как в таких условиях звездные пехотинцы смогут нести Бакмена за руки и ноги?

— ТОРПЕДИСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ — 1. ТОРПЕДЫ СНАРЯЖЕНЫ И ГОТОВЫ.

— Один из старших поваров думает, что видел беглецов, — сказал Стели. — Пехотинцы отправились к нему.

Чужой корабль все приближался, его двигатель извергал рваное белое пламя. Оно должно очень хорошо резать, подумал Блейн. Торможение вовсе не было атакой — чужаки явно доверяли ВСЕМУ: двигателям, компьютерам, сенсорам…

— МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ДОКЛАДЫВАЕТ СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ — 1. ПОЛЕ НА ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ.

— Звездные пехотинцы закрыли доктора Бакмена в его каюте, — сказал Стели. — Доктор Хорват у интеркома, он требует объяснений.

— Послушайте его, Стели. Но не очень долго.

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ, ЧТО ВСЕ БАТАРЕИ НАПРАВЛЕНЫ НА ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ. НАПРАВЛЕНЫ И СОПРОВОЖДАЮТ ЕГО.

«Мак-Артур» был в полной готовности. По всему кораблю его экипаж находился на боевых постах. Все несущественное оборудование, расположенное на корпусе корабля, убрали вниз.

Башня с патрульной кабиной Блейна торчала из корпуса корабля подобно мысли, пришедшей слишком поздно. При вращении она находилась достаточно далеко от корпуса корабля, но в бою ее можно было быстро отстрелить. Кабина Блейна была сейчас лишь пустой оболочкой: ее столы и самые важные приборы уже давно были убраны в безопасные области нуль-гравитации.

Каждый незанятый отсек внутри корабля был сжат до минимума, а внешние палубы были пусты, чтобы обеспечить свободное передвижение групп контроля повреждений.

Корабль мошкитов быстро приближался. Он был еще не более чем яркой точкой, а реактивная струя уже веером била в Поле «Мак-Артура».

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ, ЧТО ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ ТОРМОЗИТ С УСКОРЕНИЕМ 0,87 ЖЕ.

— Ничего удивительного, — вполголоса произнес Реннер.

Свет расширялся во все стороны, заполняя экран, а потом вдруг потускнел. В следующий момент корабль чужаков скользнул на место рядом с линейным крейсером, и его двигатели отключились.

Это было так, словно корабль вошел в невидимый док, заняв место, предназначенное для него еще шесть дней назад. Сейчас он был совершенно неподвижен относительно «Мак-Артура». Род заметил тени, движущиеся внутри надувных полей на его носу.

Реннер зарычал, лицо его исказилось.

— Черт побери этих позеров!

— Мистер Реннер, следите за собой!

— Простите, сэр. Это самый удивительный астронавигационный подвиг, о котором я слышал. Если бы кто-нибудь попытался рассказать мне о подобном, я назвал бы его лжецом. Кем они себя

считают? — Реннер был искренне зол. — Любой астронавигатор, попробовавший такой фокус, может остаться без хвоста, если вообще выживет.

Блейн кивнул. Пилот мошкитов не оставил ни малейшего запаса на случай ошибки.

— Я был неправ. Скорее всего, это не военный корабль. Взгляните на него.

— Да, он хрупок, как бабочка. Я мог бы раздавить его одной рукой.

Род на мгновение задумался, затем отдал приказ.

— Вызовите добровольцев для первого контакта с этим кораблем. Нужен один человек, который полетит на невооруженной ракете. И… состояние красный-1 остается.

Добровольцев было очень много.

Разумеется, гардемарин Уайтбрид был одним из них. И Уайтбрид уже делал это прежде.

Сейчас он ждал, сидя в ракете и разглядывая двери ангара сквозь поляризованный пластик лицевой пластины.

Он уже делал это прежде, и мошкита-шахтер не убила его, не так ли? Чернота пошла рябью, и вдруг сквозь отверстие в Поле Лэнгстона показались звезды.

— Отверстие достаточно большое, — сказал

в его правом ухе голос Каргилла. — Вы можете стартовать, мистер Уайтбрид. Удачи вам.

Уайтбрид нажал рычаг пускателя. Ракета поднялась и выплыла сквозь отверстие в звездный космос под свирепый взгляд Глаза Мурчисона. Позади него Поле Лэнгстона закрылось. Уайтбрид был отрезан от всех.

«Мак-Артур» выглядел как резко ограниченный участок сверхъестественной черноты. Для пробы Уайтбрид обогнул его и направился к чужому кораблю.

Чужак медленно рос перед ним. Его середина была тонкой, как копье, вдоль которого виднелись функциональные приспособления: крышки люков, отверстия для приборов, антенны и еще что-то, для чего невозможно было подобрать слов. Одинокий черный прямоугольник киля поднимался возле центральной части корабля: вероятно, теплообменная поверхность.

Внутри широких полупрозрачных пончиков, окружавших передний конец, видны были движущиеся фигуры. Они были видны достаточно четко, чтобы вызвать ужас: смутные, невероятно изуродованные тени людей.

Четыре тороида и тени внутри каждого из них. Уайтбрид доложил:

— Они используют все топливные баки как жизненное пространство. Без нашей помощи им домой не вернуться.

— Вы уверены? — спросил голос капитана.

— Да, сэр. Может, внутри у них есть еще бак, но он не может быть большим.

Ракета уже почти достигла чужого корабля. Уайтбрид притормозил и остановился рядом с жилыми помещениями. Затем открыл воздушный шлюз.

Возле переднего конца металлического сердечника немедленно открылась дверь. В овальном отверстии стоял мошкит, одетый во что-то прозрачное. Чужак ждал.

— Разрешите покинуть… — начал Уайтбрид.

— Разрешаю. Докладывайте при каждом удобном случае, или пользуйтесь своим здравым смыслом. Звездная пехота наготове, поэтому не просите о помощи, пока это действительно не понадобится. Они прибудут быстро. А сейчас — удачи.

Когда умолк голос Каргилла, снова заговорил капитан:

— И не рискуйте, Уайтбрид. Помните, что мы ждем вас обратно с докладом.

— Да, сэр.

Мошкит грациозно вышел наружу, когда Уайтбрид приблизился к воздушному шлюзу. Большая левая рука чужака ухватилась за кольцо, выступавшее из корпуса.

— Похоже, этот материал можно проткнуть чем угодно, — сказал Уайтбрид в микрофон. — Эта штука не могла стартовать с поверхности планеты через атмосферу.

Он остановился в овальном отверстии и кивнул мягко улыбающемуся чужаку. Голос его звучал лишь наполовину сардонически, когда он официально спросил:

— Вы позволите войти?

Чужак согнулся в талии — а может, это был преувеличенный поклон? Сустав на его спине находился ниже плеч. Двумя правыми руками он сделал жест в сторону корабля.

Воздушный шлюз был размером с мошкита. Уайтбрид нашел три укрытые среди паутины серебряных вымпелов кнопки. Мошкит следил за его колебаниями, затем потянулся мимо него и нажал одну, а затем вторую.

И шлюз закрылся за ним.

Посредник стояла в пустоте, ожидая, пока шлюз закончит полный круг. Она с удивлением разглядывала странное строение пришельца,

симметричность и удивительное сочленение его костей. Явно это существо не было связано с известной жизнью. А его родной корабль прибыл из места, которое Посредник называла Точкой Безумного Эдди.

Еще больше ее удивила его неудача в управлении шлюзом без посторонней помощи.

Тут и должны были проявиться способности Посредника. Существо должно было быть разумным. А, может, нет? Может, они послали сначала животное? Нет, наверняка, нет. Они не могут быть настолько чужими: у любой культуры это должно быть смертельным оскорблением.

Шлюз открылся. Она шагнула вовнутрь, и цикл начался. Пришелец ждал в коридоре, заполняя его как пробка горлышко бутылки. Посредник принялась сдирать с себя защитную оболочку и вскоре осталась обнаженной. Чужак легко мог вообразить, что она является Воином, и нужно было убедить его, что она безоружна.

Затем она отправилась к жилым надувным секциям. Большое неуклюжее существо двинулось следом. Оно было плохо приспособлено к свободному падению и то и дело останавливалось заглянуть через оконные панели в секции корабля и изучало механизмы, которые Корич-

невые установили в коридорах… Разве стало бы разумное существо поступать так?

Посредник, конечно, могла взять существо на буксир, но оно могло принять это за атаку. Этого следовало избегать любой ценой.

В данный момент она должна обращаться с ним, как с Мастером.

В переполненной камере в три яруса громоздились двадцать шесть изогнутых коек, очень похожих на ту, которая получилась из койки Кроуфорда. И все же они были не совсем идентичны. Мошкит двигался перед ним, грациозный, как дельфин. Его шкура была украшена узором из изогнутых коричневых и белых полос с четырьмя пятнами ярко-белого цвета в паху и под мышками. Уайтбриду это казалось прекрасным. Сейчас мошкит стоял, ожидая его. Нетерпеливо, подумал Уайтбрид.

Он не пытался думать о том, в какую совершенную ловушку попал. Коридор был не освещен и клаустрофобически узок. Уайтбрид заглянул в цепочку баков, соединенных насосами, — вероятно, охлаждающую систему для водородного горючего. Это могло быть связано с тем черным плавником снаружи.

Вдруг мошкита осветил яркий свет из отвер-

стия, достаточно большого для Уайтбрида. За ним был приглушенный дневной свет, похожий на освещение во время грозы. Следом за мошкитом Уайтбрид вошел в один из тороидов, и его немедленно окружили чужаки.

Все они были одинаковыми, и казавшийся случайным узор из коричневых и белых полос повторялся на каждом из них. По крайней мере дюжина кривых улыбающихся лиц окружила его на некотором расстоянии. Они что-то щебетали друг другу быстрыми писклявыми голосами.

Потом вдруг щебетание стихло. Один из мошкитов приблизился к Уайтбриду и произнес несколько коротких фраз, которые могли быть на разных языках. Впрочем, Уайтбриду все они показались бессмысленными.

Он театрально пожал плечами и вытянул руки вперед.

Мошкит тут же повторил жест с невероятной точностью. Уайтбрид беспомощно вытянулся в свободном падении, согнув руки вокруг талии, и закудахтал подобно цыпленку.

Голос Блейна, прозвучавший в его ухе, был спокойным и металлическим:

— Ну, ладно, Уайтбрид, все уже хохочут. Вопрос в том…

— О, нет, сэр! Я снова на интеркоме?

— Вопрос в том, что подумают о ваших действиях мошкиты.

— Да, сэр. Я пытался изобразить третью руку, — Уайтбрид успокоился. — Сэр, пришло время раздеться и мне. Пожалуйста, уберите меня с экранов интеркомов…

Датчик на его подбородке, конечно, был желтым: медленно действующий яд. Но на этот раз он не собирался вдыхать его. Он глубоко вздохнул и снял шлем. Задержав дыхание, он вынул дыхательный аппарат для плавания под водой и сунул его мундштук между зубами. Затем сделал вдох: все работало отлично.

Не спеша, он начал раздеваться. Первым было мешковатое покрытие, содержащее электронику и прочие механизмы. Затем он убрал полосы материи, закрывавшие застежки-молнии, и расстегнул ткань собственно вакуумного костюма. Молнии тянулись вдоль каждой конечности и на груди, без них потребовались бы часы, чтобы надеть или снять костюм, который выглядел как чулок или колготки. Эластичная ткань повторяла все изгибы его мускулатуры, предохраняя его от воздействия вакуума. При его поддержке его собственная кожа чувствовала костюм, а пото-

вые железы служили системой, регулирующей температуру.

Баки свободно кружились перед ним, пока он освобождался от костюма. Мошкиты медленно двигались, а один из них — коричневый, без полос, копия шахтера, находившегося на «Мак-Артуре» — подплыл, чтобы помочь.

Он использовал универсальную присоску своего рабочего снаряжения, приложив шлем к полупрозрачной стене. Неожиданно это не сработало. Коричневый мошкит тут же понял, в чем заключается трудность. Он (она, оно) извлек откуда-то какую-то трубку и приложил ее к шлему Уайтбрида. Теперь все прошло нормально. Джонатан повернул шлем камерой к себе и снял остальные части своего костюма.

Людям для удобства разговора нужно было бы сначала определить, где верх, а где низ, зато мошкиты были сейчас в самых разных позах. Они ждали и улыбались.

Уайтбрид извивался до тех пор, пока на нем не осталось ничего.

И мошкиты принялись изучать его.

Коричневый был самым поразительным из всех. Он был ниже остальных, с более хрупкими руками и странно выглядящей головой. Насколь-

ко мог заметить Уайтбрид, он был идентичен шахтеру. Все остальные выглядели подобно мошкиту, погибшему в зонде с солнечным парусом.

Коричневый изучал его костюм, причем, казалось, его интересует рабочее снаряжение, но все остальные пробовали мускулатуру Джонатана, ища сочленения его тела и места, где тычки могли вызвать рефлекторные сокращения.

Двое изучали его крепко сжатые зубы. Остальные прослеживали пальцами его кости: ребра, позвоночник, форму его головы, таз, кости ног. Они ощупывали его руки и водили по ним пальцами. Хотя они были достаточно осторожны, все это было довольно неприятно.

Щебетание усилилось до крещендо. Некоторые из звуков были такими пронзительными, что становились почти неслышными, но за ними следовали мелодичные тона средней высоты. Наконец, все мошкиты собрались за спиной Уайтбрида, показывая друг другу на его позвоночник. Очень он их возбудил. Один из мошкитов сделал ему знак следить за ним, а затем согнулся взад и вперед. Суставы торчали из его спины, как будто она была сломана в двух местах. Уайтбрид испытал тошноту, глядя на это, но у него появилась идея. Он согнулся в три погибели, выпрямился,

затем согнулся снова. Дюжина маленьких рук принялась ощупывать его спину.

Наконец, они отступили от него, а один подошел ближе и, похоже, пригласил Уайтбрида изучить его (ее) анатомию. Уайтбрид покачал головой и неторопливо отвернулся. Это было делом ученых.

Забрав свой шлем, он заговорил в микрофон.

— Докладываю, сэр. Я не знаю, что делать дальше. Может, попробовать привести кого-нибудь из них с собой на «Мак-Артур»?

Голос капитана Блейна звучал напряженно.

— Ни в коем случае. Вы можете выйти из их корабля?

— Да, сэр, если это нужно.

— Так сделайте это. Доложите по безопасной линии, Уайтбрид.

— Э… да, сэр, — Джонатан сделал знак мошкитам, указывая на свой шлем, а затем на воздушный шлюз. Тот, что привел его сюда, кивнул. Уайтбрид натянул свой костюм с помощью коричневого мошкита и закрепил шлем. Коричнево-белый проводил его до шлюза.

Снаружи не было удобного места для установления безопасной линии, но после быстрого взгляда на эскорт мошкитов, оставшийся на поверхности

корабля, держась за крюки, Джонатан не долго мучился этим. Потом он нахмурился. Где было кольцо, за которое держался мошкит, когда Уайтбрид только прибыл сюда? Его не было. Почему?

Ну да ладно. «Мак-Артур» был близко. В высшей степени осторожно он оттолкнулся от корабля мошкитов и повис в пустоте космоса. Пользуясь прицелом шлема, он выбрал такое положение, чтобы быть на одной линии с торчащей из черной поверхности «Мак-Артура» антенной, затем нажал языком кнопку «БЕЗОПАСНОСТЬ».

Узкий луч света вырвался из его шлема. Еще один вышел с «Мак-Артура», следуя вдоль его собственного к крошечному рецептору в его шлеме. Кольцо вокруг этого рецептора потемнело. Если бы имелось отклонение, следящая система «Мак-Артура» скорректировала бы его, а если бы луча коснулась еще одна приемная антенна, связь прервалась бы.

— Безопасный канал, сэр, — доложил он. Голос его дрожал от замешательства. После всего этого, подумал он, я имею право выражать свои чувства. Разве не так?

Блейн ответил немедленно:

— Мистер Уайтбрид, причина перехода на этот канал вовсе не в том, чтобы доставить вам

неудобство. Сейчас мошкиты не понимают нашего языка, но они могут делать записи. А позднее они будут понимать английский. Вы следите за моей мыслью?

— Почему… Да, сэр. — Боже мой, Старик действительно заглядывает вперед.

— Мистер Уайтбрид, мы не можем позволить ни одному мошкиту попасть на борт «Мак-Артура», пока не решена проблема малышей, так же, как не можем позволить им знать об этой проблеме. Это понятно?

— Да, сэр.

— Отлично. Я посылаю шлюпку с учеными следом за вами, как говорится, по проторенному пути. Вы все сделали хорошо. Но прежде, чем я пошлю других, что еще вы можете сказать?

— Да, сэр. Во-первых, на борту есть два ребенка. Я видел их, сидящих на спинах взрослых. Они крупнее малышей и окрашены, как взрослые.

— Еще одно доказательство мирных намерений, — сказал Блейн. — Что еще?

— У меня не было возможности сосчитать их, но похоже, здесь двадцать три коричнево-белых и двое коричневых, типа шахтера с астероида. Оба ребенка были с коричневыми. Интересно, почему?

— Возможно, мы сможем спросить об этом у них. Хорошо, Уайтбрид, мы посылаем ученых. Они получат катер. Реннер, вы слушаете?

— Да, сэр.

— Рассчитайте курс. Я хочу, чтобы «Мак-Артур» находился в пятидесяти километрах от чужого корабля. Не знаю, что сделают мошкиты, когда мы двинемся, но катер вылетит первым.

— Вы хотите передвинуть корабль, сэр? — недоверчиво переспросил Реннер.

— Да.

Долгое время никто не говорил ни слова.

— Ну, хорошо, — сказал Блейн. — Я объясню. Адмирала очень беспокоят эти малыши. Он думает, что они могут переговариваться с кораблем. Нам приказано следить, чтобы у них не было возможности связаться со взрослыми мошкитами.

Теперь молчание длилось еще дольше.

— Это все, джентльмены. Спасибо, мистер Уайтбрид, — сказал Род. — Мистер Стели, сообщите доктору Хорвату, что он может грузиться в катер в любое время.

«Что ж, вот мы и здесь», — подумал священник Харди. Это был округлый человек с мечтательными глазами и рыжими волосами, только начавшими седеть. За исключением воскресных

богослужений, он проводил в каюте большую часть времени.

Дэвид Харди вовсе не был недружелюбным человеком. Любой мог зайти в его каюту выпить кофе, что-нибудь покрепче, сыграть в шахматы или же просто поговорить. Просто-напросто ему не нравились большие скопления людей. Он не мог узнавать их в толпе.

Он также не выставлял напоказ свои профессиональные склонности, не обсуждая свою работу с любителями и не публикуя результатов, пока не наберет достаточного количества доказательств. Сейчас, сказал он сам себе, это невозможно. Но кем же были чужаки? Наверняка они были разумны. Наверняка. И значит, в божественной схеме мира должно быть место для них. Но какое?

Члены экипажа перенесли снаряжение Харди на катер. Ленточная библиотека, несколько пачек детских книг, работы для ссылок (впрочем, немного, поскольку компьютер катера мог соединяться с корабельной библиотекой, но доктору Харди нравились книги, хотя они и были непрактичны). Было и другое снаряжение: два дисплейных экрана со звуковыми преобразователями, электронные фильтры, повышающие или понижающие частоту, изменяющие тембр и фазу.

Он хотел укладывать приборы сам, но первый лейтенант Каргилл отговорил его от этого. Пехота была экспертом в этом вопросе, и опасения Харди, что они что-то повредят, не основывались ни на чем: сломав что-нибудь, им пришлось бы иметь дело с Келли.

Харди встретил Сэлли в воздушном шлюзе. Она также отправлялась в путешествие не налегке. Кроме себя самой, она хотела взять ВСЕ, даже кости и мумии с Каменного Улья, но капитан дал добро только на голограммы, и даже они были спрятаны, пока она не установит, как относятся мошкиты к грабителям могил. По описанию Улья, сделанному Каргиллом, мошкиты не имели похоронных обрядов, но это было абсурдом. Похоронные обряды были у всех, даже у самых примитивных людей.

Она не могла забрать мошкиту-шахтера или оставшегося малыша, который снова стал самкой. И хорьки, и звездная пехота продолжали искать второго малыша со щенком (интересно, почему он удрал с другим малышом, а не со своей матерью?). Сэлли было очень интересно, помогла ли суматоха, поднятая ею вокруг приказа Рода звездной пехоте, получить ей место в катере. Она знала, что на самом деле вела себя не очень хоро-

шо по отношению к Роду. Он сам получил приказ от адмирала. Но все-таки приказ был неправилен! Малыши ничего не могли повредить, и бояться их — значит быть параноиком.

Следом за священником Харди она вошла в каюту катера. Доктор Хорват был уже здесь. Они втроем должны были стать первыми учеными, попавшими на чужой корабль, и она испытывала возбуждение. Там так много нужно было изучить!

Антрополог — она думала сейчас о себе как о полном специалисте, и наверняка никто не стал бы этого оспаривать — лингвист и Хорват, бывший хорошим физиком до того, как стать администратором. Хорват был единственным бесполезным человеком в группе, но его должность давала ему право лететь, если хотел этого. Она не думала, что те же соображения были применимы к ней самой, хотя половина ученых на борту «Мак-Артура» считала именно так.

Трое ученых, рулевой, двое космонавтов и Джонатан Уайтбрид. Никакой звездной пехоты и никакого оружия на борту не было. Возбуждение достаточно хорошо скрывало страх, прорвавшийся вдруг в их души. Разумеется, они не были вооружены, но она чувствовала бы себя гораздо

лучше (так же, как и все остальные), если бы Род Блейн был с ними. Но это было невозможно.

Позднее на катере могли перелетать и другие люди. Бакмен с его миллионом вопросов, как только Харди решит проблему общения. Биологи, офицер военного Флота — вероятно, Каргилл, — чтобы изучить оружие мошкитов. Офицер-инженер… Это могли быть любые люди, кроме капитана. Было невероятно, чтобы Кутузов мог позволить Роду Блейну покинуть свой корабль, независимо от того, насколько мирными были намерения мошкитов.

Сэлли вдруг почувствовала тоску по родине. На Спарте у нее был дом, Харинг Кросс, а за несколько минут можно было попасть в столицу. Спарта была центром цивилизации — но в последнее время Сэлли жила в космических кораблях все уменьшающихся размеров, разнообразие было лишь в виде тюремного лагеря. Закончив университет, она приняла решение: стать личностью, а не украшением какой-нибудь мужской карьеры. Правда, сейчас уже многое говорило за эту возможность, особенно, если это будет настоящий мужчина. Хотя… Нет! Она будет принадлежать только себе.

В одном конце кабины находились искоре-

женные приборы, а также столы — обеденный и игровые.

— Вы бывали на этом катере? — спросил Хорват.

— Простите?

— Я спросил: «Вы бывали на этом катере?» Они убрали отсюда все вооружение, но оставили достаточно, чтобы понять, что здесь было. То же самое и с торпедами. Их убрали, но пусковые аппараты на месте. Так какого же рода будет наше посольство?

Харди очнулся от своих грез.

— А что бы вы сделали на месте капитана?

— Использовал бы невооруженный катер.

— Таких здесь нет, — мягко заметил Харди. — Вы знали бы это, если бы навестили хоть раз ангарную палубу, — на этой палубе находилась часовня, и Хорват не посещал ее. Конечно, это было его дело, но не лишне иногда напомнить об этом.

— Но ведь у мошкитов совершенно явно не военный корабль!

Харди кивнул.

— Мошкиты рано или поздно откроют нашу ужасную тайну. Мы — род, любящий войну, это часть нашей натуры. Даже если мы прибываем

на полностью разоруженном корабле. Вам не кажется, что это будет многозначительным фактом для мошкитов?

— Но ведь это очень важно для Империи!

Дэвид Харди согласно кивнул. Министр по науке был прав, но священник подозревал, что доказательства его были плохи.

Катер слегка накренился, и полет начался. Род следил за ним по экранам мостика, испытывая беспомощное раздражение. Через мгновение, когда катер подойдет к борту корабля мошкитов, одна из батарей Кроуфорда будет направлена на него. И Сэлли Фаулер будет на борту этого хрупкого безоружного суденышка.

Поначалу планировалось привести мошкитов на борт «Мак-Артура», но пока малыши не найдены, это было невозможно. Род был рад, что его корабль неподвластен чужакам. Я учусь думать, как параноик, сказал он сам себе. Подобно адмиралу.

А тем временем не было никаких следов малышей, Сэлли не разговаривала с ним, и все были раздражены.

— Корабль готов к маневру, капитан, — сказал Реннер. — Я сменю вас, сэр.

— Хорошо. Продолжайте, парусный мастер.

Прозвучало предупреждение об ускорении, и «Мак-Артур» мягко двинулся в сторону от чужого корабля. В сторону от катера и Сэлли.

СЛОВЕСНЫЕ ИГРЫ

Душ — пластиковый мешок с мыльной водой и молодым человеком внутри, причем горло мешка было плотно завязано вокруг шеи мужчины. Уайтбрид пользовался щеткой с длинной ручкой, чтобы почистить себя там, где чесалось, — то есть везде. Какое все-таки удовольствие напрягаться и расслаблять мышцы! Как мало было всего этого в корабле мошкитов, таком клаустрофобически стиснутом.

Вымывшись, он присоединился к остальным, сидевшим в гостиной.

Священник, Хорват и Сэлли Фаулер — все в комнатных туфлях с клейкими подошвами — выстроились в линию. Никогда прежде Уайтбрид такого не видел.

— Министр по науке Хорват, — сказал он. — Я прибыл под ваше командование на время пребывания здесь.

— Очень хорошо, мистер Уайтбрид, — Хорват казался встревоженным и озабоченным. Впрочем, как и все они.

Священник с усилием проговорил:

— Как видите, никто из нас не знает, что делать

дальше. Никогда прежде мы не контактировали с чужаками.

— Они вполне дружелюбны и хотят говорить, — сказал Уайтбрид.

— Хорошо, но это не удовлетворило моего любопытства, и я остался у вас на крючке, — священник нервно рассмеялся. — На что это было похоже, Уайтбрид?

Он попытался рассказать им. Стиснутый, пока добираешься до пластиковых тороидов… хрупкий… никаких результатов в попытках поговорить с мошкитами, за исключением того, что Коричневые чем-то отличаются от Коричнево-белых.

— Они не вооружены, — сказал он им. — Я провел там три часа, изучая этот корабль, и на нем не осталось места, где они могли бы спрятать большое оружие.

— У вас не было чувства, что они провели вас мимо чего-то?

— Я… нет.

— Вы не очень-то уверены, — резко сказал Хорват.

— Это не так, сэр. Я только что вспомнил об экспериментальной комнате. Мы закончили обход в комнате, где были всевозможные инстру-

менты — на стенах, на полу и на потолке. На двух стенах были простые вещи — ручные сверла, продольные пилы со странными рукоятями, винты и отвертки. Это были предметы, которые я мог узнать. Я видел когти и что-то, что, по-моему, было молотком с большой плоской головкой. Все вместе это выглядело как мастерская в каком-нибудь подвале. Но там были и действительно сложные предметы, которых я вообще не мог определить.

Чужой корабль плыл совсем рядом, видимый в передний иллюминатор. Нечеловеческие тени двигались вокруг него. Сэлли тоже разглядывала их, но тут Хорват сказал:

— Вы сказали, что чужаки не присматривали за вами.

— Не думаю, чтобы они провели меня мимо чего-либо. Я уверен, что меня намеренно привели в эту мастерскую. Не знаю, почему, но мне кажется, что это был тест на разумность. Если это так, то я провалился.

— Единственный мошкит, с которым мы разговаривали, — сказал священник Харди, — пока что не может понять даже простейших жестов. Теперь же вы говорите мне, что эти мошкиты устраивали вам тест на разумность…

— И понимали жесты. Удивительно быстро поняли их. Да, сэр. Они различны. Вы видели снимки.

Харди закрутил прядь своих редеющих рыжих волос вокруг шишковатого пальца и легонько дернул.

— Сделанные камерой вашего шлема? Да, Джонатан. Я думаю, что мы имеем дело с двумя видами мошкитов. Один из них — это ученый идиот, который не может говорить. Второй… по крайней мере, говорит, — закончил он неубедительно. Заметив, что играет с волосами, он пригладил их обратно на место.

Все они испуганы этим, понял вдруг Уайтбрид. Особенно Сэлли. И даже священник Харди, который никогда не давал повода думать, что… Всех испугало это первое движение.

— Еще какие-нибудь впечатления? — спросил Хорват.

— Я по-прежнему думаю, что корабль спроектирован для невесомости. Эти липкие полосы повсюду, надувная мебель… Кроме того, есть короткие проходы, соединяющие тороиды и имеющие ширину тех же тороидов. При ускорении они становятся открытыми дверями ловушек, а избежать их невозможно.

— Это странно, — буркнул Хорват. — Корабль двигался с ускорением всего четыре часа назад.

— Именно, сэр. Эти соединения должны быть новыми, — эта мысль осенила Уайтбрида внезапно. Соединения должны быть новыми…

— Это говорит нам даже больше, — тихо сказал священник Харди. — Вы сказала, что мебель находится во всех углах. Мы все видели, что мошкиты не заботятся о том, как они ориентированы, когда говорят друг с другом. Как будто они идеально приспособлены к невесомости. Как будто они развивались здесь…

— Но это невозможно, — запротестовала Сэлли. — Невозможно, но… вы правы, доктор Харди! Люди всегда ориентируют себя. Даже старые звездные пехотинцы, проведшие в космосе всю свою жизнь! Но никто не может развиваться в невесомости.

— Достаточно старые расы могут, — сказал Харди. — И потом, эти несимметричные руки… Успех эволюции? Нужно будет упомянуть эту теорию, когда мы будем говорить с мошкитами. Если мы будем говорить с ними, — добавил он.

— Они обезумели, увидев мою спину, — сказал Уайтбрид. — Как будто никогда не видели подобного, — он помолчал. — Я раздевался для них, и

теперь они знают, с кем имеют дело. Это хорошо, — говоря, он старался не смотреть на Сэлли.

— Я не собираюсь смеяться, — сказала она. — Я и сама хочу сделать то же самое.

Уайтбрид резко поднял голову.

— Что?

Сэлли заговорила, осторожно подбирая слова. Помни о провинциальных нравах, мысленно сказала она себе, и продолжала, не глядя поверх стола:

— Что бы ни собирались скрыть от чужаков капитан Блейн и адмирал Кутузов, существование у человека двух полов не входит в это число. Они имеют право знать, как мы устроены, а я единственная женщина на борту «Мак-Артура».

— Но вы племянница сенатора Фаулера!

Она улыбнулась.

— Не будем говорить об этом, — Сэлли встала. — Лафферти, мы отправляемся немедленно, — она повернулась, как Имперская Леди, стараясь не подавать и вида, что находится в невесомости. — Священник, вы можете присоединиться ко мне, когда я вас позову, — и она вышла.

Спустя некоторое время Уайтбрид сказал:

— Хотел бы я знать, что делает вас такими нервными.

Хорват, глядя прямо перед собой, ответил:

— Она сама настаивает на этом.

Сэлли связалась с катером, когда добралась до места. Тот же самый мошкит, который приветствовал Уайтбрида, или идентичный ему, вежливо пригласил ее на борт. Камера ракеты зафиксировала это, заставив священника наклониться вперед.

— Этот полупоклон очень похож на ваш, Уайтбрид. Он великолепный мим.

Сэлли вновь вызвала их через несколько минут. Она была в одном из тороидов.

— Все мошкиты вокруг меня. Большинство из них принесли какие-то приборы. Джонатан, вы…

— У большинства из них не было в руках ничего. На что похожи эти приборы?

— Один похож на наполовину разобранную камеру, у другого есть экран, как у осциллографа. — Пауза. — Ну, что ж, пока. — Щелчок.

Следующие двадцать минут они ничего не знали о Сэлли Фаулер. Трое мужчин нервничали, их глаза были прикованы к пустому экрану интеркома. Когда она, наконец, заговорила, голос ее звучал живее:

— Все в порядке, джентльмены. Вы можете входить.

— Я иду, — Харди освободился от ремней и медленно поплыл к воздушному шлюзу катера. В голосе его звучало явное облегчение: ожидание кончилось.

На мостике вокруг Рода царила обычная суматошная деятельность: ученые смотрели на главные наблюдательные экраны, квартирмейстеры следили за соблюдением безопасного расстояния в пятьдесят километров между кораблями. Род с гардемарином Стели разрабатывали нападение звездной пехоты на корабль мошкитов. Все это было, конечно, чисто теоретически, но спасало Рода от мыслей о том, что происходило на борту чужого корабля. Вызов Хорвата был долгожданным разнообразием, и Род ответил с искренней сердечностью.

— Хэлло, доктор! Как у вас дела?

Хорват почти улыбался.

— Спасибо, капитан, очень хорошо. Доктор Харди отправился присоединиться к Сэлли Фаулер. Я послал вашего парня Уайтбрида следом.

— Хорошо, — Род почувствовал пульсирующую боль между и чуть выше лопаток. Итак, Сэлли прошла через это…

— Капитан, мистер Уайтбрид упомянул о комнате с инструментами на борту чужого корабля.

Он верит, что его протестировали на способность обращаться с ними. Это заставляет верить, что мошкиты будут проверять на эту способность всех нас.

— Возможно. Изготовление и использование инструментов — это основная…

— Да, да, капитан, но никто из нас не является специалистом в этой области! Мы просто лингвист, антрополог и администратор. Мы… и несколько солдат Военного Флота. Вся соль в том, капитан, что мы провели много времени, обсуждая поведение мошкитов, и никто из нас не счел их достигшими нашего уровня интеллигенции.

Блейн обдумал это.

— Есть же сами эти корабли… Но вы правы, доктор. Я пришлю вам кого-нибудь. Мы найдем у себя кого-нибудь, кто хорошо справится с подобным тестом.

Когда Хорват исчез с экрана, Род снова коснулся контрольной панели.

— Келли, можете освободить с постов половину ваших людей.

— Слушаюсь, капитан, — лицо Келли не выражало никаких эмоций, но Род знал, насколько неудобно сейчас носить боевые доспехи. Вся звездная пехота «Мак-Артура» в полной боевой

готовности находились сейчас на ангарной палубе.

Затем Род вызвал Синклера.

— Есть небольшая проблема, Сэнди. Нужен человек, хорошо разбирающийся в инструментах и желающий отправиться на корабль мошкитов. Если вы укажете мне таких людей, я вызову добровольцев.

— Не беспокойтесь, капитан. Я пойду сам.

Блейн был шокирован.

— Вы, Сэнди?

— А почему бы и нет, капитан? Разве я не разбираюсь в инструментах? Или, может, я с чем-то не справился? Мои парни вполне разберутся, что работает не так на «Мак-Артуре» — я хорошо натренировал их. Вы не ошибетесь во мне…

— Подождите минуту, Сэнди.

— Да, капитан?

— Любой, кто хорошо справится с тестом, будет знать и Поле, и Драйв. Возможно, адмирал не разрешит вам идти.

— На борту нет другого человека, который смог бы узнать все об этом корабле, капитан.

— Ну, ладно, отправляйтесь на осмотр к хирургам. И дайте мне имя. Кого я могу послать, если вас не отпустят?

— Пошлите Джекса. Или Лейха Бетсона. Вообще, любого из моих людей, кроме Меньшикова.

— Меньшиков… Это не тот техник, который спас шестерых человек, закрытых в торпедной во время сражения с «Вызывающим»?

— Да, капитан. Кроме того, он тот, кто установил вам душ за две недели до сражения.

— О-о… Хорошо, спасибо, Сэнди, — он повернулся и осмотрел мостик. Дел для него было здесь совсем мало. Экраны показывали корабль мошкитов в центре прицела главной батареи «Мак-Артура». Его корабль был в достаточной безопасности от всего, что мог сделать чужак, но сейчас Сэлли должна была соединиться с Харди и Уайтбридом… Род повернулся к Стели.

— Последний вариант был вполне неплохим. А теперь разработайте план спасения, предполагая, что только половина звездной пехоты находится в состоянии боевой готовности.

Сэлли услышала суматоху, когда мошкиты вели по кораблю Харди и Уайтбрида, но едва взглянула вокруг, когда они прибыли. Она потратила время, чтобы одеться, но это было необходимо, и сейчас в тусклом и профильтрованном свете Мошки ее руки изучали тело Коричнево-белого, сгибая ее (его) плечевые суставы и прослеживая мускулы.

При этом она диктовала свои соображения в диктофон на горле.

— Я делаю вывод, что это другой подвид, но имеющий близкое отношение к Коричневым, возможно, даже выведенный из них. Это должно быть определено генетическим кодированием, когда мы доставим образцы на Новую Шотландию, где есть нужное оборудование. Возможно, мошкиты знают это, но мы должны быть осторожны в разговорах с ними, пока не установим, какие табу существуют среди мошкитов.

— У них явно нет половой дискриминации, такой, как существует в Империи; фактически имеется значительное превосходство женщин. Один Коричневый — мужчина и заботится обо всех детенышах. Они отлучены от груди или, по крайней мере, нет признаков кормления их женщинами — или самцом — на борту.

— Моя гипотеза заключается в том, что, в отличие от человечества после Гражданских войн, здесь не было недостатка в матерях или родах и таким образом не было культурного механизма сверхзащиты, такого, какой сохранился в Империи. У меня нет никаких соображений, почему нет детенышей среди Коричнево-белых, хотя возможно, что незрелые мошкиты, которых я

наблюдала, принадлежат Коричнево-белым, а Коричневые используются как учителя детей. Имеется явная тенденция использовать Коричневых для всякой технической работы.

— Отличия этих двух типов ясны, если не драматичны. Руки крупнее и лучше развиты у коричневых, а их лоб уходит назад более покато. Кроме того, коричневые ниже ростом. Вопрос: кто из них лучше приспособлен для использования инструментов? У Коричнево-белых большие способности мозга, Коричневые лучше действуют руками. Пока что все Коричнево-белые, которых я видела, являются женщинами, а среди Коричневых есть по одному представителю каждого пола. Что это: случайность, ключ к разгадке их культуры или что-то биологическое? Конец сообщения. Приветствую вас на борту, джентльмены.

— Какие затруднения? — спросил Уайтбрид.

Ее голова была в пластиковом колпаке, закрывавшем ее шею, подобно душевому мешку; она явно не пользовалась носовым респиратором. Мешок слегка заглушал ее голос.

— Никаких. Что сейчас?

— Уроки языка.

Для начала имелось одно слово: финч'клик'. Когда священник указал на себя и сказал: «Дэвид»,

мошкита, на которую он смотрел, изогнула нижнюю правую руку в то же положение и сказала «финч'клик'», прищелкнув при этом языком.

Вроде бы все хорошо, но Сэлли сказала:

— У моей мошкиты было то же самое имя.

— Вы имеете в виду, что я выбрал того же самого чужака?

— Нет, не думаю. Но это финч'клик', — она сказала это осторожно, щелкнув напоследок языком, а потом испортив весь эффект хихиканьем, — не является словом для обозначения мошкитов. Я пробовала его.

Священник нахмурился.

— Возможно, все собственные имена звучат для нас похоже. Или это слово может означать рука, — серьезно сказал он. На эту тему имелась даже классическая история, настолько старая, что, возможно, она пришла из доатомного периода. Он повернулся к другой мошките, указал на себя и сказал: — Финч'клик'? — его акцент был почти идеален, и он не хихикал.

Мошкита сказала:

— Нет.

— Это они уловили быстро, — сказала Сэлли.

Уайтбрид попробовал тоже. Он плавал среди мошкитов, указывая на себя, и говорил:

— Финч'клик'?

Он получил четыре идеально артикулированных «нет», прежде, чем одна мошкита постучала по его колену и сказала:

— Финч'клик'? Да.

Итак, имелись трое мошкит, которые могли говорить людям «финч'клик'». Каждая к определенному человеку, и только к нему.

— Это может означать нечто вроде: «Я назначен к вам», — предположил Уайтбрид.

— Еще одна гипотеза, — согласился Харди. Вообще-то неплохая, но данных все же недостаточно. А, может, парень все-таки прав?

Мошкиты толпились вокруг них. Некоторые из приборов, которые они принесли, могли быть камерами или записывающими устройствами. Некоторые приборы издавали шум, когда люди говорили, другие извергали ленту или чертили извивающиеся оранжевые линии на маленьких экранах. Мошкиты обратили внимание и на собственное оборудование Харди, особенно маленький коричневый немой, который разобрал осциллограф Харди и на глазах у него собрал его снова. После этого изображение на экране стало ярче, и вообще он заработал гораздо лучше. Интересно. И ведь только коричневые могли делать

подобные вещи.

Вскоре уроки языка стали групповыми. Теперь это было игрой — это обучение мошкитов английскому. Нужно было указывать на что-то и произносить слова, а мошкиты обычно запоминали их.

Мошкиты продолжали попусту терять время с внутренностями своих приборов, настраивая их, а порой передавая Коричневым с каким-то птичьим свистом. Диапазон их собственных голосов был удивительным и мог меняться от баса до сопрано. Харди предположил, что высота была частью кода.

Он внезапно понял, сколько времени прошло. Его живот был пустотой, чьи жалобы он игнорировал с рассеянным презрением. Вокруг его носа появились пятна, натертые прилаженным респиратором. Глаза его болели от атмосферы мошкитов, попавшей под защитные очки, и он жалел, что отказался от шлема или пластикового мешка, как у Сэлли. Сами мошкиты были размазанными яркими пятнами, которые медленно двигались вдоль изогнутых полупрозрачных стен. Сухой воздух, которым он дышал, постепенно обезвоживал его.

Все это он чувствовал по мере прошествии

времени, но не обращал внимания. Им овладело какое-то веселье. Дэвид Харди выполнял свое призвание в жизни.

Несмотря на уникальность ситуации, Харди решил воспользоваться традиционной лингвистикой, и сразу же возникли беспрецедентные проблемы со словами лицо, рука, уши, пальцы. Это проявлялось в том, что дюжина пальцев на правых руках имела одно общее название, а три толстых пальца на левой — другое. Плоское ухо называлось так, а стоячее — иначе. Слова для ЛИЦА вообще не было, поскольку они немедленно ухватились за английское слово, и, похоже, подумали об этом стоящем нововведении.

Он думал, что его мышцы приспособились к невесомости, но сейчас они давали о себе знать. Харди не знал, куда исчезла Сэлли, но это не беспокоило его. В этом проявилось и его восприятие Сэлли и мошкитов, как коллег, а также то, насколько он устал. Он считал себя просвещенным человеком, но то, что Сэлли назвала «сверхзащитой женщин», глубоко укоренилось в имперской культуре — особенно в монашеском Военном Флоте.

Только когда у него кончился воздух, остальным удалось убедить Харди вернуться обратно

на катер.

Ужин был простым, и они торопились закончить его, чтобы обменяться впечатлениями. Все остальные милосердно оставили Харди одного, пока он ел, и Хорват шикал на каждого мешающего, хотя сам испытывал сильнейшее любопытство. Хотя посуда была создана для условий невесомости, никто не пользовался ею в периоды нулевой гравитации, и люди приобретали новые привычки, которые срабатывали только при большой сосредоточенности. Наконец, Харди позволил одному из членов команды забрать поднос с его колен, и взглянул вверх. Три нетерпеливых лица телепатически посылали ему миллион вопросов.

— Они изучили английский достаточно хорошо, — сказал Дэвид. — Надеюсь, что могу сказать — с моей помощью.

— Это их работа, — заметил Уайтбрид. — Когда вы даете им слово, они пользуются им снова и снова, применяют его в разных формах, пытаются приложить ко всему окружающему то, что вы показали им… Я никогда прежде не видел ничего подобного.

— Это потому, что вы не наблюдали за доктором Харди достаточно долго, — сказала Сэлли. — Мы

изучали эту методу в школе, но я не сильна в ней.

— Молодежь редко знает ее хорошо, — Харди расслабленно вытянулся. Пустота, которой он был, заполнилась. Но что удивительно — мошкиты были в его работе лучше, чем он сам. — У молодежи обычно нет терпения для лингвистики. Впрочем, в этом случае помогает ваше нетерпение, поскольку мошкиты направляют ваши усилия вполне профессионально. Джонатан, а куда ходили вы?

— Я вывел свою финч'клик' наружу и показал ей ракету. Мы истощили запас вещей, показанных мошкитами на своем корабле, и я не хотел приводить их сюда. Можно ли делать это?

— Конечно, — улыбнулся Хорват. — Я говорил с капитаном Блейном, и он оставил это на наше усмотрение. Он сказал, что на катере нет ничего секретного. Однако, мне хотелось бы обставить это как-то по-особому, скажем, устроить какую-либо церемонию. В конце концов, за исключением шахтера с астероида, мошкиты никогда не посещали человеческий корабль.

Харди пожал плечами.

— Наших визитов к ним тоже было немного. Впрочем, вы должны помнить, что, если, конеч-

но, не вся раса мошкитов является фантастически способной к языкам, — гипотеза, которую я отверг — они специально подбирали экипаж этого корабля перед тем, как покинуть планету. Они собрали на борту специалистов по языкам. Я не удивлюсь, если окажется, что финч'клик' окажется эквивалентом нашего профессора.

Уайтбрид покачал головой. Остальные посмотрели на него, и, наконец, он заговорил. Он был весьма горд, что разработал метод, позволяющий младшему офицеру прерывать старших.

— Сэр, этот корабль покинул планету мошкитов спустя часы — может, даже меньше, чем через час — после появления «Мак-Артура» в этой системе. Откуда у них могло быть время для сбора специалистов?

— Этого я не знаю, — медленно сказал Харди. — Но это ДОЛЖНЫ БЫТЬ специалисты определенного рода. Откуда у всего населения могут быть такие фантастические способности к лингвистике? Причем, «фантастические» — это не самое подходящее слово. Теперь вопрос ко всем: мы смогли хоть немного удивить их?

— Инструментальная комната? — уточнила Сэлли. — Полагаю, это именно то, как вы назвали ее, хотя я не поняла бы этого, не подскажи мне

Джонатан. Они отвели меня туда сразу после того, как я покинула вас, доктор Харди, и они вовсе не казались удивленными. Я заметила, что вы оставались там гораздо дольше меня.

— Что вы там делали? — спросил Дэвид.

— Ничего. Я просто разглядывала эти приспособления. Все это место было завалено каким-то хламом — по-моему, эти зажимы на стенах не были достаточно прочными для использования в условиях гравитации. Я уверена в этом. Они должны были построить эту комнату после того, как прибыли сюда. Но поскольку там не было ничего, что я смогла бы понять, то я не уделила этому месту большого внимания.

Харди сложил свои руки в позе молящегося, потом смущенно поднял взгляд. Он приобрел эту привычку задолго до того, как получил приход, и никак не мог отучить себя от нее. Впрочем, она означала сосредоточенность, а не почтение.

— Вы ничего не делали, и они не интересовались этим, — какое-то время он напряженно думал. — Я спрашивал название приборов и провел там довольно много времени, и моя финч'клик' казалась весьма удивленной. Может, я неверно толкую это чувство, но мне действительно кажется, что мой интерес к инструментам

не устраивал их.

— Вы пытались воспользоваться каким-то приспособлением? — спросил Уайтбрид.

— Нет. А вы?

— Да, я поиграл с некоторыми из вещей…

— Они были удивлены или заинтересованы этим?

Джонатан пожал плечами.

— Все они все время наблюдали за мной. Я не заметил никакого различия.

— Да, — Харди снова сложил свои руки, но на этот раз не заметил, что сделал это. — Думаю, что есть что-то странное с этой комнатой, и их интересует наш интерес ко всему этому. Но сомневаюсь, что мы узнаем причину, пока капитан Блейн не пошлет туда своего эксперта. Вы знаете, кто это будет?

Харди кивнул.

— Он послал главного инженера Синклера.

— Гмм… — этот звук вырвался непроизвольно, и все посмотрели на Джонатана Уайтбрида, который медленно усмехнулся. — Если мошкиты были удивлены вами, сэр, то только представьте, что будет твориться в их головах, когда они услышат командора Синклера.

На военных кораблях Флота люди обычно не

поддерживают среднего веса. За время долгих периодов безделья те, кто любит поесть, развлекаются едой и быстро полнеют. Люди же, посвятившие свои жизни делу, включая немалый процент тех, кто останется на флоте, часто забывают о еде. Пища не может привлечь их внимания.

Сэнди Синклер смотрел прямо перед собой, напряженно сидя на краю исследовательского стола. Это было обычно для Синклера, который не мог смотреть человеку в глаз, пока был обнажен. Он был большим и тощим, а его волокнистые мышцы были гораздо сильнее, чем выглядели. Его можно было принять за человека, получившего скелет на три номера больше, чем требовалось.

Третью часть площади его тела покрывала розовая ткань рубцов. Острый металл, разлетавшийся после взрыва, оставил эти розовые шрамы на его ребрах, а большая часть остальной площади была обожжена языками пламени или каплями металла. Космические сражения оставляют ожоги, если человек вообще выживает.

Доктору было двадцать три, и он был весел.

— Двадцать четыре года на службе, да? И даже бывали в сражении?

— Вы тоже получите свою порцию шрамов, если пробудете на Флоте достаточно долго, — огрызнулся Синклер.

— Охотно верю. Что ж, командор, вы в великолепной форме для ваших сорока лет. Думаю, вы можете провести в невесомости месяц, но мы поиграем в безопасность и будем возвращать вас на «Мак-Артур» дважды в неделю. Полагаю, не нужно говорить, чтобы вы занимались укрепляющими упражнениями?

В течение следующего дня Род Блейн вызывал катер несколько раз, но наступил вечер, прежде чем он смог застать кого-то, кроме пилота. Даже Хорват отправился на корабль мошкитов.

Священник Харди был утомлен, но обрадован, с улыбкой во все лицо и огромными черными кругами под глазами.

— Я воспринимаю это, как урок смирения, капитан. Они гораздо лучше разбираются в моей профессии, чем я сам. Я решил, что скорейший путь выучить их язык — это учить их английскому. Ни одно человеческое горло не может говорить на их языке — языках? — без помощи компьютера.

— Согласен. Для этого нужен целый оркестр. Я слышал некоторые из ваших лент. Фактически

сделано совсем мало.

Харди улыбнулся.

— Сожалею. Мы пытались делать более частые доклады. Кстати, доктор Хорват сейчас показывает части мошкитов катер. Особенно их заинтересовал двигатель. Коричневый хотел разобрать его на части, но пилот не позволил. А ведь вы говорили, что на катере нет секретов.

— Действительно, я говорил так, но, думаю, преждевременно позволять им валять дурака с вашим источником энергии. Что сказал об этом Синклер?

— Не знаю, капитан, — Харди выглядел удивленным. — Они держали его в инструментальной камере весь день. Он и сейчас там.

Блейн коснулся своего носа. Он получил информацию, которую хотел получить, но священник Харди явно не был тем, с кем он желал поговорить.

— Сколько сейчас мошкитов на борту катера?

— Четверо. По одному для каждого из нас: меня, доктора Хорвата, леди Сэлли и мистера Уайтбрида. Похоже, они назначены нам в провожатые.

— Четверо… — Род попытался осмыслить эти данные. Катер не был полномочным судном, но он был одним из военных кораблей Его Вели-

чества, и иметь группу чужаков на его борту… Что ж, замечательно, Хорват понимал риск, на который пошел. — Только четыре? А у Синклера гида нет?

— Это довольно странно, но нет. Большинство из них следит за его работой в инструментальной комнате, но никто конкретно к нему не приставлен.

— И нет никого для пилота или космонавтов на катере?

— Нет, — Харди на мгновение задумался. — Это странно, не так ли? Как если бы они объединяли командора Синклера с незаметными членами команды.

— Может, они просто не любят Военного Флота?

Дэвид Харди пожал плечами, потом сказал, подбирая слова:

— Капитан, рано или поздно нам придется пригласить их на борт «Мак-Артура».

— Я боюсь даже думать об этом вопросе.

Харди вздохнул.

— Потому я и поднял его сейчас, чтобы мы могли сбросить с плеч тяжесть ноши. Они показали, что верят нам, капитан. В их посольском корабле нет ни одного кубического сантиметра, которо-

го бы мы не видели или, по крайней мере, не изучили бы приборами. Уайтбрид готов засвидетельствовать, что на борту нет ни следа оружия. Вполне возможно, что они недоумевают, какие секреты прячем мы на борту своего корабля.

— Скажите, поблизости от вас есть мошкиты?

— Нет. К тому же они плохо знают английский.

— Не забывайте, что они учатся, и не забывайте о записывающих приборах. А сейчас, священник, я подкину вам проблему — относительно мошкитов и Сотворения. Долгое время мы говорили о Великих Галактических Чародеях, наблюдающих за нами и решающих, позволить ли людям объединиться? Верно? Здесь же все как раз наоборот, не так ли? Теперь мы решаем, позволить ли мошкитам выйти из их системы, и пока это не решено, не хотим показывать им ни генераторов Поля Лэнгстона, ни Олдерсон Драйв, ни нашего оружия… Да что там говорить, даже того, сколько на «Мак-Артуре» жизненного пространства! Это может слишком много сказать о наших способностях. Мы многое прячем и будем продолжать прятать.

— Вы относитесь к ним, как к врагам, — мягко сказал Дэвид Харди.

— И это не зависит ни от моего, ни от вашего решения, доктор. Кроме того, я задаю вопросы и хочу получить ответы до того, как решу, что мошкиты всего лишь верные друзья, — Род смотрел мимо священника, и его взгляд был устремлен куда-то далеко. Я не жалею, что это не мое решение, подумал он. Но в конечном счете они придут спросить меня. Как будущего Маркиза Круцис Корта, если ничего не случится.

Он знал, что этот вопрос будет возникать снова и снова, и был готов к этому.

— Во-первых, почему они послали к нам корабль с Мошки-1? Почему не из троянской точки? Ведь это гораздо ближе.

— Я спрошу об этом у них, когда смогу.

— Во-вторых, почему четыре мошкита? Может, это и не важно, но я хочу знать, почему они назначили по гиду к каждому нашему ученому и одного к Уайтбриду, но не прикрепили никого к членам команды?

— И они правы, разве не так? Они дали гидов четырем людям, наиболее интересным для их обучения…

— Именно. Но как они узнали? Например, откуда они могли знать, что на борту будет доктор Хорват? И в-третьих, меня интересует, что они

строят сейчас?

— Хорошо, капитан, — Харди смотрел несчастно, но не гневно. Ему было и будет труднее отказать, чем Хорвату… отчасти потому, что Род был сейчас его прихожанином, а Хорват церковь не признавал. И вопрос этот будет поднят снова, Род не сомневался в этом.

ЭЛИЗА, ПЕРЕСЕКАЮЩАЯ ЛЬДЫ

В течение следующих недель на «Мак-Артуре» велась суматошная деятельность. После каждой передачи данных с катера все ученые работали сверхурочно, и каждый из них ждал немедленной помощи от военного Флота. Оставался открытым вопрос о сбежавших малышах, но теперь это превратилось в игру, в которой проигрышем был «Мак-Артур». В кают-кампании даже заключались пари, что оба они мертвы, но тел их найти не удавалось. Это тревожило Рода Блейна, но сделать с этим он ничего не мог.

Он также разрешил звездным пехотинцам нести караульную службу в обычных мундирах. Катеру никто не угрожал, и было нелепо постоянно держать дюжину мужчин в полном боевом облачении. Вместо этого он удвоил караулы, продолжая наблюдение за пространством вокруг «Мак-Артура», но никто — или ничто — не пыталось приблизиться, удрать или отправить сообщение. Тем временем биологи истово искали ключ к психологии и физиологии мошкитов, астрономическая секция продолжала картографирование Мошки-1, Бакмен дрожал

от страха, когда кто-нибудь другой пользовался астрономическим оборудованием, а Блейн пытался сохранить свой переполненный корабль в состоянии покоя. Его уважение к Хорвату росло каждый раз, как он размышлял о дискуссиях между учеными.

На борту катера активность была еще выше. Командор Синклер покинул корабль и был немедленно забран к чужакам. Прошли три дня, прежде чем Коричнево-белый начал следовать за Синклером по пятам, и это был странно тихий мошкит. Его, казалось, интересовали механизмы катера, в отличие от других, которые прикрепили себя к людям. Синклер и его финч'клик' проводили долгие часы на борту чужого корабля, залезая во все углы и все испытывая.

— Парень был прав относительно инструментальной комнаты, — сказал Синклер Блейну во время одного из ежедневных докладов. — Это напоминает тесты на интеллигентность, применяемые к новым рекрутам. Некоторые из этих инструментов испорчены, и моя задача — привести их в порядок.

— Испорчены сейчас?

Синклер хихикнул, вспоминая. Было довольно трудно объяснить эту шутку Блейну. Молоток с

большой головкой каждый раз бил по пальцу. Его требовалось подровнять. Лазер нагревался слишком быстро… и это было очень хитро. Он излучал не ту длину волны. Синклер исправил его, удвоив длину волны — каким-то образом. Кроме того, он узнал о контактных лазерах много такого, чего не знал прежде. Были еще и другие тесты вроде этого.

— Они хорошие техники, капитан. Требуется немалая сообразительность, чтобы справиться с некоторыми приборами и заставить их делать больше, чем они делают. Но они не могут заставить меня при этом не изучать их корабль… Капитан, я уже знаю достаточно, чтобы сделать корабельные шлюпки более эффективными. Или получить миллионы крон, спроектировав шахтерский корабль.

— Значит, уйдете от нас, когда мы вернемся, Сэнди? — спросил Род, но Синклер широко улыбнулся, показав, что не намерен делать этого.

На вторую неделю Род Блейн тоже получил финч'клик'.

Это и испугало его и польстило ему. Мошкита выглядела подобно всем остальным: коричневые и белые метки, мягкая улыбка на искривленном лице, поднимавшемся над столом достаточно,

чтобы Род мог погладить его по голове, — если кто-то окажется с мошкитой лицом к лицу, что было довольно невероятно.

Каждый раз, когда он вызывал катер, она была там, всегда спеша увидеть Блейна и поговорить с ним. С каждым его вызовом ее английский становился лучше. Они могли обменяться несколькими словами, и это было все. У него не было времени для финч'клик' или потребности в ней. Обучение мошкитов языку не являлось его работой — как не было работой для кого-либо другого — и он просто смотрел на нее через экран. Как можно использовать гида, с которым ты никогда не встречаешься?

— Похоже, они решили, что ты важная персона, — невозмутимо отвечал ему Харди.

Блейну было о чем подумать, пока он руководил этим сумасшедшим домом — своим кораблем. А чужаки вовсе не жаловались.

Месячная вспышка активности слабо подействовала на Горация Бари. Он не получал вообще никаких новостей с катера и никак не участвовал в научной работе на корабле. Внимательно собирая слухи, которые могли оказаться полезными, он ждал новостей, фильтрующихся вниз сквозь напластования ложных данных. Связь с катером

велась только с мостика, а кроме Бакмена у него не было настоящих друзей среди ученых. Кроме того, Блейн приказал не показывать ничего по интеркому. Впервые с тех пор, как они покинули Нью-Чикаго, Бари почувствовал себя пленником.

Это беспокоило его больше, чем должно было, хотя он вполне мог сказать, почему. Всю свою жизнь он пытался контролировать свое окружение на расстояние, которого мог достичь: вокруг планеты, сквозь световые годы пространства и десятилетия времени, или по всему линейному крейсеру Военного Флота. Команда относилась к нему, как к гостю, но не как к хозяину, а если он не был хозяином, значит, был пленником.

Где-то в замкнутых помещениях «Мак-Артура», за пределами досягаемости всех, кроме самых главных ученых, физики изучали золотистое вещество с Каменного Улья. Потребовались недели, чтобы до Бари дошел слух, что это сверхпроводник тепла.

Это вещество могло оказаться бесценным, и Бари знал, что должен получить образец. Он даже знал, как это можно сделать, но заставлял себя ничего не предпринимать. Пока нет! Время украсть этот образец придет только тогда, когда «Мак-Артур» встанет в док на Новой Шотландии. А пока

слушать, искать, узнавать, что еще прихватить, когда придет время покинуть «Мак-Артур».

Он получил несколько сообщений о Каменном Улье, дополняющих друг друга, и даже попытался получить информацию от Бакмена, однако, результаты были более удивительны, чем полезны.

— Ох, забудьте о Каменном Улье! — воскликнул Бакмен. — Когда-то его передвинули сюда. Улей не добавил ничего к информации и скоплениях троянских точек, и мошкиты воодушевленно поработали над его внутренней структурой, так что мы ничего не можем сказать о происхождении этой скалы…

Ну, что ж, мошкиты могли делать и делали сверхпроводники тепла. И там повсюду были маленькие мошкиты. Бари наслаждался, следя за поисками сбежавших малышей. Разумеется, большая часть персонала молчаливо болела за беглецов: исчезнувшего малыша с ребенком. Элиза, пересекающая льды. И малыши выигрывали. Пища исчезала из самых странных мест: отдельных кают, гостиных, отовсюду, кроме самой кухни. Хорьки не могли взять след. Как малышам удалось установить с хорьками перемирие? — недоумевал Бари. Конечно, чужаки

были… чужаками, но, все же, у хорьков никогда не было сложностей с обнаружением следов.

Бари наслаждался охотой, но… Он получил урок: малышей было труднее поймать, чем сохранить. Если он надеется продавать их в качестве любимцев, нужно продавать их в клетках. Затем возникнет еще вопрос приобретения и разведения пар. Чем дольше малыши останутся на свободе, тем меньше шансов будет у Бари убедить Военный Флот, что они просто безвредные, дружелюбные существа.

Пока же было просто забавно видеть Флот в глупом положении. Бари болел за обе стороны, призывая на помощь все свое терпение — и так проходили недели.

Пока шестеро финч'клик' проводили время на борту катера, остальные мошкиты работали. Внутренность чужого корабля менялась, как во сне: она была иной каждый раз, когда кто-либо прибывал туда. Целью периодических путешествий Синклера и Уайтбрида было наблюдение за тем, чтобы мошкиты не сделали оружия. Впрочем, неизвестно еще, узнали бы они его или нет.

Однажды Харди и Хорват после часа, проведенного в зале для упражнений «Мак-Артура», заглянули в наблюдательную каюту капитана.

— К мошкитам прибывает топливный бак, — сказал Хорват Роду. — Его запустили почти одновременно с кораблем тем же линейным ускорителем, но по траектории, сберегающей топливо. Он прибудет через две недели.

— Так вот что это! — Блейна и его офицеров беспокоил этот молчаливый объект, не спеша приближающийся к ним.

— Вы знаете об этом? Нужно было сообщить и нам.

— Интересно, сможет ли одна из наших шлюпок доставить его сюда? — спросил Род. — Они позволят нам сделать это?

— Не вижу причин для отказа, — сказал Дэвид Харди. — И еще одно, капитан…

Род кое-что знал об этом трюке. Хорват заставлял Харди просить обо всем, в чем тот мог отказать.

— Мошкиты хотят построить воздушный мост между катером и посольским кораблем, — закончил Харди.

— Это всего лишь временная структура, и она нужна нам, — Хорват сделал паузу. — Вы понимаете, капитан, это только гипотезы, но мы сейчас думаем, что каждая структура для них только временная. Они прибыли сюда без горючего,

чтобы добраться до дома, и почти наверняка переделали всю систему жизнеобеспечения для невесомости за те три часа после прибытия.

— И этот мост тоже будет убран, — добавил Харди. — Но эта мысль их вовсе не беспокоит. Кажется, это им даже нравится.

— В этом главное отличие их психологии от человеческой, — серьезно сказал Хорват. — Возможно, мошкиты вообще никогда не пытались создать что-то постоянное. У них не будет ни Сфинксов, ни Пирамид, ни Памятника Свободы, ни Мавзолея Ленина.

— Доктор, мне не нравится идея соединить два корабля.

— Но, капитан, нам необходимо что-нибудь вроде этого. Люди и мошкиты постоянно снуют взад и вперед, и им каждый раз приходится пользоваться ракетами. Кроме того, мошкиты уже начали работу…

— Если они соединят два корабля, вы и вообще все на борту с того времени будете зависеть от их доброй воли.

Хорват забеспокоился.

— Я уверен, что чужакам можно доверять, капитан. В общении с ними мы достигли большого прогресса.

— Кроме того, — спокойно добавил священник Харди, — мы уже их заложники. Нет никакой возможности избегнуть такой ситуации. Наша

защита — это «Мак-Артур» и «Ленин» — если нам вообще нужна защита. Если два военных корабля не испугают их… что ж, мы знали о такой возможности, когда отправлялись на катер.

Блейн стиснул зубы. Если катер можно было потерять, то его экипаж

— ни в коем случае. Синклер, Сэлли Фаулер, доктор Хорват, священник — наиболее ценные люди «Мак-Артура» жили на борту катера. И все же священник был совершенно прав. Все они в любой момент могли стать жертвами насилия, и спасала их от этого лишь возможность мести «Мак-Артура».

— Пусть строят, — сказал Род. — Воздушный мост нисколько не увеличит опасность.

Строительство началось сразу после разрешения Блейна. Труба из гибко соединенного тонкого металла выросла из корпуса корабля мошкитов и зазмеилась к ним, подобно живому существу. Мошкиты плавали вокруг нее в скафандрах, выглядевших весьма хрупко. Насколько это было видно через главный иллюминатор катера, их можно было принять за людей… почти…

У Сэлли слезились глаза, когда она наблюдала за ними. Освещение было странным — тусклый свет Мошки и космически-черные тени, случайные вспышки искусственного света и их отражения от изогнутой металлической поверхности. Перспектива была совсем плохой, и это вызвало у Сэлли головную боль.

— Я все удивляюсь, где они берут металл, — сказал Уайтбрид. Он сидел рядом с ней, как делал обычно, когда они занимались совместной работой. — На борту корабля нет ничего лишнего — как не было тогда, когда я прибыл сюда впервые, так нет и сейчас. Они должны бы разрывать свой корабль на части.

— Может, так оно и есть, — сказал Хорват.

Они собрались вокруг главного иллюминатора после обеда, с грушами, наполненными чаем или кофе в руках. Мошкиты стали любителями чая и шоколада, но зато кофе их желудки не выносили. Человек, мошкита, человек, мошкита… они расселись вокруг иллюминатора на скамьях, похожих формой на лошадей: финч'клик' переняли манеру людей ориентироваться в одном направлении.

— Смотрите, как быстро они работают, — сказала Сэлли. — Мост, кажется, растет у нас на глазах. — И снова ее глаза попробовали пересечь-

ся. Это было так, как если бы множество мошкит работали одна за другой. — Та, с оранжевыми полосками, должна быть коричневым. Похоже, она старшая, верно?

— Но она еще и делает большую часть работы, — сказал Синклер.

— Это вызывает странное чувство, — заметил Харди. — Если она знает достаточно, чтобы отдавать приказы, она должна уметь делать эту работу лучше любого другого, не так ли? — он потер глаза. — Кажется мне, или некоторые из этих мошкитов меньше, чем другие?

— Так оно и есть, — сказала Сэлли.

Уайтбрид пригляделся к строителям моста. Казалось, что большинство мошкитов работают далеко ЗА кораблем чужаков — пока трое из них не оказались прямо перед людьми. Осторожно подбирая слова, он сказал:

— Кто-нибудь пытался разглядывать их в телескоп? Лафферти, настройте его для нас, хорошо?

На экране телескопа все выглядело шокирующе ясно. Некоторые из этих рабочих мошкитов были крошечными, достаточно маленькими, чтобы пролезть в любую щель. И у каждого было по четыре руки.

— И часто вы используете этих существ как

рабочих? — спросила Сэлли свою финч'клик'.

— Да. Мы находим их очень полезными. А разве нет… таких… существ на вашем корабле? — чужак казался удивленным. Сэлли уже заметила, что наиболее частым чувством, выражаемым мошкитами, было удивление людьми. — Вы думаете, что Род будет встревожен?

— Но кто они такие, — расспрашивала Сэлли, не обратив внимания на вопрос мошкиты.

— Они… рабочие, — ответила мошкита. — Полезные животные… Вас удивило, что они маленькие? Значит, ваши большие?

— О, да, — рассеянно ответила Сэлли и посмотрела на остальных. — Думаю, что нужно пойти взглянуть на этих… животных… поближе. Кто-нибудь идет со мной?

Но Уайтбрид уже залезал в свой скафандр, и то же самое делали остальные.

— Финч'клик', — сказал чужак.

— Боже всемогущий! — взорвался Род. — Они уже дают вам отвечать на вызов?

Чужак говорил медленно, заботясь о произношении. Ее грамматика была несовершенна, но знание идиом и происшедшие изменения поражали каждый раз, когда она говорила.

— Почему бы и нет? Я говорю достаточно

хорошо. Я могу запомнить сообщение. Я могу пользоваться рекордером. У меня мало дел, когда вас нет.

— Этому я помочь не могу.

— Я знаю, — с некоторым самодовольством чужак добавила: — Я испугала рядового.

— О, зубы Господа, вы испугали меня. Кто-нибудь есть рядом?

— Рулевой Лафферти. Все остальные люди отсутствуют. Они отправились взглянуть на... туннель. Когда он будет закончен, рядовым не придется ходить с ними, когда они захотят посетить другой корабль. Могу ли я передать сообщение?

— Нет, спасибо. Я вызову еще раз.

— Сэлли должна скоро вернуться, — сказала мошкита Блейна. — Как ваши дела? Как дела на корабле?

— Достаточно хорошо.

— Вы всегда так осторожно говорите о корабле. Может, я коснулась секретов Военного Флота? Меня интересует не корабль, Род. Я ваша финч'клик'. Это значит гораздо больше, чем просто гид, — мошкита сделал странный жест. Род видел раньше, что она делала его, когда ей мешали или досаждали.

— Кстати, что делает финч'клик'?

— Я назначена к вам. Вы являетесь программой, хозяином работы. Я изучаю все, что можно узнать о вас. Я становлюсь экспертом по вам, Мой Лорд Родерик Блейн, а вы становитесь полем деятельности для меня. Меня интересует не ваш огромный, грубый, плохо спроектированный корабль, а ваше отношение к этому кораблю и людям на его борту, степень вашего контроля над ним, ваша заинтересованность в его благополучии и так далее.

Как среагирует на это Кутузов? Прервет контакт? Дьявольщина…

— Никому не нравится, когда его изучают. Любой почувствует неудобство, если его будут так изучать.

— Мы предполагали, что вы так отнесетесь к этому. Но, Род, ведь вы здесь, чтобы изучать нас, не так ли? Значит, мы имеем право изучать вас.

— Да, вы имеете на это право, — голос Рода звучал жестко, независимо от его желания. — Но если кто-то приходит в затруднение, когда вы говорите с ним, на это, вероятно, есть причина.

— Черт побери, — сказала мошкита Блейна, — вы первые разумные существа, которых мы когда-либо встретили, и которые не являются

нашими родственниками. Почему вы считаете, что с нами вам должно быть удобно? — она потерла плоский центр своего лица верхней правой рукой, затем опустила ее, как будто в затруднении. Это был тот же жест, который она сделала недавно.

Потом из-за ее спины донесся шум, и мошкита Блейна сказала:

— Подождите минутку. О'кей, это Сэлли и Уайтбрид, — ее голос стал высоким. — Сэлли? На экране капитан, — она соскользнула со стула, и на него села Сэлли Фаулер. Когда она заговорила, улыбка ее казалась натянутой.

— Хэлло, капитан. Что нового?

— Дела, как обычно. Когда это, наконец, кончится?

— Род, вы выглядите возбужденным. Это странное переживание, не так ли? Не беспокойтесь, она не может слышать нас сейчас.

— Хорошо. Я не уверен, что мне понравится чужак, читающий мои мысли. Впрочем, не думаю, чтобы она действительно это делала.

— Они говорят, что нет. И иногда они плохо угадывают, — она провела рукой по волосам, которые были в беспорядке, вероятно, из-за того, что она только что сняла шлем скафандра. — Очень

плохо. Финч'клик' командора Синклера поначалу не разговаривала с ним. Они думали, что он Коричневый; помните тип ученого-идиота? Как у вас дела с малышами?

Это был вопрос, которого оба они научились избегать, и Род удивился, почему она подняла его сейчас.

— Пропавшие все еще не найдены. Никаких следов. Может, они даже умерли, а мы все не можем их найти. Но у нас еще остался один. Сэлли, я думаю, вам нужно взглянуть на него, когда вы в следующий раз вернетесь. Может, он болен.

Сэлли кивнула.

— Я вернусь завтра. Род, вы не наблюдаете за рабочими отрядами чужаков?

— Не особенно. Воздушный мост выглядит уже почти законченным.

— Да… Род, они используют для работы дрессированных малышей.

Род тупо уставился на нее.

В глазах Сэлли вспыхнуло беспокойство.

— Дрессированные малыши. В космических скафандрах. Мы не знали, что они были у них на борту. Мне кажется, что они застенчивы и прячутся, когда на корабле есть люди. Но это только животные — мы спрашивали.

— Животные… — О, мой бог. Что скажет Кутузов? — Сэлли, это очень важно. Можете вы вернуться сегодня ночью и кратко рассказать мне все? Вы и все, кто что-либо знает об этом?

— Хорошо. Командор Синклер наблюдает за ними сейчас. Род, это действительно фантастично, насколько хорошо дрессированы эти животные. Они могут пролезть в места, где требуются соединительные инструменты и глаза шпионов.

— Представляю. Сэлли, скажите мне правду. Есть хотя бы малейший шанс, что эти малыши разумны?

— Нет. Они просто дрессированы.

— Просто дрессированы… — и если на борту «Мак-Артура» есть хоть один живой, он изучит корабль от носа до кормы. — Сэлли, есть хотя бы малейший шанс, что кто-то из чужаков может сейчас слышать меня?

— Нет. Я пользуюсь ушными телефонами, кроме того, мы не позволяем им работать на нашем снаряжении.

— Потому что вы знаете. Сейчас слушайте внимательно, а потом я хочу поговорить лично с каждым человеком на катере, по одному за раз. Кто-нибудь из вас говорил что-то — все равно что — о малышах, затерявшихся на борту «Мак-

Артура»?

— Н-нет. Вы же предупреждали не делать этого, капитан, помните? Род, что в этом плохого?

Что в этом плохого…

— Ради всего святого, не говорите ничего об этих пропавших малышах. Я скажу это и другим, когда вызову их к себе. И я хочу видеть всех вас — за исключением, пожалуй, команды катера — сегодня ночью. На этот раз мы объединим свои знания о мошкитах, потому что завтра утром я должен докладывать адмиралу, — он был бледен. — Полагаю, что смогу ждать до этого времени.

— Ну, конечно, можете, — сказала она и очаровательно улыбнулась, но это подействовало слабо. Никогда прежде она не видела Рода таким обеспокоенным, и это сбивало ее с толку. — Мы будем у вас в час. Сейчас я позову мистера Уайтбрида, и, пожалуйста, Род, не беспокойтесь.

ДОМОВЫЕ

Офицерская кают-кампания «Мак-Артура» была переполнена. Все места за главным столом были заняты офицерами и учеными, а остальные толкались за их спинами. Пока стюарды проталкивались сквозь толпу, связисты устанавливали на одной из переборок большой экран. Все, за исключением Сэлли, беззаботно переговаривались. Она помнила встревоженное лицо Рода Блейна и не могла радоваться вместе со всеми этой встрече.

Офицеры и рядовые встали, когда в кают-кампанию вошел Род. Кое-кто из гражданских тоже встал, остальные сделали вид, что не замечают капитана, а несколько человек, взглянув на него, отвели глаза в сторону, пользуясь своим гражданским статусом. Заняв свое место во главе стола, Род буркнул: «Вольно», — затем осторожно сел. Сэлли подумала, что выглядит он даже более встревоженным, чем вчера.

— Келли!

— Да, сэр?

— Эта комната безопасна?

— Настолько, насколько мы смогли добиться

этого, сэр. Четыре поста снаружи, и я слежу за работающими каналами.

— Что это значит? — требовательно спросил Хорват. — Почему вы решили, что нужно принимать меры предосторожности?

— Не сейчас, доктор, — Род посмотрел на министра по науке взглядом, в котором были и приказ, и защита. — Должен сказать вам, что все, обсуждаемое здесь, классифицируется как «совершенно секретное». Все из вас читали Имперские Правила, раскрывающие классификацию информации?

Все утвердительно закивали. Веселое настроение вдруг исчезло.

— Ни одного не читавшего? Тогда позвольте мне записать это. Доктор Хорват, три часа назад мне сообщили, что малыши являются отлично дрессированными животными, способными выполнять под присмотром техническую работу. Это верно?

— Да. Конечно. Это было так неожиданно, скажу я вам! Значение этого огромно: насколько мы сумели изучить их, они могут невероятно увеличить наши способности.

Род рассеянно кивнул.

— Есть хотя бы один шанс, что мы могли узнать

это раньше? Что кто-нибудь знал это? Кто-нибудь из вас?

Раздалось сконфуженное бормотание, но никто не ответил. Род продолжал:

— Позвольте записать, что такого не было.

— Что значит эта запись, о которой вы говорите? — спросил Хорват.

— И почему вы так беспокоитесь об этом?

— Доктор Хорват, эта беседа будет записана и должным образом засвидетельствована, чтобы при необходимости служить доказательством в военном трибунале. Вполне возможно, что судить будут меня. Это вам понятно?

— Что… О, небеса! — задохнулась Сэлли. — Судить военным трибуналом? Вас? Почему?

— Может быть предъявлено обвинение в измене, — сказал Род. — Как я вижу, большинство офицеров не удивлены. Моя леди, джентльмены, мы получили строгие приказы от самого вице-короля не выдавать никакой военной технологии Империи, а особенно защищать от осмотра мошкитов Олдерсон Драйв и Поле Лэнгстона. За прошедшие недели животные, способные изучить эту технологию и, вполне возможно, передать другим мошкитам, свободно разгуливали по кораблю. Теперь вы понимаете?

— Понимаю, — Хорват не выказал никаких признаков беспокойства, но лицо его стало задумчивым. — И вы обезопасили эту комнату… Вы действительно верите, что малыши могут понимать, о чем мы говорим?

Род пожал плечами.

— Я думаю, что, возможно, они могут запоминать разговоры и повторять их. Но живы ли еще эти малыши? Келли?

— Сэр, за последние недели нет никаких их следов. Никаких рейдов за пищевыми запасами. Хорьки до сих пор не принесли ни одного, но мышей давят. Думаю, эти бестии погибли, капитан.

Блейн потер свой нос, затем быстро вскинул руку.

— Канонир, вы когда-нибудь слышали на борту этого корабля о «Домовых»?

Лицо Келли не выразило удивления. Оно вообще ничего не выражало.

— Домовые, капитан?

— Род, вы что, сошли с ума? — ляпнула Сэлли. Все посмотрели на нее, и некоторые взгляды были далеко не дружелюбными. Ого, подумала она, куда это я лезу? Кое-кто из них знает, о чем он говорит.

— Я сказал «Домовые», Келли. Вы когда-нибудь

слышали о них?

— Неофициально, капитан. Я говорил с некоторыми космонавтами, которые за последнее время поверили в маленький народец. По-моему, вреда от этого нет. — Однако, Келли выглядел смущенным. Он слышал об этом и не доложил, а сейчас капитан, его капитан, мог иметь из-за этого неприятности…

— Кто-нибудь еще? — спросил Род.

— Э… сэр…

Роду пришлось постараться, чтобы увидеть говорящего. Гардемарин Поттер находился у дальней стены, почти скрытый двумя биологами.

— Да, мистер Поттер?

— Некоторые из членов моей наблюдательной секции, капитан… они говорят, что если оставить немного пищи — зерна, крупы, остатки еды, что угодно — в коридоре или под своей кроватью вместе с чем-то что можно исправить, то это будет исправлено, — Поттеру явно было неудобно. Он явно думал, что рассказывает чепуху. — Один из моих людей называл их Домовыми. Я думал, что это шутка.

После Поттера заговорили сразу дюжина других, даже некоторые из ученых. Микроскопы, фокусировка у которых была превосходила луч-

шие образцы кампании «Лейка Оптикал». Лампа ручной работы в биологической секции. Сапоги и туфли, подогнанные к ногам. Род осмотрел один из них.

— Келли, у скольких ваших людей оружие индивидуализировано, подобно вашему и мистера Реннера?

— Э… я не знаю, сэр.

— Я вижу одно из них здесь. Полизавский, как вы получили это оружие?

Звездный пехотинец начал заикаться. Он явно не привык разговаривать с офицерами, тем более с капитаном, и особенно — с капитаном в плохом настроении.

— Я… э… я, сэр, оставил свое оружие и пакетик жареной кукурузы под своей койкой, а на следующее утро все было сделано, сэр. Точно так, как говорили другие.

— А вы не подумали, что это достаточно необычно, чтобы обратиться к канониру Келли?

— Э… сэр… э… мы с другими думали, что надо… э… но Старджон рассказал о галлюцинациях в космосе, и мы… э…

— Кроме того, доложи вы об этом, я мог бы прекратить все это дело,

— закончил за него Род. Будь оно все проклято!

Как он теперь будет объяснять все это? Он был занят, слишком занят, улаживая ссоры из-за пустяков между учеными… Однако, факт налицо. Он запустил свои обязанности, и каков же результат?

— Не слишком ли серьезно вы воспринимаете это, капитан? — спросил Хорват. — В конце концов, приказы Вице-Короля были получены, когда мы ничего не знали о мошкитах. Сейчас же мы видим, что они не опасны и вовсе не враждебны нам.

— Вы полагаете, доктор, что мы можем отменить Имперскую Директиву?

Хорват усмехнулся.

— О, нет, — сказал он. — Такого у меня и в мыслях не было. Я только полагаю, что если — а точнее, «когда», потому что это неизбежно, — эта политика изменится, все это будет выглядеть глупыми пустяками, капитан Блейн. Детским лепетом.

— Будьте вы прокляты! — взорвался Синклер. — Так нельзя говорить с капитаном!

— Полегче, Сэнди, — воскликнул первый лейтенант Каргилл. — Доктор Хорват, полагаю, вы никогда не принадлежали к военной интеллигенции? Ну, конечно, нет. Но, видите ли, в своей

работе мы опираемся на возможности, а не на цели. Если потенциальный враг может что-то сделать с вами, вы должны готовиться к этому, независимо от того, что вы думаете о его желаниях.

— Вот именно, — сказал Род. Он был рад этому вмешательству. Синклер все время злился на своем конце стола, и требовалось совсем немного, чтобы он снова взорвался. — Поэтому прежде всего мы хотим определить потенциальные возможности малышей. Из того, что я видел на сооружении воздушного шлюза, плюс сведения, собранные о «Домовых», следует, что они довольно высоки.

— Но они же только животные, — напомнила Сэлли. Она смотрела на злящегося Синклера, на сардонически улыбающегося Хорвата и на встревоженное лицо Рода. — Вы не понимаете… Эти занятия с инструментами… да, они делают это хорошо, но это не разум. Их головы слишком малы. Большая часть мозговой ткани у них используется для работы с инструментами, и на большее они не способны. У них практически нет ни обоняния, ни вкуса. Они очень близоруки, и их способности к языкам меньше даже, чем у шимпанзе. Они хорошо воспринимают космос и

поддаются дрессировке, но они не изготовляют инструменты, они только исправляю или изменяют вещи.

— А как они могут шпионить за нами? — продолжала Сэлли. — Этому их никто не мог научить. Их вывели случайно у себя на родине, — она взглянула на окружающие ее лица, пытаясь определить, убедила ли их.

— Вы действительно верите, что сбежавшие малыши еще живы? — голос был сердечный, слегка окрашенный акцентом Новой Шотландии. Род посмотрел на доктора Блевинса, колониального ветеринара, призванного в экспедицию. — Мой собственный малыш умер, капитан. И я ничего не смог сделать. Общее отравление, ухудшение деятельности желез — эти симптомы похожи на обыкновенную старость.

Блейн медленно покачал головой.

— Хотел бы я думать так, док, но по кораблю ходит слишком много историй о Домовых. Прежде, чем собрать вас, я поговорил с некоторыми начальниками, и на всех палубах одно и то же. Никто не хотел докладывать об этом, поскольку, во-первых, мы решили бы, что они сошли с ума, а, во-вторых, Домовые были слишком полезны, чтобы рисковать потерять их. Так вот, во всех

историях из ирландского фольклора канонира Келли на военных кораблях никогда не было никакого маленького народца. Это и есть те самые малыши.

Воцарилась долгая тишина.

— И все-таки, какой вред они причиняют? — спросил Хорват. — Я думаю, что несколько Домовых — это ценное приобретение, капитан.

— Ха! — это замечание Рода не нуждалось в комментариях. — Вред или польза, но сразу после этого собрания мы будем стерилизовать корабль. Синклер, вы подготовите к эвакуации ангарную палубу.

— Да, капитан.

— Тогда займитесь этим. Откройте ее в пространство и проверьте, чтобы были открыты все отсеки. Я хочу, чтобы ангарная палуба стала безжизненной. Командор Каргилл, проследите, чтобы вахтенные были в боевых доспехах. Только в своих боевых доспехах, Номер Первый! Остальные пусть думают, какое оборудование нельзя оставлять в вакууме. Когда с ангарной палубой будет закончено, звездные пехотинцы Келли помогут вам перенести его туда, а затем мы разгерметизируем остальную часть корабля. Мы должны покончить с Домовыми раз и навсегда.

— Но…

— Эй, это же глупо…

— Мои культуры погибнут…

— Проклятие, везде эти военные ублюдки…

— Он может сделать это?…

— Слушаюсь, капитан!

— Какого черта он думает, что он…

— Молчать! — рев Келли перекрыл все разговоры.

— Капитан, вы действительно будете настолько безжалостны? — спросила Сэлли.

Он пожал плечами.

— Я думаю, что они достаточно умны. А что делать? Если я не прикажу сделать это, такой приказ отдаст адмирал. Кстати, все согласны, что малыши не являются шпионами?

— Это незачем и обсуждать, — сказал Реннер. — Однако, капитан, вам известно о случае с карманным компьютером?

— Нет.

— Большой мошкит разобрал карманный компьютер мисс Фаулер на части, а потом собрал его снова. И тот работает!

— Ага, — лицо Рода было угрюмо. — Но это был большой коричневый мошкит.

— Который может говорить с маленькими.

Именно он заставил малышей отдать часы мистеру Бари, — сказал Реннер.

— Я поднял экипаж по тревоге, капитан, — доложил Каргилл, стоя у интеркома кают-кампании. — Я никому ничего не объяснял, и они думают, что это тренировка.

— Хорошо придумано, Джек. У кого есть какие-нибудь возражения против уничтожения этих паразитов? Большой мошкит делает то же самое, и, если, как вы говорите, они только животные, их должно быть гораздо больше, чем Коричневых. Вряд ли мы хоть сколько расстроим его. Как вы считаете?

— Пожалуй, н-нет, — сказала Сэлли, — но…

Род решительно покачал головой.

— Есть множество причин, чтобы уничтожить, и я не услышал ни одной за их сохранение. Значит, мы можем принять это решение.

Хорват покачал головой.

— Но это так жестоко, капитан. Как, по-вашему, что мы защищаем?

— Разумеется, Олдерсон Драйв, а косвенно всю Империю. Однако, главным образом, Олдерсон Драйв, — серьезно сказал Каргилл. — И не спрашивайте меня, почему я считаю, что Империя нуждается в защите от мошкитов. Я не знаю, но я

собираюсь делать это.

— Вы не можете защитить Драйв. Они уже получили его, — заявил вдруг Реннер, а когда все присутствующие в комнате повернулись к нему, криво улыбнулся.

— Что?! — воскликнул Род. — Как?

— Кто эти проклятые изменники? — требовательно спросил Синклер. — Имена этих подонков!

— Держи-хватай! Прекратите немедленно! — потребовал Реннер. — У них уже есть Драйв, капитан. Я узнал об этом час назад. Все это записано, и вы можете это увидеть, — он встал и направился к большому экрану. По нему побежали изображения, пока Реннер не нашел место, которое искал. Затем он повернулся к смотревшим на него людям.

— Как приятно быть центром внимания, — сказал Реннер, как будто не замечая яростного взгляда Рода. — Это запись разговора между моей мошкитой и мной. Я постараюсь показать вам обе стороны, участвующие в разговоре, — он коснулся переключателя, и экран ожил: Реннер на мостике «Мак-Артура» и его финч'клик' в посольском корабле мошкитов. Реннер прокручивал это с большой скоростью, пока не нашел то место,

которое искал.

— Вы могли прийти откуда угодно, — сказала мошкита Реннера. — Правда, наиболее вероятно, что вы пришли с ближайшей звезды, скажем… впрочем, я могу показать ее, — за спиной мошкиты по экрану побежали изображения звездного неба: экран на экране. Затем она вытянула вперед верхнюю правую руку. Звезда была Новой Каледонией. — Судя по тому, где вы появились, мы знаем, что у вас есть мгновенный двигатель.

Реннер на экране шагнул вперед.

— Где мы появились?

— Да. Вы появились в… — казалось, что мошкита ищет подходящее слово, однако, потом она отказалась от этого. — Реннер, я должна рассказать вам о существе из легенды.

— Так расскажите, — Реннер на экране маленькими глотками пил кофе.

— Если позволите, мы будем называть его Безумным Эдди. Он… иногда он бывает вроде меня, а иногда бывает, как Коричневый, ученый-идиот. И всегда он совершает плохие поступки, руководствуясь высшими целями. Он делает одно и то же снова и снова, и всегда это ведет к несчастью, но он никак не научится.

В офицерской кают-кампании послышался

шепот, а Реннер на экране сказал:

— Например?

Мошкита Реннера на мгновение задумалась, затем произнесла:

— Когда город переполнен так, что ему грозит опасность немедленного коллапса… когда пища и чистая вода поступают в город в количестве, достаточном лишь для того, чтобы накормить всех, и все должны постоянно работать, чтобы поддержать такое состояние… когда все коммуникации заняты перевозкой жизненно необходимых товаров, и никто не перевозит людей… это значит, что Безумный Эдди возглавил забастовку мусорщиков за лучшие условия работы.

В кают-кампании послышался смех. Реннер на экране усмехнулся и сказал:

— Я думаю, что знаю этого джентльмена. Продолжайте.

— Это двигатель Безумного Эдди. Он заставляет корабли исчезать.

— Замечательно.

— Теоретически это должно быть двигателем мгновенного перемещения, ключом ко всей Вселенной, а на практике это заставляет корабли исчезать навсегда. Этот двигатель изобретали, строили и испытывали много раз, и всегда ко-

рабли исчезали навсегда со всеми, кто был на их борту, но только в том случае, если вы пользовались им как было надо. Корабль должен был находиться в нужном месте, которое довольно трудно обнаружить, а машины его должны были действовать точном соответствии с теорией. Иначе не происходило вообще ничего.

Оба Реннера рассмеялись.

— Понимаю. И мы появились в этой точке, точке Безумного Эдди. Из этого вы сделали вывод, что мы раскрыли секрет двигателя Безумного Эдди.

— Вы сделали это.

Губы чужака раздвинулись в подобие человеческой улыбки… Реннер долго смотрел на него, прежде чем отвернуться.

Долго все молчали, потом Синклер заговорил.

— Что ж, это достаточно ясно, не так ли? У них есть Олдерсон Драйв, но нет Поля Лэнгстона.

— Почему вы так решили, командор Синклер? — спросил Хорват. Кто-то попытался объяснить ему, но этот голос перекрыл рев главного инженера.

— Корабли этих тварей исчезали, но только в строго определенном месте, верно? Значит, у них есть Драйв. Но они никогда не видели, чтобы корабли возвращались назад, потому что они

выходили в обычное пространство вон в той красной звезде. Это совершенно ясно.

— О! — Хорват печально кивнул. — Безо всякой защиты… В конце концов, это находится внутри звезды, верно?

Сэлли содрогнулась.

— И ваша мошкита говорила, что они делали это часто, — она снова вздрогнула, потом сказала: — Но, мистер Реннер, никто из других мошкитов не говорил об астронавигации или чем-то подобном. Мне рассказывали о «Безумном Эдди» как о персонаже давно минувших времен.

— А мне говорили о Безумном Эдди как об инженере, использовавшем завтрашние знания для решения сегодняшних проблем, — буркнул Синклер.

— Что-нибудь еще? — спросил Род.

— Ну, что ж, — священник Харди, казалось, находился в затруднительном положении. Его полное лицо было красным, как свекла. — Моя мошкита говорила, что безумный Эдди основал религию. Жуткую, очень логичную и невероятно неподходящую религию.

— Довольно, — сказал Род. — Похоже, я единственный, чья мошкита никогда не упоминала Безумного Эдди, — он задумался. — В общем, по-

лагаю, можно согласиться, что у мошкитов есть Драйв, но нет Поля?

Все кивнули. Хорват почесал свое ухо, потом сказал:

— Я вспомнил сейчас историю открытия Лэнгстона, и меня вовсе не удивляет, что у мошкитов нет Поля. Меня удивляет, что они имеют даже Драйв, хотя его принципы можно вывести из астрофизических наблюдений. А Поле было чисто случайным изобретением.

— Допустим, что они знают о его существовании. Что тогда? — спросил Род.

— Тогда… я не знаю, — сказал Хорват.

В комнате воцарилась тишина. Полная тишина. Потом послышался шепот, а Сэлли рассмеялась.

— Вы смотрите на это так смертельно серьезно, — сказала она. — Допустим, что у них есть и Драйв и Поле. Здесь есть только одна планета, полная мошкитов. Они не враждебны к нам, да даже если бы и были, вы действительно думаете, что они могут угрожать Империи? Капитан, что может сделать «Ленин» с планетой мошкитов прямо сейчас и в одиночку, если прикажет адмирал Кутузов?

Напряжение спало, и все заулыбались. Конечно, она была права. У мошкитов даже не было

военных кораблей. Они не имели Поля, да даже если бы и придумали его, как они могли научиться тактике ведения космической войны? Бедные мирные мошкиты, что они могли противопоставить Империи Человека?

Так думали все, за исключением Каргилла. Он вовсе не улыбался, когда вполне серьезно сказал:

— Этого я не знаю, моя леди. А хотел бы знать.

Гораций Бари не был приглашен на это совещание, хотя и знал о нем. Когда оно еще продолжалось, к его каюте подошел звездный пехотинец и вежливо, но очень решительно увел его с собой. Охранник не говорил, куда он ведет Бари, и было ясно, то он и сам этого не знает.

— Канонир сказал оставаться с вами и быть готовым забрать вас туда, где будут остальные, мистер Бари.

Бари внимательно изучал этого человека. Что может он сделать за сотню тысяч крон? Впрочем, пока в этом не было нужды. Не сейчас. Наверняка, Блейн не собирался расстреливать его. На мгновение Бари испугался. Может, они заставили Стоуна заговорить, и теперь возвращаются на Нью-Чикаго?

О, Аллах, никто не застрахован… Впрочем, это абсурд. Даже если Стоун рассказал все, не было и

не могло быть никакого имперского сообщения для «Мак-Артура». Они были отрезаны от Империи так же надежно, как и мошкиты.

— Значит, вы должны оставаться со мной? А ваш офицер говорил, куда я должен идти?

— Но это не сейчас, мистер Бари.

— Тогда отведите меня в лабораторию доктора Бакмена. — А почему бы и нет? Там нам обоим будет более удобно.

Рядовой подумал и сказал:

— Хорошо, идемте.

Бари нашел своего друга в плохом настроении.

— Собираю все, что не может оставаться в глубоком вакууме, — буркнул Бакмен. — Приказано подготовить все для переноса. Никаких объяснений, просто сделать это, — он продолжал упаковывать приборы, а вдоль стен уже стояло множество ящиков и больших пластиковых мешков.

Тревога Бари прорвалась наружу. Бессмысленные приказы, охрана у дверей… он снова почувствовал себя пленником. Глядя на него, и Бакмен растерял свое спокойствие. В конце концов астрофизик плюхнулся на стул и взял чашку кофе.

— Выглядите вы не очень хорошо, — сказал

он. — Много дел?

— На этом корабле дел для меня практически нет, — Бари говорил спокойно, и это потребовало от него полнейшего самоконтроля. — Почему вы должны готовиться здесь к глубокому вакууму?

— Ха! Я не знаю. Я просто делаю это. Пытался вызвать капитана, но он на конференции. Пытался пожаловаться Хорвату, но и тот на конференции! Если их нет на месте, когда они нужны вам, зачем они вообще нужны?!

Из коридора донеслись какие-то звуки: похоже, тащили что-то тяжелое. Что же происходило на корабле? Время от времени они эвакуировали корабль, чтобы избавиться от крыс…

Так вот оно что! Они хотели уничтожить малышей! Слава Аллаху, он вовремя начал действовать. Бари облегченно улыбнулся. Он был более высокого мнения о ценности малышей, после того, как однажды ночью оставил коробку пахлавы у открытой лицевой пластины своего космического скафандра.

Повернувшись к Бакмену, он сказал:

— Вы уже разобрались с троянскими точками?

Бакмен удивленно взглянул на него, потом рассмеялся.

— Бари, я не думаю об этой проблеме уже месяц.

Мы изучали Угольный Мешок.

— Да?

— Мы обнаружили в нем какую-то массу… возможно, протозвезду. И источник инфракрасного излучения. Узоры сечения в Угольном Мешке фантастичны. Как если бы газ и пыль были вискозой… разумеется, это дело магнитных полей. Мы получили удивительные данные о динамике пылевого облака. Когда я думаю о времени, потраченном на эти астероиды троянских точек… до чего же тривиальна эта проблема!

— Продолжайте, Бакмен. Не оставляйте меня в неведении.

— Что? Тогда я покажу вам, — Бакмен подошел к интеркому и набрал какой-то номер.

Ничего не произошло.

— Вот те раз! Какой-то идиот наложил на это ограничение, Бакмен закрыл глаза, вспоминая другой номер. На экране появились фотографии.

— Ну, вот, наконец-то!

Астероиды носились по экрану, снимки расплывались и дергались. Некоторые были перекошены, некоторые почти сферические, многие были испещрены кратерами.

— Прошу прощения за качество. Ближайшие Троянцы находятся довольно далеко… к тому же,

все это требует времени и доступа к телескопам «Мак-Артура». Вы поняли, что мы обнаружили?

— Не совсем. Хотя… — на всех астероидах имелись кратеры. По крайней мере, один. Три длинных, узких астероида в ряд… и на каждом глубокий кратер с одного конца. Один астероид имел форму, близкую к ореху кешью, и кратер был внутри его кривизны. Каждый астероид в этом ряду имел большой глубокий кратер, и всегда линия, проходящая через его центр, проходила и через центр тяжести астероида.

Бари почувствовал страх и, чтобы дать ему выход, рассмеялся.

— Да, я понял. Вы обнаружили, что все эти астероиды собраны в это место искусственно. Поэтому вы потеряли к ним интерес.

— Разумеется. Когда я думаю, что надеялся открыть какие-то новые количественные законы… — Бакмен пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Полагаю, вы никому не говорили этого?

— Я поговорил с доктором Хорватом. Как вы думаете, это он ограничил доступ к этому?

— Это вполне возможно. Бакмен, сколько, по-вашему, нужно энергии, чтобы сдвинуть с места такую глыбу?

— Этого я не знаю. Вероятно, много. Фактиче-

ски… — его глаза вспыхнули. — Это интересная проблема. Я дам вам знать после того, как кончится этот идиотизм, — и он вновь вернулся к своим механизмам.

Бари сел, где стоял, глядя в никуда. Только теперь он начал дрожать.

МОШКИТА КАПИТАНА

— Я ценю вашу заботу о безопасности Империи, адмирал, — сказал Хорват, кивая фигуре, видневшейся на экране мостика «Мак-Артура». — И это действительно так. Однако, фактом остается то, что мы либо принимает предложение мошкитов, либо нам нужно отправляться домой. Ничего больше мы здесь не узнаем.

— А вы, Блейн? Вы согласны с этим? — выражение лица адмирала Кутузова не изменилось.

Род пожал плечами.

— Сэр, я принимаю совет ученых, а они говорят, что мы получили все, что могли получить с такого расстояния.

— Значит, вы хотите вести «Мак-Артур» на орбиту вокруг планеты Мошки? Это вы нам рекомендуете? Это мы должны записать?

— Да, сэр. Или это, или нам надо идти домой, а я не думаю, что мы узнали о мошкитов достаточно, чтобы просто уйти.

Кутузов глубоко вздохнул и сжал губы.

— Адмирал, — напомнил ему Хорват, — у вас есть ваша работа, а у меня моя. Конечно, это хорошо — защищать Империю от какой-то во-

образимой угрозы со стороны мошкитов, но я должен получить все возможное от их науки и технологии. А это, уверяю вас, вовсе не тривиально. Они так далеко продвинулись в некоторых вопросах, что я… у меня просто нет слов для описания всего этого.

— Вот именно, — Кутузов подчеркивал свои слова, стуча стиснутым кулаком по подлокотнику командирского кресла. — Их технология опередила нашу. Они говорят на нашем языке, а по вашим словам, мы никогда не будем говорить на их. Они знают об эффекте Олдерсона, а теперь знают и о существовании Поля Лэнгстона. Возможно, доктор Хорват, нам нужно идти домой. Прямо сейчас.

— Но… — начал Хорват.

— И еще, — продолжал Кутузов. — Мне не хочется воевать с этими мошкитами, почти ничего о них не зная. Как защищена их планета? Кто управляет ими? Я заметил, что за все время работы вы не смогли ответить на этот вопрос. Вы даже не знаете, кто командует этим их кораблем.

— Верно, — энергично кивнул Хорват. — Это очень странное положение. Иногда я искренне верю, что у них нет командира, но с другой стороны, похоже, они время от времени возвращаются

на корабль за инструкциями… И потом еще этот вопрос с полом.

— Вы что, шутите со мной, доктор?

— Нет, нет, — раздраженно сказал Хорват. — Это абсолютно точно. Все Коричнево-белые в момент прибытия сюда были самками. Кроме того, коричневая самка забеременела и родила детеныша. Сейчас она самец.

— Я знаю об изменении пола у чужаков. Возможно, один Коричнево-белый был самцом незадолго до прибытия корабля сюда?

— Мы думали об этом. Однако, более вероятным кажется, что Коричнево-белые не размножаются, поскольку популяция переполнена. Они все остаются самками… они могут даже быть мулами, поскольку Коричневый является матерью одного из них. Перекрестное спаривание между Коричневым и кем-то еще? Тогда это указывает на кого-то еще, находящегося на борту посольского корабля.

— Они привезли с собой адмирала, — уверенно сказал Кутузов. — Так, как делаем мы. Я знаю это. Что вы говорили им, когда они спрашивали обо мне?

Род услышал фырканье за своей спиной и подумал, что Кевин Реннер задыхается.

— По возможности мало, сэр, — ответил Род. — Только то, что мы подчиняемся приказам с «Ленина». Не думаю, чтобы они знали ваше имя или же об одном человеке идет речь или о целом совете.

— Вот именно, — адмирал почти улыбался. — Точно то же вы знаете об их командире, верно? Смотрите, они доставили на своем корабле адмирала, и он решил, что нужно заманить вас ближе к планете. Сейчас передо мной стоит вопрос: больше ли я узнаю, отпустив вас туда, чем он, заполучив вас к себе?

Хорват отвернулся от экрана и послал умоляющий взгляд Небесам, Их Чудесам и Всем Святым. «Ну как можно иметь дело с таким человеком?» — спрашивал его взгляд.

— Никаких следов маленьких мошкитов? — спросил Кутузов. — Есть ли еще Домовые на борту линейного крейсера Его Императорского Величества «Мак-Артур»?

Род вздрогнул от сарказма этих слов.

— Нет, сэр. Мы освободили ангарную палубу и открыли все помещения в пространство. Затем я собрал всех пассажиров «Мак-Артура» и его экипаж на ангарную палубу и открыл весь корабль. Мы окуривали комнаты цитогеном, продули

окисью углерода все проходы, затем открыли их в космос, а после возвращения с ангарной палубы проделали обработку по второму разу. Малыши мертвы, адмирал. Мы нашли их тела. Их было двадцать четыре, хотя до вчерашнего дня мы не видели ни одного. Они достигают зрелости через три недели…

— Значит, от домовых не осталось ни следа? А мыши?

— Нет, сэр. Крысы, мыши и мошкиты — все мертвы. И даже тот малыш, который оставался в клетке, тоже умер, сэр. Ветеринар полагает, что от старости.

Кутузов кивнул.

— Итак, эта проблема решена. А что со взрослым чужаком, находящимся у вас на борту?

— Он болен, — сказал Блейн. — Симптомы те же, что у малыша.

— Да, еще один вопрос, — быстро сказал Хорват. — Я хотел спросить у мошкитов, что можно сделать для больного шахтера, но Блейн не позволил мне этого без вашего разрешения.

Адмирал потянулся куда-то за экран. Когда его лицо вновь появилось перед ними, он держал стакан с чаем, на который принялся усердно дуть.

— Чужаки знают, что у вас на борту этот шах-

тер?

— Да, — сказал Хорват, а когда Кутузов взглянул на него, быстро продолжил: — Они, похоже, всегда знают все. Я уверен, что никто из нас не сообщал им об этом.

— Итак, они знают. Они интересовались шахтером? Может, видели его?

— Нет. — Хорват нахмурился, и голос его звучал скептически. — Нет, этого не было. Фактически, они не проявили к шахтеру никакого интереса, не больше, чем интересовались своими «малышами»… Вы смотрели ту ленту, где мошкиты очищают свой корабль, адмирал? Они тоже уничтожали этих маленьких бестий. Видимо, те размножаются, как ульевые крысы. — Хорват сделал паузу, и брови его сошлись еще ближе. Потом он вдруг сказал: — Но все равно я хочу спросить чужаков, что делать с больным шахтером. Мы не можем позволить ей умереть.

— Возможно, это было бы лучше для всех, — буркнул Кутузов. — Ну, что ж, хорошо, доктор, спросите у них. Вряд ли Империи повредит, если мы признаемся, что не знаем нужной диеты для мошкитов. Но если они захотят увидеться с этим шахтером, то вы, Блейн, откажете им в этом. Если понадобится, шахтер должен умереть. Трагиче-

ски и внезапно, в результате несчастного случая — но умереть. Это вам понятно? Ему не следует давать возможности поговорить с другими мошкитами ни сейчас, ни потом.

— Слушаюсь, сэр. — Род бесстрастно сидел в своем командирском кресле. Неужели я согласен с этим? — подумал он. Я должен был бы быть потрясен, но…

— С учетом этих обстоятельств, вы по-прежнему хотите задать этот вопрос, доктор? — спросил Кутузов.

— Да. От вас ничего другого я и не ждал. — Губы Хорвата были плотно сжаты. — Главным для нас сейчас является следующий вопрос… Мошкиты пригласили нас перебраться на орбиту вокруг их планеты. Почему они это сделали — не совсем ясно. Я полагаю, они искренне хотят развивать с нами торговлю и дипломатические отношения, и, рассуждая логически, мы должны на это пойти. В отношение действий другой точки зрения просто нет. У вас, конечно, есть собственные теории…

Кутузов рассмеялся. Это был глубокий, сердечный смех.

— Доктор, на самом-то деле я могу верить в то же, что и вы. Но это не имеет никакого отношения к моим поступкам. Моя задача — охрана

безопасности Империи, а во что я при этом верю — не важно. — Адмирал холодно посмотрел на экраны. — Ну, хорошо, капитан, в этой ситуации я даю вам свободу совершить это действие. Однако, мишенью номер один для торпед моего корабля будете вы. Вы понимаете, что нельзя допустить попадания «Мак-Артура» в руки мошкитов?

— Да, сэр.

— Отлично. Можете отправляться, капитан. Мы будем следовать за вами. Каждый час вы будете передавать собранную информацию, и помните, что если возникнет угроза вашему кораблю, я и не подумаю спасать вас, если для этого надо будет подвергать опасности «Ленина». Потому что основной мой долг — вернуться обратно с информацией, включающей, по необходимости, сведения о том, как вы погибли. — Адмирал повернулся и посмотрел прямо на Хорвата. — Доктор, вы по-прежнему хотите отправиться к Мошке-1?

— Конечно.

Кутузов пожал плечами.

— Действуйте, капитан Блейн. Действуйте.

Буксирные катера «Мак-Артура» доставили похожий на барабан цилиндр диаметром в половину корабля мошкитов. Устроен он был очень

просто: тонкая твердая оболочка из какого-то пенистого материала, заполненная жидким водородом и медленно вращающаяся. Выпускной клапан располагался на оси вращения. Цилиндр прикрепили к посольскому кораблю позади тороидальных жилых блоков. Тонкий сердечник явно служил проводником для плазмы, текущей от синтез-двигательной установки, которая тоже теперь изменилась, уйдя далеко в противоположную сторону от нового центра масс. Корабль, собственно, был теперь очень далек от своего первоначального вида и походил на вышедшую на прогулку низкорослую беременную женщину.

Мошкиты — Коричнево-белые, возглавляемые одним коричневым — работали, разбирая воздушный мост на части и превращая этот материал в круговые каркасные опоры для хрупких тороидов.

На борту катера не было сейчас ни одного мошкита — все были заняты на работе. Контакт, однако, поддерживался. Гардемарины, имевшие склонность к простой работе, требующей только крепких мускулов, приняли участие в работах на борту посольского корабля.

Уайтбрид и Поттер работали в противоперегрузочной камере, сдвигая койки, чтобы освободить

место еще для трех, меньших по размерам. Это работа была простая, но требовавшая физической силы. Испарина каплями оседала на фильтрах их шлемов, под мышками было мокро.

— Интересно, — спросил Поттер, — на что похож запах человека для мошкитов? — И тут же добавил: — Можете не отвечать, если сочтете вопрос оскорбительным.

— Это довольно сложно описать, — ответила мошкита Поттера. — Моей обязанностью, мистер Поттер, является знать все о моем финч'клик'. Возможно, я слишком хорошо подхожу для этой роли. Запах чистого пота не оскорбит меня даже если вы будете трудится для своих личных целей. Что вас так рассмешило, мистер Уайтбрид?

— Простите. Но этот акцент…

— Какой акцент? — удивился Поттер.

Уайтбрид и его мошкита расхохотались.

— Да, это забавно, — сказала мошкита Уайтбрида. — Это из-за того, что вы говорили с нами порознь.

— Есть в этом и еще кое-что, — сказал Джонатан Уайтбрид. — Скажем, мошкита капитана Блейна. Только я расслаблюсь и выйду из состояния «Внимание», как она говорит что-то, и я снова автоматически принимаю его. Она отдает

приказы, как будто она хозяин этого катера, и мы повинуемся, а затем она говорит: «Подождите минуточку, мистер», и приказывает нам забыть о ней. Это приводит в замешательство.

— И все-таки, — сказала мошкита Уайтбрида, — иногда я думаю, действительно ли мы смогли понять вас? То, что я могу подражать вашей речи не означает, что я действительно вас понимаю…

— Но это наша стандартная методика, столь же старая, как и некоторые горные цепи. И она действует. Что же мы еще можем делать, финч'клик' Джонатана Уайтбрида?

— Сомневаюсь, что это все. Эти люди — они такие многосторонние. Мы не можем уследить за всеми вашими способностями, Уайтбрид. Вы с легкостью можете и командовать, и подчиняться — как у вас получается и то, и другое? Вы хорошо работаете с инструментами…

— Как и вы, — сказал Уайтбрид, зная, что это — преуменьшение.

— Но мы легко устаем. Вы готовы сейчас продолжать работу?

— Угу.

— А мы — нет. И мы не слишком хороши в бою… Но хватит об этом. Каждый из нас играет здесь свою роль, получив приказ понимать вас,

но каждый из вас играет, похоже, тысячи ролей. Это делает вас слишком сложными для честных трудолюбивых жукоглазых монстров…

— Это кто назвал вас жукоглазыми монстрами? — воскликнул Уайтбрид.

— Мистер Реннер, кто же еще? Я воспринимаю это как комплимент — это значит, что он верит в мое чувство юмора.

— Доктор Хорват убьет его. Нам предписали быть очень осторожными в общении с чужаками. Не нарушать всякие табу, и все такое прочее.

— Кстати, о Хорвате, — сказал Поттер. — Я вспомнил, что доктор Хорват просил нас кое-что спросить у вас. Вы знаете, что у нас на борту есть Коричневый?

— Конечно. Шахтер. Ее корабль посетил «Мак-Артур», а затем вернулся домой пустым. Было достаточно ясно, что она осталась у вас.

— Она больна, — сказал Поттер, — и ей становиться все хуже. Доктор Блевинс говорит, что налицо все признаки неправильной диеты, и он не может помочь ей.

Уайтбрид подумал, что понял, почему Хорват не спросил о Коричневом свою мошкиту: если бы они потребовали встречи с шахтером, нужно было бы отказать, ссылаясь на приказ самого

адмирала. Доктор Хорват считал этот приказ глупым и не смог бы защищать его. Уайтбрид же с Поттером и не подумали бы обсуждать его — приказ есть приказ.

Так как мошкиты не ответили сразу же, Джонатан добавил:

— Наши биологи пробовали множество различных вещей. Создание специальной пищи, анализ пищеварительных жидкостей Коричневого, рентгеновские исследования. Они даже изменили воздух в ее кабине, приблизив его к атмосфере Мошки-1. Ничего не помогает. Она несчастна. Жалобно стонет. Не может двигаться. Кроме того, она худеет и у нее выпадают волосы.

Мошкита Уайтбрида заговорила голосом, звучавшим странно ровно:

— И вы понятия не имеете, в чем тут дело?

— Да, — сказал Уайтбрид.

Было странно и неприятно находится сейчас среди мошкит, смотревших на них. Обе они казались теперь одинаковыми — скрючившиеся, уцепившиеся за что-то руками: идентичные позы, идентичные узоры меха, идентичные слабые улыбки. Их индивидуальные различия были сейчас незаметны. Возможно, все дело было в позе…

— Мы дадим вам немного пищи, — сказала

вдруг мошкита Поттера. — Возможно, дело действительно в питании.

И обе мошкиты исчезли. Вскоре мошкита Уайтбрида вернулась с герметичным пакетом, содержащим зерно, похожие на сливы фрукты и кусок красного мяса.

— Мясо сварите, фрукты дайте прямо так, зерно намочите, — сказала она. — И проверьте ионизацию воздуха в ее кабине. — Затем она вывела их наружу.

Парни сели в открытый скутер, чтобы вернуться на катер. Поттер сказал:

— Они вели себя очень странно. Я не могу отделаться от мысли, что минуту назад произошло что-то очень важное.

— Да.

— Но что же?

— Может, они решили, что мы дурно обращаемся с Коричневым. Может, недоумевают, почему мы не доставили ее сюда. А может, и что-то еще: скажем, их шокировало, что мы заботимся о каком-то Коричневом.

— А может, они просто устали, и нам все это просто привиделось.

Поттер запусти двигатель скутера, и они двинулись.

— Гэвин, посмотри назад.

— Не сейчас. Я должен заботится о безопасности управления.

Только загнав скутер на место, Поттер посмотрел назад.

Снаружи корабля работало более дюжины мошкитов. Стяжки для тороидов явно были еще не закончены… но все мошкиты направлялись к воздушному шлюзу.

Посредник в спешке влетела в тороид, отталкиваясь от стен и торопясь освободить путь другим. По большинству из них было заметно, что они являются финч'клик' чужаков. Они стремились пользоваться своими нижними правыми руками и старались ориентировать себя так, чтобы головы их были направлены по отношению к телу всегда в одну и ту же сторону.

Мастер был белым. Пучки волос, росшие у него под мышками и в паху, были длинными и шелковистыми, как шерсть ангорского кота. Когда все собрались, Мастер повернулся к мошките Уайтбрида и сказал:

— Говори.

Мошкита Уайтбрида рассказала об инциденте с гардемаринами.

— Я уверена, что у них дурные намерения во

всем, — закончила она.

Мастер обратился к мошките Поттера:

— Ты согласна?

— Да, во всем.

По помещению покатилась волна шепота, частью на английском, частью на языке мошкитов. Однако, все стихло, когда заговорил Мастер.

— Что вы сказали им?

— Мы сказали, что возможно, что эта болезнь вызвана плохим питание…

Это вызвало почти человеческий смех среди Посредников, и никакой реакции от тех из них, кто еще не был назначен финч'клик'.

— … и дали им продукты для Инженера. Разумеется, это не поможет.

— Может, они шутили?

— Трудно сказать. Мы не особенно хороши в распознавании лжи. Это не наша специальность, — сказала мошкита Поттера.

В тороиде вновь послышалось жужжание разговоров. Мастер позволил им поговорить, затем сказал:

— Что это может означать? Высказывайтесь.

— Они не могут быть настолько отличными от нас, — сказала одна. — Они имеют дело с войнами. Мы слышали намеки о целых планетах,

превращенных в пустыни.

Затем вмешалась другая. Было что-то изящное, человечески-женственное в том, как она говорила. Для Мастера это выглядело гротескно.

— Думаю, что знаю, по каким причинам люди воюют между собой. Большинство животных и на нашем, и на их мирах обладают рефлексом капитуляции, который спасает одного представителя вида от убийства его другим. Люди пользуются оружием не инстинктивно, и это делает рефлекс капитуляции слишком медленным

— Но то же самое когда-то было и у нас, — сказала третья. — Появление в процессе эволюции Посредников положило этому конец. Так ты говоришь, что у людей нет Посредников?

— У них нет никого, кто вел бы переговоры между потенциальными врагами. Во всем, что они делают, они — дилетанты. Дилетанты ведут их переговоры, а когда те ни к чему не приводят, они сражаются.

— Они все — дилетанты, играющие мастеров, — сказала первая, нервно потирая центр своего лица. — На своих военных кораблях они держат отряды звездной пехоты на случай, если кормовые отсеки вдруг захотят стать хозяевами корабля. Кроме того, когда говорит «Ленин», ка-

питан Блейн повинуется, как Коричневый. Очень сложно, — продолжала она, — быть финч'клик' у существа, являющегося мастером только часть дня.

— Согласна, — сказала мошкита Уайтбрида. — Мой не является мастером, но должен однажды им стать.

— Наша Инженер в их инструментах нашла много такого, что нуждается в улучшениях, — сказала другая, — это нельзя классифицировать иначе…

— Достаточно, — сказал Мастер, и голоса смолкли. — Наш интерес более специфичен. Что вы узнали об особенностях их спаривания?

— Об этом они с нами не говорили. Изучение этого вопроса будет очень трудным делом, потому что, похоже, у них на борту только одна женщина.

— ОДНА ЖЕНЩИНА?!

— Это все, что мы смогли узнать.

— А все остальные, или большинство из них, — среднего пола?

— По-видимому, нет. Но, несмотря на это, женщина не беременна и не была беременной за все время с их прибытия сюда.

— Об этом следует узнать больше, — сказал

Мастер. — Но делать это нужно скрытно. Вопросы задавать небрежно. Спрашивать нужно очень осторожно, стараясь раскрывать по возможности меньше. Если наши подозрения верны… Они могут еще быть верны?

— Вся наша эволюция — против этого, — сказала одна. — Индивидуумы, выживающие при воспроизводстве, несут гены для следующего поколения. Как же тогда…

— Они чужаки. Помните, что они — чужаки, — сказала мошкита Уайтбрида.

— Мы должны разгадать это. Выделить одного из нас, сформулировать правильно вопрос и выбрать человека, которого нужно спросить. Остальные должны избегать этого вопроса, если, конечно, чужаки сами не коснутся его.

— Я думаю, мы не должны ничего скрывать, — сказала мошкита, потирающая центр своего лица. — Они чужаки. От них мы можем получить нечто, чего даже и не ожидаем. Возможно, с их помощью мы сможем разрушить древнюю структуру Циклов.

Мастер выразил свое удивление.

— Мы будем скрывать подобные различия между человеком и мошкитами. Они не должны знать об этом.

— А я говорю, что мы не должны ничего скрывать! Выслушайте меня! Они идут своими путями — и решают проблемы, всегда…

Все остальные бросились на нее.

— Безумный Эдди, — задумчиво сказал Мастер. — Содержать ее со всеми удобствами. Нам еще понадобятся ее знания. Никто не должен назначаться ее финч'клик', пока рассудок ее деформирован.

Блейн приказал катеру вести «Мак-Артур» к Мошке-1 с ускорением в 0,87g. Он отчетливо понимал, что «Мак-Артур» был военным кораблем, способным опустошить половину планеты мошкитов, и не хотел думать о том, какое оружие могли бы применить против него встревоженные мошкиты. Он хотел, чтобы посольский корабль прибыл первым: не очень-то рассчитывал, что это поможет, но все-таки…

Катер был сейчас почти пуст. Научный персонал жил и работал на борту «Мак-Артура», готовя бесконечные вереницы данных для банков памяти компьютеров, проверяя и перепроверяя их, затем кодируя и сообщая о своих результатах капитану для доклада на «Ленин». Конечно, они могли бы докладывать и прямо, но следовало уважать привилегии ранга. Обеды на «Мак-Ар-

туре» и встречи за карточным столом все чаще превращались в общие дискуссии.

Весь экипаж интересовало состояние коричневого шахтера. Ей становилось все хуже, и пищу, полученную от мошкитов, она ела также мало, как и продукты с самого «Мак-Артура». Это было огорчительно, и доктор Блевинс снова и снова проводил тесты, не дававшие результатов. Малыши, пропавшие на «Мак-Артуре», оказались жирными и плодовитыми, и Блевинс недоумевал, как они могли есть такие неожиданные вещи, как ракетное топливо или кабельная изоляция. Он предлагал ей разнообразные субстанции, но глаза Коричневого с каждым днем тускнели, мех выпадал клочьями, и она то и дело выла. Однажды она отказалась от еды, а на следующий день умерла. Это событие привело Хорвата в ярость.

Блейн решил, что о случившемся нужно сообщить на посольский корабль. Мягко улыбающийся Коричнево-белый, который ответил ему, мог быть только мошкитом Хорвата, хотя Блейн даже под пыткой не смог бы сказать, как определил это.

— Могу ли я поговорить со своей финч'клик'? — спросил Блейн. Мошкита Хорвата действовала на него угнетающе.

— К сожалению, нет, капитан.

— Хорошо. Я вызвал вас, чтобы сообщить, что Коричневый, находившийся на нашем корабле, мертв. Не знаю, что это значит для вас, но мы делали все, что могли. Весь научный персонал «Мак-Артура» пытался вылечить ее.

— Я в этом уверена, капитан. Но это не имеет значения. Можем мы получить тело?

Род на мгновение задумался.

— К сожалению, нет, — он не думал, что мошкиты смогут что-нибудь узнать от трупа чужака, с которым никогда не связывались, пока он был жив, но, видимо, сказывались наставления Кутузова. Может, под мехом у него есть микротатуировка?... И почему раньше мошкиты не интересовались Коричневым? Однако, спрашивать об этом он, конечно, не мог. — Передайте моей финч'клик' наилучшие пожелания.

— У меня для вас тоже новости, — сказала мошкита Хорвата. — Капитан, у вас больше нет финч'клик'. Она сошла с ума.

— Что? — Род был потрясен более, чем мог предполагать. — Сошла с ума? Почему? Как?

— Капитан, конечно, вы не могли знать, каким напряжением это было для нее. Есть мошкиты, которые отдают приказы, а есть такие, что дела-

ют и чинят приборы. Мы же ни те, ни другие: мы связники. Мы можем смириться с отдающими приказы, и это не будет так страшно, но чужак, отдающий приказы? Это было уже слишком. Она… как бы это объяснить? Взбунтовалась. Ваши слова оказались для нее мятежными. У нас такого нет. Сейчас она в безопасности и в заключении, и для нее же будет лучше, если больше она не будет говорить с чужаками.

— Спасибо, — сказал Род. Он смотрел, как мягко улыбающееся лицо исчезает с экрана, и пять минут после этого сидел неподвижно. Потом вздохнул и стал диктовать сообщение для «Ленина». Он работал один, чувствуя себя так, словно потерял часть самого себя и ждет, что она вернется обратно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВСТРЕЧА БЕЗУМНОГО ЭДДИ

МОШКА-1

МОШКА-1. Периферийный обитаемый мир в Трансугольном Секторе. Основные данные: желтая двойная звезда G2 приблизительно в двадцати парсеках от столицы Трансугольного Сектора Новой Каледонии. Обычно называется Мошкой в Глазе Мурчисона, или просто Мошкой. Масса 0,91 солнечной, светимость 0,78.

Мошка-1 обладает ядовитой атмосферой, пригодной для дыхания с помощью коммерческих или стандартных военных фильтров. Противопоказана для больных сердцем или людей с возможностью возникновения эмфиземы. Кислород — 16%, азот — 79,4%, CO2 — 2,9%, гелий — 1%. Сложные углеводороды, включая кетоны, — 0,7%

Сила тяжести — 0,87 стандартной. Радиус планеты составляет 0,84, а масса — 0,57 массы Земли. Плотность нормальная. Период обращения — 0,937 стандартных года или 8750005 часов. Планета наклонена на 18 градусов, среднее удаление 0,93 а.е. (137 миллионов километров). Температуры прохладные, полюса необитаемы и покрыты льдом. Экваториальные и тропические районы имеют высокие температуры. Локальный день

составляет 27,33 часа.

Имеется один спутник, маленький и близко расположенный. Это астероид по происхождению, и его обратная сторона имеет характерный зазубренный кратер, типичный для планетоидов системы Мошки. Расположенные на спутнике синтез-генератор и передающая энергетическая установка являются самыми мощными энергетическими источниками цивилизации Мошки-1.

Топография: 50% поверхности занимает океан, не считая обширных ледяных шапок. суша в основном ровная. Горные цепи — низкие и сильно выветренные. Имеется немного лесов. Пахотные земли интенсивно обрабатываются.

Наиболее заметной особенностью являются круговые структуры, которые видны повсюду. Более мелкие выветрены до предела обнаружения, крупные можно заметить только с орбиты.

Хотя физические особенности Мошки-1 представляют интерес, особенно для экологов, изучающих воздействие разумной жизни на планетографию, основной интерес направлен на ее обитателей…

Два скутера сошлись у катера, и одетые в скафандр фигуры поднялись на борт. Когда оба человека и мошкиты проверили корабль, рядо-

вые, которые привели его на орбиту, передали его гардемаринам и вернулись на «Мак-Артур». Парни нетерпеливо заняли свои места у пульта управления и принялись изучать пейзаж внизу.

— Мы должны сказать вам, что все контакты с нами будут идти через этот корабль, — сказал Уайтбрид своей мошките. — Сожалеем, но мы не можем пригласить вас на борт «Мак-Артура».

Мошкита Уайтбрида очень по-человечески пожала плечами, выражая свое мнение об этом. Необходимость повиновения не давила ни на нее, ни на человека.

— А что вы сделаете с катером, когда будете уходить?

— Это подарок, — сказал Уайтбрид. — Может, вы захотите взять его для музея. Есть вещи, которые, по мнению капитана, вы должны о нас знать.

— И вещи, которые он хочет скрыть. Разумеется.

С орбиты вся планета была покрыта кругами: моря, озера, дуги горных хребтов, линии рек, заливов… Один из кругов был выветрен и замаскирован лесом, и его можно было бы не заметить, не проходи он прямо через горный хребет, ломая позвоночник континента, как нога

человека ломает хребет змеи. За ним виднелось море размером с Черное с плоским островом в самом центре.

— Должно быть, магма хлынула в том месте, где астероид пробил кору, — сказал Уайтбрид. — Можете представить звук, которым это сопровождалось?

Мошкита Уайтбрида кивнула.

— Не удивительно, что вы собрали все астероиды в троянские точки. Именно по этой причине, верно?

— Я не знаю. Наши записи с того периода далеко не полны. Полагаю, что эти астероиды легче разрабатывать, когда они собраны вместе, как там.

Уайтбрид вспомнил, что Улей был холодным, без всяких следов радиации.

— Как давно это произошло?

— О, по крайней мере, десять тысяч лет назад. Уайтбрид, сколько лет вашим самым старым записям?

— Не знаю, но могу кого-нибудь спросить. — Гардемарин посмотрел вниз. Они пересекали терминатор, который был серией дуг. Ночная стороны сверкала галактикой городов. Так могла выглядеть Земля во времена СоВладения, но миры Империи никогда не были так густо

заселены.

— Смотрите вперед, — мошкита Уайтбрида указала на пятно огня у края планеты. — Это трансферовый корабль. Теперь мы можем показать вам наш мир.

— Я думаю, ваша цивилизация должна быть гораздо старше нашей, — сказал Уайтбрид.

Все оборудование Сэлли и ее личные вещи были упакованы и готовы для погрузки на катер, и сейчас ее каюта выглядела пустой. Сама она стояла у обзорного иллюминатора и смотрела на серебряный наконечник стрелы, приближающейся к «Мак-Артуру». Ее мошкита не стала смотреть.

— У меня есть один, пожалуй, неделикатный, вопрос, — сказала финч'клик' Сэлли.

Девушка повернулась от иллюминатора. Снаружи корабль мошкитов подошел вплотную к «Мак-Артуру», и с него выскользнула небольшая шлюпка.

— Продолжайте.

— Что вы делаете, если еще не хотите ребенка?

— Ну, дорогая, — сказала Сэлли и рассмеялась. Она была единственной женщиной среди почти тысячи мужчин из общества, ориентированного на мужчин. Она знала об этом до того, как попала

на корабль, но ошибалась, считая это женскими разговорами. Замужество и дети, домашнее хозяйство и скандалы: все это было частью цивилизованной жизни. Сэлли не знала, насколько большой частью, пока мятеж на Нью-Чикаго не захватил ее, а сейчас ошибалась в ее оценке даже еще больше. Иногда, в отчаянной попытке хоть чем-то заменить это, она заводила разговор о рецептах блюд с коками «Мак-Артура», но единственным разумом с женской ориентацией в пределах многих световых лет была ее финч'клик'.

— Финч'клик', — напомнила та о себе. — Я не могу поднимать этого вопроса, но я считаю, что должна знать — у вас есть дети на борту «Мак-Артура»?

— У меня? Нет! — Сэлли снова рассмеялась. — Я даже не замужем.

— Замужем?

Сэлли объяснила мошките что это такое, пытаясь не перескочить через какие-то основные понятия. Порой было трудно помнить, что мошкита была чужаком.

— Это должно звучать немного жутковато, — закончила она, наконец.

— «Приходи, и я ничего не скрою от тебя», как

говорит мистер Реннер, — подражание было идеальным, включая и жесты. — Я считаю ваши обычаи странными. Сомневаюсь, что мы переймем многие из них, дающие такое различие в психологии.

— Что ж, пожалуй…

— Вы выходите замуж, чтобы растить детей. А если кто растит детей без замужества?

— Это милосердие, — мрачно сказала Сэлли. Ее отвращение было невозможно скрыть.

— Надо понимать, что вы никогда… — Мошкита сделала деликатную паузу.

— Нет, конечно, нет!

— Как нет? Я имею в виду не почему, а как?

— Что ж, вам известно, что мужчина и женщина вступают в половые отношения, чтобы сделать ребенка, — так же, как и вы… Я изучила все довольно тщательно.

— Значит, если вы не замужем, то не должны соединяться?

— Верно. Конечно, есть таблетки, которые женщина может принимать, если любит мужчину, но не хочет никаких последствий.

— Таблетки? А как они действуют? Гормонально?

— Да. — Они обсудили эти гормоны. Психологи

мошкитов тоже использовали химические средства, но эти химикалии были другими.

— Но настоящие женщины не пользуются ими? — предположила мошкита Сэлли.

— Нет.

— Когда вы выйдете замуж?

— Когда найду нужного мужчину, — она на мгновение задумалась, заколебалась и добавила: — Возможно, я уже нашла его. — А этот чертов глупец женился на своем корабле, добавила она мысленно.

— Тогда почему вы не выйдете за него замуж?

Сэлли засмеялась.

— Я не хочу прыгать в никуда. «Жениться на скорую руку, да на долгую муку». Я могу выйти замуж в любое время, — привычка к объективности заставила ее добавить: — В любое время в течение следующих пяти лет. Потом, если я не выйду замуж, то стану одной из старых дев.

— Старых дев?

— Людей, считающих это ненужным, — затем Сэлли сама задала вопрос:

— А что, если мошкита не хочет детей?

— У нас нет половых отношений, — чопорно ответила ее мошкита.

Снаружи донеслось почти неслышное «клак»,

когда корабль «земля-орбита» состыковался с «Мак-Артуром».

Посадочная шлюпка была стрелообразным суденышком, покрытым защитным материалом. Пилотская кабина имела круговой обзор, но больше нигде никаких иллюминаторов не было. Когда Сэлли и ее мошкита появились во входном отверстии, она испугалась, увидев прямо перед собой Горация Бари.

— Ваше превосходительство отправляется вниз, на Мошку? — спросила Сэлли.

— Да, леди.

Бари казался удивленным не менее Сэлли. Войдя в соединительную трубу, он сразу понял, что мошкиты применили старый флотский трюк — труба была герметизирована с понижением давления к принимающему концу, так что пассажиров буквально засасывало вовнутрь. Внутренность шлюпки была неожиданно большой — там хватало места всем: Реннеру, Сэлли Фаулер, священнику Харди — Бари задумался, смогут ли они каждое воскресенье отправлять его на «Мак-Артур»? — доктору Хорвату, гардемаринам Уайтбриду и Стели, двум рядовым, которых Бари не знал, и чужакам для всех людей, кроме трех. Потом он увидел сиденья и уставился на

них с изумлением: они стояли по четыре в ряд с сидением для мошкиты возле каждого сиденья для человека. Доктор Хорват прошел вперед в рулевую рубку и занял место рядом с коричневым пилотом. Бари уселся в первом ряду, где было всего два сиденья, и соседнее с ним заняла мошкита. Страх сжал его горло. Аллах милостив, подумал он, и нет иного бога, кроме него… Спокойно! Бояться нечего, он не сделал ничего опасного.

И все же он был здесь. Рядом с ним был чужак, а позади, на «Мак-Артуре», любая случайность могла привести к обнаружению того, что он сделал со своим скафандром.

Скафандр являлся наиболее охраняемым предметом, который мог иметь человек, работающий в космосе. Это гораздо более личная вещь, чем трубка или щетка, и все же кое-кто выставлял их напоказ, чтобы доказать существование невидимых Домовых. За время долгого пути к Мошке-1 Синклер изучил модификации, сделанные Домовыми, вернул скафандры их владельцам и начал переоборудовать скафандры офицеров по их образу и подобию.

Через Набила Бари узнал, что Домовые удваивают эффективность регенерирующих систем. Он не спешил отдавать свой скафандр Синклеру,

поскольку один из его воздушных баллонов был сейчас фальшивым. В нем находилось поллитра жидкого воздуха и два малыша в состоянии заторможенной жизнедеятельности. Риск был огромным. Его могли схватить, малыши могли умереть во время своего ледяного сна, и, кроме того, однажды ему мог понадобиться воздух, которого на месте не окажется. Однако, Бари всегда рисковал, если это вело к достаточной прибыли.

Когда пришел вызов, он почти уверился, что его раскрыли. Рядовой, появившийся на экране его каюты, сказал: «Вас вызывают, мистер Бари», злорадно улыбнулся и переключился. Не успев удивиться, Бари оказался лицом к лицу с чужаком.

— Финч'клик', — сказал чужак, приподняв голову и плечи. — Вы кажетесь смущенным. Наверняка вам знаком этот термин.

Бари быстро взял себя в руки.

— Конечно, но я не предполагал, что кто-то из вас изучает меня, — мысли об этом ему вовсе не нравились.

— Нет, мистер Бари, я только что назначен к вам. Мистер Бари, вы планировали свое участие в путешествии на Мошку?

— Нет. Сомневаюсь, что мне позволят покинуть

корабль.

— Капитан Блейн дал свое разрешение, если вы захотите. Мистер Бари, мы глубоко признательны за ваши комментарии относительно торговли между Мошкой и Империей. От этого выиграют обе стороны.

Да! Клянусь Бородой Пророка, случай вроде этого… Бари согласился быстро. Спрятанных Домовых может пока охранять Набил.

Однако сейчас, сидя на борту осадочной шлюпки, было трудно справиться со своим страхом. Он взглянул на чужака рядом с собой.

— Я финч'клик' доктора Хорвата, — сказала мошкита. — Вам нужно расслабиться. Эти шлюпки хорошо сконструированы.

— О! — сказал Бари и расслабился. Худшие часы были позади. Набил переместил фальшивый баллон в главный воздушный шлюз «Мак-Артура» к сотням других, и там он должен был быть в безопасности. Чужой корабль был, несомненно, лучше человеческих кораблей подобного типа, хотя бы потому, что мошкиты должны были полностью исключить риск для человеческих послов. Однако, вовсе не путешествие вниз заставляло его испытывать страх, имевший резкий вкус нового паяльника…

Шлюпка слегка накренилась. Спуск начался.

Ко всеобщему удивлению он оказался скучным. Иногда были случайные колебания тяжести, но болтанки не было. Они почти подсознательно почувствовали трехкратное «Клак», как будто выпускались посадочные шасси, а затем возникло ощущение, что они катятся. Корабль прибыл.

Друг за другом они вышли в герметичную камеру. Воздух был хорош, но безо всяких запахов. И не было ничего видно, кроме большой надувной структуры, окружавшей их. Они посмотрели назад, на корабль, и буквально остолбенели.

Сейчас он имел крылья и выглядел как глайдер. Края удивительной стрелы вытянулись в стороны, превратившись во множество крыльев и закрылков.

— Это была хорошая прогулка, — вежливо сказал Хорват, выйдя и присоединившись к ним. — Весь корабль изменил форму. На крыльях нет ни единого шарнира — они выдвинулись, словно живые! Реактивные сопла открывались и закрывались совсем, как рты! Если бы вы только видели это! Если командор Синклер когда-нибудь спустится вниз, мы дадим ему место у окна, — ликовал ученый, не замечая свирепых взглядов, бросаемых на него.

В дальнем конце строения открылся надувной шлюз и вошли трое коричнево-белых мошкитов. Когда они разделились, страх вновь охватил Бари: по одному присоединились к рядовым, а третий направился прямо к нему.

— Финч'клик', — сказал он.

Во рту у Бари было сухо.

— Не бойтесь, — сказал мошкит, — я не могу читать ваши мысли.

Если мошкит хотел облегчить состояние Бари, то он явно выбрал неподходящие слова.

— Мне говорили, что это ваша профессия.

Мошкит рассмеялся.

— Это моя профессия, но я не могу делать этого. Все, что я могу узнать, это то, что вы подсознательно покажете мне, — он говорил совсем не так, как сам Бари. Видимо, они изучали людей только в общем.

— Вы мужчина, — заметил он.

— Потому что я еще молод. Остальные стали женщинами ко времени, когда они достигли «Мак-Артура». Мистер Бари, снаружи нас ждут машины, а недалеко выбрано место для вашей резиденции. Давайте посмотрим наш город, а потом поговорим о делах, — он взял его под руку двумя маленькими правыми руками, и это при-

косновение было весьма странно. Бари пошел следом за ним к воздушному шлюзу.

«Не бойтесь, я не могу читать ваши мысли», — сказал он, прочтя его мысли. На многих вновь открытых мирах Первой Империи ходили слухи о чтецах мыслей, но ни один из них — хвала милости Аллаха! — не был найден. Это существо заявило, что не может делать такого, и это было очень странно. Прикосновение не было отвратительным, хотя люди воспитания Бари ненавидели прикосновения. Он жил среди гораздо более странных обычаев и людей, чтобы беспокоиться о детских предрассудках. Но этот мошкит был успокаивающе странным, и Бари еще не слышал, чтобы чей-то финч'клик' действовал подобным образом. Может, он пытался успокоить его?

Ничто не могло привлечь его, кроме надежды на прибыль — прибыль без ограничения размеров. Даже изменение Империей Новой Каледонии не проявило индустриальной мощи, достаточной, чтобы двигать астероиды к троянским точкам Мошки-2.

— Хороший коммерческий продукт, — говорил мошкит, — не должен быть неуклюжим и массивным. Мы сумеем найти товары, редкие

здесь и имеющиеся в изобилии в Империи, или наоборот. Я предвижу огромную прибыль от вашего визита…

Они присоединились к остальным в воздушном шлюзе. Сквозь огромные окна виднелся аэродром.

— Опасное хвастовство совершенством своей техники, — буркнул Реннер Бари, а когда торговец насмешливо взглянул на него, повел рукой: — Вокруг нас город, а этот космопорт не занимает ни одного метра лишней площади.

Бари кивнул. Вокруг крошечного поля возвышались небоскребы — высокие прямоугольные строения, стоявшие друг против друга, с единственной полосой земли, тянущейся через город на восток. Если здесь потерпит катастрофу самолет, это будет настоящим бедствием — вот только мошкиты вовсе не собирались допускать этого.

Их ждали три наземные машины — две для пассажиров и одна для багажа, и сиденья для людей занимали две трети площади в каждой. Как только все расселись, водители, которыми был Коричневые, рванули машины с места. Они двигались бесшумно, вызывая ощущение мощи, хотя тряски вообще не было. Двигатели располагались в центре высоких надувных шин, весьма

напоминая этим машины миров Империи.

Высокие безобразные здания смутно вырисовывались на фоне неба. Черные улицы были широкими, но заполненными множеством экипажей, носившихся, как безумные. Крошечные машинки носились по запутанным дорожкам с сантиметровыми зазорами между собой. Уличное движение было не совсем тихое. Постоянно слышалось низкое ровное жужжание, которое могли вызывать сотни одновременно работающих двигателей. А иногда раздавалась быстрая и невнятная речь, которая вполне могла быть руганью.

Когда люди перестали вздрагивать от каждого несостоявшегося столкновения, они заметили, что все прочие водители были тоже Коричневыми. Большинство машин перевозило пассажиров, иногда Коричнево-белых, но чаще чисто-белых. Эти Белые были крупнее, чем Коричнево-белые, и мех у них был очень чистый и шелковистый. Именно от них шли все те проклятия, тогда как водители хранили молчание.

Министр по науке Хорват повернулся к сидевшим у него за спиной.

— Я смотрел на здания, когда мы спускались вниз, — на крыше каждого разбиты сады. Мистер

Реннер, вы довольны, что прилетели с нами? Мы ждали офицера, но, честно говоря, не вас.

— Наиболее разумно было послать именно меня, — сказал Кевин Реннер. — Я самый подходящий офицер на борту, которого капитан мог отправить. Я вовсе не нужен, чтобы прокладывать курс по картам.

— И потому они послали вас? — спросила Сэлли.

— Нет, думаю, капитана убедило то, что я кричал, визжал и угрожал перестать дышать. Постепенно он проникся мыслью, что я действительно хочу лететь. И вот я здесь.

То, как офицер-навигатор наклонился вперед на своем сиденье, напомнило Сэлли собаку, высовывающую голову в окно машины — на ветерок.

Они только теперь заметили пешеходные дорожки, тянувшиеся этажом выше вдоль зданий, от чего пешеходов было плохо видно. Там были Белые, Коричнево-белые и… другие.

Кто-то высокий и симметричные двигался среди Белых подобно великану. Он был не менее трех метров ростом, с маленькой головой без ушей, которая, казалось, тонула в мускулах его плеч. Под каждой из двух рук он нес массивно выглядевшие ящики. Двигался он как сокруши-

тельная сила — прямо и безостановочно.

— Кто это? — спросил Реннер.

— Рабочий, — ответила мошкита Сэлли. — Носильщик. Не слишком разумный…

Затем Реннер углядел еще кого-то, чей мех был ржаво-красным, как будто его окунули в кровь. Он был ростом как его собственная мошкита, но с меньшей головой, а когда поднимал и сгибал свои правые руки, становились видны пальцы, такие длинные и деликатные, что Реннер подумал об амазонских пауках. Он коснулся плеча своей финч'клик' и спросил:

— А это?

— Физик, — сказала мошкита Реннера. — Как вы могли сейчас заметить, у нас имеются различные виды. Они все — как бы это сказать — родственники…

— Да? А Белые?

— Отдающие приказы. Полагаю, вам было известно, что на борту нашего корабля была одна.

— Да, мы предполагали это. — Во всяком случае, Царь предполагал. В чем еще он окажется прав?

— Что вы думаете о нашей архитектуре?

— Безобразная. Индустриально-отвратительная, — сказал Реннер. — Я знаю, что ваши идеалы красоты должны отличаться от наших, но все

же… У вас есть стандарт красоты?

— «Приходи, я ничего не скрою от тебя». Да, но он не похож на ваши. Не понимаю, что вы, люди, видите в арках и колоннах?

— Фрейдистский символизм, — жестко сказал Реннер. Сэлли фыркнула.

— Об этом постоянно говорит мошкита Хорвата, но я ни разу не слышала понятного объяснения, — сказала мошкита Реннера. — Кстати, что вы думаете о наших экипажах?

Лимузины радикально отличались от двухместных машин, проносившихся мимо них. Среди этих двухместных не было двух, похожих друг на друга — похоже, мошкиты не дошли еще до понимания выгод стандартизации. Впрочем, все остальные машины, которые видели люди, были крошечными, вроде двойных мотоциклов, тогда как людей везли в низких, четко очерченных экипажах, сверкавших полировкой.

— Они прекрасны, — сказала Сэлли. — Вы создали их именно для нас?

— Да, — ответила ее мошкита. — Хорошо ли мы угадали?

— Отлично. Это весьма льстит нам, — сказала Сэлли. — Вы, должно быть, понесли значительные расходы для… этого… — она вдруг замолчала.

Реннер повернулся, чтобы взглянуть туда, куда она смотрит, и задохнулся от удивления.

Замки вроде этого располагались когда-то в Тирольских Альпах на Земле. Они и до сих пор стояли там, поскольку их никогда не бомбили, но Реннер видел только их копии на других мирах. Сейчас сказочный замок с высокими изящными шпилями стоял посреди прямоугольных зданий города мошкитов. Поднимавшийся с одного угла минарет опоясывал тонкий балкон.

— Что это за место? — спросил Реннер.

— Здесь будете жить вы, — сказала мошкита Сэлли. — Он герметизирован и полуогорожен. Для вашего удобства есть гараж и машины.

В последовавшей за этим паузой восхищения прозвучали слова Горация Бари:

— Вы самые изумительные хозяева.

Они сразу же назвали его Замком. Вне всякого сомнения, он был задуман и построен целиком для них. Здание было достаточно большое, чтобы вместить тридцать человек. Его красота и удобства были в традициях Спарты — с несколькими дисгармоничными отклонениями.

Мошкиты знали образ жизни Уайтбрида, Стели, Сэлли докторов Харди и Хорвата, и поэтому они старались сдерживать свой смех, когда их

финч'клик' показывали им отведенные для них комнаты. Космонавты Джексон и Вейсс были испуганы до немоты и только изредка говорили осторожно какую-нибудь глупость. Люди же типа Горация Бари имели жесткие традиции гостеприимства, и поэтому он считал странными все обычаи, кроме левантийских.

Однако люди вроде Реннера, ценили прямоту и откровенность, и эта откровенность, как он обнаружил, делала жизнь для всех легче. Впрочем, это не относилось к Военному Флоту. На Флоте он научился держать свой рот закрытым. К счастью, его финч'клик' придерживалась точно такой же точки зрения.

Реннер осмотрел апартамент, выделенный ему. Двуспальная постель, кухонный шкаф для посуды, кушетка и кофейный столик — все смутно напоминало ему лекции о путешествиях, которые он читал мошкитам. Комната была в пять раз больше его каюты на «Мак-Артуре».

— Простор, — сказал он удовлетворенно, потом принюхался. Не было вообще никаких запахов. — Все сделано на широкую ногу и щедрую руку. Вы, должно быть, проделали огромную работу, чтобы профильтровать воздух планеты.

— Спасибо. Что касается широких ног и щедрых

рук… — Мошкита Реннера посмотрела на свои плоскостопые ноги и пошевелила всеми локтями. — Можно было бы подумать, что нам нужно больше, чем вам, но это не так.

Панорамное окно тянулось от пола до потолка и от стены до стены. За ним возвышался город: большинство зданий, видимых отсюда, было выше Замка. Реннер заметил, что смотрит прямо вниз, на городскую улицу, уходящую к величественному закату, сиявшему всеми оттенками красного. По пешеходному уровню двигалась лавина спешащих разноцветных шариков, главным образом Красных и Коричневых, но и Белых было довольно много. Некоторое время он смотрел, потом повернулся.

Рядом с изголовьем его кровати находилась ниша, и Реннер заглянул в нее. Там стоял кухонный шкаф и два предмета обстановки, которые Реннер тут же узнал. Они походили на то, что сделал Коричневый из кровати в каюте Кроуфорда.

— Двое? — спросил Реннер.

— Мы назначили еще Коричневого.

— Я научу вас новому слову. «Уединение». Оно относится к человеческим потребностям…

— Мы знаем об уединении, — мошкита сделала двойной жест. — Неужели вы полагаете, что это

допустимо между человеком и его финч'клик'?

Реннер торжественно кивнул.

— Но… но… Реннер, у вас нет никакого уважения к традициям?

— Каким?

— Черт побери! Хорошо, Реннер. Мы навесим здесь дверь. С замком?

— Да. Должен заметить, что остальные, вероятно, чувствуют то же самое, независимо от того, говорят об этом или нет.

Кровать, кушетка, стол — все это было знакомо мошкитам и прежде. Матрац был немного жестковат, ну и черт с ним. Реннер заглянул в ванную и расхохотался. Туалет был туалетом для невесомости, лишь в одном отличаясь от такового на катере: он имел золотую ручку для спуска воды, вырезанную в форме собачьей головы. Ванна была… странной.

— Я хочу опробовать эту ванну, — сказал Реннер.

— Я знаю, о чем вы думаете. Мы видели изображения некоторых ванн на ваших лекциях, но они выглядели нелепо, не соответствуя вашей анатомии.

— Верно. До сих пор никто не создал приличной ванны. Но на тех снимках не было ни одного

туалета, не так ли?

— Это довольно странно, но не было.

— Ммм… — и Реннер начал говорить. Когда он закончил, мошкита сказала:

— И как много воды для этого нужно?

— Довольно много. Слишком много для космического корабля.

— Хорошо. Мы посмотрим, что можно сделать.

— Да, и сделайте дверь между ванной и жилой комнатой.

— Снова уединение?

— Да.

Обед в ту ночь походил на званый прием в старом доме Сэлли на Спарте, но странно измененный. Слуги — молчаливые, внимательные, почтительные, руководимые хозяином, которым из уважения к его рангу стала мошкита доктора Хорвата — были Рабочими ростом в полтора метра. Продукты были доставлены из запасов «Мак-Артура», за исключением приправ, которыми служили фрукты, похожие на дыню и подслащенные желтым соусом.

— Мы гарантируем, что это не ядовито, — сказала мошкита Реннера. — Мы нашли несколько продуктов, в которых уверены, и продолжаем поиски. Вы сами можете принять в них уча-

стие, — соус уничтожал кислый вкус дынь и делал их восхитительными.

— Это можно использовать как предмет для торговли, — сказал Бари.

— Только нам удобнее перевозить семена, а не сами дыни. Их трудно выращивать?

— Совсем нет, но это требует обработки, — сказал мошкит Бари. — Мы дадим вам возможность изучить почву. Можете вы указать другие предметы, которыми стоит торговать?

Бари нахмурился и посмотрел вниз, на свою тарелку. Никто не обращал на них внимания, а ведь они были золотыми: тарелки, столовые приборы, даже бокалы для вина, хотя формой походили на хрусталь. И все же, они не могли быть золотыми, потому что не проводили тепла. Это были просто копии пластиковой посуды, предназначенной для невесомости на борту катера «Мак-Артура», даже с торговыми марками, оттиснутыми по краям.

Все ждали его ответа. Торговые возможности могли сильно повлиять на отношения между Мошкой и Империей.

— Во время поездки к Замку я выискивал у вас предметы роскоши, но не увидел ничего, кроме вещей, созданных специально для людей. Может,

я просто не узнал их?

— Мне знакомо это слово, но у нас очень мало предметов роскоши. Мы

— при этом я говорю, разумеется, за Отдающих приказы — делаем упор на силу, территорию, поддержание домашнего хозяйства и династии. Нас самих мало интересует выбор нашими детьми места в жизни.

Бари запомнил эту информацию: «Мы говорим за отдающих приказы». Значит, он имел дело со слугами. Нет, с агентами. Нужно держать это в памяти и ждать, чем подкрепит свое обещание его финч'клик'. Улыбнувшись, он сказал:

— Как жалко! Предметы роскоши удобно перевозить. Вы поймете мои проблемы с выбором товаров для торговли, когда я скажу, что едва ли будет выгодно покупать у вас золото.

— Я тоже так думаю. Нужно искать, и, возможно, мы найдем что-нибудь более ценное.

— Скажем, произведения искусства?

— Искусства?

— Позвольте мне, — сказала мошкита Реннера. Она заговорила на высоком певучем языке и очень быстро говорила секунд двадцать, затем оглядела всех собравшихся. — Простите, но так было быстрее.

— Совершенно верно, — сказал мошкит Бари. — Я понял так, что вас интересуют оригиналы?

— Если возможно.

— Ну, конечно. Для нас копии так же хороши, как и оригиналы. У нас много музеев, и я организую несколько экскурсий.

Как выяснилось, все хотели принять в них участие.

Когда они вернулись с обеда, Уайтбрид едва не рассмеялся, увидев дверь в ванную. Заметив это, его мошкита сказала:

— Мистер Реннер объяснил нам об уединении, — и она резко толкнула дверь, которая теперь закрывала ее нишу.

— А вот это нельзя назвать необходимым, — сказал Уайтбрид, который не любил спать один. Если он проснется среди ночи, с кем можно будет поговорить, прежде чем снова захочется спать?

Кто-то постучал в дверь. Это был космонавт Вейсс с Тэйблтопа.

— Сэр, могу я поговорить с вами наедине?

— Хорошо, — сказала мошкита Уайтбрида и удалилась в альков. Мошкиты быстро поняли сущность уединения. Уайтбрид провел Вейсса в комнату.

— Сэр, у меня есть одна проблема, — сказал

Вейсс. — То есть, у меня и Джексона. Мы отправились вниз помогать… ну, там, отнести багаж, почистить что-то и тому подобное.

— Понял. Вам не нужно делать ничего подобного. Каждому из нас назначено по Инженеру.

— Да, сэр. Но есть еще кое-что. Нам с Джексоном тоже назначили по Коричневому. Я… и…

— По финч'клик'.

— Да.

— Что ж, есть некоторые вещи, о которых вы не должны говорить, — оба рядовых работали на ангарной палубе и в любом случае не могли знать о технологии Поля слишком много.

— Да, сэр, мы знаем это. Никаких военных историй, ничего о корабельном оружии или двигателе.

— Отлично. За исключением этого, вы находитесь в отпуске. Вы путешествуете первым классом со слугой и местным гидом. Наслаждайтесь этим. Не говорите ничего, за что Царь мог бы вас повесить, и не беспокойтесь о расходах. Будьте хозяевами положения и надейтесь, что вас не отправят назад следующей шлюпкой.

— Слушаюсь, сэр, — Вейсс вдруг усмехнулся. — Вы знаете, именно поэтому я и попал в Военный Флот. Странные миры — вот что нам обещают

вербовщики.

— «Далекие забытые города...» Я тоже.

Позже Уайтбрид стоял у панорамного окна. Город сверкал миллионами огней. Большинство крошечных машинок исчезло, но по улицам двигались огромные грузовики. Пешеходы умерили свое рвение. Уайтбрид заметил кого-то высокого и веретенообразного, который бежал среди Белых так, как если бы они стояли на месте. Увернувшись от огромного Носильщика, он исчез вдали.

ЭКСКУРСИЯ

Реннер проснулся до рассвета. Пока он принимал замечательную ванну, мошкиты выбрали и предложили ему одежду. Реннер решил принять их выбор. Он был снисходительным к ним — они могли быть последними невоенными слугами, которых он когда-либо имел. Его оружие было осторожно выложено вместе с его одеждой, и, ненадолго задумавшись, Реннер пристегнул его под гражданскую куртку, сшитую из какой-то изумительной сияющей ткани. Ему не требовалось оружие, но устав был уставом…

Все остальные завтракали, разглядывая рассвет через большое панорамное окно. Он выглядел похоже на закат — тоже во всех оттенках красного. День на Мошке-1 был на несколько часов длиннее земного, соответственно, ночь была дольше, и люди могли дольше спать утром и все равно вставать до рассвета.

На завтрак подали большие, очень похожие на яйца, вареные предметы. Внутри они выглядели так, словно яичный белок и желток смешали, но все это имело вишневый цвет. Реннер сказал, что все эти вишневые штуки не стоят того, чтобы их

есть, и не притронулся к ним.

— Музей всего в нескольких кварталах отсюда, — мошкита доктора Хорвата быстро потерла свои правые руки. — Предлагаю идти пешком. Думаю, нам не понадобится теплая одежда.

У всех мошкит была эта проблема: какую пару рук использовать для имитации человеческих жестов? Реннер подумал, что мошкита Джексона должна свихнуться. Джексон был левшой.

Они пошли пешком. Холодный ветер набрасывался на них из-за каждого угла. Солнце было большим и тусклым: в это раннее время дня можно было смотреть прямо на него. Крошечные машинки сновали в шести футах под ними. Запах воздуха Мошки-1 понемногу просачивался сквозь фильтры шлемов, так же, как тихое гудение машин и быстрое бормотание мошкитов.

Группа людей двигалась среди толп мошкитов всех цветов — и на них не обращали внимания. Потом из-за угла вывернула группа чужаков с белым мехом и задержалась, изучая их. Они щебетали своими музыкальными голосами и с любопытством разглядывали людей.

Казалось, Бари чувствует себя очень неудобно — он изо всех сил старался оставаться внутри группы. Он не хочет, чтобы его разглядывали

со всех сторон, подумал Реннер. Тут парусный мастер заметил, что его самого разглядывает беременная Белая, с выпуклостью выше главного сустава ее спины. Реннер улыбнулся ей, присел на корточки и повернулся к ней спиной. Его финч'клик' что-то пропела в низких тонах, и Белая подошла ближе, а затем дюжина белых мошкитов вытянула дюжину белых рук к его позвоночнику.

— Хорошо! — сказал Реннер. — Немного ниже. Да, можно чесать именно здесь. — Когда белые ушли, Реннер поднялся на свои длинные ноги, пригодившиеся в этой прогулке. Его мошкита рысью бежала рядом.

— Надеюсь, что не научусь вашей непочтительности, — сказала она.

— А почему нет? — серьезно спросил Реннер.

— Когда вы уйдете, нас будет ждать здесь другая работа. Нет, тревожиться нечему. Если вы можете довольствоваться Военным Флотом, то и мне не очень трудно сделать отдающих приказы счастливыми.

Она говорит почти грустно, подумал Реннер. Впрочем, он не был уверен. Если у мошкитов и были выражения лица, Реннер не различал их.

Музей находился довольно далеко от них. Как и

другие здания, он был прямоугольной формы, но со стеклянным фасадом или чем-то вроде этого.

— У нас много мест, подходящих под ваше слово «музей», — сказала мошкита Хорвата, — в этом и в других городах. Этот ближайший и специализируется он на живописи и скульптуре.

Мимо них прошел Носильщик ростом в три метра, неся свой метровый груз на голове. Это была она, отметил Реннер, увидев длинную выпуклость беременности в верхней части ее живота. Глаза ее были кроткими глазами животного без признаков разума. Она прошла мимо, не останавливаясь.

— Похоже, ношение детей не замедляет мошкит, — заметил Реннер.

Коричнево-белые плечи и головы повернулись к нему. Мошкита Реннера сказала:

— Ну, разумеется, нет. А почему это должно быть так?

Сэлли Фаулер взяла на себя труд объяснений. Осторожно подбирая слова, она попыталась объяснить, как мало используют беременных женщин у людей.

— Это единственная причина, по которой мы стремимся к обществу, ориентированному на мужчин. И… — она еще продолжала говорить

о проблеме деторождения, когда они достигли Музея.

По высоте дверь доходила Реннеру до переносицы, правда потолки были выше — он касался их волосами. Доктору Хорвату приходилось наклонять голову.

И освещение было слишком желтым.

И картины были повешены слишком низко.

Условия для осмотра были далеко не идеальными, а, кроме того, цветов на самих картинах не было. Доктор Хорват и его мошкита с живостью принялись обсуждать его сенсационное заявление, что для человеческого глаза голубой плюс желтый равняется зеленому. Глаз мошкитов был устроен подобно глазу человека или осьминога, по той же схеме: глазное яблоко, приспосабливающийся хрусталик и нервные рецепторы. Однако, рецепторы были другими.

И все-таки картины потрясали. В главном холле, который имел потолок высотой три метра и был заполнен крупными полотнами, экскурсия остановилась перед уличной сценой. Коричнево-белый садился в машину, по-видимому, беседуя с кишевшими вокруг Коричневыми и Коричнево-белыми, тогда как за его спиной небо пылало красным. Эмоции выражались все той же плос-

кой улыбкой, но Реннер почувствовал насилие и подошел ближе. Многие в толпе держали приборы, всегда в левых руках, и некоторые были сломаны. Кроме того, сам город был в огне.

— Это называется «Вернитесь к вашим задачам». Вы скоро заметите, что тема Безумного Эдди повторяется довольно часто, — сказала мошкита Сэлли и двинулась дальше, прежде чем кто-нибудь успел попросить более подробных объяснений.

Следующая картина в углу изображала квази-мошкита, высокого и худого, с маленькой головкой и длинными ногами. Он бежал из леса на зрителя, и его дыхание тянулось за ним белым дымком.

— «Несущий послание», — назвала картину мошкита Хорвата.

Соседняя картина была еще одной сценой на свежем воздухе: два десятка Коричневых и Белых ели, сидя вокруг пылающего костра. Вокруг них светились красные звериные глаза. Весь пейзаж был темно-красным, а вверху на фоне Угольного Мешка горел Глаз Мурчисона.

— Глядя на это, вы не можете сказать, что они думают и чувствуют, верно? — сказала мошкита Хорвата. — Этого мы и боялись. Бессловесное

общение. Эти знаки и жесты у нас различны.

— Я полагаю, — сказал Бари, — что все эти картины можно продать, но не особенно хорошо. Они всего лишь любопытны… хотя вполне ценны сами по себе, из-за ограниченного потенциального рынка и ограниченных источников. Но они ничего не сообщают, ничего не передают. Кто нарисовал их?

— Эта довольно старая. Как видите, она была нарисована прямо на стене здания и…

— Но каким мошкитом? Коричнево-белым?

Все мошкиты невежливо рассмеялись, а мошкит Бари сказал:

— Вы никогда не увидите произведения искусства, созданного не Коричнево-белым. Общение — это наша специальность, а искусство — это общение.

— Значит, Белым нечего сказать?

— Конечно. У них есть Посредники, говорящие за них. Мы переводим, мы общаемся. Многие из этих картин являются доказательствами, наглядно выражающими это.

Вейсс, ничего не говоря, шел за всеми следом. Заметив это, Реннер понизил голос и спросил:

— Какие-то замечания?

Вейсс почесал челюсть.

— Сэр, я не был в музее со школы… но неужели здесь нет картин, сделанных достаточно хорошо?

Во всем холле нашлось только два портрета. Оба изображали Коричнево-белых, и оба были нарисованы от пояса и выше. Чувства этих мошкитов должен был выражать язык тела, а не лица. Портреты были странно освещены, а руки их были странно искривлены. Реннер решил, что они отражают зло.

— Зло? Нет! — сказала мошкита Реннера. — Этот, например, заставил построить зонд Безумного Эдди. А этот был создателем универсального языка и жил очень давно.

— Им еще пользуются?

— Вообще-то да. Но, разумеется, он разбит на куски. Скажем, Синклер, Поттер и Бари говорят не на том языке, на котором говорите вы. Иногда звуки похожи, но бессловесные сигналы весьма различны.

Реннер подошел к Вейссу, когда они были у входа в зал скульптур.

— Вы были правы. В Империи есть картины, которые можно назвать хорошими, здесь — нет. Вы заметили различие? Ни одного пейзажа без мошкитов, что-то делающего на нем. Почти нет

портретов, а эти два слишком тенденциозны. Практически все они тенденциозны, — он повернулся и обратился к своей мошките. — Верно? Эти картины сделаны до того, как ваша цивилизация изобрела камеру. Они не могут быть правильными представителями.

— Реннер, вы знаете, скольких трудов требует живопись?

— Я никогда не пробовал. Но могу представить.

— Тогда представьте трудности занимающегося этим, если ему нечего сказать.

— А как насчет темы «Горы прекрасны»? — спросил Вейсс.

Мошкита Реннера пожала плечами.

Статуи оказались лучше, чем картины. Различия в пигментации и освещении не сказывались на восприятии. Большинство изображали мошкитов, но это были более чем портреты. Скажем, цепочка из мошкитов уменьшающихся размеров: Носильщик, трое Белых, девять Коричневых и двадцать семь малышей. Все они были сделаны из белого мрамора и заключали в себе часть решимости своих создателей. Бари безо всякого выражения потрогал их и сказал:

— Мне пришло в голову, что я должен буду объ-

яснить любую из них, прежде чем смогу продать кому-либо. Или хотя бы отдать в подарок.

— Неизбежно, — сказал мошкит Бари. — Например, эта иллюстрирует религию прошлых веков. Отделившаяся душа родителя превращается в ребенка, снова обзаводится детьми и так далее до бесконечности.

Другая, сделанная из красного песчаника, изображала множество мошкитов. У них были длинные тонкие пальцы, которых было слишком много на левой руке, и эта левая рука была сравнительно мала. Может, физики? Всех их убивала нить зеленого стекла, гулявшая среди них, как коса: это явно было лазерное оружие, которое держал кто-то невидимый. Мошкиты не захотели говорить об этом.

— Неприятное историческое событие, — сказал мошкит Бари, и это было все.

Следующая изображала сражение между несколькими мраморными мошкитами и двумя десятками существ незнакомого типа, сделанными из красного песчаника. Красные существа были тощими и угрожающими, вооруженными множеством зубов и когтей. Центральное место среди этой свалки занимала какая-то странная машина.

— А это одна из самых интересных, — сказала мошкита Реннера. — По традиции Посредник — один из нашего собственного вида — может официально потребовать у любого создателя любой вид транспорта, который ему нужен. Очень давно, пользуясь этим правом, Посредник приказала построить машину времени. Я могу показать вам эту машину, если вы захотите съездить к ней: она находится по другую сторону этого континента.

— Работающая машина времени?

— Не работающая, Джонатан. Она никогда не была закончена. Ее Мастер потерял все свое влияние, пытаясь закончить ее.

— Ну-у-у… — разочарованно протянул Уайтбрид.

— Она никогда не опробовалась, — сказала мошкита. — Базовая теория могла оказаться с изъяном.

Машина выглядела как маленький циклотрон с кабиной внутри… Она почти имела смысл, подобно генератору Поля Лэнгстона.

— Значит, вы можете в любое время официально потребовать любое транспортное средство? — спросил Реннер у своей мошкиты.

— Именно так. Наш талант — это общение, но

наша главная задача — предотвращение стычек. Сэлли познакомила нас с вашими, если так можно выразиться расовыми проблемами, включая оружие и рефлекс капитуляции. Мы — Посредники — развиваем это. Мы можем объяснить одному существу точку зрения другого. Некоммуникабельность может порой принимать опасные пропорции — обычно так бывает перед войной, когда статистические случайности заставляют вас поверить в совпадение. Если каждый из нас всегда может взять любое транспортное средство — или, скажем, телефон или радио — войны становятся маловероятными.

Это произвело на людей пугающее впечатление.

— Очень хорошо, — сказал Реннер, затем продолжал: — Интересно, а можете ли вы потребовать «Мак-Артур»?

— Согласно закону и традиции — да. На практике — мы не настолько глупы.

— О'кей. А эти существа, сражающиеся вокруг машины времени…

— Легендарные демоны, — объяснил мошкит Бари. — Они защищают структуру реальности.

Реннер вспомнил древние испанские картины, датированные временами Черной Чумы в Европе,

картины, на которых живых мужчин и женщин атаковали ожившие и злобные мертвецы. Рядом с белыми мошкитами эти странные существа казались невероятно тощими и костлявыми, и злоба их была почти осязаема.

— А зачем была нужна эта машина времени?

— Посредник почувствовал, что некое событие истории произошло из-за недостатка общения. Он решил исправить это, — мошкита Реннера пожала плечами, точнее, сделала похожий жест руками, поскольку мошкиты не могли поднимать плеч. — Безумный Эдди. Зонд Безумного Эдди был чем-то подобным. Возможно, он требовал намного меньше работы. Наблюдатель неба — метеоролог — обнаружил существование жизни на мире, вращающемся вокруг ближайшей звезды. Сейчас же этот Посредник Безумный Эдди захотел связаться с ними. Он собрал огромный капитал и промышленную мощь, достаточную, чтобы воздействовать на большую часть цивилизации. Этот его зонд был построен, усилен солнечным парусом и батареей лазерных пушек для…

— Это звучит весьма знакомо.

— Верно. Зонд Безумного Эдди был действительно запущен к Новой Каледонии, но много позже и с другим экипажем. Мы полагали, что вы

явитесь туда, откуда он был запущен.

— Что мы и сделали. К несчастью, экипаж погиб, но зонд достиг нас. Но почему вы по-прежнему называете это Зондом Безумного Эдди? Впрочем, это пустяки, — сказал Реннер. Его мошкита хихикнула.

Два лимузина ожидали их перед Музеем, и вниз, до уровня улицы, были опущены ступеньки. Крошечные двухместные машинки объезжали препятствие, не замедляясь, но и не сталкиваясь с ним.

Стели спустился вниз.

— Мистер Реннер! Смотрите!

— Они складываются! — воскликнул Стели.

— Конечно, — сказала мошкита Реннера. — Представьте себе давку на улицах, если бы этого не было! Но давайте садиться в машины.

Когда они расселись, Реннер сказал:

— Я бы не поехал в этой маленькой смертельной ловушке даже за все деньги мистера Бари.

— О, они вполне безопасны, — сказала мошкита Реннера. — То есть, не машина безопасна, а шофер. Коричневые постоянно возятся со своими машинами, так что поломок быть не должно.

Лимузины тронулись. Как только они отъехали, появились Коричневые и принялись

демонтировать ступени.

Здания вокруг них всегда стояли прямоугольными блоками, а улицы образовывали решетку. Для Хорвата этот город был явно сделанным, а не чем-то, выросшим естественным образом. Кто-то спланировал его и приказал построить. Все ли города были похожи на этот?

Да, решил он, все. Но не по сути своей, а в таких деталях, как освещение улиц. Местами это были широкие люминесцентные полосы вдоль зданий, а местами — предметы, похожие на плавающие в воздухе пузыри, которые ветер не уносил прочь. Еще где-то вдоль улиц, по их центру, тянулись трубы, а местами не было вообще ничего, заметного в это время дня.

И эти похожие на ящики машины — каждая была немного другой в размещении фар или способе парковки машины складыванием вовнутрь самой себя.

Лимузины остановились.

— Мы на месте, — объявила мошкита Хорвата. — Это зоопарк. Заповедник Жизненных Форм, если быть более точным. Вы увидите, что это сделано больше для удобства жителей, чем для посетителей.

Хорват и остальные удивленно оглядывались

по сторонам. Повсюду их окружали высокие прямоугольные здания. Нигде не было открытого пространства.

— Он слева от вас. Это здание, джентльмены, здание! Разве есть закон, запрещающий размещать зоопарк в здании?

Зоопарк, как выяснилось, имел шесть этажей с потолками, несомненно, слишком высокими для мошкитов. Трудно было даже сказать, насколько высоки были эти потолки. Выглядели они, как небо. На первом этаже это было открытое голубое небо, с плывущими облаками и солнцем, перевалившим за полдень.

Группа шла через влажные джунгли, характер которых изменялся по мере того, как они двигались. Животные не могли достать их, но почему

— это было трудно понять. Казалось, они не сознают, что оказались в загоне.

Здесь росло дерево, похожее на огромный хлыст, ручка которого глубоко ушла в землю, а собственно плеть выпустила пучки круглых листьев, которые обвивались вокруг ствола. Животное, похожее на гигантского мошкита, стояло под ним, таращась на Уайтбрида. У него были острые когти на двух правых руках и клыки, торчащие между губами.

— Это был вариант типа Носильщика, — сказала мошкита Хорвата, — но его никак не удавалось приручить. Вы видите, почему.

— Эта искусственная окружающая среда великолепна! — воскликнул Хорват. — Я никогда не видел лучше. Но почему бы не построить часть зоопарка на открытом воздухе? Зачем создавать окружающую среду, если натуральная уже имеется?

— Я не уверена, почему это сделано. Но это выглядит детально разработанным.

Второй этаж был пустыней сухого песка. Воздух был сух и ароматен, небо голубое, темнеющее до желто-коричневого на горизонте. Мясистые растения без колючек росли из песка. Некоторые из них имели форму толстых подушечек лилий. На многих имелись следы зубов. Затем люди заметили существа, оставившие эти следы. Существа походили на голых белых бобров с торчащими прямоугольными зубами. Они скучающе смотрели на них, когда они проходили мимо.

На третьем этаже шел дождь, и сверкали молнии, казалось бы, за много миль отсюда. Люди жались у входа, поскольку не имели никакой защиты от дождя. Мошкиты и сердились и извиняли их. Им не пришло в голову, что дождь может

беспокоить людей — сами они любили его.

— Мы изучили вас, — сказала мошкита Уайтбрида, — но мы не знаем вас. Возможно, в другой раз, когда дождь кончится…

Четвертый этаж оказался вообще не диким. Там были даже маленькие круглые дома на далеких иллюзорных холмах. На маленьких, похожих на зонтики деревьях росли красные и лавандовые плоды, висевшие среди плоских зеленых дисков листвы. Пара прото-мошкитов стояла под одним из них. Оба были низенькие и толстые, а их правые руки, казалось, были заведены назад. Печально посмотрев на группу, одно из них протянуло руку вверх за лавандовым фруктом. Его левая рука была как раз нужной длины.

— Еще один негодный для работы представитель нашего вида, — сказала мошкита Хорвата. — Ныне вымерший за исключением Заповедника Жизненных Форм, — похоже было, что она хочет увести их отсюда.

Еще одну пару они обнаружили на клочке земли, где росли дыни — те самые дыни, которые люди ели на обед.

На широком травяном поле безмятежно паслось семейство существ с копытами и косматой шерстью, за исключением одного, которое стояло

на страже, и немедленно повернулось к посетителям.

Голос за спиной Уайтбрида произнес:

— Вы разочарованы. Почему?

Уайтбрид удивленно оглянулся.

— Разочарован? Нет! Это так увлекательно.

— Это моя ошибка, — сказала мошкита Уайтбрида. — Я думала, что говорю с мистером Реннером.

Эта часть заповедника была довольно протяженной. Здесь не было опасности заблудиться, и все они наслаждались ощущением травы под ногами: длинные, свернутые кольцом зеленые листья, более упругие, чем обычный газон, очень походили на живые ковры в домах аристократии и самых богатых торговцев.

Реннер повернулся, почувствовав, что кто-то смотрит на него.

— Да?

— Мистер Реннер, меня вдруг осенило, что вы немного разочарованы нашим зоопарком.

Уайтбрид вздрогнул, а Реннер нахмурился.

— Да? Я сам пытаюсь понять свои чувства. Вообще-то я не чувствую ничего подобного. Это совершенно чужой мир, и все собрано для нашего удобства. Уайтбрид, вы тоже чувствуете это?

Гардемарин неохотно кивнул.

— Вот так-то. Это чужой мир, и все собрано для нашего удобства, правильно? Много ли зоопарков вы видели прежде и на скольких мирах?

Уайтбрид мысленно сосчитал.

— Шесть, включая Землю.

— И все они похожи на этот, за исключением того, что иллюзия здесь лучше. Мы ожидали увидеть нечто, разделенное в зависимости от важности животных, но здесь этого нет. Все-таки это чужой мир.

— В этом есть смысл, — сказала мошкита Уайтбрида. Голос ее был слегка грустен, и люди вспомнили, что мошкиты никогда не видели чужих миров.

Следующий этаж поразил их.

Доктор Хорват вышел из лифта первым и тут же остановился: он находился на городской улице.

— Я думаю, мы выбрали не ту дверь… — и он попятился. На мгновение ему показалось, что его покидает рассудок.

Город был пустынен. На улицах стояли несколько машин, но они были разбиты, а на некоторых виднелись следы огня. Некоторые здания разрушились, засыпав улицу грудами обломков. Какая-то черная движущаяся масса выпустила по направлению к нему что-то вроде щупалец и

тут же метнулась обратно, в темную дыру в груде битого кирпича. У Хорвата по спине побежали мурашки. Когда чужая рука коснулась его локтя, он подпрыгнул, широко раскрыв рот.

— Что случилось, доктор? Наверняка у вас есть животные, приспособленные к городам.

— Нет, — сказал Хорват.

— Крысы, — подсказала Сэлли Фаулер. — И еще вши, которые живут только на людях. Но я думаю, это и все.

— У нас их гораздо больше, — сказала мошкита Хорвата. — Возможно, мы сможем показать вам нескольких, хотя они очень робкие.

Вдалеке виднелись маленькие черные существа, неотличимые от крыс. Харди сделал снимок стаи, которая дралась за укрытие. Позднее он надеялся увеличить его. Были еще крупные плоскостопые существа, почти невидимые, пока не окажешься прямо перед ними. Они имели тот же цвет и рисунок, что и кирпичи, к которым прижимались.

— Как хамелеон, — сказала Сэлли и тут же объяснила, кто это такой.

— Здесь все иначе, — сказала мошкита Сэлли и указала на животное цвета бетона, которое прижималось к серой стене. — Не пробуйте бес-

покоить его. У него есть зубы.

— А где они находят пищу?

— В садах на крышах. Впрочем, они могут есть мясо. А эти насекомоядные… — она подвела их к «крыше», находившейся в двух метрах над уровнем улицы. Там были зерновые и плодовые деревья, росшие в полном беспорядке, и маленькие безрукие двуногие животные, выбрасывающие свернутый в кольцо язык на метр в длину. Они выглядели так, словно имели полный рот орехов.

На шестом этаже их встретил лютый холод. Небо было свинцово-серое, а над бесконечной ледяной тундрой ветер гнал тучи снега. Харди захотел остаться здесь, чтобы изучить жизнь этого ледяного ада: кусты и крошечные деревья, росшие сквозь лед, крупных спокойных существ, которые игнорировали их, пушистых скачущих кроликов с похожими на тарелки ушами и без передних лап. Пришлось уводить его почти силой, иначе он просто замерз бы здесь.

В Замке их уже ждал обед: корабельные запасы и тонкие ломтики плоского зеленого кактуса семидесяти пяти сантиметров в длину и трех в ширину. Красное желе внутри него имело почти мясной вкус. Реннеру это понравилось, но осталь-

ные вообще не смогли есть его. Зато все прочее они съели, оживленно переговариваясь между глотками.

— Мы представляем, — сказала мошкита Ренера, — что хотят увидеть в незнакомом городе туристы. По крайней мере, мы знаем, что вы показывали в своих фильмах о путешествиях. Музеи. Правительственные здания. Памятники. Архитектурные уникумы. Возможно, магазины и ночные клубы. Кроме того, образ жизни местных жителей, — она возбужденно жестикулировала. — Мы вынуждены опустить кое-что из этого. У нас нет никаких ночных клубов. У вас будет возможность услышать нашу музыку, но, честно говоря, она вам не понравится.

Правительством являются Посредники, собирающиеся для разговора. Это может быть где угодно. Принимающие решения живут там, где им нравится, и обычно считают себя связанными соглашениями со своими Посредниками. Вы увидите некоторые из наших памятников. Что же касается нашего образа жизни, то через некоторое время вы сможете изучить его.

— А как насчет образа жизни Белых? — спросил Харди и зевнул так, что хрустнули кости.

— Он прав, — вмешалась мошкита Харди. — Мы

сможем увидеть семейные резиденции отдающих приказы. То есть, мы сможем получить разрешение…

— чужак сбился на невнятное бормотание.

Мошкиты посовещались, и мошкита Сэлли сказала:

— Это возможно. Мы увидим их.

Изменение продолжительности дня сильно действовало на людей. Доктора Харди и Хорват, зевая, извинились перед всеми и ушли. Однако, Бари был еще вполне бодр. Интересно, каков период обращения его планеты, подумал Реннер. Самого его космические путешествия научили приспосабливаться к любым распорядкам дня.

Обед закончился. Сэлли пожелала всем доброй ночи и ушла вверх по лестнице, заметно покачиваясь. Реннер предложил попеть народные песни, но, не получив поддержки, ушел.

Спиральная лестница вела наверх, в башню. Реннер вышел в коридор и, ведомый любопытством, пошел по нему. Добравшись до воздушного шлюза, он понял, что тот должен выходить на балкон, окружавший башню. Реннер не стал выходить на воздух Мошки-1. Он бы не удивился, если бы оказалось, что балкон вовсе не предназначался для использования. Потом он

представил себе кольцо, окружавшее тонкую башню, и подумал, не играют ли мошкиты во фрейдистский символизм.

Вероятно, так оно и было. Реннер развернулся и направился к своей комнате.

В первое мгновение ему показалось, что он вошел не туда. Цветовая гамма ошеломляла: черная с оранжевым, она совершенно отличалась от скромной бледно-коричневой, которая была утром. Однако, вакуумный костюм на стене принадлежал ему — на груди у него виднелись его знаки различия. Реннер осмотрел комнату, пытаясь решить, нравится ли ему эта перемена.

Это была единственная перемена… впрочем, в комнате стало теплее. Прошлой ночью здесь было слишком холодно. Движимый интуицией, он пересек комнату и заглянул в спальную нишу мошкиты. Да, там было прохладно.

Мошкита Реннера выглянула из-за дверного косяка, наблюдая за ним со своей обычной слабой улыбкой. Реннер сконфуженно усмехнулся и продолжал осмотр.

Сначала ванная… потом туалет… Он изменился так, как Реннер описывал его. Впрочем, в худшую сторону — воды в нем не было совершенно. И слива тоже не было.

Черт побери, был только один способ проверить туалет.

Он заглянул в сливное углубление — его чаша сверкала чистотой. Вылив в него стакан воды, Реннер увидел, что она скатилась вниз, не оставив ни капли. Поверхность углубления не имела трения.

Нужно будет сказать об этом Бари, подумал Реннер. Существовали базы на лишенных атмосферы лунах и миры, где вода и энергия для ее регенерации имелись в малых количествах. Но это завтра. Сейчас он слишком хочет спать.

Период обращения Леванта составлял 28 часов 40,2 минуты. Бари достаточно хорошо приспособился к стандартному дню «Мак-Артура», но всегда легче приспособиться к более длинному дню, чем к более короткому.

Он ждал, пока его финч'клик' послал Коричневого за кофе. Его делал ему отсутствующий сейчас Набил… и будет удивительно, если мошкиты обладают большинством способностей Набила. Впрочем, он уже один раз серьезно недооценил возможности Коричнево-белых. По-видимому, его мошкит мог распоряжаться любым экипажем Мошки-1, независимо от того, есть он или еще не построен. И при этом он был агентом кого-то, кого

Бари никогда не видел. Ситуация была сложной.

Коричневый вернулся с кофе и еще с одним сосудом, в котором была налита светло-коричневая жидкость.

— Ядовито? Вполне возможно, — сказал его финч'клик'. — Вещество, дающее цвет, или же бактерии могут повредить вам. Это вода снаружи.

Не в обычаях Бари было переходить к делам слишком быстро. Он чувствовал, что слишком торопливого бизнесмена легко одурачить. Бари не сознавал тысячелетних традиций, стоящих за его мнением. Сначала ему и его мошкиту нужно поговорить о многих вещах… «О ботинках, кораблях и сургуче, о капусте, королях и…» — процитировал он и, заметив интерес мошкита, описал ему все упомянутое. Особенно интересовали мошкита различные формы управления у людей.

— Я не думаю, что смогу читать Льюиса Кэррола, — сказал он, — пока не узнаю человеческую культуру значительно лучше.

Наконец, Бари снова вернулся к разговору о предметах роскоши.

— Предметы роскоши… Да, в принципе я согласен, — сказал мошкит Бари. — Если они перевозятся хорошо, это может окупиться, хотя бы

уменьшением стоимости горючего. Это должно быть истинно даже с вашим двигателем Безумного Эдди. Но на практике есть и ограничения.

Бари уже думал об этом. Сейчас он сказал:

— Расскажите мне об этом.

— Кофе. Чай. Вина. Полагаю, вы торгуете и винами?

— Моя религия запрещает вина, — Бари косвенно участвовал в перевозке вин с одного мира на другой, но не верил, что мошкиты захотят покупать вина.

— Это не имеет значения. Мы не можем переносить алкоголь, и нам не нравится вкус кофе. То же самое может оказаться и с другими вашими деликатесами, хотя кое-кто может решить попробовать.

— А сами вы не торгуете предметами роскоши?

— Нет. Власть над другими, безопасность и долговечность обычаев и династий… как обычно, я говорю от имени отдающих приказы. Мы торгуем только ради их выгоды, но мы также торгуем дипломатией. Мы торгуем товарами длительного пользования и предметами первой необходимости… Кстати, что вы думаете о наших произведениях искусства?

— Их можно продавать за хорошую цену, пока они не станут обычными. Но я думаю, что наша торговля будет вестись в основном идеями и проектами.

— Да?

— Например, туалет без трения, и принципы, на которых он основан. Различные сверхпроводники, которые вы производите более эффективно, чем мы. Мы нашли образец на одном астероиде. Вы можете снять с него копию?

— Я уверен, что Коричневые найдут способ, — мошкит вяло махнул рукой. — С этим проблем не будет. Вы, вероятно, можете предложить многое. Например, землю. Нам будет нужна земля для наших посольств.

Вероятно, это можно будет предложить бесплатно, подумал Бари. Однако, для этой расы земля должна быть буквально бесценной: без людей они никогда не будут иметь ее больше, чем в данный момент. И они могут захотеть землю под поселения. Этот мир был переполнен. Бари видел с орбиты огни городов, поля света, окруженные океанами темноты.

— Земля, — согласился он, — и зерно. Есть злаки, которые растут под солнцами вроде вашего. Мы знаем, что вы можете есть некоторые из них.

Может, они будут расти здесь лучше, чем ваши собственные? Перевозка громоздких продуктов никогда не будет приносить прибыль, но с семенами можно попробовать.

— У вас тоже есть идеи, которые вы могли бы продать нам.

— Сомневаюсь. Ваша изобретательность огромна и удивительна.

Мошкит махнул рукой.

— Спасибо. Кое-чего у нас нет. Например, мы имеем свой собственный двигатель Безумного Эдди, но генератор силового поля, которое защищает…

— Если меня расстреляют, вы лишитесь единственного торговца в этой системе.

— О, Аллах, неужели ваши власти действительно так решительно защищают свои секреты?

— Возможно, они изменят свое мнение, когда узнают вас получше. Кроме того, я не физик, — сказал Бари.

— Бари, мы не исчерпали вопроса с искусством. У наших людей искусства свободные руки, постоянный доступ к материалам и небольшой надзор. В принципе, обмен произведениями искусства между Мошкой и Империей может облегчить общение. Мы еще никогда не пытались адресовать

свое искусство чужому разуму.

— Книга и ленты доктора Харди содержат множество таких произведений искусства.

— Мы должны изучить их, — мошкит Бари начал потягивать свою грязную воду. — Мы говорили о кофе и винах. Мои товарищи заметили сильный интерес к вину среди ваших ученых и офицеров Флота.

— Да. Место производства, даты, ярлыки, способность к перевозке в невесомости, какие вина с какими продуктами можно перевозить… — Бари скорчил гримасу. — Я слышал, но ничего не знаю об этом. Я нахожу весьма досадным и дорогим, что некоторые мои корабли вынуждены двигаться с постоянным ускорением, чтобы защитить бутылки от выпадения осадка. Почему бы их просто не пропустить через центрифугу после прибытия на место?

— А кофе? Все они пьют кофе. Кофе изменяется в зависимости от его генетики, почвы, климата, способа жарки. Я знаю, что это так. Я видел ваши запасы.

— На борту «Мак-Артура» у меня гораздо больше разновидностей. К тому же есть различия и между пьющими кофе. Культурные различия. На мирах, восходящих к Америке — вроде Тэйблтопа

— могут даже не прикоснуться к маслянистому напитку, предпочитаемому на Новом Париже, а там считают напиток Леванта слишком крепким и сладким.

— Вот как?

— Вы слышали о Голубой Горе Ямайки? Этот сорт растет на самой Земле, на большом острове. Этот остров никогда не бомбили, и мутации исчезли за века, последовавшие за развалом СоВладения. Его невозможно купить. Военные корабли перевозят его в Имперский дворец на Спарте.

— И каков его вкус?

— Я же сказал, что его хранят для Императора… — Бари заколебался. — Ну, хорошо. Вы знаете меня слишком хорошо. Я не смогу заплатить такую цену еще раз, но я не жалею об этом.

— Флот недооценивает вас, потому что вам не хватает знания вин, — мошкит Бари вовсе не выглядел улыбающимся. Его бесстрастное лицо было лицом торговца — это выражение он перенял от самого Бари. — Конечно, это довольно глупо с их стороны. Если бы они знали, как много можно узнать о кофе…

— Что вы предлагаете?

— У вас на борту есть запасы. Научите их пить

кофе. Используйте для этой цели свои собственные запасы.

— Для офицеров линейного крейсера моих запасов не хватит и на неделю!

— Вы должны показать им сходство между вашей и их культурами. Или вам не нравится эта идея? Нет, Бари, я не читаю ваши мысли. Вам не нравится Военный Флот, и вы стремитесь преувеличивать различия между ними и вами. Может, они думают также?

«Я не читаю ваши мысли». Бари сдерживал ярость, растущую в нем, — и в этот момент он понял. Теперь он знал, почему чужак повторял эту фразу. Она поддерживала его в неустойчивом состоянии в торговых делах.

Бари широко улыбнулся.

— Добрая воля недельной продолжительности. Хорошо, я воспользуюсь вашим предложением, когда вернусь на орбиту и буду обедать на «Мак-Артуре». Аллах знает, как много они смогут узнать о кофе. Возможно, я даже сумею научить их правильно пользоваться кофейником.

KAFFEE KLATSCH

Род и Сэлли сидели вдвоем в патрульной кабине капитана. Экраны интеркома были выключены, и контрольная таблица над столом Рода демонстрировала лаконичный рисунок зеленых огоньков. Род вытянул свои длинные ноги и потягивал напиток.

— Вы знаете, с тех пор, как мы покинули Новую Каледонию, это первый раз, когда мы остались вдвоем… И это прекрасно.

Сэлли неуверенно улыбнулась.

— Но это ненадолго… Мошкиты ждут нашего возвращения, и мне предписано… Род, сколько мы еще будем в системе Мошки?

— Спросите у адмирала. Вице-Король Меррилл ждет нас обратно по возможности скорее, но доктор Хорват хочет побольше изучить. Что я и делаю. Сэлли, у нас еще нет ничего значительного для доклада! Мы не знаем, представляют ли мошкиты угрозу для Империи или нет.

— Род Блейн, когда вы перестанете поступать как кадровый офицер Флота и станете самим собой? Нет ни малейшего следа доказательств того, что мошкиты враждебны нам. Мы не видели ни-

каких признаков оружия, войн или чего-нибудь подобного…

— Я знаю, — мрачно сказал Род. — И это меня беспокоит. Сэлли, вы когда-нибудь слышали о человеческой цивилизации, которая не имела бы солдат?

— Нет. Но мошкиты — не люди.

— Муравьи — тоже не люди, но солдаты у них есть… Может, вы и правы, и я перенял это от Кутузова. Он требует более частых докладов. Вы знаете, что каждый обрывок информации передается прямо на «Ленин» в течение часа? Мы также посылаем туда образцы продукции мошкитов и некоторые из модификаций, сделанных Коричневыми…

Сэлли засмеялась. На мгновение Род скривился, потом присоединился к ней.

— Простите, Род. Я знаю, что вам было очень трудно сказать Царю, что у нас на борту были Домовые… но это было так забавно!

— Ну, да, забавно. В любом случае, мы посылаем все, что можем, на «Ленин». Вы думаете, что я параноик? Кутузов осматривает каждую вещь в пространстве, затем запаковывает в контейнеры, наполненные цитогеном, и складирует вне корабля! Думаю, он боится заражения, — зажужжал

интерком. — Проклятье! — Род повернулся к экрану. — Капитан слушает.

— Священник Харди хочет видеть вас, капитан, — объявил часовой — звездный пехотинец. — С мистером Реннером и учеными.

Род вздохнул и беспомощно взглянул на Сэлли.

— Пришлите их сюда вместе с моим стюардом. Полагаю, все они захотят выпить.

Они захотели. Когда все расселись, кабина оказалась переполнена. Род приветствовал членов экспедиции на Мошку лично, затем взял со стола пачку бумаг.

— Первый вопрос: нужны ли вам служащие Флота? Как я понял, им нечего делать.

— Ну, в общем-то, никакого вреда от их пребывания там нет, — сказал доктор Хорват, — но они занимают место, которое могли бы занимать ученые.

— Другими словами, нет, — сказал Род. — Отлично. Оставляю на ваше усмотрение, кто из ваших людей заменит их, доктор Хорват. Следующий пункт: нужны ли вам звездные пехотинцы?

— О, небеса, конечно, нет, — запротестовала Сэлли. Она быстро взглянула на Хорвата, и тот кивнул. — Капитан, эти мошкиты далеки от враждебных намерений, они построили для нас

Замок. Он просто великолепен! Почему бы вам не спуститься вниз и не посмотреть его?

Род горько рассмеялся.

— Приказ адмирала. Он гласит, что я не могу послать вниз ни одного офицера, знающего, как сделать Поле Лэнгстона, — он кивнул сам себе. — Адмирал и я согласны в одном: если вам нужна помощь, двое звездных пехотинцев не будут никуда задействованы… это должно дать мошкитам понять, что финч'клик' для пары солдат вовсе не такая уж хорошая мысль. И это подводит нас к следующему вопросу. Доктор Хорват, мистер Реннер удовлетворяет вас? Если хотите, я попрошу его выйти из комнаты, пока вы будете отвечать.

— Ерунда. Мистер Реннер очень помог нам. Скажите, капитан, касаются ли ваши ограничения моих людей? Запрещено ли мне брать на Мошку-1 физиков?

— Да.

— Но доктор Бакмен считает, что должен ехать. Мошкиты изучали Глаз Мурчисона и Угольный Мешок уже очень долго… Сколько, мистер Поттер?

Гардемарин как-то съежился перед тем, как ответить.

— Тысячи лет, сэр, — сказал он, наконец. —

Только…

— Только что? — тут же спросил Род. Поттер был чересчур застенчив, и с этим следовало бороться. — Говорите громко и четко.

— Да, сэр. У них есть расхождения в их наблюдениях, капитан. Мошкиты никогда не упоминали этого факта, но доктор Бакмен говорит, что это очевидно. Я сказал, что иногда они теряли интерес к астрономии, но доктор Бакмен не смог этого понять.

— И не поймет, — рассмеялся Род. — А насколько важны эти наблюдения, мистер Поттер?

— Для астрофизиков они, возможно, очень важны, капитан. Они наблюдают этот супергигант всю свою историю, пока он идет через Угольный Мешок. Он должен стать сверхновой, а потом превратиться в черную дыру, и мошкиты говорят, что знают, когда это произойдет.

Гардемарин Уайтбрид рассмеялся, и все повернулись к нему. Уайтбрид с трудом взял себя в руки.

— Простите, сэр, но я был там, когда Гэвин говорил об этом Бакмену. Глаз должен взорваться в 2774020 году н.э., 27 апреля, между четырьмя и четырьмя тридцатью утра, говорят они. Сначала мне показалось, что доктор Бакмен задушит сам

себя. Затем он решил провести проверку лично. Это заняло у него тридцать часов…

Сэлли усмехнулась.

— Он почти прикончил финч'клик', делавшую это, — добавила она. — Мошкита доктора Хорвата объяснила ему, когда распадется их собственное солнце.

— Да, и он обнаружил, что они были правы, — сказал Уайтбрид. Гардемарин откашлялся и изобразил сухой голос Бакмена. — Чертовски скоро, мистер Поттер. Я получил математические данные, доказывающие это.

— Вы развиваете свой талант актера, мистер Уайтбрид, — сказал первый лейтенант Каргилл. — К сожалению, в астронавигации вы не демонстрируете подобного улучшения. Капитан, мне кажется, доктор Бакмен может получить все, необходимое ему, здесь. Поэтому нет причин отправлять его на планету.

— Согласен. Доктор Хорват, ответ отрицательный. Кроме того… вы действительно хотите провести неделю в обществе Бакмена? Можете не отвечать, — быстро добавил он. — Так кого же вы возьмете?

Хорват на мгновение задумался.

— Скажем, Де Вандалью.

— Да, пожалуй, — быстро сказала Сэлли. — Нам нужен геолог. Я пыталась копать, чтобы получить образцы горных пород, но не поняла природы Мошки-1. Там нет ничего, кроме руин, состоящих из еще более древних руин.

— Вы хотите сказать, что у них нет коренных пород? — спросил Каргилл.

— У них есть коренные породы, командор, — ответила Сэлли. — Граниты и базальты. Но нет мест, где бы то, что образует планету, выходило наверх. Они все были использованы для стен, черепицы, крыш. Я не нашла ответа в музее и не смогла получить его от них.

— Подождите минуточку, — сказал Род. — Вы хотите сказать, что выходили и начинали копать наугад, и где бы вы это ни делали, вы находили останки города? Даже на полях фермеров?

— У меня было не так много времени для раскопок, но где бы я ни копала, под землей всегда что-нибудь было. Я понятия не имею, где это кончается! Капитан, под глинобитными хижинами там был город, похожий на Нью-Йорк 2000 года н.э. Думаю, у них была цивилизация, разрушенная примерно две тысячи лет назад.

— Это может объяснить ошибки наблюдений, — сказал Род. — Но… они кажутся слишком

сообразительными для этого. Почему они допустили падение цивилизации?

— У меня есть идея, — сказала Сэлли. — Заражение воздуха… Не было ли здесь загрязнителя вроде двигателя внутреннего сгорания Земли времен СоВладения? Допустим, у мошкитов была цивилизация, основанная на ископаемом топливе, и оно кончилось? Разве не должны были они вернуться в Железный Век, прежде чем сумели развить ядерный синтез и физику плазмы? Похоже, у них крайне мало радиоактивных руд.

Род пожал плечами.

— Значит, геолог во многом может помочь… и он гораздо более необходим на это место, нежели доктор Бакмен. Полагаю, это решено, доктор Хорват?

Министр по науке мрачно кивнул.

— Но все равно мне не по душе вмешательство Военного Флота в нашу работу. Скажите ему, доктор Харди. Это необходимо прекратить.

Священник-лингвист, казалось, был удивлен. Он сидел в самом конце комнаты, ничего не говоря, но внимательно слушая.

— Что ж, Энтони, я согласен, что геолог более пригодится на поверхности планеты, чем астрофизик. И… капитан, я оказался в уникальном

положении. Как ученый, я не могу одобрить всех этих ограничений, налагаемых на наши контакты с мошкитами. Как представитель Церкви, я имею невыполнимую задачу, а как офицер Военного Флота… думаю, что должен согласиться с адмиралом.

Все удивленно повернулись к священнику.

— Я изумлен, доктор Харди, — сказал Хорват. — Вы видели хотя бы малейшие доказательства военной деятельности на Мошке-1?

Харди крепко сжал перед собой руки и заговорил, глядя поверх кончиков пальцев.

— Нет. И это, Энтони, беспокоит меня. Мы знаем, что у мошкитов есть войны: класс Посредников был создан — вероятно, создан сознательно — чтобы прекратить их. Не думаю, что они всегда добиваются успеха. Но тогда почему мошкиты прячут от нас свое оружие? Напрашивается ответ, что по той же причине, что и мы, но подумайте: мы не скрываем факта обладания оружием и даже того, какова его природа. Тогда почему это делают они?

— Вероятно, стыдятся перед нами, — ответила Сэлли. Увидев лицо Рода, она вздрогнула. — Я сказала это не в буквальном смысле… Но они цивилизованы дольше нас, и могут стыдиться

своего бурного прошлого.

— Возможно, — признал Харди и понюхал свой коньяк. — А, возможно, и нет, Сэлли. У меня такое чувство, что мошкиты прячут что-то важное… и прячут это, так сказать, перед самым нашим носом.

Долгое молчание нарушило фырканье Хорвата.

— А как они могут делать это, доктор Харди? Их управление слагается из неофициальных переговоров представителей класса отдающих приказы. Каждый город выглядит почти автономным. На Мошке-1 едва ли есть планетарное правительство, и вы думаете, что они способны сговориться против нас? Это не очень-то правдоподобно.

Харди снова пожал плечами.

— Судя по тому, что мы видели, доктор Хорват, вы, конечно, правы. И все-таки я не могу избавиться от чувства, что они что-то прячут.

— Они показали нам все, — не сдавался Хорват. — Даже хозяйства отдающих приказы, где обычно они не принимают посетителей.

— Сэлли уже говорила об этом перед вашим приходом, — быстро сказал Род. — Скажите, как живет правящий класс мошкитов? Подобно Имперской аристократии?

— Это лучшее сравнение, чем вы можете думать, — буркнул Хорват. Два сухих мартини заметно опьянили его. — Имеется много общего… хотя у мошкитов совершенно отличная от нашей концепция предметов роскоши. Впрочем, некоторые вещи общие… Земля… слуги… и тому подобное, — Хорват взял еще один бокал и стал греть его содержимое.

— Мы действительно посетили двух хозяев. Один живет в небоскребе около Замка и, похоже, контролирует все здание: магазины, освещение, сотни Коричневых, Красных, Рабочих и… дюжины других классов. Другой, кстати, агроном, очень похож на сельского барона. Рабочие живут в длинных рядах домов, а между рядами находятся поля. Этот «барон» живет в самом центре всего.

Род подумал о своем родном доме.

— Круцис Корт тоже окружен деревнями и полями, но, конечно, все деревни были укреплены после гражданских войн.

— Странно, что вы сказали это, — буркнул Хорват. — Там тоже было место, укрепленное по образцу этого «баронства». Большой атриум в самом центре. Вообще, что касается этого вопроса, во всех жилых небоскребах нет окон на нижних этажах, и есть большие сады на крышах.

Полное самообеспечение. Это выглядит весьма воинственно. Мы не сообщили об этом наблюдении адмиралу: он наверняка обнаружит в нем милитаристские тенденции.

— А вы уверены, что он ошибется, — спросил Каргилл. — Из того, что я слышал, у каждого из этих отдающих приказы есть самообеспечивающаяся крепость. Сады на крышах… домовые, ремонтирующие все машины… Жаль, что мы не приручили нескольких из них в помощь Синклеру, — Каргилл заметил, что капитан мрачно смотрит на него и торопливо добавил: — В любом случае, у агронома должно быть больше шансов в сражении, но по описаниям оба эти места выглядят как крепости. Насколько я понял, так выглядят и остальные жилые дворцы.

Доктор Хорват пытался сдерживать себя, тогда как Сэлли Фаулер безуспешно пыталась скрыть свое веселье. Наконец, она рассмеялась.

— Командор Каргилл, эти мошкиты совершают космические путешествия и обладают ядерным синтезом уже веками. Если их здания до сих пор выглядят как крепости, это должно быть традицией. В этом нет никакой цели! Как военный эксперт, скажите, каким должен быть ваш дом, чтобы он мог защитить вас от современного

оружия?

Каргилл молчал, но, судя по его внешнему виду, убежден не был. — Вы говорите, что они стараются делать свои дома самообеспечивающимися?

— спросил Род. — Даже в городе? Но это же глупо. Им еще нужна и вода.

— Ее вполне достаточно от дождей, — сказал Реннер. — Они идут три дня из каждых шести.

Род взглянул на парусного мастера. Серьезно ли он говорит?

— А вы знаете, что есть мошкиты-левши? — продолжал Реннер. — У них все наоборот. Две шестипалые левые руки, одна массивная правая и нарост на черепе тоже справа.

— Мне потребовалось полчаса, чтобы заметить это, — засмеялся Уайтбрид. — Этот новый мошкит ведет себя точно так же, как тот, что был у Джонсона. Видимо, его проинструктировали.

— Левша, — сказал Род. — А почему бы и нет? — по крайней мере, они сменили тему. Стюард принес ленч, и каждый получил его. Когда они кончили есть, пришло время возвращаться на Мошку-1.

— Мне надо поговорить с вами, мистер Реннер, — сказал Род, когда парусный мастер хотел выйти. Он подождал, пока все, кроме Каргилла,

ушли. — Мне нужен свой человек внизу, а вы единственный старший офицер, на попадающий под ограничение адмирала. Хотя у вас нет оружия, кроме личного, но это военная экспедиция, и, если дело дойдет до столкновения, командовать будете вы.

— Да, сэр, — сказал Реннер, несколько сбитый с толку.

— Если потребуется стрелять в человека или мошкита, сможете вы сделать это?

— Да, сэр.

— Вы ответили слишком быстро, мистер Реннер.

— Я обдумал этот вопрос еще тогда, когда решил поступить на Флот. Если бы я решил, что неспособен выстрелить в кого-либо, капитан наверняка узнал бы об этом.

Блейн кивнул.

— Следующий вопрос. Можете вы определить все необходимое для военных действий, занимаясь одновременно чем-то другим? Даже если то, что вы делаете, никогда не пригодится?

— Думаю, что да. Капитан, могу я спросить кое о чем? Я хочу вернуться обратно и…

— Говорите, мистер Реннер.

— Капитан, ваша финч'клик' сошла с ума.

— Я знаю об этом, — холодно сказал капитан Блейн.

— Думаю, что гипотетический финч'клик' Царя должен сойти с ума гораздо быстрее. Тот, кто вам нужен — единственный офицер на борту корабля, меньше всего склонный военному образу мышления.

— Отправляйтесь, мистер Реннер. И удачи вам.

— Слушаюсь, сэр, — покидая кабину, Реннер даже не пытался скрыть свою кривую усмешку.

— Он сделает, капитан, — сказал Каргилл.

— Надеюсь, Номер Первый. Джек, вы думаете, что эта наша воинственность довела мою мошкиту до безумия?

— Нет, сэр, — Каргилл выглядел вполне уверенным.

— Тогда что?

— Этого я не знаю, капитан. Я не знаю многих вещей об этих жукоглазых монстрах. Есть только одно, в чем я уверен: они узнали о нас больше, чем мы о них.

— Вы делаете успехи, Номер Первый. Они показали нашим людям то, о чем те просили, ничего не пряча. Вот вас, например, мошкиты всегда отпугивали, верно? Как, по-вашему, почему?

— Не знаю, капитан, — Каргилл в упор взглянул

на Блейна и подумал, что босс не собирается обвинять его в трусости. — Мне просто не нравится чувствовать это, — он посмотрел на карманный компьютер, чтобы проверить время. — Я должен идти, шкипер. Нужно помочь мистеру Бари с его кофейным бизнесом.

— Бари… Джек, я хотел поговорить с вами о нем. Его мошкит живет сейчас на посольском корабле. Бари отправился на катер. О чем они говорят?

— Предположительно, о торговых делах…

— Верно, но Бари многое знает об Империи. Экономика, промышленность, размеры Флота, со сколько количеством внешних мы имеем дело.

Каргилл усмехнулся.

— Он не позволит своей правой руке узнать, сколько пальцев у него на левой, капитан. Кроме того, я кое-что предпринял, чтобы он не узнал ничего такого, чего бы мы не одобрили.

— И как вы сделали это?

— Я сказал ему, что мы напичкали «клопами» каждый дюйм катера, сэр, — усмешка Каргилла стала шире. — Конечно, он понимает, что мы не можем прослушивать каждый из этих «клопов» все время, но…

Род вернул ему улыбку.

— Надеюсь, что это сработает. О'кей, а теперь

вам лучше отправиться в Kaffe Klatsch. Вы действительно не имеете ничего против помощи этому?

— Черт побери, шкипер, это была моя идея. Если Бари может показать кокам, как делать лучший кофе во время боевых тревог, я могу даже изменить свое мнение о нем. Однако, он в любом случае будет оставаться пленником на этом корабле?

— Пленником? Командор Каргилл…

— Шкипер, вся команда знает, что с пребыванием этого человека на борту что-то неладно. По слухам, он как-то замешан в мятеже на Нью-Чикаго, и вы держите его здесь по приказу Адмиралтейства. Это правда, не так ли?

— Кто-то здесь слишком много говорит, Джек. Как бы то ни было, я ничего не могу вам сказать.

— Конечно. У вас свои приказы, шкипер. Но я заметил, что вы не пытаетесь отказываться от этого. Что ж, это можно понять. Ваш старик богаче, чем Бари… Интересно, как часто служащие Флота продаются? Это довольно опасно — держать пленником чучело, которое может купить целую планету.

И Каргилл быстро отправился на главную кухню.

Накануне вечером, во время обеда, разговор как-то перешел на кофе, и Бари, отбросив свой обычный скучный расчет, обстоятельно заговорил об этом предмете. Он рассказал им историю гибрида Моха-Ява, еще растущего в местах вроде Макассара, и об удачном сочетании чистой Явы с груа, очищенной в мире принца Самуэля. Он знал историю Голубой Горы Ямайки, хотя сказал, что не пробовал этот сорт. Когда покончили с десертом, Бари предложил устроить «дегустацию кофе» по образу и подобию дегустации вин.

Это было превосходное завершение превосходного обеда. Бари и Набил двигались, как фокусники среди конических фильтров, кипящей воды и нарисованных вручную этикеток. Все гости были в восторге, и это сделало Бари каким-то другим человеком; трудно было представить его знатоком чего бы то ни было.

— Но главное условие — это держать оборудование совершенно чистым,

— сказал он. — Горькие масла из вчерашнего кофе при работе накапливаются, особенно в кофейнике.

Закончилось все предложением Бари осмотреть на следующий день оборудование «Мак-Артура» для приготовления кофе. Каргилл, считавший

кофе таким же жизненно важным для сражающегося корабля, как торпеды, сразу согласился. Сейчас он смотрел, как бородатый торговец изучает большой кофейник и в высшей степени осторожно зачерпывает чашку.

— Машина, безусловно, в хорошем состоянии, — сказал он. — В очень хорошем состоянии. Абсолютно чистая, и напиток разогревали не слишком часто. Для стандартного кофе это великолепно, командор.

Сбитый с толку Джек Каргилл зачерпнул чашку и попробовал.

— Почему это лучше, чем то, что мы пьем в кают-кампании?

Повара обменялись косыми взглядами, и Каргилл заметил это. Заметил он и еще кое-что. Проведя пальцем по боку кофейника, он вынул его с коричневым масляным пятном.

Бари повторил этот жест, понюхал свой палец и коснулся его кончиком языка. Каргилл тоже попробовал это масло. Оно имело вкус всех тех плохих кофе, которые он когда-либо глотал из страха уснуть на дежурстве. Он снова заглянул в кофейник.

— Опять малыши! — рявкнул Каргилл. — Разберите эту проклятую штуковину на части.

Они освободили машину и разобрали ее — насколько это было возможно. Части, которые должны были отвинчиваться, сейчас были приварены друг к другу. Однако, секрет магического кофейника, похоже, заключался в избирательной проницаемости металлической оболочки.

— Моя кампания с удовольствием купит этот секрет у Военного Флота,

— сказал Бари.

— Мы будем рады продать его. О'кей, Зиффрен, как долго это продолжалось?

Старшина поваров задумался.

— Не знаю, сэр. Может быть, месяца два.

— Это было до того, как мы стерилизовали корабль и убили всех малышей? — требовательно спросил Каргилл.

— Э… да, сэр, — сказал кок, но сказал это неуверенно, и Каргилл покинул кают-кампанию, хмуря брови.

ЧАСОВЩИКИ

Каргилл направился прямо в кабину Рода.

— Думаю, мы снова заполучили Домовых, шкипер, — и он объяснил, почему так думает.

— Вы говорили с Синклером? — спросил Род. — О, Боже, Номер Первый, адмирал совсем спятит. Вы уверены?

— Нет, сэр. Но я намерен убедиться. Шкипер, я уверен, что мы осмотрели все, когда чистили корабль. Где они могли спрятаться?

— Об этом вы будете думать, когда убедитесь, что они у нас есть. Берите главного инженера и пройдите по кораблю снова, Джек. И на этот раз убедитесь, черт побери!

— Слушаюсь, шкипер.

Блейн повернулся к экранам интеркома и ударил по клавише. По экрану потянулись все сведения, собранные о малышах. Этого было не слишком много.

Экспедиция на Мошку-1 видела тысячи этих малышей по всему Городу Замка. Мошкита Реннера называла их «Часовщики», и они действовали как ассистенты Коричневых «Инженеров». Большие мошкиты утверждали, что «Часовщи-

ки» были неразумны, но наследовали умение обращаться с приборами и механизмами так же хорошо, как обычные мошкиты наследовали инстинкт подчинения высшим кастам. Они требовали обучения, но заботу об этом брали на себя взрослые Часовщики. Подобно прочим рабочим кастам, они были формой богатства, и способность содержать большое количество Часовщиков, Инженеров и других низших форм была единственной мерой значимости Мастера. Это последнее было заключением священника Харди, и не было подтверждено со всей определенностью.

Прошел час, прежде чем Каргилл отозвался.

— Мы получили их, шкипер, — мрачно сказал первый лейтенант. — Палуба Б, воздушный поглотитель-преобразователь… помните ту полурасплавленную штуковину, которую ремонтировал Сэнди?

— Да.

— Так вот, Сэнди говорит, что он, вероятно, не сможет работать, и сейчас копается в нем, но для меня этого достаточно. Мы получили их.

— Поднимайте звездную пехоту, Номер Первый. Я иду на мостик.

— Слушаюсь, сэр, — Каргилл повернулся к агре-

гату. Синклер снял с него чехол и бормотал что-то себе под нос, изучая обнажившиеся внутренности машины.

А внутренности эти изменились: рама изменила свою форму, второй фильтр, поставленный Синклером, исчез, а оставшийся вызывал серьезные опасения.

— Да, — буркнул Синклер. — А вот и второй типичный признак, командор. Винтовые соединения сплавлены в одно целое. Отсутствующие части и все остальное…

— Значит, это Домовые.

— Да, — кивнул Синклер. — Мы думали, что убили их много месяцев назад, и мои записи, показывающие это, были проверены на прошлой неделе. Тогда все было нормальным.

— Но где они прячутся? — спросил Каргилл. Главный инженер молчал.

— Что теперь, Сэнди?

Синклер пожал плечами.

— Я бы посоветовал заглянуть на ангарную палубу, сэр. Это место корабля используется меньше всего.

— Верно, — Каргилл снова включил интерком. — Шкипер, мы собираемся проверить ангарную палубу, но, боюсь, что вопрос и так

ясен. На борту корабля есть живые Домовые.

— Сделайте это, Джек. А я отправлю сообщение на «Ленин», Род глубоко вздохнул и с такой силой сжал руками свое командирское кресло, как будто собирался вступить в бой. — Дайте мне адмирала.

Плотные черты лица Кутузова появились на экране. Род торопливо доложил.

— Я не знаю, сколько их, сэр, — закончил он. — Мои офицеры ищут дополнительные признаки присутствия малышей.

Кутузов кивнул. Последовало долгое молчание, во время которого адмирал смотрел в точку над левым плечом Блейна.

— Капитан, вы выполняете мои распоряжения о безопасности связи? — сказал он наконец.

— Да, сэр. Постоянный перехват всех излучений от «Мак-Артура» и к нему. Ничего не было.

— Насколько нам известно — ничего, — уточнил адмирал. — Не следует ничего предполагать, но, возможно, что эти существа имеют связь с другими мошкитами. Если это так, на борту «Мак-Артура» нет больше никаких секретов. Если же нет… Капитан, вам предписывается немедленно вернуть экспедицию на «Мак-Артур» и быть готовыми к движению к Новой Каледонии, как

только они окажутся на борту. Это понятно?

— Да, сэр, — буркнул Блейн.

— Вы не согласны?

Род на мгновение задумался. Ему не хотелось думать о крике, который поднимут Хорват и остальные, когда они будут разговаривать, и неожиданно для себя самого он согласился.

— Согласен, сэр. Я не могу придумать лучшего направления действий. Но, надеюсь, я могу уничтожить паразитов?

— Может, вы знаете, как это сделать, капитан? — спросил Кутузов. — Я этого знать не могу. Покинув эту систему, мы можем разобрать «МакАртур» на кусочки, не боясь, что они свяжутся с другими. Пока же мы здесь, это является постоянной угрозой, и это риск, на который я не готов пойти.

— Что мне сказать мошкитам, сэр? — спросил Род.

— Скажите, что на борту вашего корабля внезапно вспыхнула эпидемия. И что вам приказано вернуться в Империю. Вы можете сказать, что ваш командир приказал сделать это, и что у вас нет другого объяснения. Если потом объяснения понадобятся, у Министерства иностранных дел будет время подготовить их. А теперь выпол-

няйте.

— Да, сэр, — изображение адмирала исчезло, Род повернулся к вахтенному офицеру. — Мистер Кроуфорд, через несколько часов этот корабль должен направиться домой. Вызовите по тревоге начальников отделов, а потом дайте мне Реннера на Мошке-1.

Тихий вызов прозвучал в Замке. Кевин Реннер сонно взглянул вверх и увидел свою мошкиту на экране интеркома, вделанного в одну из декоративных картин на стене.

— Капитан хочет с вами говорить, — сказала мошкита.

Реннер взглянул на свой карманный компьютер. На «Мак-Артуре» был почти полдень, в Замке же — почти полночь. Он сонно встал на ноги и направился к экрану. Выражение лица Блейна мгновенно разбудило его.

— Да, шкипер?

— У нас на борту небольшая неприятность, мистер Реннер. Попросите мошкитов отправить наверх всех наших людей. Вам тоже нужно вернуться.

— Доктор Хорват не захочет возвращаться, сэр, — сказал Реннер. Его мозг напряженно работал. Наверняка, там случилось что-то плохое, и

если он понял это, то смогут понять и мошкиты.

Изображение Блейна кивнуло.

— Это не имеет значения, мистер Реннер.

— Да, сэр. А что с нашими мошкитами?

— О, они могут подняться на катере вместе с вами, — сказал Блейн.

— Все это не настолько серьезно. Просто положение ОС.

Потребовалась секунда, чтобы Реннер осознал это. ОС — особая срочность. За это время он сумел взять себя в руки. Во всяком случае, надеялся, что взял.

— Слушаюсь, капитан. Мы уже собираемся.

Он вернулся обратно к своей койке и осторожно сел на край. Натягивая ботинки, он пытался обдумать положение. Разумеется, мошкиты не могли знать кодовых сокращений Военного Флота, но ОС означало высшую степень первоочередности… и Блейн был слишком уж небрежен, говоря это.

О'кей, подумал он. Мошкиты поймут, что я делаю. На корабле критическая ситуация, и я должен увести с этой планеты заложников, ничего не говоря мошкитам. Это подразумевает, что мошкиты не знают о критическом положении, и значит, все это не имеет никакого смысла.

— Финч'клик', — напомнила ему его мошкита. — В чем дело?

— Не знаю, — ответил Реннер вполне искренне.

— И не хотите знать, — сказала мошкита. — У вас неприятности?

— Этого я тоже не знаю, — сказал Реннер. — Вы слышали капитана. Как мне теперь поднимать людей в середине ночи?

— Предоставьте это мне, — сказала мошкита.

Обычно на ангарной палубе поддерживался вакуум, поскольку из-за огромных дверей утечка воздуха была неизбежна. Позднее Каргиллу придется заняться вопросом поддержания давления, но сейчас они с Синклером проводили осмотр в вакууме.

Все казалось в порядке, ничто не сдвинулось с места, когда они вошли.

— Слушай, — произнес Каргилл, — а что бы ты сделал, если бы был малышом?

— Я положил бы шлюпки на корпус и использовал ангарную палубу, как топливный бак.

— Да, такие корабли есть. Потребуется большая работа, чтобы избавиться от Домовых, — Каргилл принялся прохаживаться по ангарным дверям. Позднее он не смог объяснить, почему посмотрел

вниз, себе под ноги. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что что-то не так.

Щели, которая разделяла две огромные прямоугольные островки дверей…

… не было.

Каргилл изумленно уставился на это место. Там ничего не было. Двери ангара стали частью корпуса. Шарнирные двигатели, весившие каждый по нескольку тонн, исчезли.

— Сэнди?

— Да?

— Где двери?

— Почему, стоя на них, ты… Нет, не верю…

— Они запечатали нас внутри. Зачем? Как? Как они сумели работать в вакууме?

Синклер бросился обратно к воздушному шлюзу. Дверь шлюза действовала…

— Приборы дают зеленый свет, — сказал Синклер. — Насколько им известно, все отлично. Если Домовые могут дурачить приборы, то они могут держать и ангарную палубу под давлением, пока не появляемся мы.

— Попробую двери, — Каргилл начал качаться на одной из втягиваемых стяжек.

— Приборы показывают, что двери открыты. Полностью открыты… — Синклер огляделся.

Ничего. Широкое пространство испещренного белыми пятнами пола было таким же прочным, как любая другая часть корпуса.

Потом он услышал ругательство Каргилла, увидел, что тот сорвался с огромной втягиваемой стяжки, и упал на то, что было дверью ангара. В следующее мгновение Каргилл прошел сквозь пол, словно это была поверхность воды.

Им пришлось вылавливать Каргилла из Поля Лэнгстона. Он по грудь погрузился в бесформенный черный плывун и продолжал погружаться дальше. Ноги его были холодны, сердце билось очень медленно. Поле поглощало любое движение.

— Я должен был погрузить в это свою голову, — сказал он, когда пришел в себя. — Об этом говорят все учебники. Дать мозгу заснуть, прежде чем остановится сердце. Но, зубы Господа! Как я мог предположить такое?

— Что случилось? — спросил Синклер.

Рот Каргилла открылся, закрылся и открылся снова. Потом он ухитрился сесть на постели.

— Для этого нет слов. Это было как чудо. Можно сравнить с тем, что я прогуливался по воде, и вдруг вся моя святость исчезла. Сэнди, это действительно было чертовски странно.

— Так это и выглядело.

— Ты видел, что они сделали, верно? Эти маленькие ублюдки переделали «Мак-Артур»! Двери по-прежнему на месте, но сейчас корабли могут проходить сквозь них. В критическом положении даже не понадобится эвакуировать ангарную палубу.

— Я расскажу об этом капитану, — сказал синклер и повернулся к интеркому.

— Где, черт побери, они прячутся? — задумчиво произнес Каргилл. Рядовые, которые вытаскивали его, вытаращили глаза. То же самое сделал и Синклер. — Где? Куда мы не заглянули?

Его ноги все еще были холодными, и он принялся массировать их. На экране виднелось мрачное лицо Рода Блейна. Каргилл попытался встать и, когда ему это удалось, по кораблю прокатился рев сирен.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ. УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ. ВСЕМУ ВОЕННОМУ ПЕРСОНАЛУ НАДЕТЬ БОЕВЫЕ ДОСПЕХИ. МОРСКИМ ПЕХОТИНЦАМ СОБРАТЬСЯ НА АНГАРНОЙ ПАЛУБЕ С ОРУЖИЕМ И В БОЕВЫХ ДОСПЕХАХ.

— Орудия! — воскликнул Каргилл.

— Что-что? — переспросил Синклер. Изображение Блейна повернулось к первому лейтенанту.

— Орудия, шкипер! Мы не заглядывали в орудия. Черт возьми, как же я, проклятый дурак, не подумал об орудиях?!

— Это может быть, — согласился Синклер. — Капитан, прошу вас послать за хорьками.

— Слишком поздно, шеф, — сказал Блейн. — В их клетке дыра. Я уже проверял.

— Божье проклятие, — благоговейно сказал Каргилл. — Господь проклял их, — он повернулся к вооруженным звездным пехотинцам, прибывавшим на ангарную палубу. — Следуйте за мной, — с самого начала он относился к сбежавшим малышам как к любимчикам или паразитам. Сейчас они превратились во вражеских нахлебников.

Они направились к ближайшей орудийной башне. Испуганный рядовой сбежал со своего поста, когда первый лейтенант, главный инженер и отделение звездной пехоты в боевых доспехах ввалились в его контрольную комнату.

Каргилл взглянул на приборную доску. Все выглядело нормальным. На мгновение он заколебался, затем решительно открыл смотровой люк.

Линзы и фокусирующие кольца из Батареи № 3 были убраны. Пространство внутри нее кишело Домовыми. Каргилл в ужасе отскочил, и тут же

огненная нить лазерной пульсации хлестнула по его доспехам. Он выругался, выхватил у ближайшего звездного пехотинца баллон с цитогеном и запихнул его в отверстие. Открывать запорный кран не пришлось — вспыхнул еще один лазерный луч и прошил баллон насквозь. Когда шипение стихло, Каргилла окружал желтый туман.

Пространство внутри Третьей Батареи заполняли мертвые малыши и множество костей. Скелеты крыс, части электронных устройств, старые ботинки и… мертвые малыши.

— Они держали здесь стадо крыс! — воскликнул Каргилл. — Потом, видимо, размножились слишком сильно, съели их всех и начали есть друг друга…

— А другие батареи? — недоуменно спросил Синклер. — Нам лучше поспешить.

Из коридора вдруг донесся пронзительный крик. Рядовой, которого сняли с поста, упал на палубу, на бедре у него расплывалось красное пятно.

— В вентиляторе! — крикнул он.

Капрал звездной пехоты рванул решетку. В ту же секунду его доспехи задымились, и он отскочил назад.

— Бог ущипнул меня! — воскликнул капрал, недоверчиво глядя на аккуратное отверстие в своем плече. Трое других пехотинцев принялись стрелять из лазеров по быстро исчезающей фигуре. Где-то на корабле завыла сирена.

Каргилл бросился к интеркому.

— Шкипер…

— Я знаю, — быстро сказал Блейн. — Ваши действия всполошили их всех, и сейчас идет уже дюжина огненных схваток.

— Мой Бог, сэр, что нам делать?

— Ведите свою группу к Батарее № 2 и очистите ее, — приказал Блейн. — Потом проверите контроль повреждений, — он повернулся к другому экрану. — Других инструкций нет, адмирал?

На мостике царила суматошная деятельность. Один из вооруженных рулевых вскочил со своего кресла и бешено закрутился на месте.

— Над нами тоже! — крикнул он.

— Вы не контролируете свой корабль, — категорично сказал Кутузов.

— Так точно, сэр, — это была самая трудная фраза из когда-либо произнесенных Блейном.

— ПОТЕРИ В ДВАДЦАТОМ КОРИДОРЕ, — объявил диктор.

— Территория ученых, — сказал Род. — От-

правьте туда всех свободных звездных пехотинцев, и пусть они помогут всем гражданским надеть скафандры. Может быть, если мы пустим газ по всему кораблю…

— Капитан Блейн, наша главная задача — вернуться в Империю с максимумом информации.

— Да, сэр…

— Это означает, что гражданский персонал, находящийся на борту вашего корабля, более важен, чем линейный крейсер, — Кутузов был спокоен, но губы его были плотно сжаты. — Во-вторых, на «Ленин» еще не переправлены артефакты мошкитов. Короче говоря, капитан, вы прикажете всем гражданским лицам покинуть ваш корабль. Шлюпки «Ленина» будут снаружи вашего защитного поля. Выделите двух надежных офицеров для сопровождения гражданских. Затем обезопасьте все артефакты мошкитов, которые, по вашему мнению, стоит погрузить на «Ленин». Вы можете продолжать попытки вновь установить контроль над своим кораблем, но лишь в части, согласующейся с этими приказами. И действуйте быстро, капитан, потому что при первых признаках передачи, идущей помимо безопасного канала, настроенного на меня, я уничтожу «МакАртур».

Блейн холодно кивнул.

— Слушаюсь, сэр.

— Значит, мы поняли друг друга, — выражение лица адмирала не изменилось. — И Бог в помощь, капитан Блейн!

— А что с моим катером? — спросил Блейн. — Сэр, я должен поговорить с ними…

— Я сам сообщу о тревоге экипажу катера, капитан. С вашего корабля не должно быть никаких передач.

— Слушаюсь, сэр, — Блейн оглядел свой мостик. Все с надеждой смотрели на него. Оружие звездных пехотинцев было наготове, а один из квартирмейстеров хлопотал над упавшим товарищем.

О, Боже, как я могу верить интеркому? — подумал Род, отдавая приказ сопровождать людей трем бегающим и размахивающим руками звездным пехотинцам.

— Вызов от мистера Реннера, сэр, — объявил диктор.

— Подтверждения не давать! — рявкнул Род.

— Слушаюсь, сэр. Подтверждения не давать.

Сражение за «Мак-Артур» разгоралось.

КОШМАР

На борту катера находилась дюжина людей и двое Коричнево-белых. Большая часть наземной группы мошкитов отправилась прямо на посольский корабль, но финч'клик' Уайтбрида и Стели остались здесь.

— Никакого смысла, — сказала мошкита Уайтбрида. — Мы видим это у принимающих решения каждый день.

Возможно, смысл все-таки был. Катер был переполнен, а ракета с «Мак-Артура» все не прибывала.

— Что же задерживает их? — сказал Реннер. — Лафферти, пошлите вызов.

Лафферти, пилот катера, изрядно побездельничал в эти дни. Сейчас он воспользовался связующим лучом.

— Ответа нет, сэр, — сказал он, наконец. Голос его звучал удивленно.

— Вы уверены, что аппаратура работает?

— Час назад работала, — сказал Лафферти. — Есть сигнал, сэр! С «Ленина».

На экране появилось лицо капитана Михайлова.

— Пожалуйста, попросите чужаков покинуть корабль, — сказал он.

Каким-то образом мошкиты выразили одновременно удивление, недоверие и легкую обиду. Уходя, они то и дело оглядывались назад, задавая немой вопрос. Уайтбрид пожал плечами, Стели был неподвижен. Когда мошкиты оказались в воздушном шлюзе, Стели закрыл за ними дверь.

На экране появился Кутузов.

— Мистер Реннер, вы должны отправить весь свой персонал на «Ленин». Они наденут скафандры, и одна из моих шлюпок прибудет забрать их. Гражданские будут переходить по очереди, а затем должны выполнять приказы пилота шлюпки. Они должны иметь с собой достаточно воздуха для пребывания в пространстве один час. Тем временем вы не должны пытаться связаться с «Мак-Артуром». Это понятно?

Реннер сглотнул слюну.

— Да, сэр.

— И не должны впускать чужаков, пока этот приказ не будет отменен.

— Но что я скажу им, сэр, — спросил Реннер.

— Скажите им, что адмирал Кутузов параноидальный дурак, мистер Реннер. А сейчас выполняйте приказы.

— Слушаюсь, сэр, — экран потемнел. Бледный Реннер прошептал: — Теперь этот читает мысли…

— Кевин, что здесь происходит? — требовательно спросила Сэлли. — Нас подняли в середине ночи, забросили сюда… А теперь Род не отвечает нам, а адмирал хочет, чтобы мы рискнули своими жизнями и оскорбили мошкитов, — сейчас она говорила как племянница сенатора Фаулера: Имперская Леди, которая пыталась сотрудничать с Военным Флотом, и теперь ей это надоело.

Негодование доктора Хорвата было еще сильнее.

— Я не буду участвовать в этом, мистер Реннер. Я не собираюсь натягивать скафандр.

— «Ленин» идет к «Мак-Артуру», — небрежно сказал Уайтбрид, глядя в обзорный иллюминатор. — Адмирал окружил его своими шлюпками… Похоже, его люди натягивают сейчас канаты…

Все повернулись к обзорному иллюминатору. Лафферти сфокусировал телескоп катера и вывел результат на экран корабля.

Одна за другой фигуры в космических скафандрах двинулись вдоль канатов к шлюпкам «Ленина», затем исчезали, уступая место для других.

— Они покидают «Мак-Артур», — удивленно сказал Стели. Он поднял взгляд, и его угловатое лицо скривилось. — И все это возглавляет одна из шлюпок «Ленина». Леди, вам нужно торопиться. Не думаю, чтобы времени было много.

— Но я сказал, что не буду этого делать, — упорствовал доктор Хорват.

Стели коснулся своего пистолета. Напряжение в кабине росло.

— Доктор, вы помните приказы Вице-Короля Меррилла, отданные адмиралу Кутузову? — спросил Реннер. — Если не ошибаюсь, он должен скорее уничтожить «Мак-Артур», нежели позволить мошкитам получить какую-либо важную информацию, — голос Реннера был спокоен, почти шутлив.

Хорват попытался сказать что-то еще, но, похоже, у него были сложности с контролем выражения своего лица. В конце концов, он молча повернулся к шкафу со скафандрами. Секундой позже Сэлли последовала его примеру.

После кофейной демонстрации Гораций Бари отправился к себе в каюту. Ему нравилось работать поздней ночью и спать после ленча, и хотя в этот момент никакой работы не было, он придерживался этой привычки.

Разбудили его корабельные сирены. Потом кто-то приказал звездной пехоте надеть боевые доспехи. Бари ждал, но долгое время больше ничего не происходило. Потом пришло зловоние. Он почти задыхался и не мог вспомнить ничего подобного прежде. Это была квинтэссенция машинных и человеческих запахов — и они все усиливались.

Затем вновь заревели сирены.

— ПРИГОТОВИТЬСЯ К ГЛУБОКОМУ ВАКУУМУ. ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ НАДЕТЬ ВАКУУМНЫЕ СКАФАНДРЫ. ВСЕМ ВОЕННЫМ НАДЕТЬ БОЕВЫЕ ДОСПЕХИ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ГЛУБОКОМУ ВАКУУМУ.

Набил в панике закричал:

— Ваш скафандр!

Бари вскрикнул и бросился за своим. Только после того, как он вдохнул нормальный корабельный запах, он снова услышал сирены.

Голоса звучали как-то неправильно. Они шли не из интеркома, а из… коридора.

— ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ. ВСЕМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПЕРСОНАЛУ ПРИГОТОВИТЬСЯ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ.

Это всерьез. Бари едва не засмеялся. Такое было впервые. Действительно ли это тренировка?

Теперь доносилось все больше беспорядочных звуков. Отделение звездной пехоты в боевых доспехах и с оружием, зажатом наизготовку, тяжело проплыло мимо. Улыбка исчезла, и Бари начал прикидывать, какие вещи он должен взять.

Крики усилились. Какой-то офицер появился в коридоре и начал кричать излишне громким голосом: «Гражданские лица должны покидать „Мак-Артур“ по очереди. Они могут взять по одной сумке на каждого, чтобы одна рука была свободна».

Борода Пророка! В чем может быть причина этого? Спасут ли они золотистый металл с астероида — сверхпроводник тепла? И уж, конечно, они не будут спасать драгоценный самоочищающийся кофейник. Может, ему попытаться сделать это самому?

Корабельная гравитация заметно уменьшалась. Маховики внутри него начали движение, принимая на себя его вращение. Бари действовал быстро, собирая вещи, необходимые любому путешественнику. При этом он не обращал внимания на их цену. Предметы роскоши он сможет купить снова, но…

Малыши! Он должен забрать воздушный баллон из шлюза Д. А что, если он приписан к другому

шлюзу?

Он торопливо собрал два небольших чемодана — один понесет Набил. Получив распоряжения, тот теперь двигался достаточно быстро. Снаружи доносились крики, и несколько раз мимо двери каюты проплывали отделения звездной пехоты и экипажа корабля. Все они были вооружены и носили доспехи.

Скафандр Бари начал раздуваться — корабль терял воздух — и все мысли о тренировке или упражнении уходили вместе с ним. Кое-что из научного оборудования не выносило глубокого вакуума… к тому же никто и никогда не заходил в его каюту, чтобы проверить скафандр. Нет, ради тренировки Флот не будет рисковать жизнями гражданских лиц.

В коридоре вновь появился офицер, и Бари услышал грубый голос, говоривший со смертельным спокойствием. Набил стоял, ничего не понимая, и Бари жестом приказал ему повернуть выключатель коммуникатора скафандра.

—

ВЕСЬ ГРАЖДАНСКИЙ ПЕРСОНАЛ НАПРАВЛЯЕТСЯ К БЛИЖАЙШИМ ВОЗДУШНЫМ ШЛЮЗАМ С ЛЕВОЙ СТОРОНЫ КОРАБЛЯ, — сказал бесстрастный голос. Люди Флота всегда говорили так, когда

положение было действительно критическим. Это окончательно убедило Бари. — ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ШЛЮЗЫ ЛЕВОГО БОРТА. ЕСЛИ ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, КУДА ИДТИ, СПРОСИТЕ ЛЮБОГО ОФИЦЕРА ИЛИ РЯДОВОГО. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ТОРОПИТЕСЬ. ВРЕМЕНИ ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ ВСЕГО ПЕРСОНАЛА. — Офицер проплыл мимо и свернул в другой коридор.

Левый борт? Хорошо. Сообразительный Набил спрятал воздушный баллон в ближайшем шлюзе. Слава величию Аллаха, что это был левый борт. Бари махнул рукой своему слуге и начал двигаться вдоль захватов, укрепленных в стене. Набил передвигался грациозно: у него была большая практика после того, как их заперли.

В коридоре была беспорядочная толпа, а вдалеке Бари увидел отделение звездной пехоты, вывернувших из-за угла. Они то и дело оглядывались и стреляли в направлении, откуда пришли. Оттуда им отвечали огнем, и ярко-красные лучи, пересекая стальные переборки, рассыпали во все стороны светящиеся капли расплавленного металла. Над головой мерцали лампы.

Младший офицер повернул в коридор и опустился перед Бари.

— Продолжайте движение, продолжайте движение, — бормотал он. — Господь помогает этим тварям.

— В кого они стреляют? — спросил Бари.

— В малышей, — буркнул офицер. — Если они займут этот коридор, скорее уходите, мистер Бари. У этих маленьких ублюдков есть оружие.

— Домовые? — недоверчиво спросил Бари. — Домовые?

— Да, сэр. На корабле множество этих маленьких сучьих детей. Они изменили растения, вырабатывающие воздух, чтобы он подходил для них… Идите, сэр. Пожалуйста. Этих тварей долго не удержать.

Бари потянулся к захвату и поплыл в конец коридора, где его ловко поймал какой-то космонавт и помог вернуться за угол. Домовые? Но ведь корабль был очищен от них…

У воздушного шлюза собралась толпа. Большинством здесь были гражданские, и прибывшие сейчас нестроевые служащие Флота только усилили давку. Бари толкался и пинался, прокладывая себе путь к шкафу с воздушными баллонами. Уф, нужный все еще был здесь. Он схватил фальшивый баллон и передал его Набилу, который тут же пристегнул баллон к скафандру Бари.

— Это не потребуется, сэр, — сказал какой-то офицер, и Бари понял, что слышит его через атмосферу. Здесь был воздух… Но ведь они не проходили ни через одну, удерживающую его дверь! Это Домовые! Они поставили невидимый воздушный барьер, который был на корабле у шахтера!

— Это еще неизвестно, — буркнул Бари офицеру. Тот пожал плечами и жестом отправил в цикличный механизм шлюза следующую пару. Теперь была очередь Бари. Офицер звездной пехоты сделал ему знак следовать вперед.

Шлюз провернулся. Бари коснулся плеча Набила и указал ему на выход. Двигаясь вдоль каната, Набил вышел во внешнюю черноту. Впереди все было черным — никаких звезд, вообще ничего. А что находилось дальше? Бари вдруг осознал, что задерживает дыхание. Нет Бога, кроме Аллаха… На его плечах висел фальшивый баллон, в котором находились два малыша в состоянии заторможенной деятельности. Несметное богатство! Технология, превосходящая все, что имела когда-либо даже Первая Империя! Бесконечный поток новых изобретений и усовершенствований. Только… не собирается ли он выпустить из бутылки джина?

Они прошли через отверстие в поле «Мак-Артура». Снаружи была только чернота пространства и еще более черное пятно впереди. Другие канаты тянулись к нему через отверстия в Поле, и вдоль них двигались похожие на пауков фигуры. За Бари следовала очередная фигура в вакуумном скафандре, а за ней еще одна. Впереди был Набил и другие… Глаза его быстро приспосабливались к темноте, и он уже видел темно-красные оттенки Угольного Мешка, а пятно впереди должно было быть Полем «Ленина». Неужели ему придется тащиться через ЭТО? Но нет, снаружи были шлюпки, и космические пауки ползли к нем.

Шлюпка подошла ближе, и Бари оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на «Мак-Артур». За свою долгую жизнь он прощался со множеством временных жилищ, и «Мак-Артур» был не самым лучшим из них. Он подумал о технологии, которая должна быть уничтожена. Усовершенствованные Домовыми машины, магический кофейник… Однако, это было мгновенное сожаление. Экипаж «Мак-Артура» был искренне благодарен ему за его помощь с кофе, а демонстрация для офицеров была весьма популярна. Все это прошло хорошо. Может быть, на «Ленине»…

Воздушный шлюз казался сейчас совсем кро-

шечным. Вереница спасающихся людей протянулась вдоль каната, но катера, где находился его мошкит, Бари не видел. Увидит ли он его еще раз?

Затем он взглянул на фигуру в вакуумном скафандре, следовавшую за ним. У нее не было багажа, и Бари отметил, что обе руки у человека свободны. Свет «Ленина» отражался от его лицевой пластины. Пока Бари смотрел, голова фигуры немного сдвинулась, и свет ударил прямо в лицевую пластину…

По крайней мере, три пары глаз смотрели из-под нее на Бари.

Позднее Бари пришел к выводу, что никогда в жизни не думал так быстро. Какое-то мгновение он таращился на то, что приближалось к нему, пока разум его лихорадочно работал, а потом… Кстати, человек, услышавший его крик, утверждал, что это был крик безумца или человека, с которого заживо сдирают кожу.

… потом Бари швырнул в это свой чемоданчик.

Следующий его крик был уже со словами:

— Они в скафандре! Они внутри него! — изогнувшись, он сорвал со спины баллон с воздухом, поднял его над головой обеими руками и бросил.

Скафандр неуклюже увернулся от его чемо-

данчика. Пара малышей в рукавах пыталась пошевелить пальцами, чтобы отпустить захват для рук и откинуться назад, но тут металлический цилиндр ударил прямо в лицевую пластину и вдребезги разбил ее.

В следующую секунду пространство наполнилось крошечными дергающимися фигурками, молотящими всеми шестью конечностями, пока выходящий из скафандра воздух относил их в сторону. Вместе с ними выплыло что-то еще, похожее на футбольный мяч, что-то, что Бари сразу же узнал. Это было то, с помощью чего они обманули офицера у воздушного шлюза — оторванная человеческая голова…

Бари вдруг обнаружил, что плавает в трех метрах от каната, и глубоко, с содроганием, вздохнул. Все хорошо, он швырнул настоящий баллон с воздухом. Аллах милостив…

Он подождал, пока что-то, похожее на человека, подлетело к нему на реактивном ранце от «Ленина» и взяло его на буксир. Прикосновение заставило его вздрогнуть. Возможно, человека удивило, почему Бари так внимательно смотрит на его лицевую пластину. А, может, и нет.

ПОРАЖЕНИЕ

«Мак-Артур» резко накренился. Ухватившись за интерком, Род закричал:

— Синклер, что вы делаете?

Ответ был едва слышен.

— Это не я, капитан. Я не могу контролировать положения двигателей, и очень мало воздействую на остальное.

— О, Боже, — сказал Блейн. Изображение Синклера исчезло с экрана. Погасли и все остальные экраны. Мостик как будто умер. Род попробовал переключиться, но это ничего не дало.

— Компьютер отключен, — доложил Кроуфорд. — Я ничего не могу сделать.

— Попробуйте проводную связь, и дайте мне Каргилла, — сказал Род.

— Он на проводе, капитан.

— Джек, как ваше положение?

— Плохо, шкипер. Я осажден здесь и не имею связи, за исключением проводной… Не все из них… — «Мак-Артур» вдруг накренился, и на корме что-то произошло. — Капитан! — возбужденно доложил Каргилл. — Лейтенант! Пайпер доложил, что Домовые сражаются друг с другом в

главной кухне корабля! Настоящее генеральное сражение!

— О, Боже, Номер Первый, сколько же этих монстров у нас на борту?

— Я не знаю, шкипер! Может быть, сотни. Они, должно быть, заняли все корабельные орудия, да и в других местах тоже поселились. Они… — голос Каргилла смолк.

— Джек! — закричал Род. — Эй, кто-нибудь! Можем мы протянуть дополнительную линию к первому лейтенанту?

Прежде чем помощник квартирмейстера отозвался, Каргилл заговорил снова.

— Двое вооруженных малышей выбрались из вспомогательного огневого компьютера. Мы убили их.

Блейн торопливо думал. Он потерял все свои командные цепи и не знал, сколько людей отправлено. Компьютер не действовал. Даже если они восстановят контроль над «Мак-Артуром», вероятность того, то он окажется непригодным для космоса, была велика.

— Все еще слушаете, Номер Первый?

— Да, сэр.

— Я иду вниз, в воздушный шлюз, поговорить с адмиралом. Если я не вызову вас через пят-

надцать минут, уходите с корабля. Пятнадцать минут, Джек!

— Слушаюсь, сэр!

— Можете начинать собирать экипаж прямо сейчас. Идите к левому борту, Джек… конечно, если корабль останется в прежнем положении. Офицеры у шлюзов получили приказ закрыть проходы в Поле, если корабль повернется.

Род махнул рукой людям на мостике и направился к воздушным шлюзам. В коридорах все было вверх дном. Местами виднелись желтые облака дыма

— цитоген. Род надеялся покончить с угрозой мошкитов газом, но это не сработало, и он не знал, почему.

— Гражданские ушли? — спросил Род офицера, ответственного за шлюз.

— Да, сэр, насколько нам известно. Шкипер, я уже один раз провел людей через эту территорию, и я не хочу рисковать еще. В районе кают гражданского персонала полно Домовых… Похоже, они жили там, или что-то вроде этого…

— Может, и так, Пайпер, — сказал Блейн. Он двинулся к воздушному шлюзу и сориентировал свой скафандр на «Ленин». Мигнул связующий лазер, и Род повис в пространстве, удерживая

себя в нужном положении.

— Как ситуация? — требовательно спросил Кутузов.

Неохотно, зная, что это означает, Род объяснил ему.

— Рекомендуемые действия?

— По-моему, сэр, «Мак-Артур» уже не будет пригоден к полетам в космосе. Я думаю, что надо уходить с него, как только будут спасены оставшиеся в ловушке члены команды.

— И где будете вы?

— Возглавлю спасательный отряд, сэр.

— Нет, — голос адмирала звучал спокойно. — Я принимаю ваши рекомендации, капитан, но приказываю вам покинуть корабль. Внесите этот приказ в вахтенный журнал, командор Борман, — добавил он, обращаясь к кому-то на мостике. — Во исполнение приказа передайте командование своему первому лейтенанту, и явитесь на борт второго катера «Ленина». Немедленно. — Сэр… сэр, я прошу разрешить мне остаться с моим кораблем, пока экипаж не будет в безопасности.

— Нет, капитан, — безжалостно ответил голос Кутузова. — Я отлично знаю, что вы храбры, капитан. Может, вам не хочется жить после утраты

командования?

— Сэр… — чтоб его черти взяли! Род повернулся к «Мак-Артуру», разрывая безопасную цепь. В воздушном шлюзе шло сражение. Несколько малышей прожгли переборку напротив баррикады звездной пехоты и теперь стреляли в отверстие. Блейн скрипнул зубами и вновь повернулся к «Ленину». — Адмирал, вы не можете приказать мне бросить команду и бежать!

— Не могу? Вы думаете, вам будет трудно жить, капитан? Вы решили, что люди будут шептаться о вас всю вашу оставшуюся жизнь и боитесь этого? И вы говорите это мне? Выполняйте приказ, капитан Лорд Блейн!

— Нет, сэр!

— Вы отказываетесь выполнить приказ, капитан?

— Я не могу принять этот приказ, сэр. Это еще мой корабль.

Последовала долгая пауза.

— Ваша преданность традициям Флота, капитан, достойна восхищения, но глупа. Возможно, что вы единственный офицер в Империи, который может придумать защиту от этой угрозы. Вы знаете о чужаках больше, чем кто-либо другой на Флоте. Эти знания стоят больше, чем ваш ко-

рабль. Сейчас, когда гражданские эвакуированы, это стоит больше, чем все прочие люди у вас на борту. Я не могу позволить вам умереть, капитан. Вы покинете этот корабль даже если для этого потребуется послать туда нового командира.

— Он никогда не найдет меня, адмирал. Простите, сэр, но у меня много дел.

— Стойте, — снова долгая пауза. — Очень хорошо, капитан. Я согласен с вами. Если вы будете на связи со мной, я разрешу вам остаться на борту «Мак-Артура», пока вы не надумаете уходить. Когда это произойдет, вы прервете связь со мной, и с этого момента больше не будете командовать «Мак-Артуром». Так посылать к вам командора Бормана?

Как ни печально, подумал Род, но он прав. «Мак-Артур» обречен. Каргилл может вывести экипаж ничуть не хуже, чем я сам. Может, я действительно знаю что-то важное? Но это же мой корабль!

— Я принимаю ваше предложение, сэр. Все равно, лучше управлять операцией отсюда. С мостиком связи нет.

— Очень хорошо. Значит, вы дали мне слово.

И связь прервалась.

Род повернулся к воздушному шлюзу. Звездная

пехота выиграла перестрелку, и Пайпер махнул ему рукой. Род вернулся на корабль.

— Говорит командор Каргилл, — сказал интерком. — Шкипер?

— Да, Джек?

— Мы пробиваемся к левому борту, шкипер. Синклер собрал своих людей, и они готовы к отходу. Он говорит, что не удержит машинного отделения без подкреплений. Кроме того, мне сообщили, что несколько гражданских осталось в ловушке в комнате отдыха младших офицеров правого борта. С ними там отделение звездной пехоты.

— Нам приказано уходить с корабля и спасаться, Номер Первый.

— Да, сэр.

— Нужно освободить этих гражданских. Сможете вы пройти вперед через сто шестидесятую переборку?

— Думаю, что сможем, сэр. Но, капитан, я не могу попасть в помещение генератора Поля! Как же мы будем уходить?

— Об этом я позабочусь. Отравляйтесь, Номер Первый.

— Слушаюсь, шкипер.

Бегство… Слово это звучало как-то нереально.

Род глубоко вздохнул. Воздух в скафандре имел резкий металлический вкус. Впрочем, возможно, в этом был виноват не воздух.

Прошел почти час, прежде чем одна их шлюпок «Ленина» подошла к борту катера. Они следили за ее подходом молча.

— Передача с «Мак-Артура» через «Ленин», сэр, — сказал рулевой. Экран осветился.

Лицо на экране имело черты Рода Блейна, но это было не его лицо. Сэлли не узнала его. Он выглядел старше, а глаза его были… мертвыми. Он смотрел на них, а они смотрели на него. Наконец, Сэлли сказала:

— Род, что происходит?

Блейн посмотрел ей в глаза, затем отвел взгляд в сторону. Выражение его лица не изменилось. Он напомнил Сэлли один из заспиртованных в бутылках экспонатов Имперского музея.

— Мистер Реннер, — сказал Блейн. — Отправьте весь персонал вдоль троса на шлюпку с «Ленина» и очистите катер. Все вы будете получать приказы — возможно, странные — от пилота шлюпки — выполняйте их немедленно. У вас не будет второй возможности, поэтому не спорьте, и делайте все, что вам скажут.

— Подождите минуту, — промычал Хорват. —

Я…

Род прервал его.

— Доктор, по причинам, которые вы поймете позднее, мы не собираемся объяснять вам все. Просто делайте так, как вам скажут, — он перевел взгляд на Сэлли. Глаза его изменились — самую малость. Возможно, в них появилось беспокойство. Что-то вроде крошечной искры жизни мелькнуло в них. Она попыталась улыбнуться, но не смогла. — Пожалуйста, Сэлли, делайте именно так, как скажет вам пилот шлюпки. Все хорошо. Конец. Пока.

Какое-то время они стояли неподвижно, потом Сэлли глубоко вздохнула и повернулась к воздушному шлюзу.

— Идемте, — сказала она и снова попыталась улыбнуться, но это только подчеркнуло ее нервозность.

Воздушный шлюз правого борта был снова соединен с посольским кораблем, поэтому они вышли через шлюз левого борта. Экипаж шлюпки «Ленина» уже протянул тросы от вспомогательного судна к катеру. Шлюпка была почти близнецом катера «Мак-Артура» — плосконосый конус с похожим на лопату защитным экраном, висевшим под носом.

Сэлли перебралась вдоль троса к шлюпке «Ленина», затем осторожно прошла сквозь люк. В воздушном шлюзе ей пришлось ненадолго задержаться. Наконец, механизм сработал, и она снова почувствовала давление воздуха.

Ее костюм был сшит из ткани, которую можно было назвать второй кожей. Сверху его покрывала мешковатая защитная одежда, и единственным местом костюма, которое она не прикрывала, был шлем, соединенный с плотно облегающим тело костюмом через шейную перемычку.

— Нам необходимо осмотреть вас, леди, — гортанным голосом сказал офицер. Сэлли огляделась: в воздушном шлюзе стояли двое звездных пехотинцев. Их оружие было направлено на нее… точнее, не совсем на нее. Однако, они стояли настороженно и видно было, что они боятся.

— Что это значит? — требовательно спросила она.

— Все в свое время, леди, — сказал офицер, помогая ей снять ранец с воздушными баллонами. Все это поместили в прозрачный пластиковый контейнер. Офицер снял с нее шлем, заглянул в него, затем сунул в тот же контейнер вместе с наружным покрытием.

— Спасибо, — буркнул он. — Сейчас, пожалуй-

ста, пройдите на корму. Остальные присоединятся к вам там.

С Реннером и прочими военными обращались несколько иначе.

— Раздевайтесь, — сказал офицер. — Полностью.

Звездные пехотинцы даже не потрудились отвести свое оружие хотя бы чуть в сторону. Когда они сняли с себя все — Реннер даже бросил в пластиковый контейнер свое кольцо — их отправили вперед. Другой офицер звездной пехоты показал им боевые доспехи, и двое солдат помогли надеть их. Теперь оружия на виду не было.

— Это самый чудовищный стриптиз, который я когда-либо видел, — сказал Реннер пилоту. Тот кивнул. — Что бы все это значило?

— Вам объяснит это ваш капитан, сэр, — сказал рулевой.

— Снова Домовые! — воскликнул Реннер.

— Думаете, это они, мистер Реннер? — спросил из-за его спины Уайтбрид. Гардемарин, как было приказано, натягивал на себя боевые доспехи.

Реннер пожал плечами. Ситуация была какой-то нереальной. Катер был набит звездными пехотинцами и броней, причем многие пехотинцы были с «Мак-Артура». Канонир Келли бесстрастно

стоял на посту возле воздушного шлюза, держа оружие направленным на его дверь.

— Это все из-за них, — сказал чей-то голос.

— Где священник Харди? — спросил Реннер.

— С гражданскими, сэр, — ответил рулевой. — Минуточку, — продолжал он, возясь с коммутатором. На экране появилось лицо Блейна. — Безопасный канал, сэр, — объявил рулевой.

— Спасибо. Стели?

— Да, капитан? — ответил старший гардемарин.

— Мистер Стели, этот катер вскоре направится к «Ленину». Гражданские лица и экипаж катера, за исключением рулевого Лафферти, перейдут на линкор, где ими займется персонал безопасности. После их ухода вы примете команду над первым катером «Ленина» и отправитесь к «Мак-Артуру». Вы войдете на борт корабля со стороны правого борта, сразу же за комнатой отдыха младших офицеров. Вашей целью будет отвлечение внимания и вступление в бой с любыми живыми врагами для того, чтобы помочь выбраться группе гражданских и звездных пехотинцев, запертых в этой комнате отдыха. Вы отправите Келли и его звездных пехотинцев в комнату отдыха со скафандрами и боевыми доспехами для двадцати

пяти человек. Снаряжение уже на борту. Ведите этот отряд вперед. Командор Каргилл гарантирует проход через переборку один шесть ноль.

— Слушаюсь, сэр, — голос Стели звучал неуверенно. Несмотря на отсутствие гравитации в катере, он стоял почти смирно.

Блейн слабо улыбнулся — по крайней мере, губы его слегка изогнулись.

— Враг, Стели, — это несколько сотен маленьких мошкитов. Они вооружены ручным оружием, у некоторых есть газовые маски. Организованы они не слишком хорошо, но все равно достаточно смертоносны. Вы должны убедиться, что в средних отсеках правого борта «Мак-Артура» нет других пассажиров или членов экипажа. После выполнения этого задания вы поведете отряд в среднюю кают-кампанию экипажа и заберете кофейник. Но сначала, мистер Стели, хорошенько убедитесь, что он пуст.

— Кофейник? — с сомнением переспросил Реннер. За его спиной Уайтбрид покачал головой и что-то буркнул Поттеру.

— Кофейник, мистер Реннер. Он был изменен чужаками, и технология, использованная в нем, представляет большую ценность для Империи. Вы можете увидеть и другие странные предметы,

мистер Стели, — подумайте, нельзя ли доставить их сюда. Однако ни при каких обстоятельствах вы не должны приносить ничего, в чем могут находиться живые чужаки. И присматривайтесь к членам команды. Малыши убили нескольких людей, воспользовались их головами как приманкой и набились в их боевые доспехи. Проверьте, чтобы человек в доспехах был действительно человеком, мистер Стели. Мы еще не видели, чтобы они проделывали этот трюк с облегающими костюмами, но будьте осторожны.

— Да, сэр, — сказал Стели. — Можем ли мы вернуть контроль над кораблем, сэр?

— Нет, — заметно было, что Блейн с трудом держит себя в руках. — У вас будет немного времени, Стели. Через сорок минут после входа в «Мак-Артур» активируйте все системы разрушения, затем включайте таймер на торпедах, которые есть на борту. Когда все будет сделано, явитесь ко мне к главному шлюзу левого борта. В любом случае через пятьдесят минут после вашего вступления на борт «Ленин» начнет расстреливать корабль. Вы поняли?

— Да, сэр, — спокойно сказал Хорст Стели и посмотрел на остальных. Поттер и Уайтбрид ответили ему неуверенными взглядами.

— Капитан, — сказал Реннер. — Сэр, я хочу напомнить вам, что старший офицер здесь — я.

— Я знаю это, Реннер. У меня есть миссия и для вас. Вы переправите священника Харди обратно на катер «Мак-Артура» и поможете ему забрать любое снаряжение или запасы, которые могут потребоваться. За всем этим придет шлюпка с «Ленина», и вы проследите, чтобы весь груз был упакован в опечатанные контейнеры.

— Но… сэр, я мог бы возглавить отряд, идущий на борт!

— Вы не строевой офицер, Реннер. Повторить, что вы сказали мне вчера после ленча?

— Я знаю это, как знаю и то, что вы, вероятно, самый непредсказуемый офицер из тех, кто у меня есть.

— Священнику нужно сказать только, что на борту «Мак-Артура» эпидемия чумы, и что мы должны возвращаться в Империю, прежде чем это распространится на всех. Это будет официальная версия для мошкитов. Они могут не поверить этому, но у Харди больше шансов убедить их, если он сам будет верить в это. Однако, я хочу, чтобы с ним был кто-то, знающий истинное положение дел.

— Один из гардемаринов…

— Мистер Реннер, отправляйтесь на катер «Мак-Артура». Стели, вы получили свой приказ.

— Да, сэр.

Реннер, кипя от злости, отступил.

Трое гардемаринов и дюжина звездных пехотинцев висели в аварийных сетях в главной кабине катера «Ленина». Гражданские и члены команды ушли, и шлюпка медленно отплывала от черной туши «Ленина».

— Хорошо, Лафферти, — сказал Стели. — Подведите катер к «Мак-Артуру» справа. Если нас не атакуют, мы пойдем на таран, целясь в резервуар за переборкой

— Слушаюсь, сэр, — глядя на Лафферти, невозможно было заметить его реакцию. Это был ширококостный мужчина, житель равнин с Тэйблтопа. Его волосы были пепельно-белыми и очень короткими, а все лицо состояло из плоскостей и углов.

Аварийные сети предназначались для сильных столкновений. Гардемарины висели в них, как мухи в некой чудовищной паутине. Стели быстро взглянул на Уайтбрида, тот на Поттера, затем оба оглянулись на звездных пехотинцев за их спинами.

— О'кей, пошли, — приказал Стели.

Двигатель взревел.

Настоящим защитным корпусом любого военного корабля является Поле Лэнгстона. Ни одно материальное тело не может выдержать палящий жар ядерной бомбы или сверхмощного лазера. Если что-то из этого сможет пройти сквозь Поле, корабельная огневая защита испарится, поэтому корпус военного корабля делается относительно тонким. Однако, только относительно. Корабль должен быть достаточно прочным, чтобы выдержать высокое ускорение и вибрацию.

Некоторые отсеки и резервуары были достаточно большими и теоретически их можно было разрушить сильным ударом. На практике же… Насколько мог вспомнить Стели, еще никогда военный отряд не попадал на борт корабля таким путем. Впрочем, это было в Книге. Вы можете войти на борт искалеченного корабля с помощью таранящего удара. Стели очень хотелось узнать, какой дурак первым попробовал сделать это.

Далекий черный шарик, закрывавший «Мак-Артур», стал плотной черной стеной без видимого движения. Лопатообразное лезвие защитного экрана поднялось, и Хорст, глядя поверх плеча Лафферти, всматривался в черноту, приближающуюся к ним.

Катер качнуло назад. Мгновенный холод, когда они проходили через Поле, затем скрежет металла. Катер остановился.

Стели расстегнул свою сеть.

— Выходим, — приказал он. — Келли, прорезайте дорогу через этот бак.

— Да, сэр, — звездные пехотинцы проскочили мимо него. Двое направили большой лазер на изогнутый металл, который был внутренней стенкой цистерны водорода. От двигателя катера к оружию протянули толстый кабель.

Стена цистерны лопнула, и целая секция отскочила в сторону, едва не задев звездных пехотинцев. Большая часть воздуха вышла наружу, и вместе с ним, как осенние листья, вылетели маленькие мертвые мошкиты.

Стен коридоров не было. На месте большинства отсеков валялись груды развалин, разрезанных переборок, сюрреалистических деталей машин и — кое-где — мертвых малышей. Похоже, никто из них не имел скафандров.

— Боже всемогущий, — пробормотал Стели. — О'кей, Келли, отправляйтесь с этими костюмами. Идемте, — он двинулся через руины к следующей герметической двери отсека.

— Проверьте давление по ту сторону, — сказал

он. Дотянувшись до коммуникационного щитка на переборке, он воткнул туда выход микрофона своего костюма. — Есть там кто-нибудь?

— Капрал Хаснер, сэр, — быстро ответил чей-то голос. — Будьте осторожны, этот район кишит малышами.

— Уже нет, — сказал Стели. — Сколько вас там?

— Здесь девять гражданских без скафандров, сэр, и трое оставшихся в живых звездных пехотинцев. Мы не знаем, как вывести отсюда этих ученых, что без скафандров.

— Мы принесли их, — мрачно сказал Стели. — Можете вы защитить гражданских, пока мы проходим через дверь? У нас здесь вакуум.

— О, боже, да, сэр. Подождите минуту.

Что-то зажужжало. Приборы показывали, что давление за переборкой падает. Наконец, задрайки повернулись, и дверь открылась, обнаружив фигуру в доспехах. За Хаснером стояли двое других звездных пехотинцев, направив оружие на Стели. А еще дальше… Стели задохнулся от изумления.

Гражданские находились в другом конце отсека. Одеты они были в обычные белые комбинезоны научного персонала. Стели узнал доктора Блевинса, ветеринара. Они спокойно переговари-

вались между собой.

— Но ведь здесь нет воздуха! — закричал Стели.

— Здесь действительно нет, сэр, — сказал Хаснер и показал рукой. — Там есть какой-то ящик, который создает нечто вроде занавеса, мистер Стели. Воздух не может пройти через него, а мы можем.

Келли проворчал что-то и ввел свое отделение в комнату. Костюмы передали гражданским.

Стели удивленно покачал головой.

— Келли, остаетесь здесь старшим. Ведите всех вперед… и возьмите этот ящик с собой, если его можно двигать!

— Его можно двигать, — сказал Блевинс. Он говорил в микрофон шлема Келли, переданный ему, но не надевал шлем. — Это может действовать и с перерывами. Капрал Хаснер убил нескольких малышей, которые делали это.

— Отлично, мы забираем его, — решил Стели. — Уводите их, Келли!

— Сэр! — канонир осторожно провел сквозь невидимый барьер, потом нажал на него. — Это похоже… похоже на какое-то поле, мистер Стели. Только не такое плотное.

Стели что-то пробормотал и сделал знак осталь-

ным гардемаринам.

— Кофейник, — сказал он. Это прозвучало так, словно он сам себе не верит. — Лафферти, Круппман, Яновиц — вы пойдете с нами. — И он двинулся обратно по трапу к руинам за ним.

В другом конце была двойная герметическая дверь, и Стели знаком приказал Уайтбриду открыть ее. Задрайки повернулись легко, и они столпились в маленьком воздушном шлюзе, глядя сквозь толстое стекло в главный соединительный коридор правого борта.

— Выглядит вполне нормально, — прошептал Уайтбрид.

Похоже, так оно и было. Они в два приема прошли через воздушный шлюз и, цепляясь за ручные захваты, двинулись вдоль стен коридора к главной кают-кампании для экипажа.

Заглянув сквозь толстое стекло в помещение кают-кампании, Стели воскликнул:

— О, зубы Господа!

— Что это, Хорст? — спросил Уайтбрид, прижав свой шлем к шлему Стели.

В помещении находились дюжины малышей. Большинство было вооружено ручными лазерами, и они стреляли друг в друга. В сражении не было никакого порядка: казалось, что каждый

малыш стреляет во всех остальных, хотя это могло быть только первым впечатлением. Отсек был заполнен розовым туманом: кровью мошкитов. Мертвые и раненые мошкиты кружились в безумном танце, а комнату то и дело пересекали зеленовато-голубые лучи света.

— Туда не войти, — прошептал Стели, потом вспомнил, что говорит по радио и повысил голос: — Нам не пройти через это живыми. Забудем о кофейнике.

Они двинулись по коридору, выискивая других уцелевших людей, однако, никого не было, и Стели повел их обратно к кают-кампании.

— Круппман! — окликнул он. — Берите Яновица и устройте в этом коридоре вакуум. Прожигайте переборки, пользуйтесь гранатами, но здесь должен быть вакуум. А потом устроим ад на корабле.

— Слушаюсь, сэр.

Когда звездные пехотинцы повернули за угол стального коридора, гардемарины потеряли с ними контакт. Передатчики скафандров могли действовать только в пределах видимости. Впрочем, они еще кое-что слышали. Звуков было множество: высокие крики, скрежет раздираемого металла, гудение и жужжание. Ни один из них

не был знакомым.

— Корабль никогда больше не будет нашим, — пробормотал Поттер.

Раздалось пронзительное шипение, и в коридоре воцарился вакуум. Стели бросил термитную гранату под переборку кают-кампании и отступил за угол. Сверкнула яркая вспышка, и Стели вышел обратно, стреляя из своего лазера в еще светящееся пятно на переборке. Остальные стреляли вместе с ним.

Стена начала вспучиваться, затем лопнула. Воздух вырвался в коридор, вынося множество маленьких трупов. Стели повернул задрайки на двери, но ничего не произошло. Тогда они продолжили прожигать переборку, пока дыра не увеличилась настолько, что в нее можно было пролезть.

От живых малышей не осталось и следа.

— Почему бы нам не сделать это со всем кораблем? — спросил Уайтбрид. — Мы можем снова взять его в свои руки…

— Возможно, — ответил Стели. — Лафферти, забирайте кофейник и несите к левому борту. Идите, мы прикроем вас.

Рулевой кивнул и поплыл по коридору в том направлении, где исчезли звездные пехотинцы.

— Может, нам лучше отправиться за ним? — предложил Поттер.

— Торпеды, — сказал Стели. — Мы должны взорвать торпеды.

— Но, Хорст, — запротестовал Уайтбрид, — неужели нельзя снова овладеть кораблем? Я не видел ни одного малыша в вакуумном костюме…

— Они могут сделать свои магические занавесы, — напомнил им Стели.

— Кроме того, мы получили приказ, — он указал в сторону корабля, и они двинулись впереди него. Сейчас, когда «Мак-Артур» покинули все люди, они спешили, прожигая герметичные отсеки и взрывая коридоры за ними. Поттер и Уайтбрид содрогались от повреждений, наносимых ими кораблю. Их оружие не было предназначено для использования на борту действующего космического судна.

Торпеды были на месте: Стели и Уайтбрид сами входили в команду, которая приваривала их с каждой стороны от Генератора Поля. Вот только… самого генератора не было. На том месте, где он находился, осталась лишь пустая оболочка.

Поттер потянулся к таймерам, которые должны были взорвать торпеды.

— Подождите, — сказал Стели. Он нашел отдушину проводного интеркома и подключил к нему свой скафандр.

— Всем, кто меня слышит. Говорит Гардемарин Хорст Стели из отсека Генератора Поля. Есть кто-нибудь на связи?

— Да, мистер Стели, — ответил чей-то голос. — Минуточку, сэр, соединяю вас с капитаном, — и к линии подключился капитан Блейн.

Стели обрисовал ему ситуацию.

— Генератор Поля исчез, сэр, но само Поле выглядит по-прежнему непроницаемым…

Последовала долгая пауза, затем Блейн зло выругался, но тут же оборвал себя.

— Вы просрочили время, мистер Стели. Получен приказ закрыть отверстия в Поле и через пять минут перейти на шлюпки «Ленина». Вы не успеете выйти до того, как «Ленин» откроет огонь.

— Да, сэр. Что же нам делать?

Блейн на мгновение заколебался.

— Я обращусь с этим к адмиралу. Оставайтесь на месте.

Внезапный ревущий ураган заставил их бросься в укрытие. Когда все стихло, Поттер сказал:

— Мы снова в атмосфере. Видимо, Домовые починили одну или несколько дверей.

— Значит, скоро они будут здесь, — Уайтбрид выругался. — Будь они прокляты! Интересно, что делает сейчас капитан?

Получить ответ на этот вопрос было невозможно, и они напряженно ждали с оружием наготове, пока вокруг них «Мак-Артур» возвращался к жизни. Его новые хозяева приближались.

— Я не уйду без этих гардемаринов, — сказал Род адмиралу.

— Вы уверены, что они не могут добраться до какого-нибудь шлюза левого борта? — спросил Кутузов.

— Не за десять минут, адмирал. Домовые контролируют эту часть корабля. Парням придется сражаться всю дорогу.

— Что же вы предлагаете?

— Разрешите им воспользоваться спасательными шлюпками, сэр, — с надеждой сказал Род.

Спасательные шлюпки располагались в различных частях корабля, и дюжина их находилась метрах в двадцати от помещения Генератора Поля. Оснащенные в основном твердо-топливными двигателями, с надувными кабинами, они предназначались для спасения уцелевших всего на несколько часов, в случае если корабль был поврежден, и ремонт был невозможен, или перед

угрозой взрыва. И то, и другое вполне подходило к нынешнему положению «Мак-Артура».

— Малыши могли сделать записывающие устройства и передатчики в спасательных шлюпках, — сказал адмирал. — Неплохой способ передать большим мошкитам все секреты «Мак-Артура», — потом он сказал в сторону: — Как, по-вашему, это возможно, священник?

Блейн услышал, как откуда-то издалека адмиралу ответил Харди:

— Нет, сэр. Эти малыши — животные. Я всегда думал так, то же утверждают взрослые мошкиты, и все данные подтверждают эту гипотезу. Они могут сделать это, только если им прямо приказать. К тому же, адмирал, если они хотели связаться с мошкитами, можете не сомневаться, что они это уже сделали.

— Да, — буркнул Кутузов. — Нет оснований жертвовать своими офицерами за просто так. Капитан Блейн, передайте им, чтобы воспользовались спасательными шлюпками, но предупредите, что ни один малыш не должен уйти с корабля вместе с ними. Когда они уйдут, немедленно переходите на «Ленин».

— Слушаюсь, сэр, — Род с облегчением вздохнул и вызвал по линии интеркома помещение

генераторов. — Стели, адмирал сказал, что вы можете воспользоваться спасательными шлюпками. Будьте осторожны, чтобы в них не было ни одного малыша, и помните, что вас осмотрят, прежде чем пустить на борт катера. Активируйте торпеды и уходите. Ясно?

— Да, сэр, — Стели повернулся к остальным. — Спасательные шлюпки,

— сказал он. — Иде…

Зеленый луч сверкнул над ними.

— Забрала вниз! — крикнул Уайтбрид.

Они укрылись за торпедами, пока луч метался по помещению. Он хлестал по переборкам, прожигая в них дыры, а потом прошел через стену отсека, а затем и через сам корпус. Воздух тут же улетучился, и луч перестал дергаться, но не погас, продолжая излучать энергию в Поле, окружавшее корабль.

Стели поднял свое солнечное забрало, затемненное напыленным на него серебром. Пригнувшись, он прополз под лучом и взглянул на его источник.

Это был тяжелый ручной лазер. Потребовалось полдюжины малышей, чтобы нести его. Мертвые и высушенные, они цеплялись за ручные захваты.

— Можно идти, — сказал Стели и вставил ключ в замок на панели торпеды. Рядом с ним Поттер сделал то же самое. Они повернули ключи — и им осталось десять минут жизни. Стели дотянулся до интеркома.

— Миссия закончена, сэр.

Они прошли через открытую герметическую дверь в главный коридор и двинулись к корме, переплывая от одного захвата к другому. Соревнования в скорости при нулевой гравитации были излюбленной, хотя и нерегулярной игрой среди гардемаринов, и они были рады случаю попрактиковаться. За их спинами таймеры продолжали отсчет времени…

— Это должно быть здесь, — сказал Стели. Он заклинил герметичную дверь, затем прожег в корпусе корабля отверстие в форме человека. Воздух вышел наружу — малыши каким-то образом снова поместили их в вонючую атмосферу Мошки-1. Туман из ледяных кристаллов повис в вакууме.

Поттер нашел контрольную панель спасательных шлюпок и разбил закрывавшее ее стекло рукоятью пистолета. Они отошли в сторону и стали ждать, когда спасательные шлюпки наполнятся воздухом.

Вместо этого пол поднялся вверх, и открылись стоявшие под палубой конуса, каждый двух метров в основании и около восьми метров длиной.

— Полуночные Домовые ударили снова, — сказал Уайтбрид.

Все конусы были идентичны и сделаны наспех. Малыши должны были работать под палубой неделями, разрезая спасательные шлюпки и другое оборудование, чтобы заменить их… вот этими штуками. Каждый конус имел кресло на своем большом конце и ракетное сопло на другом.

— Осмотрите это чертовы штуки, Поттер, — приказал Стели. — Проверьте, не прячутся ли там Домовые.

Похоже, что там их нет. За исключением прочного конического корпуса, все было открытой конструкцией. Поттер обстукал их и заглянул вовнутрь, пока друзья охраняли его.

Он заглядывал в отверстие в одном из конусов, когда краем глаза заметил какое-то движение. Быстро выхватив из пояса гранату, он повернулся. Космический скафандр выплывал из глубины коридора. Обеими руками он держал тяжелый лазер.

Нервозность Стели отчетливо показал его голос.

— Эй, вы! Назовите себя!

Фигура подняла оружие, и Поттер швырнул гранату.

Яркий зеленый луч хлестнул через облако разрыва, жутко осветив коридор и рассекая при этом одну из конических спасательных шлюпок.

— Это был человек? — крикнул Поттер. — Или нет? Его руки плохо сгибались, а ноги оставались прямыми. Кто это был?

— Враг, — сказал Стели. — Думаю, нам лучше убираться отсюда. Садитесь на шлюпки, пока они у нас еще есть.

Он взобрался на полусидячее кресло одного из конусов. Остальные последовали его примеру.

Хорст нашел панель управления и повернул ее так, чтобы она была прямо перед ним. Нигде не было никаких надписей. Разумные или неразумные, все мошкиты, похоже, работали с машинами на глазок.

— Я нажму на большую прямоугольную кнопку, — твердо сказал Стели. Голос его звучал странно глухо.

Он нажал на кнопку.

Секция корпуса под ним скользнула в сторону, и он вылетел в космос. Ракеты ярко вспыхнули. Мгновение холода и черноты — и он уже за пре-

делами Поля.

Два других конуса появились из черной поверхности. Хорст торопливо направил радиопередатчик своего скафандра на неясно вырисовывающийся впереди черный корпус «Ленина».

— Говорит гардемарин Стели! Спасательные шлюпки изменены. Нас здесь трое, и мы одни на борту…

Из черноты позади появился четвертый конус. Стели повернулся на сиденье. Это походило на человека…

Три ручных лазера выстрелили одновременно. Четвертый конус вспыхнул и развалился, но они стреляли еще некоторое время.

— Один из… э… — Стели не знал, как доложить. Эта линия связи могла быть незащищенной.

— Мы видим вас на экранах, гардемарин, — сказал Голос с сильным акцентом. — Уходите от «Мак-Артура» и ждите, пока вас подберут. Вы закончили свою миссию?

— Да, сэр, — Стели взглянул на часы. Четыре минуты уже прошли.

— Тогда двигайтесь быстрее, — приказал голос.

Но как? — задумался Стели. Переключатели не имели явных функций. Пока он размышлял, его ракеты заработала. Но почему?… Ведь он ничего

не касался.

— Моя ракета тоже включилась, — сказал голос Уайтбрида. Он звучал спокойно, гораздо спокойнее, чем чувствовал себя Стели.

— Да, и моя, — добавил Поттер. — Никогда не заглядывай талантливой лошади в зубы. Главное, что мы движемся прочь от этого корабля.

Грохот продолжался. Их ускорение составило почти "G", и с одной стороны виднелся широкий зеленый полумесяц Мошки-1, а с другой была глубокая чернота Угольного Мешка и еще более черная масса «Ленина». Шлюпки ускорялись долго продолжали ускоряться.

«ЛЕНИН»

Молодой русский гардемарин был преисполнен гордости. Его боевые доспехи сияли, а все снаряжение было отлично подогнано согласно КНИГЕ.

— Адмирал просит вас пройти на мостик, — прощебетал он на безупречном английском языке.

Род Блейн вяло последовал за ним. Под шквал приветствий звездной пехоты Кутузова они проплыли через воздушный шлюз второй ангарной палубы «Ленина». Почетная встреча прибывающего капитана еще более усилило его горе. Он

отдал свой последний приказ и был последним человеком, ушедшим со своего корабля. Сейчас он был наблюдателем и, вероятно, в последний раз принимал оказываемые ему почести.

Все на борту линкора казалось слишком большим, хотя он и знал, что это только иллюзия. За несколькими исключениями, отсеки и коридоры столичных кораблей были стандартизированы, так что с таким же успехом

он мог находиться сейчас на борту «Мак-Артура». «Ленин» был в состоянии боевой готовности, и все его герметичные двери были закрыты и задраены. Звездные пехотинцы занимали самые важные посты вдоль проходов, поэтому они никого не увидели, и Род был рад этому. Сейчас он не мог оказаться лицом к лицу с кем-нибудь из своей команды или пассажиров.

Мостик «Ленина» был огромен. Корабль был экипирован как флагманский, и в дополнение к экранам и командным постам собственно корабля имел еще дюжину диванов для штаба адмирала. Род одеревенело ответил на приветствие адмирала, и опустился в кресло флаг-капитана. Он даже не поинтересовался, где находится командор Борман, флаг-лейтенант Кутузова и начальник его штаба. Они были с адмиралом

один на один на всем командном посту.

«Мак-Артур» виднелся в полудюжине экранов, располагавшихся перед ними. Последние шлюпки «Ленина» отходили от него. Стели должен уже закончить сою миссию, подумал Род, и сейчас кораблю оставалось всего несколько минут жизни. Когда он погибнет, я буду окончательно уничтожен. Новоназначенный капитан, потерявший корабль во время первого же задания… даже влияние маркиза не сможет побороть этого. Слепая ненависть к Мошке и всем ее обитателям переполняла его.

— Черт побери, мы должны были попробовать отнять его у этого стада… проклятых богом животных! — воскликнул он.

Кутузов удивленно поднял взгляд. Его брови сошлись на переносице, затем постепенно расслабились.

— Да. Если это все, чем они являются. Но, допустим, они больше, чем животные? Впрочем, в любом случае уже поздно.

— Да, сэр. Они активировали торпеды.

Две водородные бомбы… Генератор Поля испарится в миллисекунду, а «Мак-Артур»… Род сжался от боли при этой мысли. Когда экраны вспыхнут, все будет кончено. Он вдруг поднял

голову.

— А где мои гардемарины, адмирал?

Кутузов что-то проворчал.

— Они затормозились на более низкой орбите и сейчас за горизонтом. Я пошлю за ними шлюпку, когда все кончится.

Странно, подумал Род. По приказу адмирала они не могли идти прямо к «Ленину», а шлюпки не могли представлять реальной защиты, когда «Мак-Артур» взорвется. То, что они сделали, было ненужной предосторожностью, поскольку торпеды переводили лишь малую часть своей энергии в рентгеновское излучение и нейтроны, но это была понятная предосторожность.

Стрелки таймеров бесшумно подошли к нулю. Кутузов мрачно подождал минуту, потом другую.

— Торпеды не взорвались, — обвиняюще сказал он наконец.

— Да, сэр, — страдания Рода еще более усилились. — А теперь…

— Капитан Михайлов, подготовьте, пожалуйста, главную батарею к стрельбе по «Мак-Артуру», — Кутузов перевел мрачный взгляд на Рода. — Мне это не нравится, капитан. Не так сильно, как вам, но все равно не нравится. Не

хотите ли отдать приказ лично? Капитан Михайлов, вы разрешаете?

— Да, адмирал.

— Спасибо, сэр, — Род глубоко вздохнул. Человек должен сам убивать свою собаку… — Открыть огонь!

Космические сражения выглядят со стороны довольно красиво. Корабли, похожие на гладкие черные яйца, сближаются, их двигатели излучают ослепительный свет. Вспышки на черном фоне показывают взрывы торпед, которые избежали уничтожения ударами вспомогательных лазеров. Главные батареи излучают энергию в Поля друг друга, и зеленые и красные линии высвечивают межпланетную пыль.

Постепенно Поля начинают пылать. Тускло-красный, ярко-желтый, ослепительно-зеленый — цвета меняются по мере того, как Поля получают энергию. Цветные яйца соединяют зеленые и красные линии, идущие от батарей, и цвета изменяются.

Сейчас три зеленые нити соединяли «Ленин» и «Мак-Артур». Больше не происходило ничего. Линейный крейсер не двигался и не отвечал на огонь. Его Поле стало тускло краснеть, желтея там, где лучи сходились в одной точке. Когда оно

станет белым, Поле будет перегружено, и энергия, запасенная в нем, должна будет высвободиться — внутрь и наружу. Кутузов смотрел за этим с растущим замешательством.

— Капитан Михайлов, отведите нас, пожалуйста, назад, — линии бровей адмирала вновь сошлись, когда «Ленин» стал удаляться от «Мак-Артура».

Поле «Мак-Артура» стало зеленым со слабыми синеватыми пятнами. Изображение на экранах начало удаляться, и горячие пятна исчезли, когда лучи лазеров слегка разошлись. В тысяче километров корабль остановился.

— Капитан, мы неподвижны относительно «Мак-Артура»? — спросил Кутузов.

— Да, адмирал.

— Кажется, он подходит ближе.

— Да, адмирал. Его Поле расширяется.

— Расширяется? — Кутузов повернулся к Роду. — Вы можете объяснить это?

— Нет, сэр, — больше всего ему хотелось сейчас забыться. Разговор был болью, сознание — агонией. Но все же он пытался думать. — Должно быть, Домовые переделали генератор, а они всегда улучшают то, с чем работают.

— Жалко уничтожать это, — буркнул Кутузов.

— Расширяясь подобным образом, с такой большой излучающей поверхностью, «Мак-Артур» мог бы потягаться с любым кораблем Военного Флота…

Сейчас Поле «Мак-Артура» стало фиолетовым и огромным. Оно заполняло экраны, и Кутузов уменьшил увеличение в десять раз.

«Мак-Артур» был огромным фиолетовым пузырем, привязанным к «Ленину» зелеными нитями. Зачарованные, они ждали, и так прошли десять минут. Потом пятнадцать…

— Ни один корабль не может так долго выдерживать фиолетового Поля,

— пробормотал Кутузов. — Вы по-прежнему убеждены, капитан Блейн, что мы имеем дело только с животными?

— В этом убедились ученые, сэр, — сказал Род. — И убедили меня, — добавил он. — Я бы хотел, чтобы доктор Хорват был сейчас здесь.

Кутузов хрюкнул, как будто его ударили в живот.

— Этот глупец-пацифист! Он не смог бы понять того, что видит.

Молча они ждали еще одну минуту.

Зажужжал интерком.

— Адмирал, вызов с посольского корабля, —

объявил офицер-связист.

Кутузов нахмурился.

— Капитан Блейн, этот вызов примете вы.

— Простите, сэр?

— Ответьте на вызов мошкитов. Я не буду говорить ни с одним чужаком непосредственно.

— Слушаюсь, сэр.

Лицо на экране походило на любое другое лицо мошкитов, но она сидела так неудобно прямо, что Род не удивился, когда услышал:

— Я финч'клик' доктора Хорвата. У меня огорчительные новости для вас, капитан Блейн. Кстати, мы оценили предупреждение, сделанное нам. Мы не понимаем, почему вы хотите уничтожить ваш корабль, но если бы мы были рядом…

Блейн потер переносицу.

— Мы боремся с чумой. Возможно, уничтожение «Мак-Артура» остановит ее. Мы надеемся на это. Слушайте, мы сейчас слишком заняты. Что у вас за сообщение?

— Да, конечно. Капитан, три маленьких корабля, которые бежали с «Мак-Артура», пытались войти в атмосферу Мошки-1. Мне очень жаль, но никто не уцелел.

Роду показалось, что мостик «Ленина» закрыл туман.

— Войти в атмосферу на спасательных шлюпках?! Но это очевидная нелепость. Они не могли…

— Нет, нет, они пытались приземлиться. Мы проследили часть их траектории… Капитан, у нас есть записи этого. Они сгорели, полностью…

— Черт побери! Они были в безопасности!

— Нам очень жаль.

Лицо Кутузова было неподвижной маской, на котором шевелились только губы:

— Записи…

Род кивнул. Он чувствовал, что слишком устал.

— Мы должны взглянуть на эти записи. Вы уверены, что ни один из моих юных офицеров не выжил?

— Вполне уверены, капитан. Мы очень огорчены этим. Разумеется, мы понятия не имели, что они попробуют сделать такое, и в этих обстоятельствах абсолютно ничем не могли помочь.

— Разумеется, нет. Спасибо, — Род отвернулся от экрана и посмотрел на сражение, разыгрывающееся перед ним.

— Итак, нет ни тел, ни обломков, — буркнул Кутузов. — Очень удобно, — он коснулся кнопки на подлокотнике своего командного кресла и сказал:

— Капитан Михайлов, отправьте, пожалуйста, катер за гардемаринами. — он повернулся к Роду. — Конечно, мы там ничего не найдем.

— Вы не верите мошкитам, сэр? — спросил Род.

— А вы, капитан?

— Я… я не знаю, сэр. Я не знаю, что мы можем сделать с этим.

— Я тоже, капитан. Катер будет искать и не найдет ничего. Мы не знаем, где они пытались войти в атмосферу. Планета большая. Даже если они выжили и свободны, мы можем искать их днями и не найти. А если они в плену… их и подавно никогда не найдут, — он хмыкнул и сказал по командной линии: — Капитан Михайлов, проследите, чтобы катер провел поиск хорошенько. И, пожалуйста, воспользуйтесь торпедами для уничтожения этого корабля.

— Да, сэр, — спокойно ответил капитан «Ленина» со своего поста по другую сторону большого мостика.

Два десятка торпед устремились к «Мак-Артуру». Они не могли пройти сквозь Поле, запасенная в нем энергия должна была взорвать их немедленно. Они взорвались все одновременно, и крупная рябь разноцветных огней покрыла пылающую фиолетовым цветом поверхность

«Мак-Артура». Ярко-белые пятна появились и исчезли.

— Прорыв в девяти местах, — доложил офицер артиллерист.

— Прорыв во что? — спросил Род. Это был его корабль, и он доблестно сражался за свою жизнь…

Адмирал фыркнул. Корабль находился в пятистах метрах от этой дьявольской фиолетовой поверхности, и яркие вспышки могли даже задеть его. — Орудиям продолжать огонь. Готовность ко второй торпедной атаке,

— приказал Кутузов.

Еще одна флотилия огненных дротиков прочертила пылающие дуги. Все они взорвались по ту сторону мерцающей фиолетовой поверхности. Появилось множество белых пятен, и по фиолетовому пламени снова пробежала рябь.

И все же «Мак-Артур» оставался таким же, как был — огненно-фиолетовым пузырем диаметром в километр, соединенным с «Лениным» нитями зеленого цвета.

Стюард кают-кампании подал Роду чашку кофе. Рассеянно тот сделал маленький глоток. Вкус был ужасный.

— Огонь! — скомандовал Кутузов с ненавистью в голосе. — Огонь!

И тут это произошло. Поле «Мак-Артура» чудовищно расширилось, стало голубым, желтым и… исчезло. Зажужжали автоматические сканеры, и увеличение экранов возросло. Корабль был на месте.

Он горел красным цветом и был частично оплавлен. Впрочем, его вообще не должно было там быть: когда Поле разрушалось, все внутри него испарялось.

— Они должны были поджариться там, — механически сказал Род.

— Да. Огонь!

Зеленые лучи снова ударили. «Мак-Артур» изменился, вздулся и расширился, выпуская в пространство воздух. Еще одна торпеда подошло к нему и взорвалась. Лазерные батареи продолжали стрелять. Когда Кутузов приказал прекратить огонь, на том месте не было ничего, кроме пара.

Род и адмирал долго смотрели на пустой экран. Наконец, адмирал отвернулся от него.

— Вызывайте шлюпки, капитан Михайлов. Мы идем домой.

ПАДЕНИЕ НА ПЛАНЕТУ

Три маленьких конуса падали, и в каждом, подобно яйцу на подставке, сидел человек.

Хорст Стели летел первым. За исключением вакуумного костюма, ничто не отделяло его от космического пространства. Очень осторожно он повернулся, чтобы взглянуть на следующие за ним два других конуса.

Где-то там, далеко за горизонтом, находились «Мак-Артур» и «Ленин». Не было ни одного шанса, что радио его костюма будет действовать на таком расстоянии, но все же он перешел на вызывающую частоту и послал вызов. Ответа не было.

Все произошло слишком быстро. Конуса включили посадочные ракеты и к тому времени, когда он вызывал «Ленин», было уже слишком поздно. Возможно, связисты были заняты чем-то другим, или он был слишком низко… Хорст вдруг почувствовал себя одиноким.

Падение продолжалось, а потом ракеты вдруг смолкли.

— Хорст! — это был голос Уайтбрида.

Стели ответил.

— Хорст, эти штуки собираются войти в атмо-

сферу!

— Да. Воткнуться в нее. А что мы можем сделать?

Впрочем, это был риторический вопрос. В полной тишине три маленьких конуса падали к ярко-зеленой планете под ними. Потом они вошли в атмосферу.

Для каждого из них такое встречалось не впервые. Они знали цвета плазменного поля, появляющегося перед носом корабля, цвета, различающиеся в зависимости от химического состава защитного экрана. Но на этот раз они были практически обнажены. Будет ли сейчас излучение? Или жара?

Голос Уайтбрида прорвался к Стели сквозь помехи.

— Я пытаюсь думать, как Домовые, и это не так-то легко. Они знали о наших костюмах, знали, какую часть излучения они задерживают. Сколько, по их мнению, мы можем выдержать? И еще жара…

— А я передумал, — сказал Поттер. — Я не полечу вниз.

Стели старался не обращать внимания на их смех. Он отвечал за их жизни и относился к этому серьезно. Он попробовал расслабить мышцы и

ждал жары, турбулентных потоков, радиации, падения конуса и смерти.

Сквозь плазменные искажения виднелся проносящийся мимо пейзаж. Круглые моря и дуги рек. Обширные пространства городов. Горы, покрытые льдами, и снова город, раскинувшийся у подножья и на склонах снежных пиков. Огромный океан (может ли этот чертов конус плавать?), потом снова суша. Конусы снижались, и детали делались крупнее. Воздух свистел вокруг. Лодки на озере, крошечные пятнышки, целые тучи их. Пространство зеленого леса, резко ограниченное и рассеченное дорогами…

Обод конуса Стели раскрылся, и кольцо парашюта рванулось назад. Стели глубже вжался в облегающее кресло. С минуту он видел только голубое небо, а потом последовал сильный удар. Стели мысленно выругался. Конус закачался и завалился набок.

В ушах Стели возник голос Поттера.

— Я нашел рычаг управления полетом! Если эти бестии сделали все одинаково, в центре должна быть круглая рукоять. Это рычаг управления тягой, а двигая всю контрольную панель, можно удерживать конус от крена.

Как жалко, что он не обнаружил этого рань-

ше! — подумал Стели и сказал:

— Подлетайте ближе к земле и парите над ней — пусть топливо выгорит. Вы нашли способ освобождения парашюта, Поттер?

— Нет. Он пока подо мной, и ракетное пламя тут же сожжет его. Где вы?

— Внизу. Дайте мне только освободиться… — Стели раскрыл аварийную сеть и опрокинулся на спину. Сиденье было на тридцать сантиметров ниже края конуса. Он вытащил оружие и прожег отверстие, чтобы проверить пространство под собой. Оно было заполнено сжимающейся пеной. — Когда приземлитесь, убедитесь, что на борту спасательной шлюпки нет ни одного Домового, — приказал он.

— Черт побери! Меня едва не вышвырнуло! — донесся голос Уайтбрида.

— До чего же мудреные штуковины…

— Я вижу тебя, Джонатан! — воскликнул Поттер. — Пожалуй, я смогу подлететь к тебе.

— Тогда ищите мой парашют, — приказал Стели.

— Я тебя не вижу. Мы можем быть километрах в двадцати друг от друга. Твой сигнал не очень-то силен, — сказал Уайтбрид.

Стели поднялся на ноги и внимательно осмот-

рел спасательную шлюпку. В ней не было места, где малыш мог бы спрятаться и пережить полет через атмосферу, но он осмотрел ее еще раз, чтобы иметь полную уверенность. Потом он переключился на вызывающую частоту и попытался вызвать «Ленин» — не надеясь на ответ и не получив его. Передатчики костюмов действовали только в пределах видимости, и их сознательно не делали очень мощными, иначе все пространство было бы полно разговоров одетых в костюмы людей. В переделанных спасательных шлюпках не было ничего, похожего на радио. Интересно, как Домовые собирались обеспечить вызов выжившим помощи?

Стели почувствовал себя не очень уверенно, еще не привыкнув к силе тяжести. Вокруг него расстилались возделанные поля с рядами пурпурных, похожих на баклажаны кустов с кронами темных листьев, доходивших человеку до груди, и более низкими кустами с зернами. Ряды уходили вдаль во всех направлениях.

— Тебя по-прежнему не видно, Хорст, — доложил Уайтбрид. — Хорст, ты видишь большое низкое здание, сверкающее, как зеркало? Это единственное здание в пределах видимости.

Стели огляделся и увидел металлически по-

блескивающее сооружение у самого горизонта. Оно находилось очень далеко, но это был единственный ориентир в пределах видимости.

— Да, вижу.

— Мы полетим туда и будем ждать тебя там.

— Хорошо. Ждите меня.

— Держи курс на него, Гэвин, — сказал голос Уайтбрида.

— Хорошо, — донесся ответ.

Потом они говорили еще о чем-то, но Хорст Стели чувствовал себя очень одиноким.

— Оп! Мои ракеты смолкли! — воскликнул Поттер, и Уайтбрид увидел, что конус Поттера помчался к земле. Он ударился острым концом, заколебался и рухнул в кусты.

— Гэвин! — воскликнул Уайтбрид. — С тобой все в порядке?

Что-то зашелестело, потом пришел ответ:

— Иногда в плохую погоду у меня болит правый локоть... старая футбольная рана. Держись, пока сможешь, Уайтбрид. Я встречу вас обоих у купола.

— Понятно, — маневрируя ракетой, Уайтбрид направил конус к строению.

А оно было огромным. Рядом с ним не было ничего такого, по чему можно было бы определить

его размеры, но лететь предстояло минут десять или больше.

Это был купол с гладкими стенами, изгибающийся в низкую, округлую крышу. Не было ни окон, ни каких-либо других деталей, за исключением прямоугольного отверстия, которое могло быть дверью, хотя и казалось смехотворно маленьким в этой огромной конструкции. Отблески солнечного света на крыше были более чем металлическими, они были зеркально-яркими.

Уайтбрид полетел вниз, впрочем, довольно медленно. Было что-то пугающее в здании, стоящем посреди бесконечных полей, и именно это, а не страх за то, что двигатель в любую минуту может смолкнуть, удержало его от броска к этой конструкции.

Ракета по-прежнему держала его. Вероятно, малыши изменили химикалии в твердотопливном двигателе: среди предметов, сделанных мошкитами, не было двух совершенно одинаковых. Уайтбрид приземлился прямо перед прямоугольной дверью. Эта закрытая дверь была карликовой по сравнению со зданием.

— Я на месте, — почти прошептал он, затем рассмеялся над собой. — Здесь есть дверь. Она большая и закрытая. Довольно странно, что нет

никаких дорог, ведущих сюда, и растения доходят до самого края купола.

— Может быть, самолеты садятся на крышу? — предположил Стели.

— Не думаю, Хорст. Крыша закруглена. Не похоже, чтобы здесь было много посетителей. Это должно быть что-то вроде склада. Или, может быть, внутри находится машина, которая работает сама.

— Будьте осторожны с этим. Гэвин, с тобой все в порядке?

— Да, Хорст. Я буду у здания через полчаса. Увидимся там.

Стели готовился к долгому маршу. Как выяснилось, на спасательной шлюпке не было запаса продуктов. Подумав немного, он снял свои боевые доспехи и вакуумный костюм, бывший под ними. В них не было ничего секретного. Сняв шлем, он прикрепил его к шейной перемычке, чтобы использовать как воздушный фильтр. Затем снял со скафандра радио и повесил себе на пояс, предварительно в последний раз попытавшись связаться с «Лениным». Ответа не было. Что еще? Радио, мешок с водой, ручное оружие — все это он уже взял.

Стели внимательно осмотрел горизонт. Здание

было только одно, и можно было не бояться, что уйдешь не туда. Он двинулся к зданию, радуясь низкой гравитации и слегка раскачиваясь при ходьбе.

Спустя полчаса он увидел первого мошкита, причем подошел практически вплотную и только тогда заметил. Это существо отличалось от всех, которых он видел прежде, и ростом было с окружавшие его растения. Оно работало между рядами, разравнивая руками почву, выдергивая сорняки и укладывая их между заботливо сделанными бороздками. Оно следило за его приближением, а когда он оказался рядом, продолжило свою работу.

Этот мошкит был не совсем коричневым. Мех у него был гуще, и более густой мех покрывал все три руки и ноги. Левая рука была почти такой же, как у Коричневых, но на каждой из правых было по пять пальцев плюс что-то вроде бутона, и пальцы были прямыми и короткими. Ноги были толстыми, а ступни большими и плоскими. Голова была головой Коричневого с резко уходящим назад лбом.

Если Сэлли Фаулер была права, это означало, что теменной области почти не было.

— Привет, — сказал Хорст.

Мошкит на секунду взглянул на него, затем выдернул сорняк.

Позднее Стели увидел еще многих. Они следили за ним достаточно долго, чтобы убедиться, что он не уничтожает растений, а затем теряли к нему интерес. Хорст продолжал путь к сверкающему в солнечных лучах зданию. Оно было гораздо дальше, чем он думал.

Гардемарин Джонатан Уайтбрид ждал. С тех пор, как он поступил на Флот, ему часто приходилось заниматься этим, но ему было всего семнадцать стандартных лет, а в этом возрасте ждать нелегко.

Он сидел возле купола, голова его едва возвышалась над растениями. В городе здания мешали ему видеть этот мир, здесь же он мог видеть весь горизонт. Небо было коричневым, приобретая голубоватые тона только прямо над головой. На востоке клубились тучи, а над ним проплывали несколько грязно-белых дождевых облаков.

Солнце тоже было над головой. Уайтбрид решил, что должен находиться вблизи экватора, и вспомнил, что Город Замка был гораздо дольше к северу. Больших размеров солнечного диска он заметить не мог, потому что не мог смотреть прямо на него, но вблизи оно выглядело более уютно,

чем маленькое солнце Новой Шотландии.

Он чувствовал, что его окружает чужой мир, но ничего не видел. Взгляд его продолжал блуждать по зеркальной поверхности здания, Потом он встал, чтобы исследовать дверь.

Она была добрых десяти метров высотой. Несомненно, будучи слишком высокой для Уайтбрида, она была просто гигантской для мошкитов. Но производил ли размер впечатление на мошкитов? Нет, подумал Уайтбрид. Дверь должна быть функциональной… Тогда что значат эти десять метров высоты? Тяжелые машины? Однако, когда он приложил к гладкой поверхности свой микрофон, изнутри не донеслось ни звука.

С одной стороны ниши, в которой находилась дверь, размещалась панель, удерживаемая сильной пружиной. За панелью было что-то похожее на наборный диск. Пожалуй, это и был он, разве что мошкиты ожидали друг от друга решения таких головоломок с первого взгляда. Кодовый замок мог означать: «Вход воспрещен».

Вероятно, это требовалось охранять — но от кого? Он Коричневых? Белых? Рабочих и не имеющих разума классов? Вероятно, от всех них. Наборный диск мог быть задуман, как форма общения.

Тяжело дыша, подошел Поттер, его шлем покрывала испарина, мешок с водой висел на поясе. Повернув микрофон, чтобы включить маленький динамик, он отключил передатчик.

— Я попробовал воздух Мошки-1, — сказал он. — Теперь я знаю. Ну, так что ты нашел?

Уайтбрид показал ему. Он также приспособил свой микрофон к новым условиям. Не имело смысла передавать по радио все, что они скажут.

— Хотел бы я, чтобы здесь был доктор Бакмен. Это цифры мошкитов… да, а это солнечная система Мошки, с диском на месте планеты. Дай-ка взглянуть…

Уайтбрид с интересом следил, как Поттер разглядывает диск. Новошотландец скривил губы, потом сказал:

— Да. Этот газовый гигант в три запятая семь два раза дальше от Мошки, чем Мошка-1. Гмм… — он залез в карман рубашки и вынул вездесущий компьютер. — Гмм… три запятая восемь восемь, основание двенадцать. Как движется диск сейчас?

— С другой стороны, — сказал Уайтбрид, — это может быть, скажем, чей-то день рождения, — он был рад видеть Гэвина Поттера. Он был бы рад видеть здесь любого человека, однако, возня

новошотландца с дисками была… беспокоящей. Влево, вправо, влево, вправо — поворачивал диски Гэвин Поттер.

— Насколько я помню, Хорст дал нам приказ остерегаться этого здания, — встревоженно сказал Уайтбрид.

— Будьте осторожны с ним — вот что он сказал. Едва ли это можно назвать приказом. Мы можем узнать что-нибудь о мошкитах, разве нет?

— Ну, хорошо… — это была интересная головоломка, — попробуй снова влево, — подсказал Уайтбрид. — Держи это, — и он нажал на символ, означающий Мошку-1. Тот со щелчком сдвинулся, — теперь снова влево.

— Да. Астрономические карты мошкитов показывают, что планеты движутся против часовой стрелки.

На третьей цифре дверь начала подниматься вверх.

— Сработало! — воскликнул Уайтбрид.

Дверь поднялась на высоту полутора метров. Поттер взглянул на Уайтбрида и сказал:

— И что теперь?

— Ты что, смеешься?

— У нас есть приказ, — медленно сказал Поттер.

Они сели между растениями и посмотрели друг на друга. Потом взглянули на купол. Внутри горел свет, и они могли легко заглянуть под дверь. Внутри стояли здания…

Стели шел уже три часа, когда увидел самолет. Он был высоко и двигался быстро, и Стели замахал ему руками, надеясь, что его заметят. Этого не произошло, и он пошел дальше.

Потом он снова увидел самолет. Тот был позади него и летел гораздо ниже. Самолет опустился еще ниже и исчез за низкими, округлыми холмами, где, видимо, сел. Стели пожал плечами. Наверняка, они нашли его парашют и спасательную шлюпку и сейчас ищут его следы, уходящие с места приземления. Направление сомнений не вызывало. Больше здесь идти было некуда.

Через несколько минут самолет поднялся и направился прямо к нему. Сейчас он двигался медленно, явно осматривая местность. Стели снова замахал руками, хотя первым его импульсом, разумеется, глупым, было спрятаться. Ему требовалось, чтобы его нашли, хотя то, что он должен был сказать мошкитам, было не совсем понятно.

Самолет пролетел мимо него и завис. Реактивные сопла изогнулись взад и вперед, и самолет опасно быстро сел среди растений. Внутри нахо-

дились три мошкита, и один Коричнево-белый быстро выскочил из машины.

— Хорст! — сказала она голосом Уайтбрида. — А где остальные?

Стели указал на круглый купол. До него было еще не менее часа ходьбы.

Мошкита Уайтбрида как-будто поникла.

— Нужно спешить туда. Хорст, они еще там?

— Конечно. Они ждут меня там уже около трех часов.

— О, мой Бог! Может, они не смогут войти вовнутрь. Уайтбрид не мог войти вовнутрь. Поднимайтесь, Хорст, — она указала на самолет. — Вам придется как-то сжаться.

Внутри находился второй Коричнево-белый, а пилот был Коричневым. Мошкита Уайтбрида пропела что-то в пяти октавах, пользуясь по меньшей мере девятью тонами. Второй Коричнево-белый замахал руками. Они освободили место для Стели между облегчающими сидениями, и Коричневый повернул какие-то рычаги. Самолет поднялся и помчался к зданию впереди.

— Может, они не вошли туда, — повторила Мошкита Уайтбрида. — Может быть…

Хорст неудобно скорчился в мчащемся реактивном самолете и недоуменно качал головой.

Все это ему не нравилось.

— Что-то не так? — спросил он.

Мошкита Уайтбрида как-то странно взглянула на него.

— Может, и ничего.

Остальные мошкиты не сказали вообще ничего.

ПРАВОНАРУШИТЕЛИ

Уайтбрид с Поттером стояли в куполе и удивленно таращили глаза.

Купол был просто футляром. Единственный источник света, очень похожий на послеполуденное солнце, сиял на половине расстояния до крыши. Мошкиты использовали этот способ освещения во многих зданиях, которые видел Уайтбрид.

То, что находилось под куполом, походило на маленький город. Впрочем, не совсем. В домах никого не было. Вокруг не было ни звуков, ни движения, ни света хотя бы в одном окне. Да и здания…

В этом городе не было согласованности. Здания чудовищно не увязывались друг с другом. Уайтбрид содрогнулся при виде двух прямолинейных многоэтажных колонн, обрамлявших нечто, что могло быть увеличенным средневековым собором, тысячи карнизов которого охранялись теми, кого мошкит Бари назвал демонами мошкитов.

Здесь были сотни архитектурных стилей и по меньшей мере дюжина уровней технологии. Эти формы невозможно было построить без ис-

пользования напряженного бетона или чего-то более утонченного, а здание возле ворот было из высушенного солнцем кирпича. Здесь крепкий прямоугольник имел стены из серебристого стекла, а там стены были из серого камня, и крошечные окна в них не имели стекол, а только ставни, защищающие их от стихий.

— Дождевые ставни. Это должно было быть здесь еще до купола, — сказал Поттер.

— Это любому ясно. Купол почти новый. Этот… собор в центре — или что это такое — настолько стар, что почти рассыпается.

— Взгляни сюда, на эту параболически-гиперболическую конструкцию, выступающую из стены… Ты только посмотри на эту стену!

— Да, это должно быть частью другого здания. Бог знает, насколько все это старо, — стена была толщиной более метра и зазубрена по краям и на вершине. Она была сделана из разукрашенных каменных блоков, весивших не менее пятисот килограммов каждый. Какие-то растения, похожие на виноград, окружали их, прорастая насквозь, и, должно быть, именно это удерживало стену целой.

Уайтбрид наклонился ниже и внимательно пригляделся к этим растениям.

— Никакого цемента, Гэвин. Именно они держат блоки вместе. Кроме того, это поддерживает остальную часть здания, сделанного из бетона. Это строилось последним.

— Ты помнишь, что говорил Хорст о Каменном Улье?

— Он сказал, что чувствует его возраст. Как это верно…

— В этом месте должны быть все времена. Думаю, мы нашли музей… Музей архитектуры? И они все добавляли к нему экспонаты, столетие за столетием, пока не поставили сверху этот купол для защиты от стихий.

— Да…

— Ты, кажется, сомневаешься?

— Этот купол имеет два метра толщины и сделан из металла. Какого рода стихии…

— Например, падение астероида. Впрочем, нет, это ерунда. Астероиды давным-давно собрали вместе.

— Я думаю, нужно взглянуть на этот собор. Похоже, это старейшее здание здесь.

Собор сам по себе оказался музеем. Любой цивилизованный гражданин Империи мог бы определить это — все музеи похожи друг на друга.

Там были ящики из стекла, а внутри старые вещи, снабженные табличками с датами и сведениями о них.

— Я могу прочесть даты, — сказал Поттер. — Смотри, они из четырех или пяти цифр. Насколько они стары, Гэвин?

— Так… их год короче… Пять цифр. Датировка идет от какого-нибудь события… и этот знак минус перед каждым числом… Нужно подумать… — он вынул свой компьютер и стал быстро писать на табло. — Это число должно быть семьдесят четыре тысячи и сколько-то еще. Джонатан, таблички почти новые.

— Языки изменяются, и им приходится часто переводить каждую табличку.

— Да… да, я знаю этот знак. «Приблизительно», — Поттер быстро переходил от одного экспоната к другому. — Здесь он снова. Здесь нет… а тут есть. Джонатан, взгляни на это.

Это была очень старая машина. Чисто железная, она сейчас насквозь проржавела, превратившись в эскиз того, что представляла из себя когда-то. Это была гаубица.

— Здесь есть табличка. Этот двойной знак приблизительности означает догадки, предположения. Интересно, сколько раз переводилась

эта надпись?

Комната сменялась комнатой. Потом они нашли широкую лестницу, ведущую вверх, с низкими, но достаточно широкими для человеческих ног ступенями. Там были новые комнаты и новые экспонаты. Потолки у помещений были низкие, освещались они рядами грушевидных предметов с раскаленными нитями внутри, которые зажигались, когда они входили, и гасли, когда выходили. Эти светящиеся предметы находились на такой высоте, чтобы не испортить потолок. Музей сам был экспонатом.

Таблички на всем были очень похожи, но все витрины были разными. Уайтбриду это не казалось странным. Не существовало двух вещей, сделанных мошкитами, которые были бы идеально похожи. Но один раз он почти засмеялся…

Стеклянный баллон нескольких метров длиной и два метра шириной покоился на основании неопределенной формы, сделанном из металла почти персикового цвета. И то, и другое выглядело совершенно новым. На основании имелась табличка, а внутри баллона находился витиевато украшенный резьбой ящик из дерева размером с гроб, совершенно выгоревший от времени, и с крышкой, похожей на ржавую проволочную

решетку. Он тоже имел табличку. Под ржавой проволокой находилась глиняная посуда со стенками толщиной с яичную скорлупу: частично разбитая, частично целая. Каждый обломок имел отдельную табличку с датой.

— Это похоже на гнездо экспонатов, — сказал Уайтбрид.

Поттер не засмеялся.

— Это то, что это есть. Видишь здесь? Этому баллону около двух тысяч лет… Это не может быть правдой, не так ли?

— Нет, если… — Уайтбрид провел своим классификационным кольцом по стеклянной поверхности. — Они оба царапаются. Это искусственный сапфир, — он сделал то же самое с металлом. Теперь металл поцарапал камень. — Я согласен с двумя тысячелетиями.

— Но этому ящику около двадцати четырех веков, а посуде внутри более трех тысячелетий. Видишь, как меняются стили? Это изображения подъема и падения различных школ изготовления глиняной посуды.

— Ты думаешь, что деревянный ящик доставлен из другого музея?

— Да.

Вот тут Уайтбрид и рассмеялся. Они двину-

лись дальше, потом Джонатан показал рукой и сказал:

— Здесь тот же самый металл, верно?

На маленьком оружии с двумя ручками — должно быть, это было ружье

— виднелась та же дата, что и на сапфировом баллоне.

Дальше, возле стены большого купола, размещалась удивительная конструкция. Она состояла из вертикального кружева шестиугольников, стороны которых были длиной в два метра. В некоторых из шестиугольников имелись пластиковые рамы, в других — разрушенные останки их.

Поттер указал на мягко изгибающуюся конструкцию.

— Это другой купол. Сферический, с геодезическими креплениями. От него мало что осталось, да и не мог он накрывать всего этого.

— Ты прав. И он разрушен не погодой. Видишь, как изогнуты его ребра возле края? Может, торнадо? Эта часть планеты довольно плоская.

Эти слова заставили Поттера на мгновение задуматься: на Новой Шотландии не бывало торнадо. Вспомнив уроки по метеорологии, он кивнул:

— Да. Может быть, может быть…

За фрагментом раннего купола Поттер нашел конструкцию из распадающегося металла, которую покрывала пластиковая оболочка. Сам пластик тоже выглядел потертым и изжеванным. На табличке стояли две даты, каждая из пяти цифр. Следующая табличка была прикреплена к узкой наземной машине с тремя сидениями вряд, которая выглядела очень примитивной. Капот ее был поднят.

— Внутреннее сгорание, — сказал Поттер. — Мне кажется, что у Мошки-1 было очень мало ископаемого топлива.

— Сэлли тоже пришла к этой мысли. Якобы их цивилизация пришла в упадок, когда они использовали все ископаемое топливо. Я сомневаюсь в этом.

Однако, главная находка находилась за огромным панорамным окном в одной из стен. Они уставились на эту «колокольню», не обращая внимания на древнюю, витиевато вырезанную из бронзы табличку, которая сама имела более мелкую табличку.

Внутри «колокольни» находился ракетный корабль. Несмотря на дыры в бортах и пятна коррозии, он еще сохранял свою форму: длинный

цилиндрический резервуар, очень тонкостенный, с кабиной, видневшейся на постепенно истончающемся носу.

Они направились к ступеням. На первом этаже должны быть другие окна…

Так оно и оказалось, и гардемарины встали на колени, чтобы заглянуть в двигатель.

— Я не совсем… — начал Поттер.

— Атомный, — почти прошептал Уайтбрид. — Очень ранний тип. Пропускал инертное топливо через ядро из урана, плутония или чего-то подобного. Батарея расщепления, доатомная…

— Ты уверен?

Прежде, чем ответить, Уайтбрид посмотрел снова, затем кивнул:

— Да, уверен.

Расщепление следовало после внутреннего сгорания, но в Империи до сих пор были места, где пользовались двигателями внутреннего сгорания. Энергия расщепления была почти мифом, и, пока они смотрели, годы, прошедшие над этим местом, казалось, падали со стен, неслышно окутывая их, как плащом.

Самолет приземлился около оранжевых обрывков парашюта и обломков конуса. Открытая дверь походила на обвиняющий рот.

Мошкита Уайтбрида выскочила из самолета и бросилась к конусу. Она что-то прощебетала, и пилот тоже выскочил, чтобы присоединиться к ней.

— Они открыли ее, — сказала мошкита Уайтбрида. — Никогда бы не подумала, что Джонатан решит эту проблему. Должно быть, это Поттер. Хорст, есть хотя бы один шанс за то, что они не вошли вовнутрь?

Стели покачал головой.

Мошкита снова что-то прощебетала Коричневому.

— Смотрите за машиной, Хорст, — сказала она, потом заговорила с другим Коричнево-белым, который вылез из аэроплана и смотрел на небо.

Коричневый поднял пустой вакуумный костюм Уайтбрида и его доспехи. Он работал быстро, создавая что-то вроде нехватающего шлема и ставя его на место. Потом он принялся за воздушный регенератор, копаясь в его внутренностях инструментами из мешка на поясе. Костюм надулся и стал вертикально. Наконец, Коричневый закрыл панель, и теперь костюм стал туго натянутым, как человек в вакууме. Коричневый обмотал его длинным шнуром, чтобы стянуть плечи, и пробил каждое запястье.

Пустой костюм поднял свои руки, из пробитых запястий которых со свистом уходил воздух. Потом давление упало, и руки опустились. Еще один цикл свиста, и руки снова поднялись.

— Мы поступим с вашим костюмом точно так же и поднимем температуру до нормальной у вас. Если повезет, они сожгут это, не проверяя, есть вы там внутри или нет.

— Сожгут?

— Впрочем, на это наверняка не следует рассчитывать. Хотелось бы мне, чтобы был способ отвести огонь от самолета…

Стели коснулся плеча мошкиты. Коричневый стоял, глядя на них со слабой полуулыбкой, что означало, что он ничего не думает. Экваториальное солнце было высоко над головой.

— Почему кто-то хочет убить нас? — требовательно спросил Стели.

— Вам всем вынесен смертный приговор, Хорст.

— Но почему? Из-за купола? Он — табу?

— Купол — да, табу — нет. Вы что, считаете нас примитивными? Вы знаете слишком много, вот и все. Мертвые свидетели ничего не рассказывают. А теперь войдем: нам нужно найти их и вывести отсюда.

Мошкита Уайтбрида нагнулась под дверью. Это было излишним: Уайтбрид никогда так не нагибался. Второй Коричнево-белый последовал за ней, оставив коричневого с ее постоянно улыбающимся лицом стоять снаружи.

БЕГИ, КРОЛИК, БЕГИ

Они нашли гардемаринов возле собора. Услышав глухой перестук ботинок Хорста Стели, Уайтбрид поднял голову, заметил идущих мошкитов и сказал:

— Финч'клик'?

— Финч'клик'.

— Мы изучаем ваши…

— Джонатан, у нас нет времени, — сказала мошкита.

Второй Коричнево-белый посматривал на них с нетерпением.

— Нам всем грозит смерть за нарушение чужого владения, — сказал Стели, — и я не знаю, почему.

Воцарилось молчание, потом Уайтбрид сказал:

— Но я ничего не сделал! Это же просто музей…

— Да, — сказал мошкита Уайтбрида. — Вы должны были сесть здесь. Это не просто невезение. Ваши немые малыши должны были запрограммировать спасательные конусы так, чтобы они не свалились в воду, на город или горную вершину. Вы должны были сесть среди сельскохозяйствен-

ных угодий. А это именно то место, где находятся наши музеи.

— Здесь? Но почему? — сказал Поттер, потом добавил таким тоном, словно уже все понял: — Здесь нет людей…

— Поэтому их не будут бомбить.

Тишина была частью возраста этого места. Мошкита сказала:

— Гэвин, а вы не кажетесь особо удивленным.

Поттер попробовал потереть челюсть, но этому помешал шлем.

— Полагаю, нет ни малейшего шанса убедить вас, что мы ничего не поняли?

— Действительно. Вы пробыли здесь три часа.

— Всего два, — вмешался Уайтбрид. — Хорст, это место фантастично! Музеи внутри музея, которые уводят глубоко в прошлое. Может, это и есть тот секрет? Что здешняя цивилизация очень стара? Но я не понимаю, зачем вам скрывать это?

— У вас было много войн, — медленно сказал Поттер.

Мошкита втянула голову в плечи.

— Да.

— Больших войн.

— Верно. А также малых.

— Сколько их было?

— Бога ради, Поттер! Кто сосчитает? Тысячи циклов. Тысячи разрушительных возвращений к варварству. Безумный Эдди постоянно пытался остановить это. По-моему, вся каста принимающих решения состоит из безумных Эдди. Они считают, что нарушат круговорот циклов, выйдя в космос и заселив другие солнечные системы.

Голос Хорста Стели был спокоен. Говоря, он внимательно оглядывал купол, и рука его лежала на рукояти пистолета.

— Они так считают? А в чем заключается то, о чем мы узнали слишком много?

— Это я как раз и пытаюсь объяснить вам это. Затем я попытаюсь доставить вас обратно на корабль. Живыми… — она указала на другую мошкиту, которая бесстрастно стояла во время этого разговора, потом что-то просвистела и прогудела. — Можете звать ее Чарли, — сказала она. — Вам не воспроизвести ее настоящее имя. Чарли представляет отдающего приказы, который хочет помочь вам — может быть… В любом случае это ваш единственный шанс…

— Что же нам делать сейчас? — спросил Стели.

— Мы попытаемся добраться до босса Чарли. Там вы будете под защитой (свист, щелчок, свист). Зовите его… э… король Петр. У нас нет королей,

но он сейчас мужчина. Это один из наиболее могущественных отдающих приказы и, поговорив с вами, он, вероятно, захочет доставить вас домой.

— Вероятно, — медленно сказал Хорст. — И все же, что это за секрет, за который вы так боитесь?

— Потом. Нам нужно уходить.

Хорст Стели вытащил пистолет.

— Нет, прямо сейчас. Поттер, есть в этом музее что-нибудь, чтобы мы могли связаться с «Лениным»? Поищите.

— Да, да… Вы считаете, вам понадобится этот пистолет?

— Найдите нам радио!

— Хорст, послушайте, — настаивала мошкита Уайтбрида. — Принимающий решения знает, что вы приземлились где-то здесь. Если вы попытаетесь выйти отсюда на связь, вам помешают, а если вы все-таки отправите сообщение, они уничтожат «Ленин», — Стели хотел что-то сказать, но мошкита настойчиво продолжала: — Да, они могут сделать это, хотя это будет нелегко. Ваше Поле довольно сильно, но вы видели, что могут наши инженеры, и никогда не видели, что могут наши ВОИНЫ. Мы видели уничтожение одного из лучших ваших военных кораблей и знаем, как это можно сделать. Вы полагаете, один ма-

ленький линкор устоит против флотов, летящих отсюда и со станций на астероидах?

— О, боже, Хорст, она может быть права, — сказал Уайтбрид.

— Мы должны дать знать адмиралу, — Стели выглядел неуверенным, но пистолет в его руке был неподвижен. — Поттер, выполняйте приказ.

— Вы получите возможность вызвать «Ленин», как только окажетесь в безопасности, — настаивала мошкита Уайтбрида. На мгновение голос ее поднялся почти до крика, затем резко упал. — Хорст, поверьте мне, это единственный путь. Кроме того, вы никогда не сможете сами управиться с коммутатором. Вам потребуется наша помощь, а мы не собираемся помогать делать глупости. Нам нужно уходить отсюда!

Вторая мошкита что-то прощебетала. Мошкита Уайтбрида ответила, и некоторое время они переговаривались друг с другом. Затем мошкита Уайтбрида перевела:

— Если сюда не придут войска моего собственного Мастера, то явятся Воины Хранители музея. Я не знаю, где Хранитель держат их. Чарли тоже не знает. Хранители стерильны, и у них нет честолюбия, но они очень ревниво относятся к тому, что уже имеют.

— Они будут бомбить нас? — спросил Уайтбрид.

— Нет, пока мы находимся здесь. Это может повредить музеи, а музеи

— очень важны. И Хранитель пошлет войска… если мой собственный Мастер не появится здесь первым.

— Тогда почему их еще нет? — требовательно спросил Стели. — Я ничего не слышу.

— Ради бога! Они могут быть уже на подходе! Понимаете, мой Мастер… мой старый Мастер… получил юрисдикцию на изучение людей. Она не хочет отказываться от этого, поэтому не вовлекает в это дело никого другого. Она будет стараться держать местных жителей в стороне, а поскольку ее владения находятся вокруг замка, то и все Воины будут там. А это около двух тысяч километров отсюда.

— Этот ваш самолет довольно быстр, — сказал Стели.

— Это машина, которой пользуются в случае опасности Посредники. Мастера запрещают всем остальным пользоваться ею. Ваше появление в нашей системе почти начало войну, и посылка Воинов в одном из самолетов, несомненно, приведет к этому…

— Разве у ваших принимающих решения нет никаких военных планов? — спросил Уайтбрид.

— Есть, но они очень медлительны. Впрочем, в любом случае, они должны защитить вас. Под этим зданием есть туннель…

— Туннель? — переспросил Стели. Все происходило слишком быстро. Он командовал здесь, но не знал, что делать.

— Конечно. Музеи иногда посещаются. И он будет использован, чтобы добраться сюда из Замка. Кто знает, что будет делать в это время Хранитель? Он может даже запретить моему Мастеру вмешательство. Но если он сделает это, вы можете быть уверены, что он убьет вас, удерживая всех мастеров от вступления в сражение.

— Нашел что-нибудь, Гэвин? — крикнул Стели.

— Ничего, что можно было бы назвать коммуникатором. И это самые новейшие экспонаты, Хорст. Все, что есть в более старых зданиях, насквозь проржавело.

— Хорст, нам нужно уходить отсюда! — снова напомнила мошкита Уайтбрида. — Нет времени для разговоров.

— Эти Воины могут долететь на самолетах до ближайшей станции, а оттуда доехать по тоннелю сюда, — заметил Уайтбрид. — Нужно что-то

делать, Хорст!

Стели медленно кивнул.

— Хорошо. Как будем уходить? На вашем самолете?

— Он не поднимет нас всех, — сказала мошкита Уайтбрида. — Но мы можем отправить двоих с Чарли, а я…

— Нет, — решительно отказался Стели. — Мы будем вместе. Можете вы вызвать более крупный самолет?

— У меня нет уверенности, что сможет уйти хотя бы один. Вероятно, вы правы — надо держаться вместе. Нам не остается другого пути, кроме туннеля.

— Который уже сейчас может быть полон врагов, — Стели на мгновение задумался. Купол был защитой от бомб, а зеркало хорошо отражало лазерные лучи. Они могли остаться здесь — но надолго ли? Он уже начинал испытывать вынужденную паранойю солдата, находящегося на вражеской территории.

— Куда мы должны уйти, чтобы послать сообщение «Ленину»? — спросил он. Разумеется, это было сейчас самым важным.

— На территорию Короля Петра. Она в тысяче километров, но это единственное место, где мож-

но найти оборудование для послания, которое невозможно будет перехватить. Даже оно может не помочь, но все-таки надежда есть.

— И мы не можем улететь на самолете… О'кей. Где этот туннель? Мы устроим там засаду.

— Засаду? — Мошкита согласно кивнула. — Конечно, Хорст, я не разбираюсь в тактике — Посредники не участвуют в сражениях. Я только пытаюсь доставить вас к Мастеру Чарли. Вам самим придется разделываться с теми, кто будет пытаться убить вас на этом пути. Насколько хорошо ваше оружие?

— Это обычное ручное оружие. Не слишком мощное.

— Здесь в музее есть другое. Под него отведена часть этого музея. Но я не знаю, какое из них действует.

— Думаю, стоит попробовать. Уайтбрид, Поттер, поищите там оружие. Так, все-таки, где этот туннель?

Мошкиты огляделись по сторонам. Чарли, несомненно, поняла все, что говорилось, хотя даже не пыталась произнести ни слова по-английски. Несколько секунд они пересвистывались, затем мошкита Уайтбрида указала рукой на здание, похожее на собор:

— Здесь.

После небольшой паузы она показала на статуи «демонов» вдоль карнизов.

— Все, что вы видели, безвредны, за исключением этих. Это класс воинов, солдат, телохранителей, полиции. Они убивают и делают это хорошо. Если вы увидите их где-нибудь, бегите.

— Бегите сами, черт побери! — буркнул Стели и крепче стиснул свой пистолет. — Ищите нас внизу! — крикнул он остальным и повернулся к мошките. — А что с вашим коричневым?

— Я позову ее, — сказала мошкита Уайтбрида и издала птичью трель.

Коричневый вошел вовнутрь, неся несколько предметов, которые передал Чарли. Мошкиты внимательно осмотрели их, и мошкита Уайтбрида сказала:

— Это понадобится нам. Воздушные фильтры. Вы можете снять свои шлемы и надеть эти маски.

— Наши радиопередатчики… — запротестовал Хорст.

— Снимите их. Позднее Коричневый сможет поработать с ними. Вы действительно хотите, чтобы ваши уши находились внутри этих шлемов? Все равно баллонов с воздухом и фильтров

хватит ненадолго.

— Спасибо, — сказал Хорст, взял фильтр и закрепил его на лице. мягкая чашка закрывала нос, а трубка вела к небольшому баллончику, который он повесил на пояс. Было большим облегчением снять шлем, но теперь он не знал, что с ним делать. В конце концов он привязал его к поясу, где тот и болтался из стороны в сторону, причиняя немалые неудобства.

— Ну, вот, можно двигаться, — без шлема говорить стало легче, но нужно было постоянно следить за собой, чтобы не вдохнуть через рот.

Наклонная дорожка спиралью уходила вниз. Далеко вниз. Ничто не двигалось в бестеневом освещении, но Стели представлял себя мишенью для кого-то, затаившегося внизу. Как было бы здорово иметь под рукой гранаты и отряд звездной пехоты! Но вместо этого здесь были только он сам и два его собрата-гардемарина. И мошкиты. Посредники. «Посредники не участвуют в сражениях», — сказала мошкита Уайтбрида, и он запомнил это. Она вела себя так похоже на Джонатана Уайтбрида, что Стели приходилось считать руки, чтобы удостовериться, кто говорит. Но она не сражалась. Коричневые тоже не сражались.

Он двигался осторожно, ведя чужаков вниз по спиральной дорожке и держа пистолет наготове. Наконец, дорожка кончилась у двери, и на мгновение Стели заколебался. За дверью было тихо. Черт с ним, подумал он и переступил порог.

Он был один в широком цилиндрическом туннеле с рельсами, проложенными по его дну, и небольшим уклоном с одной стороны. Слева от него туннель кончался каменной стеной, а справа, казалось, уходил в бесконечную темноту. В стенах туннеля виднелись углубления, похожие на ребра гигантского кита.

Мошкита подошла к нему сзади и увидела, куда он смотрит.

— Когда-то здесь стоял линейный ускоритель, но потом одна из вырождающихся цивилизаций использовала металл, из которого он был сделан.

— Я не вижу никаких машин. Как мы сможем получить одну?

— Я могу вызвать ее. Любой Посредник может это сделать.

— Пусть это сделает Чарли, — сказал Хорст. — Или, может, они знают, что она тоже в подполье?

— Хорст, если мы будем ждать машину, она прибудет, набитая Воинами. Хранитель знает,

что вы открыли это здание. Не понимаю, почему его людей еще нет здесь. Вероятно, идет сражение за юрисдикцию между ним и моим Мастером. Юрисдикция — это очень важная вещь для принимающих решения…

— Значит, мы не можем бежать на самолете, не можем уйти пешком через поля и не можем вызвать машину, — сказал Стели. — Ну, хорошо, изобрази для меня эту машину.

Она нарисовала ее на экране карманного компьютера Стели. Это был ящик на колесах, универсальный экипаж, который должен везти как можно больше, и при этом занимать поменьше места.

— Двигатели здесь, на колесах. Управление может быть автоматическим…

— Только не на военной машине.

— Тогда оно здесь, впереди. И Коричневые, и Воины могут делать любые изменения. Им это нравится…

— Теперь вооружение. Бронированные стекла и борта, носовые орудия… — все три мошкиты замерли, и Стели прислушался, но ничего не услышал.

— Шаги, — сказала мошкита. — Уайтбрид и Поттер.

— Возможно, — Стели кошачьей походкой направился ко входу.

— Спокойнее, Хорст, я узнаю этот ритм.

Они нашли оружие.

— Вот наша добыча, — сказал Уайтбрид, подняв вверх трубу с линзой на одном конце и прикладом, явно приспособленным для плеча мошкита на другом. — Не знаю, насколько хватит заряда, но это спокойно режет каменную стену. Невидимый луч.

Стели взял ее.

— Это то, что нам нужно. Об остальном расскажете потом. А сейчас станьте за дверь и стойте там.

Сам Стели разместился там, где кончалась площадка для пассажиров, у самого входа в туннель. Не выйдя из туннеля, никто не мог увидеть его. Интересно, насколько хороши доспехи мошкитов? Могут ли они остановить луч рентгеновского лазера? Из туннеля не доносилось ни звука, и он мог только ждать.

Все это глупо, убеждал он себя, но что еще они могут сделать? Допустим, Воины прилетят на самолетах и сядут возле купола. Нужно закрыть дверь и оставить кого-нибудь наверху. Время для этого еще есть.

Он начал поворачиваться к остальным, стоящим позади, и в этот момент услышал низкое гудение, шедшее от рельсов глубоко внизу. Этот звук, наконец, помог ему успокоиться. Выбирать больше было не из чего. Хорст осторожно шевельнулся и получше ухватил незнакомое оружие. Машина быстро приближалась.

Она оказалась гораздо меньше, чем ожидал Стели: игрушечная машинка с улицы, просвистевшая мимо него. Лица его коснулся легкий ветерок. Машина резко остановилась, и Стели принялся водить оружием, как волшебной палочкой — взад и вперед. Проходило ли что-нибудь на другую сторону? Да, ружье действовало, как надо. Луч был невидим, но полосы докрасна разогретого металла крест-накрест перечеркнули экипаж. Стели ударил лучом по окнам, за которыми ничего не было видно, и по крыше, затем шагнул к туннелю и выстрелил вдоль него.

Из темноты появилась вторая машина. Стели нырнул обратно в укрытие, закрывавшее большую часть его тела, но продолжал стрелять, целясь в подъезжающую машину. Откуда ему было знать, когда батареи — или что там было источником энергии — разрядятся? Все-таки музейный экспонат! Вторая машина промчалась

мимо, пересеченная вишнево-красными линиями. Стели сделал напоследок еще один взмах, затем отступил назад, снова стреляя в туннель. Однако, там было пусто.

Третьей машины не было. Очень хорошо, подумал Стели и систематически расстрелял вторую. Что-то остановило ее сразу за первой

— какая-то система предотвращения столкновений? Этого он не знал.

Он бросился к машинам. Уайтбрид и Поттер присоединились к нему.

— Я сказал вам стоять там!

— Извини, Хорст, — сказал Уайтбрид.

— Мы на военном положении, мистер Уайтбрид. Вы можете называть меня Хорст, когда в нас не стреляют.

— Да, сэр. Я только хотел заметить, что, кроме вас, никто не стрелял.

От машины тянуло запахом горелого металла. Мошкиты вышли из своего укрытия. Стели осторожно приблизился к машинам и заглянул вовнутрь.

— Демоны, — сказал он

Они с интересом осмотрели тела. Если не считать статуй, они никогда прежде не видели существ этого типа. По сравнению с Посредниками

или Инженерами они казались проволочно-тощими и подвижными, совсем как борзые рядом с мопсами. Правые руки были длинными с короткими толстыми пальцами и всего одним большим пальцем; край левой ладони покрывала гладкая мозоль. Левая рука была длиннее, с пальцами, похожими на сосиски. Под левой рукой было еще что-то.

Кроме того, у демонов были зубы, длинные и острые, как у настоящих чудовищ из детских книг и полузабытых легенд.

Чарли что-то прощебетала мошките Уайтбрида, не получив ответа, защебетала снова, громче, затем махнула рукой Коричневому. Инженер подошла к двери и принялась изучать ее вблизи. Мошкита Уайтбрида стояла, оцепенев, глядя на мертвых воинов.

— Берегись мин-ловушек! — крикнул Стели. инженер не обратила на него внимания и начала осторожно изучать дверь вблизи. — Берегись!

— Там должны быть ловушки, но Коричневый найдет их, — очень медленно сказала Чарли. — Я сказала, чтобы она была осторожной, — слова она произносила аккуратно, без всякого акцента.

— Вы можете говорить по-английски? — удивился Стели.

— Плохо. Мне трудно думать на вашем языке.

— Что-то неладное с моей финч'клик'? — вмешался Уайтбрид.

Вместо ответа Чарли снова защебетала. Тона звуков резко возросли. Мошкита Уайтбрида дернулась и повернулась к ним.

— Простите, — сказала она. — Это Воины… моего Мастера. Боже, боже, что я делаю?

— Нам нужно попасть туда, — нервно сказал Стели и поднял свое оружие, чтобы разрезать борт машины. Коричневый по-прежнему разглядывал дверь, очень осторожно, как будто боялся ее.

— Позвольте мне, сэр, — Уайтбрид держал в руке короткий меч с толстой ручкой.

Хорст удивленно следил, как он режет в металлическом борту машины отверстие одним непрерывным медленным движением лезвия.

— Думаю, это вибратор, — сказал он.

Часть запаха прошла сквозь их воздушные фильтры. Для мошкитов это должно было быть гораздо хуже, но они не подавали вида. Наконец, они проникли и во вторую машину.

— Осмотрите их повнимательнее, — сказала Мои Уайтбрида. Сейчас она говорила гораздо лучше. — Познакомьтесь со своими врагами, — она что-то прощебетала Коричневому, тот подошел

к рычагам управления машиной, внимательно осмотрел их и сел на водительское сидение, предварительно сбросив с него мертвого Воина.

— Загляните им под левую руку, — сказала мошкита Уайтбрида. — Это вторая левая рука, рудиментарная у большинства видов мошкитов. У них от нее остался только один коготь, похожий… — она на мгновение задумалась, — … на копыто. Это нож-потрошитель. И, конечно, достаточно сильные мышцы, чтобы двигать им.

Уайтбрид и Поттер скорчили гримасы. По указанию Стели они принялись выносить тела демонов через отверстия в борту машины. Воины были похожи друг на друга, отличаясь только местами, обожженными лучом рентгеновского лазера. Ноги были вооружены острыми шипами, торчавшими на большом пальце и пятке. Один пинок — назад или вперед — и с врагом будет покончено. Головы были маленькие.

— Они разумны? — спросил Уайтбрид.

— По вашим стандартам — да, но не очень-то находчивы, — ответила мошкита Уайтбрида. Она говорила, как сам Уайтбрид, цитирующий лекцию первого лейтенанта; голос ее звучал очень точно, но без выразительности. — Они могут исправить любое оружие, но не могут

изобрести своего собственного. О, а это доктор, гибрид между настоящим Доктором и Воином. Полуразумный. Как вы понимаете, они довольно похожи. Кстати, вам лучше отдать Коричневому на проверку все оружие, которое у вас есть…

Безо всякого предупреждения машина начала двигаться.

— Куда мы едем? — спросил Стели.

Мошкита Уайтбрида защебетала. Это звучало немного похоже на свист пересмешника.

— К ближайшему городу на линии…

— Они блокируют там дорогу или поставят вооруженные части, ждущие нас, — сказал Стели. — Как далеко до него?

— Э… пятьдесят километров.

— Проедем половину и остановимся, — приказал Стели.

— Да, сэр, — мошкита произнесла эту фразу неотличимо от Уайтбрида.

— Они недооценивали вас, Хорст. Это единственное объяснение случившегося. Я никогда не слышала, чтобы Воины убивали кого-то, кроме другого Воина. Или иногда Мастера… не очень часто. Мы сражаемся друг с другом с помощью Воинов, поддерживая тем самым их численность.

— Угу, — буркнул Уайтбрид. — А почему бы

просто… просто не перестать разводить их?

Мошкита рассмеялась. Это был удивительно горький смех, очень человеческий и очень смущающий.

— Неужели никто из вас не понял, что убило Инженера, бывшего на борту вашего корабля?

— Да, — почти хором ответили все трое. Чарли что-то прощебетала.

— Пусть они тоже знают, — сказала мошкита Уайтбрида. — Она умерла потому, что не было никого, кто мог бы сделать ее беременной.

Воцарилось долгое молчание.

— Вот вам и весь секрет. Такого вы не предполагали? Каждая особь наших видов должна забеременеть после того, как на время становится женщиной. Ребенок, мужчина, женщина, беременность, мужчина, женщина, беременность — круг за кругом. Если она не забеременеет вовремя, она умирает. И так с каждым. А мы — Посредники — не можем помочь в этом. Мы — мулы, стерильные гибриды.

— Но… — Уайтбрид говорил, как мальчик, которому только что рассказали правду о Санта Клаусе. — Сколько же лет вы живете?

— Около двадцати пяти ваших лет. Пятнадцать лет после достижения зрелости. Но Инженеры,

Фермеры и Мастера — особенно Мастера! — должны забеременеть в течение двух наших лет. Эта Инженер, которую вы подобрали, должна была уже близко подойти к своей последней черте.

Некоторое время они ехали молча.

— Но… мой бог! — сказал, наконец, Поттер. — Это ужасно!

— Ужасно… Конечно, ужасно. Сэлли и ее…

— То, что она принимает? — спросил Уайтбрид.

— Таблетки, контролирующие рождаемость. Мы спрашивали Сэлли Фаулер, что делает человеческая женщина, если пока не хочет ребенка. Она принимает таблетки, контролирующие рождаемость. Но хорошие девушки не пользуются ими, они просто не занимаются сексом, — жестко закончила она.

Машина быстро мчалась по рельсам. Хорст сидел сейчас на корме, которая стала носом, вглядываясь вперед и держа оружие наготове. Потом он полуобернулся. Обе мошкиты смотрели на людей, их губы слегка разошлись, обнажая в улыбке зубы, но горечь слов и тона опровергали дружелюбие взглядов.

— Они просто не занимаются сексом! — снова сказала мошкита Уайтбрида. — Фью-юф-ву-ффл!

(свист) Теперь вы знаете, почему мы воюем. Всегда воюем…

— Демографический взрыв, — сказал Поттер.

— Да. Развитие любой цивилизации, поднявшейся из варварства, останавливает смерть от голода. Вы, люди, не знаете, что такое — давление популяции. Мы можем сдержать рост численности, уменьшив разведение, но что могут сделать отдающие приказы со своей собственной численностью? Ближе всего к таблеткам, контролирующим рождаемость, пожалуй, только детоубийство!

— Тогда вы начинаете войны, — сказал Поттер, — и вскоре все сражающиеся за пищу исчезают.

— Разумеется, — теперь голос мошкиты Уайтбрида стал спокойнее. — Чем выше уровень развития цивилизации, тем дольше период варварства. И всегда в это вмешивается Безумный Эдди, пытаясь разрушить круговорот циклов и делая все еще хуже. Если вы не заметили сами, джентльмены, скажу, что сейчас мы очень близки к падению. Когда вы появились, здесь шло жуткое сражение за юрисдикцию. Мой Мастер победил…

Чарли что-то просвистела и прогудела.

— Да. Король Петр пытался сделать это, но не получил достаточной поддержки. Впрочем, вряд ли он сумел бы выиграть сражение с моим Мастером. Пожалуй, то, что мы делаем сейчас, приведет к войне, но это неважно. Все равно она скоро началась бы.

— Вас так много, что вы выращиваете растения даже на крышах, — сказал Уайтбрид.

— О, это обычное явление. Так же, как поля, пересекающие города. Кое-кто живет всегда, посматривая на Циклы свысока.

— Должно быть, не просто создавать цивилизацию без радиоактивных руд, — сказал Уайтбрид. — Вы каждый раз приходите к водородному синтезу?

— Конечно, у вас должно быть так же.

— Не уверен.

— Что ж, всю описанную историю мы шли этим путем, очень долго по вашим понятиям. Исключение составляет период, когда нашли радиоактивные руды на троянских астероидах. Там остались несколько уцелевших, и они принесли цивилизацию сюда. Руды были тщательно обработаны какой-то древней цивилизацией, но кое-что все-таки осталось.

— О, божьи глаза! — сказал Уайтбрид. — Но…

— Прошу остановить машину, — приказал Стели. Мошкита Уайтбрида прощебетала, и машина начала тормозить, пока не остановилась совсем. — Меня очень нервирует то, к чему мы мчимся, — объяснил Стели. — Они должны ждать нас. Эти солдаты, которых мы убили, не отправили донесения… к тому же, если эти принадлежали вашему Мастеру, то где же Воины Хранителя? Как бы там ни было, я хочу испытать их оружие.

— Пусть сначала их осмотрит Коричневый, — сказала мошкита Уайтбрида. — Они могут быть с сюрпризами.

Оно выглядело смертоносным, это оружие. И, как обычно, не было двух идентичных образцов. Самым обычным типом оказалось что-то вроде пулемета, но были также ручные лазеры и гранаты. Приклад каждого орудия был индивидуализирован. Одни образцы прикладывались только к верхнему правому плечу, другие к обоим. Кроме того, имелись две модели для левшей, и Стели смутно припомнил, что они выносили тела с двумя левыми и одной правой руками.

Имелся там и ракетомет со стволом диаметром пятнадцать сантиметров.

— Пусть она осмотрит его, — сказал Стели.

Мошкита Уайтбрида передала оружие Ко-

ричневому, приняв от нее пулемет, который положила под сиденье.

— Это с ловушкой, — сказала она. Коричневый взглянул на ракетомет и что-то прощебетал. — В порядке, — сказала мошкита Уайтбрида.

— А как насчет зарядов? — Стели прошел мимо них. Там было несколько разных видов и ни одной пары идентичной. Коричневый снова защебетал.

— Эта круглая ракета должна взорваться, если вы попытаетесь зарядить ее, — сказала мошкита Уайтбрида. — Наверняка здесь много еще и других ловушек. Мне казалось, что Мастера считают вас кем-то вроде глупых Посредников. Поначалу так думали и мы. Но эти ловушки означают, что они считали вас способными убить Воинов.

— По-моему, они скорее считали нас глупцами. Без этого музейного оружия мы были бы уже мертвы. А кстати, почему в музеях хранится готовое к действию оружие?

— Вы не поняли цели музея, Хорст. Он служит для подъема в следующем Цикле. Дикари, собравшись вместе, положат начало новой цивилизации. Чем скорее они смогут сделать это, тем больше времени пройдет, пока наступит очередной коллапс, потому что способности их

будут расти быстрее, чем численность. Понимаете? Дикари получат для выбора большинство достижений предыдущих цивилизаций, и это оружие можно будет снова пустить в дело. Вы справились с замком?

— Нет.

— Это сделал я, — сказал Поттер. — Для этого необходимы знания астрономии. Полагаю, это удержит дикарей от получения вещей, пока они не будут к этому готовы.

— Верно, — Коричневый что-то прощебетал и передал большую тупоносую ракету. — Она исправила ее. Теперь это безопасно. Что вы собираетесь делать с ней, Хорст?

— Подберите мне еще несколько штук. Поттер, а вы возьмите этот рентгеновский лазер. Как близко мы сейчас от поверхности?

— Э… Гм… — птичий пересвист. — Конечная станция всего в одном лестничном марше от поверхности. Почва в этом районе довольно ровная… Я бы сказала, что мы в тридцати метрах под землей.

— А далеко ли до других транспортных средств?

— Час ходьбы до… — птичий пересвист. — Хорст, вы хотите повредить туннель? Вы знаете,

сколько времени он используется?

— Нет, — Хорст перебрался через борт машины, прошел метров двадцать в том направлении, откуда они приехали, затем удвоил это расстояние. В оружии еще могли таиться мины-ловушки.

Прямо перед ним тянулся бесконечный тоннель. Вероятно, его подправляли лазером, который проходил сквозь все, как нож сквозь масло. Голос мошкиты Уайтбрида догнал его.

— Одиннадцать тысяч лет!

Стели выстрелил.

Снаряд коснулся потолка туннеля далеко впереди, и Хорст согнулся в три погибели, чтобы устоять перед воздушной волной. Когда он выпрямился, то увидел впереди груду земли.

Он выбрал другой снаряд и выстрелил еще раз.

На этот раз вдалеке сверкнул красноватый дневной свет, и Стели пошел туда, чтобы взглянуть на разрушения. Да, они смогут выбраться по этому откосу.

Одиннадцать тысяч лет…

РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ

— Отправьте машину без нас, — сказал Хорст. Мошкита Уайтбрида защебетала, и Коричневый вскрыл пульт управления. Работала она с головокружительной быстротой. Уайтбриду вспомнился шахтер с астероида, которая жила и умерла целую вечность назад, когда «Мак-Артур» был домом, а мошкиты — дружелюбными и совершенно неизвестными.

Наконец, Коричневый перебрался через борт. Машина секунду постояла и стала набирать скорость. Путники повернулись к уклону, сделанному Хорстом, и молча начали подъем.

Когда они выбрались наверх, весь мир был в красных тонах. Бесконечные ряды растений складывали свои листья в ожидании ночи. Вокруг отверстия в земле растения пьяно клонились в разные стороны.

И среди них что-то двигалось. Три ружья поднялись вверх. Существо направилось к ним и… Стели сказал:

— Спокойно. Это Фермер.

Мошкита Уайтбрида вылезла наружу сразу за гардемаринами и всеми руками стряхнула грязь

со своего меха.

— Здесь их должно быть больше. Они могут даже попытаться заровнять дыру. Фермеры не слишком сообразительны, да им это и не нужно. Что сейчас, Хорст?

— Мы будем идти, пока сможем. Если вы увидите самолеты… гмм…

— Инфракрасные детекторы, — сказала мошкита.

— У вас есть тракторы на этих полях? — спросил Стели. — Можем мы захватить один?

— Сейчас они должны быть в сарае. Обычно они не работают в темноте… хотя Фермеры могут пригнать один, чтобы заровнять эту дыру.

Стели на мгновение задумался.

— Значит, это отпадает. Слишком заметно. Будем надеяться, что на инфракрасных экранах мы выглядим, как Фермеры.

Они двинулись, а позади них Фермеры начали выравнивать растения и разглаживать почву вокруг их корней. Они пересвистывались между собой, но мошкита Уайтбрида не переводила. Стели лениво размышлял, действительно ли Фермеры говорят что-то, или же просто ругаются, но спрашивать об этом не стал.

Небо потемнело, и прямо над головой зажглась

красная точка: Глаз Мурчисона. Впереди виднелось желтое зарево города… Птичий пересвист. Они шли молча, гардемарины отдельной группой с оружием наготове, а мошкиты следом, то и дело вращая торсами.

Наконец, Стели обратился к мошките.

— Я никак не пойму, что в этом есть для вас?

— Боль. Усилие. Унижение. Смерть.

— В том-то и дело. Я не пойму, почему вы пришли.

— Нет, Хорст, вы не можете понять, почему этого не сделала ваша финч'клик'.

Хорст взглянул на нее. Его действительно удивляло это. Что делала его двойник, пока демоны охотились за ее финч'клик' по всему свету? Эта мысль причиняла тупую боль…

— Мы обе обязаны повиноваться, Хорст, ваша финч'клик' и я. Но долг вашей финч'клик' принадлежит, если так можно выразиться, ее старшему офицеру. Гэвин…

— Да?

— Я пыталась убедить вашу финч'клик' идти с нами, но она одержима идеей Безумного Эдди, что мы сможем покончить с Циклами, отправив излишек нашего населения к другим звездам. Что ж, по крайней мере, никто не будет помогать

другим искать нас.

— А они могут это сделать?

— Хорст, ваша мошкита должна точно знать, где вы находитесь, и она будет это знать, когда найдет мертвых Воинов.

— В следующий раз нам лучше бросать монету перед тем, как сделать выбор. Этого она предсказать не сможет.

— Она не будет помогать. Никто и не надеется, что Посредник будет помогать в охоте на своего финч'клик'.

— Но разве вы не должны повиноваться приказам своего Мастера? — спросил Стели.

Мошкита резко повернула свое тело. Это был жест, которого они прежде не видели, он явно не был скопирован у кого-либо из людей.

— Посредники были выведены, чтобы прекратить войны, — сказала она.

— Мы представляем принимающих решения. Мы говорим за них. Но, выполняя свою работу, мы имеем сколько-то не зависящей ни от кого рассудительности. Генетические эксперименты привели к установлению равновесия. Если независимости будет слишком много, мы не будем представлять Мастеров, как надо. Мы откажемся от них, и начнутся войны.

— Верно, — вмешался Поттер. — А слишком мало независимости заставит вас непреклонно следовать их желаниям, и войны все равно начнутся… — некоторое время Поттер брел молча. — Но если покорность является особенностью вида, значит, вы просто не сможете помочь нам. Вы отдадите нас другому Мастеру, потому что у вас не будет выбора.

Стели крепче сжал гранатомет.

— Это правда?

— Частично, — признала мошкита Уайтбрида. — Не все так, как вы думаете, но действительно, проще выбрать из многих приказов, чем не выполнить вообще ни одного.

— И что же собирается сделать Король Петр? — требовательно спросил Стели. — Что нас ждет впереди?

Чарли что-то чирикнула, и мошкита Уайтбрида ответила. Разговор продолжался много секунд, очень долго для мошкитов. Солнечный свет погас, и Глаз Мурчисона засверкал в сто раз ярче, чем полная земная Луна. Других звезд в Угольном Мешке не было. Окружающие их поля растений стали темно-красными с резкими, бесконечно глубокими черными тенями.

— Честность, — сказала, наконец, Чарли. — Мой

Мастер считает, что мы должны быть честны с вами. Лучше жить по древнему образу Циклов, чем выбрать всеобщее уничтожение и гибель наших потомков.

— Но… — Поттер смущенно замолчал. — Но почему невозможно колонизировать другие звезды? В галактике хватит места всем. Ведь вы не собираетесь атаковать Империю?

— Нет, нет, — запротестовала мошкита Уайтбрида. — Мой Мастер только хочет купить землю под базы на мирах Империи, а затем совсем покинуть ее. Возможно, мы бы колонизировали миры вдоль границ Империи. Между нами могла бы начаться торговля. Не думаю, чтобы мы стали делить одни и те же планеты.

— Тогда почему… — спросил Поттер.

— Сомневаюсь, что вы могли бы построить так много космических кораблей, — вставил Уайтбрид.

— Мы можем построить их на колонизированных мирах и послать обратно, — ответила мошкита. — Или нанять торговые корабли у людей типа Бари. Мы можем заплатить за них больше, чем кто-либо другой. Однако, подумайте о том, что неизбежно. Колонии начнут отделяться, с них начнут стартовать корабли в поисках

новых колоний. И на каждом мире, который мы заселим, возникнет демографическая проблема. Можете вы себе представить, на что это будет похоже через триста лет?

Уайтбрид попытался. Корабли, похожие на летающие города, миллионы кораблей… И Гражданские войны вроде той, что разрушила Первую Империю. Все больше и больше мошкитов…

— Сотни миров мошкитов, и каждый пытается перевезти свое растущее население на другие миры! Миллиарды Мастеров, сражающихся за территорию и безопасность! Придет время использовать ваш двигатель Безумного Эдди. Появится возможность и топливо, чтобы осмотреть каждую систему в поисках других точек Безумного Эдди. Вполне вероятно, что внешняя граница Сферы Мошкитов окажется вообще недостижима, и мы направимся вовнутрь, в Империю Человека.

— Угу, — сказал Уайтбрид. Остальные просто смотрели на мошкитов, затем повернулись и направились к городу. Стели держал большой ракетомет в руке так, словно его вес доставлял ему удовольствие. Время от времени он поднимал руку к кобуре и касался рукояти собственного оружия.

— Принять такое решение будет легко, — сказала мошкита Уайтбрида.

— Этому поможет зависть.

— К нам? К таблеткам, контролирующим рождаемость?

— Да.

Стели фыркнул.

— И даже не это будет концом. Возможно, образуется огромная сфера занятых мошкитами систем. Центральные звездные системы не будут даже иметь возможности добраться до края, и будут сражаться между собой. Бесконечная война, бесконечное разрушение цивилизаций. Я подозреваю, что стандартным образом борьбы станет обрушение астероида во вражеское солнце и повторное заселение планет, когда пламя опадет. И сфера будет продолжать расширяться, оставляя все больше систем в центре.

— Я не уверен, — сказал Стели, — что вы можете повредить Империи.

— С нашими темпами разведения Воинов? Впрочем, неважно. Возможно, вам удастся избавиться от нас. Возможно, вы оставите нескольких из нас для зоопарков, уверенные, что нас нечего опасаться, ведь в неволе можно контролировать нашу рождаемость. Меня это мало волнует. Есть

немало шансов на то, что вы уже вызвали наш коллапс, направив большую часть наших способностей на строительство космических кораблей.

— Если вы не планируете войну с Империей, — сказал Стели, — то почему трое из нас под угрозой смертного приговора?

— Четверо. Мой Мастер жаждет моей головы, так же, как и ваших… а, может, и нет. Вы будете нужны для анатомирования.

Никто не выказал удивления.

— Вы под угрозой смертного приговора потому, что сейчас у вас достаточно информации, работающей против нас. Большинство других Мастеров придерживается мнения, что вас нужно убить. Они боятся, что если вы сейчас ускользнете, ваше правительство будет рассматривать нас как расширяющуюся инфекцию, стремящуюся захватить Галактику и, возможно, вытеснить Империю.

— А Король Петр? Он не хочет нас убить? — спросил Стели. — А почему?

Мошкиты снова защебетали, а потом мошкита Уайтбрида сказала:

— Я хочу быть с вами откровенной. Он может решить убить вас. Но он хочет загнать джинна обратно в бутылку… Если есть какая-нибудь

возможность для людей и мошкиты вернуться к состоянию, которое было, пока вы не нашли наш Зонд Безумного Эдди, он будет пытаться добиться этого. Циклы лучше, чем… целая Галактика Циклов!

— А вы? — спросил Уайтбрид. — Как смотрите на ситуацию вы?

— Так же, как и вы, — осторожно сказала мошкита. — Я сужу свой вид беспристрастно. Я не предатель, — в чужом голосе появились оправдывающиеся нотки. — Я полагаю, что общение наших видов приведет лишь к взаимной ненависти: у нас — к вашим таблеткам, контролирующим рождаемость, у вас — к нашей более высокой интеллигенции. Вы что-то сказали?

— Нет.

— Я полагаю, что расселение моего вида по космосу повлечет за собой ненужный риск и вовсе не покончит с циклами. Это может сделать только каждый коллапс еще более ужасным. Мы будем размножаться быстрее, чем распространяться, пока разрушение не охватит сотни планет одну за другой…

— Но, — сказал Поттер, — вы пришли к этому беспристрастному суждению, усвоив нашу точку зрения… точнее, точку зрения Уайтбрида. Вы

действуете настолько похоже на Джонатана, что остальным из нас по-прежнему приходится считать ваши руки. А что произойдет, когда вы отбросите точку зрения людей? Может, эта ваша рассудительность… Ой!

Левая рука чужака вцепилась в форму Поттера и потянула вниз, пока его нос не оказался в дюйме от лица мошкиты.

— Никогда не говорите этого, — сказала она. — Никогда не думайте такого. Выживание нашей цивилизации, любой цивилизации всецело зависит от правосудия моего класса. Мы понимаем все точки зрения и улаживаем их между собой. Если другие Посредники пришли к выводам, отличающимся от моих, это их дело. Возможно, что их факты неполны, или их цели иные. Я сужу по доказательствам.

Она, наконец, отпустила его, и Поттер отшатнулся назад. Пальцами правой руки мошкита отвела ствол оружия Стели от своего уха.

— В этом не было необходимости, — сказал Поттер.

— Но это привлекло ваше внимание, верно? Идемте, мы теряем время.

— Минутку, — Стели говорил негромко, но все услышали его в ночной тишине. — Мы идем, что-

бы найти этого Короля Петра, который позволит или не позволит нам связаться с «Лениным». И это плохо. Мы должны передать капитану то, что узнали.

— А как вы хотите сделать это? — спросила мошкита Уайтбрида. — Я сказала, что мы не будем помогать вам, а без нашей помощи вам не обойтись. Надеюсь, вы не задумали глупости вроде угрозы нам смертью? Если бы это меня пугало, разве была бы я здесь?

— Но…

— Хорст, вбейте себе в голову, что единственная причина, по которой «Ленин» еще цел, заключается в том, что мой Мастер и Король Петр согласились оставить его целым! Мой Мастер хочет, чтобы «Ленин» вернулся обратно с доктором Хорватом и мистером Бари на борту. Если мы правильно поняли вас, они будут весьма убедительны. Они будут ратовать за свободную торговлю и мирное сосуществование с нами…

— Да, — задумчиво сказал Поттер. — И без нашего сообщения там будет оппозиция… А почему Король Петр сам не вызовет «Ленин»?

Чарли и мошкита Уайтбрида защебетали, и Чарли ответила:

— Он не уверен, что Империя не решит уничто-

жить мир мошкитов, как только узнает правду. И пока он не убедится…

— О, боже, как он может убедиться в чем-то подобном после разговора с нами? — воскликнул Стели. — Я сам в этом не уверен. Если бы Его Величество прямо сейчас спросил бы меня, я не знал бы, что ему посоветовать… Ради всего святого, ведь мы просто три гардемарина с одного линейного крейсера. Мы не можем говорить за Империю.

— А можем ли мы сделать это? — спросил Уайтбрид. — Я всерьез сомневаюсь, что Империя сможет уничтожить вас…

— О, Боже, Уайтбрид, — запротестовал Стели.

— Я говорю серьезно. К тому времени, когда «Ленин» вернется назад и доложит на Спарту, у них будет Поле. Верно?

Обе мошкиты пожали плечами. Жест очень походил на пожатие плечами Уайтбрида.

— Сейчас, зная о его существовании, Инженеры будут работать над ним, — сказала мошкита Уайтбрида. — Но даже без этого мы получили кое-какой опыт ведения войны в космосе. А теперь идемте. О, зубы Господа, вы даже не представляете, насколько мы близки к войне! Если мой Мастер решит, что вы передали все это на

«Ленин», она прикажет атаковать корабль. Если Короля Петра не убедить, что имеется способ, чтобы вы покинули нас живыми, он тоже, скорее всего, прикажет это.

— А если мы не поторопимся, адмирал может уже увести «Ленин» домой, к Новой Каледонии, — добавил Поттер. — Мистер Стели, у нас вообще нет выбора. Мы должны найти мистера Чарли прежде, чем другие Мастера найдут нас.

— Джонатан? — спросил Стели.

— Вы хотите совет, сэр? — неодобрительно закудахтала мошкита Уайтбрида. Джонатан Уайтбрид раздраженно взглянул на нее, затем усмехнулся.

— Да, сэр, я согласен с Гэвином. Что еще мы можем сделать? Мы не можем сражаться со всей этой проклятой богом планетой, так же, как не можем сделать экранированный передатчик из того, что находится вокруг нас.

Стели опустил оружие.

— Верно. Тогда вперед, — он оглядел свой маленький отряд. — Нам выпала незавидная судьба быть послами человеческой расы.

И они двинулись через темнеющие поля к ярко освещенному городу.

УРОК ИСТОРИИ

Вокруг города, название которого напоминало птичий пересвист, тянулась стена высотой три метра, сделанная из камня или твердого пластика: структуру было трудно разглядеть в красном свете Глаза Мурчисона. За ней виднелись большие продолговатые здания с желтыми окнами. — Ворота должны охраняться, — сказала мошкита Уайтбрида.

— Наверняка, — буркнул Стели. — Хранитель тоже живет здесь?

— Да. На конечной станции подземки. Хранители не дают свои земли под фермерские работы. Искушение использовать этот вид самообеспечения может быть слишком велико даже для стерильных мужчин.

— Но как вы становитесь Хранителями? — спросил Уайтбрид. — Вы постоянно говорите о соревновании между Мастерами, но как они соревнуются?

— О, глаза Господа, Уайтбрид! — взорвался Стели. — Подумайте лучше, что нам делать с этой стеной.

— Мы пройдем сквозь нее, — сказала мошкита

Уайтбрида, обменявшись несколькими птичьими трелями с Чарли. — Но поднимется тревога, и сюда прибудут Воины охраны.

— А почему бы нам не перелезть через нее?

— При этом мы попадем под лучи рентгеновского лазера, Хорст.

— О, зубы Господа! Чего они так боятся?

— Продовольственных бунтов.

— Тогда мы пройдем через нее. Есть какое-нибудь место, где это сделать лучше всего?

Мошкита пожала плечами жестом Уайтбрида.

— Может, в полукилометре отсюда. Там проходит скоростная дорога.

Отряд двинулся вдоль стены.

— И все-таки, как они соревнуются? — снова спросил Уайтбрид. — Все равно, нам не о чем больше говорить.

Стели что-то буркнул, но подошел поближе, чтобы послушать.

— А как соревнуетесь вы? — спросила мошкита Уайтбрида. — Все определяет эффективность. Вы знаете, у нас есть коммерция. Мистер Бари был бы удивлен, узнав, насколько проницательны некоторые наши торговцы. Частично Мастера покупают себе обязанности, чтобы показать, что они могут руководить работой. Они привлекают

себе на помощь других могущественных отдающих приказы, а Посредники улаживают это. Заключенные контракты публикуются в печати. Как вы видите, некоторые отдающие приказы работают за других, но никогда непосредственно. Они получают работу, о которой должны заботиться, и консультируются с Мастерами относительно политики, которой нужно придерживаться. Авторитет Мастера растет, если другие отдающие приказы начинают спрашивать у него совета. И, конечно, им помогают дочери.

— Это звучит достаточно сложно, — сказал Поттер. — Думаю, в земной истории не было ничего похожего.

— Это и есть сложно, — сказала мошкита Уайтбрида. — Разве это может быть каким-то другим? Как может принимающий решение зависеть от кого-либо? Именно этот вопрос свел с ума финч'клик' капитана Блейна. Ваш капитан — Абсолютный мастер на своем корабле, но стоит кому-то там с «Ленина» только квакнуть, и капитан Блейн начинает прыгать по мостику.

— Вы действительно говорили о капитане таким образом? — спросил Стели Уайтбрида.

— Я отказываюсь отвечать на основании того, что это приведет меня в преобразователь массы

в энергию, — сказал Уайтбрид. — Кроме того, мы уже дошли до изгиба стены.

— Мы на месте, мистер Стели, — сказала мошкита Уайтбрида. — Дорога проходит по ту сторону стены.

— Отойдите назад.

Хорст поднял ракетомет и выстрелил. После второго разрыва через пролом стало видно свет. По верху стены вспыхнули огни, и в полях тоже что-то зажглось, осветив растения, росшие у стены.

— О'кей, идемте быстрее, — приказал Стели.

Они прошли через пролом и оказались на шоссе. Машины и грузовики со свистом проносились мимо скорчившихся у стены людей. Трое мошкитов смело вышли на дорогу.

Уайтбрид вскрикнул и попытался схватить свою финч'клик'. Она нетерпеливо отмахнулась от него и зашагала через улицу. Машины проносились почти впритирку, ловко объезжая мошкитов и при этом даже не притормаживая. Оказавшись на другой стороне, Коричнево-белые замахали левыми руками, вне всякого сомнения, показывая: живее!

Сквозь дыру в стене ударил луч света. Кто-то был там, на полях, откуда они только что пришли.

Стели махнул остальным, чтобы они шли через улицу, и выстрелил в пролом. Ракеты взорвалась метрах в ста от стены, и свет погас.

Уайтбрид и Поттер шли через шоссе. Стели зарядил в ракетомет последний снаряд, но стрелять не стал. За стеной движения больше не было. Он шагнул на дорогу и пошел через нее. Ему очень хотелось побежать, но он заставил себя идти медленно, с постоянной скоростью. Мимо, как ураган, пронесся грузовик. Потом еще один. Кажется, прошла вечность, прежде чем он оказался на другой стороне. Живой.

Никаких тротуаров не было. Они по-прежнему находились на мостовой, прижимаясь к серой, похожей на бетонную, стене.

Мошкита Уайтбрида вышла вперед и сделала странный жест всеми тремя руками. Длинный прямоугольный грузовик, скрипя тормозами, остановился. Она что-то прощебетала водителям, и Коричневые немедленно вылезли, подошли к заднему борту и принялись вынимать из грузового отсека ящики. Вокруг, нисколько не замедлившись, продолжалось обычное движение.

— Это необходимо сделать, — сказала мошкита Уайтбрида. — Воины придут осмотреть дыру в стене…

Люди быстро взобрались вовнутрь. Коричневый, который терпеливо следовал за ними от самого музея, вскарабкался на правое водительское кресло. Мошкита Уайтбрида хотела было занять правое место, но Чарли что-то прощебетала ей. Некоторое время они переговаривались, причем Чарли неистово жестикулировала. Наконец, мошкита Уайтбрида забралась в грузовой отсек и закрыла дверь. Когда она делала это, люди увидели настоящих водителей, которые медленно шли по улице, удаляясь от грузовика.

— Куда они идут? — спросил Стели.

— Лучше скажите, о чем был спор? — потребовал Стели.

— По очереди, джентльмены, — начала было мошкита Уайтбрида, но тут грузовик тронулся. Его сильно трясло, а от моторов и колес шло сильное непрерывное гудение, заглушавшее звуки других машин.

Уайтбрид был зажат между жесткими пластмассовыми ящиками, в пространстве, не превышающем своими размерами гроб. У других места было не больше, и Уайтбриду стало интересно, придут ли они к той же аналогии. Его нос был всего в нескольких сантиметров от крыши.

— Коричневые придут в транспортный парк

и доложат, что их машину потребовал Посредник, — сказала мошкита Уайтбрида. — А спор был о том, кто останется в кабине с Коричневым. Я проспорила.

— А почему возник такой спор? — спросил Стели. — Вы не доверяете друг другу?

— Я верю Чарли, а она действительно не верит мне… Да и как может быть иначе? Ведь я ушла от своего Мастера. По ее понятиям я — Безумный Эдди, и лучше делать все самой.

— Но куда мы едем? — спросил Стели.

— На территорию Короля Петра. Кратчайшим путем.

— Мы не можем долго оставаться в этой машине, — сказал Стели. — Как только Коричневые доложат, ее начнут искать… у вас же должна быть полиция. Есть разные способы обнаружить угнанный грузовик. Вы совершили преступление, верно?

— Не в том смысле, как представляете это вы. Фактически здесь нет никаких законов, но есть отдающие приказы, правосудие которых требует возвращения пропавшей собственности. Они будут искать грузовик за вознаграждение. Это даст моему Мастеру время для переговоров с ними. Прежде всего, она должна показать, что я

сошла с ума.

— Полагаю, здесь нет космопорта, — спросил Уайтбрид.

— Все равно мы не сможем им воспользоваться, — мрачно заметил Стели.

Некоторое время они слушали шум уличного движения, потом Поттер сказал:

— Я тоже думал об этом. Космический корабль слишком бросается в глаза. Если послание может вызвать атаку на «Ленин», нам самим, конечно, не позволят вернуться.

— Как же мы тогда попадем домой? — громко сказал Уайтбрид. Он просто не мог не спросить этого.

— Это старая история, — печально ответил оттер. — Мы узнали слишком много, и это более важно, чем наши жизни, верно, мистер Стели?

— Да.

— Вы ничего не узнали, когда сдались, не так ли? — спросил из темноты голос Уайтбрида, и прошло несколько минут, прежде чем они поняли, что это говорит чужак. — Король Петр может сохранить вам жизнь. Он может позволить вам вернуться на «Ленин». Если убедить его, что так будет лучше, он может согласиться с этим. Но у вас нет никакой возможности послать сообще-

ние линкору без нашей помощи.

— Вы были искренни с нами, — сказал Стели. — По крайней мере, так считаю я — поэтому я буду искренен с вами: если есть возможность отправить это послание, я постараюсь сделать это.

— А после этого — да сбудется Господня воля, — добавил Поттер.

И вновь они прислушались к шуму уличного движения.

— У вас не будет ни одного шанса, Хорст, — сказал голос Уайтбрида.

— Нет никакой угрозы, под страхом которой я или Чарли заставили бы Коричневого сделать оборудование, нужное вам. Вы не сможете использовать наши передатчики, даже если найдете один… Даже я не могу воспользоваться странными механизмами без помощи Коричневых. Главное же препятствие в том, что в данный момент может просто не существовать нужного устройства.

— Перестаньте, — сказал Стели. — У вас есть космические передатчики, а в электромагнитном спектре одни и те же частоты.

— Верно. Но у нас ничто не стоит без дела. Если нам что-то нужно, Коричневые собирают это, а когда потребность исчезает, они делают что-то

другое из тех же частей. А вам нужно нечто такое, чтобы связаться с «Лениным», и чтобы никто не знал, что вы сделали это.

— Думаю, мы получим такую возможность. Если мы передадим предупреждение адмиралу, он уведет корабль домой, — уверенно сказал Хорст. «Ленин» — это всего один корабль, но когда-то линкоры президентского класса побеждали целые флоты. Против мошкитов, не имеющих Поля, он будет непобедим. И почему он не подумал об этом раньше? Может, вернуться в музей, где есть части электронных схем, и все вместе они могли бы собрать какой-нибудь передатчик? Нет, сейчас слишком поздно. И почему только он послушался мошкитов?

Они ехали почти час, стиснутые со всех сторон ящиками, в полной темноте. Стели чувствовал, что в горле у него пересохло, и старался больше не говорить. Голос мог выдать остальным его страх, а он не хотел, чтобы они знали, что он боится, как и они. Ему хотелось, чтобы что-то происходило: сражение, погоня, что угодно…

Внезапно машина резко дернулась и, вся дрожа, остановилась. Они ждали. Наконец, скользящая дверь открылась, и появилась Чарли, освещенная ярким светом.

— Не двигайтесь, — сказала она. За ее спиной стояли Воины с оружием наготове. Их было четверо.

Хорст Стели зарычал от ненависти. Предали! Он потянулся за пистолетом, но стиснутое положение помешало ему достать его.

— Не надо, Хорст! — воскликнула мошкита Уайтбрида, потом что-то прощебетала. Чарли загудела в ответ. — Ничего не делайте, — сказала мошкита Уайтбрида. — Чарли получила самолет. Эти Воины принадлежат ее Мастеру и не будут вмешиваться, если отсюда мы пойдем прямо к самолету.

— Но кто они такие? — требовательно спросил Стели, не снимая руки с пистолета. Шансы были слишком неравными — Воины были начеку и выглядели достаточно убедительно.

— Я объясню вам, — сказала мошкита Уайтбрида. — Это телохранители. Они есть у всех Мастеров, точнее, почти у всех. А сейчас выходите не спеша и держите руки подальше от оружия. Не делайте ничего, что они могут истолковать, как попытку атаковать их Мастера. Если они решат так, мы погибли.

Стели прикинул свои шансы — ничего хорошего. Если бы вместо Уайтбрида и Поттера здесь был

Келли и еще кто-нибудь из звездной пехоты…

— Ну, хорошо, — сказал он. — Делаем так, как она говорит. — И он медленно вылез из фургона.

Они находились в багажном отделении. Воины стояли в спокойных позах, слегка наклонившись вперед на широко расставленных шипастых ногах. Это похоже, подумал Стели, на стойку каратэ. Краем глаза он уловил какое-то движение у стены — там, в укрытии, ждали по меньшей мере в два раза больше воинов. Хорошо, что он не попытался прорваться…

Воины внимательно следили за ними, следуя за странной процессией из Посредников, троих людей и Коричневого. Оружие они держали наготове, правда, ни на кого не направляя, и старались не собираться тесной группой.

— Скажет ли этот принимающий решения вашему Мастеру, когда мы улетим? — спросил Поттер.

Мошкиты обменялись несколькими фразами. Воины, казалось, не обращали на них внимания.

— Чарли говорит, что да. Она известит и моего Мастера и Короля Петра. Но мы же получаем самолет, верно?

Личный самолет принимающего решения был обтекаемой формы клином, управляемым

несколькими Коричневыми. Чарли просвистела им, и они принялись убирать сидения, работая с молниеносной быстротой. Несколько малышей промчались через самолет. Заметив их, Стели выругался, но тихо, надеясь, что мошкиты не знают, почему. Они стояли, ожидая, у самолета, и Воины все это время следили на ними.

— Это выглядит почти невероятно, — сказал Уайтбрид. — Он знает, что мы беглецы?

Мошкита Уайтбрида кивнула.

— Но не от нас. Он просто разрешил воспользоваться багажной секцией аэропорта (птичий пересвист). Он не собирается присваивать прерогатив моего Мастера. Он также поговорил с управляющим аэропортом (птичий пересвист), и оба они согласились, что не хотят, чтобы мой Мастер и Король Петр сражались здесь. Поэтому лучше поскорее отправить нас отсюда.

— Вы самые странные существа, каких я когда-либо видел, — сказал Поттер. — Не пойму, почему такая анархия не кончается… — он смущенно замолчал.

— Вы правы в нашей оценке, — сказала мошкита Уайтбрида. — Однако промышленный феодализм работает лучше чего-либо другого.

Наконец, Коричневые позвали их. Когда они во-

шли в самолет, на корме с правого борта имелась одна кушетка, приспособленная для мошкитов. Коричневый Чарли направился к ней. Впереди было два сиденья для людей, затем по одному для человека и мошкита. Чарли и второй Коричневый прошли через грузовой отсек в кабину пилотов. Поттер и Стели, не сговариваясь, предоставив Уайтбриду и его мошките садиться рядом. Это напомнило гардемарину более приятное путешествие, совершенное не так давно.

Самолет выпустил в стороны невероятно большие крылья и медленно взлетел вертикально вверх. Город под ними уходил вниз, одновременно выгибаясь квадратными километрами огней к горизонту. Долгое время они летели над этими бесконечными огнями к темному пространству фермерских земель, видневшихся далеко впереди. Стели выглянул в иллюминатор и решил, что видит слева границу города — за ней не было ничего, кроме равномерной темноты. Наверняка фермерские земли.

— Вы сказали, что у каждого Мастера есть Воины, — произнес Уайтбрид. — Почему мы не видели никого из них прежде?

— В Городе Замка нет ни одного Воина, — с явной гордостью ответила мошкита.

— Вообще ни одного?

— Да. В любом другом месте любой владелец территории или крупный управляющий появляется вместе со своими телохранителями. Даже несовершеннолетние принимающие решения охраняются отрядами своих матерей. Однако, Воины слишком бросаются в глаза, поэтому мой Мастер и принимающие решения, интересующиеся вами, выдвинули идею Безумного Эдди и заставили всех прочих жителей Города Замка согласиться с тем, что Воинов нужно убрать, чтобы вы не узнали, насколько мы склонны воевать.

Уайтбрид рассмеялся.

— Я сейчас подумал о докторе Хорвате, — сказал он.

Мошкита хихикнула.

— У него была та же мысль, верно? Спрятать ваши несколько малых войн от миролюбивых мошкитов. Они могут их шокировать. Я говорила вам, что зонд безумного Эдди привел к началу войны?

— Нет. Вы не говорили нам ни об одной из своих войн…

— Эта была худшая из всех. Вы сами можете назвать возникшую проблему. Кто должен стать ответственным за пусковые лазеры? Любой

Мастер или коалиция их вполне могли использовать лазеры, чтобы захватить для своего клана территорию побольше. Если бы монтаж вели Посредники, кто-то из принимающих решения забрал бы у них готовое устройство.

— И вы бы отдали его первому Мастеру, который потребовал это? — недоверчиво спросил Уайтбрид.

— О, боже, Джонатан, конечно, нет! Да он бы и не стал требовать. Однако, Посредники слабы в тактике. Мы не можем руководить батальонами воинов.

— Но вы управляете планетой…

— Для Мастеров. Да, мы делаем это. Если Мастера встречаются для переговоров сами, это ВСЕГДА кончается войной. Всегда. В конце концов получилось так, что коалиция Белых получила управление лазерами, а их детей взяли заложниками на Мошку-1. Все они были довольно старыми и имели необходимое число детей. Посредники обманули их относительно того, как долго необходимо разгонять зонд Безумного Эдди. Мастера считали, что Посредники уничтожили лазеры на пять лет раньше, чем это следовало сделать. Умно, верно? И все-таки…

— Что «все-таки»?

— Коалиция ухитрилась спасти пару лазеров. Они пустили к ним Коричневых, и те все сделали. Поттер, вы ведь из системы, на которую был нацелен зонд, верно? У ваших предков должны быть записи, показывающие, насколько мощными были эти лазеры.

— Они смогли затмить Глаз Мурчисона. После этого даже возникла новая религия. У нас были свои собственные войны, поэтому…

— Они оказались достаточно мощными и для того, чтобы прикончить цивилизацию. Из-за них коллапс произошел раньше времени, и все мы погрузились в пучину варварства. Посредники должны были с самого начала предвидеть такой оборот.

— О, зубы Господа, — буркнул Уайтбрид. — Вы всегда действуете таким образом?

— Каким образом, Джонатан?

— В любую секунду ожидая падения всего? Учитывая этот факт?

— Так поступают разумные народы. Все, кроме Безумных Эдди. Полагаю, классическим случаем синдрома Безумного Эдди была та машина времени. Вы видели ее в одной из скульптур…

— Верно.

— Некий специалист по истории решил, что

поворотный пункт истории имел место двести лет назад. Если бы он сумел вмешаться в этот момент, вся история мошкитов после этого времени была бы мирной и идиллической. Можете вы поверить в это? А он мог и попробовал доказать свою правоту. У него были данные: старые меморандумы, секретные договоры…

— Что это было за событие?

— Тогда жил некий… Император — очень могущественный Мастер. Все ее родственники были убиты, и она унаследовала права на огромную территорию. Ее мать уговорила докторов и Посредников создать гормон, который действовал подобно вашим таблеткам, контролирующим рождаемость. Несколько уколов, и она превращалась в мужчину. Стерильного мужчину. Когда ее мать умерла, Посредники, имевшие эти гормоны, ввели их Императору.

— Так, значит, у вас были способы контролировать рождаемость? — сказал Уайтбрид. — Вы могли использовать их для ограничения населения…

— Это была мысль безумного Эдди. Да, они использовали эти гормоны в Империи в течение трех поколений. И это стабилизировало численность населения. Однако, там было не

так уж много мастеров и все миролюбивые. Тем временем на других континентах произошел демографический взрыв, другие Мастера объединились и вторглись на территорию Императора. Они имели множество Воинов… и множество Мастеров контролировали их. Империя пала. Так вот, наш строитель машины времени загорелся идеей сделать так, чтобы Империя контролировала всю Мошку-1, — Мошкита Уайтбрида с отвращением фыркнула. — Это и не могло сработать. Как бы вы заставили Мастеров стать стерильными мужчинами? Конечно, однажды это все равно происходит, но кто захочет, чтобы это случилось до того, как он обзаведется детьми? Это был единственный раз, когда гормоны были пущены в дело.

— О!

— Да. Даже если бы Император завоевал всю Мошку и стабилизировал ее население, планета подверглась бы атаке с астероидов.

— Но человек — это же начало всего! — воскликнул Уайтбрид. — Должен же быть способ…

— Я не человек, и такого способа нет. И это вторая причина, по которой я не хочу контакта между нашими расами. Вы все — Безумные Эдди. Вы думаете, что у каждой проблемы есть

решение.

— У всех человеческих проблем есть по меньшей мере одно решение — в окончательной инстанции, — мягко сказал Гэвин Поттер с сиденья впереди.

— У человеческих — возможно, — сказал чужак. — Но есть ли души у мошкитов?

— Это не по моей части, — ответил Поттер, устраиваясь на сидении поудобнее. — Я не представитель Бога.

— Ваш священник тоже не ответил. Как вы можете надеяться получить ответ на это вопрос? Для этого необходимо божественное вдохновение, а я сомневаюсь, что оно снизойдет на вас.

— Значит ли это, что у вас вообще нет религии? — недоверчиво спросил Гэвин.

— У нас их тысячи, Гэвин. Коричневые и прочие полуразумные классы не очень изменяют свои, но каждая новая цивилизация Мастеров придумывает что-то новое. В основном, это вариации переселения душ с упором на выживание через своих детей. Вы понимаете, почему.

— Вы не упомянули Посредников, — сказал Уайтбрид.

— Я же говорила… у нас нет детей. Впрочем, есть Посредники, понимающие идею переселе-

ния. Перевоплощение в мастеров. Судя по тому, что я слышала о земных религиях, ближе всего к нашей буддизм. Я говорила об этом со священником Харди. По его словам, буддисты верят, что однажды смогут покинуть то, что они называют Колесом Жизни. Это звучит ужасно похоже на Циклы. Не знаю, Джонатан… Я пыталась думать о перевоплощении, но… никто ведь не знает, есть ли оно.

— А у вас есть что-нибудь, подобное христианству? — спросил Поттер.

— Нет. У нас есть разновидность Спаситель, которая заканчивает Циклы, но у нас есть все, что нам надо, Гэвин. Вряд ли мы поверим, что есть еще один Спаситель.

Под ними все также тянулся бесконечный город. Постепенно Поттер откинулся на спинку своего сиденья и начал тихо посапывать. Уайтбрид изумленно уставился на него.

— Вам тоже нужно поспать, — сказала мошкита. — Вы слишком долго бодрствовали.

— Я слишком напуган. Вы устали не меньше меня, и вам нужен сон.

— Это Я слишком напугана.

— Брат, вот теперь я действительно испугался. — «Что это я назвал его братом? — подумал

он. — Нет, я назвал братом ее. Ну и черт с ним».

— В вашем музее искусства было больше, чем мы смогли понять, верно?

— Да. Там было такое, о чем мы не хотели говорить подробно. Например, избиение Докторов. Очень старое происшествие, сейчас почти легендарное. Некий Император решил истребить всех Докторов на планете,

— мошкита потянулась. — Как это хорошо — говорить с вами, когда не нужно лгать. Мы не любим лгать, Джонатан.

— А зачем убили этих врачей?

— Чтобы остановить рост населения, идиот! Разумеется, это ничего не дало. Некоторые Мастера в большой тайне сохранили их, и после очередного коллапса они…

— … стали стоить на вес иридия.

— Они действительно положили начало коммерции. Подобно крупному рогатому скоту на Тэйблтопе.

Город, наконец, кончился, и сейчас самолет летел над океаном темноты, освещенный красным светом Глаза Мурчисона. Красная звезда садилась, гибельно пылая над горизонтом, а на востоке поднимались другие звезды, видимые под чернильным краем Угольного Мешка.

— Если они собираются сбить нас, здесь самое место, — сказал Стели. — Крушение в этих местах не привлечет ничьего внимания. Вы уверены, что знаете, куда мы направляемся?

Мошкита Уайтбрида пожала плечами.

— В сферу влияния Короля Петра. Если сможем попасть туда, — она посмотрела на Поттера. Гардемарин свернулся в своем кресле, его рот был слегка приоткрыт, и он тихонько посапывал. Освещение в самолете было тусклым, и все выглядело мирным, за исключением ракетомета, который Стели сжимал между колен. — Вам тоже нужно немного поспать.

— Да, — Хорст откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Однако руки его не ослабили хватки.

— Он даже спящий настороже, — сказал Уайтбрид. — Или, по крайней мере, пытается. Полагаю, Хорст так же испуган, как и мы.

— Не понимаю, как что-то подобное могло привести к хорошим результатам, — сказал чужак. — В любом случае, мы сейчас чертовски близки к падению всей цивилизации. Кстати, вы знаете, в зоопарке вы не видели двух экспонатов. Это пищевые животные. Разновидность мошкитов, почти без рук, неспособная защитить себя

от нас, но достаточно хорошо выживающая. Когда-то давно, в постыдные времена, этих наших родственников разводили ради мяса…

— Мог Бог, — Уайтбрид глубоко вздохнул. — Но сейчас вы не делаете ничего подобного?

— О, нет.

— Тогда зачем разводить их?

— Это статистический вопрос, совпадение, которое вы можете счесть интересным. Нет на планете зоопарка, в котором не разводили бы Мясных, и стада их все растут…

— О, зубы Господа! Вы не перестаете думать о следующем коллапсе?

— Да.

Глаз Мурчисона давно исчез. Сейчас восток был кроваво-красным от лучей рассвета, который до сих пор поражал Уайтбрида. Красный рассвет был редок на обитаемых мирах.

Они пролетели над цепью островов. Впереди, там, где было еще темно, горели огни. Там раскинулся город, похожий на тысячу Спарт, соединенных край к краю, рассеченный кое-где полосками возделанной земли. На человеческих мирах они были бы парками, а здесь это были запретные территории, охраняемые демонами.

Уайтбрид зевнул и посмотрел на чужака рядом

с собой.

— Прошлой ночью я назвал вас братом.

— Я знаю. Вы имели в виду сестру. Пол важен и для нас тоже. Это вопрос жизни и смерти.

— Не уверен, что имел в виду именно это. Скорее, я хотел сказать «друг», — с некоторой неловкостью объяснил Уайтбрид.

— Финч'клик' — это более близкие отношения, но я рада быть вашим другом, — сказала мошкита. — У меня не было возможности узнать вас.

Молчание стало невыносимым.

— Пожалуй, я разбужу остальных, — сказал Уайтбрид.

Самолет вдруг вздрогнул и повернул на север. Мошкита Уайтбрида посмотрела на город внизу, потом выглянула с другого борта, чтобы убедиться в положении солнца, затем вновь перевела взгляд вниз. Через мгновение она встала, прошла вперед, в кабину пилотов и защебетала. Чарли ответила, и теперь они защебетали вместе.

— Хорст, — сказал Уайтбрид. — Мистер Стели, проснитесь.

Хорст Стели заставил себя заснуть. Он был по-прежнему напряжен, как статуя, ракетомет стоял между коленями, и руки крепко сжимали его.

— Да?

— Я не знаю, что происходит. Мы изменили курс, а сейчас… послушайте, — сказал Уайтбрид.

Мошкиты все пересвистывались, и голоса их становились громче.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Мошкита Уайтбрида вернулась на свое сиденье.

— Началось, — сказала она, и голос ее больше не был голосом Уайтбрида. Сейчас это был голос чужака. — Война.

— Между кем? — спросил Стели.

— Между моим Мастером и Королем Петром. Остальные еще не присоединились к ним, но сделают это…

— Война из-за нас? — недоверчиво спросил Уайтбрид. Он едва не кричал. Трансформация его финч'клик' почти превзошла его предел выносливости.

— Из-за обладания вами, — уточнила мошкита. Она вздрогнула, расслабилась, и вдруг голос Уайтбрида вновь заговорил с ними из полуулыбающихся губ чужака. — Пока все еще не так плохо. Пока это только воины и набеги. Каждый хочет показать противнику, что он может делать, не разрушая при этом ничего действительно ценного. Другие принимающие решения будут стремиться сохранить такое положение вещей. Им вовсе не хочется стать радиоактивными

осадками.

— О, зубы Господа, — сказал Уайтбрид и сглотнул слюну. — Но… тогда нужно поворачивать обратно, брат…

— Что же теперь нам делать? — спросил Стели. — Куда мы отправляемся сейчас?

— В нейтральное место — Замок.

— Замок? — воскликнул Хорст. — Но ведь это территория вашего Мастера! — рука его вновь была очень близко от рукояти пистолета.

— Нет. Вы думаете, другие дадут моему мастеру такой контроль над вами? Все Посредники, которых мы встречали, принадлежали к моему клану, но сам Замок принадлежит стерильному мужчине. Хранителю.

Стели, похоже, не слишком поверил объяснению.

— И что мы будем делать, оказавшись там?

Мошкита пожала плечами.

— Ждать и смотреть, кто победит. Если победит Король Петр, он сделает так, чтобы отправить вас на «Ленин». Может быть, эта война убедит Империю, что лучше оставить нас в покое. Может, вы даже сможете помочь нам, — мошкита с отвращением махнула рукой. — Помочь нам… Видимо, он тоже Безумный Эдди, и никогда не

будет конца Циклам.

— Ждать? — буркнул Стели. — Только не я, черт побери! Где этот ваш Мастер?

— Нет! — воскликнула мошкита. — Хорст, я не могу помочь вам ни в чем подобном. Кроме того, вам не пройти сквозь барьер Воинов. Они хороши в своем деле, Хорст, лучше ваших звездных пехотинцев. А кто вы такие? Трое младших офицеров с чертовски небольшим опытом и оружием, взятым из старого музея.

Стели посмотрел вниз. Впереди виднелся Город Замка. Он видел Космопорт — одно из свободных от зданий мест, но серое, а не зеленое. За ним виднелся Замок — шпиль, окруженный балконом. Слишком маленький, он резко выделялся из промышленно-безобразного бесконечного городского ландшафта.

Там, в их багаже, должны быть передатчики. Когда Реннер и остальные уходили отсюда, Парусный мастер оставил в Замке все, кроме своих записей. Он не сказал почему, но теперь они знали: он хотел, чтобы мошкиты думали, что он вернется.

Там должно быть достаточно частей, чтобы сделать сильный передатчик. Такой, чтобы можно было связаться с «Лениным».

— Можем мы приземлиться на улице? — спросил Стели.

— На улице? — мошкита удивленно заморгала. — А почему нет? Если Чарли согласится. Это ее самолет. — Мошкита Уайтбрида защебетала, и из кабины пилотов раздалось ответное гудение и щелканье.

— Вы уверены, что Замок в безопасности? — спросил Стели. — Уайтбрид, вы верите мошкитам?

— Я верю этой мошките. Хотя, возможно, я несколько предвзят, Хор… мистер Стели. У вас будет возможность определить это самому.

— Чарли говорит, что Замок пуст, а запрет на Воинов в Городе Замка еще сохраняется, — сказала мошкита Уайтбрида. — Она также говорит, что Король Петр побеждает, но она слушает только сообщения его сил.

— Она будет садиться возле Замка? — спросил Стели.

— А почему нет? Только сначала нужно пролететь над улицей, чтобы Коричневые взглянули вверх, — мошкита снова защебетала.

Рокот мотора утих до шепота. Крылья вновь разошлись в стороны, и самолет рывком опустился ниже. Он пронесся мимо Замка, показав им

его балкон. Под ними ездили машины, и Стели увидел белого, идущего по пешеходной дорожке из Замка. Мастер торопливо нырнул в здание.

— Демонов нет, — сказал Стели. — Кто-нибудь еще видит Воинов?

— Нет.

— Нет.

— И у меня ни одного.

Самолет резко дернулся и снова упал ниже. Уайтбрид широко раскрытыми глазами смотрел на прочные бетонные стены, проносившиеся мимо. Они высматривали Белых и Воинов, но никого не было.

Самолет замедлил полет и теперь был всего в двух метрах от земли. Они скользили к Замку, подобно чайке над волнами. Стели покрепче ухватился за иллюминатор и ждал. Машины разъезжались в стороны, чтобы избежать столкновения.

Они собираются ударить в Замок, вдруг понял он. Неужели Коричневый хочет протаранить его? В следующую секунду самолет содрогнулся от рывка приведенных в действие тормозов и реверсивных моторов. Они были прямо под стеной Замка.

— Давайте поменяемся, Поттер, — сказал Сте-

ли, забирая рентгеновский лазер. — А теперь выходим. — Однако, дверь не подчинилась их усилиям, и пришлось звать мошкиту.

Она широко распахнула дверь. Между кончиками крыльев и стеной было пространство в два метра, и крылья каким-то образом складывались. Мошкита выскочила на улицу.

Люди рванулись за ней, и Уайтбрид взял в левую руку свой магический меч. Дверь должна быть закрыта, но против этого ей не устоять.

Дверь была закрыта. Уайтбрид поднял меч, чтобы рассечь ее, но мошкита знаком приказала ему отойти. Она изучила два диска, размещенных на двери, взялась за них правыми руками и, повернув, левой рукой дернула за рычаг. Дверь медленно открылась.

— Это значит, что людей здесь нет, — сказала она.

Холл был пуст.

— Есть тут что-нибудь, чтобы забаррикадировать эту проклятую дверь? — спросил Стели. Голос его звучал глухо, потому что он видел — из комнаты убрали всю мебель. Не получив ответа, Стели передал Поттеру рентгеновский лазер. — Оставайтесь здесь. Мошкиты скажут вам, если появятся враги. Идемте, Уайтбрид, — он повер-

нулся и побежал по ступеням.

Уайтбрид неохотно последовал за ним. Хорст поднимался стремительно и, когда они добрались до этажа, где находились их комнаты, Уайтбрид совсем запыхался.

— Вы что-то имеете против лифтов? — спросил он. — Сэр?

Стели не ответил. Дверь комнаты Реннера была открыта, и Хорст влетел туда.

— Проклятье!

— Что случилось? — тяжело дыша, спросил Уайтбрид, входя следом.

Комната была пуста. Убрали даже кровати. Не было ни следа оборудования, оставленного здесь Реннером.

— Я надеялся найти здесь что-нибудь, чтобы связаться с «Лениным»,

— проворчал Стели. — Помогите мне осмотреть все. Может, они где-то собрали все это.

Они осмотрели все, но не нашли ничего. На каждом этаже повторялось одно и то же: портьеры, кровати, мебель — все было убрано. Замок был пустой оболочкой. Они вернулись на лестницу ко входу.

— Мы одни? — спросил Гэвин Поттер.

— Да, — ответил Стели. — И чертовски скоро

начнем голодать, если не произойдет ничего похуже. Это место как будто разграблено.

Обе мошкиты пожали плечами.

— Меня это не удивляет, — сказала мошкита Уайтбрида и обменялась несколькими птичьими трелями с Чарли. — Она тоже не знает, почему так. Это похоже на место, которое больше не будет использоваться…

— Что ж, они чертовски хорошо знают, где мы находимся, — проворчал Стели. Он снял с пояса шлем и присоединил провода к своему

передатчику. Затем надел шлем. — «Ленин», говорит Стели. «Ленин», «Ленин», «Ленин», говорит гардемарин Стели. Прием.

— Мистер Стели, где вы, черт побери, находитесь? — спросил капитан Блейн.

— Капитан! Слава Богу! Капитан, мы находимся… Подождите минутку, сэр, — мошкиты переговаривались между собой, а потом мошкита Уайтбрида что-то сказала ему, но Стели не слушал ее. То, что он слышал, было явно мошкитой, говорящей голосом Уайтбрида… — Сэр, откуда вы получали свой «Айриш Мист»? Прием.

— Стели, перестаньте играть комедию и докладывайте! Прием.

— Простите, сэр, я действительно должен это

знать. Вы поймете, почему я спрашиваю. Откуда вы получали ваш «Айриш Мист»? Прием.

— Стели, мне надоели эти дурацкие шутки!

Хорст снял шлем.

— Это не капитан, — сказал он. — Это мошкита с голосом капитана. Одна из ваших? — спросил он у мошкиты Уайтбрида.

— Вероятно. Это был глупый трюк. Ваша финч'клик' должна была знать, что это не пройдет. Это значит, что она не сотрудничает с моим Мастером.

— Мы не сможем защитить это место, — сказал Стели, осматривая холл. Он имел площадь около трехсот квадратных метров, и на всем этом пространстве не было никакой мебели. Драпировки и картины, украшавшие стены, исчезли. — Вверх, — сказал Хорст. — Там у нас будет больше шансов, — он повел их наверх, в жилую часть здания, и они заняли позицию в конце холла, откуда могли следить за лестницей и лифтом.

— И что теперь? — спросил Уайтбрид.

— Теперь будем ждать, — в унисон сказали обе мошкиты.

Так прошел долгий час.

Звуки движений, доносящиеся с улицы, постепенно стихали. Потребовалось какое-то время,

чтобы это стало очевидно. Снаружи ничто не двигалось.

— Нужно взглянуть, — сказал Стели. Он вошел в комнату и осторожно выглянул в окно, стоя так, чтобы его не смогли заметить снаружи.

По улице внизу шли демоны. Они двигались вперед удивительно быстро, потом вдруг подняли свои ружья и выстрелили вдоль улицы. Хорст повернулся и увидел вторую группу Воинов, покидавшую укрытие, оставляя три трупа. Звуки боя доносились приглушенно через толстое стекло.

— Что это, Хорст? — окликнул Уайтбрид. — Это звучит, как выстрелы.

— Это и есть выстрелы. Сражаются две группы Воинов. Из-за нас?

— Несомненно, — ответила мошкита Уайтбрида. — Вы понимаете, что это значит, не так ли? — она говорила как-то уж очень смиренно. Когда никто не ответил, она продолжала: — Это значит, что ваши люди уже не вернутся сюда. Они покинули систему…

— Я не верю в это! — закричал Стели. — Адмирал не оставит нас! Он перевернет всю эту чертову планету…

— Нет, этого он не сделает, Хорст, — сказал

Уайтбрид. — Вам известны его приказы.

Хорст покачал головой, но он знал, что Уайтбрид прав.

— Мошкита Уайтбрида! — позвал он. — Идите сюда и покажите мне, с какой стороны кто.

— Нет.

Хорст оглянулся.

— Что значит, «нет»? Мне нужно знать, в кого стрелять!

— Я не хочу, чтобы стреляли в меня.

Мошкита Уайтбрида была трусом!

— А разве в меня не будут стрелять? Просто не нужно высовываться.

— Хорст, если на глаза им покажетесь вы, — сказал голос Уайтбрида,

— Воины не будут стрелять. Никто не хочет, чтобы вы умерли сейчас. Вы заметили, что они не применяют артиллерии, верно? Но они будут стрелять в меня.

— Ну, хорошо. Чарли! Идите сюда и…

— Я не сделаю этого.

Хорст даже не выругался. Не трусы, а просто Коричнево-белые. Придет ли его собственная мошкита?

Все Воины нашли себе укрытия: брошенные или припаркованные машины, дверные проемы,

ниши вдоль стен одного из зданий. Они передвигались от укрытия к укрытию с молниеносной скоростью домашних мух. И все же то и дело один Воин стрелял, а другой падал мертвым. Особой стрельбы не было, и все-таки две трети Воинов в поле зрения были мертвы. Мошкита Уайтбрида была права, говоря об их умении. Они были нечеловечески точны.

Почти под окном, из которого смотрел Хорст, лежал мертвый Воин, раскинув правые руки. Еще один дождался затишья, резко бросился к ближайшему укрытию — и тут мертвый ожил. Все происходило слишком быстро: двое Воинов столкнулись, как пара жужжащих пил, затем разлетелись в стороны, как сломанные куклы, еще дергая ногами и истекая кровью.

Что-то громыхнуло внизу, и раздался шум у основания лестницы. Потом по мраморным ступеням застучали копыта. Мошкиты защебетали, потом Чарли громко засвистела. Снизу пришел ответ, а затем голос Дэвида Харди заговорил на чистом английском:

— Немедленно сдавайтесь. С вами будут хорошо обращаться.

— Мы проиграли, — сказала Чарли.

— Это войска моего Мастера. Что вы делаете,

Хорст?

Вместо ответа Стели скорчился в углу, направив ствол рентгеновского лазера на лестницу и делая гардемаринам знаки спрятаться.

Коричнево-белый мошкит вышел из-за угла и стал в коридоре. У него был голос священника Харди, но ничего из его манер. Только чистый английский язык и резонирующий голос. Посредник был без оружия.

— Будьте же благоразумны. Ваш корабль ушел. Ваши офицеры поверили, что вы погибли. У нас нет причин причинять вам вред. Не дайте вашим друзьям никого убить, выходите и примите нашу дружбу.

— Убирайтесь к черту!

— Чего вы этим добьетесь? — спросил мошкит. — Мы только хотим, чтобы вы хорошо…

Снизу донеслись звуки стрельбы, и эхо прокатилось по пустым комнатам и коридорам Замка. Посредник с голосом Харди засвистел и защелкал, обращаясь к другим мошкитам.

— Что она говорит, — спросил Стели. Он огляделся вокруг: мошкита Уайтбрида скорчилась у стены. — О, боже, и что теперь?

— Оставьте ее в покое! — крикнул Уайтбрид. Он покинул свое место, стал рядом с мошкитой и

положил руку ей на плечо. — Что нам делать?

Звуки сражения все приближались, и внезапно в коридоре появились два Воина. Стели прицелился и выстрелил, свалив одного из них. Он уже начал двигать луч к другому, но демон выстрелил, и Стели отшвырнуло к дальней стене коридора. Новые демоны ворвались в коридор, и вспышки их выстрелов на секунду задержали Стели на ногах. Затем его тело, растерзанное, как будто зубами дракона, упало и замерло.

Поттер выстрелил из ракетомета, и снаряд взорвался в конце коридора. Часть стен рухнула, усеяв пол обломками и полусожженными трупами Посредника и Воинов.

— Мне кажется, что, независимо от того, кто выиграет это сражение внизу, — медленно сказал Поттер, — мы слишком много знаем о Поле Лэнгстона, чтобы быть в безопасности. Как вы думаете, мистер Уайтбрид? Вы теперь командир.

Джонатан молчал. Его мошкита не двигалась. Не двигалась…

Поттер вытащил пистолет и ждал. Из коридора доносились какие-то скребущиеся звуки. Шум сражения утих вдали.

— Ваш друг прав, брат, — сказала мошкита Уайтбрида. Она взглянула на неподвижное тело

финч'клик' Харди. — Он тоже был братом…

Поттер вдруг вскрикнул, и Уайтбрид резко повернулся.

Выронив пистолет, Поттер недоверчиво смотрел на свою руку, раздробленную от запястья до локтя. Потом взглянул на Уайтбрида глазами, в которых только начала появляться боль, и сказал:

— Один из «мертвецов» бросил камень.

В холле появилась еще одна группа Воинов и другой Посредник. Они медленно приближались.

Уайтбрид вытащил магический меч, который мог резать камень и металл. Подняв его вверх, он чиркнул лезвием по шее Поттера… Поттера, чья религия запрещала самоубийство. Впрочем, как и его собственная религия. Когда он поднес лезвие к своей шее, что-то вспыхнуло у него перед глазами, и на плечи его обрушился могучий удар. Джонатан Уайтбрид упал и больше не двигался.

Поначалу они не трогали его, только сняли оружие у него с пояса. Они ждали Доктора, пока остальные сдерживали атакующие силы Короля Петра. Посредник быстро поговорила с Чарли и — поскольку не оставалось ничего, за что стоило бы сражаться — предложила ей комму-

никатор. Мошкита Уайтбрида осталась со своим финч'клик'.

Доктор осмотрела плечи Уайтбрида. Хотя она никогда не анатомировала людей, она знала все, что знал любой мошкит о человеческой психологии, а руки ее были идеально приспособлены к использованию тысячецикловых инстинктов. Пальцы ее мягко касались раздробленных плечевых суставов, глаза замечали все, несмотря на хлещущую кровь. Руки коснулись позвоночника, этого удивительного органа, который она знала только по моделям.

Хрупкие шейные позвонки были разбиты.

— Очень сильные повреждения, — прогудела она ожидающему Посреднику. — Удар уничтожил спинную струну. Это существо мертво.

Доктор и двое Коричневых спешили изо всех сил, монтируя кровяной насос, чтобы спасти мозг, но все тщетно. Общение между Инженерами и Доктором было слишком медленным, тело было слишком странным, и слишком мало нужного оборудования оказалось под руками.

Они забрали тело и мошкиту Уайтбрида в космопорт, контролируемый их Мастером. Теперь, когда война закончилась, Чарли должна была вернуться к Королю Петру. Требовалось возна-

градить, кого следовало, заняться устранением последствий сражения и подумать об удовлетворении всех Мастеров, понесших ущерб. Когда люди прибудут в следующий раз, среди мошкитов должно быть единство.

Мастер так никогда и не узнала правды, так же, как даже не подозревали о ней ее белые дочери. Но среди других дочерей — коричнево-белых Посредников, которые служили ей, — шепотком передавали, что одна из их сестер совершила такое, чего никогда не делал ни один Посредник за все прошедшие циклы. Когда Воины устремились к этому странному существу, мошкита Уайтбрида коснулась его, но не слабыми правыми руками, а мощной левой.

Она была наказана за непослушание и умерла в одиночестве. Ее сестры не ненавидели ее, просто не могли заставить себя заговорить с той, кто убил своего финч'клик'…

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. РЕШЕНИЕ БЕЗУМНОГО ЭДДИ

ОТСТУПЛЕНИЕ

— Адмирал, со шлюпок докладывают, что никаких следов гардемаринов не обнаружено, — в голосе капитана Михайлова звучали нотки извинения: несколько офицеров хотели доложить Кутузову о неудаче. Сам адмирал бесстрастно сидел в своем командном кресле на мостике «Ленина». Подняв стакан с чаем, он сделал небольшой глоток и что-то проворчал, давая понять, что принял сообщение.

Затем Кутузов повернулся к остальным, располагавшимся вокруг него на своих местах. Род Блейн по-прежнему занимал кресло флаг-лейтенанта: он был старше по званию командора Бормана, а Кутузов был щепетилен в таких вопросах.

— Восемь ученых, — сказал Кутузов. — Восемь ученых, пятеро офицеров, четырнадцать членов экипажа и звездных пехотинцев. Все убиты мошкитами.

— Мошкиты! — Доктор Хорват повернул свое кресло к Кутузову. — Адмирал, почти все эти люди были на борту «Мак-Артура», когда вы уничтожили его. Некоторые могли быть еще живы.

Что же касается этих гардемаринов, которые были достаточно глупы, чтобы войти в атмосферу на спасательных шлюпках… — его голос прервался, когда Род устремил на него взгляд своих мертвых глаз. — Простите, капитан. Я не хотел говорить так. Мне очень жаль, что так вышло. Мне тоже нравились эти ребята, но нельзя же обвинять мошкитов во всем, что случилось! Мошкиты пытались помочь нам, и могли многое сделать для нас… Адмирал, когда мы сможем вернуться на посольский корабль?

Взрывной звук, изданный Кутузовым, должен был обозначать смех.

— Ха! Доктор, как только все шлюпки соберутся, мы отправляемся домой. Я полагал, что выразился достаточно ясно.

Министр по науке поджал губы.

— Я надеялся, что к вам вернется ваш здравый смысл, — голос его был холоден и скорее походил на рычание. — Адмирал, вы разрушаете лучшие надежды, когда-либо имевшиеся у человечества. Технология, которую мы могли бы купить — которую они отдали бы нам! — на порядки превосходит все, чего мы могли бы достигнуть за века. Мошкиты понесли огромные расходы, принимая нас. Если бы вы не запретили нам рас-

сказывать им о сбежавших малышах, я уверен, они помогли бы нам. Но вы хранили свои чертовы секреты, и из-за вашей глупой ксенофобии мы потеряли наблюдательный корабль и большинство своих приборов. Вы поступаете по отношению к ним враждебно, отправляясь домой, когда они планируют новые встречи… Мой Бог, да будь они воинственными, ничто не могло спровоцировать их больше, чем то, что мы делаем!

— Вы кончили? — презрительно спросил Кутузов.

— Пока кончил. Но мне будет что сказать, когда мы вернемся!

Кутузов коснулся кнопки на подлокотнике своего кресла.

— Капитан Михайлов, пожалуйста, подготовьте возвращение к входной точке Олдерсона. Ускорение полтора g, капитан.

— Слушаюсь, сэр.

— Все-таки вы решили совершить эту глупость, — сказал Хорват. — Блейн, не могли бы вы воздействовать на него?

— Я решил выполнить полученный приказ, доктор, — тяжело сказал Кутузов. Если угроза Хорвата и произвела на него впечатление, он не показал этого. Адмирал повернулся к Роду. —

Капитан, я с радостью приму ваш совет, но не сделаю ничего, идущего вразрез с безопасностью этого корабля, и не позволю персоналу продолжать контакты с мошкитами. У вас есть какие-то предложения, капитан Блейн?

Род слушал разговор без особого интереса, его мысли путались. Что я могу сделать? — без конца спрашивал он себя. Больше его ничто не интересовало. Адмирал мог спрашивать его совета, но это была простая вежливость. Род больше не был командиром и не имел никаких обязанностей. Его корабль погиб, карьера была окончена… Впрочем, не следовало позволить жалости к самому себе овладеть им.

— Я думаю, сэр, что мы должны постараться сохранить дружбу мошкитов. Мы не можем принимать решения за правительство…

— Вы полагаете, я делаю это? — спросил Кутузов.

— Нет, сэр. Однако, вполне вероятно, что Империя захочет торговать с Мошкой. Как сказал Доктор Хорват, они не сделали ничего враждебного.

— А как же ваши гардемарины?

Род с трудом глотнул.

— Я не знаю, сэр. Возможно, Поттер или Уайт-

брид не справились с управлением своих шлюпок, а Стели попытался спасти их. Это на него похоже…

Кутузов нахмурился.

— Три спасательные шлюпки, капитан. Все три входят в атмосферу, и все три сгорают, — он взглянул на экраны вокруг себя. Шлюпки затаскивали лебедками на ангарную палубу «Ленина», где звездные пехотинцы продували их ядовитым газом. Ни один чужак не должен был проникнуть на его флагманский корабль! — О чем бы вы хотели поговорить с мошкитами, доктор?

— Я не скажу им того, что хотел бы сказать, адмирал, — резко ответил Хорват. — Я расскажу им вашу историю о чуме. Ведь это почти правда, не так ли? Чума малышей. Но, адмирал, мы должны оставить возможность возвращения экспедиции.

— Они поймут, что вы лжете им, — жестко заметил Кутузов. — Блейн, как по-вашему? Лучше ли, чтобы мошкиты услышали объяснения, которым не поверят?

Черт побери, неужели он не понимает, что я не хочу думать о мошкитах?! Или о чем-либо еще? Что хорошего может быть в моем совете — совете человека, потерявшего свой корабль…

— Адмирал, я не вижу, чем нам может повредить разрешение министру Хорвату поговорить с мошкитами, — Род подчеркнул слово «министр», поскольку Хорват был не только членом Совета, но и имел прочные связи с Человеческой Лигой и влияние в Имперской Торговой Ассоциации. Этот союз был почти так же могуч, как Военный Флот. — Кто-то должен поговорить с ними, и не имеет особого значения, кто это будет. На борту нет человека, который мог бы солгать своей финч'клик'.

— Очень хорошо. Капитан Михайлов, пожалуйста, вызовите посольский корабль Мошки. Доктор Хорват будет говорить с ними.

Экраны засветились, показав коричнево-белое улыбающееся лицо. Род скорчил гримасу, затем быстро перевел взгляд вверх и констатировал, что перед ним микрофона нет.

Мошкита посмотрела на Хорвата.

— Финч'клик'.

— О… Я надеялся поговорить с вами. Мы должны покинуть вас. Немедленно.

Выражение лица мошкиты не изменилось.

— Это очевидно, Энтони, но все равно, мы очень огорчены. Нам нужно было так много обсудить: торговые соглашения, аренда баз в вашей Им-

перии…

— Да, да, однако, у нас нет полномочий подписывать договоры или торговые соглашения, — запротестовал Хорват. — Мы многое успели сделать, но теперь должны уйти. На «Мак-Артуре» была обнаружены чума, что-то новое для наших докторов, и мы не знаем — уничтожен ли центр инфекции, или она распространяется. Поскольку этот корабль — наша единственная возможность вернуться домой, адми… наш принимающий решения считает, что лучше уйти, пока весь экипаж на ногах. Но мы вернемся!

— Лично вы тоже придете? — спросила мошкита.

— Если это будет возможно. Мне бы хотелось этого, — для него не составило труда произнести это вполне искренне.

— Мы с радостью примем вас. Примем всех людей. У нас большие надежды на торговлю между нашими расами, Энтони. Есть многое, чему мы можем научиться друг от друга. Кстати, о наших подарках, — может, вам не забирать их на свой корабль?

— Почему… спасибо… я… — Хорват посмотрел на Кутузова. Адмирал был близок к взрыву. Он внушительно покачал головой.

— Это было бы разумно, — печально сказал Хорват. — Пока мы не выяснили, что вызывает чуму, лучше не добавлять ничего к тому, что уже подвергалось опасности. Мне очень жаль.

— Мне тоже, Энтони. Но мы заметили, что ваши инженеры — как бы это выразиться поделикатнее? — во многих областях продвинулись не так далеко, как наши. Возможно, из-за недоспециализации. Мы думали частично восполнить этот недостаток своими подарками.

— Я… подождите минутку, — сказал Хорват. Отодвинув микрофон в сторону, он повернулся к Кутузову. — Адмирал, вы не должны упускать такую возможность! Это может быть самым значительным событием в истории Империи!

Адмирал медленно кивнул. Его темные глаза сузились.

— Это так же верно, как то, что мошкиты, обладающие Полем Лэнгстона и Олдерсон Драйв могут быть самой грозной угрозой человеческой расе, министр Хорват.

— Я понимаю это, — фыркнул Хорват и вновь повернул к себе микрофон. — Боюсь, что…

Мошкита прервала его.

— Энтони, вы можете не проверять наши подарки. Вы можете сделать с них снимки и изучить

их для того, чтобы позднее сделать дубликаты. Надеюсь, что нет никакой опасности для людей, побывавших на нашей планете?

Хорват напряженно думал. Он должен получить их! Микрофон вновь пошел в сторону, и Хорват улыбнулся адмиралу.

— А вы знаете, она права. Нельзя ли нам впихнуть их в катер?

Кутузов скривился, как будто попробовал кислого молока, затем кивнул. Хорват облегченно повернулся к мошките.

— Спасибо. Если вы разместите подарки в катере, мы изучим их по дороге, а через две с половиной недели в точке Безумного Эдди вы сможете забрать обратно и подарки, и катер — наш подарок вам.

— Отлично, — тепло сказала мошкита. — Но вам не требуется катер. Один из наших подарков — это космический корабль с управлением, приспособленным для человеческих рук и разума. Все остальное будет на его борту.

Удивленный Кутузов быстро кивнул. Хорват отметил это и мысленно улыбнулся.

— Чудесно. Мы привезем вам подарки, когда вернемся. Нам очень хочется отплатить вам за гостеприимство…

Адмирал Кутузов что-то сказал, и Хорват наклонился в сторону от экрана, чтобы послушать.

— Спросите о гардемаринах, — приказал адмирал.

Хорват глотнул и сказал:

— Есть какие-нибудь новости о наших гардемаринах?

В голосе мошкиты прозвучала болезненная нотка:

— Откуда им быть, Энтони? Они погибли, пытаясь войти в атмосферу, а их корабли полностью сгорели. Мы отправляли вам снимки — разве вы не получили их?

— Э… я их не видел, — ответил Хорват, и это было правдой. Проклятый адмирал не верил ничему! Неужели он думает, что парней захватили в плен и теперь пытают, чтобы получить информацию? — Простите, но мне приказали спросить.

— Мы понимаем. Люди очень заботятся о своих молодых, принимающих решения. Впрочем, как и мошкиты. У наших рас очень много общих черт. Приятно было снова поговорить с вами, Энтони. Мы надеемся, что вы скоро вернетесь.

Внезапно прозвучал тревожный сигнал. Адмирал Кутузов нахмурился и стал внимательно слушать что-то, чего Хорват слышать не мог.

Одновременно с этим диктор объявил о докладе квартирмейстера.

— Корабельные шлюпки закреплены, сэр. Мы готовы к отправлению.

Мошкита явно услышала это и сказала:

— Подаренный корабль вполне сможет догнать вас, если ваше ускорение не превысит… — последовала пауза, за время которой мошкита к чему-то прислушивалась, — … три ваших g.

Хорват вопросительно взглянул на адмирала, который напряженно думал о чем-то. Потом он кивнул Хорвату.

— Наше ускорение в этом полете составит полтора наших g, — сказал Хорват.

— Тогда наши подарки будут у вас через пять часов, — ответила мошкита.

Экраны вспыхнули, и микрофон Хорвата отключился. Голос адмирала Кутузова проскрипел:

— Мне сообщили, что какой-то корабль покинул Мошку-1 и направился к точке Олдерсона с ускорением 1,74 наших g. Это два g Мошки. Будьте любезны, попросите у них объяснений, — голос звучал достаточно спокойно, но интонация была повелительной.

Хорват повернулся к мошките, и его экран снова ожил. Старательно подбирая слова, чтобы

не обидеть случайно собеседника, он выполнил приказ и закончил вопросом:

— Вам об этом известно?

— Конечно, — ответила мошкита. — Мастера отправили наших послов в Империю для встречи с вами. Их всего трое, и мы просим, чтобы вы доставили их в столицу Империи, где они будут представлять нашу расу. У них есть все полномочия вести переговоры за нас.

Кутузов глубоко вздохнул. Лицо его было багровым от усилий держать себя в руках, и казалось, что сейчас он закричит, но он только сказал так тихо, что мошкита не могла его слышать:

— Скажите им, что мы должны обсудить это. Капитан Михайлов, ускорение по готовности.

— Слушаюсь, сэр.

— Мы должны уже уходить, — сказал Хорват мошките. — Я… мы… должны обсудить вопрос о послах. Это для нас неожиданность… Я надеялся, что вы пойдете сами. И вообще, послана ли в качестве посла хоть одна из наших финч'клик'?

— Времени хватит для любых необходимых обсуждений, — заверила его мошкита. — Что касается вашего вопроса, то ни один посол мошкитов не отождествляется с каким-либо определенным человеком, ведь они должны

представлять нашу расу. Надеюсь, вы понимаете это? Эти трое были выбраны, чтобы представлять все взгляды, и им единогласно дано право заключать для мошкитов любые соглашения. Что касается угрозы чумы, то они подождут, пока вы убедитесь, что они не представляют опасности для вашего здоровья… — по «Ленину» разнесся громкий звук сирены. — Прощайте, Энтони. Передайте это всем. И возвращайтесь скорее.

Прозвучал сигнал последнего предупреждения, и «Ленин» двинулся вперед. Еще какое-то время Хорват смотрел на пустой экран, а за его спиной остальные удивленно перешептывались.

ПРОЩАНИЕ

Линкор Его Императорского Величества «Ленин» был загружен под завязку и забит командой «Мак-Артура» и учеными, которые все оказались теперь на его борту. Члены его команды довольствовались одним гамаком на двоих-троих человек, звездные пехотинцы спали в коридорах, а офицеры набивались по трое в каюты, предназначенные для одного. Кроме того, на ангарной палубе находились артефакты мошкитов, спасенные с «Мак-Артура», которые Кутузов требовал держать в вакууме, под постоянной охраной и с периодическими осмотрами. На борту корабля совершенно не было места, где могла бы собраться вся его команда.

Корабль должен был оставаться в боевой готовности до тех пор, пока не покинет систему Мошки, даже во время похоронной службы, проведенной Дэвидом Харди и священником «Ленина» Джорджем Алексисом. Для каждого это была довольно необычная ситуация, хотя для экипажа корабля стало традиционным собираться, когда это возможно, а похоронные службы часто проводились на кораблях в состоянии

боевой готовности. Надев черную епитрахиль и повернувшись к служебнику, который один из рядовых держал открытым перед ним, Дэвид Харди думал, что, вероятно, проводил больше реквиемов, чем обычных собраний.

По кораблю пронесся трубный звук.

— Экипаж, вольно! — негромко скомандовал главный боцман.

— Дай им вечный покой, о, Господи! — пропел Харди.

— И пусть свет вечно светит над ними, — отозвался Алексис. Все стихи и ответы на них были знакомы каждому, кто достаточно долго пробыл в Военным Флоте.

— Я — Воскресение и Жизнь, сказал Господь. Кто бы ни поверил в меня, даже если умрет, будет жить; кто бы ни жил, веря в меня, никогда не умрет.

Служба продолжалась. Члены команды отвечали со своих боевых постов, и по всему кораблю разносилось негромкое бормотание.

— И услышал я голос с небес, сказавший мне: — Отныне благословляю мертвых, которые умерли во имя Господа. Пусть отдохнут они от трудов своих.

Отдохнут, подумал Род и содрогнулся. Я видел

множество погибших кораблей, и множество людей под моим командованием забиралось на сотни парсеков от дома. Почему же я думаю именно об этом? Он глубоко вздохнул, но стеснение в груди не прошло.

Огни по всему кораблю потускнели, и записанные голоса хора Имперского Военного Оркестра запели гимн, к которому присоединились и члены экипажа. «Грядет день гнева и гибели, когда смешаются слова Дэвида и Сивиллы, а небеса и миры под ними обратятся в прах…»

Сивилла? — подумал Род, — О, Боже, что за древность? Гимн продолжался и продолжался, закончившись гимном мужских голосов.

Верю ли я в это? — задумался Род. — Харди верит, об этом ясно говорит его лицо. И Келли, готовый выбросить своих друзей через торпедный аппарат наружу, тоже верит. Почему я не могу верить, как они? Но я же верю, не так ли? Я всегда верил, что у этой вселенной должна быть какая-то цель? Вот, например, Бари. Это даже не его религия, но все равно служба захватила его. Интересно, о чем он сейчас думает?

Гораций Бари внимательно смотрел на торпедный аппарат. Четыре тела и голова! Голова звездного пехотинца, которую Домовые исполь-

зовал для своего троянского коня. Бари видел это только один раз, пробираясь через пространство в облаке тумана, битого стекла и дрыгающихся и умирающих Домовых. Он помнил квадратные челюсти, широкие вялые рты, блестящие мертвые глаза. Да будет милостив к ним Аллах, и пусть легионы Его опустятся на Мошку…

Сэлли воспринимает это лучше, чем я, подумал Род, а она штатский человек. Мы оба любили этих парней… Почему меня не беспокоит судьба остальных? Пятеро звездных пехотинцев погибли, выводя с «Мак-Артура» гражданских. Все было бы не так плохо, если бы гардемарины погибли в бою. Я был готов к потерям, когда послал катер со спасательным отрядом. Я не был уверен, что парни вообще смогут покинуть «Мак-Артур». Но они сделали это и были уже в безопасности!

— О, Боже всемогущий, прими души наших ушедших братьев, а мы доверим их тела глубинам космоса, не сомневаясь в их воскресении и вечной жизни у нашего Господа Иисуса Христа…

Келли нажал на ключ, и последовало мягкое хууш-ш, потом еще и еще

— всего пять раз. Из двадцати семи погибших и пропавших без вести удалось найти только четыре тела и одну голову.

— Экипаж, внимание! Пли!

— Огонь!

Интересно, как воспримут это мошкиты? — подумал Род. Три бортовых залпа, направленных в никуда… за исключением третьего, испарившего тела, выброшенные секунду назад. На этом настоял адмирал, и никто не стал с ним спорить.

Трубные звуки замерли вдали, когда трубачи «Ленина» и «Мак-Артура» закончили свой дуэт. На мгновение корабль замер.

— Экипаж, разойдись!

Офицеры молча выходили из торпедного отсека. Огни в коридорах вновь ярко вспыхнули, и люди заторопились обратно на свои места по боевому распорядку или к переполненным местам отдыха. Продолжается обычная жизнь Военного Флота, — подумал Род. Похоронная служба — это тоже часть КНИГИ. Там есть правила для всего: рождения на борту корабля, регистрации брака, похорон — с телами или без, а также и для капитана, потерявшего свой корабль. КНИГА требует для него военного трибунала.

— Род, подождите минутку, пожалуйста.

Он остановился на зов Сэлли. Они стояли в коридоре, а остальные офицеры и члены команды огибали их с двух сторон. Род хотел присоеди-

ниться к ним, вернуться к уединению своей каюты, где никто не спросит у него, что произошло на борту «Мак-Артура». И все-таки это была Сэлли, и какая-то его часть хотела поговорить с ней или хотя бы подойти к ней…

— Род, доктор Хорват сказал, что мошкиты отправили послов нам навстречу в точку Безумного Эдди, но адмирал Кутузов не позволяет им подниматься на борт! Это правда?

Проклятие! — подумал он. Мошкиты, снова мошкиты…

— Да, это правда, — и он повернулся, чтобы уйти.

— Род, подождите! Нужно же что-то делать! Род, куда вы идете? — она смотрела ему вслед, пока он быстро уходил прочь. Что же мне теперь делать? — терзала ее мысль.

Дверь каюты Блейна была закрыта, но индикатор показывал, что она не заблокирована. Кевин Реннер заколебался, затем постучал. Никакого ответа. Он подождал и постучал снова.

— Войдите.

Реннер открыл дверь. Было довольно странно входить прямо в каюту Блейна: никакого часового на посту, никакой таинственной атмосферы, которая окружает капитана.

— Капитан, вы не против, если я присоединюсь к вам?

— Нет. Я могу чем-то помочь вам? — Блейна явно не интересовал этот вопрос. Он не смотрел на Реннера, и Кевин задумался, что произошло бы, отнесись он к этому вежливому предложению серьезно. Например, он мог бы попросить выпить…

Впрочем, нет. Сейчас не время воздействовать на капитана — пока не время. Реннер сел и огляделся по сторонам.

Каюта Блейна была большой. На корабле имелось всего четыре мужчин и одна женщина, имевшие каюты в полном своем распоряжении, и Блейн не использовал преимуществ драгоценного пространства. Похоже было, что он часами сидит на своем кресле, вероятно, с тех самых пор, как кончилась похоронная служба. Он явно не менял позы. Он позаимствовал у капитана Михайлова один из его мундиров, который явно ему не подходил, и сейчас был одет в него.

Они сидели молча, и Блейн вглядывался в некое внутреннее пространство-время, недоступное его посетителю.

— Я перечитал работу Бакмена, — наугад сказал Реннер. Ему нужно было как-то начать разговор,

а это, вероятно, не было связано с мошкитами.

— Да? Ну, и как? — вежливо спросил Блейн.

— По-моему, чересчур. Он говорит, что может доказать, будто в Угольном Мешке формируется протозвезда. Через тысячи лет она будет светить своим светом. Правда, он не может доказать этого мне, потому что я не знаю математики.

— Угу.

— Как поживаете? — Реннер вовсе не выказывал желания уходить. — Наслаждаетесь освобождением от обязанностей?

Блейн, наконец, поднял голову.

— Кевин, почему эти парни попытались войти в атмосферу?

— О, зубы Господа, капитан, это явная глупость. Они не могли сделать ничего подобного. — А он, похоже, крепче, чем я думал.

— Тогда расскажите мне, что случилось.

Реннер удивленно уставился на него, но Блейн явно ждал рассказа.

— Капитан, корабль заполонили Домовые… Они были всюду, куда ни глянь, и наверняка проникла в хранилище спасательных шлюпок задолго до этих событий. Скажите, сэр, как бы вы переделали спасательные шлюпки, будь вы сами мошкитами?

— Великолепно! — Блейн даже улыбнулся. — Даже мертвый человек не мог бы отказаться от такой правильной линии.

— Вы меня изумляете, — улыбнулся Реннер, потом посерьезнел. — Однако, я имел в виду, что они переделывают их для каждого удобного случая. В глубоком космосе шлюпка должна затормозиться и вызвать помощь. Возле газового гиганта — остаться на орбите. И все это автоматически, потому что пассажиры могут быть ранены или без сознания. А возле обитаемого мира шлюпка должна приземлиться.

— Что? — Блейн нахмурился. В его глазах появилась искра жизни. Реннер затаил дыхание.

— Все правильно, Реннер, но тогда что сработало плохо? Если Домовые переделали шлюпки, они переделали их хорошо. Кроме того, они же управляемые и не должны были входить в атмосферу.

Реннер пожал плечами.

— Можете вы с первого взгляда понять пульт управления мошкитов? Я не могу и не сомневаюсь, что парни тоже не сумели. Однако, Домовые тоже рассчитывали на них. Капитан, может быть, шлюпки были не закончены, или получили повреждения в ходе сражения?

— Может быть…

— Могло произойти множество вещей. Может быть, они были рассчитаны на Домовых и, чтобы поместиться в них, парням пришлось вырвать оттуда дюжину полуфутовых сидений или что-то еще. У них было слишком мало времени с этими торпедами, которые должны были взорваться через три минуты.

— Эти проклятые торпеды! Наверняка корпуса были полны Домовых и крыс. Если бы туда кто-нибудь заглянул…

Реннер кивнул.

— Но кто мог знать, что нужно заглянуть?

— Я.

— Почему? — серьезно спросил Реннер. — Шкипер, там…

— Я не шкипер.

Ага! — подумал Реннер.

— Да, сэр. Во всем Флоте не нашлось бы человека, который догадался бы это сделать. Ни одного. Я тоже не подумал об этом. Даже Царя удовлетворила ваша процедура обеззараживания, разве нет? Да и не только его. Так зачем же теперь винить себя в ошибке, которую сделали все?

Блейн взглянул на Реннера и удивился. Лицо парусного мастера было красным. Почему это он

так возбужден?

— Есть и другое дело, — сказал Род. — Допустим, спасательные шлюпки были переделаны, как надо. Допустим, что парни благополучно приземлились, и мошкиты лгут.

— Я думал об этом, — сказал Реннер. — Вы верите этому?

— Нет. Но я хотел бы быть уверенным.

— Вы были бы уверены, если бы знали мошкитов так же хорошо, как я. Убедите себя. Изучите данные. Их множество на борту этого корабля, и время у нас есть. В данный момент вы величайший эксперт Военного Флота по мошкитам.

— Я? — Род рассмеялся. — Кевин, я не являюсь экспертом ни в каком вопросе. Первое, что мне придется делать, когда мы вернемся, это убеждать военный трибунал…

— К черту Военный трибунал! — нетерпеливо сказал Реннер. — Капитан, неужели вы сидите здесь, размышляя над этой формальностью? О, зубы Господа!

— А о чем, по-вашему, я должен думать, лейтенант Реннер?

Кевин усмехнулся. Лучше Блейн раздраженный, чем тот, каким он был только что.

— Скажем, о том, почему Сэлли такая мрач-

ная сегодня… Полагаю, ей плохо потому, что вы рассердились на нее. Или о том, что вы скажете, когда Кутузов и Хорват будут гнать прочь послов мошкитов. О мятежах и гражданских войнах в колониях, или о цене на иридий, или же об инфляции кроны…

— Реннер, ради всего святого, замолчите!

Усмешка Кевина стала шире.

— … а, может, о том, как вышвырнуть меня из своей каюты. Капитан, взгляните на все с этой точки зрения. Допустим, суд признает вас виновным в небрежности — хуже, чем это, ничего просто быть не может. Вы не сдали корабль врагу и не сделали ничего вроде этого. Итак, допустим, они всерьез хотят вашего скальпа и повесят вину на вас. Худшее, что они могут сделать, это отправить вас на землю, и вы подадите в отставку, по-прежнему оставаясь двенадцатым маркизом Круциса.

— Да. Ну и что?

— Ну и что? — Реннер вдруг разозлился. Его брови сошлись, кулаки сжались. — Ну и что? Видите ли, капитан, я всего лишь торговый шкипер. Вся моя семья занималась этим, и все мы хотели этого. И во Флот я пошел потому, что так делали все мы. Мы делаем свое дело, капитан, и надеемся,

что вы со всеми вашими привилегиями будете делать ваше!

— Хорошо… — Блейна явно смутила вспышка Реннера. — И в чем же вы видите мою часть?

— Вы спрашиваете о том, что делать? Вы единственный аристократ в Империи, который столько знает о мошкитах, и вы еще спрашиваете меня, что делать? Капитан, я надеюсь, что вы сунете свой зад в эти шестерни. Империи нужна разумная политика относительно мошкитов, а влияние Военного Флота очень велико… Нельзя позволить, чтобы Флот принял взгляды Кутузова! Подумайте об этих послах мошкитов, которых адмирал хочет оставить здесь сидящими на мели.

— Черт побери! А вы действительно собрали сведения обо всем!

Реннер усмехнулся.

— Есть немного. У вас еще есть время. Поговорите с Сэлли, перечитайте рапорта, которые мы посылали с Мошки-1. Изучите все это, чтобы, когда адмирал спросит вашего совета, у вас были основательные аргументы. Мы должны взять этих послов мошкитов с собой…

Род скривился. Мошкиты на борту второго корабля! О, Боже…

— И перестаньте думать так, — сказал Рен-

нер. — Они не могут распространиться и заполнить весь «Ленин». У них просто не хватит времени для этого. Поработайте головой, сэр. Адмирал выслушает вас. Он сделает это, чтобы убедить Хорвата, поскольку доктор предлагает Царю повернуть обратно, но он вас выслушает…

Род нетерпеливо покачал головой.

— Вы действуете так, словно мое суждение будет иметь какую-то ценность. Однако, все противоречит этому.

— Бог ты мой! Неужели вы действительно в такой депрессии? Знаете ли вы, что думают о вас ваши офицеры и члены экипажа? Неужели у вас нет никаких идей? Черт побери, капитан, из-за чучел, вроде вас… — Кевин остановился, смущенный тем, что сказал больше, чем намеревался.

— Так вот. Царь спросит ваше мнение. Он не примет совета ни от вас, ни от Хорвата, но спросит он вас обоих. Это есть в приказах экспедиции…

— Черт возьми, откуда вам это известно?

— Капитан, моя команда занималась спасением судовых журналов и книг приказов с «Мак-Артура», помните? На них не было грифа «секретно».

— Не было?

— Ну, может быть, свет был плохим, и я его не заметил. Кроме того, мне нужно было убедиться,

что это именно те книги, верно? Как бы то ни было, доктор Хорват знает все об этом распоряжении и собирается настаивать на военном совете, прежде чем Кутузов примет окончательное решение по вопросу послов.

— Понимаю, — Род потер пальцем переносицу. — Кевин, а кто отправил вас сюда? Хорват?

— Конечно, нет. Я сам додумался до этого, — Кевин заколебался. — Впрочем, у меня была некоторая поддержка, капитан, — он помолчал ожидая вопроса, но Блейн только смотрел на него. Реннер фыркнул. — Иногда меня удивляет, почему аристократия до сих пор не вымерла, раз большая часть ее кажется такой глупой. Почему бы вам не позвать Сэлли? Она сидит в своей каюте с мрачным видом и большинством записей и книг, которые совсем не интересуют ее сейчас… — Реннер вдруг встал. — Немного поддержки пойдет ей на пользу.

— Сэлли? Она беспокоится о…

— Боже ж ты мой, — буркнул Реннер, повернулся и, широко шагая, вышел.

ПОДАРЕННЫЙ КОРАБЛЬ

«Ленин» двигался к точке Безумного Эдди с ускорением в полтора g. Туда же следовал и подаренный корабль.

Корабль этот представлял из себя цилиндр обтекаемой формы с утолщением на носу, и походил на минарет, оседлавший пламя термоядерного синтеза. Сэлли Фаулер и священник Харди очень веселились, глядя на него, но остальные не замечали или делали вид, что не замечают сходства корабля с фаллосом.

Кутузов ненавидел подаренный корабль. Послы мошкитов, с которыми придется иметь дело, были простыми исполнителями приказов, но с кораблем все обстояло совсем по-другому. Он догнал «Ленин», занял позицию в трех километрах от него и принялся передавать бодрые сообщения, пока канониры «Ленина» следили за ним. Кутузов успокаивал себя тем, что на корабле не может быть оружия, достаточно мощного, чтобы пробиться сквозь Поле «Ленина».

И в то же время он боялся пускать туда свою команду.

После того, как корабль проверили офицеры, на

борт его поднялись ученые. Все эти перемещения серьезно подрывали и без того хилую версию о чуме на борту «Мак-Артура», и Кутузов понимал это. Но, по крайней мере, ему не требовалось объяснять это ни одному мошкиту. Пусть Хорват зачитывает ему эксплуатационные приказы и требует военного совета — пока Кутузов жив, ни одного чужака не будет на борту «Ленина». Впрочем, этот корабль…

Он взглянул на его изображение на экранах, пока научный персонал перебирался туда. Они собирались на «Ленин» для похоронной службы и теперь торопились вернуться для изучения этой новой игрушки.

Каждый рапорт показывал, что она полна чудес, представляющих огромную ценность для Империи, и все же, как он мог осмелиться взять ее на борт? Тут мог бы помочь капитан Блейн, но он сломался, все более погружаясь в размышления о своем несчастье, став бесполезным именно тогда, когда требовался его совет. Хорват же был ослеплен верой в добрые намерения мошкитов во всем. Оставался только Бари с его не менее слепой ненавистью, несмотря на все доказательства того, что мошкиты дружественны и безвредны.

— Вероятно, так оно и есть, — вслух сказал

Кутузов.

Гораций Бари удивленно посмотрел на него. Они с адмиралом сидели на мостике и пили чай, разглядывая подаренный корабль. Торговец вопросительно посмотрел на адмирала.

— Вероятно, мошкиты дружественны и безвредны, — повторил Кутузов.

— Как вы можете верить в это! — воскликнул Бари.

Кутузов пожал плечами.

— Как я уже говорил другим, во что я верю, не имеет значения. Моя задача — доставить для правительства максимум информации. При наличии одного корабля возможность его потери означает возможность потери всей информации. Но этот космический корабль мошкитов должен быть очень ценным, не так ли, ваше превосходительство? Сколько бы вы заплатили Военному Флоту за лицензию на производство кораблей с таким приводом?

— Я заплатил бы гораздо больше, чтобы увидеть, что с угрозой мошкитов навсегда покончено, — серьезно ответил Бари.

— Гмм, — адмирал был склонен согласиться с ним. В Трансугольном секторе и без того было достаточно проблем. Одному богу известно, сколько

колоний бунтует и сколько присоединится к ним против Империи. Чужаки были новым осложнением, совершенно ненужным Военному Флоту. — И все-таки, технология… торговые возможности… я думал, вы заинтересуетесь.

— Мы не можем доверять им, — сказал Бари, стараясь говорить спокойно. Адмирал не любил иметь дело с людьми, не умеющими контролировать свои эмоции. Бари понимал его очень хорошо — его отец поступал точно так же.

— Адмирал, они убили наших гардемаринов. Надеюсь, вы не поверили этой сказочке о вхождении в атмосферу? Кроме того, они освободили этих

монстров на «Мак-Артуре» и почти сумели протащить их на борт «Ленина»,

— торговец содрогнулся: эти крошечные горящие глаза… — Конечно, вы не позволите этим чужакам проникнуть в Империю. Вы не позволите им пробраться на борт своего корабля, — эти читающие мысли чудовища… Телепаты они или нет, но они читают мысли. Бари постарался скрыть свое отчаяние: если даже адмирал Кутузов склонялся к мысли поверить лжи чужаков, какое будущее ждет Империю? Новая технология возбудит имперскую Торговую Ассоциацию, как

ничто другое, и только у Военного Флота достаточное влияние, чтобы побороть требования, предъявляемые ИТА. Клянусь Бородой Пророка, нужно что-то делать! — Я начинаю подумывать, не оказывает ли на вас чрезмерное влияние доктор Хорват, — вежливо сказал Бари.

Адмирал нахмурился, и Гораций Бари мысленно улыбнулся. Хорват. Это был ключ — игра Хорвата против адмирала.

Энтони Хорват чувствовал себя в этот момент довольным и счастливым, несмотря на ускорение в полтора g, Подаренный корабль был просторным, и изучать его бесконечные чудеса было очень удобно. Здесь имелся душ с полудюжиной сменных насадок, устанавливаемых под разными углами, и молекулярное сито для воды. Имелись запасы замороженных завтраков, которые требовалось только сунуть в микроволновую печь, чтобы получить готовый продукт. Даже кулинарные неудачи были… интересными. Здесь был кофе, синтетический, но хороший, и шкаф с большим запасом вин.

И, в дополнение ко всему, «Ленин» и Кутузов были восхитительно далеко. На борту линкора все было забито подобно грузовому трюму торгового корабля, каюты были переполнены, и в

коридорах спали люди, тогда как здесь Хорват мог развалиться в свое удовольствие. Он переставил микрофон поближе и, удовлетворенно вздохнув, начал диктовать.

— Большинство конструкций мошкитов имеет множественное назначение,

— сказал он своему компьютеру. — Этот корабль является тестом на интеллигенцию вне зависимости от того, было ли у мошкитов такое намерение или нет. Они многое поняли о наших способностях, наблюдая как долго наши люди учились правильно управлять двигателем. Полагаю, их собственные Коричневые сделали бы эту работу в течение часа, но — будем честными — Коричневым не нужно сутками сосредоточенно следить за индикаторами. Люди, достаточно интеллигентные для такого задания, находят его мучительно скучным, и это наш собственный обычай — оставлять на вахте членов экипажа, тогда как офицеры являются по вызову, чтобы справиться с возникающими проблемами. Таким образом, мы реагируем медленнее и требуем большего персонала для выполнения заданий, которые отдельный мошкит сочтет предельно простыми.

Кроме того, мошкиты многое рассказывали

нам о себе. Например, мы используем людей для дублирования автоматических систем, хотя часто пренебрегаем автоматикой для того, чтобы дать постоянное занятие людям, необходимым в минуту опасности, а в остальное время излишним. Мошкиты же часто показывают недостаток знаний компьютерной технологии и часто автоматики вообще. Вместо этого они используют один или более подвидов, как биологические компьютеры, и, похоже, имеют достаточные их запасы. Едва ли это оставляет людям право выбора, — он сделал паузу и оглядел помещение.

— Так, теперь об этих статуэтках, — Хорват поднял одну и улыбнулся. Он построил их на столе перед собой подобно игрушечным солдатикам: дюжина статуэток мошкитов из прозрачного пластика. Внутренние органы были показаны яркими цветами во всех подробностях. Он еще раз довольно осмотрел их, затем слегка скривился: их нужно было отправить обратно.

Вообще-то, в этом не было особой необходимости. Пластик не представляет из себя ничего особенного, и статуэтки были изучены во всех деталях. Любой штамповочный автомат мог производить их тысячами в час и, вероятно, именно так они и были изготовлены мошкитами. Но они

были чужими и дареными, и он хотел иметь их на своем столе или в Музее Новой Шотландии. Пусть Спарта довольствуется копиями!

Хорват мог опознать большинство форм с первого взгляда: огромный Носильщик, сверхмускулистый Инженер с широкими короткопалыми руками и большими плоскими ступнями — вероятно, Фермер. Крошечный Часовщик (проклятые Домовые! и дважды проклятый адмирал, не позволивший мошкитам помочь в их уничтожении). Здесь был и Физик с маленькой головой и длинными пальцами, и веретенообразный Бегун, состоявший, казалось, из одних ног… Хорват снова начал диктовать.

— Голова Бегуна невелика, но имеет отчетливо выдающийся вперед лоб. По-моему, Бегун не имеет разума, но обладает способностью запомнить и передать на словах послание. Вероятно, он может выполнять простые инструкции. По-видимому, Бегуны были выведены, как специализированные посланцы, еще до того, как цивилизация обзавелась телефонной связью, и сейчас сохраняются скорее по традиции, чем по необходимости. Из структуры мозга совершенно ясно, что Домовые, или Часовщики, не способны запомнить или передать послание. Их теменные доли слишком

слабо развиты для этого. — Это для Кутузова.

— Статуэтки крайне детальны и разбираются, подобно головоломкам, открывая внутренние органы. Хотя мы еще не знаем назначения большинства внутренних органов, можно не сомневаться, что они существенно отличаются от подобных органов у людей, и вполне вероятно, что обычай сдваивать назначения взят мошкитами из своей собственной анатомии. Мы опознали сердце и легкие, последние, состоящие из двух долей равного размера.

Священник Харди замер в дверях, когда ускорение корабля уменьшилось, а затем возросло. После того, как инженеры выровняли его, он вошел в гостиную и уселся, ничего не говоря. Хорват махнул ему рукой и продолжал диктовать.

— Единственным местом статуэток, остающимся неясным и недетализированным, являются органы воспроизведения, — Хорват улыбнулся и подмигнул священнику. Он действительно был доволен. — Мошкиты всегда были сдержаны относительно секса. Эти статуэтки могут быть образовательными игрушками для детей и тогда, конечно, производятся большими партиями. Если все дело в этом — а мы должны спросить об этом у мошкитов, если представится случай

— это означает, что культура мошкитов имеет некоторое сходство с человеческой, — Хорват нахмурился. Сексуальное воспитание молодежи было у человечества вещью периодической. Иногда оно было вполне определенным и широко распространенным, а в некоторые периоды истории его просто не существовало. В цивилизованных частях Империи все это было описано в книгах, но в то же время имелось множество новооткрытых планет, где вся эта тема была запретной для подростков.

— Конечно, это может быть вызвано и соображениями рациональности,

— продолжал Хорват. — Показ различий в половых органах потребует в три раза больше статуэток, чем их есть сейчас: комплект для мужчин, второй для женщин и третий для собственно фазы воспроизведения. Единственное, что я заметил, это развитые молочные железы у всех форм, и, полагаю, можно сказать, что все мошкиты могут кормить детей грудью, — он замолчал и что-то нажал на своем компьютере. По экрану поползли слова.

— Да. Единственный действующий сосок находится всегда справа, или, по крайней мере, на стороне, противоположной единственной

сильной руке. Таким образом, детеныша держит крепкая левая рука, тогда как слабые правые ласкают — и это весьма логично, учитывая плотность нервных окончаний в правых руках, — он прокашлялся и потянулся за бокалом бренди, знаком приглашая Харди последовать его примеру.

— Единственный сосок у высших форм неопровержимо доказывает, что у высших каст мошкитов рождение нескольких детенышей одновременно исключительно редко. Однако, это явление должно быть обычным для Часовщиков. Можно не сомневаться, что неразвитые соски правого бока малышей в некоторый период их развития превращаются в рабочие органы, иначе невозможно объяснить такое резкое увеличение их числа на борту «Мак-Артура», — он поставил компьютер. — Как дела, Дэвид?

— Отлично. Эта игрушка мошкитов восхищает меня. Несомненно, это логическая игра, и к тому же одна из лучших. Один игрок, руководствуясь некими правилами, сортирует различные предметы по категориям, а второй пытается вывести эти правила и обосновать их. Очень интересно.

— Возможно, мистер Бари захочет продавать их.

Харди пожал плечами.

— Церкви не мешало бы купить несколько штук… чтобы обучать своих богословов. Сомневаюсь, чтобы это вызвало всеобщий интерес. Слишком сложно, — он взглянул на статуэтки и нахмурился. — Вы заметили, что здесь нет по крайней мере одной формы?

Хорват кивнул.

— Не обладающего разумом животного, которого мы видели в зоопарке. Пока мы были там, мошкиты вообще не говорили о нем.

— Да и после этого тоже, — добавил Харди. — Я спрашивал свою финч'клик', но она тут же меняла тему.

— Еще одна тайна для будущих исследователей, — сказал Хорват. — Думаю, нужно избегать этого вопроса в присутствии мошкитов. Например, мы не должны расспрашивать их послов, — он выжидательно замолчал.

Дэвид Харди улыбнулся, но ничего не ответил.

— Ну, хорошо, — сказал Хорват. — Вы знаете, есть не так уж много вопросов, о которых мошкиты не хотели говорить, и я не пойму, почему они так обходили именно этот. Я совершенно уверен, что эти существа не были предками других форм мошкитов — это не то же, что для нас обезьяны.

Харди хлебнул бренди. Он был очень хорошим,

и священник задумался, где мошкиты достали образец для подражания. Этот, несомненно, был синтетическим, и Харди стало интересно, сумел бы он отличить его от настоящего.

— Очень разумно было поместить это на борту, — сказал он и сделал еще глоток.

— Плохо, что мы должны оставить все это, — сказал Хорват. — Впрочем, мы все это засняли, и со всего сделали записи. Голограммы, рентген, изометрия, радоновое излучение. Все, что можно было разобрать, мы разобрали и сделали голограммы составных частей. Нам очень помог командор Синклер… иногда и военные могут оказаться полезными. Хотел бы я, чтобы так было всегда.

Харди пожал плечами.

— А вы не пытались взглянуть на проблему с точки зрения Военного Флота? Если ошибетесь вы, то потеряете некую информацию, если же ошибутся они, опасности будет подвергнута вся раса.

— Глупости. Одна планета, населенная мошкитами? Независимо от того, насколько они развиты, здесь слишком мало мошкитов, чтобы угрожать Империи. И вам это известно, Дэвид.

— Да, Энтони, я не думаю, что мошкиты угрожа-

ют нам. Но с другой стороны, я не верю, что они такие простые и открытые, как мы о них думаем. У меня было больше времени для размышления над этим, чем у вас…

— Ну и?… — спросил Хорват. Ему нравился священник Харди. У него всегда были интересные рассказы и мысли. Конечно, он умел говорить, ведь этого требовала его профессия, но он не был типичным священником, да и типичным военно-космическим тупицей тоже.

Харди улыбнулся.

— Вы знаете, я не могу выполнить ни одной работы. Лингвистическая археология? Так я даже не изучил языка мошкитов. Когда меня вызовет церковная комиссия, сомневаюсь, что найдется достаточно аргументов, чтобы решить что-либо. Должность корабельного священника поглощает не так уж много времени, что еще остается, как не думать о мошкитах? — он снова усмехнулся. — И размышлять над проблемами миссионеров, которые явятся со следующей экспедицией…

— Вы полагаете, Церковь пошлет сюда миссию?

— А почему бы и нет? Никаких богословских возражений я придумать не могу. Да, скорее всего, это и бесполезно… — Харди хихикнул. — Я

вспомнил историю миссионеров на Небесах. Они обсуждали свою прежнюю работу, один говорил о тысячах, которых обратил, другой хвастался целой планетой павших, которых вернул в лоно Церкви. Наконец, они повернулись к маленькому человечку на конце стола и спросили его, сколько душ он спас. «Одну», ответил тот. Сейчас эту историю считают иллюстрацией морального принципа, но не думаю, чтобы миссионерам на Мошке-1 удалось претворить его в… гмм… реальной жизни.

— Дэвид, — сказал Хорват, и в голосе его прозвучала нотка крайней необходимости. — Церковь будет оказывать большое влияние на Имперскую политику относительно мошкитов. И я уверен, что Кардинал придаст большое значение вашему докладу, когда вы явитесь в Новый Рим. Понимаете ли вы, что ваш вывод о мошкитах будет иметь такое же влияние, как… Нет, черт побери, он будет более влиятельным, чем научные доклады, а, может быть, даже более, чем военные.

— Это я понимаю, — серьезно сказал Харди. — Энтони, это влияние меня не интересует, но саму ситуацию я понимаю.

— Хорошо, — Хорват тоже не был напористым человеком, или, по крайней мере, пытался не

быть им, хотя иногда и забывал об этом. Впрочем, с тех пор, как он занялся научным администрированием, он научился бороться за свой бюджет. Он глубоко вздохнул и изменил тактику. — Я хочу, чтобы вы помогли мне кое в чем прямо сейчас. Мне хотелось бы забрать эти статуэтки с собой.

— А почему не весь корабль? — спросил Харди. — Я бы взял его, — он глотнул бренди и прокашлялся. Гораздо легче было говорить с мошкитами, чем об Имперской политике. — Я заметил, что вы уделяете большое внимание пустым местам на статуэтках, — озорно сказал он.

Хорват нахмурился.

— Да? Что ж, возможно. Возможно…

— Должно быть, вы провели немало времени, думая об этом. Вас не удивляет странность этой второй области сдержанности мошкитов?

— Пожалуй, нет.

— А меня — да. Это меня весьма удивляет.

Хорват пожал плечами, затем наклонился вперед и налил им обоим бренди. Не имело смыла экономить то, что все равно придется оставить.

— Вероятно, они думают, что их сексуальная жизнь — не наше дело. Много ли подробностей дали им мы?

— Довольно много. У меня была долгая и

счастливая супружеская жизнь, — сказал Харди. — Возможно, я не эксперт в том, что делает ее счастливой, но я знаю достаточно, чтобы научить мошкитов всему, что они захотели узнать. Я не скрывал ничего и приказывал поступать также Сэлли Фаулер. В конце концов они чужаки, и едва ли мы способны вызвать у них похотливые желания, — он усмехнулся.

Хорват ответил улыбкой, потом задумчиво кивнул.

— Скажите, Дэвид, почему адмирал требовал сжигать тела после похорон?

— Что ж, я думал об этом… И ведь никто не протестовал. Мы не хотим, чтобы чужаки вскрывали тела наших товарищей.

— Именно. Мы ничего не собирались прятать, просто нам противна мысль о чужаках, вскрывающих мертвых людей. Это единственное, в чем я могу согласиться с Царем. А теперь подумайте, Дэвид, может быть, мошкиты думают точно так же о своем способе воспроизведения?

Харди на мгновение задумался.

— Вы знаете, это не так уж невозможно. Множество человеческих обществ испытывают те же чувства, скажем, к фотографиям, — он снова глотнул бренди. — И все же, Энтони, я в это не

верю. Я не могу предложить ничего лучше, но поверить не могу. Что нам действительно нужно, так это долгий разговор с антропологом.

— Чертов адмирал не пускает ее на этот корабль, — проворчал Хорват, но гнев его быстро прошел. — Держу пари, что она еще сердится.

Однако, Сэлли не сердилась — она исчерпала свой словарный запас еще раньше. Пока Харди, Хорват и остальные радостно изучали подаренный корабль, ей приходилось довольствоваться голограммами и устными рапортами.

Сейчас она никак не могла сосредоточиться. Обнаружив, что читает один и тот же абзац пятый раз, она швырнула доклад через каюту. Проклятый Род Блейн! Он был неправ, осаживая ее таким образом и заставляя думать о нем.

В дверь каюты постучали, и она торопливо открыла ее.

— Да… О, здравствуйте, мистер Реннер.

— Вы ждали кого-то другого? — лукаво спросил Реннер. — Ваше лицо вытянулось, когда вы меня увидели, и это не слишком лестно для меня.

— Простите. Нет, я не ждала никого другого. Вы что-то сказали?

— Нет.

— Мне показалось… Мистер Реннер, мне показалось, что вы сказали «отмирание».

— Вы над чем-то работаете? — спросил Реннер, окидывая взглядом каюту. Ее стол, обычно от-

личавшийся порядком, был завален бумагами, диаграммами и компьютерными распечатками. Один из докладов Хорвата лежал на полу возле переборки. Реннер сложил губы в нечто, что должно было означать полуулыбку.

Сэлли проследила за его взглядом и покраснела.

— Пожалуй, нет, — признала она. Реннер говорил ей, что собирается навестить Рода, и она ждала, когда он заговорит об этом. Ожидание затягивалось, и, наконец, она сдалась. — Ну, хорошо. Я ничего не делаю, а как он?

— Он — это мешок с битым стеклом.

— О!... — это заявление застало ее врасплох.

— Он потерял свой корабль и, конечно, находится в плохой форме. Послушайте, не позволяйте никому говорить вам, что потеря корабля подобна потере жены. Это не так. Это больше похоже на зрелище сожженной планеты, на которой вы жили.

— Вы думаете, я могу что-то сделать?

Реннер уставился на нее.

— Отмирание, как я и сказал. Конечно, вы можете кое-что сделать. Например, пойти и взять его за руку, или просто сесть с ним рядом. Если сидя рядом с вами он будет продолжать разглядывать

переборку, значит, его явно ударило по голове.

— Ударило? Он ранен?

— Разумеется, нет. Я имел в виду, что он, должно быть… Давайте лучше сменим тему. Просто пойдите и постучите в его дверь, хорошо? — Кевин вывел ее в коридор и, нисколько не заботясь о ее чувствах, потащил в его конец. Когда она удивленно уставилась на него, он указал ей на дверь. — А я пойду чего-нибудь выпью.

Ну, вот, подумала она. Торговые капитаны говорят аристократам, как они должны вести себя друг с другом… Однако, не было смысла стоять в коридоре. Она постучала.

— Войдите.

Сэлли быстро вошла.

— Привет, — сказала она. Блейн выглядел ужасно. И этот мешковатый мундир… что-то с ним нужно было делать. — Не заняты?

— Нет. Я как раз думал о том, что сказал мистер Реннер. Вы знаете, что глубоко в душе Кевин Реннер действительно верит в Империю?

Она посмотрела вокруг в поисках стула. Ничто не указывало на то, что он предложит ей сесть. Тогда она сделал это сама.

— Он офицер Военного Флота, разве не так? — Да, конечно, он поддерживает Империю, иначе

не прошел бы комиссии… но я имел в виду, что он действительно верит в то, что мы знаем, что делаем. Удивительно.

— А разве это не так? — неуверенно спросила она. — Если это не так, то все человечество в большой опасности.

— Об этом я и думал, — сказал Род. Все это выглядело довольно нелепо. Из множества тем, которые можно было обсудить с единственной девушкой на десять парсек, он выбрал политику. — Вы хорошо выглядите. Как вам это удается? Ведь вы должны были все потерять.

— Нет, у меня остались дорожные вещи. А платье я получила от мошкитов, помните? — не в силах сдержаться, она рассмеялась. — Род, если бы вы знали, как глупо выглядите в мундире капитана Михайлова! Вы в два раза меньше его по любому направлению. Нет уж, довольно! Пора браться за ум, Род Блейн! — и она скорчила строгую мину.

Это длилось мгновение, но она выиграла. Она поняла это, когда Род посмотрел вниз на огромные складки на тунике, сделанные им, чтобы она не очень походила на палатку. Он усмехнулся.

— Не думаю, чтобы мою кандидатуру можно было выставить на конкурс самых изысканно

одетых мужчин Двора, верно?

— Конечно, нет.

Они сидели молча, и она изо всех сил пыталась придумать тему для разговора. Почему ей так трудно говорить с ним? Дядя Бен говорил, что я слишком много говорю, а здесь я не могу придумать, о чем сказать.

— Так о чем же говорил мистер Реннер?

— Он напомнил мне о моем долге. Я и забыл, что он у меня еще есть. Полагаю, он был прав, и жизнь продолжается, даже для капитана, потерявшего свой корабль… — последовала очередная пауза, во время которой воздух, казалось, сгустился и стал более тяжелым.

Что же сказать теперь?

— Вы… вы были с «Мак-Артуром» долгое время?

— Три года. Два, как инженер-администратор, и один, как капитан. А теперь он погиб… Впрочем, лучше не начинать об этом. А чем занимаетесь сейчас вы?

— Вы уже спрашивали меня. Я изучаю данные с Мошки-1 и доклады с подаренного корабля… и думаю о том, что скажу, чтобы убедить адмирала взять послов мошкитов с собой. А мы должны убедить его, Род. Я хочу, чтобы было что-то еще,

о чем мы могли бы сказать, и чтобы было много времени после того, как мы покинем систему Мошки. — «И чтобы мы провели его вместе, теперь, когда „Мак-Артур“ погиб. Впрочем, не знаю. Неужели я обрадовалась уничтожению моего соперника? Нет, нельзя позволить, чтобы он хотя бы заподозрил об этих моих мыслях…» — А сейчас, Род, у нас так мало времени, и у меня вообще нет никаких мыслей…

Блейн коснулся пальцами утолщения на носу. Что касается времени, подумал он, пока уже перестать быть олицетворением печали и начать действовать, как будущий двенадцатый Маркиз.

— Хорошо, Сэлли. Посмотрим, с чем мы можем подойти к вопросу. Надеюсь, вы позволите Келли сервировать нам завтрак здесь?

Она широко улыбнулась.

— Мой лорд, вы можете быть обходительным.

ЖАЛОБА ТОРГОВЦА

Гораций Бари был несчастным человеком.

Если команде «Мак-Артура» было тяжело иметь с ним дело, то на «Ленине» все обстояло еще хуже. Экипаж его состоял из екатерининцев, имперских фанатиков, состоящих под началом адмирала и капитана с их родного мира. Даже Спартанское Братство имело меньшее влияние.

Бари знал об этом заранее, но испытывал постоянную необходимость контролировать свое окружение при любых обстоятельствах и ничего не мог с собой поделать.

Его статус на борту стал еще более двусмысленным, чем прежде. Капитан Михайлов и адмирал знали, что он был передан под личный контроль Блейну, не обвиненный ни в каком преступлении, но с запретом предоставления ему свободы. Михайлов решил эту проблему, назначив Бари прислугу из числа звездных пехотинцев, и поставив старшим над ними канонира Келли. Таким образом, когда бы Бари не покинул свою каюту, за ним по всему кораблю следовал хвост.

Он пытался поговорить с членами экипажа «Ленина» — но его выслушали всего несколько

человек. Возможно, они слышали слухи о том, что он может предложить, и боялись, что звездные пехотинцы «Мак-Артура» доложат об их интересе, а, может, подозревали его в измене и ненавидели за это.

Торговцу требовалось терпение, и Бари имел его больше, чем достаточно. И все-таки тяжело контролировать самого себя, когда ты не можешь контролировать ничего больше, когда ничего нельзя сделать, а нужно просто сидеть и ждать. Временами его взрывной характер находил себе разрядку в гневных воплях и крушении мебели, но никогда это не происходило публично. За пределами своей каюты Бари был спокоен, расслаблен и умело вел разговоры, подлаживаясь даже к адмиралу Кутузову.

Это дало ему доступ к офицерам «Ленина», но они были крайне официальны, и каждый раз, когда он хотел поговорить, вспоминали о каком-нибудь срочном деле. Бари довольно скоро обнаружил, что есть всего три безопасные темы: карточные игры, мошкиты и чай. Если

«Мак-Артур» заправлялся кофе, то двигатель «Ленина» работал на чае. И поклонники чая знали о предмете гораздо больше, чем поклонники кофе. Корабли Бари торговали чаем точно так

же, как и любыми другими товарами, которые покупали люди. Но сам Бари не возил его с собой и не пил.

Итак, Бари проводил бесконечные часы за столом на мостике, а

офицеры и с «Ленина» и с «Мак-Артура» предпочитали сидеть с ним в его каюте, заполненной гораздо меньше, чем офицерская кают-компания. Было довольно легко говорить с офицерами «Ленина» о мошкитах — хоть они и приходили группами, но были любопытны. После десяти месяцев, проведенных в системе Мошки, большинство из них никогда не видели мошкитов. Всем хотелось послушать о чужаках, и Бари был готов рассказывать.

Промежутки между робберами растягивались, когда Бари принимался оживленно говорить о мире мошкитов, о Посредниках, которые могли читать мысли, хотя и говорили, что это не так, о Зоопарке, о Замке, о поместьях баронов, выглядевших как укрепленные крепости — Бари, конечно же, отметил эту деталь. И каждый раз разговор переходил на опасности. Мошкиты не торговали оружием и даже не показывали его, потому что планировали нападение и старались сохранить свою сущность в тайне. Они заселили

«Мак-Артур» Домовыми — это было первое, что сделал первый же мошкит, которого они встретили — и эти коварно полезные и милые зверьки захватили корабль и едва не удрали на нем со всеми военными секретами Империи. Только бдительность адмирала Кутузова предотвратила это несчастье.

И, кроме того, мошкиты считали себя более разумными, нежели люди. Они смотрели на человечество как на зверей, которых можно приручить — если получится, лаской — превратив в еще одну касту, прислуживающую почти невидимым мастерам.

Он говорил о мошкитах и ненавидел их. Страшные сцены возникали у него в мозгу, иногда — когда он просто думал о мошкитах, и всегда — когда он пытался уснуть. Его преследовали кошмары о космических скафандрах и боевых доспехах. Они приближались к нему, и три пары крошечных глаз выглядывали через лицевую пластину. Иногда сон кончался тучей паукообразных шестилапых чужаков, умирающих в вакууме и плавающих вокруг человеческой головы — тогда Бари засыпал. Но иногда кошмар кончался тем, что Бари беззвучно кричал охране «Ленина», пока одетая в скафандр фигура прибли-

жалась к «Ленину». После этого Бари просыпался в холодном поту. Нужно было предупредить екатерининцев.

Они выслушали его, но не поверили, Бари чувствовал это. Они слышали его крик до того, как он попал на борт, слышали вопли по ночам и считали, что он сумасшедший.

Уже не единожды Бари благодарил Аллаха за Бакмена. Астрофизик был странным человеком, но Бари мог говорить с ним. Первое время «почетный караул» звездной пехоты, стоящий у дверей каюты Бари, удивлял Бакмена, но вскоре ученый перестал замечать их, как не замечал наиболее необъяснимых поступков своего приятеля.

Бакмен изучал работы мошкитов, касающиеся Глаза Мурчисона и Угольного Мешка.

— Отличная работа! Есть некоторые вещи, которые я хотел бы проверить лично, и, кроме того, меня не устраивают кое-какие их предположения… но этот чертов Кутузов не дает мне воспользоваться телескопом «Ленина».

— Бакмен, возможно ли, чтобы мошкиты были более интеллигентны, чем мы?

— Видите ли, те, с которыми я имел дело, сообразительнее большинства людей, которых я знаю. Скажем, мой зять… Впрочем, вы, конечно,

спрашиваете в целом, верно? — Бакмен задумчиво почесал челюсть. — Они работают быстрее, чем я, и делают работу чертовски хорошо, но они более ограничены, чем думают. За весь свой миллион лет они имели возможность изучить только две звезды.

Как видим, представления Бакмена об интеллигенции тоже были достаточно ограничены.

Вскоре Бари отказался от попыток предупредить Бакмена об угрозе со стороны мошкитов. По мнению Бари, он был безумен, впрочем, безумным Бакмена считали все.

Хвала Аллаху за Бакмена.

Прочие гражданские ученые были достаточно дружелюбны, но в отличие от Бакмена хотели от Бари только одного: анализа возможности торговли с мошкитами. Бари мог сделать его в девяти словах: Покончить с ними, пока они не покончили с нами! Даже Кутузов находил это суждение преждевременным.

Адмирал выслушал его достаточно вежливо, и Бари считал, что убедил его в том, что послы мошкитов должны быть оставлены здесь, что только идиоты, вроде Хорвата, могут взять врагов на борт единственного корабля, способного предупредить Империю о чужаках. Впрочем, полной

уверенности у него не было.

Все это являлось превосходной возможностью для проверки на практике терпения Горация Бари. Если его терпение давало трещину, знал об этом только Набил, а Набил не удивлялся.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

В офицерской кают-кампании «Ленина» висел портрет Императора. Изображение Леонида IX было окружено со всех сторон флагами Империи и боевыми знаменами и смотрело вниз на длинный стальной стол. Картины военных сражений из истории Первой и Второй Империй висели на всех переборках, а в одном углу перед иконой Св. Екатерины горела свеча. Имелась даже специальная вентиляционная система, чтобы поддерживать ее горение при нулевой силе тяжести.

Дэвид Харди не сумел сдержать улыбки при виде этой иконы. Мысль о подобной вещи на борту корабля с таким названием была довольно забавной; Харди полагал, что даже Кутузов ничего не знал об истории коммунизма — в конце концов, это было так давно — или же просто верх взяли его русские национальные симпатии. Наиболее вероятным было первое предположение, поскольку для большинства имперцев Ленин был героем из далекого прошлого, человеком, известным по легенде, но не более. Подобных было много: Цезарь, Иван Грозный, Наполеон,

Черчилль, Сталин, Вашингтон, Джефферсон, Троцкий, почти все они — современники друг для друга (для всех, кроме дотошных историков). Доатомная история имела тенденции к сжатию, если смотреть с такого большого расстояния.

Офицерская кают-кампания начала заполняться, когда ученые и офицеры, входя, занимали свои места. Звездные пехотинцы зарезервировали два места — одно во главе стола, второе справа от него, хотя Хорват пытался занять его. Министр по науке пожал плечами, когда звездный пехотинец возразил ему на быстром русском, и направился к другому концу, где вытеснил с места какого-то биолога, а затем попросил пересесть другого ученого, освободив место справа от себя, и предложил его Дэвиду Харди. Если адмиралу захотелось поиграть в престиж, пожалуйста, но Энтони Хорват тоже кое-что знал об этом вопросе.

Он смотрел, как собирались остальные. Каргилл, Синклер и Реннер вошли вместе. Затем появились Сэлли Фаулер и капитан Блейн… Странно, подумал Хорват, что Блейн входит теперь в переполненную комнату вообще без всяких церемоний. Звездный пехотинец указал им места слева от адмиральского, но Род и Сэлли сели в середине. Он может позволить себе это,

подумал Хорват. Он был рожден для этой должности. Что ж, мой сын тоже будет таким. Моей работы в этой экспедиции будет достаточно, чтобы внести меня в очередной почетный список…

— Внимание!

Офицеры встали, так же как и большинство ученых. Хорват на мгновение задумался, потом тоже встал. Он посмотрел на дверь, ожидая увидеть адмирала, но там был только капитан Михайлов. Итак, нам придется пройти через это дважды, подумал Хорват.

Однако, адмирал одурачил его. Он появился, как только Михайлов добрался до своего места, и буркнул:

— Продолжайте, джентльмены, — так быстро, что у звездного пехотинца не было никакой возможности объявить его приход. Если кое-кто и хотел осадить Кутузова, им нужно было ждать другого случая.

— Командор Борман начинает извлечение из экспедиционного задания,

— холодно сказал Кутузов.

— Раздел двенадцать. Военный совет. Параграф первый. Вице-адмирал, командующий экспедицией, должен спрашивать совета у научного персонала или старших офицеров «Мак-Арту-

ра», за исключением случаев, когда задержка с принятием решения может поставить под угрозу безопасность линкора «Ленин».

— Параграф второй. Если старший ученый этой экспедиции не согласен с Вице-адмиралом, он может потребовать официального Военного совета. Старший ученый может…

— Этого достаточно, командор Борман, — сказал Кутузов. — В соответствии с этими распоряжениями и по официальному требованию министра по науке Хорвата этот Военный совет созван для обсуждения вопроса о чужаках, попросивших доставить их в Империю. Вся процедура будет записана. Министр Хорват, если вы готовы, можете начинать.

Красота, подумала Сэлли. Атмосфера напоминает алтарь святого Петра во время Мессы в Новом Риме. Эти формальности должны запугать любого несогласного с Кутузовым.

— Благодарю вас, адмирал, — вежливо сказал Хорват. — Учитывая то, что заседание может быть долгим — в конце концов, мы обсуждаем решение проблемы, которое может оказаться самым важным из принятых нами — полагаю, нам не помешают закуски и напитки. Капитан Михайлов, могут ваши люди предложить нам кофе?

Кутузов нахмурился, но причин отказать в просьбе не было.

Кроме того, просьба разрядила обстановку в комнате. Со стюардами, суетящимися вокруг, запахами кофе и чая в воздухе, испарилась большая часть официальности, на что и рассчитывал Хорват.

— Спасибо, — поблагодарил Хорват. — Как нам известно, мошкиты попросили нас перевести троих их послов в Империю. Это посольство имеет все полномочия представлять цивилизацию мошкитов, подписывать договоры о дружбе и торговле, принимать решения о совместных научных разработках… думаю, можно не продолжать. Полагаю, преимущества от представления их Вице-Королю должны быть очевидны. Вы согласны?

Послышалось согласное бормотание. Кутузов сидел прямо, его темные глаза под кустистыми бровями сузились, лицо напоминало маску, вылепленную из красной глины.

— Да, — сказал Хорват. — Думаю, очевидно также и то, что при любой возможности мы должны проявлять по отношению к послам мошкитов всю возможную учтивость. Вы не согласны, адмирал Кутузов?

Попался в свою собственную ловушку, подумала Сэлли. Все это записано, и он должен понимать это.

— Мы потеряли «Мак-Артур», — грубовато сказал Кутузов. — У нас есть только один этот корабль. Доктор Хорват, вы присутствовали на конференции, когда Вице-Король Меррилл планировал эту экспедицию?

— Да…

— Меня там не было, но мне рассказали об этом. Разве тогда не говорилось, что чужаки не должны попасть на борт этого корабля? Я имею в виду прямой приказ Вице-Короля.

— Ну… да, сэр. Но контекст делал понятным, что он имеет в виду. Ни один чужак не должен был попасть на борт «Ленина», поскольку было вполне вероятно, что они поведут себя враждебно. Таким образом, независимо от их действий, «Ленин» должен был оставаться в безопасности. Но сейчас-то мы знаем, что мошкиты не враждебны. В конце экспедиционного задания Его Высочество оставляет это решение на ваше усмотрение — там нет запрещения, подобного тем, что имеются в книге приказов.

— И все-таки это оставлено на мое усмотрение, — триумфально сказал Кутузов. — Я не вижу,

чем это отличается от устных инструкций. Капитан Блейн, вы были при этом разговоре. Скажите, разве не верно, что Его Высочество сказал: «Ни при каких обстоятельствах чужаки не должны попасть на борт „Ленина“?»

Блейн с трудом глотнул.

— Это так, сэр, но…

— Думаю, что вопрос исчерпан, — сказал адмирал.

— О, нет, — вмешался Хорват. — Капитан Блейн, вы хотели что-то сказать. Сделайте это.

Кают-кампания замерла. Сделает ли он это, подумала Сэлли. А что может сделать ему Царь? Он может затруднить ему службу на Флоте, но…

— Я только хотел сказать, адмирал, что Его Высочество не столько отдавал приказы, сколько планировал общую линию поведения. Думаю, что если бы он намеревался связать вас ими, то не оставлял бы вам свободу действий, сэр. Он внес бы это в книгу приказов.

Слава Богу! — мысленно зааплодировала Сэлли.

Зрачки глаз Кутузова сузились еще больше. Он сделал стюарду знак подавать чай.

— Я думаю, в вашем решении есть недооценка доверия Его Высочества,

— сказал Хорват. Это прозвучало неискренне, и он тут же понял это. Ему требовалась чья-нибудь поддержка — Харди или Блейна — но оба были слишком независимы, и Хорват побоялся обрабатывать их перед этим собранием.

Адмирал улыбнулся.

— Спасибо. Возможно, он доверял мне больше, чем вы, доктор. Итак, вы продемонстрировали, что я действую против явно выраженных желаний Вице-Короля. Разумеется, я не поступлю так легкомысленно, и вы еще можете убедить меня в необходимости такого поступка. Следующая экспедиция может доставить послов еще раз.

— Но пошлют ли они кого-нибудь после такого оскорбления? — буркнула Сэлли, и все посмотрели на нее. — Адмирал, мошкиты просят не так уж много. И их просьба вполне разумна.

— Вы думаете, что они обидятся, если мы им откажем?

— Я… адмирал, я не знаю. Может быть, обидятся. И очень.

Кутузов кивнул, как если бы понимал это.

— Возможно, это меньший риск, леди, — оставить их здесь. Командор Каргилл, вы подготовили о, о чем я вас просил?

— Да, сэр, — бодро ответил Джек Каргилл. — Ад-

мирал просил меня оценить военный потенциал мошкитов, предположив, что они владеют секретом Драйва и Поля. Я изобразил это на графике… — он сделал знак младшему офицеру, и на экране интеркома офицерской кают-кампании появился чертеж.

Поначалу кривые шли круто вверх, показывая превращение пассажирских и грузовых кораблей мошкитов в военные суда, затем сглаживались, и снова начинали подниматься.

— Как видите, угроза достаточно высока, — сказал Каргилл. — В течение двух лет мошкиты могут собрать флот, способный бросить вызов всему Военному Флоту Империи.

— Это просто смешно! — запротестовал Хорват.

— О, нет, сэр, — ответил Каргилл. — Я был вполне умерен в своей оценке их индустриальных возможностей. У нас имеются счетчики нейтрино и объективная оценка их энергетических ресурсов — количество ядерных реакторов, термальная производительность… причем, эффективность я считал не выше нашей, хотя подозреваю, что она превосходит ее. Как известно, у них нет недостатка в опытных рабочих.

— А где они возьмут металлы? — спросил Де Вандалья. Геолог казался сбитым с толку. — Они

выбрали все, что было на планете и, если верить их словам, на астероидах тоже.

— Переработка имеющегося материала. Предметы роскоши, излишние транспортные средства. Уже сейчас у каждого Мастера есть множество машин и грузовиков, которые можно объединить. Им придется обойтись без некоторых вещей, но не забывайте — все металлы со всей планетной системы Мошки уже извлечены, — Каргилл говорил очень бойко, как будто ждал подобных вопросов. — Флот потребует много металла, но это не так много в сравнении со всеми индустриальными ресурсами цивилизации.

— Ну, хорошо, — фыркнул Хорват. — Поздравляю с чудесными способностями к оценке. Но какого дьявола вы называете эту оценку угрожающей? Мошкиты не являются угрозой.

Каргилл посмотрел на него, как на назойливую муху.

— Это технический термин. Слово «угроза» подразумевает способность…

— Но не намерение. Вы сами говорили мне об этом. Адмирал, все это означает, что если мы будем вежливы с их послами, им не придется бросать все силы на строительство военных

кораблей.

— Это не моя компетенция, — сказал Кутузов. Сейчас он выглядел менее повелительным, его голос стал более мягким, то ли потому, что он хотел убедить остальных, то ли оттого, что почувствовал себя более уверенным. — По-моему, это означает, что мы должны принять все меры предосторожности и не допустить, чтобы мошкиты овладели секретом Поля Лэнгстона.

Последовало долгое молчание. Графики Каргилла были пугающими в своей простоте. Флот мошкитов был потенциально больше, чем все, что могли выставить мятежники в этом секторе.

— Род… он прав? — спросила Сэлли.

— Цифры верны, — мрачно буркнул Блейн. — Но… хорошо, — он заговорил громче: — Адмирал, я не уверен, что, даже приняв все меры, мы защитим Поле.

Кутузов повернулся к нему и выжидающе посмотрел.

— Во-первых, сэр, — осторожно подбирая слова, продолжал Род, — есть риск, что мошкиты уже получили этот секрет. От Домовых, — боль исказила лицо Рода, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не коснуться пальцем носа. — Я в это не верю, но это возможно. Во-вторых,

они могли получить его от пропавших гардемаринов. И Уайтбрид, и Стели знали достаточно, чтобы обеспечить им хороший старт…

— А мистер Поттер знал еще больше, — поддержал его Синклер. — Он был очень способным парнем, сэр.

— Значит, и от Поттера тоже, — сказал Род. — Я не верю, что такое случилось, но это могло произойти.

— Нелепость…

— Такой же параноик, как и Царь…

— Они мертвы…

Несколько гражданских заговорили одновременно. Сэлли было интересно, что сделает Род, но она сидела тихо.

— И, наконец, мошкиты знают, что Поле существует. Все мы видели, что они могут делать — поверхности без трения, различная проницаемость, перестройка молекулярных структур. Вспомните, что сделали Домовые с генератором «Мака»! Адмирал, они знают, что Поле можно получить, и вопрос, когда их Инженеры создадут его, остается только вопросом времени. Таким образом, при всей важности защиты наших технологических секретов, нельзя ограничиваться только этим суждением.

Вокруг стола послышался возбужденный шепот, но адмирал не слушал его. Он, казалось, обдумывал сказанное Родом.

Хорват хотел было заговорить, но сдержался. Блейну первому удалось произвести видимое впечатление на адмирала, к тому же Хорват был достаточным реалистом, чтобы понимать — все, что он предложит, будет автоматически отброшено. Он тронул локтем Харди.

— Дэвид, не могли бы вы сказать что-нибудь? — умоляюще спросил он.

— Мы можем предпринимать любые меры предосторожности, — заметила Сэлли. — Они приняли историю о чуме, независимо от того, поверили в нее или нет. По их словам, послы ожидают карантина, и уж, конечно, они не избегнут внимания вашей службы безопасности, адмирал. К тому же пребывание их на борту будет недолгим, ведь мы можем прыгнуть сразу, как они прибудут.

— Это верно, — задумчиво сказал Харди. — Конечно, мы можем разозлить мошкитов еще больше, приняв их послов.... и никогда не вернув их.

— Мы не сделаем такого! — запротестовал Хорват.

— Это вполне возможно, Энтони. Будьте реалистом. Если Его Высочество решит, что мошкиты опасны, а Военный Флот решит, что они знают слишком много, им никогда не позволят вернуться.

— Так значит, риска вообще нет, — быстро сказала Сэлли. — Не может быть никакой угрозы «Ленину» от мошкитов, заключенных в карантине. Адмирал, я уверена, что меньший риск — это принять их. Таким образом мы не будем рисковать оскорбить их, пока принц Меррилл — или Его Величество — не примут решения о наших будущих отношениях.

— Гмм, — Кутузов отхлебнул чаю. Глаза его выражали интерес. — Вы умеете убеждать, леди. И вы тоже, капитан Блейн, — он сделал паузу. — Мистера Бари не приглашали на это совещание. Думаю, что пришло время послушать его. Боцман, приведите Его Превосходительство в кают-кампанию.

— Есть, адмирал!

Они стали ждать. Молчание нарушала дюжина разговоров, шепотом ведущихся вокруг стола.

— Род, вы были блестящи, — поздравила Сэлли и пожала ему руку под столом. — Спасибо.

Вошел Бари, сопровождаемый неизбежны-

ми звездными пехотинцами. Кутузов знаком отпустил их, и они вышли, оставив торговца в комнате. Каргилл встал и уступил ему место за столом.

Бари внимательно выслушал, как командор Борман суммировал все аргументы. Если его и удивило услышанное, он не показал виду, его лицо по-прежнему выражало вежливый интерес.

— Я прошу совета, Ваше Превосходительство, — сказал Кутузов, когда Борман закончил. — Признаться, я не хотел бы видеть этих существ на борту этого корабля, и все-таки, если они не угрожают безопасности «Ленина», нет оснований отказывать в просьбе министра по науке Хорвата.

Бари погладил бороду, пытаясь собраться с мыслями.

— Вы знаете, что, по-моему, мошкиты могут читать мысли?

— Это смешно! — фыркнул Хорват.

— Едва ли это смешно, доктор, — сказал Бари. Голос его звучал спокойно. — Возможно, это невероятно, и все-таки есть доказательства существования этого отсутствующего у людей качества. — Хорват начал что-то говорить, но Бари продолжал: — Разумеется, это не решающее

доказательство, но все-таки. К тому же, под чтением мыслей не обязательно подразумевается телепатия. Вспомните: мошкиты настолько преуспели в изучении отдельных людей, что могли буквально играть роль человека, и играть так хорошо, что его друзья не могли заметить различия. Только появление в пределах видимости выдает их. Сколько раз вам приходилось видеть рядовых и звездных пехотинцев, автоматически повинующихся мошкитам, имитирующих офицеров?

— Это еще не доказательство, — сказал Хорват. Едва ли можно было спорить с этим — то, что говорил Бари, было известно всем.

— Таким образом, посредством ли телепатии или полным отождествлением себя с человеком, они читают мысли и, следовательно, умеют убеждать лучше всех существ, с которыми мы когда-либо встречались. Они точно знают, что движет нами, и подбирают аргументы, которые действуют наверняка.

— Ради всего святого! — взорвался Хорват. — По-вашему, они могут убедить нас отдать им «Ленин»?

— А вы уверены, что не могут? Уверены, доктор?

Дэвид Харди откашлялся. Все повернулись в

его сторону, и священник смутился. Потом улыбнулся.

— Я всегда знал, что изучение классиков имеет свою ценность. Кто-нибудь из вас знаком с «Республикой» Платона? Ну, конечно, нет. Так вот, на первой странице Сократу, уверенному, что он умеет убеждать лучше всех живущих, его друзья говорят, что либо он останется с ними на всю ночь, либо они заставят его сделать это силой. Сократ, конечно, спрашивает, нет ли какой-нибудь альтернативы — не может ли он убедить их отпустить его домой. Разумеется, ему не удалось этого сделать, потому что друзья не слушали его.

Последовала короткая пауза.

— О, ну конечно! — сказала Сэлли. — Если мошкиты никогда не встречали ни адмирала Кутузова, ни капитана Михайлова, ни вообще никого из экипажа «Ленина», как они могут убедить их в чем-либо? Надеюсь, мистер Бари не воображает, что они убеждали команду «Мак-Артура» молча?

Бари пожал плечами.

— Моя леди, при всем уважении к вам, представляете ли вы, что могут предложить мошкиты? Нечто более ценное, чем существующее в Империи. Люди продавались за гораздо менее…

Ты сам и способствовал этому, подумала Сэлли.

— Если они так хороши, то почему до сих пор не сделали этого? — голос Кевина звучал насмешливо и непочтительно. В ожидании увольнения по возвращению на Новую Шотландию Реннер мог позволить себе любой поступок.

— Вероятно, пока им это не требовалось, — сказал Бари.

— Скорее, они просто не могли этого сделать, — парировал Реннер. — К тому же, если они могут читать мысли, то уже знают все наши секреты. Они работали с Синклером, который знает, как починить все, имеющееся в Военном Флоте, они назначили финч'клик' Лорду Блейну, которому известны все политические секреты…

— Они никогда не были в прямом контакте с капитаном Блейном, — напомнил ему Бари.

— Зато они имели мисс Фаулер, — Реннер хихикнул над невольной шуткой, — которая знает об имперской политике больше большинства из нас. Мистер Бари, мошкиты хороши, но не настолько, чтобы убеждать или читать мысли.

— Я склонен согласиться с мистером Реннером, — добавил Харди. — Хотя, конечно, предосторожности, предложенные мисс Фаулер, должны

быть приняты. Скажем, допустить до контактов с чужаками только нескольких лиц, например, меня. Сомневаюсь, чтобы им удалось подкупить меня, но даже если это произойдет, у меня нет власти. Затем мистера Бари, если он согласится. К ним не следует допускать доктора Хорвата, а также любого ученого, имеющего дело со сложным оборудованием. Кроме того, никаких рядовых команды и звездных пехотинцев, за исключением случаев, когда это происходит под надзором — и прямым, и по интеркому. Это может быть тяжело для мошкитов, но, думаю, так мы сведем опасность для «Ленина» к минимуму.

— Гмм… Мистер Бари? — спросил Кутузов.

— Но… я же говорю вам, что они опасны! Их технологические способности таковы, что верить им нельзя! Кто знает, что они могут сконструировать из безвредных предметов? Оружие, коммуникаторы, что-либо для бегства… — спокойствие Бари испарилось, и он изо всех сил старался сдерживать себя.

— Я снимаю предложение, чтобы мистеру Бари был позволен доступ к мошкитам, — сказал Харди. — Сомневаюсь, что они переживут этот эксперимент. Примите мои извинения, Ваше Превосходительство.

Бари что-то пробормотал по-арабски, слишком поздно вспомнив, что Харди — лингвист.

— О, безусловно, нет, — с улыбкой сказал Харди. — Я знаю своих предков гораздо лучше вас.

— Я вижу, адмирал, — сказал Бари, — что был недостаточно убедителен. Прошу прощения, хотя у меня не было других мотивов, кроме благополучия Империи. Если бы меня интересовала только выгода… Я не принижаю торгового потенциала мошкитов и ценности того, что можно получить от них, но я считаю их величайшей опасностью для человечества, с которой мы столкнулись.

— Да, — решительно сказал Кутузов. — С этим мы, пожалуй, можем согласиться, если добавить одно слово: потенциальной опасностью, Ваше Превосходительство. Мы здесь обсуждали, как сделать риск наименьшим и, если опасности для «Ленина» нет, я убежден, что меньший риск — это перевести послов, соблюдая условия, предложенные священником Харди. Доктор Хорват, вы согласны?

— Если это единственный способ взять их с собой, то да. Я считаю, что стыдно обращаться с ними таким образом… Да!

— Капитан Блейн, вы согласны?

Блейн погладил переносицу.

— Да, сэр. Взять их с собой будет меньшим риском. Если мошкиты и представляют угрозу, доказать это мы не сможем, но, может быть, узнаем что-нибудь от послов.

— Леди?

— Я согласна с доктором Хорватом…

— Благодарю, — Кутузов выглядел так, словно проглотил лимон. Лицо его сморщилось, как в агонии. — Капитан Михайлов, вы должны приготовиться к содержанию мошкитов в изоляции. Предлог — опасность чумы. Кроме того, вы должны следить, чтобы они не могли удрать. Капитан Блейн, вы сообщите мошкитам, что мы возьмем их послов на борт, но вполне возможно, что они не захотят отправить их, узнав условия, на которых мы настаиваем. Никаких инструментов. Никакого оружия. Багаж будет осмотрен, опечатан и недоступен для них в течение всего полета. Никаких малышей или других низших каст, только послы. Сообщите им об этом в какой угодно форме, но условия эти изменению не подлежат, — Кутузов резко встал.

— Адмирал, а что с подаренным кораблем? — спросил Хорват. — Нельзя ли нам взять… — тут его голос потерялся в поднявшемся гомоне. Гордо шествуя, адмирал покинул кают-кампанию.

ПРЫЖОК БЕЗУМНОГО ЭДДИ

Кутузов называл это место точкой Олдерсона, но беженцы с

«Мак-Артура» предпочитали название «Точка Безумного Эдди», и кое-кто из команды «Ленина» перенял у них эту привычку. Она находилась под плоскостью системы Мошки, и обычно найти ее было нелегко. Однако, на этот раз не должно было возникнуть никаких проблем.

— Представьте себе траекторию корабля мошкитов, пересекающего прямую линию между Мошкой и Глазом Мурчисона, — сказал Реннер капитану Михайлову. — И это будет достаточно близко к цели, сэр.

— У них такая точная навигация? — недоверчиво спросил Михайлов.

— Да. Вас это может довести до безумия, но они могут это. Предлагаю постоянное ускорение.

— От Мошки в эту точку направляется еще один корабль, — сказал Кутузов. Он протянул руку мимо капитана Михайлова, подрегулировал экраны мостика, и перед ним вспыхнули векторы направлений.

— Это корабль с топливом, — уверенно сказал

Реннер. — Я готов держать пари на что угодно, что корабль с послами яркий, прозрачный и настолько явно безвредный, что никто не сможет его ни в чем заподозрить, сэр.

— Вы имеете в виду, что этого не сделаю даже я? — сказал Кутузов, и Реннер не заметил на его лице ни следа улыбки. — Спасибо, мистер Реннер. Продолжайте помогать капитану Михайлову.

Троянские астероиды остались позади. Все ученые на борту мечтали добраться до телескопов «Ленина», чтобы изучить эти астероиды, и адмирал не стал протестовать. Было не совсем ясно, сделал ли он это, потому что боялся неожиданной атаки с астероидов, или же заразился стремлением гражданских узнать что-то новое о мошкитах, но у Бакмена и остальных появился шанс.

Впрочем, Бакмен вскоре потерял к ним интерес. Астероиды были явно цивилизованы, и их орбиты были изменены, так что знания эти ничего не стоили. Остальные не разделяли его точки зрения. Они наблюдали за вспышками ядерных двигателей мошкитов, измеряли потоки нейтрино от энергетических станций, разглядывали пятна света, оттенявшие темные полосы вокруг зеленых хлорофилловых полос и удивлялись. Единственным возможным выводом

было то, что огромные плантации находятся под куполами. И на каждом астероиде, достаточно большом, чтобы его можно было заметить, имелся характерный одиночный кратер, убедительно доказывающий, что астероид перемещался.

Но однажды интерес вернулся к Бакмену. Делая одолжение Хорвату, он изучал орбиты астероидов, когда глаза его вдруг вспыхнули. Он лихорадочно ввел в компьютер какие-то данные и подождал результата.

— Невероятно…

— Что невероятно? — терпеливо спросил Хорват.

— Каменный Улей был мертвенно холоден.

— Да, — у Хорвата уже имелся опыт вытягивания информации у Бакмена.

— Предположим, что остальные астероиды тоже. Я верю в это. Эти орбиты совершенны… можете продлевать их взад и вперед на сколько угодно, и они никогда не столкнуться. Эти камни должны быть здесь уже долгое время.

Хорват вышел, разговаривая сам с собой. Действительно, насколько стара эта астероидная цивилизация? Бакмен думал в масштабах жизни звезд! Ничего удивительного, что Каменный Улей холоден: мошкиты не корректируют орбиты.

Они просто выводят астероиды туда, где хотят их видеть.

Ну, что же, подумал он, пора возвращаться на подаренный корабль. Вскоре нам придется оставить его… Интересно, добился ли Блейн какого-нибудь успеха?

Род и Сэлли в этот момент беседовали с адмиралом. Они собрались на мостике: насколько было известно Роду, никто, кроме адмирала и его стюарда, никогда не бывал в каюте Кутузова. Возможно, там не бывал и сам адмирал, поскольку казалось, что он постоянно находится на мостике, разглядывая экраны, подобно маньяку-наблюдателю, вечно выискивающему признаки измены.

— Очень жаль, — говорил Кутузов. — Этот корабль должен быть весьма ценным. Однако, мы не можем рисковать и брать его на борт. Кто знает, для чего служат его механизмы? К тому же имея на борту мошкитов… — Кутузов пожал плечами.

— Да, сэр, — вежливо согласился Род. Он сомневался, что подаренный корабль несет угрозу, однако, на нем имелись агрегаты, назначения которых не понимал даже Синклер. — Но я думал о некоторых других вещах. Небольших частях. Скажем, статуэтки, которые так нравятся священ-

нику Харди. Мы можем залить все пластиком, поместить в запаянные стальные контейнеры и разместить на корпусе, внутри Поля. Если у мошкитов найдется что-либо, что повредит нам после всех этих предосторожностей, нам, пожалуй, лучше вообще не возвращаться домой.

— Гмм, — адмирал коснулся пальцем бороды. — Вы верите, что эти вещи ценны?

— Да, сэр, — когда Кутузов говорил «ценный», он имел в виду нечто отличное от того, что подразумевали под этим словом Сэлли и Хорват. — Чем больше мы узнаем о технологии мошкитов, тем лучше мы с Каргиллом сможем оценить угрозу с их стороны.

— Да. Капитан, я хотел бы услышать ваше мнение. Что вы думаете о мошкитах?

Сэлли с трудом сдержала себя. Ей было интересно, что скажет Род. Он уже доказал, что является абсолютным гением в общении с адмиралом.

Род пожал плечами.

— Я согласен и с доктором Хорватом, и с вами, сэр. — Когда глаза Кутузова расширились от удивления, Род торопливо добавил: — Они могут быть и потенциальной опасностью, величайшей из всех, с которыми мы сталкивались, и величайшим счастливым случаем, подвернувшимся нам.

А может, и тем, и другим. В любом случае, чем больше мы о них знаем, тем лучше — учитывая, конечно, принятые предосторожности.

— Угу. Капитан, я ценю ваше мнение. Если я дам разрешение, примете ли вы на себя персональную ответственность за нейтрализацию любой угрозы от артефактов мошкитов, взятых с этого корабля? Мне нужно не просто ваше повиновение, я хочу вашего сотрудничества и вашего слова, что вы не будете рисковать.

Это не добавит мне популярности у Хорвата, подумал Род. Поначалу министр по науке будет рад, что может взять хоть что-то, но вскоре он захочет чего-нибудь такого, в чем я не буду уверен.

— Да, сэр. Я должен отправиться туда и увидеть все лично. И… мне необходима мисс Фаулер.

Глаза Кутузова сузились.

— Да? Вы будете отвечать за ее безопасность?

— Разумеется.

— Очень хорошо. Вы свободны.

Пока Род и Сэлли уходили с мостика, командор Борман удивленно посмотрел на своего адмирала. Он не мог понять, видел ли он улыбку. Нет, конечно же, нет. Это было просто невозможно.

Если бы в этот момент здесь присутствовал офицер более высокого ранга, чем Блейн, Кутузов

мог бы объясниться, однако, он не собирался обсуждать капитана — и будущего маркиза — с Борманом. То, что он мог сказать, звучало бы примерно так: «Чтобы поддержать активность Блейна, стоило рискнуть мисс Фаулер. Он хороший офицер, если не думает много». Пусть Кутузов никогда не покидал мостика, но моральное состояние подчиненных было его обязанностью, и как ко всяким обязанностям, он относился к этому серьезно.

Разумеется, немедленно начались конфликты. Хорват хотел все и полагал, что Род просто не желает тревожить адмирала. Когда же он понял, что Род относится к своему обещанию серьезно, его медовый месяц кончился. Он испытывал что-то среднее между гневом и страхом, когда люди Блейна начали разбирать подаренный корабль, разрезая на части хрупкие агрегаты и пакуя их в пластиковые контейнеры.

Для Рода это было время возвращения к полезной деятельности, и на этот раз — в обществе Сэлли. Когда не было работы, они говорили часами. Они пили бренди и приглашали к себе священника Харди. Слушая споры Сэлли и Харди о теоретических тонкостях культурного развития, Род начал учиться кое-чему из области

антропологии.

Когда они добрались до точки Безумного Эдди, Хорват почти впал в неистовство.

— Вы нисколько не лучше адмирала, Блейн, — глядя, как техник подносит режущее пламя к агрегату, генерировавшему сложное поле, изменявшее молекулярную структуру еще одного магического кофейника. — У нас уже есть один такой на борту «Ленина». Чем может повредить еще один?

— Тот, что у нас на борту, мошкиты делали, не зная, что он окажется на борту линкора, — ответила Сэлли. — И этот отличается от того…

— Все, что делают мошкиты, отличается друг от друга, — фыркнул Хорват. — А вы еще более осторожны, чем Блейн. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Сэлли сдержанно улыбнулась и подкинула монету.

— Пожалуй, разрежьте это и здесь тоже, — сказала она технику.

— Да, мисс, — мужчина передвинул резак начал снова.

— О!… — подавленный Хорват отправился на поиски Харди. Священник взял на себя роль миротворца, и это было хорошо, поскольку без него

связь с катером прервалась бы в течение часа.

Техник закончил срезать устройство и уложил его в подготовленный ящик. Залив его пластиком, он запечатал крышку.

— Снаружи находится стальной ящик, сэр. Я пойду заварю его.

— Хорошо, продолжайте, — сказал ему Блейн. — Я осмотрю все позднее, — когда мужчина покинул помещение, он повернулся с Сэлли: — Знаете, я никогда не обращал внимания, но ведь Хорват прав. Вы действительно более осторожны, чем я. Почему?

Сэлли пожала плечами.

— Не тревожьтесь об этом.

— Что ж, не буду.

— Вот это и есть протозвезда Бакмена, — сказала она, погасила свет, взяла его за руку и подвела к иллюминатору. — Мне никогда не надоедает смотреть на нее.

Некоторое время, пока их глаза привыкали к темноте, Угольный Мешок казался бесконечной чернотой. Затем стала появляться краснота, и вот уже видны маленькие красные водовороты на черном фоне.

Они стояли очень близко. В последнее время так бывало часто, и Роду это нравилось. Он провел

пальцами по ее спине, а потом мягко погладил под правым ухом.

— Скоро вам придется говорить с послами мошкитов, — сказала она. — Вы уже решили, что скажете им?

— Более-менее. Возможно, стоило бы предупредить их… хотя способ адмирала может быть безопаснее.

— Сомневаюсь, чтобы в этом была какая-то разница. А все-таки хорошо будет вернуться туда, где много звезд! Интересно… Род, как по-вашему, на кого будут похожи послы мошкитов?

— Понятия не имею. Думаю, мы скоро это узнаем. Вам не кажется, что вы слишком много говорите?

— То же самое говорит мне дядя Бен.

После этого они долго стояли тихо.

— Внимание! Они прибывают!

— ОТКРЫТЬ ДВЕРИ АНГАРНОЙ ПАЛУБЫ! ВЫДВИНУТЬ ЛИНЕЙНЫЕ СТАПЕЛЯ!

— ПОДГОТОВИТЬ ЛЕБЕДКИ.

Шлюпка скользнула в утробу корабля. Вторая шлюпка — с багажом — ждала своей очереди: все, включая вакуумные скафандры мошкитов, было переправлено на нее. Пассажирская шлюпка, лязгнув, опустилась на стальную палубу.

— Экипаж, ВНИМАНИЕ!

— Звездная пехота, НА КАРАУЛ.

Воздушный шлюз открылся, и тут же грянул целый хор боцманских дудок. Появилось коричнево-белое лицо. Затем второе. Когда два Посредника были уже снаружи, появился третий мошкит.

Он был чисто-белый с шелковистыми пучками волос под мышками и серыми вокруг лица и торса.

— Старейший Мастер, — прошептал Блейн Сэлли. Она кивнула. Действие космических лучей на волосяные сумки мошкитов ничуть не отличалось от воздействия на волосы человека.

Хорват, стоящий в конце линии звездных пехотинцев, вышел вперед.

— Добро пожаловать на корабль, — сказал он. — Я очень рад видеть вас… Это исторический момент.

— Мы надеемся, что для обеих рас, — сказал первый Посредник.

— От имени Военного Флота приветствую вас на борту, — сказал Род.

— Я должен еще раз извиниться за карантинные предосторожности, но…

— Не беспокойтесь об этом, — сказала одна из

мошкит. — Меня зовут Джок. А это Чарли, — она указала на второго Посредника. — Эти имена достаточно удобны — вы не смогли бы произнести наших настоящих, — она повернулась к белому мастеру и прощебетала что-то, закончив словами «Капитан Родерик Блейн и министр Энтони Хорват», затем вновь повернулась к людям. — Мой лорд, министр Хорват, я представляю посла. Он просит, чтобы его звали Иван.

Род поклонился. Он никогда не видел мошкитов лицом к лицу и сейчас испытывал неудержимое желание погладить его мех. Белый мужчина…

— Почетный караул проводит вас к вашим квартирам, — сказал Род. — Надеюсь, они окажутся достаточно большими. Это две смежные каюты. — И четыре ругающихся офицера, которых выселили из них. Круги от этого перемещения расходились во все стороны до тех пор, пока один младший лейтенант не оказался в кают-кампании гардемаринов «Ленина».

— Одной каюты должно быть достаточно, — спокойно сказала Чарли. — Нам не требуется уединение. Это не относится к числу требований наших видов, — в голосе Чарли было что-то знакомое, и это беспокоило Рода.

Мошкиты дружно поклонились, идеально ко-

пируя поведение придворных, и Род удивился, где они научились этому. Он вернул поклон, так же, как Хорват и прочие, находившиеся на ангарной палубе, затем одно отделение звездной пехоты вышло вперед, возглавляя процессию, второе замыкало ее. Священник Харди должен был ждать их в одной из кают.

— Мужчина, — буркнула Сэлли.

— Интересно. Посредники называют его «Посол», хотя мошкиты подразумевали равные права для всех троих. Нужно спросить, не собираются ли они и договоры подписывать одновременно все трое…

— Возможно, эти Посредники не являются его Посредниками, — сказала Сэлли. — Я спрошу у них… наверняка мне представится случай. Род, вы уверены, что мне нельзя идти с ними? Прямо сейчас?

Он улыбнулся.

— У вас еще будет возможность. А сейчас пусть ее получит Харди.

Ангарная палуба быстро опустела. Сейчас ни на ней, ни на шлюпках, встречавших корабль мошкитов, не было ни одного человека экипажа «Ленина». Грузовая шлюпка была втянута лебедками на место и опечатана.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ОЛДЕРСОН ДРАЙВ. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА.

— А он не теряет время, верно? — сказала Сэлли.

— Точно. Нам лучше поторопиться, — он взял ее за руку и повел к своей каюте, тогда как «Ленин» начал замедлять свое вращение до нулевой гравитации. — Полагаю, что мошкиты не нуждаются во вращении, — сказал он, когда они добрались до двери каюты. — Но таков уж адмирал. Если уж вы собрались что-то делать, то делайте это хорошо…

— ПРИГОТОВИТЬСЯ К ОЛДЕРСОН ДРАЙВ. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА.

— Входите, — поторопил Род. — У нас еще есть время, чтобы вызвать каюту мошкитов по интеркому, — он принялся щелкать переключателями, пока на экране не появилось жилище мошкитов.

Говорил священник Харди.

— Если вам что-то будет нужно, у вашей двери всегда будут дежурить дневальные, а эти кнопки и выключатель соединят вас непосредственно с моей каютой. Я ваш официальный хозяин в этом путешествии.

По кораблю прокатился трубный звук, и Харди

нахмурился.

— Сейчас я должен идти в свою каюту… вероятно, вы предпочтете быть одни во время перемещения. Советую вам занять койки и не покидать их, пока перемещение не закончится, — он заставил себя замолчать, чтобы не сказать что-нибудь еще. Его инструкции были предельно ясны: мошкиты не должны ничему научиться, пока они не выйдут из их родной системы.

— Долго ли это продлится? — спросила Джок.

Харди слабо улыбнулся.

— Нет. Итак, до свидания.

— Ауфвидерзеен, — сказала Джок.

— Ауфвидерзеен, — ответил Харди и вышел, совершенно сбитый с толку. Где они могли научиться этому?

Койки были плохо соразмерены, слишком жесткие и сделанные без учета индивидуальных различий между мошкитами. Джок повернула свой торс и махнула нижней правой рукой, выражая неудовольствие ситуацией, однако, удивление этими вещами было не самым худшим.

— Это явно скопировано с чего-то для Коричневых, — в голосе ее звучала уверенность рассуждения, а не прямого наблюдения. — Хотела

бы я иметь возможность привести сюда своего Коричневого.

Чарли: Я тоже. Но будь с нами Коричневые, нам бы не поверили. Я знаю это, — она начала было новую мысль, но тут заговорил Мастер.

Иван: Был ли Мастер людей среди тех, кто встречал нас?

Джок: Нет. Проклятье! Сколько времени я пытаюсь изучить его, но до сих пор не то что не встречала, но даже не слышала его голоса. По-моему, он вполне может быть комитетом или одним Мастером, подвластным дисциплине людей. Держу пари на всю свою анатомию, что он человек.

Иван: Вы не должны пытаться связаться с Мастером «Ленина», а если мы встретим его, вы не станете его финч'клик'. Вы знаете, что случается с финч'клик' людей.

В ответе не было никакой необходимости. Мастер знал, что его услышали, а, значит, выполнят приказание. Он отправился к своей койке и с отвращением посмотрел на нее.

Взревели сирены, и из громкоговорителя донесся человеческий голос.

— Подготовиться к драйву Безумного Эдди. Последнее предупреждение,

— перевела одна из Посредников.

Они улеглись по койкам. Еще более громкий звук пронесся по всему кораблю.

А затем произошло что-то ужасное.

ЛИЧНО И СРОЧНО

— Род! Род, взгляните на мошкитов!

— Что? — Блейн изо всех сил боролся с отказывающимся повиноваться телом. Прийти в себя было не просто; сосредоточиться — невозможно. Он взглянул на Сэлли, затем проследил ее взгляд, устремленный на экран интеркома.

Мошкиты беспорядочно дергались. Они выплыли из своих коек, и Посол летал по всей каюте в полной дезориентации. Отскочив от одной переборки, он поплыл в другую сторону. Двое посредников смотрели на него, не способные сделать что-либо, и занятые сами собой. Один осторожно потянулся за Мастером, но рука соскользнула с меха. Все трое беспомощно плавали по отсеку.

Джок была первой, ухватившейся за поручень. Она засвистела и зафыркала, после чего Чарли поплыла к Мастеру. Она ухватилась за его мех левой рукой, а Джок, держась за переборку обеими правыми, тянула левую, пока Чарли не вцепилась в нее. Затем они с трудом добрались до коек, Джок привязала Ивана, и они с Чарли тоже улеглись, свистя и щелкая.

— Не могли бы мы им помочь? — спросила Сэлли.

Род согнул свои конечности и мысленно извлек квадратный корень. Затем попытался взять два интеграла, и у него получилось правильно. Теперь его разум восстановился достаточно для того, чтобы обратить внимание на Сэлли и мошкитов.

— Нет. Мы ничего не можем сделать… И вообще, то, что мы наблюдаем, скоро проходит, за исключением нескольких сошедших с ума и никогда больше не обретших контактов с действительностью.

— С мошкитами такого не произойдет, — уверенно сказала Сэлли. — Они действуют целеустремленно, хотя и не слишком уверенно. Мы пришли в себя гораздо быстрее, чем они.

— Приятно сознавать, что хоть в чем-то мы лучше мошкитов. Скоро должен появиться Харди… впрочем, он старше, и у него это занимает больше времени, чем у нас.

— ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ОБ УСКОРЕНИИ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К СИЛЕ ТЯЖЕСТИ В ОДНО G. ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ОБ УСКОРЕНИИ.

Посредник что-то прощебетала, и Мастер ответил ей.

Сэлли некоторое время наблюдала за ними.

— Полагаю, что вы правы. Не похоже, чтобы они испытывали серьезные сложности, но Мастер еще подергивается.

Прозвучала сирена. «Ленин» содрогнулся, и тяжесть вернулась. Они возвращались домой. Род и Сэлли переглянулись и улыбнулись. Домой!

— И все-таки, что бы мы могли сделать для Мастера? — спросил Род.

Сэлли беспомощно пожала плечами.

— Думаю, что ничего. Они такие иные. И потом… Род, что бы вы сделали, если бы были имперским послом к другой расе, и они заперли вас в маленькой каюте, где за вами постоянно следят два глаза?

— Я постарался бы разбить эти чертовы штуковины. Безусловно, они видят их, ведь мы не пытались ничего прятать. Если они что-нибудь скажут Харди, их придется убрать.

— Сомневаюсь, что они сделают это. Они ведут себя так, словно их это вовсе не беспокоит. Уединение «не относится к числу требований наших видов», сказала Чарли, — Сэлли вздрогнула. — Они действительно иные.

Зажужжал сигнал, и Род автоматически повернулся к двери своей каюты, прежде чем понял,

что звук донесся из интеркома. Одна из мошкитов осторожно прошла через каюту и открыла дверь. Вошел Харди.

— Все в порядке? — осторожно спросил он.

— Вы должны были предупредить нас об этом, — сказала Джок. В голосе ее не было обвинения — просто констатация факта. — Драйв Безумного Эдди действует и на людей так же?

— Как так же? — невинно спросил Харди.

— Дезориентация. Головокружение. Неспособность сосредоточиться. Потеря контроля над мышцами. Тошнота. Желание смерти.

Харди казался удивленным. Вероятно, так оно и есть, подумал Род. Священник не наблюдал за мошкитами исподтишка, даже когда полдюжины пар глаз каждую вахту следило за происходящим на экране.

— Да, это действует на людей, — сказал Харди, — но не так сильно, как вы описали. Драйв является причиной дезориентации и неспособности сосредоточиться, но эти явления быстро проходят. Мы не знали, как это подействует на вас, но во всей нашей истории было всего лишь несколько случаев необратимого воздействия, и то оно было… э… психологическим.

— Понимаю, — сказала Чарли. — Доктор Харди,

простите нас, но мы еще не готовы для разговора. Мы могли бы отложить разговор на несколько часов? И в следующий раз, когда вы снова запустите вашу машину Безумного Эдди, мы выполним ваш совет занять свои койки и привязаться.

— В таком случае, я ухожу, — сказал Харди. — Можем ли мы… вам что-то требуется? С Послом все в порядке?

— Он чувствует себя достаточно хорошо. Спасибо за беспокойство.

Харди ушел, а мошкиты вернулись по своим койкам. Они продолжали щебетать и свистеть.

— И это все, — сказал Род. — Я рассчитывал на более интересные вещи, чем наблюдение за лежащими мошкитами, болтающими на языке, которого я не понимаю.

А ведь сейчас очень удобное время для изучения мошкитов, подумала Сэлли. Как ни странно, среди нас нет никого, занимающегося этим прямо сейчас… поэтому мы делаем это в личном порядке.

— Тогда этим могу заняться я, — сдержанно сказала она.

Несмотря на кубические километры желтого пламени, окружающего корабль, на «Ленине» царило веселье. Кутузов ослабил свою бдительность

и впервые после уничтожения «Мак-Артура» позволил экипажу возобновить обычные вахты. Хотя корабль находился глубоко в пределах солнца, у него было топливо, и все его проблемы были записаны в КНИГЕ. Жизнь входила в привычную колею. Даже ученые забыли свою досаду от возвращения из системы Мошки с нерешенными вопросами: они возвращались домой.

Единственная женщина на десять парсек при любых обстоятельствах должна была стать предметом соперничества. Стычки могли начаться вокруг одного из двух вопросов: Каковы мои/его шансы относительно нее? и Испорчена ли она? Но Сэлли уже явно выбрала себе мужчину. Это облегчило жизнь и тем, кого беспокоили эти проблемы, и тем, в чьи обязанности было прекращать кулачные бои.

В первую ночь после прыжка Кутузов устроил званый обед. Он был официальным, и большинство гостей не слишком веселились: за столом адмирала разговоры ограничивались профессиональными вопросами. Однако, он ушел рано, и тогда прием стал побойчее.

Род и Сэлли провели на нем три часа. Всем хотелось поговорить с мошкитами, и Род с удивлением отметил, что рассуждает о них всего

лишь с намеком на тупую боль, прежде мучившую его каждый раз, когда он думал о чужаках. Энтузиазма Сэлли хватало на двоих. Кроме того, похоже, она беспокоилась за него так же, как за чужаков. Она даже истратила несколько часов, переделывая мундир Михайлова, так что теперь он был почти впору.

Когда они покинули прием, в течение нескольких часов, проведенных вместе, прежде чем разойтись по каютам, никто из них не упоминал ни Мошки, ни мошкитов.

Корабль двигался наружу. Постепенно желтизна за полем сменилась оранжевым цветом, затем кирпично-красным, и зонды «Ленина» сообщили, что Поле горячее, чем фотосфера, окружающая их. Ученые и члены команды с одинаковым нетерпением смотрели на экран и, когда на черно-красном фоне появились звезды, все выпили в честь этого события. Даже адмирал присоединился к ним, широко улыбаясь.

Вскоре после этого офицер связи установил контакт с ожидающим их танкером. Кроме того, там был и курьерский корабль, укомплектованный молодыми людьми в отличной физической форме. Кутузов продиктовал свое сообщение, передал его с двумя гардемаринами, и курьер с

ускорением в три g отправился к точке Олдерсона, откуда должен был совершить прыжок в систему Новой Каледонии, и доставить рапорт о первом контакте человечества с иной цивилизацией.

Танкер доставил почту и почти годичной давности новости. В секторе вспыхнуло еще несколько восстаний. Бывшие колонисты объединились с вооруженными внешними системами и открыто не повиновались Империи. Нью-Чикаго была оккупирована армией, и, хотя экономика снова пришла в норму, большинство населения было обижено на эту имперскую заботу. Инфляция кроны была взята под контроль. У его Императорского Величества родился сын, Александр, и отныне кронпринц Лисандр не был больше единственным наследником правящей линии. Эти новости положили начало еще одному торжеству на борту «Ленина», и оно получилось таким большим, что Михайлову пришлось заменять своих людей членами экипажа «Мак-Артура».

Вскоре вернулся курьер, доставив еще одну порцию новостей. Столица сектора кипела энтузиазмом, и Вице-Король планировал Гала-прием для послов мошкитов. Военный министр Армстронг прислал лаконичное «хорошо сделано» и

тысячу вопросов.

Было также послание и для Рода Блейна. Он изучал его, когда ординарец Кутузова передал ему вызов в каюту адмирала.

— Это, вероятно, оно, — сказал Род Сэлли. — Держать Блейна под арестом до тех пор, пока он не предстанет перед военным трибуналом.

— Не будьте таким глупым, — ободряюще улыбнулась Сэлли. — Я буду ждать вас здесь.

— Если мне позволят вернуться в свою каюту, — он повернулся к звездному пехотинцу. — Идемте, Иванов.

Войдя в каюту адмирала, Род испытал потрясение. Он ожидал увидеть убогую комнату, функциональную и холодную, а вместо этого увидел изумительное множество цветов, восточных ковров, гобеленов на стенах, неизбежную икону и портрет Императора, только гораздо больших размеров. На полке над столом Кутузова стояли даже переплетенные в кожу книги. Адмирал указал на стул, сделанный из розового тика Спарты.

— Хотите чая? — спросил он.

— Да… спасибо, сэр.

— Два стакана чая, Кемун.

Стюард налил их из серебряного термоса, сделанного в виде старинного русского самовара, и

подал в хрустальных чашках.

— Можете идти. Капитан Блейн, я получил приказ относительно вас.

— Да, сэр, — сказал Род. Мог бы, по крайней мере, подождать, пока я наслажусь чаем.

— Вы должны покинуть этот корабль. Как только курьер приблизится, вы перейдете на него и вернетесь на Новую Каледонию с максимальным ускорением, которое сочтет возможным корабельный хирург.

— Да, сэр. Неужели они так спешат поставить меня перед военным трибуналом?

Кутузов удивленно посмотрел на него.

— Военный трибунал? Не думаю, капитан. Разумеется, должен состояться формальный разбор обстоятельств дела — это записано в уставе. Однако, я буду удивлен, если на нем вас в чем-то обвинят.

Кутузов повернулся к своему резному столу. На его полированной деревянной поверхности лежала лента послания.

— А это для вас. Она имеет обозначение «ЛИЧНО И СРОЧНО» и, несомненно, все объяснит.

Род взял ленту и осмотрел ее.

— Разумеется, послание закодировано, — сказал адмирал. — Если хотите, мой флаг-секретарь

поможет вам.

— Благодарю.

Адмирал вызвал по интеркому лейтенанта, который ввел ленту в шифровальную машину. Вскоре из нее выдвинулся узкий бланк.

— Это все, адмирал? — спросил лейтенант.

— Да. Капитан, я оставляю вас, чтобы вы могли прочесть сообщение. Доброго утра, — адмирал с лейтенантом вышли из каюты. Шифровальная машина продолжала работать, выдавая расшифровку послания.

Род оторвал кусок и начал читать с растущим изумлением.

Второй раз он прочел его, возвращаясь в свою каюту. Сэлли встала, когда он вошел.

— Род, вы так странно выглядите!

— Я получил письмо, — сказал он.

— О… новости из дома?

— Что-то вроде.

Сэлли улыбнулась, но в голосе ее звучало удивление.

— И как там дела? Ваш отец здоров? — Род казался очень нервным и возбужденным, но в то же время был слишком весел для плохих новостей. Что же вывело его из себя? Похоже было, что он получил какое-то задание, которого и хотел, и

одновременно боялся…

— С моей семьей все в порядке. Так же, как и с вашей… впрочем, вы скоро это узнаете. Сенатор Фаулер на Новой Шотландии.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Дядя Бен здесь? Но почему?

— Он говорит, что тревожится за вас. Некому о вас позаботиться, поэтому он…

Она показала ему язык и потянулась за бланком послания. Несмотря на ускорение в полтора g, Род ловко увернулся.

— Ну, хорошо, — сказал он, как-то странно улыбаясь. — Его послал Император. Как своего личного представителя, Председателя Имперской Комиссии по переговорам с мошкитами, — Род сделал паузу. — Мы оба включены в эту комиссию.

Только через некоторое время в глазах ее появились признаки понимания.

— Поздравляю с назначением, — рассмеялся Род. Обеими ладонями он взял ее за запястья и держал на расстоянии вытянутой руки. — Лорд Председатель Чрезвычайной Комиссии Его Величества также спрашивает меня, когда мы поженимся. Я думаю, это вполне уместный вопрос.

— Но… Я… Род… Мы… — она с трудом перево-

дила дыхание.

— О, Боже, я предоставил вам возможность говорить, а вы молчите, — пользуясь удобным случаем, он поцеловал ее. Потом еще раз. Так прошло довольно много времени.

— Думаю, мне лучше прочесть это письмо, — сказала она, когда они разжали объятия, — если позволите.

— Вы еще не ответили на вопрос своего дяди, и я не дам вам читать письмо, пока вы этого не сделаете.

— Вопрос дяди! — ее глаза вспыхнули. — Род Блейн, если я и выйду за кого-то замуж, — запомните: если! — он спросит меня об этом сам!

— Хорошо. Леди Сандра Лиддел Леонидовна Брайт Фаулер, выйдите ли вы за меня замуж? — шутливых интонаций в его голосе больше не было, и, как он ни старался удержать на лице улыбку, она тоже исчезла. Сейчас он выглядел, как четырехлетний мальчуган, впервые сидящий на коленях у Деда Мороза. — Когда мы вернемся на Новую Шотландию…

— Да, конечно, я выйду за вас… Новая Шотландия? Род, ваш отец наверняка захочет, чтобы мы поженились при дворе. Все наши друзья находятся на Спарте…

— Может, мы сначала прочтем послание, дорогая? Мы можем вообще не попасть на Спарту, — он передал ей лист и сел на подлокотник кресла, в которое опустилась она. — Вот эту часть, — он указал пальцем.

НЕСОМНЕННО ПЕРВОЙ РЕАКЦИЕЙ БЫЛО СДЕЛАТЬ ВАС ГЕРОЕМ ИЛИ ЗЛОДЕЕМ ТОЧКА ПОТЕРЯ МАК-АРТУРА НЕ ВЫЗВАЛА ОСОБОЙ РАДОСТИ У АДМИРАЛТЕЙСТВА ТОЧКА КРЕНСТОН ВЫШЕЛ ИЗ СЕБЯ ТОЧКА АРМСТРОНГ СКАЗАЛ КАВЫЧКИ ЧЕРТ ПОБЕРИ КАК МОЖНО ПОТЕРЯТЬ ЛИНЕЙНЫЙ КРЕЙСЕР ЗАКРЫТЬ КАВЫЧКИ ТОЧКА

АБЗАЦ ДОКЛАД КУТУЗОВА В ВАШУ ПОЛЬЗУ ТОЧКА ВСЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОТЕРЮ КУТУЗОВ ВЗЯЛ НА СЕБЯ ТОЧКА ПО ЕГО СЛОВАМ ВЫСШИЕ КАСТЫ МОШКИТОВ ВЕРОЯТНО МОГЛИ ОЧИСТИТЬ МАК-АРТУР ОТ ПАРАЗИТОВ НО ОН РЕШИЛ ЧТО РИСК УТРАТЫ ИМПЕРСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СЕКРЕТОВ СЛИШКОМ ВЕЛИК ТОЧКА КУТУЗОВ ЕЩЕ НЕ ПРИШЕЛ К ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ
ВЫВОДУ ОБ УГРОЗЕ СО СТОРОНЫ МОШКИТОВ НО ПРЕДЛОЖИЛ АДМИРАЛТЕЙСТВУ СОБРАТЬ КРУПНЫЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ ТОЧКА В ДОКЛАДЕ ХОРВАТА МОШКИТЫ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВПОЛНЕ ДРУЖЕЛЮБНЫМИ НИКАКОЙ ФЛОТ НЕ НУЖЕН И

МОШКИТЫ КАВЫЧКИ ВЕЛИЧАЙШИЙ СЛУЧАЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЗАКРЫТЬ КАВЫЧКИ ТОЧКА ВОПРОС В МОИХ РУКАХ ТОЧКА

— И в наших тоже, — сказал Род. — Пошли дальше.

АБЗАЦ СОГЛАСНО ПРИКАЗУ МОНАРХА Я СЕЙЧАС ЛОРД-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ИМПЕРСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО ПЕРЕГОВОРАМ С ЧУЖАКАМИ ТОЧКА ПО ЛИЧНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ДЛЯ ЭТОГО ПОСТА ПРЕДНАЗНАЧАЛСЯ ЛОРД РОДЕРИК БЛЕЙН НО ВЫ ПОЧТИ ВСЕ ИСПОРТИЛИ ПОТЕРЯВ СВОЙ КОРАБЛЬ ТОЧКА СОВМЕСТНО С ЛЕДИ САНДРОЙ БРАЙТ ВЫ НАЗНАЧЕНЫ ЧЛЕНАМИ КОМИССИИ ТОЧКА КОМИССИЯ ИМЕЕТ ПРАВО ДЕЙСТВОВАТЬ ОТ ИМЕНИ МОНАРХА ТОЧКА ЧЛЕНЫ КОМИССИИ БУДУТ ОСТАВАТЬСЯ НА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ЕСЛИ НЕ ОКАЖЕТСЯ БОЛЕЕ РАЗУМНЫМ ПЕРЕПРАВИТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧУЖАКОВ НА СПАРТУ ТОЧКА

АБЗАЦ ЕСЛИ КОМИССИЯ ПРИДЕТ К ВЫВОДУ О ВОЗМОЖНОЙ
УГРОЗЕ ЧУЖАКОВ ИМПЕРИИ ТО ДЕЙСТВУЯ С СОГЛАСИЯ ВИЦЕ-КОРОЛЯ ТРАНСУГОЛЬНОГО СЕКТОРА ДОЛЖНА ПРЕДПРИНЯТЬ ЛЮБЫЕ МЕРЫ КОТОРЫЕ СОЧТЕТ НЕОБХОДИМЫМИ

ТОЧКА ЕСТЬ ЛИ У ВАС КАКИЕ-ТО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

АБЗАЦ РОД ЕСЛИ ЭТИ МОШКИТЫ НЕ ПРОСТЫЕ ФЕРМЕРЫ А ИХ ЗОНД УБЕЖДАЕТ НАС ЧТО ЭТО НЕ ТАК ТО ВЫ С СЭЛЛИ НЕ ВЫБЕРЕТЕСЬ ОТСЮДА ДОВОЛЬНО ДОЛГО ТОЧКА НАДЕЮСЬ ЧТО ВЫ СОХРАНИЛИ СВОЙ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ЗАНЯВШИСЬ СЭЛЛИ ТОЧКА КОГДА СВАДЬБА ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ВАШ ОТЕЦ ПОСЫЛАЕТ ВАМ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТОЧКА ТО ЖЕ ДЕЛАЮ Я ТОЧКА МАРКИЗ НАДЕЕТСЯ ЧТО КОГДА УВИДИТ ВАС В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ВЫ БУДЕТЕ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ ТОЧКА ЕСЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ ЧТО МЫ С МАРКИЗОМ УЛАДИЛИ ЭТО ДЕЛО ТО ВЫ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛИ ТОЧКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО НАЗНАЧИЛ НЕМЕДЛЕННУЮ СВАДЬБУ ТОЧКА ВАША МАТЬ И ИМПЕРАТРИЦА ПРИСЛАЛИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ТОЧКА

— А если бы я сказала «нет»? — спросила Сэлли. — Это самое высокомерное заявление, которое я когда-либо слышала!

— Но вы не сказали «нет». Вы сказали «да», — и он наклонился, чтобы поцеловать ее.

Она вырвалась, и он заметил, что она действительно разозлилась.

— Черт побери! — голос ее звучал низко и чи-

сто. — Черт побери! «Его величество назначил…» О, зубы господа! Если бы я отклонила ваше предложение, это было бы изменой!

— Но я же спросил вас, — напомнил он, — и вы ответили.

— Это ясно. Да не смотрите вы, как маленький мальчик. Да, я хочу за вас замуж. Однако, мне не нравится, когда мне приказывают делать даже то, что я хочу.

Он изучающе взглянул на нее.

— Вы были вне этого долгое время. Я не был никогда.

— Что?

— Это обязательства, которые накладывает титул. Сначала вы решили изучать примитивные культуры — это был ваш свободный выбор. Я же отправился в Академию, следуя зову долга. Затем вы оказались в тюремном лагере, но даже в этой чертовой дыре вы никому не подчинялись, и вас уважали, — он подбирал слова с большой осторожностью. Сэлли была красна от гнева.

— Потом «Мак-Артур». В качестве гостя. Значит, под моим командованием. И вы смирились с этим фактом…

— Да, а потом я спряталась, когда вы захватили Зонд Безумного Эдди. Вы знаете, почему.

— Верно. Затем Новая Шотландия, где вокруг не было практически никого выше вас рангом. Вы наслаждались этим, не так ли? Несколько человек, возвышавшихся над вами, не интересовались, чем вы занимаетесь. И на Мошке-1 вы делали именно то, что хотели делать. Поэтому я и сказал, что вы долгое время были вне этого. А теперь вас вновь сажают в ящик.

— Да, я чувствую нечто подобное.

Род слегка коснулся бумаги в ее руке.

— Согласен, это чертовски высокомерно. Меня это тоже раздражает, но не так, как вас. Я долгое время подчинялся приказам. Всю свою жизнь.

— Полагаю, это первый раз, когда вам приказывают жениться.

— Верно. Однако, мы оба ждали чего-то подобного, не так ли? Практически, с точки зрения Империи, наша женитьба — слишком выгодный союз, чтобы отказываться от него. Мы получили привилегии, собственность, титулы — и вот пришел счет за все это. Судьбе было угодно, чтобы мы полюбили друг друга, и все же мы в долгу…

— Перед кем? — спросила она.

Род беспомощно улыбнулся. Эта мысль была невероятно забавна.

— Перед Кевином Реннером. Мы в долгу перед

ним.

На лице Сэлли был написан благоговейный страх.

— Неужели это действительно так? О, боже, конечно! Ведь он приказал мне идти в вашу каюту!

— Что?! Он что?...

Она хихикнула.

— Фантастика! Нужно будет спросить у него и посмотреть, что он будет делать. А пока нужно дочитать это, Род.

АБЗАЦ Я ПОЛУЧИЛ СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ В НАЗНАЧЕНИИ ДРУГИХ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ТОЧКА НАДЕЮСЬ ВЫ ПОМОЖЕТЕ МНЕ ТОЧКА КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК В РАДИУСЕ ПЯТИДЕСЯТИ ПАРСЕК ХОЧЕТ ОКАЗАТЬСЯ В НЕЙ ТОЧКА ВАШИМ ПЕРВЫМ ЗАДАНИЕМ БУДЕТ КОМПЛЕКТАЦИЯ КОМИССИИ ТОЧКА ВО-ВТОРЫХ НЕОБХОДИМО УПОРЯДОЧИТЬ СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ И СПИСОК СВИДЕТЕЛЕЙ ТОЧКА

АБЗАЦ АДМИРАЛУ КУТУЗОВУ ПРИКАЗАНО ПЕРЕПРАВИТЬ ВАС НА БОРТ КУРЬЕРА ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ С НАИБОЛЬШЕЙ ВОЗМОЖНОЙ СКОРОСТЬЮ НА НОВУЮ ШОТЛАНДИЮ ТОЧКА ВОЗЬМИТЕ С СОБОЙ СЭЛЛИ ЕСЛИ СЧИТАЕТЕ ЧТО ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ ТОЧКА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГОРАЦИЯ БАРИ АДМИРАЛ БЕРЕТ НА СЕБЯ

ТОЧКА ПОЦЕЛУЙТЕ ЗА МЕНЯ СЭЛЛИ ТОЧКА С УВАЖЕНИЕМ БЕНДЖАМИН БРАЙТ ФАУЛЕР ЗАПЯТАЯ СЕНАТОР ОТКРЫТЬ КРУГЛУЮ СКОБКУ ЛОРД-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИМПЕРСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ДЕЙСТВУЮЩИЙ ОТ ИМЕНИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ЛЕОНИДА IX ЗАКРЫТЬ КРУГЛУЮ СКОБКУ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

— Так отправлюсь я на курьер? — спросила она.

— Все зависит от вас. Хотите?

— Да… Есть множество дел, которые нужно уладить, прежде чем туда попадут мошкиты… Боже мой, нужно заниматься и мошкитами, и свадьбой… Род, вы понимаете, какое это важное дело — свадьба наследников Круцис Корта и Фаулера, проходящая в провинциальной столице? Мне будет нужно не менее трех помощников. Дядя Бен не собирается оказывать никакой помощи, а мы должны уладить все для приема мошкитов и… Ну, да ладно. Куда мы идем?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Кутузов и Михайлов приняли самое живое участие в подготовке прощального приема Рода и Сэлли. Повара «Ленина» работали целый день, готовя традиционный екатерининский банкет: дюжины блюд, супов, кондитерских изделий, жаркого, фаршированного листьями винограда с гидропонных плантаций, а между блюдами — маленькие рюмки водки. Во время еды говорить было невозможно: как только заканчивали одно блюдо, стюарды «Мак-Артура» несли следующее, или же, давая передышку пищеварению, звездные пехотинцы «Ленина» показывали танцы, в которые превратилась русская чечетка на холмах Екатерины. Вот уже девятьсот лет они сохранялись фанатиками, вроде Кутузова.

Но, наконец, оркестранты ушли, а стюарды убрали посуду, оставив гостям только чай и водку. Младший гардемарин «Ленина» предложил тост за императора, а капитан Михайлов предложил тост за царевича Александра.

— Смотрите, сам Царь собирается произнести тост, — прошептал Реннер Каргиллу. — Кто там еще остался?

Адмирал встал и поднял свою рюмку.

— Я ненадолго отложу свой тост, — сказал он. Возможно, бесчисленные рюмки водки и произвели на него свое воздействие, но никто не мог быть уверен в этом. — Капитан Блейн, когда мы встретимся в следующий раз, наши роли поменяются. Тогда вы должны будете сказать мне, что делать с мошкитами, и я не завидую вам в этом.

— Почему так нахмурился Хорват? — прошептал Каргилл. — Он выглядел так, словно кто-то сунул лягушку ему в постель.

— Верно. Не потому ли, что надеялся получить место в Комиссии? — спросил Синклер.

— Держу пари, что да, — вставил Реннер. — Сам я на это не рассчитывал…

— И все остальные тоже, — сказал Каргилл. — А теперь давайте послушаем.

— Мы должны со многим поздравить Лорда Блейна, — сказал Кутузов, — и именно для этого я приберег свой тост. Священник Харди сделает объявление.

Дэвид Харди встал, широко и искренне улыбаясь.

— Леди Сандра оказала мне честь официально объявить о ее помолвке с Лордом Блейном, — сказал Харди. — Позвольте первому поздравить вас

с этим событием.

Все заговорили одновременно, но адмирал сделал знак, требуя тишины.

— А теперь мой тост, — сказал он. — За будущую маркизу Круцис.

Покрасневшая Сэлли сидела, пока все вокруг нее встали и подняли рюмки. Ну, вот, теперь все официально, подумала она. Отступление невозможно, даже если бы я и захотела… Конечно, я не хочу, но теперь это так неизбежно…

— А также за леди — члена Комиссии, — добавил Кутузов. Все снова выпили. — И за лорда — члена Комиссии. Долгой вам жизни и многих детей. Защищайте нашу Империю в переговорах с мошкитами.

— Большое спасибо, — сказал Род. — Я самый счастливый мужчина Империи.

— Может, ее милость хочет что-то сказать? — предположил Кутузов.

Сэлли встала, не зная, о чем говорить.

— Спасибо вам всем, — наконец, произнесла она и села.

— Снова куда-то делись все слова? — озорно спросил Род. — И со всеми этими людьми вокруг… Пожалуй, я упустил редкий случай…

На этом формальности закончились, и все стол-

пились вокруг них.

— Желаю всего счастья мира, — сказал Каргилл, энергично встряхивая руку Рода. — Совершенно искренне, сэр. Империя не могла бы сделать лучшего выбора для этой Комиссии.

— Вы не поженитесь, пока мы не вернемся? — спросил Синклер. — Это будет нечестно — жениться в моем городе и без меня.

— Пока мы не знаем, когда это будет, — ответила ему Сэлли. — Но, разумеется, не до возвращения «Ленина». И, конечно, мы приглашаем всех вас на свадьбу. — Так же, как и мошкитов, мысленно добавила она. Интересно, как они воспримут это?

Прием превратился в калейдоскоп маленьких групп с Родом и Сэлли в центре. Стол офицерской кают-кампании убрали на палубу, чтобы освободить побольше места, и стюарды забегали с чаем и кофе.

— Вы, конечно, позволите мне поздравить вас, — мягко сказал им Бари. — И, надеюсь, получив мой свадебный подарок, вы не подумаете, что я пытаюсь подкупить вас?

— А почему кто-то должен так думать? — невинно спросила Сэлли. — Спасибо, мистер Бари, — хотя первая ее фраза прозвучала двусмысленно, улыбка была достаточно теплой, чтобы

скрыть это. Сэлли не беспокоила репутация Бари, кроме того, он был достаточно приятным человеком за время их знакомства. Если бы только он избавился от своего безумного страха перед мошкитами!

Наконец, Род сумел выбраться из центра всеобщего внимания. Он нашел доктора Хорвата в углу комнаты.

— Вы избегали меня всю ночь, доктор, — вежливо сказал Род. — Мне бы хотелось знать, почему.

Хорват попробовал улыбнуться, но вовремя понял, что у него ничего не выйдет. Брови его на мгновение сошлись, потом вернулись на место.

— Буду искренен с вами, Блейн, я не хотел вашего участия в этой экспедиции — вы знаете, почему. Да, ваш человек — Реннер — убедил меня, что в случае с зондом у вас не было другого выхода. Мы с вами разные люди, но все-таки я полностью согласен с тем, как вы руководили кораблем. При вашем звании и опыте было неизбежно, что именно вы получите место в комиссии.

— Я не рассчитывал на это, — ответил Род. — Однако, с точки зрения Спарты, вероятно, вы правы. И поэтому вы обижены на меня?

— Нет, — откровенно сказал Хорват. — Как я

уже сказал, это было неизбежно, а законы природы не могут меня обидеть.

Но я рассчитывал на место в этой экспедиции, Блейн. Я был старшим ученым экспедиции и сражался за каждый клочок информации, полученной нами. Бог мой, если уж они дают членам экспедиции два места, то одно заслужил я.

— А Сэлли — нет? — холодно спросил Род.

— Она была очень полезной, — сказал Хорват. — Она очаровательна и сообразительна и, конечно, вам трудно быть объективным относительно нее… но, скажите честно, Блейн, вы действительно сравниваете ее компетенцию с моей?

Хмурость Рода исчезла. Он широко улыбнулся. Профессиональная зависть Хорвата не была ни комичной, ни патетичной, она была просто неизбежна, так же неизбежна, как его вера в то, что должность определяет его компетенцию как ученого.

— Успокойтесь, доктор, — сказал Род. — Сэлли оказалась в комиссии не из-за своих научных способностей. Императора интересовала не компетенция, а интерес, — он едва не сказал «преданность», но этого делать не следовало. — Кстати, то, что вы не были названы немедленно,

— Род подчеркнул это слово, — является комплиментом.

Брови Хорвата поползли вверх.

— Простите?

— Вы ученый, доктор. Ваша жизненная философия — это объективность, верно?

— Более или менее, — согласился Хорват. — Хотя с тех пор, как я покинул лабораторию…

— Вы боролись за ассигнования. Даже будучи вовлеченным в политику, вы находили время, свободное от административных обязанностей, и помогали своим коллегам.

— Э… да. Спасибо. Немногие люди понимают это.

— Следовательно, ваше отношение к мошкитам должно быть таким же: объективным и далеким от политики. Но это не самый лучший курс для Империи. Ваши действия не отвечали бы требованию момента. С другой стороны, Его Величество знает, что Сэлли и я ставим Империю превыше всего. Нам внушали это с первого же дня после рождения. Мы не можем претендовать на научную объективность там, где затрагиваются интересы Империи. — Если это не пригладит его перья — черт с ним!

Однако, это подействовало. Конечно, Хорват

не развеселился и явно не отказался от попыток получить место в комиссии, но он улыбнулся и пожелал Роду и Сэлли счастья. Род счел себя свободным и вернулся к Сэлли с чувством выполненного долга.

— Не могли бы мы сказать мошкитам хотя бы до свиданья? — умоляюще спросила Сэлли. — Род, не могли бы вы убедить его?

Род беспомощно взглянул на адмирала.

— Моя леди, — сурово сказал Кутузов, — я не хочу обманывать вас. Когда мошкиты прибудут на Новую Шотландию, ими займетесь вы, а не я, и вы будете говорить мне, что нужно с ними делать. Но пока этого не случилось, мошкиты под моей ответственностью, и я не собираюсь менять условий их содержания. Доктор Харди может передать им любое послание.

Что бы он сделал, если бы Род и я приказали ему пропустить нас к ним? — подумала она. — Как члены комиссии. Нет, это вызвало бы скандал, а Род, кажется, считает адмирала полезным человеком. Случись это, они никогда бы не смогли работать вместе. Кроме того, Род может и не сделать этого, даже если я попрошу его.

— Дело в том, что эти мошкиты не такие уж и друзья, — напомнил ей Харди. — Они так мало

контактировали с людьми, что я почти не знаю их. Уверен, что все изменится, когда мы прибудем на Новую Шотландию, — Харди улыбнулся и сменил тему. — Я уверен, что вы сдержите свое обещание и подождете с женитьбой до возвращения «Ленина».

— Но я хочу, чтобы нас обвенчали вы, — быстро сказала Сэлли. — Мы будем ждать вас!

— Спасибо, — Харди собирался сказать что-то еще, но тут кают-кампанию пересек Келли и отсалютовал Роду.

— Капитан, я перенес ваши вещи и вещи леди Сэлли на «Гермес». Они просят поторопиться.

— Келли — это моя совесть, — улыбнулся Род. — Но он прав, Сэлли. Нам пора, — он глубоко вздохнул. — После такого обеда тяжело будет оказаться при трех g.

— Я тоже должен идти, — сказал Кутузов и неловко улыбнулся. — Прощайте, леди. И вы тоже, капитан. Желаю удачи. Вы были хорошим офицером.

— Почему… Спасибо, сэр, — Род обвел взглядом кают-кампанию и заметил Бари, пересекавшего комнату. — Келли, адмирал принимает ответственность за Его Превосходительство…

— С вашего разрешения, канонир Келли про-

должит командовать звездными пехотинцами, несущими охрану, — сказал Кутузов.

— Конечно, сэр. Келли, будьте чертовски осторожны, когда вернетесь на Новую Шотландию. Он может попытаться бежать. Понятия не имею, что он задумал, но приказ достаточно ясен, и мы должны продолжать его охрану. Он может попытаться подкупить одного из ваших людей…

Келли фыркнул.

— Лучше бы ему не пробовать.

— Да. Что ж, до свидания, Келли. Не давайте Набилу всадить вам кинжал в бок. Я хочу, чтобы вы были со мной на Новой Шотландии.

— Да, сэр. И будьте осторожны, капитан. Маркиз убьет меня, если с вами что-то случится. Он сказал это, прежде чем мы покинули Круцис Корт.

Кутузов громко откашлялся.

— Наши гости должны срочно покинуть нас, — объявил он. — Поздравим их еще раз.

Род и Сэлли вышли из кают-кампании, сопровождаемые криками, среди которых были и пьяные. Прием, похоже, заканчивался.

Курьерский корабль «Гермес» был очень мал. Его жилое пространство было не более, чем на катере «Мак-Артура», хотя по размерам он был гораздо больше. За системами жизнеобеспечения

находились баки с топливом, двигатели и узкие, но вполне проходимые лазы. С трудом преодолев их, они оказались внутри.

Занятий на крошечном суденышке было мало, к тому же высокое ускорение делало реальную работу практически невозможной. Помощник хирурга наблюдал за пассажирами и течение восьми часов, чтобы убедиться в их возможности переносить ускорение, а затем одобрил просьбу Рода увеличить его до 3,5 g. При таком весе самым лучшим было спать и ограничить умственную деятельность до минимально необходимых переговоров.

Когда они достигли точки Олдерсона, Глаз Мурчисона был огромной звездой позади, а мгновением позже превратился в яркую красную звезду на фоне Угольного Мешка. И в этом глазу была маленькая желтая мошка.

ШТАТСКИЙ

Они перебрались на борт посадочной шлюпки сразу же после того, как «Гермес» вышел на орбиту вокруг Новой Шотландии. Сэлли едва успела попрощаться с экипажем курьера.

— ПОСТОРОННИМ ПОКИНУТЬ ПОСАДОЧНУЮ ШЛЮПКУ. ПАССАЖИРАМ ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВХОЖДЕНИЮ В АТМОСФЕРУ.

Воздушный шлюз, щелкнув, закрылся.

— Готовы, сэр, — спросил пилот.

— Да…

Двигатели заработали. Посадка была не слишком гладкой — пилот очень торопился. Когда они оказались над городом, скорость была еще слишком велика, и пилоту пришлось сделать два круга, прежде чем лодка затормозилась, зависла, а затем опустилась на посадочную площадку на крыше Адмиралтейства.

— Дядя Бен здесь! — воскликнула Сэлли, бросаясь вперед, чтобы оказаться в его объятиях.

Бенджамину Брайту Фаулеру было восемьдесят стандартных лет, и он выглядел на все эти годы. До введения регенерационной терапии ему можно было дать лет пятьдесят и предполо-

жить, что он находится в самом расцвете своего интеллекта. Последнее предположение было действительно верным.

Он имел 174 сантиметра и вес — девяносто килограммов — полный, невысокий человек, почти лысый, с бахромой темных седеющих волос вокруг сверкающего купола. Он никогда не надевал шляпу, за исключением холодной погоды, поскольку обычно забывал о ней.

Сенатор Фаулер был одет довольно странно: мешковатые брюки, опускающиеся на мягкие кожаные ботинки, и изрядно поношенное пальто из верблюжьей шерсти, опускающееся до колен. Одежда его была очень дорогой, однако, никогда не имела за собой должного ухода. Его мечтательные глаза, которые часто слезились, и взъерошенный вид не отнимали у его облика внушительности, и политические противники не однажды ошибались, делая вывод о его способностях по внешнему виду. Временами, когда случай был достаточно важным, он позволял своему камердинеру подобрать ему одежду, и тогда, по крайней мере несколько часов, выглядел соответственно: в конце концов, он был одним из могущественнейших людей Империи. Впрочем, как правило, он надевал первую вещь, которую

находил в своем гардеробе, а с тех пор, как запретил слугам выкидывать то, что ему нравилось, часто носил старые вещи.

Он заключил Сэлли в медвежьи объятия, пока та целовала его в лоб. Сэлли была выше своего дяди, и ей постоянно хотелось вырасти, чтобы поцеловать его в самую макушку. Бенджамин Фаулер не обращал внимания на свой внешний вид и злился, если кто-нибудь напоминал ему об этом, но обычно его мало беспокоила лысина. Он даже наотрез отказался делать с ней что-нибудь косметическими процедурами.

— Дядя Бен, как я рада видеть тебя! — Сэлли с трудом вырвалась из его рук. Потом с притворным гневом сказала: — Ты полностью перевернул мою жизнь! Ты знаешь, что радиограмма заставила Рода сделать мне предложение?

Сенатор Фаулер казался удивленным.

— Ты хочешь сказать, что он еще этого не делал? — он внимательно оглядел Рода. — Он выглядит вполне нормально. Должно быть, это внутренние повреждения. Как поживаете, Род. Вы хорошо выглядите, — он пожал Роду руку. Хватка у него была достаточно сильной, чтобы причинить боль. Левой рукой Фаулер извлек из складок своего старого пальто карманный

компьютер. — Нужно торопиться, ребятки, мы опаздываем. Идемте, идемте... — он повернулся и заспешил к лифту, предоставив им следовать за ним.

Они опустились на двенадцать этажей, и Фаулер повел их по извивающемуся коридору. У одной из дверей на посту стояли звездные пехотинцы.

— Сюда, сюда, — сказал сенатор. — Нельзя заставлять всех этих капитанов и адмиралов так долго ждать. Входите, Род!

Звездные пехотинцы отсалютовали, и Род рассеянно ответил. Потом он вошел и остановился, удивленный: большая комната, обшитая деревянными панелями с огромным мраморным столом во всю ее длину. За столом сидели пять капитанов и два адмирала. Офицер-юрист сидел за меньшим столом, за ним же разместились клерки и стоял записывающий аппарат. Как только Род вошел кто-то произнес:

— Открываем заседание следственной комиссии. Выйдите вперед и примите присягу. Назовите ваше имя.

— Что?

— Ваше имя, капитан, — резко повторил адмирал, сидевший в центре стола. Род не знал его;

вообще он знал не более половины присутствующих. — Вы знаете свое имя, не так ли?

— Да, сэр… Адмирал, меня не предупредили, что я прибуду прямо в следственную комиссию.

— Теперь вы это знаете. Пожалуйста, назовите ваше имя.

— Родерик Гарольд, Лорд Блейн, капитан, Имперский Военный Космический Флот, бывший капитан ИКК «Мак-Артур».

— Благодарю.

А потом они забросали его вопросами.

— Капитан, когда вы впервые поняли, что малыши способны пользоваться инструментами и производить полезную работу?

— Капитан, пожалуйста, опишите процедуру стерилизации, предпринятой вами.

— Как, по-вашему, капитан, знали ли чужаки вне корабля, что малыши широко распространились по нему?

Он отвечал так хорошо, как только мог. Временами один офицер задавал вопрос, но его тут же перебивал второй, говоря:

— Черт побери, все это есть в рапорте. Вы что, не прослушали ленты?

Следствие двигалось с молниеносной быстротой, и вскоре закончилось.

— Вы можете ненадолго выйти, капитан, — сказал председательствующий адмирал.

Сэлли и сенатор Фаулер ждали его в холле. Рядом с ними стояла молодая женщина в кильте и с портфелем.

— Мисс Макферсон, моя новая секретарша, — представили ее Сэлли.

— Приятно познакомиться с вами, лорд. Леди, мне, пожалуй, лучше…

— Да, конечно, благодарю вас.

Макферсон ушла, щелкая подковками по мраморному полу. У нее была прелестная походка.

— Род, — сказала Сэлли. — Род, вы знаете, на скольких приемах мы должны побывать?

— Приемах! Мой Бог, они там решают мою судьбу, а вы…

— Ерунда! — фыркнул сенатор Фаулер. — Это было решено несколько недель назад. Когда Меррилл, Кренстон, Армстронг и я прослушали рапорт Кутузова. Как я писал, ваше назначение было у меня в кармане, и тут вы теряете свой корабль! Это очень хорошо, что ваш адмирал — честный человек. Это чертовски хорошо…

Дверь открылась.

— Капитан Блейн? — позвал клерк.

Он вошел и встал перед столом. Адмирал взял

лист бумаги и откашлялся.

— Особая следственная комиссия, созданная для изучения обстоятельств гибели линейного крейсера Его Императорского Величества «Мак-Артур», единогласно постановила. Первое. Комиссия установила, что корабль был потерян из-за случайного проникновения чужих форм жизни и уничтожен во избежание распространения их на другие суда. Второе. Комиссия полностью отклонила обвинение капитана Родерика Блейна, ИКФ, в небрежности. Третье. Комиссия приказывает уцелевшим офицерам «Мак-Артура» подготовить детальный рапорт о том, как произошла потеря, во избежание подобного в будущем. Четвертое. Комиссия отмечает, что осмотру и стерилизации «Мак-Артура» мешало присутствие на борту большого числа ученых и их оборудования, и что министр Энтони Хорват, старший ученый, протестовал против стерилизации и требовал минимального вмешательства в эксперименты. Пятое. Комиссия отмечает, что капитан Блейн был весьма старательным в осмотре своего корабля, с учетом трудностей, отмеченных в пункте четвертом, и предлагает ограничиться выговором. Решение принято единогласно, и на этом комиссия распускается. Капитан, вы можете

идти.

— Благодарю, сэр.

— Да. Это было довольно неряшливо, Блейн. Вам это известно, не так ли?

— Да, сэр, — интересно, сколько еще мне придется думать об этом?

— Но я сомневаюсь, что кто-нибудь другой сделал бы это лучше. Со всеми этими штатскими на борту корабль должен был напоминать сумасшедший дом. Сенатор, он полностью ваш. В комнате 675 все готово.

— Хорошо. Спасибо, адмирал, — Фаулер вытолкал Блейна из комнаты, где проходило слушание, и повел по коридору к лифту, у открытой двери которого стоял младший офицер.

— И куда мы идем сейчас? — требовательно спросил Род. — Шестьсот семьдесят пять? Да это же отставка!

— Разумеется, — сказал сенатор. Они вошли в лифт. — Не думаете ли вы, что можно оставаться в Военном Флоте и одновременно состоять в этой комиссии, а? Вот почему мы так торопились со следствием. Пока оно не было записано, вас не могли уволить в отставку.

— Но, сенатор…

— Бен. Зовите меня Бен.

— Да, сэр. Бен, я не хочу уходить! Военный Флот — это моя карьера…

— Уже нет, — лифт остановился, и Фаулер вытолкнул Рода наружу. — Вы все равно должны были уйти из него. Семья более важна. Не могут же пэры, пренебрегая управлением, всю жизнь гоняться за кем-то на этих кораблях! Вы знали, что все равно должны уйти.

— Да, сэр. После смерти моего брата вопрос был решен. Но еще не сейчас! Может, они дадут мне временный отпуск?

— Не будьте идиотом. Вопрос мошкитов займет у нас много времени. Спарта слишком далеко, чтобы руководить этим. А мы здесь, — Фаулер ввел его в дверь.

Бумаги о его отставке были уже готовы. Родерик Гарольд, Лорд Блейн, повышается в звании до контр-адмирала и увольняется в отставку по приказу Его Императорского Величества.

— Куда пересылать пересылать пенсию, сэр?

— Простите?

— Вы имеете право на пенсию. Куда прикажете посылать ее, лорд? — для клерка Род был уже штатским человеком.

— Могу я пожертвовать ее в фонд помощи Военному Флоту?

— Да, сэр.

— Тогда так и сделайте.

Клерк быстро записал что-то. Были еще и другие вопросы, все достаточно тривиальные. Документы были подготовлены и переданы Роду, а клерк держал наготове ручку.

— Подпишите здесь, лорд.

Ручка в его руке была холодной. Роду не хотелось даже прикасаться к ней.

— Пишите, пишите, вас ждет еще дюжина встреч, — сказал сенатор Фаулер. — Ну, же, парень, пишите!

— Да, сэр.

Не было смысла медлить. Спорить было бесполезно. Если сам император назначил меня в эту проклятую Комиссию… Он быстро нацарапал свою подпись, а затем приложил к бумаге большой палец.

Такси везло их по узким улицам Новой Шотландии. Движение было большим, а на кебе не имелось официальных флажков, которые бы открывали перед ними дорогу. Для Рода было непривычно путешествовать таким образом: как правило, он пользовался флайером Военного Флота, перелетавшим с одной крыши на другую, а в последний прилет на Новую Шотландию вообще

имел собственную шлюпку с ждущим экипажем. Ничего этого больше не будет.

— Мне нужно купить флайер и нанять шофера, — сказал Род. — Как член комиссии, я получу лицензию на воздушный транспорт?

— Конечно. Вы получите все, что захотите, — ответил сенатор Фаулер. — Фактически эта должность несет с собой номинальное баронство. Конечно, это не значит, что оно вам нужно, но это еще одна причина, по которой мы стали в последнее время такими популярными.

— И сколько же будет членов комиссии?

— В этом у меня тоже полная свобода. Не слишком много, — такси накренилось, когда водитель с трудом избежал наезда на пешехода. Фаулер вытащил свой карманный компьютер. — Снова опаздываем. Встречи во Дворце. Вы остановитесь там, конечно. Комнаты для прислуги будут переполнены, но мы втиснем туда вашего человека… У вас кто-то есть, или вы хотите, чтобы мой секретарь уладил этот вопрос?

— Келли с «Ленина». Я бы хотел, чтобы он остался со мной. — Еще один хороший человек потерян для флота.

— Келли? Как он, этот старый негодяй?

— Отлично.

— Рад слышать это. Я как раз вспомнил, что ваш отец просил узнать о нем. Вы знаете, что ему столько же лет, как и мне? Я помню его в мундире, когда ваш отец был лейтенантом, а это было очень давно.

— А где Сэлли? — когда Род вышел из комнаты 675, она уже ушла. И он был рад этому: с бумагами об увольнении, оттопыривавшими карман его туники, ему не очень-то хотелось разговаривать.

— Побежала по магазинам, конечно. Вам этого делать не придется. Один из моих людей выписал ваши размеры из документов Военного Флота и принес вам пару костюмов. Они во дворце.

— Бен… Вы движетесь слишком быстро, Бен, — осторожно сказал Род.

— Приходится. К тому времени, когда «Ленин» выйдет на орбиту, мы должны получить некоторые ответы. А пока вам нужно изучить политическую обстановку. Все это завязано воедино. ИТА хочет как можно скорее торговать. Человеческая Лига хочет культурного обмена и тоже поскорее. Армстронг хочет, чтобы его флот занялся внешними системами, но его пугают мошкиты. Все это должно быть решено прежде, чем Меррилл сможет продолжить покорение Трансугольного Сектора. Фондовые биржи отсюда

до Спарты лихорадит — как повлияет технология мошкитов на экономику? Какие акционерные кампании потерпят крах? Какие обогатятся? И все это в наших руках, парень. Мы делаем эту политику.

— О! — весь смысл происходящего только теперь начал доходить до него. — А как насчет Сэлли? И остальных членов комиссии?

— Не будьте глупцом. ВЫ и Я — это и есть Комиссия. Сэлли сделает то, что будет нужно.

— Точнее, вы хотите, чтобы она сделала. Но я не уверен в этом… У нее есть собственное мнение.

— Думаете, я не знаю этого? Я жил с ней достаточно долго. Черт побери, вы тоже независимы, и я надеюсь, что не смогу диктовать вам свои условия.

Пока что вы делаете это довольно успешно, подумал Род.

— Вас волнует вопрос о комиссии, верно? — резко спросил Бен. — Парламент интересуют Имперские прерогативы. Если существует опасность, единственная прерогатива — это защита от чужаков. Если же они настроены мирно, Парламент хочет сказать свое слово в торговых сделках. Император не хочет выносить вопрос о мошкитах в правительство, пока мы не убедимся,

что они противостоят нам. Однако, он не может управлять этим со Спарты. Он не может лично покинуть ее — это вызовет множество проблем в столице. Парламент не возражает против передачи дела кронпринцу Лисандру, но парень слишком молод. Положение безвыходное. Его Величество — это одно, но назначение агентов с властью Императора — совсем другое. Черт побери, я не хотел бы давать Имперской власти никому, кроме правящей фамилии. Один человек или семья не могут иметь слишком много власти, независимо от того, какую власть они имеют теоретически, но позволить им назначить доверенных людей — это совсем другое дело.

— А как насчет Меррилла? Это его сектор.

— Как насчет него? Те же самые возражения, что и против любого другого. Более того. Обязанности вице-короля детально разработаны, и общения с чужаками в них нет. Мерриллу не дают слишком много власти, чтобы он не попытался основать своей собственной маленькой Империи. То же самое и с комиссией. Парламент не одобряет давать такую власть одному человеку, даже мне. Меня сделали председателем, потому что я получил большинство голосов. Затем к этому подключили мою племянницу — мой

брат был более популярен, чем я, но нам требовалась женщина, и, кроме того, Сэлли побывала на Мошке. Отлично. Но я не могу оставаться здесь слишком долго, Род. Поэтому нужно было найти мне замену. И именно это — ты.

— Я так и понял. Но почему именно я?

— Ну, это естественно. Потребовалась поддержка вашего отца, чтобы Комиссия была создана. Маркиз весьма популярен — он проделал большую работу по объединению своего сектора. Кроме того, вы почти из королевской семьи. Вы входите в Тронную Линию…

— Да, двадцать восьмым. Сын моей сестры имеет больше права, чем я.

— Да, но это не распространяет прерогатив слишком далеко. Пэры верят вам. Баронству нравится ваш отец. Народу тоже, и никто не думает, что вы захотите стать королем здесь и потерять Круцис Корт. Поэтому сейчас проблема состоит в том, чтобы найти парочку местных болванов, которые получат свое баронство и будут работать с вами, пока меня не будет. Прежде, чем отправиться домой, вам придется найти себе замену, но, думаю, вы сумеете это сделать. Я же сумел, — Фаулер улыбнулся.

Дворец смутно вырисовывался перед ними.

Снаружи его стояли гвардейцы в парадных мундирах и кильтах, но офицер, сверивший их документы с имеющимся у него списком и махнувший рукой, чтобы их пропустили, был звездным пехотинцем.

— Нужно спешить, — сказал сенатор Фаулер, когда они поехали по круговой аллее к яркой красно-желтой каменной лестнице. — Род, если эти мошкиты представляют угрозу, сможете ли вы приказать Кутузову отправиться туда во главе военного флота?

— Сэр?

— Вы слышали меня. Чему вы улыбаетесь?

— Я говорил об этом с одним из моих офицеров, вернувшихся с Мошки-1. Только тогда я был на вашем месте. Да, сэр. Мне не хочется, но я смогу сделать это. Я отвечаю так быстро потому, что решил этот вопрос по пути домой, в противном случае я предложил бы вам вынести это на Комиссию, — он сделал паузу. — Сэлли, впрочем, не сможет.

— На нее рассчитывать нечего. Она не будет бороться за это. Любое доказательство, которое заставит меня или вас приказать нечто подобное, заставит ее уйти в отставку. Знаете, я изучал ваши рапорты, пока не ослеп и не оглох, и я не

нашел в них ничего плохого… впрочем, кое-что было. Например, ваши гардемарины. Мне с трудом удалось проглотить это.

— Мне тоже.

Кеб остановился у лестницы дворца, и водитель открыл для них двери. Род вытащил из кармана мелочь, чтобы заплатить по счету, и дал не слишком большие чаевые, потому что никогда прежде не ездил в кебе.

— Это все, мой Лорд? — спросил официант.

Род глянул на свой карманный компьютер.

— Да, спасибо. Мы опаздываем, Сэлли, — однако, он не пытался встать. — Ангус… принесите кофе. С бренди.

— Да, мой Лорд.

— Род, мы действительно опоздаем, — Сэлли тоже не делала попыток встать. Они переглянулись и рассмеялись. — Когда в последний раз мы ели ленч вместе? — спросила она.

— Неделю назад? А, может, две? Не помню. Сэлли, никогда в жизни я не был так занят. Боевые действия были бы для меня сейчас облегчением,

— он скривился. — Сегодня ночью еще один прием. Леди Риордан. Пойдем?

— Дядя Бен говорит, что барон Риордан очень влиятелен в Новой Ирландии, и нам может пона-

добится его поддержка там.

— Тогда предлагаю пойти, — появился Ангус с кофе. Род попробовал его и удовлетворенно вздохнул. — Ангус, это лучший кофе с бренди, который я когда-нибудь пил. Вы улучшили качество по сравнению с предыдущей неделей.

— Да, мой Лорд. Это оставлено для вас.

— Для меня? Сэлли, это ваша…

— Нет, — она была удивлена не менее его. — От кого вы получили это, Ангус?

— Некий торговый капитан лично принес это в Дом Правительства, леди. Он сказал, что это для Лорда Блейна. Шеф-повар попробовал его и сказал, что это можно подавать.

— Так оно и есть, — с энтузиазмом согласился Род. — Кто этот капитан?

— Я узнаю, мой лорд.

— Какой-нибудь офицер-искатель, — задумчиво сказал Род, когда официант ушел. — Вы думаете, он позволит мне узнать… — он снова взглянул на свой компьютер. — Думаю, нужно идти. Нельзя заставлять Вице-Короля ждать так долго.

— Мы тоже сильны. Вы с дядей Беном не согласились с моим предложением и…

— Дорогая, давай оставим это до разговора.

Вице-Король требовал немедленного решения Комиссии о том, что делать с мошкитами. И он был только одним из многих. Военный министр Армстронг хотел знать, насколько большой флот потребуется, чтобы справиться с мошкитами. Только в этом случае можно будет задействовать Военный План адмирала Кренстона.

Имперская Торговая Ассоциация требовала, чтобы все, что узнал о возможностях торговли Бари, было доведено до всех ее членов. Глава Церкви Его Имени хотел получить доказательства того, что мошкиты — ангелы. Другая группа Иеговистов была уверена, что они — дьяволы, и Империя засекретила эту информацию. Кардинал Рэнсдорф, представитель Имперской церкви, желал, чтобы записи о жизни мошкитов были переданы по радио и тривидению, чтобы покончить с Иеговистами раз и навсегда.

И все в радиусе двух сотен парсек жаждали получить место в Комиссии.

— По крайней мере, мы сможем встречаться, — сказала Сэлли.

— Верно, — их квартиры во Дворце были в одном коридоре, но они не видели друг друга, разве что на приемах. За прошедшие недели Род и Сэлли редко бывали на одних и тех же совещаниях.

Ангус вернулся и поклонился.

— Капитан Андерсон, «Рагнарек», мой лорд.

— Понятно. Спасибо, Ангус. Сэлли, это корабль «Империал Автонетикс».

— Значит, мистер Бари послал кофе и бренди! Это очень мило с его стороны…

— Да, — Род вздохнул. — Нам действительно пора идти.

Они поднялись по лестнице от столовой до кабинета Вице-Короля Меррилла. Сенатор Фаулер, военный министр Армстронг и адмирал Флота Кренстон с нетерпением ждали их.

— Это наш первый совместный ленч за две недели, — объяснил Род. — Приношу свои извинения.

— Когда вернется «Ленин», все будет не так плохо, — сказал сенатор Фаулер. — Ученые Хорвата могут взять на себя большую часть публичных выступлений. Они с удовольствием возьмутся за это.

— Допустим, вы разрешите им выступать, — сказал, растягивая слова, принц Меррилл. — Вы же не позволите им говорить слишком много.

— Простите, ваше Высочество, — сказал адмирал Кренстон. — Я тороплюсь. Что мне делать с прибытием «Ленина»? Корабль выйдет на орбиту

через шесть часов, и я должен отправить приказ Кутузову.

— Мы можем решить это, если вы примете мое предложение, дядя Бен,

— сказал Сэлли. — Поселить их во Дворце, назначить к ним прислугу и охрану, и пусть мошкиты сами решают, кого они хотят видеть.

— В этом есть смысл, Бенджи, — сказал Меррилл. — В конце концов, они представители суверенной власти. Трудно объяснить содержание их взаперти, не так ли? Будет большая вонь, а зачем нам это?

— Адмирал Кутузов убежден, что мошкиты представляют угрозу, — сказал военный министр. — По его словам, они очень хорошо умеют убеждать. Дайте им возможность говорить, с кем они захотят, и у нас могут возникнуть политические неприятности. А это, Ваше Высочество, нам ни к чему.

— Но согласитесь все-таки, что три мошкита не представляют военной угрозы, — настаивала Сэлли.

Бенджамин Фаулер тяжело вздохнул.

— Меня волнует не военная угроза! Если мы предоставим мошкитам свободу, они займутся сделками! Доклад Бари убеждает меня в этом.

Может образоваться группа заинтересованных лиц, поддерживающая их. Начнутся переговоры о торговых соглашениях.

— Комиссия наложит вето на любые соглашения, дядя Бен.

— А если мошкиты именно такие, как представляет их Хорват — миролюбивые, желающие отдать или продать нам новые технологии, не стремящиеся к завоеванию жизненного пространства и — откуда, черт возьми, он может знать это? — не представляющие военной угрозы и не собирающиеся вступать в союз с внешними…

Адмирал Кренстон издал глухое рычание.

— Даже если они только это и не более, они по-прежнему останутся проблемой. Прежде всего, их технология способна встряхнуть всю Империю. Мы не можем позволить ей широко распространиться без предварительного плана перестройки.

— Рабочие за такое решение, — сухо сказал Меррилл. — Президент ИФЛ был здесь менее часа назад, требуя, чтобы мы спрятали мошкитов до тех пор, пока его люди не изучат проблемы безработицы. Он не против новой технологии, но хочет, чтобы мы были осторожны. Я не могу

винить его за это.

— ИТА тоже не более убедительна, — добавил Род. — Прошлой ночью у леди Малькольм двое торговцев сказали мне, что поддерживают такое мнение о мошкитах, — Род коснулся пальцами лацканов своей яркой вязаной туники. Гражданское платье шло ему больше и было более удобным, чем мундир Военного Флота, но оно не выглядело более удобным.

— Черт побери, я не знаю, что сказать! Я был так занят этими бессмысленными речами, собраниями и чертовыми приемами, что не имел возможности придумать ничего конструктивного.

— Конечно, конечно, — успокоил его Меррилл. — И все же, мой лорд, приказ Его Величества достаточно ясен. Я должен получить совет от вашей комиссии. И я все еще жду этого совета. Леди Сандра…

— Сэлли, пожалуйста, — ей никогда не нравилось это имя, хотя почему — она объяснить не могла.

— Леди Сэлли, по крайней мере, что-то предложила нам. Сенатор, вам с Блейном нужно делать нечто большее, чем просто жаловаться, что вы мало знаете!

— Для моего Флота это не имеет значения, — вставил Армстронг. — Я должен знать, могут ли линкоры Кренстона вернуться к преследованию внешних или должны оставаться в этом углу сектора? Восстаний будет еще больше, если мы не покажем свой флаг в самых отдаленный провинциях!

— Они чего-то требуют? — спросил Род.

— Да. Они хотят иметь собственные корабли. Кроме того, им нужна возможность вмешиваться в имперскую политику, но главное — это корабли! Этого достаточно, чтобы свихнуться! Они хотят управлять своими внутренними делами и не желают платить налоги больше, чем платим мы. Когда там заваривается каша, они зовут нас, и мы приходим. Но это не ваши заботы, мой лорд. Если нам действительно потребуются корабли для защиты человечества от инопланетных чудовищ, я найду их, даже если для этого мне самому придется работать на Верфях Макферсона!

— Выходит, нам почти выгодно, чтобы мошкиты оказались враждебными,

— задумчиво сказал Меррилл. — Реальная угроза Империи должна объединить провинции… Интересно, как воспримут эту историю бароны?

— Ваше Высочество! — запротестовала Сэлли.

— Это просто мысли вслух.

— Ослепить их беготней за материалом, — буркнул Фаулер, и все повернулись к нему. — Это очевидно. Когда прибудет «Ленин», мы устроим шоу, какого Новая Шотландия никогда не видела. Большой прием для мошкитов. Почетная встреча. Множество формальностей, парадов, обзоров, экскурсий. Встречи с людьми из министерства иностранных дел. Никто не будет возражать, если публичные появления мошкитов, церемонии и министерство иностранных дел монополизируют все время. А мы тем временем будем работать. Ваше Высочество, вы получите совет, как только это будет возможно, но Леон… Его Величество послал меня сюда не для того, чтобы принимать решение с налету. Пока я не узнаю больше, мы будем собирать сведения.

ПАРАД

Посадочная шлюпка села на крышу дворца с высоким жалобным визгом реактивных струй, перешедшим в низкое гудение, а затем замершим совсем. Снаружи донесся барабанный бой. Затем в кабину проникли другие звуки, резко усилившиеся, когда люк был открыт.

Дэвид Харди, щурясь от яркого солнечного света, смотрел на разноцветные камни Дворца. Он вдохнул свежий воздух, в котором не было запахов корабля и людей, и почувствовал теплоту Новой Каледонии. Его подошвы ощутили твердый камень. Дома!

— ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ, ВНИМАНИЕ!

О, Боже, подумал Дэвид, они выходят. Он расправил плечи и двинулся вниз по пандусу, глядя, как оператор направляет на него камеру. Остальные офицеры и штатские шли следом. Последним был доктор Хорват, и, когда он появился, Дэвид кивнул ответственному офицеру.

— НА КАРАУЛ! — Раз, два! Пятьдесят пар белых перчаток сделали одинаковые движения, хлопнув по своему оружию. Пятьдесят пар пурпурных рукавов, тяжелых от золотого шитья, замерли с

геометрической точностью. Барабанная дробь стала громче и быстрее.

Мошкиты спустились по пандусу, щурясь от лучей Новой Каледонии. Трубы протрубили приветствие, затем умолкли вместе с барабанами. Тишину нарушал только легкий звук уличного движения, доносившийся с улицы в полукилометре отсюда. Даже репортеры на своей высокой платформе замерли. Мошкиты резко закрутили своими телами.

Любопытно! Наконец-то человеческий мир, и люди, которые им управляют. И все же, что они делают? Впереди тянулись две линии по двадцать пять звездных пехотинцев в каждой, замерших в напряженный позах; оружие они держали в каком-то неудобном положении, все одинаково и явно никому не угрожая, но Иван машинально повернулся, ища своих Воинов.

Справа стояли еще звездные пехотинцы, но оружия у них не было, а только какие-то громкие инструменты, а некоторые держали приспущенные знамена. Затем трое вооруженных и четвертый, державший более крупное знамя — не приспущенное — с символами, которые они видели прежде: корона и космический корабль, орел, серп и молот.

Прямо впереди, за группой людей с «Ленина» и «Мак-Артура», стояли люди в каких-то безумных одеждах. Они явно собирались говорить с мошкитами, но не говорили.

— Капитан Блейн и мисс Фаулер, — прощебетала Джок, — Их поза показывает, что двое впереди них заслуживают уважения.

Дэвид Харди повел мошкитов вперед. Чужака все еще морщили свои носы и переговаривались между собой музыкальными голосами.

— Если воздух неприятен, — сказал Дэвид, — мы можем сделать фильтры. Хотя я не заметил, чтобы корабельный воздух доставлял вам неприятности, — он снова набрал полные легкие драгоценного чистого воздуха.

— Нет, нет, он только немного резок, но безвкусен, — сказал Посредник. Отличить их друг от друга было невозможно. — И потом, здесь есть дополнительный кислород. Думаю, он нам понадобится.

— Гравитация?

— Да, — мошкита искоса взглянула на солнце. — Нам также понадобятся темные очки.

— Конечно.

Они дошли до конца шеренги почетного караула. Харди поклонился Мерриллу, и оба По-

средника сделали то же самое, с удивительной точностью повторив его движение. Белый на мгновение замер, затем поклонился, но не так низко, как остальные.

Доктор Хорват ждал их.

— Принц Стивен Меррилл, Вице-Король Его Императорского Величества в Трансугольном Секторе, — объявил он. — Ваше Высочество, посол с Мошки-1. Его зовут Иван.

Меррилл официально поклонился, затем указал на Бенджамина Фаулера.

— Сенатор Бенджамин Брайт Фаулер, Лорд-Председатель Имперской Чрезвычайной Комиссии. Сенатор Фаулер уполномочен говорить с вами от имени Императора и имеет к вам послание от Его Императорского Величества.

Мошкиты снова поклонились.

На этот раз сенатор Фаулер позволил камердинеру одеть его как следует: по-видимому, все человечество просмотрит запись этой встречи. На нем была темная туника без украшений, но с маленьким золотым солнцем на левой стороне груди, новый шарф и идеально подогнанные брюки, заправленные в мягкие сверкающие ботинки. Сунув подмышку резную черную трость с золотой ручкой, он принял от Рода Блейна пергамент.

Фаулер начал читать голосом «для официальных выступлений»; в спорах он бывал груб, но его официальные выступления были высокопарны. И это не составляло исключения.

— Леонид IX, милостью Божьей Император Человечества, приветствует и поздравляет представителей цивилизации Мошки. Тысячи лет человечество искало во вселенной братьев. Мы мечтали о них всю нашу историю… — послание было длинным и официальным, и мошкиты слушали его молча. Слева от них группа мужчин толкалась и перешептывалась, направляя на них какие-то инструменты, которые мошкиты определили, как плохо сделанные тривизионные камеры. Камер было много, а людей еще больше. Почему нужно так много людей для такой простой работы?

Наконец, Фаулер закончил и, не поворачивая головы, проследил взглядом за мошкитами.

— Джентльмены из прессы, — буркнул он. — Мы постараемся, чтобы они не очень беспокоили вас. — Затем он поднял пергамент, показывая Имперскую печать, и передал его мошкитам.

— Они явно ждут ответа. Это одно из «официальных» событий, о которых предупреждал Харди. Я понятия не имею, что сказать. Может, вы?

Джок: — Нет. Но мы должны что-то сказать.

— Что они сказали нам? — спросил Мастер.

— Я могу перевести, но это не имеет смысла. Они приветствуют нас от имени своего Императора, который, кажется, является Сверхмастером. Этот маленький круглый человек — Посредник их императора.

— Ага. Наконец-то мы нашли того, с кем можно разговаривать. Скажите ей…

— Но он ничего не сказал!

— Тогда скажите ничего в ответ.

— Мы очень признательны за приветствие вашего императора. Мы верим, что эта первая встреча разумных рас явится историческим событием, возможно, наиболее важным в наших историях. Нам бы хотелось начать торговлю, взаимовыгодную для мошкитов и человечества.

— Вы говорите, как Хорват.

— Разумеется. Это его слова. Он часто пользовался ими до того, как люди уничтожили свой меньший корабль. Мы должны узнать, почему они сделали это.

— Нельзя спрашивать этого, пока мы не узнаем о людях побольше.

Молчание затягивалось. Мошкиты явно не собирались больше говорить.

— Несомненно, вы устали после путешествия, — сказал Меррилл, — и хотите отдохнуть в своих квартирах, прежде чем начнется парад, — когда мошкиты не ответили, Меррилл слегка махнул рукой. Оркестр заиграл марш, и мошкитов повели к лифту.

— Мы избавим вас от этой чертовой прессы, — проворчал Фаулер. Он повернулся к камерам и улыбнулся. То же сделали остальные и стояли так, улыбаясь, пока двери лифта не закрылись перед репортерами, понявшими, что мошкитов увозят, и бросившимися вперед.

В комнатах не было явных камер, и двери имели внутренние замки. Комнат было много, и все с высокими потолками. В трех из них стояло то, что, по мнению людей, должно было служить мошкитам постелями, и к каждой из этих комнат примыкало помещение для удаления отходов и умывания. В другой комнате находился холодильник, огненная и микроволновая печи, большие запасы продуктов, включая запасы, привезенные мошкитами, столовые приборы и еще какое-то оборудование, которого они не определили. В следующей комнате, самой большой из всех, стоял большой стол полированного дерева и стулья для людей и мошкитов.

Они были потрясены этим огромным пространством.

— Экран тривидения! — воскликнула Джок. Она повернула выключатель, и появилось изображение. Это была запись их самих, слушающих послание Императора. На других каналах было либо то же самое, либо мужчина, говоривший о прибытии мошкитов, либо…

Огромный человек в свободной одежде, который что-то кричал. Его голос и жесты выражали гнев.

— Дьяволы! Их нужно уничтожить! Его Легионы должны выступить против Легионов Ада!

Затем крикуна убрали, и появился другой мужчина, тоже в просторной одежде, но не кричавший, а говоривший спокойно.

— Вы слышали человека, который называет себя Его голосом. От имени Церкви заверяю вас, что мошкиты не ангелы и не дьяволы, а просто разумные существа, во многом подобные нам. Если они и представляют угрозу для человечества, то вовсе не духовную, и слуг Его Величества вполне достаточно, чтобы справиться с ними.

— Кардинал Рэнсдорф, определила ли Церковь э… статус мошкитов? Их место в теологии…

— Конечно, нет. Но я могу сказать, что едва ли

это сверхъестественные существа.

Кардинал Рэнсдорф рассмеялся, и комментатор последовал его примеру. От человека, который гневно кричал, не было и следа.

— Идем, — сказал Мастер. — Для этого у нас будет время позднее, — они вошли в большую комнату и сели за стол. Чарли принесла зерно из их пищевых запасов.

— Вы чувствуете этот воздух? — сказала Джок. — Никакой промышленности! Планета должна быть почти пуста! Здесь хватит места для миллиарда Мастеров со всеми подчиненными.

— Слишком сильный солнечный свет слепит нас, а гравитация сделает короче наши жизни, — Чарли глубоко вздохнула. — Но здесь есть место, пища и металл. Гравитация и солнечный свет будут проклятием. Мы возьмем это.

— Должно быть, я что-то неправильно поняла, — Джок жестом выразила свое удивление. — Не думаю, чтобы мы втроем смогли забрать ее силой.

— Эти люди подводят меня к мыслям о Безумном Эдди! Вы видели? Вы слышали? Посредник Императора питает отвращение к операторам тривизионных камер, и все-таки улыбается им и намекает, что у него не так много власти, чтобы

помешать им досаждать нам.

— Они передают нас по тривидению, — сказал Мастер.

— И совершенно ясно, что люди смотрят. Там были представители от многих Мастеров. Вы видели это, — Джок выразила свое удовольствие. — У меня будет много возможностей узнать, как люди управляют и как они живут.

— Они дали нам источник информации, который не контролируют, — сказал Мастер. — Что это значит?

Посредники молчали.

— Да, — сказал Иван. — Если мы не достигнем успеха в своей миссии, нам не разрешат вернуться, — он выразил равнодушие. — Мы знали это до того, как отправились сюда. Сейчас для нас более важно как можно скорее начать с людьми торговлю, или определить эти сношения с людьми нежелательными и найти способ предотвратить их. Мы должны действовать быстро.

Они знали это. Посредники, предложившие эту миссию, и Мастер, согласившийся на нее, знали, что время ограничено, еще до того, как покинули Мошку-1. Причин было две: жизненный цикл Посредников не долог, да и Мастер должен умереть примерно в то же время. Гормональный дисба-

ланс, который сделал их стерильными и навсегда мужчинами, должен был убить их. Но только мулы и стерильный Хранитель могли быть посланы, потому что Мастера не доверяли никому, кроме Хранителей, выполнявших свои задачи, а только Хранитель мог выжить, не размножаясь.

Второе ограничение времени было не таким предсказуемым, но от этого не менее верным: цивилизация Мошки вновь была обречена. Кончался очередной Цикл, и несмотря на попытки Безумных Эдди, ничто не могло остановить его. После коллапса люди должны были увидеть мошкитов, впавших в варварство. В то время раса будет почти или полностью беспомощна — что в этом случае сделают люди?

Никто не знал этого, и ни один Мастер не хотел рисковать.

— Люди обещали устроить обсуждение торговли. Я полагаю, их инструментом будет Посредник, а также, возможно, мистер Бари или кто-то вроде него, — Джок встал со стула и осмотрел покрытые панелями стены. Среди филиграни были укрыты кнопки, и он нажал одну из них. Панель скользнула в сторону, открыв еще один тривизор, и Джок занялся им.

— Что тут обсуждать? — спросил Мастер. — Нам

нужна пища и земля или чтобы нас оставили одних с нашими Циклами. Мы должны скрывать насущную необходимость наших нужд и причины этого. Кроме идей, мы мало чем можем торговать — у нас нет ресурсов, которые можно добывать. Если людям нужны товары длительного пользования, им придется поставлять нам металл, чтобы получить их.

Любое выкачивание из Мошки ресурсов должно было продлить коллапс, а этого нельзя было допускать.

— Флот продолжает хранить молчание в этом вопросе, но я могу сказать вам, что они обладают технологией, превосходящей все, чем располагала Первая Империя, — сказал комментатор на экране. Он выглядел испуганным.

— Люди больше не владеют большинством из того, что имели, — сказала Джок. — Когда-то, во время периода, который они называют Первой Империей, у них была машина удивительной эффективности, превращающая пищу. Ей требовалась только энергия и органическая материя: мусор, трава, даже умершие животные и люди. Яды удалялись или перерабатывались.

— Вам известны ее принципы? Как широко она была распространена? Почему люди больше не

имеют ее? — спросил Мастер.

— Нет. Никто из людей не говорит об этом.

— Я слышала, — добавила Чарли. — Это был рядовой по имени Дубчек, и он пытался скрыть очевидный факт, что у людей есть Циклы. Они все так делают.

— Мы знаем об их циклах, — сказал Иван. — Это странно неравномерные Циклы.

— Мы знаем, что говорили нам гардемарины в последние часы своей жизни. Нам известно, что подразумевали другие. Мы знаем, как их пугает могущество Первой Империи, но не восхищают их прежние цивилизации. Возможно, тривидение даст возможность понять это.

— Эта пищевая машина — могут другие знать о ней больше?

— Да. Если бы у нас был Коричневый, и удалось найти людей, знающих принципы, возможно…

— Доставьте мне радость перед сном, — сказала Чарли, — перестаньте мечтать о Коричневых.

— Ничем не могу помочь. Когда я лежу на их ложах, сижу на их стульях, мысли мои почему-то обращаются…

— Коричневый неизбежно должен умереть. Двум Коричневым нужно непрерывно размножаться и размножаться, а если это невозможно,

они умирают. Замолчите о Коричневых.

— Хорошо. Но одна такая пищевая машина могла бы отсрочить новый Цикл на семьдесят два года.

— Вы узнаете все, что возможно, об этой машине, — распорядился Иван. — А теперь хватит говорить о Коричневых. Мое ложе так же неудобно, как и ваши.

Трибуна располагалась перед воротами Дворца и была полна людей. Другие временные строения тянулись в обе стороны вдоль дороги насколько могли видеть мошкитов со своего места в первом ряду. Люди сновали вокруг них.

Иван сидел невозмутимо. Цель происходящего была непонятна, но люди пытались соблюсти приличия. Когда мошкиты покинули свои комнаты, их сопровождали люди с оружием, а эти люди не разглядывали мошкитов — они непрерывно следили за толпой, окружавшей их. Эти звездные пехотинцы не производили особого впечатления, и в руках Воинов были бы не лучше Мясных, но, по крайней мере, Мастера людей позаботились о телохранителях. Они пытались быть вежливыми.

Посредники переговаривались, как делали это всегда, а Иван внимательно слушал. Можно было

многое узнать из беседы Посредников.

Джок: — Это Сверхмастера этой планеты и еще двенадцати или более планет. И все они говорят, что они должны сделать это. Почему?

Чарли: — У меня есть теория. О структуре их уважения. Смотрите, как они подходят к своим местам: Вице-Король Меррилл помогает Сэлли подниматься по ступеням. Титулы опускаются одними и всегда называются другими, а дикторы дают их излишне полно. «Джентльмены прессы», похоже, вообще не имеют статуса, и все же те, кого они останавливают, выражают удовольствие. Хотя им запрещено идти туда, куда они хотят, их не наказывают за попытки.

Джок: — И какую структуру вы видите? Я не замечаю ничего.

Иван: — Есть какие-нибудь выводы?

— Нет, только вопросы, — ответила Чарли.

Иван: — Тогда позвольте мне сделать свои наблюдения.

Джок перешла на современный язык троянских астероидов:

— Какую структуру вы видите?

Чарли ответила на том же языке:

— Я вижу сложную сеть обязанностей, внутри которой имеется пирамида власти. Никто не

является полностью независимым, но по мере приближения к вершине пирамиды власть резко возрастает. Впрочем, она редко используется полностью. Есть линии обязанностей, которые тянутся во всех направлениях: вверх, вниз, в стороны, совершенно чуждым для нас образом. Так или иначе, все люди работают друг для друга. Вице-Король Меррилл отвечает на команды сверху и на обязанности снизу. Коричневые, Фермеры, Воины и Рабочие требуют и получают периодические отчеты о деятельности своих Мастеров.

Джок (изумленно): — Это слишком сложно. И все же мы должны узнать, можно ли предсказывать поведение людей.

Чарли: — Эта структура изменяется. Кроме того, в ней есть позиция, называемая «Формальность»…

УДАР!

Джок: — Да, я видела. Маленькая женщина пробежала перед машиной. Смотрите, люди в машине потрясены, может, даже получили повреждения. Машина остановилась очень резко. Какие прерогативы может иметь эта женщина?

Джок: — Если ее уводят родители, значит, она прото-Инженер. За исключением этого, она просто маленькая женщина, и это машина Мастера

остановилась, чтобы избежать столкновения с ней, нанеся ущерб Мастеру. Теперь я понимаю, почему их финч'клик' сходят с ума.

Трибуна была почти полной, и Харди вернулся на свое место рядом с ними. Чарли спросила:

— Можете вы еще раз объяснить, что здесь происходит? Мы не понимаем, а у вас мало времени.

Харди уже думал об этом. Любой ребенок знал, что такое парад, но никто и не собирался объяснять этого детям — их просто брали на него. Детям это нравилось, потому что там было много странных и удивительных вещей. Взрослые же… со взрослыми другое дело.

— Много мужчин пройдет мимо нас в правильных колоннах, — сказал он. — Некоторые будут играть на музыкальных инструментах. Потом проедут машины, показывая ручные изделия, продукцию сельского хозяйства и искусство. Затем пройдет еще больше мужчин, и их группы будут одинаково одеты.

— А с какой целью?

Харди рассмеялся.

— Чтобы оказать честь вам, друг другу и самим себе. Показать свое умение, — А, может быть, и свою мощь… — Мы устраиваем парады с самого начала своей истории, и нет никаких причин

отказываться от этого.

— Это одно из тех официальных событий, о которых вы говорили?

— Да, но одновременно это и забава, — Харди благосклонно улыбнулся своим питомцам. Они выглядели прелестно с их коричнево-белым мехом и выпуклыми черными очками, державшимися на ремешках, потому что у мошкитов не было носов, чтобы поддерживать обычные очки. Эти темные выпуклости придавали им неестественно торжественный вид.

Харди оглянулся на возню позади. Представители Адмиралтейства занимали свои места. Харди узнал адмирала Кутузова и адмирала Флота Кренстона.

Мошкиты защебетали между собой, их голоса становились то выше, то ниже, руки мелькали…

— Это он! Это Мастер «Ленина»! — Джок встала и смотрела на него. Руки ее выражали удивление, радость, недоверие…

Чарли изучала поведение людей, когда они продвигались по трибуне. Кто кому уступает? Каким образом? Просто одетые люди реагировали предсказуемо, и покрой их одежды давал им точный статус. Блейн однажды надевал подобную одежду и, пока это продолжалось, занимал

в теории место, предназначенное ему. Теперь он больше не носил ее, и схема для него изменилась. Даже Кутузов поклонился ему. Закончив наблюдать реакции людей и выражения их лиц, Чарли сказала:

— Вы правы. Будьте осторожны.

— Вы уверены? — требовательно спросил Белый.

— Да! Он тот, кого я изучала так долго, с такого большого расстояния, исключительно по поведению тех, кто принимал его приказы. Видите широкую нашивку на его рукаве, круглый символ планеты на груди, уважение, оказываемое ему звездными пехотинцами «Ленина»… конечно, это он! Я была права с самого начала — это одно существо и человек!

— Вы должны перестать изучать его. Повернитесь вперед.

— Нет! Мы должны знать этот тип людей! Это класс, который они выбрали командовать своими военными кораблями.

— Отвернитесь.

— Вы Мастер, но вы не мой Мастер.

— Повинуйтесь, — сказал Иван. Он был не слишком силен в споре.

Зато сильна была Чарли. Пока Джок дергалась,

пытаясь справиться с внутренним противоречием, Чарли перешла на древний, полузабытый язык не столько для того, чтобы скрыть смысл слов, сколько чтобы напомнить Джок, как много они должны скрывать.

— Будь у нас много Посредников, можно было бы рискнуть, но если вы сейчас сойдете с ума, о политике будем решать Иван и я. Ваш Мастер не будет представлен.

— Но опасности, которые угрожают нашему миру…

— Вспомните о своих сестрах. Посредник Сэлли Фаулер пытается убедить Мастеров, что мир можно сделать совершенным, если они попытаются сдержать свое размножение. Посредника Горация Бари…

— Если мы сможем узнать…

— … не могут найти. Он направил письма самым могущественным Мастерам, предлагая им свои услуги и указывая на ценность информации, которой он обладает. Посредник Джонатана Уайтбрида предала своего Мастера и убила своего собственного финч'клик'! — Чарли коротко глянула на Ивана. Мастер наблюдал за ними, но не должен был ничего понимать.

Чарли перешла на обычный язык.

— Посредник капитана, Лорда Родерика Блейна, стала Безумным Эдди. Вы при этом присутствовали. Посредник Гэвина Поттера — Безумный Эдди. Посредник Синклера полезна для общества, но тоже безумна.

— Это правда, — сказал Белый. — Мы возложили на нее ответственность за создание защитного поля, подобного тому, каким обладают люди. Она работает с Коричневыми, и сама пользуется инструментами. Но со своим Мастером и сестрами-Посредниками она говорит так, словно ее теменные доли повреждены.

Иван вдруг сел, глядя вперед.

Чарли продолжала:

— Только Посредник Хорста Стели осталась нормальной по всем стандартам. Вы не должны отождествлять себя ни с одним человеком.

Джок вновь перешла на современный Троянский.

— Но мы одни здесь. Что же, я должна быть финч'клик' Ивана?

— Вы не должны становиться финч'клик' ни одного человека, — заявил Иван, заметивший переход на другой язык. Чарли не ответила.

Что бы это ни было, подумал Харди, я рад, что оно кончилось. Разговор мошкитов продолжался

всего с полминуты, но в нем содержалось много информации, и эмоциональное удовлетворение было высоко. Дэвид был уверен в этом, хотя до сих пор мог различить только несколько фраз на каком-то из языков мошкитов. Вообще, он только недавно понял, что этих языков несколько.

— Сюда идут Вице-Король и члены Комиссии, — сказал Харди. — И оркестры двинулись. Сейчас вы поймете, на что похож парад.

Роду казалось, что каждый камень Дворца задрожал от этого звука. Сотни барабанщиков шли под грохот своих ударов, а за ними духовой оркестр грянул какой-то древний марш времен СоВладения. Ведущий поднял свой жезл, и группа направилась обратно, прежде чем на трибуне вежливо зааплодировали. Вскинутые жезлы девушек закружились в воздухе.

— Посол спрашивает, Воины ли это? — крикнула Чарли.

Род едва не рассмеялся, но вовремя взял себя в руки.

— Нет. Это оркестр Высшей школы Джона Мюира — младшая группа. Возможно, некоторые из них станут воинами, когда подрастут, а остальные будут фермерами, инженерами или…

— Спасибо, — прощебетала Джок.

Не то, чтобы у нас не было воинов, подумал Род. Устраивая этот прием, который наверняка соберет максимальную в истории Империи тривизионную аудиторию, Меррилл не собирался упускать случай показать на мгновение бронированный кулак. Это должно заставить возможных мятежников дважды подумать. Однако, здесь не будет показано много вооружения, и будет больше молодых девушек с цветами, чем звездных пехотинцев и солдат.

Парад казался бесконечным. Каждый провинциальный барон хотел пустить пыль в глаза, каждая гильдия, корпорация, город, школа, ложа — все хотели пройти, и Фаулер сказал, что разрешает это им всем.

За оркестром школы Джона Мюира проследовал полубатальон войск Союза Горцев в кильтах, с барабанами и завывающими волынками. Эта дикая музыка действовала Роду на нервы, но он старался сдерживаться — хотя Союз располагался по другую сторону Угольного Мешка, горцы были популярны на Новой Шотландии, и все новошотландцы любили или делали вид, что любят эти трубы.

Горцы были вооружены мечами и пиками и носили кивера из оленьей шкуры почти метр

длиной. Яркие пледы накрывали их плечи. Сейчас они были совсем не страшными, но репутация этих воинов была достаточно высока: армии любого из известных миров не понравилось бы иметь с ними дело, когда они снимают свои парадные украшения и надевают боевые доспехи.

— Это воины? — спросила Чарли.

— Да. Это часть церемониальной гвардии Вице-Короля Меррилла, — ответил Род. Он стоял смирно, пока разноцветный отряд маршировал мимо, и с трудом сдерживался, чтобы не поднять в приветствии руку. Вместо этого он снял шляпу.

Парад продолжался: покрытая цветами платформа барона с Новой Ирландии; гильдии ремесленников; еще войска, на этот раз фридлендерцы, марширующие неуклюже, поскольку были артиллеристами и танкистами и не имели сейчас своих экипажей. Еще одно напоминание провинциям о том, кого Его Величество может послать против своих врагов.

— Как воспринимают все это мошкиты? — спросил уголком рта Меррилл, различая цвета еще одного барона.

— Трудно сказать, — ответил сенатор Фаулер.

— Более важно, как воспримут это провинции, — сказал Армстронг. — Этот показ во много

раз ценнее визита линейного крейсера. И гораздо дешевле.

— Дешевле для правительства, — сказал Меррилл. — Мне неприятно даже думать, что придется посылать все это. К счастью, это не мое дело.

— Род, вы сейчас можете уйти, — сказал сенатор Фаулер. — Харди извинится за вас перед мошкитами.

— Хорошо. Спасибо, — Род скользнул в сторону. За его спиной раздавались звуки парада и приглушенный разговор его друзей.

— Я никогда в жизни не слышала так много барабанов, — сказала Сэлли.

— Глупости. На каждом Дне Рождения, — напомнил ей сенатор Фаулер.

— Да, но я-то не видела всего этого на Днях Рождения.

— День Рождения? — спросила Джок.

Род ушел, когда Сэлли пыталась объяснить сущность патриотических праздников, а мимо трибуны с гэльским великолепием двигалась сотня трубачей.

ИСКУССТВО ПЕРЕГОВОРОВ

Маленькая группа двигалась в гневном молчании. Враждебность Горовица была хорошо заметна, когда он вел их все глубже под землю. Я самый компетентный ксенолог в Трансугольном секторе, думал он. Им бы пришлось направиться на Спарту, чтобы найти кого-нибудь лучше, и все-таки этот чертов молодой лорд и его полувоспитанная леди сомневаются в моем профессиональном слове.

И я должен мириться с этим.

Горовиц понимал: сомнений насчет этого быть не могло. Президент университета лично объяснил это ему.

— Ради бога, Зигги, сделайте, как они хотят! Эта Комиссия имеет большое влияние. Весь наш бюджет, не говоря уже о вашем отделе, может предстать в их докладе совсем не так, как на самом деле. Что, если они скажут, что мы не хотим сотрудничать, и запросят помощи со Спарты?

Ну, что ж, по крайней мере, эти молодые аристократы знают, что его время очень ценно. Пока они шли к лаборатории, он сказал им это полдюжины раз.

Они были глубоко под землей, в Старом Университете, ступая по каменным полам, источенным временем. Сам Мурчисон ходил по этим коридорам до того, как перестройка Новой Шотландии была закончена. И легенда гласила, что его призрак до сих пор можно видеть бродящим по каменным проходам: фигура в капюшоне с одним сияющим красным глазом.

И все-таки, почему это так чертовски важно? Почему эта девица придает этому такое большое значение?

Лаборатория была помещением, высеченным в скале. Горовиц сделал властный жест, и двое ассистентов открыли морозильный контейнер. Из него выскользнул длинный стол.

Пилот Зонда Безумного Эдди лежал на гладкой белой поверхности белого пластика. Его органы находились примерно на тех местах, где они были до вскрытия. Светло-красные, темно-красные, серовато-зеленые самых невероятный форм — цветом и строением Посредник напоминал сейчас человека, подорвавшегося на гранате. Род почувствовал, как желудок его судорожно сжался.

Он содрогнулся, когда Сэлли нетерпеливо наклонилась вперед, чтобы лучше видеть. Ее лицо

было застывшим и мрачным.

— Ну, что? — торжествующе спросил Горовиц. Его костлявый палец ткнул в грязно-зеленые утолщения в брюшной полости размером с земляной орех. — Здесь. И здесь. Это должны быть яички. У прочих разновидностей мошкитов тоже есть внутренние яички.

— Да… — согласилась Сэлли.

— Этого мало? — презрительно спросил Горовиц.

— Мы не знаем, — голос Сэлли по-прежнему был очень серьезен. — На статуэтках нет репродуктивных органов, а мошкиты, вскрытые экспедицией, были Коричневыми или малышами. Коричневый был женщиной.

— Я видел этих малышей, — самодовольно сказал Горовиц.

— Да… — согласилась Сэлли. — Яички у самцов малышей были достаточно велики, чтобы их увидеть…

— Гораздо больше, чем здесь. Но это неважно. Эти вот не могут производить сперму — я доказал это. Этот пилот был мулом, — Горовиц хлопнул руками. — Мулом!

Сэлли изучала вскрытого мошкита. Она действительно огорчена, подумал Род.

— Мошкиты стартовали мужчинами, затем превратились в женщин, — пробормотала она почти неслышно. — Может, этот был незрелый?

— Пилот?

— Да, конечно… — Сэлли вздохнула. — Вероятно, вы правы. У него рост взрослого Посредника. Может, это причуды природы?

— Ха. Вы смеялись надо мной, когда я предположил, что это может быть мутация. Да, это не так. Пока вы совершали свою увеселительную прогулку, мы здесь провернули массу работы. Я изучил его хромосомы и генную систему отвечающую за половое развитие. Это существо было стерильным гибридом двух других форм, которые могли размножаться.

— Это подходит, — сказал Род. — Мошкиты говорили Реннеру, что Посредники являются гибридами…

— Взгляните, — потребовал Горовиц. Он включил экран и принялся нажимать на кнопки. По экрану поплыли изображения. Хромосомы мошкита были плотно упакованными дисками, соединенными в столбики. На дисках были какие-то ленты… и тут Сэлли и Горовиц заговорили на языке, которого Род не понимал. Он рассеянно слушал их, пока не заметил, что ассистент гото-

вит кофе. Девушка мило предложила ему чашку, второй ассистент присоединился к ним, и Рода опять заставили рассказывать о мошкитах.

Спустя полчаса они покинули университет. Что бы там не сказал Горовиц, Сэлли он убедил.

— Почему это так огорчило вас, дорогая? — спросил Род. — Горовиц прав. Для Посредников есть смысл быть мулами, — Род скривился, вспомнив. Горовиц многозначительно добавил, что, будучи мулами, Посредники не должны быть подвержены семейственности.

— Но моя финч'клик' говорила мне. Я уверена в этом. Мы разговаривали о сексе и воспроизведении, и она сказала…

— Что?

— Я не помню точно, — Сэлли вынула свой карманный компьютер и изобразила символы вызова информации. Устройство зажужжало, затем изменило тон, показывая, что нужно воспользоваться радио машины, чтобы связаться с банком данных Дворца. — И я не помню, когда она говорила это… — она написала что-то еще. — Регистрируя эту ленту, я воспользовалась системой перекрестных ссылок.

— Вы найдете ее. Здесь, во Дворце… Кстати, после ленча у нас встреча с мошкитами. Почему

бы не спросить об этом их самих?

Сэлли усмехнулась.

— Вы покраснели.

Сэлли хихикнула.

— Помните, когда маленькие мошкиты впервые совокуплялись? Это было первое определенное указание на отношение полов среди взрослых мошкитов, и я помчалась вниз, в гостиную… Доктор Хорват до сих пор считает меня сексуальной маньячкой!

— Хотите, чтобы спросил я?

— Если не спрошу я. Но, Род, моя финч'клик' не солгала мне. Она просто не могла так поступить.

Они поели в столовой, и Род распорядился подать еще кофе с бренди. Сделав глоток, он задумчиво сказал:

— С этим было послание…

— Да? Вы говорили с мистером Бари?

— Только поблагодарил его. Военный Флот по-прежнему держит его своим гостем. Нет, само это послание было подарком. В нем говорилось, что он мог отправлять сообщения еще до того, как «Ленин» вышел на орбиту вокруг Новой Шотландии.

Сэлли удивилась.

— Вы правы… А почему мы не…

— Мы были слишком заняты. Каждый раз, когда я думал об этом, это казалось не таким важным, и я бросал это занятие. Вопрос вот в чем, Сэлли: что за другие послания он отправил и почему он хотел, чтобы я знал об этом?

Сэлли покачала головой.

— Я уж лучше буду анализировать мотивы действий чужаков, чем мистера Бари. Он очень странный человек.

— Верно. Но он не глуп, — Род встал и помог Сэлли подняться. — Пора идти на встречу.

Они собрались в хижине мошкитов во Дворце. Это должна была быть рабочая встреча. Сенатор Фаулер был занят текущими политическими делами где-то в другом месте, поэтому Род и Сэлли могли задавать вопросы.

— Я рада, что вы кооптировали мистера Реннера в качестве советника, — сказала Сэлли Роду, когда они выходили из лифта. — У него… э… иная точка зрения на мошкитов.

— Иная… Да, это слово подходит, — Род также привлек к работе и других членов экспедиции: священника Харди, Синклера и нескольких ученых. Впрочем, доктора Хорвата они использовать не могли, пока сенатор Фаулер возражал против его просьбы стать членом Комиссии. Министр

по науке мог отказаться подчиняться членам Комиссии.

Звездные пехотинцы, щелкнув каблуками, стали смирно, когда подошли Род и Сэлли.

— Вы слишком много тревожитесь, — сказал Род, ответив на приветствие. — Мошкиты не жалуются на охрану?

— Жалуются? Джок говорила мне, что Послу нравится иметь охрану, — ответила Сэлли. — Я полагаю, он немного боится нас.

Род пожал плечами.

— Они смотрят много тривизионных передач. Бог знает, что они думают сейчас о человеческой расе, — они вошли, застав в комнате оживленный разговор.

— Конечно, я не рассчитывал на прямые доказательства, — говорил священник Харди, — но при этом был бы приятно удивлен, найдя что-то конкретное: священное писание, религию, вроде нашей — что-то вроде этого. Но надеяться? Нет!

— Я по-прежнему удивлена, что вы думали что-то найти, — сказала Чарли. — Будь передо мной задача доказать, что у людей есть душа, я бы не знала, с чего начать.

Харди пожал плечами.

— Я тоже. Но прежде всего я обратился к вашим

верованиям… Вы считаете, что обладаете чем-то вроде бессмертной души.

— Одни считают, другие нет, — сказала Чарли. — Большинство Мастеров верит в это. Подобно людям, мошкиты не думают, что их жизни бессмертны. Или что они могут и должны закончиться. Хэлло, Сэлли, хэлло, Род. Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, — Род кивнул, здороваясь с Джоком и Иваном. Посол, развалившийся на краю своего ложа, выглядел как сюрреалистическое изображение ангорского кота. Мастер легонько стукнул правой нижней рукой — жест, который, как успел понять Род, означал что-то вроде: «Я вижу вас». Несомненно, были и другие приветствия, но они предназначались для других Мастеров, а не для существ, с которыми Посредники обсуждают дела.

Род включил свой карманный компьютер, чтобы ознакомиться с повесткой дня собрания. Табло напомнило ему о двух официальных пунктах обсуждения и о вопросе сенатора Фаулера, который хотел получить ответ, не дав мошкитам понять, что им задавали вопрос. Вопрос этот звучал так: почему мошкиты не спрашивают о судьбе Зонда Безумного Эдди? Напоминать об этом вопросе не

было нужды — он интересовал Рода не меньше, чем сенатора. Правда, он не хотел, чтобы мошкиты задавали его, пока он не будет в состоянии объяснить, что он сделал с Зондом.

— Прежде, чем мы начнем, — сказал Род, — Министерство иностранных дел просит вас прибыть на прием сегодня вечером. Его устраивают бароны и несколько представителей парламента.

Мошкиты защебетали, Иван ответил тем же.

— Благодарим за честь, — официально ответила Джок. В голосе ее не было никакого выражения.

— Хорошо, теперь вернемся к нашим вечным проблемам. Представляете ли вы угрозу для Империи, и как подействует ваша технология на нашу экономику.

— Довольно странно, — ответила Джок, — но те же самые вопросы интересуют и нас. Разумеется, в обратном направлении.

— Но мы никак не можем решить ни одного из них, — заметила Сэлли.

— А как это сделать? — резонно спросил Харди. — Отложим пока в сторону вопрос об угрозе, ибо пока мы не узнаем, что продадут нам наши друзья, экономисты не смогут предсказать, как это подействует на нас… И у мошкитов должны быть те же трудности.

— Они не так интересуются ими, как мы, — нетерпеливо сказал Реннер. — Я согласен с Сэлли. Мы много говорим и мало делаем.

— Мы не сможем ничего сделать, если, наконец, не начнем, — сказал Род, глядя на выход компьютера. — Первый вопрос — это сверхпроводники. Ребята от физики достаточно счастливы, но секция экономики требует данных о цене. Я хочу спросить… — он коснулся рычага, позволяя словам вопроса проплыть по крошечному экрану.

— Вы мулы? — неожиданно спросила Сэлли.

Воцарилось молчание. Глаза Харди слегка сузились, но больше он ничем не выдал своей реакции. Реннер поднял левую бровь. Все они уставились сначала на Сэлли, затем на мошкитов.

— Вы имели в виду Посредников, — сказала Джок. — Да. Конечно.

Снова пауза.

— Все вы? — спросил Реннер.

— Конечно. Мы гибридные формы. Похоже, никому из вас не понравился этот вопрос. Сэлли, что вас тревожит? Посредники были поздним проявлением эволюции, а эволюция групп и племен так же часта, как индивидуумов. Это верно и для людей, не так ли?

Харди кивнул.

— И не только для вас. Для большинства чужих форм жизни, которые мы встретили, тоже.

— Благодарю. Мы полагаем, что племена с Посредниками выживали лучше, чем без них. Мы никогда не видели Посредника, способного к размножению, но, появись такой, она действовала бы в интересах своих детей, а не племени, — мошкита пожала плечами. — Конечно, все это лишь рассуждения. Наша история не уходит так далеко назад. Что касается меня, то мне хотелось бы иметь детей, но я понимаю, что… — мошкита снова пожала плечами. — И все-таки жаль. Сексуальный акт — это главное наслаждение. Мы знаем это. Мы слишком хорошо сопереживаем это с Мастерами.

Вновь воцарилось молчание. Харди прокашлялся, но ничего не сказал.

— Сэлли, раз уж мы заговорили о проблемах мошкитов, есть еще кое-что, что вы должны знать о нас.

Уныние здесь уже можно резать ножом, подумал Род. Почему нас так угнетает, что…

— По сравнению с вашими видами, наши короткоживущие. Мы трое были выбраны за наш опыт и интеллигентность, а не за нашу моло-

дость. Нам осталось значительно меньше десяти лет жизни.

— Но… нет! — Сэлли была явно потрясена. — Все вы?

— Да. Я бы не подняла такой болезненной темы, но мы все считаем нужным сказать вам. Ваши парады, все эти официальные приемы расстраивают нас больше, чем доставляют удовольствие. Мы предвкушаем наслаждение от разгадки тайны, почему вы делаете это. Но мы также должны установить с вами торговые и дипломатические отношения, и здесь у нас определенный лимит времени…

— Да, — сказала Сэлли. Да, конечно. Даже меньше десяти лет!

Джок пожала плечами.

— В среднем Посредники живут двадцать пять лет. Одни больше, другие меньше. У вас, вероятно, есть свои собственные проблемы, — в голосе чужака появилась нотка мрачного удовлетворения. — Например, войны, терзающие вас из-за недостатка Посредников.

Мошкита оглядела комнату. Все молчали, смотря на нее.

— Я огорчила вас всех. Мне очень жаль, но это нужно было сказать… Позвольте нам продолжить

встречу завтра, когда мы обсудим все это, — она издала высокую чистую ноту, и Чарли с Иваном проследовали за ней в личные помещения мошкитов. Дверь мягко закрылась за ними.

Пока они шли к комнате Ивана, Чарли разговаривала с Мастером. Войдя, они закрыли дверь и, хотя были уверены, что в комнате нет камер и подслушивающих устройств, говорили со множеством поэтических намеков, чтобы люди не могли расшифровать этого.

Поза Мастера требовала объяснений.

— Не было времени для консультаций, — воскликнула Джок. — Я заговорила сразу, прежде чем они осознали важность этого вопроса.

— Вы сказали им «да», — сказал Иван. — Вы должны были сказать

«нет». Или «может быть». Или «одни — да, а другие — нет»…

Чарли: — Вы должны были сказать им, что мы не обсуждаем такие вещи. Вы знаете, что люди не любят открыто говорить о вопросах пола.

— Они делают это, когда хотят, — запротестовала Джок. — И их следующей просьбой должно было быть, чтобы мы позволили осмотреть себя их ксенологам. Мы уже имели дело с их физиками, как бы мы смогли отказаться теперь?

Иван: — Их ксенологи не обнаружили бы ничего. Мужчина может показать, что не производит сперму, но вы — женщины.

Чарли пантомимой выразила ритуальную печаль.

— Обстоятельства заставляют меня не согласиться с вами, Мастер. Их первые осмотры не имели руководства. Можно ли сказать, что сейчас они будут менее дотошны? Что они не обнаружат, что все мы страдаем от гормонального дисбаланса? — руки Чарли двигались, выражая извинение за то, что она напомнила Мастеру о его стерильности. — Того же самого дисбаланса, который они обнаружили у Коричневого шахтера. Дисбаланса, которого не было, когда они встретили шахтера, но который появился перед ее смертью на борту «Мак-Артура».

Остальные молчали, и Чарли безжалостно продолжала:

— Они не глупы и могут хорошо увязать эти нарушения с сексуальным воздержанием. Что они открыли относительно Часовщиков? А у них была возможность изучать их: шахтер, конечно же, принесла их на борт.

— Проклятье! — Иван принял позу задумчивости. — Может, они посадили Часовщиков

раздельно?

Оба Посредника выразили недостаток информации.

— Джок была права, ответив именно так, — сказала Чарли. — У них есть тело, которое находилось на борту зонда Безумного Эдди. Пилот должен был быть один и обязательно молодым Посредником с долгой жизнью, чтобы мог переговорить с теми, кого встретит здесь.

— Но наши записи говорят, что этот Посредник должен был умереть, — сказала Джок. — Так и должно было быть; люди ничего не узнали от него. Проклятье! Если бы записи были полными…

— Если бы записи были полными… Если бы у нас был Коричневый… Если бы люди сказали нам, что они сделали с зондом… Если бы люди сказали, почему они уничтожили «Мак-Артур»… Прекратите произносить эти бессмысленные фразы! Вы должны узнать это у людей, — приказал Иван. — Поговорим о том, что люди могли узнать у пилота зонда.

Чарли: — Они должны были вскрыть его. Их ученые-биологи более продвинулись, чем наши. Они говорят о технике генной инженерии, не записанной ни в одном музее и, конечно, не

открытой в этом цикле. Таким образом, можно предположить, что их ксенобиологи поймут, что пилот был стерилен. Финч'клик' Реннера говорила ему, что Посредники — это гибриды.

— Безумный Эдди. Даже тогда, — сказал Иван. — А теперь она постоянно спорит со своим Мастером, — он помолчал, думая, потом сказал Джок: — Вы сделали хорошо. Они в любом случае обнаружили бы, что мы стерильны. Главное, чтобы они не поняли, насколько это важно. Скажет ли это людям, что финч'клик' могли лгать и лгали им?

Молчание. Наконец, Джок сказала:

— Мы не знаем. Финч'клик' Сэлли говорила с ней о сексе, но разговор велся на борту корабля людей. У нас нет записи, а только то, что передавалось нам.

— Передавалось Безумным Эдди, — сказал Иван.

— Я сделала все возможное, чтобы отвлечь их, — сказала Джок.

— Но добились ли вы успеха?

— Да. Это было видно по их лицам.

Иван не мог читать по лицам людей, но понимал, как это делается: вокруг глаз и рта у людей имелись мышцы, с помощью которых выража-

лись эмоции, подобно тому, как мошкиты делали это руками. Посредники могли читать их.

— Продолжайте.

— Уважение к сексуальному акту замедлило их мысли. Затем факт о нашей продолжительности жизни, преподнесенный как наличие смертельной болезни. Теперь эти долгоживущие существа будут жалеть нас.

— Верно, — сказала Чарли.

— Они будут жалеть нас за все, что нам мешает. Они могут даже попытаться найти для нас лекарство.

Иван быстро повернулся к Джок.

— Вы верите, что они могут сделать это?

— Мастер, разве я Безумный Эдди?

Иван расслабился.

— Вы внимательно изучите этот вопрос. Вы обсудите данные, которыми располагают люди, и выводы, к которым они могут прийти. На борту посольского корабля, встретившего «Мак-Артур», были два Инженера?

Джок: — Да.

— Проклятье! А сколько было детей — Посредников, когда они вернулись?

— У меня было четыре сестры.

— Проклятье! — Иван хотел бы сказать больше,

но заявление это навсегда бы лишило его верности Джок. Своей ненормальностью оно могло бы шокировать даже Чарли. Проклятье! Посредники отождествляют себя с Мастерами и воспринимают отношение Мастеров к детям.

Стерильный с ранних лет, Иван был невосприимчив к этим эмоциям. Однако, он знал: детей должны были выбросить в пространство.

КОГДА БАЛ ЗАКОНЧИЛСЯ

— Нет смысла сидеть здесь, — заметил Реннер.

— Да, — Род направился в офис Комиссии, размещенный во Дворце. Сэлли молча следовала за ним.

— Келли, принесите нам чего-нибудь выпить, — сказал Род, когда они сели за стол. — Мне сделайте двойную порцию.

— Да, мой лорд, — Келли удивленно посмотрел на Рода. Неужели Леди Сэлли уже доставляет ему неприятности? И это еще до женитьбы!

— Двадцать пять лет! — воскликнула Сэлли, и в голосе ее звучал горький гнев. — Двадцать пять лет? — повторила она, обращаясь к священнику Харди и ожидая от него объяснения существования вселенной, в которой так много несправедливости.

— Возможно, это цена, которую они платят за большую, чем у людей интеллигенцию, — сказал Реннер. — Это тяжело.

— Это компенсация, — задумчиво отозвался Харди. — Их интеллигенция и их любовь к жизни. Они говорят очень быстро и, вероятно, думают так же. Думаю, мошкиты многое успевают за свои

немногие годы.

Воцарилось молчание. Вернулся Келли с подносом. Он поставил стаканы и вышел, всем видом выражая неодобрение.

Реннер взглянул на Рода, который сидел в позе Мыслителя: локоть на подлокотнике кресла, подбородок на сжатом кулаке, лицо задумчиво. Кевин поднял свой бокал.

— Сидим, как на поминках, — сказал он.

Никто не ответил. Род оставил свой бокал нетронутым. Человек может хорошо жить и имея жизнь в четверть века, подумал он. Разве столько жили люди в доатомное время? Но это не могло быть полным. Сейчас мне двадцать пять, а я еще не имею семьи, не жил с женщиной, которую люблю, и не начал политической карьеры…

Он посмотрел на Сэлли, которая встала и принялась расхаживать по комнате. О чем она думает сейчас? Может, пытается решить эту проблему за них? Но если не смогли они, что можем сделать мы?

— Это никуда не приведет нас, — сказал Реннер. Он вновь поднял свой бокал. — Если Посредников не огорчает, что они короткоживущие мулы, то почему мы… — Он замолчал на середине фразы. — Мулы? Значит, дети-Посредники на

посольском корабле… должны быть детьми двух Коричневых и скрывающегося Белого.

Все посмотрели на него. Сэлли прекратила расхаживать и вновь села.

— Когда мы вернулись на Мошку-1, у них было четверо детей, — сказала она. — Верно?

— Действительно, — сказал Харди, взболтнув бренди в своем бокале.

— Это довольно высокий темп рождаемости.

— Но у них было так мало времени, — запротестовала Сэлли.

— И все-таки это было, — уверенно сказал Реннер. — Скажите, Харди, что вы думаете об этой этической ситуации? Вы собираетесь встретиться с незнакомой, хорошо вооруженной расой. Сами вы находитесь в хрупком, как игрушка, невооруженном корабле, и со всех сторон вас окружают дети…

— Я понял вас, — сказал Дэвид Харди. — Но мне нужно подумать. Возможно…

Его прервал удар кулаком по столу. Даже двумя кулаками. Воскликнув: «О, зубы Господа», Сэлли схватила стило и изобразила какие-то символы на табло своего компьютера. Тот зажужжал и вспыхнул.

— Мы ждали корабль, чтобы высадиться на

планету… Я уверена, что поняла все правильно. Я просто не могла ошибиться.

Харди удивленно взглянул на Сэлли. Реннер вопросительно посмотрел на Рода. Тот пожал плечами и повернулся к своей девушке.

— Ее мошкита никогда не говорила ей, что они являются мулами, — объяснил он остальным.

Компьютер вновь зажужжал. Сэлли кивнула и нажала несколько кнопок. Экран на задней стене осветился, показывая Сэлли Фаулер, разговаривающую с коричнево-белым чужаком. Голоса звучали жутко похоже.

Мошкита: — Вы хотите замуж, чтобы растить детей. А если кто растит детей без замужества?

Сэлли: — Это милосердие.

Мошкита: — Надо понимать, что вы никогда…

Сэлли: — Нет, конечно, нет.

Живая Сэлли покраснела, но лицо ее осталось мрачным.

Мошкита: — Как нет? Я имею ввиду не почему, а как?

Сэлли: — Ну… вы знаете, что мужчина и женщина вступают в половые отношения, чтобы сделать ребенка — так же, как и вы… Я изучила вас довольно тщательно…

— Видимо, недостаточно тщательно, — про-

комментировал Харди.

— Видимо, нет, — сказала Сэлли. — Тс-с…

Мошкита: — Таблетки? И как они действуют? Гормонально?

Сэлли: — Да.

Мошкита: — Но настоящие женщины не пользуются ими?

Сэлли: — Нет.

Мошкита: — Когда вы выйдете замуж?

Сэлли: — Когда найду нужного мужчину… Возможно, я уже нашла его.

Кто-то хихикнул. Сэлли оглянулась и увидела, что Род кажется блаженно беспечным, Харди мягко улыбается, а Реннер смеется. Она гневно посмотрела на парусного мастера, но тот наотрез отказался превращаться в облако черного дыма.

Мошкита: — Тогда почему вы не выйдете за него замуж?

Сэлли: — Я не хочу прыгать в никуда. «Жениться на скорую руку, да на долгую муку». Я могу выйти замуж в любое время. В любое время в течение следующих пяти лет. Потом, если я не выйду замуж, то стану одной из старых дев.

Мошкита: — Старых дев?

Сэлли: — Людей, считающих это ненужным. А что, если мошкита не хочет детей?

Мошкита: — У нас нет половых отношений.

Послышались какие-то щелчки, и экран погас.

— Совершенно верно, — буркнула она. — «У нас нет половых отношений». У них их нет, но нет и альтернативы.

— В самом деле? — Дэвид Харди был удивлен. — Это заявление в контексте с вопросом вводит в заблуждение…

— Она больше не захотела говорить об этом, — заметила Сэлли. — И не удивительно. Я просто не так поняла все это.

— Я никогда не понимал свою мошкиту неправильно, — сказал Реннер.

— Да и она порой хорошо понимала меня…

— Перестаньте.

— Это был день, когда мы отправились на Мошку-1. Вы знали друг друга уже несколько месяцев, — продолжал Реннер. — Священник, что вы думаете об этом?

— Если я понял вас правильно, то то же самое, что и вы.

— На что вы намекаете, мистер Реннер? Я же сказала вам прекратить.

— Леди Сандра была рассержена. Род приготовился к тому, что должно было произойти: ледяной холод или взрыв. А может, и то и другое.

— Я не намекаю на это, Сэлли, — сказал Реннер с внезапной решимостью. — Я говорю это. Ваша мошкита лгала вам. Сознательно и обдуманно.

— Ерунда. Она просто была в затруднении…

Харди легонько покачал головой. Это было слабое движение, но оно остановило Сэлли. Она взглянула на священника.

— Я могу вспомнить только один случай, когда мошкита была в затруднении, — сказал Дэвид. — Это было в Музее. Все они тогда действовали одинаково, и это нисколько не походило на поведение вашей финч'клик' сейчас, Сэлли. Боюсь, что Кевин совершенно прав.

— Но по какой причине? — настаивала Сэлли. — Почему моя… почти моя сестра… должна была лгать мне? Зачем?

Все молчали. Сэлли удовлетворенно кивнула. Она не могла огрызаться на священника Харди из уважения не столько к его занятию, сколько к нему самому. С Реннером было совсем другое дело.

— Скажите мне, если найдете ответ на этот вопрос, мистер Реннер.

— Да, конечно. — Выражение лица Реннера сделало его страшно похожим на Бакмена: мистер Бари узнал бы его немедленно. Он почти не

слушал женщину.

Они покинули сверкающий зал, как только смогли это сделать. За ними оркестр играл вальсы, а мошкиты представлялись бесконечной линии гостей. Там были провинциальные бароны, лидеры Парламента, торговцы, люди, имевшие знакомых в дипломатическом корпусе и множество пробравшихся сюда без приглашений. Всем хотелось увидеть мошкитов.

Род держал Сэлли под руку, пока они шли по пустынным коридорам Дворца к своим квартирам. Издалека глухо доносились древние вальсы.

— Они живут так мало, а мы расходуем их время на… это, — пробормотала Сэлли. — Род, это не порядочно!

— Это часть их миссии, дорогая. Какая им польза от соглашений с нами, если нас не поддержит баронство? Даже с Троном за спиной, нам безопаснее играть в эти политические игры. Точно так же и для них.

— Вероятно. — Она остановила его и прижалась к его плечу. Человек-В-Капюшоне уже полностью вышел из-за горизонта и сейчас разглядывал их через каменные арки. Во дворе внизу слышался плеск фонтана. Они долго стояли так в пустынном коридоре.

— Я люблю вас, — прошептала она. — Как вы меня терпите…

— Это довольно просто. — Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но, не получив ответа, выпрямился.

— Род, я в таком затруднении… Как бы мне извиниться пред Кевином?

— Перед Кевином? Вы шутите. Вы когда-нибудь видели, чтобы Реннер извинялся перед кем-либо? Просто забудьте об этом. Когда в следующий раз встретите его, заговорите с ним так, словно ничего не случилось.

— Но он был прав! Вы это знали, правда?

Он повел ее дальше. Их шаги эхом разносились по коридорам. Даже в тусклом свете каменные стены переливались разными цветами. Вскоре стены скрыли пылающий взгляд Человека-В-Капюшоне, и Род с Сэлли оказались у лестницы.

— Я подозревал это по докладам и коротким разговорам со своей мошкитой. Сегодня днем я кое-что проверил. Да, они лгали нам.

— Но почему, Род? Я не понимаю этого… — Следующий лестничный марш они прошли в молчании.

— Вам не понравится ответ, — сказал Род, когда они дошли до своего этажа. — Она была Посред-

ником, а Посредники представляют Мастеров. Ей приказали лгать вам.

— Но почему? Зачем им было скрывать, что они мулы?

— Надеюсь узнать это. — А может, уже знаю, подумал он. Но не стоит говорить этого Сэлли, пока не будет полной уверенности. — Не принимай это так близко к сердцу, дорогая. Мы тоже лгали им.

Они дошли до его двери, и он положил руку на идентификатор. Дверь скользнула в сторону, открыв Келли в расстегнутой тунике, развалившегося на легком кресле. Звездный пехотинец быстро вскочил.

— Боже правый, Келли! Я же говорил вам не ждать меня. Отправляйтесь спать.

— Важное сообщение, мой лорд. Сенатор Фаулер скоро будет здесь. Он просил вас дождаться его и хотел быть уверен, что вы получите это сообщение.

— Да, — голос Рода был кислым как лимон. — Я получил его. Спасибо.

— Я останусь прислуживать вам.

— Нет, это ни к чему. Нет смысла еще кому-то не спать всю ночь. Уходите. — Род смотрел, как звездный пехотинец исчезает в коридоре. Сэлли громко рассмеялась. — Черт побери, я не вижу в

этом ничего смешного! — фыркнул Род.

— Он защищал мою репутацию, — сказала Сэлли. — Что если бы вы не получили сообщения, и дядя Бен пришел сюда, а мы…

— Верно. Хотите выпить?

— В ожидании дяди Бена, который может прийти в любую минуту? Нет, спасибо, я отправляюсь спать. — Она улыбнулась. — Не засиживайтесь долго.

— Девушка, — он взял ее за плечи и поцеловал — раз, другой. — Я могу сделать так, что он не сможет войти…

— Спокойной ночи, Род.

Он смотрел, пока она вошла в свой номер по другую сторону холла, затем вернулся к бару. Это был длинный, пасмурный вечер с единственной мыслью уйти с приема пораньше.

— Проклятье! — сказал он вслух и залпом выпил содержимое до краев наполненного бокала. — Будь оно все проклято!

Сенатор Фаулер и озабоченный Кевин Реннер появились после того, как Род налил себе вторую порцию.

— Простите за поздний визит, Род, — небрежно сказал Фаулер. — Кевин сказал мне, что сегодня произошло нечто интересное…

— Он так сказал? И предложил встретиться, верно? — Когда Бенджамин Фаулер кивнул, Род повернулся к своему бывшему парусному мастеру. — Я вам этого не забуду… вы…

— У нас нет времени для развлечений, сказал Фаулер. — Есть у вас еще виски?

— Да. — Род налил им обоим, залпом выпил свою порцию и налил себе снова. — Садитесь, Бен. Вы тоже, мистер Реннер. Я не буду извиняться, что отправил прислугу спать.

— О, это хорошо. — сказал Реннер. Поглощенный какими-то мыслями, он опустился в кресло, затем изумленно улыбнулся. Никогда прежде он не сидел в массивном кресле, и это ему явно нравилось.

— Отлично, — сказал сенатор Фаулер. — Расскажите мне, что вы думаете о происшедшем сегодня днем.

— Я покажу вам это. — Род вынул карманный компьютер, и на стене засветился экран. Изображение было не очень хорошим — запись делалась маленькой камерой, скрытой в украшении на тунике Рода, и поле зрения было невелико. Однако звук был великолепен.

Фаулер молча просмотрел ее, потом сказал:

— Давайте еще раз.

Род любезно показал ход встречи еще раз. Пока Фаулер и Реннер смотрели, он направился к бару, подумал, не выпить ли еще виски, потом налил кофе.

— Ну, а теперь скажите, почему вы решили, что это так адски важно,

— потребовал Фаулер.

— Это первое доказательство того, что они лгали нам. О чем еще они не хотят говорить?

— Черт побери, они многого не говорили нам, — сказал Фаулер. — Что же это — ложь?

— Да, — тихо сказал Род. — Во всяком случае, это подразумевает ее. И это не было непониманием, я проверял. У нас есть слишком много записей разговоров, в которых мошкиты говорят что-то не то, понимают это по нашим реакциям и тут же исправляются. Нет, эта мошкита сознательно старалась заставить Сэлли поверить, что это правда.

— Но черт побери, что дает нам знание того, что Посредники не имеют детей? — спросил Фаулер.

— Это говорит о том, что двое Коричневых и Белый имели четырех детей, — медленно сказал Реннер. — На маленьком корабле. В космосе. В условиях непрерывной опасности. Не говоря уже о переполненности корабля.

— Верно. — Бен Фаулер встал и одернул свою тунику. Рубашка под ней была старой, выцветшей и старательно заштопанной в трех местах. — Род, а что думают мошкиты о своих детях? Может, они считают их никем, пока те не научатся говорить?

— Неверно, — сказал Реннер.

— Чтобы вежливо не согласиться с сенатором, — тихо произнес Род, — нужно сказать: «Это не совсем так».

Лицо Реннера вспыхнуло.

— Мне это нравится. Как бы там ни было, сенатор ошибается. Мошкиты думают о своих детях. Единственная религия, о которой они говорили мне, учит, что их души переходят в их детей. Они практически поклоняются этим маленьким баловням!

— Угу. — Фаулер протянул свой бокал, чтобы ему налили еще, и нетерпеливо нахмурился. — Может, это так нравится им, что они делают детей при любой возможности?

— Может быть, — сказал Род. — Но из этого ясно вытекает угроза…

— Вот именно, — сказал Фаулер. — Получается, что планета должна быть переполнена. А это значит, что мошкиты сталкиваются с пробле-

мами перенаселенности, которых у нас никогда не было…

— Вероятно, они могут контролировать это, — заметил Род. — Будь это не так, они вскоре битком забили бы всю систему.

— А с какими результатами? — спросил Фаулер. — Что мы знаем об истории мошкитов?

— Не много, — сказал Реннер. — Они долго живут в цивилизации. Действительно долго. По крайней мере десять тысяч лет назад они собирали астероиды в группы. Я боюсь даже думать, какой долгой может быть их история. — Кевин заерзал в кресле, чтобы получить полное удовольствие от массажа. — У них было много времени, чтобы решить свои проблемы народонаселения. Со времени запуска зонда Безумного Эдди до сегодня, они могли бы заполнить всю систему. Однако, этого не произошло и, следовательно, они могут контролировать рождаемость…

— Но не хотят этого, — заметил Бен. — А что это значит? Если они попадут в Империю, то сколько пройдет времени, прежде чем они превзойдут нас численностью? — Сенатор Фаулер задумчиво гладил пятно на своей рубашке. — Может, они пытаются скрыть именно это. Высокие темпы рождаемости, и нежелание делать с этим что-ли-

бо. — Он вдруг решительно встал. Задумчивости как не было. — Род, пусть ваши люди займутся этим. Я хочу иметь все, что мы знаем об истории мошкитов.

— Да, сэр, — невесело сказал Род.

— Вы говорите как обвинитель на процессе об убийстве, — сказал Реннер. — Боже правый, сенатор, у них была долгая история! Конечно, они нашли решение проблемы перенаселенности.

— Отлично. Каким образом? — фыркнул Фаулер.

— Не знаю. Спросите у них, — сказал Реннер.

— Это я хочу сделать. Но с тех пор, как мы узнали, что они могли лгать и лгали нам… Кстати, почему это так удивляет политиков? — недоуменно спросил он. — Но все равно. Сейчас, когда мы знаем это, я хочу иметь на руках все козыри, прежде чем говорить с мошкитами.

— Возможности для торговли невероятные, — заметила Джок. Руки ее выражали волнение. — Эти люди неописуемо неэффективны в использовании своих ресурсов. У них нет интуиции для работы со сложными инструментами.

— Вообще? — спросил Иван.

— Насколько я заметил, вообще. — Джок указала на тривизор. — Они должны учить свою

молодежь любому делу. Многие программы этого прибора служат этой цели.

— У них есть время для учебы, — сказала Чарли. — Они очень долго живут, дольше, чем любой Мастер.

— Да, но они расходуют его впустую. У них нет Коричневых и нет Часовщиков…

— Вы уверены, что у них нет Часовщиков? — прервал ее Иван.

— Да. Мы не видели никаких признаков ни на кораблях, ни по тривизору. У них нет индивидуализированных личных вещей…

— А я их видел. Охранники, которых приставили к нам на «Ленине», носили такую обувь.

— Сделанную нашими собственными Часовщиками…

— Верно, — сказал Иван. — Теперь мы знаем, почему они уничтожили «Мак-Артур». И почему они боятся нас.

Посредники возбужденно затараторили, пока Иван вновь не оборвал их.

— Вы согласны? — спросил он тоном, требующим подтверждения информации.

— Да! — сказали они в унисон. Затем Чарли торопливо заговорила, опередив Джок:

— Шахтер-Коричневый, которого они взяли на

борт корабля, должно быть, принес пару Часовщиков. Люди ничего не знали о них и позволили им сбежать, допустив их свободное передвижение и дав им время приспособиться…

— Однако, они говорили, что у них есть свои Часовщики, — сказал Иван.

Джок приняла позу, означавшую размышление. Потом сказала:

— Нет. Сэлли позволила нам думать, что они имеют их. Когда ее финч'клик' предположила, что Часовщики людей должны быть крупнее, Сэлли согласилась с этим.

— И гардемарины казались испуганными, когда мы говорили им о конструкции их спасательных шлюпок, — добавила Чарли. — Да, конечно, вы правы.

Воцарилось молчание. Иван подумал, потом сказал:

— Они знают, что у нас есть плодовитые подвиды. Вы должны подумать об этом.

— Они боятся, что мы сознательно пытались уничтожить «Мак-Артур»,

— сказала Чарли. — Проклятье! Если бы только они сказали нам… Мы могли бы предупредить их об опасности, и людям нечего было бы бояться. Проклятье! Ну почему получилось так, что пер-

вый мошкит, которого они встретили, оказалась Коричневым?

— Они сказали, что «Мак-Артур» поражен чумой, — буркнула Джок. — Так оно и было, хотя мы не поверили им. Чума Часовщиков. Однако, если они действительно верили, что мы сознательно уничтожили их корабль, или позволили, чтобы он был уничтожен, почему они не сказали этого? Почему они не спросили нас?

— Они скрывали свою уязвимость, — сказала Чарли. — И они никогда не признают поражения. Даже в свои последние минуты гардемарины отказались сдаться.

Вновь стало тихо, потом заговорил Иван:

— Люди не хотели, чтобы мы знали о Часовщиках у них на корабле, пока они не уничтожат их. Они были уверены, что смогут сделать это. А потом они не хотели, чтобы мы знали, что Часовщики смогли уничтожить их корабль.

— Глупости! — воскликнула Чарли. — Часовщики, получившие время для адаптации, могут уничтожить любой корабль. Они действуют на грани коллапса. Если бы они не были такими полезными, нам пришлось бы их уничтожить.

— Это уже делали, — сказала Джок. — С обычным результатом. Какой-нибудь Мастер сохранял

их…

— Тихо, — потребовал Иван. — Они боятся нас. Говорите об этом.

— Вы знаете, что люди называют «вымыслом»? — спросила Чарли. — Сознательно созданные легенды. И те, кто слушают, и те, кто рассказывают их, знают, что это неправда.

Иван и Джок жестами показали, что знакомы с этими понятиями.

— Прошлым вечером была тривизионная программа-вымысел, каких много, под названием «Иштван умирает». Когда она кончилась, доктор говорил так, словно в основе этой истории были действительные события.

— Я не видела, — сказала Джок, — Вице-Король Меррилл хотел, чтобы я встретилась с несколькими торговцами перед приемом для баронов. Проклятье! Эти бесконечные формальности поглощают наше время и не дают ничего нового.

— Я не говорила вам об этой программе, — сказала Чарли. — Главный актер изображал человека, который явно был адмиралом Кутузовым.

Джок выразила удивление и сожаление об упущенной возможности.

— Вы поняли суть? — спросил Иван.

— Да. Адмиралу приказывают делать то, что он делать не хочет. Там была война между людьми: Империей и этими внешними, которых они так сильно боятся.

— Нельзя ли нам договориться с этими внешними? — спросила Джок.

— Как? — сказал Иван. — Они контролируют все подступы к нам. Если они заподозрят, что мы можем сделать подобное, они постараются помешать нам. Нечего даже думать о таких вещах. Расскажите мне об этой программе.

— В этой войне произошло восстание на планете, а остальные планеты должны были восстать вскоре после этого. Случилось так, маленькая война стала бы очень большой, с вовлечением многих планет. Адмирал придумал способ избежать этого и решил, что это его долг. С пятью кораблями, подобными «Ленину», он уничтожил все живое на планете, населенной десятью миллионами людей.

Долгое время все молчали.

— Они способны сделать это? — спросил Иван.

— Я верю в это, — ответила Чарли. — Я не Коричневый, чтобы быть уверенной, но…

— Вы должны обдумать это. Помните, что они боятся нас. Помните, что теперь они знают, что

у нас есть плодовитые виды, что после изучения зонда они отправили этого человека во главе экспедиции в нашу систему. Бойтесь за своих Мастеров.

Иван направился в свою комнату. После долгого молчания Посредники начали говорить быстро, но очень тихо.

ПРАВО ВЫБОРА

Тяжелые тучи плыли по небу Новой Шотландии. Потом они разошлись, позволив ярким лучам Новой Каледонии согреть облицованную панелями комнату для собраний. Светлые предметы как бы вспыхнули на мгновенье, пока окна не поляризовались. Снаружи, у основания Дворца, лежали глубокие тени, но солнечный свет был достаточно ярок, чтобы осветить узкие улицы. Толпы людей в кильтах двигались по ним — бюрократия сектора торопилась домой к своим семьям, выпивке и тривизорам.

Род Блейн уныло смотрел в окно. Внизу хорошенькая секретарша, выскочившая из Дворца, так торопилась к автобусу, что едва не сбила старшего клерка. Важное свидание, подумал Род. И у этого клерка будет семья… и у тех людей. Это мой долг, и это может быть чертовски плохо для мошкитов.

За его спиной началась какая-то суматоха.

— Вы договорились, как кормить мошкитов? — спрашивал Келли.

— Да, сэр, — ответил стюард. — Шеф хотел сделать что-нибудь с той чепухой, которую они едят,

знаете — специи, то, другое… но потом просто вывалил мясо и зерно в котел и вскипятил это.

— Он покажет свой артистизм в другой раз. Члены Комиссии не хотят сегодня ночью ничего сверхъестественного. Просто будьте готовы накормить их всех, если захотят. — Келли взглянул на магический кофейник, чтобы убедиться, что он полон, затем уставился на пустое место рядом с ним. — Где этот чертов шоколад? — воскликнул он.

— Его несут, мистер Келли, — оправдывался стюард.

— Хорошо. Смотрите, чтобы он был здесь до того, как придут мошкиты. Это будет через час. — Келли взглянул на стенные часы. — Ну, ладно, полагаю, мы готовы. Но проверьте этот шоколад.

Впервые попробовав его на борту «Ленина», мошкиты пристрастились к горячему шоколаду. Это был один из нескольких напитков людей, которые им нравились. Но как они пили его! — Келли содрогнулся. Масло он еще мог понять — они сами добавляли в шоколад масло на борту Лимейских кораблей. Но капля машинного масла в каждую чашку?!

— Для нас все готово, Келли? — спросил Род.

— Да, мой лорд, — заверил его Келли. Он занял

место за баром и нажал кнопку, давая сигнал, что конференцию можно начинать. Что-то беспокоит босса, решил он, но не его девушка. Хорошо, что у меня нет его проблем.

Дверь открылась, и вошли члены Комиссии, сопровождаемые несколькими учеными Хорвата. Они заняли места вдоль одной стороны инкрустированного стола и положили свои карманные компьютеры перед собой. Послышалось мягкое гудение, когда они начали проверять их соединение с системой дворцового компьютера.

Хорват и сенатор Фаулер вошли, не прекращая спора.

— Доктор, нужно время, чтобы обработать эти вещи…

— Почему? — требовательно спросил Хорват. — Я знаю, что вас не проверяют со Спарты.

— Ну хорошо, значит это мне нужно время, чтобы согласиться на это,

— раздраженно сказал Фаулер. — Я буду знать, что смогу сделать для вас к следующему Дню Рождения. Вы подняли шум еще до того, как отправилась экспедиция к Мошке. Но, черт побери, доктор, я не уверен, что ваша темпераментность годится для должности… — Он замолчал, заметив, что головы повернулись к нему. — Закончим этот

разговор позже.

— Хорошо. — Хорват оглядел комнату и направился к месту прямо напротив места Бена. Последовало быстрое движение, пока министр по науке собирал своих людей на свою сторону стола.

Вошли остальные — Кевин Реннер и священник Харди, оба в мундирах Флота, и секретарь. Затем появились стюарды, и возникло некоторое замешательство, когда Келли пустил по столу кофе.

Род нахмурился, заняв свое место, затем улыбнулся, заметив торопливо входящую Сэлли.

— Простите за опоздание, — сказала она, тяжело дыша. — Там…

— Мы еще не начали, — сказал Род, показывая на место рядом с собой.

— К чему все это? — тихо спросила она. В поведении Рода было что-то, тревожившее ее, и она внимательно разглядывала его. — Почему дядя Бен так заинтересовался историей Мошки? Что случилось прошлой ночью?

— Вы все поймете. Сенатор как раз начинает. — Надеюсь, что все правильно, дорогая, но сомневаюсь в этом. Что случится с нами после этого? Род мрачно повернулся к собранию. Ин-

тересно, что делает сейчас моя финч'клик'? Вот было бы здорово послать к ней представителя и…

— Позвольте начать, — отрывисто сказал сенатор Фаулер. — Собрание членов Чрезвычайной Комиссии, представляющих Его Императорское Величество перед жителями системы Мошки, объявляется открытым. Пожалуйста, запишите ваши имена и организации, которые вы представляете. — Тишину, установившуюся после его слов, нарушило мягкое гудение компьютерных соединений.

— Нам предстоит многое сделать, — продолжал сенатор. — Прошлой ночью стало очевидно, что мошкиты лгали нам в некоторых критических вопросах…

— Не более, чем мы им! — вставил доктор Хорват. Нужно лучше держать себя в руках, подумал он. Цель должна быть достигнута, но если сенатор действительно разозлится…

— Нас интересует, что они лгали нам, доктор, — сказал Фаулер. Он на мгновенье замолчал и, казалось, вокруг него собралась какая-то сила. Коренастый пожилой человек в мешковатой одежде исчез, теперь говорил премьер-министр. — Говорю для всех: мне нравятся неофициальные

беседы. Если вам есть, что сказать, валяйте, но сначала дайте мне закончить. — Он коротко холодно улыбнулся. — Можете прерывать кого-нибудь другого, если достаточно могущественны сами. Итак, доктор Хорват, что же мошкиты скрывают от нас?

Энтони Хорват провел пальцами по редеющим волосам.

— Мне нужно время, сенатор. До сегодняшнего утра мне и в голову не приходило, что мошкиты могут что-либо скрывать. — Он нервно посмотрел на священника Харди, но тот ничего не сказал.

— Это было сюрпризом для всех нас, — сказал Фаулер. — Кроме того, мы получили данные, что мошкиты размножаются с чудовищной быстротой. Вопрос в том, сможем ли мы заставить их поддерживать свою численность низкой, если они не хотят этого? Род, возможно ли, что мошкиты скрывали от нас оружие?

Род пожал плечами.

— В целой системе? Бен, они могли спрятать все, что угодно.

— Но они совершенно не воинственны, — запротестовал Хорват. — Сенатор, безопасность Империи интересует меня так же, как всех присутствующих в этой комнате. Уверяю вас, что как

министр Сектора я серьезно отношусь к своему долгу.

Вы говорите это не для нас, а для записи, подумал Келли. Капитал Блейн тоже понимает это. Но что же беспокоит босса? Он выглядит как будто перед боем.

— … нет никаких доказательств военной активности среди мошкитов,

— закончил Хорват.

— Это не совсем так, — вставил Реннер. — Док, мошкиты нравятся мне так же, как и вам, но откуда-то взялись Посредники.

— Да, конечно, — спокойно сказал Хорват. — В своей древней истории они, должно быть, сражались как львы. Это вполне подходящая аналогия. Территориальный инстинкт сохранился до сих пор, например, в их архитектуре или социальной организации. Но сражения были очень давно.

— Насколько давно? — спросил сенатор Фаулер.

Хорват смутился.

— Возможно, миллион лет.

Воцарилось молчание. Сэлли печально покачала головой. Тесниться в одной крошечной системе миллион лет… миллион цивилизованных лет! Каким терпением они должны обладать!

— И ни одной войны с тех пор? — спросил Фаулер. — В самом деле?

— Да, черт побери, у них были войны, — ответил Хорват. — По крайней мере, две того же типа, через которые прошла Земля перед образованием СоВладения. Но это было очень давно! — Ему пришлось повысить голос, чтобы перекрыть затрудненное дыхание Сэлли. Вокруг стола зашептались.

— И одной из них было достаточно, чтобы сделать Землю почти необитаемой, — медленно сказал сенатор Фаулер. — Как давно это было? Тоже миллион лет назад?

— По крайней мере сотни или тысячи лет, — сказал Хорват.

— Вероятно, тысячи, — вставил священник Харди. — Или меньше. Сэлли, вы пересмотрели свои оценки возраста примитивной цивилизации, которую раскопали?

Сэлли не ответила. Над столом повисло молчание.

— Для записи, Отец Харди, — спросил сенатор Фаулер. — Вы здесь как член Комиссии?

— Нет, сэр. Кардинал Рэнсдорф просил меня представлять в Комиссии Церковь.

— Благодарю.

Снова тишина.

— Им некуда было идти, — сказал Энтони Хорват, нервно пожав плечами. Кто-то хихикнул, потом, когда Хорват продолжил, стало тихо. — Вполне очевидно, что их первые войны были очень давно, порядка миллиона лет. Это показывает их развитие. Доктор Горовиц изучил биологические находки экспедиции и… впрочем, расскажите сами, Зигмунд.

Горовиц торжествующе улыбнулся.

— Когда я изучал пилота зонда, я подумал, что это может быть мутация. И я был прав. Они мутировали, только произошло это очень давно. Первичные животные формы Мошки-1 двусторонне симметричны, как на Земле и почти повсюду. Первые несимметричные мошкиты явились продуктом резкой мутации. Почему они не вымерли? Я думаю, потому, что имелись сознательные усилия добиться несимметричности. И потому, что все остальное тоже мутировало. Соревнование за выживание было не слишком напряженным.

— Но это означает, что у них была цивилизация, когда развились современные формы, — сказала Сэлли. — Это возможно?

Горовиц снова улыбнулся.

— А как насчет Глаза? — спросила Сэлли. — Он должен был облучать систему Мошки, когда стал супергигантом.

— Это было слишком давно, — сказал Хорват. — Мы проверили. В конце концов, данные наших исследовательских кораблей дают эквивалент пятисотлетних наблюдений Глаза, и подтверждаются информацией мошкитов, полученной гардемарином Поттером. Глаз был супергигантом шесть миллионов лет назад или даже больше, а так давно у мошкитов не было ничего, похожего на нынешние формы.

— О! — сказала Сэлли. — Но тогда что явилось причиной…

— Войны, — объявил Горовиц. — Общее увеличение уровня радиоактивности в пределах всей планеты, а затем размножение с направленным генетическим отбором.

Сэлли неохотно кивнула.

— Хорошо… у них были ядерные войны. Так же как у нас. Если бы СоВладение не изобрело Олдерсон Драйв, мы уничтожили бы себя на Земле.

— Впрочем, ей не нравился этот ответ. Его было тяжело принять. — А не было ли там другого доминирующего вида, который уничтожил себя, а мошкиты развились позднее?

— Нет, — сказал Хорват. — Вспомните вашу собственную работу, Леди Сэлли: вы показали нам, как хорошо приспособлены формы мошкитов к использованию инструментов. Эта мутация могла быть начата пользующимися инструментами… или контролировалась ими. А может, и то и другое.

— Это только одна война, — сказал сенатор Фаулер. — Она создала мошкитов таких, как мы их видим. Но вы говорили о двух.

Хорват печально кивнул.

— Да, сэр. Развившиеся мошкиты вновь сражались ядерным оружием. Позднее был другой период, который разделил виды на все эти касты — и цивилизованные формы, и животных. Плюс промежуточные, вроде Часовщиков. — Хорват извиняясь, посмотрел на Блейна, но лицо того не выражало никаких эмоций.

Зигмунд Горовиц откашлялся. Он явно наслаждался всем этим.

— Я думаю, что Коричневые были первичной формой. Когда Белые стали доминировать, они вывели другие подвиды для собственного использования. Как видите, вновь контролирование эволюции. Но некоторые формы развились сами.

— Значит, несимметричные животные не яв-

ляются предками мошкитов? — с любопытством спросил сенатор Фаулер.

— Нет. — Горовиц потер руки и коснулся своего карманного компьютера. — Они — дегенеративные формы… Я могу показать вам генный механизм.

— В этом нет необходимости, — быстро сказал сенатор Фаулер. — Итак, две войны. Предположим, Посредники появились после второй…

— Лучше принять три войны, — вставил Реннер. — Даже если допустить, что они избежали радиоактивности во время второй.

— Почему? — потребовала объяснений Сэлли.

— Вы видели эту планету и их приспособленность к космосу, — сказал Реннер, выжидательно глядя на Хорвата и Горовица.

Торжествующая улыбка Горовица стала еще шире.

— Вновь ваша собственная работа, леди. Мошкиты так хорошо приспособлены к космосу, что вы хотели знать, не развиваются ли они там. Так оно и было. — Ксенобиолог выразительно кивнул. — Но не раньше, чем прошло долгое эволюционное развитие на самой планете. Хотите, мы покажем вам доказательства? Механизм приспособления к низкому давлению, невесомости,

интуитивная навигация…

— Я верю вам, — тихо сказала Сэлли.

— Марс! — воскликнул Род Блейн. Все посмотрели на него. Марс. Именно об этом вы думали, Кевин?

Реннер кивнул. Он, похоже, испытывал противоречивые чувства: его разум рвался вперед, но ему не нравилось, что там находилось.

— Наверняка, — сказал он. — По крайней мере одна война была с астероидами. Достаточно взглянуть на поверхность Мошки-1, всю покрытую перекрывающимися круговыми кратерами. Они, должно быть, чертовски близко подошли к уничтожению планеты. Это так испугало выживших, что они собрали все астероиды вместе, чтобы их нельзя было использовать для подобных целей…

— Но война уничтожила большую часть высших форм жизни, — закончил Горовиц, — и после долгого промежутка планету заселили мошкиты, приспособившиеся к космосу.

— Но очень давно тому назад, — добавил Хорват. — Астероидные кратеры холодны, а их орбиты постоянны. Все это произошло очень давно.

Похоже было, что Хорвата не слишком радуют

его выводы. Не очень-то хорошо, подумал Род. Однако… должно же быть какое-то объяснение…

— Но они могли еще сражаться с астероидами, — продолжал Хорват. — Если бы захотели этого. Это потребовало бы больше энергии, но пока они находятся в системе, их можно передвигать. У нас нет доказательств современных войн, и поиски их ничего не дадут. Когда-то они сражались между собой, затем вывели Посредников, чтобы прекратить войны, и это сработало. Сейчас они больше не сражаются.

— Возможно, да, — буркнул сенатор Фаулер. — А возможно, и нет.

— Они не сражались с нами, — настаивал Хорват.

— Но линейный крейсер был уничтожен, — сказал Фаулер. — Ну, хорошо, избавьте меня от объяснений. Были еще гардемарины, и я слышал все истории, связанные с этим. Фактом остается, доктор Хорват, что если мошкиты сражаются друг с другом, они могут найти себе союзников среди внешних и мятежников. Черт побери, они могут даже поддержать восстания, а нам это вовсе ни к чему! Есть и еще одно, что меня беспокоит… Есть ли у них планетарное правительство?

Последовало долгое молчание.

— Ну, Сэлли? — спросил сенатор. — Это твоя область.

— У них… у них есть что-то вроде этого — Юрисдикция. Мастер или их группа захватывают юрисдикцию над чем-либо, а остальные их поддерживают.

Бен Фаулер нахмурился.

— Черт возьми, мы даже людям не позволяем бродить по вселенной, пока у них нет планетарного правительства. А если какая-нибудь колония мошкитов решит помочь одной из фракций у себя дома, на Мошке-1? — Он оглядел сидевших за столом и снова нахмурился. — Проклятье, не смотрите на меня так, словно я хочу застрелить Деда Мороза! Я хочу торговать с мошкитами, но не позволю забывать Первую Директиву Империи.

— Нам нужно больше времени, — запротестовал Хорват. — Нельзя принимать решение прямо сейчас!

— У нас нет времени, — тихо сказал Род. — Вы должны понимать напряженность ситуации, доктор, ведь вы сами помогли создать ее. Каждая заинтересованная группа в этом секторе требует немедленных действий. — Род ежедневно получал призывы Человеческой Лиги и был уверен, что док-министр Хорват снабжал эту группу ин-

формацией.

— Вас беспокоят высокие темпы их рождаемости, — сказал Хорват. — Я уверен, вы понимаете, что они должны уметь контролировать свою численность. Будь это иначе, они бы не выжили так долго.

— Но они могут и не хотеть этого, — сказал Фаулер. — Можем ли мы заставить их делать это? Род, ваш командор Каргилл пытался оценивать эту возможность?

— Он только уточнил свои первичные расчеты, сенатор. Сходимость весьма высока.

— Итак, потребуется операция крупного флота, чтобы заставить мошкитов… и это при их нынешних ресурсах. Какие же проблемы мы оставим нашим внукам, если дадим им основать колонии?

— Вы не сможете помешать им выбраться оттуда, — запротестовал Хорват. — Анализ капи… Лорда Блейна доказал это. Они, вероятно, получили Поле Лэнгстона и выйдут наружу. Прежде, чем это случится, мы должны установить с ними дружеские отношения. Я предлагаю начать торговлю с ними прямо сейчас и решать наши проблемы по мере возникновения. Мы не можем решить все одновременно.

— Это ваше предложение? — спросил Фаулер.

— Да, сэр. Мое, Человеческой Лиги, Имперских Торговцев…

— Но не всех, — перебил его Род. — Их местный совет отделился. Значительное меньшинство не хочет иметь с мошкитами никаких дел.

— Потому что их промышленность будет уничтожена технологией мошкитов, — сказал Хорват, пожав плечами. — Мы можем справиться с этой проблемой. Сенатор, мошкиты неизбежно создадут что-нибудь такое, что позволит им вырваться из их системы. Прежде чем это случится, мы должны так привязать их к Империи, чтобы их интересы стали нашими.

— Или принять их в Империю и действовать вместе с ними, — буркнул Фаулер. — Я думал об этом прошлой ночью. — Если они не могут контролировать свое население, мы можем сделать это за них…

— Но вы же знаете, что они могут, — запротестовал Хорват. — Мы доказали, что они долгое время были цивилизованы и жили в пределах одной системы. Они научились… — Он на мгновенье замолчал, затем продолжал: — Вам не приходило в голову, что у них может быть определенное время для размножения? Возможно, мошкиты на

корабле были поставлены перед выбором — или иметь детей сейчас, или не иметь их вообще. Поэтому на борту корабля и появились дети.

— Гмм, — сказал сенатор Фаулер, перестав хмуриться. — Возможно, и так. Мы… Я спрошу у мошкитов, когда они придут. Доктор Харди, вы сейчас похожи на человека, подвешенного в низкой гравитации. Что вас тревожит?

— Крысы, — ответил священник.

Хорват быстро посмотрел по сторонам, затем покорно кивнул.

— Они и вас заинтересовали, Дэвид?

— Конечно. Вы сами найдете запись, или это сделать мне?

— Я найду ее, — вздохнул Хорват. Он набрал несколько цифр на пульте своего карманного компьютера. Тот зажужжал, и стенные экраны осветились…

… показав город мошкитов, разрушенный катастрофой. Перевернутые машины ржавели на усыпанных обломками улицах. Потерпевший аварию самолет врезался в руины обгоревшего здания. Из трещин в тротуаре торчали сорняки. В центре изображения виднелась наклонная насыпь из булыжника и сотня маленьких черных существ торопливо скрывалась за ней.

— Это не то, на что это похоже, а один из зоопарков мошкитов, — объяснил Хорват. Он коснулся переключателей, и изображение придвинулось, сфокусировавшись на одном черном существе, которое увеличивалось, пока его контуры не стали четко видны: удлиненная, крысообразная мордочка со злобным оскалом. Но это была не крыса.

У существа было одно мембранное ухо и пять конечностей. Самая длинная конечность с правой стороны не была пятой лапой, это была длинная и подвижная рука, заканчивающаяся когтями, похожими на крючковатые кинжалы.

— О! — воскликнул Горовиц и обвиняюще посмотрел на Хорвата. — Вы не показывали мне такого… Видимо войн было больше, да? Одна из них должна была унести так много жизней, что возникли пустые экологические ниши. Но это… У вас есть образец?

— К сожалению, нет.

— Как возникла эта дегенеративная форма? — недоуменно спросил Горовиц. — Долгий путь от интеллигентного мошкита к… к этому. Есть ли у мошкитов касты, которых вы не показывали мне? Что-нибудь вроде этого?

— Нет, конечно, нет, — ответила Сэлли.

— Никто не мог выводить этих существ сознательно, — вслух рассуждал Горовиц. — Они должны были образоваться в результате естественного отбора. — Он удовлетворенно улыбнулся. — Еще одно доказательство, если требуется. Одна из их войн почти опустошила планету. И тоже очень давно.

— Да, — быстро сказал Реннер. — Пока эти твари заняли Мошку-1, цивилизованные мошкиты находились на астероидах. Они должны были жить там поколениями, все эти Белые, Коричневые, Часовщики и, возможно, какие-то другие касты, которых мы не видели, потому что мы не посетили астероидов.

— Но снова очень давно, — сказал Хорват. — Очень давно… Работы доктора Бакмена по изучению орбит астероидов… Да, возможно, Посредники были выведены в космосе, до того, как они снова заселили планету. Вы сами видите, что они были необходимы.

— А Белые остались такими же воинственными, как были, — заметил сенатор Фаулер.

— Но сейчас у них есть Посредники, дядя Бен, — напомнила Сэлли.

— Да. И может быть, они справились со своим приростом населения… Доктор, да убедите

вы этих тварей с экрана! Они вызывают у меня нервную дрожь. Почему, черт возьми, кому-то потребовалось помещать в зоопарк разрушенный город?

Жуткое изображение исчезло, и все облегченно вздохнули.

— Они объяснили это. — Хорват опять казался почти веселым. — Некоторые из их форм приспособились к городам, поэтому, чтобы зоопарк был полнее, их требовалось поместить туда.

— К разрушенным городам?

— Возможно, это напоминает им, что произошло, когда они не послушались Посредников, — тихо сказала Сэлли. — Страшный пример, чтобы сохранить в них страх к войне.

— И это действует, — сказал Реннер, слегка вздрогнув.

— Позвольте мне суммировать все это. Мошкиты должны быть через несколько минут, — сказал сенатор Фаулер. — Первое. Их воспроизводительный потенциал огромен, и мошкиты готовы иметь детей в местах, которые мы находим неподходящими для этого. Второе. Мошкиты лгали нам, чтобы скрыть скрыть этот высокий воспроизводительный потенциал. Третье. У мошкитов были войны. По крайней мере три крупных, а может,

и больше. Четвертое. Долгое время они были в изоляции. Действительно долгое. Это доказывает, что они контролируют численность своего населения. Мы не знаем, как они это делают, но это должно быть связано с тем, что они имеют детей в опасных экспедициях. Мы должны спросить их об этом. Пока нормально?

Послышался хор согласных голосов.

— Теперь о выборе. Во-первых, мы можем принять совет доктора Хорвата и заключить торговые соглашения. Мошкиты просили предоставить им постоянный статус и дать возможность осмотреть и заселить неколонизированные миры в пределах и за границами Империи. Они не настаивают на внутреннем пространстве, кроме того, им нравится то, чем мы не пользуемся, например, астероиды. В обмен они предлагают многое.

Он сделал паузу для комментариев, но все молчали, довольные тем, что сенатор взял на себя труд суммировать сказанное для записи.

— Эти действия будут означать широкое распространение мошкитов. Как только они получат базы, где мы не сможем контролировать доступ к ним, внешние и мятежники наверняка начнут с ними торговлю по мелочам. Нам придется превзойти их и, возможно, проявив великоду-

шие сейчас, мы получим благодарность позднее. Немедленное соглашение поддерживает член Комиссии Сандра Брайт Фаулер. Пока устраивает?

Снова согласные кивки и утвердительные ответы. Несколько ученых с любопытством поглядывали на Сэлли. Доктор Хорват подбадривающе улыбнулся ей.

— Вторая возможность. Мы включаем мошкитов в Империю и назначаем генерал-губернатора по крайней мере на одну колонию Мошки, скорее всего на саму Мошку-1. Это будет дорого стоить, кроме того, мы не знаем, что произойдет, если мошкиты попытаются сопротивляться. Их военный потенциал чертовски высок.

— Полагаю, что будет неразумно, — сказал Энтони Хорват. — Не думаю, чтобы мошкиты покорились легко, и…

— Верно. Но я просто излагаю вам разные возможности, доктор. Теперь, когда вы внесли свое возражение, хочу заметить, что этот план получил предварительное одобрение военного министерства и большинства сотрудников министерства колоний. Никто из членов Комиссии не высказался пока за него, но я намерен преподнести его мошкитам, как один из вариантов. Черт побери, они могут захотеть этого.

— Что ж, если они добровольно войдут в Империю, я поддержу это, — сказал Хорват.

— Я тоже, — добавила Сэлли.

— Что касается меня, — заметил сенатор, — не думаю, чтобы это сработало. Обычно мы управляем через местных жителей, но трудно представить вознаграждение, которое можно предложить за сотрудничество с ними против целой расы. Но мы спросим их.

Фаулер выпрямился в своем кресле. Задумчивая улыбка исчезла с его лица.

— И третья возможность. Способ борьбы с ящуром.

Хорват сначала сжал губы, затем глубоко вздохнул.

— Значит ли это то, о чем я думал, сенатор?

— Да. Там, где нет ни одного больного ящуром, их и не будет. Если не будет ни одного мошкита, не будет и проблемы мошкитов.

Голос Дэвида Харди был низким, но твердым:

— Церковь решительно воспротивится этому, сенатор. Любыми доступными нам способами.

— Я понимаю это, Отец. Понимаю я и чувства Человеческой Лиги. Впрочем, вопрос о неспровоцированном уничтожении не является реальной альтернативой. Не то, чтобы мы не могли сделать

этого физически, но политически — нет. Этого не произойдет, если мошкиты не будут представлять прямую и немедленную угрозу Империи.

— Этого нет и не будет, — уверенно заявил Хорват. — Они — удобный случай для человечества, и я надеюсь убедить вас в этом.

— Док, я понимаю это не хуже вас. Зачем гадать об этом? Пока это просто варианты. Итак, готовы мы к приему мошкитов, или у кого-то есть вопросы?

Род глубоко вздохнул и посмотрел на Сэлли. Ей это не понравится…

— Сенатор, вы не забыли о раскопках Сэлли? О том, что она нашла примитивную цивилизацию не более, чем тысячелетней давности? Откуда взялись примитивные мошкиты в это время?

Молчание.

— У них были войны, верно? — спросил Род.

— Нет, — сказала Сэлли. — Я думала об этом… У мошкитов есть зоопарки, помните? Может быть я нашла… скажем, резервацию для примитивных существ? У нас они есть по всей Империи — культурные заповедники для людей, которые не хотят быть частью технологической цивилизации…

— Это после миллиона лет цивилизованной жизни? — спросил Реннер. — Леди Сэлли, вы

действительно верите в это?

Она пожала плечами.

— Они чужаки.

— Я не забыла об этом, — сказал Бен Фаулер. — Хорошо, обсудим этот вопрос. Сэлли, твое замечание глупо. Ты знаешь, что они двигали астероиды так давно, что кратеры успели остыть. Тогда получается, что примерно во время нашего СоВладения они вновь вступили в Каменный Век. Как это можно совместить с тем, что они научились не сражаться?

— Мы тогда сделали то же самое, — сказала Сэлли. — Или сделали бы, окажись мы запертыми в одной системе.

— Верно, — сказал Фаулер. — И, если бы я был членом Комиссии мошкитов, то не позволил бы людям выходить в космос без провожатых. Кто-то еще хочет сказать?

— Да, сэр. — сказал Род. — Сэлли, мне это не нравится, но…

— Продолжайте, проворчал Фаулер.

— Да, сэр. — Неужели я потеряю ее из-за мошкитов? Но я не могу забыть этого. — Доктор Хорват, вы чувствовали себя очень неуютно после того, как мы согласились, что мошкиты были цивилизованными тысячелетия. Почему?

— Ну… в общем-то никаких причин… за исключением… Мне нужно кое-что проверить, вот и все.

— Как министр по науке, вы отвечаете за технологические предвидения, не так ли? — спросил Род.

— Да, — неохотно признал Хорват.

— Где мы находимся относительно Первой Империи?

— Мы еще не догнали ее. Но сделаем это в следующем веке.

— А где мы были бы, не начнись Гражданские Войны? Если бы старая Империя развивалась без помех?

Хорват пожал плечами.

— Вероятно вы правы, мой лорд. Да, это беспокоит и меня. Сенатор, член Комиссии Блейн имеет в виду, что мошкиты недостаточно развиты для миллиона цивилизованных лет. Или даже для десяти тысяч. А может, и тысячи…

— И все же нам известно, что они двигали эти астероиды по крайней мере десять тысяч лет назад, — воскликнул Реннер. В голосе его звучали волнение и удивление. — Они должны были вновь колонизировать Мошку примерно в то же время, когда на Земле открыли Олдерсон Драйв!

Значит, мошкиты не намного старше нас!

— Есть и другое объяснение, — заметил Отец Харди. — Они колонизировали ее гораздо раньше… но войны происходят у них каждое тысячелетие.

— Или еще чаще, — добавил сенатор Фаулер. — Если это так, то теперь мы знаем, как они контролируют свою численность, не так ли? Ну, доктор Хорват, что вы посоветуете теперь?

— Я… я не знаю, — заикаясь, проговорил министр по науке. Он принялся грызть ногти, поймал себя на этом и положил руки как маленькие раненые животные. — Я думаю, нам нужно убедиться.

— Что я и делаю, — сказал сенатор. — Но это не должно мешать… Род, завтра вы работаете с Адмиралтейством.

— Напоминаю Вам, сенатор, что Церковь запретила своему члену принимать участие в уничтожении мошкитов, — сказал Харди.

— Это весьма близко к измене, Отец.

— Возможно. Но это так.

— Как бы там ни было, я имел в виду не это. Возможно нам нужно принять мошкитов в Империю независимо от того, нравится им это или нет. Может, они подчинятся без сопротивления, если

мы приедем туда с достаточно большим флотом.

— А если нет?

Сенатор Фаулер не ответил.

Род взглянул на Сэлли, затем на сидящих за столом и, наконец, на покрытые панелями стены.

«Какая заурядная комната,» — подумал он. — "Да и в людях, находящихся здесь, нет ничего необычного. И прямо здесь, в этом глупом маленьком конференц-зале почти необитаемой планеты мы решаем судьбы расы, которая на миллионы лет старше нас!

Мошкиты не собираются сдаваться, а если они таковы, какими мы их себе представляем, победить их не удастся. Но ведь там всего одна планета и несколько астероидов… Если они исчезнут…"

— Келли, можно вести мошкитов, — сказал сенатор Фаулер.

Последние лучи заходящего солнца осветили комнату, а основание Дворца погрузилось в пурпурную тень.

ДЖИНЫ

Сопровождаемые эскортом, они шли по коридорам Дворца. По дороге Джок сказала Послу:

— Что-то изменилось. Этот звездный пехотинец, посланный за нами, смотрит на нас как-то иначе. Так мог бы смотреть Воин на другого Воина.

Они вошли в конференц-зал. Море человеческих лиц…

— Да, — сказала Джок. — Многое по-другому. Нам нужно быть настороже.

— Что они могут узнать? — спросил Иван.

Джок выразила отсутствие информации.

— Некоторые боятся нас. Другие жалеют. И все пытаются скрыть перемену своего эмоционального состояния.

Звездный пехотинец провел их к плохо сделанным ложам у одного конца большого стола для переговоров.

— Люди любят такие столы, — прощебетала Чарли. — Иногда их форма имеет большое значение по причинам, которые я не способна понять.

Последовали бессмысленные приветствия, которые люди называли «формальностями»:

неискренние вопросы о состоянии здоровья, туманные благословения и надежды на благополучие — все это было компенсацией за отсутствие у людей Посредников. Чарли занялась этим вопросом, тогда как Джок продолжала говорить, обращаясь к мастеру.

— Люди на противоположном конце стола — малозначащие клерки. С нашей стороны в центре — глава. Посредник Императора принял какое-то решение. Лорд Блейн неохотно поддерживает его. Сэлли не согласна, очень сильно, но спорить не может. Она хочет найти причины для возражения. Возможно, потребуется найти их для нее. Напротив Посредника Императора сидят ученые, и они разделяют чувства Сэлли. Они не ощущают себя такими вовлеченными в это решение, как она. Остальные неважны, за исключением священника. Я еще не определила его важность, но она возросла с тех пор, как мы видели его в последний раз. Он может быть опасен для нас больше, чем все остальные…

— Может ли он понимать наш язык? — спросил Иван.

— Нет, если мы говорим быстро и не придерживаясь правил грамматики. Он улавливает элементарное эмоциональное содержание и

понимает, что мы обмениваемся большим количеством информации за малое время.

— Определите, что беспокоит этих людей. — Иван свернулся на своем ложе и с отвращением осмотрел комнату. Хранители порой разговаривали непосредственно с Посредниками сразу многих Мастеров, и всегда это было неприятное чувство. Все переговоры с людьми были болезненно медленными. Их мысли текли как жидкий гелий, и часто они не понимали своих собственных интересов.

Но он не может просто проинструктировать Посредников. Они непостоянны, поэтому их нужно контролировать непосредственно. А Раса должна быть сохранена…

— Это собрание, возможно, будет более приятным, чем другие, — сказала Чарли.

Сенатор Фаулер, казалось, испугался.

— Почему вы сказали так?

— По выражениям ваших лиц мы решили, что на этом собрании приняты решения, — ответила Чарли. — Вы говорили нам, что это собрание будет долгим, и даже пропустили обед. Ваше тривидение сказало нам, что вы находитесь под сильным давлением: от вас требуют соглашения с нами. Мы постепенно изучаем ваши привычки

и наслаждаемся этим, но целью нашего существования является достижение соглашения. Пока вы старательно избегали этого.

— Довольно резко, — буркнул Фаулер. «И направлено на то, чтобы заставить нас почувствовать себя неловко, не так ли, приятель?» — Для начала нам нужна информация о вашей истории.

— О… — Чарли заколебалась на секунду, затем заметила жесты Джок и движения пальца Мастера. — Вас интересуют наши войны?

— Чертовски верно, — согласился сенатор Фаулер. — Вы скрыли почти всю свою историю. Рассказывая, вы лгали нам.

Вокруг стола неодобрительно зашептались. Доктор Хорват с отвращением взглянул на Фаулера. Неужели этот человек ничего не знает о переговорах? Нет, конечно, он знает, и оттого его грубость еще более удивительна…

Чарли пожала плечами.

— Так же, как и вы нам, сенатор. Значит, наша история… Очень хорошо. Подобно вам, людям, у нас были периоды войн. Чаще всего религиозных. Наши последние крупные войны были несколько ваших веков назад… с тех пор нам удавалось контролировать себя. Но время от времени вспы-

хивают восстания. Мастера, похожие на ваших внешних, ставят независимость превыше блага расы, и тогда приходится сражаться с ними…

— Почему вы не признали этого сразу? — спросил Род.

Мошкита вновь пожала плечами.

— Что мы знали о вас? Пока вы не дали нам тривизор и позволили увидеть вас такими, как вы есть, что мы могли узнать? К тому же, мы так же стыдимся своих конфликтов, как вы своих. Вы должны понимать, что почти все Посредники служат Мастерам, которые не имеют связи с войной. Мы получили инструкции заверить вас в наших мирных намерениях относительно вашей расы. Внутренние же наши конфликты не должны были вас интересовать.

— И поэтому вы спрятали ваше оружие? — спросил Род.

Чарли взглянула на Джок. Та ответила.

— Да, мы сделали это. Мы жители одной звездной системы, мой лорд. У нас не было расовых врагов, и на военные корабли пошла малая часть наших ресурсов. Наши военные силы в том виде, как они есть, более похожи на вашу полицию, чем на Военный Флот и звездную пехоту. — Мягкая улыбка мошкиты не говорила больше ничего, но

каким-то образом она выразила еще одну мысль; нужно быть глупцами, чтобы позволить людям узнать насколько велики или малы их силы.

Сэлли счастливо рассмеялась.

— Я говорила вам, дядя Бен…

Сенатор Фаулер кивнул.

— Еще один маленький вопрос, Чарли. Как часто размножаются ваши касты?

На это ответила Джок. Когда Чарли заколебалась, Дэвид Харди с интересом посмотрел на нее — нет ли у них языка жестов?

— Когда им позволяют это, — ответил чужак. — Разве у вас не так?

— Что?

— Вы контролируете свое население с помощью экономических стимулов и принудительной эмиграции. У нас такой альтернативы нет, и все-таки наши репродуктивные стимулы не менее строги, чем ваши. Наши мастера размножаются, когда могут.

— Вы хотите сказать, что имеете легальные механизмы ограничения населения? — спросил Хорват.

— Разумеется, да.

— А почему вы не сказали этого раньше? — спросил сенатор Фаулер.

— Вы не спрашивали.

Теперь доктор Хорват усмехался, Сэлли тоже. В комнате почувствовалось облегчение, за исключением…

— Вы намеренно вели в заблуждение Леди Сэлли, — сказал священник Харди. — Пожалуйста, объясните, почему.

— Этот посредник служил Мастеру Джок, — ответила Чарли. — Пусть она расскажет вам об этом. И, пожалуйста, извините, но я должна пересказать Послу то, что было сказано. — И Чарли защебетала.

— Джок, вы должны быть очень внимательны. Мы должны завоевать их симпатии. Они хотят поверить нам. Эти люди почти так же выразительны, как Посредники, когда они в хорошем настроении, но они могут внезапно измениться.

— Я слышал все, — сказал Иван. — Сделайте все, что возможно, чтобы успокоить этих людей. Если мы когда-нибудь выйдем из-под их контроля, мы будем полезны всем им и будем экономически необходимы для могучих групп людей.

— Она чувствовала, что правда должна огорчить вас, — ответила Джок. — Я не уверена в том, что было сказано — со мной это не обсуждалось. Мы не часто обсуждаем вопросы пола и

воспроизведения внутри наших семейных групп и почти никогда вне их. Этот вопрос является… У вас нет такого чувства. Это похоже на смущение, но не совсем. И потом, вы должны понимать, как близко отождествляет себя Посредник со своим финч'клик'. Леди Сэлли было нелегко обсуждать вопросы пола, и она не получала от этого удовольствия. Ее Посредник испытывала те же самые чувства и знала, что стерильность Посредников огорчит Сэлли, если та об этом узнает… как и всех вас, когда вы поняли это. Я говорю все это, не будучи уверенной: этот вопрос никогда не представлялся очень важным.

— Вот вам и ваши подозрения… — сказала Сэлли. — Просто меня хотели уберечь от… Я рада, что мы выяснили это.

Мошкита пожала плечами.

— Несмотря на наши способности, некоторое непонимание между чужими видами неизбежно. Помните двери туалета?

— Да. — Сэлли заметила, что Бен Фаулер собирается задать следующий вопрос, и торопливо сказала, чтобы опередить его: — Теперь, когда мы получили объяснение, скажите все же, что делают Мастера, когда они не хотят иметь детей? — Она почувствовала прилив крови и

подумала, что щеки ее покраснели. Доктор Хорват с любопытством поглядывал на нее. Старый развратник, подумала она. Конечно, это было несправедливо по отношению к нему.

Мошкиты обменялись птичьими трелями.

— Обычно воздерживаются, — сказала Джок. — Кроме того, у нас есть химические и гормональные способы, подобные вашим. Хотите обсудить здесь эти механизмы?

— Меня более интересуют стимулы, — тяжело сказал сенатор Фаулер. — Что произойдет с Мастером, Коричневым или кем бы то ни было, если они начнут рожать детей каждые шесть месяцев?

— Расценили бы вы это, как предпочтение собственной независимости интересам расы? — спросила Джок.

— Да.

— То же делаем и мы.

— Значит, вот как начинаются у вас войны, — заключил доктор Хорват. — Сенатор, при всем уважении к вам, я полагаю, что мы получили ответы на наши вопросы. Мошкиты контролируют свое население. Когда отдельные индивидуумы отказываются подчиняться, возникают конфликты. Порой это приводит к войнам. Разве у людей

иначе?

Бенджамин Фаулер рассмеялся.

— Доктор, вы стараетесь заставить меня принять вашу точку зрения, которая базируется на этике. Вы никогда не увидите яму, которой нет. Я вовсе не утверждал, что человеческая раса превосходит мошкитов — в этике, интеллигенции или чем-то еще. Я только говорил, что это моя раса, и я отвечаю за защиту интересов человечества. — Он снова повернулся к мошките. — Теперь, когда вы увидели нас в действии, — продолжал он, — что вы думаете об Империи?

Джок хихикнула.

— Сенатор, что вы надеетесь от меня услышать? Мы находимся в вашей власти — и мы трое и весь наш народ. Ваши военные корабли контролируют точку Безумного Эдди, соединенную с нашей системой. Вероятно, вы можете уничтожить нас, и я слышала речи, призывающие к этому, по вашему тривизору…

— Эти люди не имеют веса, — запротестовал Энтони Хорват. — Обычные любители и люди с причудами…

— Конечно. Но это было сказано. Таким образом, любой ответ, данный мной на вопрос

сенатора, будет всего лишь моим представлением о том, что он хочет услышать. Как же может быть иначе?

— Хорошо сказано, — прощебетал Иван. — Люди, кажется, уважают признание правды, противоречащей интересам. В этом случае они неизбежно что-то узнали. Будьте осторожны!

— Не сомневайтесь в моих способностях, Мастер. Видите, большинство расслабились. Только священник и офицер по имени Реннер не удовлетворены. Посредник Императора сейчас в нерешительности, а когда мы вошли в комнату, был настроен против нас.

Чарли: — Я боюсь. Не лучше ли сказать им все сейчас, когда они узнали так много? Как мы сумеем сохранить наши Циклы и секреты схемы нашего воспроизводства? Мой Мастер хотел сказать им все…

— Вы будете молчать и позволите Джок говорить с людьми. Адресуйте вопросы, которые тревожат вас, к ней.

— Я сделаю так, Мастер. Мне наказывали повиноваться вам. Но я по-прежнему считаю, что мой Мастер был прав.

— А если он неверно оценивает людей? — спросила Джок. — Если они смотрят на нас, как на

угрозу своим потомкам? Не уничтожат ли они нас сейчас, пока имеют возможность?

— Тихо. Говорите с людьми.

— Посол говорит, что поскольку Империя является самой могучей и самой близкой к нам группировкой людей, в наших интересах быть в союзе с вами, независимо от нашего мнения. Мы подчиняемся.

— И это факт, — согласилась Сэлли. — Дядя Бен, сколько это будет продолжаться? У нас есть проект соглашения, разработанный экономистами. Нельзя ли изложить его детали?

Фаулер не был удовлетворен — это было видно по неподвижности его тяжелых челюстей, по напряжению плеч. В Империи хватало забот и без мошкитов. Дать технологию мошкитов в руки внешних и мятежников — и может произойти все что угодно.

— Это проект соглашения, — осторожно сказал сенатор. — Прежде чем предложить его вам, я хочу кое-что узнать. Какие вы преследуете интересы, присоединяясь к Империи? Например, войти на правах системы Первого Класса? Требуется ли вам представительство на Спарте и доступ на большинство Имперских рынков?

— Мы должны изучить это. Нам нужно время,

чтобы рассмотреть эти детали…

— Нет, — решительно сказал сенатор Фаулер. — Это единственное, чего мы не можем вам дать. Извините, но мы не собираемся позволить вашим Инженерам создать Поле и построить военный флот. Первым условием должен быть немедленный доступ Имперских наблюдателей в любую точку вашей системы.

— Разоружение и вера в ваши добрые намерения, — сказала Джок. — Должны ли мы подчиниться на таких условиях?

— Я не говорил этого, вы сказали сами.

— Я считаю, они сделают такое предложение, — прощебетала Чарли.

— Мы не можем принять его, — резко ответил Иван. — Мы станем беспомощными. Допустим, что люди искренни. Допустим, что Империя не уничтожит нас, когда наша истинная природа станет очевидной. Можно ли надеяться на то, что новые поколения отнесутся к нам так же благосклонно? Это риск, на который мы не можем пойти. Расе должно быть обеспечено выживание.

— Гарантии этого нет!

— Мы должны вырваться из нашей системы и выйти в космос. Когда мы твердо закрепимся во

многих системах, люди не посмеют атаковать ни одну из них, — сказала Джок. Ее жесты выражали нетерпение.

— Вы убеждены, что мы не можем принять их предложение? — спросила Чарли.

Джок: — Сначала нам нужно обсудить его. Люди будут последовательны. Они потребуют разоружить Воинов, но прежде, чем это произойдет, Мастера начнут сражение. Начнется война, причем именно тогда, когда люди ждут ее. Они не глупы, и их военные офицеры боятся нас. С наблюдателями вернуться огромные силы. Если мы на самом деле лишь сделаем вид, что согласны, они сочтут себя вправе уничтожить нас: вспомните судьбу планет людей, поднявших восстание. Их предложение даже не даст нам времени.

— Тогда отвечайте, как мы условились, — приказал Иван.

— Посол сожалеет, что подобное соглашение превышает его полномочия. Мы можем говорить от имени всех мошкитов, но только в определенных пределах: зависимость нашей расы от вашей милости превосходит их.

— Вы не можете винить их за это, — сказал доктор Хорват. — Будьте благоразумны, сенатор.

— Я пытаюсь быть благоразумным, и я не виню

их. Я просто сделал им предложение. — Он снова повернулся к чужакам. — Планеты присоединялись к Империи и против их воли, не получая ничего похожего на привилегии, которые я предложил вам…

Джок пожала плечами.

— Я не могу сказать, что сделают Мастера, если вы попытаетесь завоевать нашу систему. Полагаю, они будут сражаться.

— Вы проиграете, — резко сказал сенатор Фаулер.

— Нам не хотелось бы верить в это.

— И проигрывая, можете поглотить так много наших сил, что мы потеряем большую часть этого сектора. Возможно, объединение отдалится на целый век. Завоевания дорого стоят. — Сенатор Фаулер не добавил, что стерилизации не будет, но эта невысказанная мысль тяжело повисла в ярко освещенной комнате.

— Можем ли мы сделать контрпредложение? — спросила Джок. — Позвольте нам разместить производственные центры на необитаемых мирах. Мы сделаем их пригодными для жизни: за каждый мир, который вы отдадите нам, мы переделаем другой для вас. Что касается экономических нарушений, то вы можете создать

компании, которые будут обладать монополией на торговлю с нами. Часть товаров можно продавать открыто. Равновесие будет поддерживаться компенсациями компаниям и рабочим, вытесненным нашей конкуренцией. Я думаю, это уменьшит невыгоды нашей новой технологии.

— Великолепно! — воскликнул Хорват. — Над этим мои люди могут начать работу прямо сейчас. Вы согласны на это? Торговля только с уполномоченными компаниями и Имперским Правительством?

— Конечно. Мы также будем платить Империи за защиту наших колоний… Нам бы не хотелось держать флоты в ваших частях пространства. Вы сможете осматривать колониальные верфи, чтобы убедиться в этом.

— А ваш родной мир? — спросил Фаулер.

— Контакт между Мошкой-1 и Империей должен быть минимальным. Ваши представители могут прибывать к нам, но мы не хотим видеть ваши военные корабли возле своего дома… Скажу вам, что мы были весьма обеспокоены этим линкором на орбите вокруг нашей планеты. Было совершенно ясно, что он обладает оружием, способным сделать Мошку-1 почти необитаемой. Однако, мы смирились с этим и даже пригласили

вас ближе, чтобы показать вам, что нечего скрывать. Мы не угрожаем вашей Империи, лорды. Это вы являетесь угрозой для нас, и хорошо знаете это. И все же, думаю, мы можем договориться к обоюдной выгоде и обоюдной безопасности, без излишних заверений одной расы в ее благосклонности к другой.

— И вы переделаете одну планету для нас за каждую, которую мы отдадим вам? — спросил Хорват. Он думал о прибылях: они были несметны. Несколько звездных систем имеют более одного обитаемого мира. Межзвездная торговля отвратительно дорога по сравнению с межпланетными путешествиями, но операции по переделыванию планет были еще более дорогими.

— Неужели этого недостаточно? — спросила Джок. — Наверняка вы оцените нашу позицию. С одной стороны, — Джок воспроизвела при этом человеческую жестикуляцию, сделав движение своей левой рукой, — у нас есть только одна планета, несколько астероидов и газовый гигант, который превосходит даже наши способности делать планеты обитаемыми. Чтобы удвоить то, что имеем, нам потребуются непропорционально огромные капиталовложения. Я говорю это потому, что это очевидно, хотя отмечала, что

ваша торговля обычно не содержит признания невыгоды. С другой стороны… — Мошкита как-то странно посмотрела на свои две правые руки. Люди сделали то же самое, и в комнате зазвучал смех. — Ваши необитаемые планеты на подходящих орбитах, едва ли представляют для нас ценность, иначе вы уже переделали бы их сами. Таким образом, вы получаете что-то ни за что, а мы получаем очень много ценой огромных усилий. Это выгодная сделка?

— Чертовски хорошая для Флота, — сказал Род. — Практически новый флот за счет мошкитов…

— Подождите, — сказал сенатор Фаулер. — Мы торгуемся о цене, еще не выяснив, кто мы такие.

Джок пожала плечами.

— Я просто сделала вам предложение, вот и все. — Ее имитация голоса сенатора и его манер вызвали смех. Бен Фаулер на мгновенье нахмурился, затем засмеялся со всеми.

— Хорошо, — сказал Фаулер. — Не знаю, как остальные, но я проголодался. Келли, подайте нашим гостям шоколад и позвоните вниз, чтобы принесли обед. Поедим, прежде чем продолжим обсуждение.

ИЗ БУТЫЛКИ

— Сенатор почти согласился, — доложила Джок. — Сэлли согласна.

— А Блейн? — спросил Иван.

— Он сделает так, как захочет сенатор, хотя скорее согласен с Сэлли. Мы нравимся ему, и он видит выгоды для Флота. Жаль, что его финч'клик' сошла с ума, она бы очень пригодилась сейчас.

— Поможет ли это? — спросила Чарли. — Джок, как это может помочь? Прежде, чем возникнут новые колонии, они увидят нас такими, как мы есть. Они посетят нашу систему и узнают. И что тогда?

— Они ничего не узнают, — сказала Джок. — Их собственный Военный Флот помешает этому. Визиты будут совершаться на невооруженных кораблях, но риска от них будет не больше, чем от военных. Неужели мы не обманем несколько кораблей, заполненных людьми? Они никогда не будут говорить на нашем языке. У нас будет время, чтобы подготовиться к их посещению. Мы никогда не позволим им увидеть Воинов — так откуда же они узнают о них? А тем временем колонии будут образованы. Люди не имеют по-

нятия, как быстро мы можем основать колонии или построить корабли. Тогда мы окажемся в гораздо более выгодной позиции — в контакте со многими людьми — и сможем предложить им все, что они захотят. Мы приобретем союзников и распространимся достаточно далеко, чтобы даже Империя не могла уничтожить нас. Если они не будут уверены в успехе, то не будут даже пытаться. Люди думают именно так.

Звездный пехотинец принес им человеческий напиток, называемый шоколад, и они с удовольствием выпили его. Подобно мошкитам, люди были всеядны, но в основном предпочитали безвкусное. Шоколад же, с его избытком углеводородов, напоминавший воду родного мира, был великолепен.

— Какие альтернативы у нас есть? — спросила Джок. — Что они сделают, если мы расскажем им все? Не отправят ли они флот, чтобы уничтожить нас и избавить своих потомков от нашей угрозы?

— Я поддерживаю это соглашение, — сказал Иван. — Ваш Мастер тоже одобрит его.

— Возможно, — сказала Чарли и задумалась, отключившись от Мира вокруг нее. Она была Мастером… — Я согласно, — сказала она. — Это

лучше, чем я ожидала. Но это опасно.

— Это было опасно все время с тех пор, как люди впервые появились в системе Мошки, — сказал Джок. — Но теперь меньше, чем прежде.

Иван внимательно наблюдал. Посредники возбуждены. Напряжение было огромно и, несмотря на внешний контроль они были близки к краю. Это не было частью их натуры — желать того, чего может не быть, но он надеялся, что усилия по выведению более стабильных Посредников увенчаются успехом: трудно было работать с существами, которые внезапно могли представить себе несуществующую вселенную и делать выводы, основанные на ней. Схема всегда была одинакова. Сначала они хотели невозможного, потом стремились к этому, уже зная, что это невозможно и, наконец, поступали так, словно этого невозможного можно достичь, позволив этой невозможности влиять на каждое свое действие. Это было более обычно для Посредников, чем какого другого класса, но иногда такое случалось и с Мастерами.

Эти Посредники были близки к краю, но они должны выдержать. Раса должна быть сохранена.

— Тысячу крон за то, чтобы узнать, о чем вы

сейчас думаете, — сказала Сэлли. Ее глаза сияли от счастья и… облегчения.

Род отвернулся от окна, улыбаясь ей. Комната была большой, и остальные собрались возле бара, за исключением Харди, который сидел возле мошкитов, прислушиваясь к их щебету, как если бы мог понимать слово или два. Род и Сэлли были совершенно одни.

— Вы очень щедры, — сказал он.

— Я могу позволить себе это. Я заплачу сразу после свадьбы…

— С дохода Круцис Корта. Я еще не получаю его и не настолько нетерпелив, чтобы убивать из-за него отца. Мы можем жить годами, пользуясь его щедростью.

— Вы выглядите таким серьезным. Так о чем вы думаете?

— За что мне голосовать, если сенатор не согласится.

Она мрачно кивнула.

— Так я и думала…

— Я могу потерять вас из-за этого, не так ли?

— Не знаю, Род. Думаю, это будет зависеть от того, почему вы отклоните их предложение. И что вы предложите вместо него. Но вы же не собираетесь отклонять его, верно? Что плохого в

этом предложении?

Род смотрел на бокал в своей руке. Келли принес какую-то разновидность безалкогольного коктейля — встреча была слишком важна для виски.

— Может, и ничего плохого. Это возможно, Сэлли. Смотрите. — Он указал на улицы Новой Шотландии.

В этот час там было всего несколько человек. Одни шли в театр или на обед, другие пришли взглянуть на Дворец после наступления темноты. Гвардейцы в кильтах и оленьих шкурах стояли на постовых тумбах у входа.

— Если мы ошибемся, их дети умрут.

— Если мы ошибемся, Военный Флот возьмет это на себя, — медленно сказала Сэлли. — Род, а что если мошкиты вырвутся наружу и через двадцать лет заселят дюжину планет? Построят корабли и будут угрожать Империи? Флот еще сумеет справиться с ними… Вы этого не хотите, но это может быть сделано.

— Вы в этом уверены? Я — нет. Я не уверен, что мы сможем победить их даже сейчас. Уничтожить — да, но победить? Через двадцать лет, говорите? И каков же будет список потерь? Новая Шотландия окажется в нем наверняка — она

лежит на их пути. А еще какие меры?

— Что же вы предлагаете взамен? — спросила она. — Я… Род, я тоже беспокоюсь за наших детей. Но что мы можем сделать? Нельзя же начинать войну с мошкитами только потому, что однажды они могут стать опасными!

— Нет, конечно, нет. Смотрите, принесли обед. Простите, что испортил вам хорошее настроение.

Прежде, чем закончить обед, все уже хохотали. Мошкиты устроили представление: изображали наиболее известных персонажей тривидения Новой Шотландии. Через несколько минут все валялись на столе, с трудом переводя дыхание.

— Как вы делаете это? — спросил доктор Харди между приступом смеха.

— Мы изучаем ваше настроение, — ответила Чарли, — а затем слегка преувеличиваем характерные черты. Если наша теория верна, общий эффект должен быть поразительным — по-видимому, так оно и есть.

— Вы могли бы заработать этим состояние, даже помимо своей торговли, — сказал Хорват.

— Это, по крайней мере, мало повлияет на вашу экономику. Однако, нам потребуется ваша помощь в составлении очередности передачи вам

нашей технологии.

Хорват серьезно кивнул.

— Я рад, что вы оценили эту проблему. Если мы просто вывалим все, что вы имеете, на рынок, на нем начнется хаос…

— Поверьте, доктор, мы не хотим создавать для вас проблемы. Если вы рассматриваете нас как счастливый случай, представьте, как смотрим на вас мы! Освободиться от системы Мошки после всех этих веков! Вырваться из бутылки! Наша благодарность беспредельна.

— И все же, сколько вам лет? — спросил доктор Харди.

Мошкита пожала плечами.

— У нас есть фрагменты записей, которые датированы сотней тысяч лет назад, доктор Харди. В то время астероиды уже были на месте. Другие записи могут быть еще старше, но мы не можем прочесть их. Наша реальная история началась примерно десять тысяч лет назад.

— После этого у вас были коллапсы цивилизации? — спросил Харди.

— Конечно. Как могло быть иначе?

— У вас есть записи астероидной войны? — спросил Реннер.

Джок нахмурилась. Лицо ее не было приспособ-

лено для этого, но жесты выражали отвращение.

— Только легенды. У нас есть… Это очень похоже на ваши песни или эпические поэмы. Лингвистические приемы делают запоминание проще. Сомневаюсь, что их можно перевести, но все же… — Мошкита на мгновение задумалась. Это было так, словно она замерзла в том положении, в котором находилась, когда решила подумать. Затем…

Пришел холод, и кончилась пища,

Демоны бродят по земле.

Наши сестры умерли, и воды вскипели,

Когда демоны обрушили небо.

Мошкита сделала паузу.

— Боюсь, что это не очень хорошо, но это все, что я могу сделать.

— Это достаточно хорошо, — сказал Харди. — У нас тоже есть подобные стихи. Истории об исчезнувших цивилизациях, катастрофах в доисторическое время. Большинство из них прослеживается до извержения вулкана около четырех с половиной тысяч лет назад. Собственно говоря, это произошло, когда у людей возникла мысль, что Бог может вмешаться в их дела. Создавая циклы, сезоны и тому подобное.

— Интересная теория… Но не опрокинуло ли

это ваши религиозные верования?

— А почему это должно было случиться? Разве Бог не может устроить природное явление с такой же легкостью, как и нарушить законы природы? На самом деле, что более удивительно: приливно-отливная волна или одно-единственное сверхъестественное событие? Впрочем, не думаю, что у нас есть время обсуждать теологию. Сенатор Фаулер закончил свой обед. Если позволите, я удалюсь на несколько минут, а затем мы продолжим…

Бен Фаулер увел Рода и Сэлли в небольшой кабинет за конференц-залом.

— Ну? — спросил он.

— Мое мнение записано, — сказала Сэлли.

— Верно. Род?

— Мы должны что-то сделать, сенатор. Напряжение вырывается из рук.

— Да, — сказал Бен. — Черт побери, мне нужно выпить. Род?

— Спасибо, я пас.

— Если я не могу мыслить трезво с доброй порцией виски в желудке, значит Империя уже гибнет. — Он принялся шарить в столе, пока не нашел бутылку, усмехнулся при виде марки, и налил до полна кофейную чашку. — Одно меня

удивляет, — сказал он. — Почему не беспокоится ИТА? Я ожидал, что они будут сильно давить на нас, а они ведут себя тихо. Слава Богу за это одолжение. — Он одним глотком выпил половину содержимого чашки и вздохнул.

— Какой вред может принести немедленное соглашение? — спросила Сэлли. — Мы можем изменить свое мнение, если обнаружим что-то новое…

— Черт побери, котенок! — сказал Бен. — Иногда в этих словах есть нечто особенное. Эти ребята будут долго думать, прежде чем расстаться с кроной, но уж если они выложат монету… Я думал, ты лучше знакома с основами политики. Чему вас сегодня учат в университетах? Род, я по-прежнему жду вашего слова.

Род коснулся своего перебитого носа.

— Бен, мы не можем больше обманывать. Мошкиты должны узнать, что… может, они даже возьмут назад свое предложение, когда увидят, под каким давлением мы находимся. Я за то, чтобы позволить им это.

— Вы за это, ха! Как бы там ни было, вы сделаете свою жену счастливой.

— Он делает это не ради меня! — вмешалась Сэлли. — Перестаньте дразнить его.

— Ладно. — Сенатор почесал свою лысину, затем допил содержимое чашки и поставил ее на стол. — Нужно проверить еще одну или две вещи. Давайте продолжим.

Джок жестами выражала восторг и волнение.

— Они готовы согласиться! Мы спасены!

Иван холодно посмотрел на Посредника.

— Сдерживайте себя. Нужно еще много сделать.

— Я знаю. Но мы спасены. Чарли, разве не так?

Чарли разглядывала людей — их лица, позы…

— Да. Но сенатор еще не убежден, а Блейн боится и… Джок, взгляните на Реннера.

— Вы так холодны! Может, вы не рады? Мы спасены!

— Взгляните на Реннера.

— Да… Я знаю этот взгляд. Он смотрел так, когда играл в покер и получил неожиданную карту. Он нам не поможет. Но у него нет власти, Чарли! Это бродяга безо всякого чувства долга.

— Возможно. Мы жонглируем бесценными яйцами при меняющейся силе тяжести. Я боюсь. Я буду испытывать страх до самой смерти.

КОЗЫРНАЯ КАРТА РЕННЕРА

Сенатор Фаулер тяжело сел и осмотрел присутствующих. Этого взгляда оказалось достаточно, чтобы прекратить разговоры и привлечь всеобщее внимание.

— Полагаю, в конце концов мы узнали, кто мы такие, — сказал он. — Пришло время поговорить о цене. Итак, каковы принципы? Первое и самое главное: вы соглашаетесь не вооружать колонии и позволить нам осматривать их, чтобы убедиться, что они не вооружаются?

— Да, — решительно сказала Джок, затем обменялась трелями с Мастером. — Посол согласен. Взамен предполагается, что Империя будет защищать наши колонии от наших врагов.

— Разумеется. Следующее. Вы согласны ограничить торговлю компаниями, получившими привилегии от Правительства?

— Да.

— Что ж, это главное, — заметил Фаулер. — Мы готовы за малым исключением. Кто первый?

— Могу ли я спросить, какого рода колонии они собираются основывать? — сказал Реннер.

— Что? Конечно.

— Спасибо. Будете ли вы перевозить представителей всех наших классов?

— Да… — Джок заколебалась. — Все это зависит от условий, мистер Реннер. Едва ли мы возьмем фермеров на непеределанные миры, пока Инженеры не возведут там купола.

— Хорошо. Еще меня удивляет вот это. — Он нашарил свой карманный компьютер, и экраны осветились, показав странно искаженную Новую Каледонию, яркую вспышку, затем темноту. — Немного не то. Это произошло, когда зонд выстрелил в корабль капитана Блейна.

— Что? — спросила Джок и защебетала остальным. Те ответили. — Нас интересовала судьба, постигшая зонд. Откровенно говоря, мы не сомневались, что вы уничтожили его, и потому не хотели спрашивать…

— Вы правы, — сказал Реннер. На экране вспыхнуло новое изображение. Солнечный парус, по которому шла рябь. — Это как раз перед тем, как выстрелил в нас.

— Но зонд не мог стрелять в вас, — запротестовала Джок.

— Он выстрелил, — ответил Род. — Видимо, считая нас метеоритом. Как бы там ни было…

По экрану поплыли черные фигуры. Парус заря-

бил, сверкнула вспышка, и они исчезли. Реннер вернул ленту, пока силуэты не оказались прямо против света, затем остановил показ.

— Я должна предупредить вас, — сказала Джок. — Нам мало известно об этом зонде. Это не наша специальность, и у нас не было возможности изучить записи перед отлетом с Мошки-1.

Сенатор Фаулер нахмурился.

— Чего вы добиваетесь, мистер Реннер?

— Сэр, меня удивляет это место. — Реннер взял со стола световую указку. — Это различные классы мошкитов, не так ли?

Джок нерешительно молчала.

— Они похожи на них.

— Конечно, это они. Это Коричневый, верно? А это Доктор.

— Верно. — Световая указка передвинулась. — Бегун, — сказала Джок.

— А это Мастер…

— И Часовщик. — Род едва не плюнул, не в силах скрыть отвращения.

— Следующий похож на Фермера. Трудно сказать, но… — В его голосе внезапно зазвучало смущение. — Реннер, я не узнаю следующего.

Воцарилось молчание. Указка остановилась на непонятной фигуре, более длинной и худой, чем

Коричневый, с чем-то, похожим на колючки на коленях, пятках и локтях.

— Мы уже видели их однажды, — сказал Реннер. Его голос звучал сейчас почти автоматически. Так мог бы говорить человек, идущий на пари по кладбищу, или головной дозорный, поднимающийся по холму на вражескую территорию. Холодный, решительный, полностью контролируемый голос. Это было совсем не похоже на Реннера.

Экран разделился, и появилось второе изображение: скульптура машины времени из музея Города Замка. Она выглядела как скульптура, сделанная из бракованных электронных схем, и окруженная вооруженными существами.

Впервые увидев Ивана, Род испытал удивительно сильное желание коснуться шелковистого меха Посла. Теперешний его импульс был не менее силен: ему захотелось принять стойку карате. Скульптуры изображали этих существ гораздо более детальней. Отовсюду у них торчали кинжалы, они выглядели твердыми, как сталь, и стояли подобно свернутым пружинам. А что это у них под большой левой рукой, похожее на нож с широким лезвием?

— О! — сказала Джок. — Демон. Думаю, у них

были куклы, представляющие все наши виды. Подобно статуэткам, сделанных раньше для Посредников, чтобы облегчить им рассказ о нас.

— Все это? — В голосе Рода звучало безграничное удивление. — Корабль, груженный манекенами в натуральную величину?

— Откуда нам знать, какой величины они были? — спросила Джок.

— Отлично. Допустим, что это манекены, — сказал Реннер и неумолимо продолжал: — Однако, это модели живущих классов мошкитов. За исключением этого. Почему он оказался в общей группе? Почему вообще взяли с собой демона?

Ответа не было.

— Спасибо, Кевин, — медленно сказал Род, не решаясь взглянуть на Сэлли. — Джок, так является это классом мошкитов или нет?

— Более того, капитан, — сказал Реннер. — Приглядитесь поближе к Фермеру. Теперь мы знаем, на что нужно смотреть.

Изображение было не очень четким, похуже, чем силуэты крыс, но выпуклость определялась безошибочно.

— Она беременна! — воскликнула Сэлли. — Почему я не подумала об этом? Беременная статуя? Но… Джок, что все это значит?

— Вот именно, — холодно сказал Род.

Однако привлечь внимание Джок было невозможно.

— Стоп! Ни слова больше! — приказал Иван.

— Что мне говорить! — запричитала Джок. — Эти идиоты взяли Воина! Мы пропали, пропали, а ведь всего минуту назад в наших руках была вся вселенная! — Сильная левая рука мошкиты сжала воздух.

— Тихо! Следите за собой. А теперь, Чарли, скажите мне, что вам известно о зонде. Как он был построен?

Чарли выразила презрение, сменившееся уважением.

— Это должно быть очевидно. Создатели зонда знали, что у этой звезды живут существа другого разумного вида. И больше ничего. Таким образом, они должны были предположить, что эти существа похожи на нас, если не внешне, то по своей сущности.

— Циклы. Они должны были предположить Циклы, — пробормотал Иван. — Тогда мы еще не знали, что не все расы обречены на них.

— Вот именно. — сказала Чарли. — Эти гипотетические существа выжили, значит они были смышлены. Они должны были осуществлять

не больше контроля за своим размножением, чем мы, поскольку такой контроль не является необходимым условием размножения. Одним словом, зонд был запущен с расчетом на то, что люди этой звезды будут в коллапсе, когда он прибудет к ним.

— Так… — Иван на мгновение задумался. — Безумные Эдди погрузили на борт зонда беременных женщин каждого вида. Идиоты!

— Воздадим им честь, — сказала Чарли. — Они сделали как могли лучше. Зонд должен был мгновенно вышвырнуть пассажиров в сторону солнца, как только их окликнет цивилизация, вышедшая в космос. Если гипотетические чужаки превосходили их, они должны были обнаружить не попытку захватить их планету с помощью солнечного паруса, как оружие, а Посредника, посланного с мирными целями. — Чарли сделала паузу. — Случайно погибшего Посредника. Зонд должен был иметь устройство, назначение которого заключалось в том, чтобы убить Посредника, и не дать чужакам узнать слишком много. — Вы сами Мастер: разве не сделали бы вы именно так?

— Я не Безумный Эдди, чтобы вообще запускать зонд. Эта стратегия не сработала. Теперь мы

должны что-то сказать людям.

— Я за то, чтобы сказать им все, — сказала Чарли. — Что еще мы можем сделать? Мы запутались в собственной лжи.

— Подождите, — сказал Иван. Прошли всего секунды, но Джок уже снова была нормальной. Люди с любопытством смотрели на них. — Мы должны сказать что-нибудь важное. Харди знает, что мы возбуждены. Правда?

— Да, — жестом подтвердила Чарли.

— Какое открытие могло так возбудить вас?

— Позвольте мне, — быстро сказала Джок. — Мы еще можем спастись.

— Поклонники демонов! — продолжала она уже по-английски. Мы говорили вам, что не имеем расовых врагов, и это правда, но есть религиозные группировки — тайные — сделавшие богами демонов времени. Они злобны и очень опасны. Должно быть, они захватили зонд до того, как он покинул пояс астероидов. Конечно, тайно…

— Значит, пассажиры и экипаж были живы? — спросил Род.

Чарли пожала плечами.

— Думаю, да. Должно быть они совершили самоубийство. Кто знает, почему? Может, решили,

что мы получили возможность двигаться быстрее света и ждем их здесь? Что вы сделали, когда настигли их?

— Отправили послание на большинстве земных языков, — ответил Род.

— Вы уверены, что они были живы?

— Откуда нам знать это? — спросила Джок. — Не стоит беспокоиться из-за них. — В голосе ее звучало презрение. — Они не были истинными представителями нашей расы. Их ритуалы включают жертвоприношения разумных видов.

— И как много этих почитателей демонов? — спросил Харди. — Я никогда не слышал о них.

— Мы не гордимся их существованием, — ответила Джок. — Разве вы рассказали нам о внешних? Или о крайностях системы Заурона? Разве вам приятно, что мы узнали, что люди способны на такие вещи?

В ответ послышалось смущенное бормотание.

— Проклятье, — тихо сказал Род. — Они были живы… — Мысль эта была неприятной.

— Вы расстроились, — сказала Джок. — Мы рады, что вы не поговорили с ними до того, как встретили нас. Ваша экспедиция имела бы совсем другой характер, если бы вы…

Она замолчала, с любопытством наблюдая за

происходящим. Доктор Зигмунд Горовиц поднялся со своего места и наклонился к экрану, изучая изображение машины времени. Затем он коснулся переключателей, увеличив изображение одной из статуй демонов. Силуэты из зонда исчезли, оставив половину экрана пустой, но через секунду появилось другое изображение, которое все росло и росло — крысоподобное существо, сидящее на корточках на куче щебня.

— Ага! — торжествующе воскликнул Горовиц. — Я никак не мог понять, что за предки были у этих крыс! А это дегенеративные формы этих… — Он повернулся к мошките. — Похоже, им двигало только любопытство, он словно не обратил внимания на разговор перед этим. — Для чего вы используете эту касту? — спросил он. — Как солдат, верно? Для чего еще они могут годиться?

— Нет. Они просто миф.

— Вздор. Демоны с оружием? Отец Харди, можете вы представить себе дьяволов, вооруженных лучевыми ружьями? — Горовиц нажал переключатель, и вновь появились силуэты из зонда. — Борода Авраама! Это не статуи, это разновидность мошкитов. Почему вы спрятали ее? Очаровательно… Я никогда не видел никого, так хорошо приспособленного для… — Голос Горо-

вица замер.

— Каста Воинов, — медленно сказал Бен Фаулер. — Не удивительно, что вы прятали их от нас. Доктор Горовиц, вы полагаете, что эти… существа… так же плодовиты, как остальные мошкиты?

— А как же иначе?

— Но я говорю вам, что эти демоны легендарны, — настаивала Джок. — Это поэма. Доктор Харди, вы помните поэму? Это те существа, которые обрушили небо…

— Этому я верю, — сказал Харди. — Однако, я сомневаюсь в их исчезновении. Вы держите их потомков в зоопарках. Энтони, я хочу задать вам один вопрос. Если у мошкитов есть действительно очень плодовитая каста, приспособленная к войне; если их Мастера защищают свою независимость как земные львы; если у них было несколько опустошительных войн, и они заперты в одной-единственной системе — каково их наиболее вероятное будущее?

Хорват пожал плечами. Остальные последовали его примеру.

— Это будет похоже… на «Мак-Артур», — печально сказал Хорват. — Сотрудничество Мастеров должно сломаться, когда давление популяции

станет слишком тяжелым… конечно, если это действительно существующая каста, Дэвид.

— Но я снова говорю вам, что это легендарные демоны, — запротестовала Джок.

— Боюсь, что мы не должны верить тому, что вы говорите нам, — сказал Харди, и в голосе его звучала печаль. — Это не значит, что я принимал все, что вы говорили. Священники слышат много лжи. Меня всегда удивляло, что вы скрываете от нас. Было бы лучше, если бы вы показали нам что-то вроде военных или полицейских сил, но вы этого не сделали. Это были… — он махнул рукой в сторону экрана, — … они.

— Род, — сказал сенатор Фаулер, — вы здорово помрачнели.

— Да, сэр. Я представил, на что будет похоже сражение с расой, которая разводит Воинов десять тысяч лет. Эти существа должны быть приспособлены и к космической войне. Дайте мошкитам технологию Поля, и… Бен, не думаю, чтобы мы смогли победить их! Это будет похоже на сражение с миллионом зауронских киборгов! Черт побери, чтобы вести войну годами!

Сэлли беспомощно слушала.

— Но что, если Джок говорит правду? Разве это не может быть правдой? У них была каста

Воинов, но теперь она вымерла, и стоящие вне закона мошкиты хотят снова возродить ее.

— Это довольно легко узнать, — буркнул Фаулер. — И лучше это сделать быстрее, прежде чем Коричневые мошкиты построят флот и остановят нас.

— Если они уже не сделали его, — буркнул Род. — Они работают так быстро! Они переделали посольский корабль, пока он летел от планеты до «Мак-Артура». Полностью переделали, и всего с двумя Коричневыми и несколькими Часовщиками. Я думаю, сенатор, оценка командора Каргилла была слишком умеренной.

— Если это и не так, — сказал Реннер, — мы все равно можем представить себе корабль с экипажем из адмиралов Кутузовых.

— Верно. Ну что же, Джок, вы видите наше положение, — сказал сенатор.

— Вовсе нет. — Мошкита подалась вперед и выглядела очень чужой.

— Тогда я объясню вам. У нас нет возможности сражаться с миллионом существ, созданных для войны. Может мы победим, а может и нет. Если вы разводите этих существ, значит, нуждаетесь в них — ваша система слишком переполнена, чтобы держать бесполезные рты. Если они нужны

вам, значит, вы ведете войны.

— Понимаю, — сказала Джок.

— Нет, не понимаете, — рявкнул сенатор. — Вам известно кое-что о системе Заурона, но не все. Джок, если мошкиты разводят касту Воинов, наши люди будут воспринимать вас как зауронцев, а я сомневаюсь, что вы представляете, насколько в Империи ненавидят их и их суперменские идеи.

— Что же вы сделаете? — спросила Джок.

— Взгляну на вашу систему. Действительно взгляну.

— А если вы найдете Воинов?

— Можно и не смотреть, верно? — спросил сенатор Фаулер. — Вы знаете, что мы найдем их. — Он тяжело вздохнул. Пауза на обдумывание была очень короткой — не более секунды. Затем он встал и направился к экрану интеркома, двигаясь медленно, но неукротимо…

— Что нам делать? Может, остановить его? — прохныкала Джок.

Иван оставался спокоен.

— Это было бы плохо, да вам и не сделать этого. Тот звездный пехотинец не Воин, но он вооружен, и его рука лежит на оружии. Он боится нас.

— Но…

— Слушайте.

— Вызывает конференц-зал, — сказал Фаулер дворцовому оператору. — Мне нужны принц Меррилл и Военный министр Армстронг. Лично и независимо от того, где они находятся. Я жду.

— Да, сенатор. — Девушка была молода, и ее испугала грубость манер Фаулера. Она потянулась к своим приборам, и некоторое время экран был пуст.

Министр Армстронг был в своем кабинете. Его туника была снята, рубашка расстегнута. Стол перед ним покрывали бумаги. Он раздраженно поднял голову, увидел, кто его вызывает, и буркнул:

— Да?

— Минуточку, — резко сказал Фаулер. — Я жду подключения Вице-короля. — Потянулись минуты ожидания.

Наконец, появился Его Высочество — экран показывал только его лицо. Похоже было, что он запыхался.

— Да, сенатор?

— Ваше Высочество, видели ли вы мои полномочия, данные Императором?

— Да.

— Вы согласны с моими полномочиями по всем

вопросам, касающимся чужаков?

— Конечно.

— Как представитель Его Императорского Величества, приказываю вам как можно быстрее собрать военный флот сектора. Командовать им вы назначите адмирала Кутузова и будете ждать моих приказов.

С обоих экранов не доносилось ни звука, а конференц-зал заполнило раздраженное бормотание. Бен властным жестом потребовал тишины, и все смолкли.

— Собственно говоря, сенатор, — осторожно сказал Меррилл, — мне нужно подтверждение этого приказа от еще одного члена Комиссии.

— Подтвердишь, Род?

Вот оно, подумал Род, не смея взглянуть на Сэлли. Раса Воинов? Независимые мастера? Мы не можем позволить им войти в пространство человека. Мы не можем терять целый век.

Мошкиты были как окаменевшие. Они знают, что мы нашли. Бесконтрольное размножение и демоны. Любые кошмары, которые когда-либо имели дети… Но мне нравятся мошкиты! Впрочем, нет, мне нравятся Посредники, я никогда не видел никого другого. А посредники не контролируют цивилизацию Мошки. Очень осторожно он

посмотрел на Сэлли. Она была так же неподвижна, как мошкиты. Род глубоко вздохнул.

— Ваше Высочество, я подтверждаю его.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Их жилище, казалось, стало меньше, несмотря на высокие потолки. Ничего не изменилось: в их кухне по-прежнему были все деликатесы Империи, одно нажатие кнопки вызывало дюжину слуг-людей, звездные пехотинцы в коридоре были вежливы и почтительны.

И все-таки они были в ловушке. Где-то на краю системы Новой Каледонии, на базе под названием Дагна, собирались Имперские военные корабли, и когда они прибудут туда…

— Они не смогут убить всех, — пробормотала Чарли.

— Они сделают это. — Голос Джок дрожал.

— Воины будут сражаться. Военный флот должен будет потерять корабли, а командовать им назначен Кутузов. Станет ли он рисковать кораблями, чтобы пощадить кого-нибудь из нас? Или превратит нашу планету в мерцающую пыль?

— Астероиды тоже? — Прохныкала Чарли. — Да… Не было ни одного Цикла, в котором бы гибло и то, и другое. Мастер, мы должны что-то делать! Мы не можем допустить этого! Если бы мы были честны с ними…

— Их флот должен был двинуться, как только получил приказ собраться, — презрительно сказала Джок. — Цель была так близка! — Она сжала три пальца щепотью. — Они почти согласились, а потом… потом…

— Она заколебалась на грани безумия, но все-таки отшатнулась от края.

— Должно быть что-то, что мы можем сделать.

— Сказать им все, — предложила Чарли. — Чем это может повредить? Сейчас они смотрят на нас, как на зло. По крайней мере мы можем объяснить, почему лгали мы.

— Думайте, что мы можем предложить им, — приказал Иван. — Изучите их интересы и думайте о том, как соблюсти их, не допуская уничтожения Расы.

— Помогать им? — спросила Джок.

— Конечно. Помогать им обезопасить себя от нас…

— Они бояться Воинов. Может, Мастера согласятся уничтожить Воинов? Тогда мы могли бы присоединиться к Империи.

— Безумный Эдди! — воскликнула Чарли. — А сколько Мастеров сохранят Воинов на всякий случай?

— Это уже попытались сделать прежде, — ска-

зал Иван. — Думайте о чем-нибудь еще.

— Нельзя ли заставить их поверить, что мы не можем создать Поле? — спросила Чарли.

— Нет, они скоро узнают это. Они не будут входить в нашу систему, пока их флот не будет готов, и тогда войдут все вместе. Дюжина линкоров. Если этот флот войдет в систему, Воины начнут сражение, и Раса погибнет. Они не должны послать его. Не должны!

Джок перешла на полузабытый язык, неизвестный Мастеру.

— Он почти болен.

— Как и мы. — Чарли стала извиваться в горьком беззвучном смехе мошкитов. — Бедный Мастер. Его страхи — это наши страхи плюс опасение, что мы сойдем с ума. Без нас он будет только молча смотреть, как собирается флот, не в силах сказать не слова.

— Думать! — приказал Иван. — Они посылают Кутузова. Он уничтожил планету людей — какую же милость проявит он к чужакам? Думать! Думать или Раса обречена!

Когда Сэлли вошла в кабинет Рода, он разговаривал по фону и не видел ее. На мгновенье она заколебалась, затем остановилась, прислушиваясь.

— Я согласен, Лаврентий. Цивилизация астероидов должна быть уничтожена в первую очередь. Она может быть их главной военной базой.

— Я не люблю разделять флот, — сказал тяжелый голос из фона. — Вы поручаете мне две миссии, лорд Блейн, две несовместимых миссии. Обрушиться на мошкитов и покончить с ними без предупреждения — да, это возможно. Но предложить им атаковать прежде, чем мы сможем среагировать… Это обойдется нам в потерянные корабли и жизни, которые мы не сумеем сберечь.

— Тем не менее, вы будете планировать именно так.

— Да, мой лорд. Утром мои люди принесут вам предварительный план. Они принесут вам и расчет возможных потерь. Какого офицера я должен поставить командовать кораблем-приманкой, мой лорд? Вашего одноклассника? Постороннего человека? Я жду ваших предложений.

— Черт побери!

— Прошу прощение за дерзость, мой лорд. Ваши распоряжения будут выполнены.

Экран погас. Род сидел, глядя на его пустую поверхность, пока Сэлли подошла и села перед ним. Фигура Воина постоянно была у нее перед

глазами.

— Вы слышали?

— Кое-что… Это действительно так плохо?

Род пожал плечами.

— Это зависит от того, с чем мы столкнемся. Одно дело войти туда, прокладывая путь выстрелами, и превратить планету и астероиды в огненные костры. Но послать туда флот, предупредить об этом мошкитов и ждать, пока они атакуют нас? На первое же враждебное движение может последовать ответ из лазерной пушки, с помощью которой был запущен зонд!

Сэлли с жалостью смотрела на него.

— А зачем нам делать все это? Почему просто не оставить их одних?

— Чтобы однажды они выбрались оттуда и уничтожили наших внуков?

— И потому так должны поступить мы?

— Скажите, Сэлли, есть какие-нибудь сомнения? Относительно того, что представляют из себя мошкиты?

— Они не чудовища!

— Нет. Просто наши враги.

Она печально покачала головой.

— Так что же должно произойти?

— Флот войдет туда, и мы потребуем, чтобы они

подчинились Империи. Может они согласятся, я может, нет. Если они сделают это, команда самоубийц направится наблюдать за разоружением. Если они предпочтут сражаться, флот атакует.

— А кто… Кто должен будет приземлиться на Мошке-1? Кто будет отвечать за?… Нет! Род, я не разрешаю тебе делать это!

— А кто еще сможет это сделать? Я, Каргилл, Сэнди Синклер — старая компания с «Мак-Артура». Может, они действительно сдадутся. Кто-то должен дать им этот шанс.

— Род, я…

— Может, нам сыграть свадьбу поскорее? Ни у одной из наших семей нет наследника.

— Какая ирония, — сказала Чарли. — Миллионы лет мы жили в бутылке, и это обстоятельство обусловило все наши беды. Теперь, когда мы нашли выход, через него вливается Военный Флот, чтобы сжечь наши миры.

Джок усмехнулась.

— Как живо и поэтично ваше воображение!

— Как счастливы мы, наслаждаясь вашими деловыми советами! Вы… — Чарли вдруг замолчала. Походка Джок изменилась — как-то странно. Она ходила, неудобно изогнув руки перед собой, наклонив голову вперед и ставя ноги близко друг

к другу, принимая рискованную позу людей.

Чарли узнала Кутузова и сделала повелительный жест, заставив Ивана воздержаться от комментария.

— Мне нужно человеческое слово, — сказала Джок. — Мы никогда не слышали его, но оно должно быть. Мы должны ПОСТУПИТЬ НА СЛУЖБУ, — произнесла она голосом Кутузова, и Чарли кинулась исполнять распоряжение.

Сенатор Фаулер сидел за небольшим столом в кабинете, примыкающем к конференц-залу. Большая бутылка «Нью-Эбердин Хайленд Крим» стояла на дубовом столе бара. Дверь открылась, вошел доктор Хорват и остановился в выжидательной позе.

— Выпьете? — спросил Фаулер.

— Нет, спасибо.

— Правильно. Ваша просьба о включении в члены Комиссии отклонена.

Хорват замер.

— Понимаю.

— Сомневаюсь. Садитесь. — Фаулер вынул из выдвижного ящика стола бокал и налил. — Все-таки держите. Сделайте вид, будто пьете со мной. Тони, я хорошо отношусь к вам.

— Не заметно.

— Не заметно? Тогда смотрите. Комиссия собирается уничтожить мошкитов. Представляете, что это значит для вас? хотите вы участвовать в принятии этого решения?

— Уничтожить? Но я полагал, приказ касается их включения в Империю.

— Конечно. Иначе и нельзя было. Политическое давление слишком велико, чтобы просто войти туда и уничтожить их. Поэтому я позволяю мошкитам пролить много крови. Включая отца единственного наследника, которого я когда-либо буду иметь. — Он помолчал. — Они будут сражаться, док. Надеюсь, что предварительно они не сделают заявления о сдаче, и у Рода будет шанс. Вы действительно хотите быть замешанным в это?

— Понимаю… Теперь я действительно понял. Спасибо.

— Не за что. — Фаулер сунул руку в карман туники и вынул маленькую коробочку. Он открыл ее на секунду, заглянул вовнутрь, закрыл снова и подал через стол Хорвату. — Держите. Это ваше.

Доктор Хорват открыл ее и увидел кольцо с крупным тускло-серым камнем.

— К следующему Дню Рождения можете вырезать на нем баронский гребень, — сказал

Фаулер. — Довольны?

— Да. Очень. Спасибо, сенатор.

— Не стоит благодарности. Вы хороший человек, Тони. А теперь идемте, посмотрим, чего хотят мошкиты.

Конференц-зал был почти полон. Члены Комиссии, ученые Хорвата, Харди, Реннер и… адмирал Кутузов.

Сенатор Фаулер занял свое место.

— Лорды члены Комиссии, представляющей Его Императорское Величество, собрались. Запишите свои имена и организации. — Он помолчал, чтобы дать им возможность сделать это. — Об этом собрании попросили мошкиты, не объяснив причины. Есть у кого-нибудь замечания или предложения, прежде чем они появятся? Нет? Хорошо. Келли, введите их.

Мошкиты вошли молча и заняли свои места на конце стола. Они выглядели очень чужими — человеческая мимикрия исчезла. На лицах их застыли вечные улыбки, мех был гладким и блестящим.

— Вам слово, — сказал сенатор. — Однако, хочу предупредить, что едва ли мы поверим тому, что вы скажете.

— Лжи больше не будет, — сказала Чарли. Даже

голос ее стал другим: Посредник говорил иначе, не похоже на все голоса мошкитов, которые они слышали до сих пор, но с отчетливым…

Род не сразу понял, в чем дело — не было никакого акцента. Это был почти совершенный, идеальный английский.

— Время лжи прошло. Мой Мастер считал так с самого начала, но Мастер Джок завладел юрисдикцией над переговорами с людьми. Подобно тому, как вы получили юрисдикцию от своего Императора.

— Сторонник борьбы, а? — сказал Фаулер. — Жаль, что мы не встретились с вашим боссом. Сейчас уже немного поздно, не так ли?

— Возможно. Но сейчас я представляю его. Если хотите, можете называть его Король Петр — гардемарины называли его так.

— Что?! — Род вскочил со стула, и тот полетел назад, загремев по полу. — Когда?

— Перед тем, как были убиты Воинами, — сказала Чарли. — Наскакивание на меня не даст вам информации, мой лорд, к тому же их убили Воины не моего Мастера. Тем, кто это сделал, было приказано взять их живыми, но гардемарины не сдались.

Род осторожно вернул на место свой стул и

сел.

— Да, — пробормотал он. — Хорст не мог этого сделать.

— Так же как Уайтбрид и Поттер. Вы можете гордиться ими, лорд Блейн. Их последние минуты прошли в лучших традициях Имперской Службы.

— В голосе чужака не было ни следа иронии.

— И все же, почему вы убили этих мальчиков? — спросила Сэлли. — Род, мне очень жаль… Я… я сожалею об этом.

— Твоей вины здесь нет. Чарли, леди задала вам вопрос.

— Они открыли правду о нас. Спасательные шлюпки доставили их в музей, но не такой, как тот, который мы показали вам. У этого была более серьезная цель. — Чарли говорила низким голосом. Они описали музей, сражение в нем, полет через Мошку-1, начало войны между фракциями и приземление на улицу возле Замка. Закончила она последним сражением.

— Мои собственные Воины проиграли, — сказала она. — Если бы они победили, Король Петр отправил бы гардемаринов назад, к вам. Однако, когда они были уже мертвы, было решено, что лучше попробовать обмануть вас.

— Боже мой, — прошептал Род. — Так это и есть ваша тайна. Мы держали в руках все ключи к разгадке, но…

От стола донеслось чье-то бормотание — священник Харди.

— И какого же дьявола вы рассказали это нам? — спросил сенатор Фаулер. — Чем это может вам помочь?

Чарли пожала плечами.

— Если вы решите уничтожить нас, хотя бы знайте, почему. Я пытаюсь объяснить вам, что Мастера не сдадутся. Король Петр может это сделать, но он не контролирует Мошку-1 и уж тем более цивилизацию астероидов. Кто-то все равно будет сражаться.

— Как я и предсказывал, лорды, — тяжело сказал Кутузов. — люди и корабли, посланные предложить капитуляцию, будут обречены. Возможно, и флот тоже. Если мы войдем в систему Мошки, необходима немедленная атака.

— Ох, ребята, — пробормотал сенатор Фаулер, — я понял ваш план. Вы думаете, мы не сможем приказать начать неспровоцированную атаку и, может быть, не отправим корабли в самоубийственную миссию. Что ж, вы плохо знаете нас, Чарли. Все, чего вы добились, это того, что адми-

рал будет действовать именно так, даже если это будет стоить мне головы. Мне очень жаль, Отец, но это единственный путь, который я вижу.

Голос сенатора разнесся по комнате.

— Адмирал Кутузов, вы будете держать свой флот в готовности, без моего личного одобрения не вступая в контакты ни с кем. Повторяю: ни с кем. Ясно?

— Да, сенатор. — Кутузов поднял коммуникатор к губам. — Михайлова, да. — Он заговорил быстрыми тягучими слогами. — Готово, сенатор.

— Я еще не закончила, — сказала Чарли. — У вас есть и другая альтернатива.

— Какая? — спросил Фаулер.

— Блокада.

МАСТЕРСТВО ИЗМЕНЫ

Они долгое время стояли на балконе номера Рода, слушая слабые звуки ночного города. Человек-В-Капюшоне поднялся уже высоко на небо, и его гибельный красный глаз равнодушно смотрел на них: двоих влюбленных людей, собирающихся послать эскадры кораблей в сам Глаз и держать их там, пока они не исчезнут…

— Она не кажется слишком большой, — пробормотала Сэлли, прижав голову к плечу Рода и чувствуя, как его руки обнимают ее. — Просто желтое пятнышко в Глазе Мурчисона. Род, это сработает?

— Блокада? Конечно. Мы приняли план, предложенный Джеком Каргиллом: эскадра внутри самого глаза будет пользоваться выгодами послепрыжкового шока. Мошкиты не знают об этом, и в лучшем случае их корабли будут неуправляемыми в течение нескольких минут. Если же они попытаются посылать их в Прыжок на автоматике, это будет еще хуже.

Она вздрогнула.

— Это не совсем то, что я имела в виду. Весь этот план… сработает ли он?

— А какой у нас выбор?

— Никакого. И я рада, что ты согласился. Я не смогла бы жить с тобой, если бы… не смогла бы и все!

— Да. — И потому я благодарен мошкитам, предложившим этот план, ведь мы не можем позволить им вырваться. Галактическая чума… Есть только два лекарства против этой болезни: карантин или уничтожение. По крайней мере, у нас был выбор.

— Они… — Сэлли замолчала и посмотрела на него. — Я боюсь говорить тебе об этом, Род. Я не смогу жить сама с собой, если мы сделаем это… если блокада не поможет.

Он ничего не ответил. Откуда-то снизу донесся смех.

— Они могут проскочить мимо этой эскадры в звезде, — сказала Сэлли. Голос ее был идеально спокоен.

— Конечно. И мимо мин, сделанных Сэнди Синклером, тоже. Но куда им идти, Сэлли? Есть только один выход из системы Глаза, они не знают, где он находится, а когда найдут его, их будут ждать военные корабли. И потом, не забывай, что они будут внутри звезды. Возможности избавиться от лишней энергии не будет и потому

вероятны повреждения. Ты не сможешь придумать ничего такого, что бы мы не предусмотрели. Это прочная блокада, иначе я не согласился бы на нее. — Она снова расслабилась и прижалась к его груди. Его руки обняли ее. Так они и стояли, глядя на Человека-В-Капюшоне и его глаз. — Они не должны выйти, — сказал Род.

— Они живут там уже миллион лет… Интересно, какими станем мы через миллион лет? — задумалась она. — Похожими на них? Есть что-то очень важное, чего мы не понимаем в мошкитах. Фатализм, которого я не могу даже представить. После нескольких неудач они могут даже… сдаться.

Он пожал плечами.

— В любом случае мы продолжим блокаду. Потом, лет через пятьдесят, мы войдем туда и посмотрим, как обстоят дела. Если коллапс будет настолько полон, как это предсказала я Чарли, мы примем их в Империю.

— А что потом?

— Не знаю. Нужно будет что-то придумать.

— Да. — Она выскользнула из его объятий и возбужденно повернулась.

— Я знаю! Род, нам нужно реально взглянуть на эту проблему. Мы можем помочь мошкитам.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Я полагаю, что лучшие умы Империи работают над этим.

— Да, но для Империи, а не для мошкитов. Нам нужен… Институт. Что-то, управляемое людьми, которые знают мошкитов, и далекое от политики… И мы можем сделать это. Мы достаточно богаты…

— Что?

— Мы можем потратить половину того, что имеем. — Она промчалась мимо него, выскочила в коридор и бросилась к себе в номер. Род последовал за ней и увидел, что она роется среди множества свадебных подарков, которые покрывали большой стол из розового тика, стоявший в прихожей. Найдя свой карманный компьютер, она удовлетворенно хмыкнула.

«Должен ли я рассердиться сейчас?» — подумал Род. — «Пожалуй я должен радоваться, когда она такая. Надеюсь, у меня будет время научиться этому».

— Мошкиты сами работают над этой проблемой, — напомнил он ей.

Она посмотрела на него с легким раздражением.

— Фу! Они не видят ее так, как мы. Фатализм, помнишь? И потом, у них нет никого, чтобы

заставить их принять решение, к которому они придут. — Она вернулась к своим торопливым заметкам. — Разумеется, нам будет нужен Горовиц. Он говорил, что на Спарте есть подходящие люди — нужно будет послать за ними. Кроме того, доктор Харди.

Он смотрел на нее со страхом и удивлением.

— Когда тебе нужно идти, ты идешь. — И лучше идти с тобой, если я хочу иметь тебя всю жизнь. Интересно, на что похожа жизнь с ураганом?

— Если тебе нужен Отец Харди, он у тебя будет. Кардинал назначил его на проблему мошкитов и, думаю, у Его Преосвященства есть в запасе кое-что еще. Харди давно уже должен быть епископом, но у него нет права на митру. Не думаю, чтобы сейчас у него был большой выбор. Первый папский делегат к чужой расе, или что-то вроде этого.

— Значит, в правлении будем мы с тобой, доктор Хорват, Отец Харди и… Иван.

— Иван?

— А почему бы и нет? И пока мы делаем это, мы должны делать это правильно. Нам нужен хороший исполнительный директор. Сэлли нельзя использовать, как администратора, а у меня нет времени. Может, Хорват?

— Сэлли, ты представляешь, против чего мы выступаем? Чего стоит одна биологическая проблема: как превратить женщину в мужчину без беременности или стерильности? Но даже если мы найдем способ, как заставить мошкитов пользоваться им?

Она почти не слушала его.

— Мы найдем способ. Мы достаточно хороши в управлении…

— Мы с трудом управляем империей людей!

— Но ведь управляем, не так ли? Хотя бы кое-как. — Она отодвинула в сторону кипу разноцветных свертков, чтобы освободить побольше места. Какая-то большая коробка едва не упала, и Род подхватил ее, пока Сэлли продолжала писать, вводя данные в банк памяти компьютера. — Как мне выйти на раздел ученые империи? — спросила она. — На Мейджи есть крупный специалист в генной инженерии, а я не могу вспомнить его имя…

Род тяжело вздохнул.

— Я найду его для тебя. Но с одним условием.

— Каким? — Сэлли с любопытством взглянула на него.

— Ты займешься этим на следующей неделе, потому что если ты возьмешь свой компьютер

в свадебное путешествие, я брошу эту чертову штуковину в масс-конвертор!

Она рассмеялась, но Род вовсе не чувствовал себя уверенным. Ну, ничего. Компьютеры не слишком дороги. Он может купить ей новый, когда они вернуться обратно. В самом деле, может, ему придется иметь дело с Бари: им потребуется множество вещей, если они решат обзавестись семейством…

Гораций Бари шел по Дворцу за звездным пехотинцем, демонстративно игнорируя тех, что следовали за ним по пятам. Его лицо было спокойно, и только близкое изучение его глаз могло выявить отчаяние, сверлившее его.

На все воля Аллаха, вздохнул он и удивился, что его больше не возмущает эта мысль. Возможно, есть своя прелесть и в повиновении. Впрочем, это мало утешало его. Звездные пехотинцы перевезли его слугу и весь его багаж вниз, а затем отделили его от Набила. Но прежде чем это было сделано, Набил прошептал ему, что признание Джонаса Стоуна дошло до Дворца.

Стоун был еще на Нью-Чикаго, но что бы он не сказал Военной Разведке, это было достаточно важно, чтобы послать курьерский корабль. Информатор Набила не знал, о чем говорил

предводитель мятежников, но Бари это было известно, как будто он уже прочел кодовые ленты. Послание должно быть коротким, но содержать смертный приговор Горацию Бари.

Итак, это конец всего. Против изменников Империя действует быстро: несколько дней или недель, не больше. Возможностей для побега не было. Звездные пехотинцы были вежливы, но очень бдительны. Они были предупреждены, и их было много, слишком много. Один мог бы принять взятку, но не тогда, когда на него смотрят товарищи.

На все воля Аллаха. И все-таки жаль. Если бы я не был так обеспокоен чужаками, если бы не занимался работой с торговцами, то давно уже мог бы бежать. Левант велик… Но мне пришлось бы покинуть Новую Шотландию, а именно здесь принимаются решения. И какой смысл бежать, если чужаки могут уничтожить всех нас?

Сержант звездной пехоты довел его до конференц-зала и держал дверь открытой, пока Бари не вошел вовнутрь. Затем, что было просто невероятно, охрана ушла. В комнате кроме Бари находилось всего два человека.

— Доброе утро, лорд, — сказал Бари Роду Блейну. Голос его звучал ровно и спокойно, хотя во рту пе-

ресохло, а когда он поклонился другому человеку, то в горле появился какой-то резкий привкус. — Я не был представлен сенатору Фаулеру, но, конечно, его лицо известно всем в Империи. Доброе утро, сенатор.

Фаулер кивнул, не вставая со своего места за большим столом.

— Доброе утро, ваше превосходительство. Садитесь. — Он указал на место напротив себя.

— Спасибо. — Бари занял указанное кресло и удивился еще больше, когда Блейн принес кофе. Бари осторожно понюхал его и убедился, что это та самая смесь, которую он послал шеф-повару Дворца для Блейна.

Во имя аллаха! Они играют со мной, но каков конец будет у этой игры? Он почувствовал смесь гнева со страхом, но по прежнему никакой надежды. И остановил дикий булькающий смех, зародившийся в его горле.

— Нам только что стало кое-что известно, ваше превосходительство,

— сказал Фаулер. Он сделал знак, и Блейн включил стенной экран. Грузные черты Джонаса Стоуна появились на нем. Лоб и скулы его покрывал пот, а голос Стоуна то гудел, то звучал умоляюще.

Бари бесстрастно слушал, губы его презрительно кривились. Сомнений не было: теперь у Флота имелось больше чем достаточно доказательств, чтобы казнить его, как изменника. И все-таки улыбка не исчезла с лица Бари. Он не доставит им удовлетворения. Он не будет умолять.

Наконец, лента кончилась. Фаулер снова махнул рукой, и изображение вождя мятежников исчезло.

— Об этом знаем только мы трое, ваше превосходительство, — осторожно сказал Фаулер.

Только мы… Чего они хотят? Может, все-таки есть надежда?

— Не думаю, чтобы это требовало обсуждения, — продолжал сенатор. — Давайте, лучше поговорим о мошкитах.

— О! — сказал Бари. Крошечный звук кольнул его горло. Хотите ли вы заключить сделку или просто напоследок посмеяться над моими страхами? Прежде чем заговорить, он глотнул кофе, чтобы смочить язык. — Уверен, сенатору известна моя точка зрения. Я считаю мошкитов величайшей угрозой, с которой когда-либо сталкивалось человечество. — Он посмотрел на двух людей напротив, но на лицах их невозможно было ничего прочесть.

— Мы согласны, — сказал Блейн.

Пока в глазах Бари разгоралась искра надежды, Фаулер быстро добавил:

— Это не подлежит сомнению. Они находятся в постоянном состоянии демографического взрыва, за которым следует всеобщая война. Если они вырвутся из своей системы… Бари, у них есть разновидность солдат, которые заставят покраснеть от стыда зауронских суперменов. Черт побери, вы же видели их.

Блейн дал сигнал своему карманному компьютеру, и появилось другое изображение: скульптура машины времени.

— Это? Но мой мошкит говорил мне… — Бари замолчал, потом рассмеялся, как человек, которому больше нечего терять. Мой мошкит.

— Вот именно, — слабо улыбнулся сенатор. — Не могу сказать, что можно верить вашему мошкиту. Бари, даже если широко распространятся только малыши, мы можем потерять все миры. Они размножаются как бактерии. Это просто не с чем сравнивать. Впрочем, вы знаете.

— Да. — Бари с трудом взял себя в руки. Лицо его было спокойно, но перед мысленным взглядом сверкали множество крошечных глаз. И ведь я сам почти вынес их наружу! Хвала и слава

Аллаху!

— Черт побери, перестаньте трястись, — приказал Фаулер.

— Прошу прощения. Вы несомненно слышали о моей встрече с малышами.

— Он взглянул на Блейна и позавидовал его внешнему спокойствию. Малыши должны были быть не менее неприятны капитану «Мак-Артуру». — Я рад слышать, что Империя поняла опасность.

— Да. Мы устраиваем блокаду мошкитов. Закупорим их в их собственной системе.

— А не лучше ли уничтожить их, пока это возможно? — тихо спросил Бари. Его голос был спокоен, но темные глаза горели.

— Как?

Бари кивнул. — Конечно, возникнут политические осложнения. Но я могу найти людей для такой экспедиции на Мошку-1 и, получив нужные приказы…

Фаулер махнул рукой.

— Если потребуется, я могу отправить своих собственных агентов.

— Мои будут значительно менее ценными, — Бари посмотрел на Блейна.

— Да. — Фаулер сделал паузу, и Блейн заметно

напрягся. Затем сенатор продолжал: — Лучше это или хуже, но мы решились на блокаду. Правительство слишком боится обвинения в ксеноциде. Кроме того, я не знаю, устроит ли меня идея неспровоцированного нападения на разумных существ. Мы будем делать, как решили.

— Но угроза! — Бари наклонился вперед, не пытаясь скрыть фанатичного блеска в глазах. Он знал, что близок к безумию, но это его больше не заботило. — Вы думаете, что загнали джина обратно, если пробка вставлена в бутылку? А если следующее поколение будет смотреть на мошкитов иначе? Если они вновь выпустят джина на свободу? Представьте себе тучи их кораблей, обрушившихся на Империю, каждый под командой существа, подобного этому и думающего, как адмирал Кутузов! Специализированные Воины, превосходящие зауронских «мертвоголовых». И вы позволите им жить? Я говорю, что они должны быть уничтожены…

Нет! Их не убедить так просто… Он постарался расслабиться.

— Я вижу, что вы приняли решение. Чем я могу вам помочь? — Вообще, что вы хотите от меня?

— Думаю, вы уже помогли, — сказал Блейн, поднял свою чашку и отхлебнул кофе. — И спасибо

вам за подарок.

— Блокада — это самая дорогая военная операция, — буркнул Фаулер.

— И никогда не бывшая популярной.

— А-а… — Бари почувствовал, что напряжение его уходит. Они держали его жизнь в руках, но он был им нужен. Возможно, ему удастся сохранить гораздо больше, чем жизнь. — Вас беспокоит Имперская Торговая Ассоциация.

— Вот именно.

Огромное облегчение… За это я воздвигну мечеть. Кто знает, может Аллах все-таки существует. Тот булькающий смех все еще был в его горле, и Бари знал, что если начнет смеяться, то остановиться не сможет. — Я уже указал своим коллегам на всю невыгодность неограниченной торговли с мошкитами. По-моему, я добился кое-какого успеха, хотя слишком многие торговцы похожи на соседа, который последовал за Аладдином в волшебную пещеру. Несметное богатство сверкает гораздо ярче, чем опасности.

— Да, это так. Но сможете ли вы удержать их? Найти тех, кто собирается саботировать наши решения и спутать их планы?

Бари пожал плечами.

— Мне потребуется помощь. Это будет дорого

стоить. Полагаю, придется использовать секретные фонды…

Фаулер зло усмехнулся.

— Род, что там еще говорил Стоун? Что-то о…

— Вовсе не обязательно вытаскивать на верх бред этого человека, — запротестовал Бари. — Надеюсь, я достаточно богат. — Он пожал плечами: что у него останется, когда дело будет сделано? Фаулера не тревожит, что Бари может разориться. — Но может оказаться, что потребуются ресурсы, превосходящие мои…

— Мы это обсудим, — сказал Фаулер. — Например, блокада должна поглотить массу ресурсов Меррилла, которые он предполагал пустить на объединение Трансугольного Сектора. Мне представляется, что умный торговец мог бы завести несколько контактов с мятежниками. Может, даже убедить их принять нашу точку зрения. Конечно, я не знаю, как это можно сделать.

— Понимаю.

Фаулер кивнул.

— Надеюсь. Род, возьмите, пожалуйста, эту ленту и уберите ее в надежное место. Думаю, она нам больше не понадобится.

— Да, сэр. — Род дал команду своему карманному компьютеру. Машина загудела, знаменуя

новый период в жизни Горация Бари.

Возможности уклониться не будет, подумал Бари. Фаулер примет только результаты, а не извинения, и моя жизнь будет ставкой в этой игре. Должно быть, нелегко быть политическим агентом этого человека. А какой у меня выбор? На Леванте я могу только в страхе ждать, а здесь по крайней мере буду знать, как идут дела с мошкитами… а может, даже изменю их политику.

— И еще одно, — сказал сенатор. Он сделал знак, и Род открыл дверь кабинета. Вошел Кевин Реннер.

Все они впервые видели парусного мастера в гражданской одежде. Реннер выбрал яркие брюки и еще более яркую тунику. Его шарф был из какого-то похожего на шелк материала, который выглядел натуральным, но вероятно был синтетическим. Мягкие ботинки, драгоценности… — короче говоря, он выглядел как большинство преуспевающих торговых капитанов. Торговец и капитан удивленно уставились друг на друга.

— Да, сэр? — спросил Реннер.

— Несколько рановато, не так ли, Кевин? — Заметил Род. — Ваша отставка с сегодняшнего дня не действительна.

Реннер ухмыльнулся.

— Не думаю, сэр, что могу согласиться с этим. Даже уверен в этом. Доброе утро, ваше превосходительство.

— Я вижу, вы знакомы с торговцем Бари, — сказал Фаулер. — Это хорошо, поскольку отныне вы будете часто видеть друг друга.

— Что? — насторожился Реннер.

— Сенатор имеет в виду, — объяснил Род, — что хочет просить вас об одолжении. Кевин, вы помните условия вашего служебного контракта?

— Конечно.

— Четыре года или продолжительность Критического Положения Первого Класса, или продолжительность внешней войны, — сказал Род. — Так вот, сенатор объявил ситуацию с мошкитами Критическим Положением Первого Класса.

— Минуточку! — воскликнул Реннер. — Вы не можете сделать этого со мной!

— Могу, — сказал Фаулер.

Реннер упал в кресло.

— О, мой Бог!

— Широко об этом еще не объявлено, — сказал сенатор Фаулер. — Мы не хотим никакой паники. Но вы официально извещены. — Фаулер прервался, чтобы сделать глоток. — Конечно, у вас есть

альтернатива.

— Спасибо.

— Резко, не так ли? — сказал Род, улыбаясь. Реннер ненавидел его.

— Вы сделаете для нас очень большую работу, Реннер, — сказал Фаулер. — Империя будет вам благодарна. Я буду благодарен. Вы знаете, я привез с собой чистые бланки Имперских патентов… Как вам понравится встретить следующий День Рождения бароном?

— О, нет! Это не для меня! Это отнимет от меня все время!

— Но конечно, вы найдете привилегии приятными, — сказал Род.

— Проклятье! Нет, сэр, вам не сделать из Кевина Реннера аристократа! Слишком много еще нужно изучить во вселенной! У меня нет времени для всей этой работы…

— Это может нарушить вашу беззаботную жизнь, — сказал сенатор Фаулер. — Во всяком случае, будет масса разнообразия: зависть и все такое… Но вы слишком полезны, мистер Реннер, и это Критическое Положение Первого Класса…

— Но… но…

— Капитан гражданского корабля, — сказал Фаулер, — в рыцарском звании и понимающий

проблему мошкитов. Да, вы именно тот, кто нам нужен.

— Нет у меня никакого рыцарского звания.

— Значит, будет. Это неизбежно. Мистер Бари требует, чтобы его личный пилот имел по крайней мере Св. Михаила или Св. Георгия. Не так ли, ваше превосходительство?

Бари вздрогнул. Было неизбежно, что Империя назначит человека следить за ним, причем человека, который сможет говорить с торговыми капитанами. Но этот арлекин? Борода Пророка, этот человек невыносим! По крайней мере, это интеллигентный арлекин. Может, он даже окажется полезен. — Я думаю, сэр Кевин — отличная кандидатура для пилота моего корабля, — спокойно сказал Бари. В голосе его был всего лишь намек на отвращение. — Добро пожаловать в Империал Автонетикс, сэр Кевин.

— Но… — Реннер оглядел комнату в поисках помощи, но ее не было. Род Блейн держал в руках какую-то бумагу… что это может быть? Конечно, отставка! Пока Реннер смотрел, Блейн разорвал документ на куски.

— Черт возьми, хорошо! — Ждать милость было бесполезно. — Но как гражданский человек!

— О, конечно, — согласился Фаулер. — Вы по-

лучите полномочия от Военной Разведки, но это не для показа.

— О, пуп Господа! — Эта фраза заставила Бари вздрогнуть. Реннер усмехнулся. — В чем дело, ваше превосходительство? Разве у бога нет пупа?

— Я предсказываю интересные времена, — медленно сказал Бари. — Для нас обоих.

А МОЖЕТ, ЛОШАДЬ ЗАПОЕТ

Яркий солнечный свет освещал крышу Дворца. Пушистые, невероятно белые облака неслись по небу, но на посадочной площадке дул всего лишь слабый ветерок. Солнце светило тепло и приятно.

Адмирал и два капитана стояли у люка посадочной шлюпки, глядя на маленькую группу гражданских, троих чужаков в выпуклых черных очках и четырех вооруженных звездных пехотинцев. Демонстративно не замечая мошкитов и их эскорт, адмирал поклонился гражданским.

— Простите, леди, и вы, лорд, что эти назначения не позволят мне присутствовать на свадьбе. Сожалею, что вынужден забрать ваших друзей так скоро. — Он указал на двух капитанов и поклонился еще раз. — Теперь я оставлю вас, чтобы вы могли попрощаться.

— Удачи вам, адмирал, — тихо сказал Род.

— Спасибо, мой лорд, — ответил Кутузов. Он повернулся и вошел в шлюпку.

— Я никогда не пойму этого человека, — сказала Сэлли.

— Вы правы, — заметила Джок.

Сэлли удивленно посмотрела на чужака, затем повернулась к офицерам и протянула руку.

— Удачи вам, Джек. И вам, Сэнди.

— Вам тоже, Сэлли. — Каргилл искоса глянул на нашивки на рукаве. Четыре кольца, означавшие должность капитана, были яркими и новыми. — Спасибо, что дали мне корабль, Род. Я думал, что навсегда останусь в Оперативном Отделе.

— Спасибо адмиралу, — ответил Род. — Я рекомендовал вас, но решал он. Сэнди единственный, кому придется попотеть. Он будет на флагманском корабле.

Синклер пожал плечами.

— Как инженер Флота, я надеюсь проводить время на других кораблях,

— сказал он. — Лучший наблюдательный пункт для разработки новых хитростей будет находиться внутри Глаза. Поэтому я буду с этим англичанином, а это не так уж плохо. Сомневаюсь, чтобы от этого его корабль рассыпался.

Каргилл проигнорировал его.

— Сожалею, что пропущу свадьбу, Сэлли. Впрочем, пользуясь правом приглашенного, хочу кое-что сказать. — Он наклонился и коснулся губами покрасневшей щеки Сэлли. — Если устанете от него, на флоте есть и другие капитаны.

— Точно, — подтвердил Синклер. — И мои полномочия подписаны на две минуты раньше, чем Каргилла. Не забывай этого, Джек.

— Как можно! Но и ты помни, что «Паттон» — мой корабль. Лучше нам держаться порознь, шкипер. До свидания, Джок. Чарли. — Каргилл заколебался, затем неуклюже отсалютовал.

— Прощайте, — ответила Чарли. Иван защебетал и Джок добавила: — Посол желает вам удачи.

— Надеюсь, он подразумевает именно это, — сказал Каргилл.

— Конечно, мы подразумевали именно это, — сказала Чарли. — Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя в безопасности.

Каргилл с задумчивым видом повернулся и поднялся на борт шлюпки. Синклер последовал за ним, и рядовые закрыли люк. Двигатели загудели, и люди с мошкитами отошли в укрытие. Молча смотрели они, как шлюпка снялась с крыши и исчезла в ярком небе.

— Это сработает, — сказала Джок.

— Вы читаете мысли, не так ли? — спросил Род, глядя в небо, но там не было видно ничего, кроме облаков.

— Конечно, это должно сработать, — сказала Сэлли. Голос ее звучал выразительно.

— Я думаю, что наконец поняла людей, — сказала ей Чарли. — Вы читали когда-нибудь вашу древнюю историю?

Род и Сэлли непонимающе уставились на мошкиту.

— Нет.

— Доктор Харди показывал нам некоторые выдержки, — сказала Чарли, ожидая, пока придет лифт. Двое звездных пехотинцев вошли туда, а когда люди и мошкиты были уже внутри, вошли остальные. Чарли продолжала свой рассказ, словно вооруженной охраны здесь не было. — Один из ваших древних писателей, историк по имени Геродот, рассказывает о некоем воре, которого должны были казнить. Он заключил сделку с императором: в течение года он обязался научить любимую лошадь императора петь гимны.

— Да? — сказала Сэлли, озабоченно глядя на Чарли. Она выглядела достаточно спокойно, но доктор Харди говорил, что тревожится за чужаков…

— Другие узники смотрели, как вор распевает для лошади, и смеялись

над ним. «Ты ничего не добьешься,» — сказали они ему. — «Этого не может сделать никто». На это вор ответил: «У меня есть год, а кто знает, что

случиться за это время. Может, император умрет, может, умрет лошадь или я. А может, лошадь научится петь».

Раздался вежливый смех.

— Я рассказала это не очень хорошо, — сказала Чарли. — Не подумайте, что я пытаюсь острить. Эта история помогла мне понять, на сколько иные вы, люди.

Воцарилось смущенное молчание. Когда лифт остановился, Джок спросила:

— Как ваш институт?

— Чудесно. Мы уже послали за несколькими главами отделов. — Она смущенно засмеялась. — Я должна работать быстро: Род не разрешит мне думать об Институте после свадьбы. Вы придете, не так ли?

Посредники одновременно пожали плечами и посмотрели на звездных пехотинцев.

— Мы будем очень рады, если вы позволите нам присутствовать, — сказала Джок. — Но у нас нет подарка для вас. Здесь нет Коричневого, чтобы сделать его.

— Обойдемся без него, — сказал Род.

Дверь лифта открылась, но они ждали, пока звездные пехотинцы осмотрят коридор.

— Спасибо, что разрешили мне встретиться с ад-

миралом Кутузовым, — сказала Джок. — Я хотела поговорить с ним с тех пор, как наш посольский корабль остановился рядом с «Мак-Артуром».

Род удивленно посмотрел на чужаков. Разговор Джок с Кутузовым был очень короток и одним из самых важных вопросов, заданные мошкитой, был: — Любите ли вы чай с лимоном?

Они чертовски цивилизованы и милы, и потому будут вынуждены несколько лет жить под охраной, пока Отдел Информации будет поносить их и их расу. Мы даже наняли писателя — создать сценарий пьесы о последних часах жизни моих гардемаринов.

— Это было слишком мало, — сказал Род. — Мы…

— Да, вы не можете отпустить нас домой. — Голос Чарли изменился, став голосом молодого новошотландца. — Мы знаем о людях слишком много, чтобы быть в безопасности. — Она сделала жест звездным пехотинцам.

Двое из них вышли в холл, и мошкиты последовали за ними. Остальные охранники шли сзади, и процессия двигалась по коридору, пока не достигла жилища мошкитов. Дверь лифта мягко закрылась.

ЭПИЛОГ

«Вызывающий» почти неподвижно висел в пространстве у внешнего края системы Мурчисона. Остальные корабли группировались вокруг него в боевом строю, а справа находился «Ленин», похожий на раздувшееся черное яйцо. По меньшей мере половина основного флота была в постоянной готовности, а другие корабли ждали где-то внизу, в красном аду Глаза. «Вызывающий» только что закончил путешествие вместе с Эскадрой Безумного Эдди.

Этот термин стал почти официальным. Вообще, люди старались использовать много терминов мошкитов. Например, когда человек выигрывал в покер, он обычно восклицал: «Финч'клик'!» «Но при этом,» — подумал капитан Герб Колвин, — «большинство из нас никогда не видели мошкитов. Мы видим только их корабли: мишени, беспомощные после перехода».

Несколько их появилось из Глаза, но все они были так сильно повреждены, что едва ли годились для космического перелета. Всегда было достаточно времени, чтобы предупредить корабли,

находившиеся снаружи, что очередной мошкит на подходе — если Глаз не убивал их до этого.

Последние несколько кораблей появились из точки Безумного Эдди с начальной скоростью в тысячу километров в секунду. Каким образом мошкиты находили точку Прыжка при таких скоростях? Корабли внутри глаза не смогли перехватить их. Впрочем, это и не требовалось, ведь экипажи мошкитов были беспомощны после Прыжка и не могли затормозить. Черные шары кораблей поднимались вверх и каждый раз взрывались. Если мошкиты использовали свое уникальное расширяющее поле, они взрывались скорее, с большей скоростью поглощая тепло из желтой фотосферы.

Герб Колвин составил очередной рапорт о технологии мошкитов. Большинство из них он писал сам и всегда указывал на ничтожные шансы мошкитов. Они не могли устоять против кораблей с Олдерсон Драйв, кораблей, ждущих их, еще не подозревающих о послепрыжковой дезориентации. Ему было почти жалко мошкитов.

Колвин достал бутылку из шкафчика на переборке своей патрульной кабины и искусно налил из нее, несмотря на кориолисово ускорение. Взяв стакан, он дошел до кресла и уселся в него. На

столе лежал пакет с почтой. Самое свежее письмо от жены было уже вскрыто, так что он мог быть уверен — плохих новостей из дома нет. Теперь можно было читать письма по порядку. Колвин поднес стакан к фотографии Грейс, стоявшей на столе.

Она мало слышала о положении на Нью-Чикаго, но судя по последнему письму сестры, там все было хорошо. Почтовая служба Новой Шотландии была медленной. Дом, который она подыскала, находился вне защитной системы, но она не тревожилась, поскольку Колвин заверил ее, что мошкиты не смогут прорваться. Она взяла его в аренду на все три года, что они проведут здесь.

Герб согласно кивнул — это сбережет деньги. Три года этой блокады, а потом домой, где он будет Коммодором Флота Нью-Чикаго. На «Вызывающий» поставят новый двигатель Олдерсона, и он станет флагманом. Несколько лет обслуживания блокады были малой ценой за уступки, на которые шла Империя.

«И все это сделали мошкиты», — подумал Колвин. — «Без них мы бы еще сражались. Имелись еще миры вне Империи и всегда должны быть, но в Трансугольном Секторе объединение проходило спокойно и было больше мордобития, нежели

сражений. И все это сделали для нас мошкиты».

На глаза Гербу Колвину попалось имя: лорд Родерик Блейн, представитель Имперской Чрезвычайной Комиссии. Колвин глянул на переборку и увидел знакомое пятно пластыря, поставленного после сражения с «Мак-Артуром». Это сделала призовая команда Блейна, задав нам немало работы. Он знающий человек, неохотно признал Колвин, но наследственность — не лучший способ выбирать предводителя. Мятежная демократия Нью-Чикаго тоже действовала не слишком хорошо. Он снова вернулся к письму Грейс.

У лорда Блейна появился второй наследник, а Грейс помогала в Институте, основанном Леди Блейн. Она часто говорила с Леди Сэлли и даже была приглашена в их поместье взглянуть на детей…

Письмо продолжалось, и Колвин покорно читал его. Неужели ей никогда не надоест рассуждать об аристократии? Мы никогда не сойдемся в политике, подумал он и ласково посмотрел на ее снимок. Боже мой, я теряю тебя…

По кораблю пронесся звон колоколов, и Герб сунул письмо в стол. Нужно было заниматься работой: завтра командор Каргилл прибудет на борт

для осмотра. Герб в предвкушении потер руки. На этот раз он покажет Империи, каким должен быть корабль. Победитель смотра получит дополнительное время к очередному отпуску, и он хотел заполучить его для своей команды.

Когда он встал, в иллюминаторе мелькнуло маленькое желто-белое пятно. Однажды мы войдем туда, подумал Герб. Со всеми талантами Империи, работающими над этой проблемой, мы найдем способ управлять мошкитами.

И как мы тогда будем называть себя? Империя Человека и Мошкитов? Он усмехнулся и отправился осматривать свой корабль.

Блейн Минор было большим поместьем, и деревья в саду защищали их глаза от яркого солнца. Их комнаты были очень удобны, и Посредники начали привыкать даже к присутствию звездных пехотинцев. Иван, как обычно, относился к ним, как к своим собственным Воинам.

У них была работа. Они ежедневно встречались с учеными Института, и Посредниками при этом служили дети Блейна. Старший мог говорить несколько слов на Языке и читал жесты так же хорошо, как молодой Мастер.

Они жили с удобствами, но все-таки это было заключение, и по ночам они смотрели на ярко-

красный Глаз и его крошечную Мошку. Угольный Мешок висел высоко в ночном небе, похожий на Мастера в капюшоне, закрывшего один глаз.

— Я боюсь, — сказала Джок, — за мою семью, мою цивилизацию, мои виды и мой мир.

— Хорошо думать большими мыслями, — сказала Чарли. — Почему же вы растрачиваете свои способности на мелкие? Смотрите… — Ее голос и поза изменились — она заговорила о серьезных вещах. — Мы сделали, что могли. Этот Институт Сэлли — обычное фиаско, но мы продолжаем сотрудничать, показывая, насколько мы дружелюбны, безвредны и искренни. Тем временем блокада действует и будет действовать всегда. В ней нет ни одного отверстия.

— Есть, — сказала Джок. — Похоже, ни один человек не подумал о том, что Мастера могут достичь Империи через обычное пространство.

— В ней нет отверстий, — повторила Чарли, выразительно сложив руки. — Ни одной бреши до очередного коллапса. Проклятье! Кто сможет построить другой зонд Безумного Эдди, прежде чем начнется голод? И куда они могут послать его? Сюда, к этому флоту? — Она выразила презрение. — Или в Угольный Мешок, к сердцу Империи? Вы думаете, запускающие лазеры

достаточно мощны, чтобы преодолеть пыль Угольного мешка? Нет. Мы сделали, что могли, и Циклы начнутся снова.

— Тогда как нам предупредить их? — Правые руки Джок были изогнуты, левая вытянута и открыта: готовность к нападению и риторическая безжалостность. — Может, они безуспешно пытаются постичь эту блокаду? Напрасные усилия, которые ускорят коллапс. Начнется длительный период, когда Империя может почти забыть о нашем существовании.

— Возникнут новые технологии, воинственные, как все развивающиеся технологии. Они должны знать о человечестве. Может даже, им удастся сохранить или заново изобрести Поле. Когда они достигнут вершины своей мощи, они выведут Воинов и двинутся вперед, завоевывая все: Мошку-1, астероиды, весь космос. И Империю.

Чарли искоса взглянула на Мастера. Иван бесстрастно лежал, слушая щебет посредников, как часто делали Мастера, и невозможно было понять, о чем он думает.

— Завоевание, — сказала Джок. — Но чем большего прогресса они достигнут по сравнению с Империей, тем более окончательным будет ее ответ. Они многочисленны. При всех их разговорах

об ограничении популяции, сами они многочисленны. Они заперли нас в бутылке, ожидая пока мы слишком размножимся и произведем коллапс. А с очередным коллапсом — уничтожение!

Колени Чарли были прижаты к животу, правые руки — к груди, а левая защищала голову. Новорожденный, родившийся в этом жестоком мире. Голос ее звучал глухо.

— Если у вас ест лучшие идеи, можете развивать их.

— Нет. У меня нет лучших идей.

— Мы выиграли время — сотни лет времени. Сэлли и ее глупый Институт имеют сотни лет для изучения проблемы, которую мы поставили перед людьми. Кто знает, может лошадь научится петь гимны.

— Вы уверены в этом?

Чарли взглянула на изгиб ее руки.

— При таких шансах? Конечно!

— Безумный Эдди!

— Да. Решение Безумного Эдди. А что еще осталось? Так или иначе, а Циклам конец. Безумный Эдди выиграл свою внутреннюю войну против Циклов.

Джок взглянула на Ивана и увидела, что тот пожал плечами. Чарли стала Безумным Эдди.

Впрочем, это мало значило теперь, к тому же это было милое и безобидное безумие — эта вера, что на все вопросы есть ответы, и ничто не лежит за пределами досягаемости сильной левой руки.

Эти люди никогда не узнают результата: им не известно, что они должны найти, а их дети растут, зная мошкитов не только по легендам. И лишь два семейства из многих не питают ненависти к мошкитам.

Если кто-то и может научить лошадь петь гимны, то только Посредник.